МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. М. В. Ломоносова

Филологический факультет

В. П. Завьялова

КАЛЛИМАХ И ЕГО ГИМНЫ

Дорогому Саше
с искренней симпа-
тией на добрую па-
мять.
В. Завьялова
ГПК 27. II. 2010

Греко-латинский кабинет
Ю. А. Шичалина

Москва
2009

УДК 821.14'020КАЛЛИМАХ
ББК 83.3(0)3
З-13

Издание подготовлено при финансовой поддержке
Филологического факультета
Московского государственного университета
имени М. В. Ломоносова

Научный редактор Д. Д. Никитинский

В. П. Завьялова

З-13 Каллимах и его гимны. – М.: Греко-латинский кабинет® Ю. А. Шичалина, 2009. – 552 с.
ISBN 978-5-87245-141-9

Публикуемая книга является первой монографией на русском языке, посвящённой знаменитейшему поэту эпохи эллинизма Каллимаху (III в. до н. э.). В книге даётся наиболее полный очерк жизни и творчества поэта, исследуется самый известный, дошедший до нас, цикл его произведений – гимны.

Впервые в России тексты гимнов публикуются по-гречески, а также приводится самый подробный к ним комментарий. В приложении приводится прозаический перевод всех гимнов Ивана Ивановича Мартынова, являющийся замечательным памятником пушкинского времени.

Книга адресована филологам, историкам разных специальностей, а также широкому кругу читателей.

© В. П. Завьялова, 2009
© Греко-латинский кабинет®
Ю. А. Шичалина

ISBN 978-5-87245-141-9

СОДЕРЖАНИЕ

Введение 7

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая. Жизненный путь Каллимаха

1. Кирена 31
2. Александрия 44
3. Элевсин 61
4. Александрийская библиотека 84

Глава вторая. Литературное творчество Каллимаха

1. Художественно-эстетические принципы александрийской поэзии 113
2. Произведения Каллимаха, дошедшие во фрагментах 152
   2.1. Причины 152
   2.2. Гекала 174
   2.3. Ямбы 180
   2.4. Мелика 183
   2.5. Эпиграммы 185

Глава третья. Гимны Каллимаха

1. Гимн как жанр 195
2. Гимны Каллимаха 218
3. Поэтический язык гимнов Каллимаха 237

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Ямбическая эпиграмма, предварявшая гимны в рукописной традиции 257

I. Гимн «К Зевсу» 259
   Предисловие 259
   Краткое содержание гимна 265
   Комментарии 268
II. Гимн «К Аполлону» 289
   Предисловие 289
   Краткое содержание гимна 296
   Комментарии 299
III. Гимн «К Артемиде» 335
   Предисловие 335
   Краткое содержание гимна 350
   Комментарии 357

IV. Гимн «К Делосу» 385
Предисловие 385
Краткое содержание гимна 391
Комментарии 400
V. Гимн «На омовение Паллады» 449
Предисловие 449
Краткое содержание гимна 456
Комментарии 460
VI. Гимн «К Деметре» 483
Предисловие 483
Краткое содержание гимна 493
Комментарии 497

Приложение. Переводы гимнов 523

К Зевсу 523
К Аполлону 525
К Артемиде 528
К острову Делосу 533
На омовение Паллады 540
К Деметре 542

Список сокращений 546

Иллюстрации 547

ВВЕДЕНИЕ

Каллимах — самый известный и значительный поэт эпохи первых Птолемеев. Расцвет его поэтической и научной деятельности совпадает со временем правления Птолемея II Филадельфа (283–247/246 гг. до н. э.). Он глава александрийской поэтической школы, первый poeta doctus, чье трудолюбие и эрудиция удивляли современников и потомков. В историю литературы вошел как реформатор и создатель новой концепции литературного творчества. Уже в новое время, суммируя все, что нам известно о Каллимахе, наиболее проницательный исследователь творчества поэта Ульрих фон Виламовиц-Меллендорф[1] называл Каллимаха «совершенным воплощением эллинистического духа».

Поэзия Каллимаха стала эталоном изящества и утонченности, его новаторская поэтика определила развитие поэзии на многие века вперед, обладая импульсами, действовавшими далеко за пределами эпохи эллинизма. Его имя и произведения в последующей литературной традиции упоминаются почти так же часто, как Гомер и его поэмы. Широко известно влияние Каллимаха на эллинистическо-римскую риторику и литературу, его ведущую роль в разработке поэзии «малых форм».

В Риме его переводил Катулл (Catull. 65, 15–16; 116, 1–2; пер. С. Шервинского):

> ...тебе я, Ортал, стихи посылаю, —
> Их перевел для тебя, а сочинил Баттиад.
>
> Долго я формы искал, как ищет охотник, прилежно,
> Чтоб Баттиада стихи мог я тебе поднести.

Проперций называл себя «римским Каллимахом» (Prop. 4, 1, 64), в поисках новых путей для элегической поэзии образцом считал творчество великого александрийца (Prop. 3, 1, 1; пер. А. И. Любжина)[2]:

1. U. Wilamowitz-Moellendorff von. Hellenistische Dichtung in der Zeit des Kallimachos. 2 verarb. Aufl. Berlin, 1924. S. 170.

2. Ср. также: Prop. 2, 1, 39; 2, 34, 32; 3, 9, 43.

Каллимаховы Маны...
Молю вас, позвольте мне войти в вашу рощу!

Его переводил и учился у него поэтическому искусству Овидий (Ovid., I, 15, 13–14; пер. С. Шервинского)[3]:

Будет весь мир прославлять постоянно Баттова сына.
Не дарованьем своим, так мастерством он велик.

В таланте и славе с ним хотели бы поспорить Гораций и Вергилий (Horat. II, 2, 91; пер. Н. С. Гинцбурга)[4], (Verg. Catalept. IX, 61–64; пер. С. Ошерова):

Песни слагаю вот я, он — элегии: дива достойны
Наши творенья чеканкой всех Муз девяти.

Если стремиться к хвале из безвестности, если Кирены,
Если латинским стихом греческих высей достичь
Мог я, исполнились все мои желанья с избытком.
Этим довольствуюсь я. Что мне до черни тупой?

Для Марциала Каллимах — высший авторитет в поэзии (Martial. IV, 23). Квинтилиан[5] называл Каллимаха «первым элегиком». Эпиграмматист Кринагор (I в. до н. э.) прославляет Каллимаха как величайшего из поэтов (Crinag. AP IX, 545, 1–2; пер. Л. Блуменау):

Это искуснейший труд Каллимаха, поэма, в которой
Были развернуты им все паруса Пиерид.

Мелеагр[6], издававший эпиграммы Каллимаха, считал его творчество «сладким миртом... всегда приятным».

Многочисленные упоминания Каллимаха, подражания его стилю и поэтической манере, ссылки на его произведения, повторы его стихов, полустихов (вплоть до отдельных словосочетаний), заимствования его образов и мотивов, перeска-

3. Ср. также: Овидий. Любовные элегии, II, 4, 19; Лекарство от любви, 381; 759; Скорбные элегии, II, 367; Письма с Понта, IV, 16, 32.

4. Порфирий, комментируя эти стихи, считал, что «элегик» здесь — Каллимах: «Callimachus elegiaci carminis auctor est...» (Porphyrii opuscula selecta. Ed. A. Nauck, Lipsiae, 1886).

5. Quintil. Institutio, X, 1, 58: «Tunc et elegiam vacabit in manus sumere.., cuius princeps habetur Callimachus».

6. Meleager. AP. IV, 1; 21: «ἡδύ τε μύρτον... ἀεὶ μέλιτος».

зы отдельных сюжетов и целых произведений встречаются у многих авторов – от Аполлония Родосского до Михаила Хониата, от Мелеагра до Нонна Панополитанского и эпиграмматистов времени Юстиниана, от Катулла до Петрония[7] и Апулея[8]. Отдельные стихи Каллимаха благодаря своей афористичности стали, как иногда считают, пословицами, например: «Ὅς δ' ἑτέρῳ κακὰ τεύχει, ἑῷ κακὸν ἤπατι τεύξει». (Кто вредит другому, тот вредит самому себе).

На протяжении веков произведения Каллимаха не просто хорошо знали и высоко ценили. Его поэзия была той высочайшей эстетической мерой, которой греки и римляне оценивали как свои собственные сочинения, так и произведения других поэтов. Когда Плиний Младший (Plin. Ep. IV, 3, 3) в письме к другу хотел похвалить его тонкий вкус, остроумие и изысканный слог, он написал: «Я думал, что держу в руках Каллимаха» (пер. М. Е. Сергеенко). Подтверждением неугасавшего интереса к творчеству Каллимаха может служить сообщение из словаря «Суда»[9] о Мариане, ученике Прокла, жившем на рубеже V–VI веков, который составил в ямбах (6810 стихов!) пересказ «Гекалы», «Причин», гимнов и эпиграмм Каллимаха (Μαριανός... ἔγραψε βιβλία τοσαῦτα: ...Μετάφρασιν Καλλιμάχου Ἑκάλης, Ὕμνων καὶ τῶν Αἰτίων καὶ Ἐπιγραμμάτων ἐν ἰάμβοις...) и т. д.

Вплоть до позднего средневековья переписчики составляли пересказы (диегезы) сочинений поэта. В частности, сохранились такие диегезы к гимнам I и II (диегеза к I гимну содержит пересказ стихов 1–34; ко II гимну стихи 1–73).

Сложнее судить о другой стороне творчества Каллимаха – его ученых трудах, хотя хорошо известно, что он написал множество прозаических сочинений на самые разные темы и во все времена считался ученейшим из александрийцев. Ци-

7. Петроний Арбитр. Сатирикон. Пер. Б. Ярхо. М.–Л., 1924, репринт 1990, с. 220: «...не умолкая в веках, Баттиадова муза воспела».

8. Апулей. Метаморфозы. I, 23 (пересказ сюжета о Гекале и Тезее без упоминания Каллимаха). Пер. М. Кузмина. Апулей. Апология. Метаморфозы. Флориды. М., 1959, с. 113.

9. Византийский словарь «Суда» (Свида) X в. н. э.: Suidae Lexicon Vol. I–V. ed. A. Adler, Lipsiae, 1928–1938. Здесь и далее «Суда» цит. по: Callimachus. ed. R. Pfeiffer. Vol. II. Hymni et epigrammata. Oxonii, MCMLIII. В дальнейшем все тексты и сведения о Каллимахе приводятся по этому изданию – наиболее полному и авторитетному на сегодняшний день.

церон называл Каллимаха лучшим знатоком литературы (Cic. De orat. III, 132). Страбон считал Каллимаха поэтом и вместе с тем ученым, прилежно занимавшимся изучением литературы (Strab. XVII, III, 22). Для Плиния Старшего, Афинея, Диогена Лаэртского, Авла Геллия, Дионисия Периэгета, Прокла, Оригена и др. Каллимах — авторитетнейший источник древнейших фактов; его постоянно цитируют, на его мнение ссылаются, идет ли речь о мифологии, хорографии, истории основания тех или иных городов, поселений, чудесных явлениях природы, литературных фактах и т. д.

Известно, что Каллимах возглавил грандиозный для своего времени проект — создание первого библиографического свода под названием «Таблицы», в работе над которыми, помимо разбора книжных коллекций, впервые был использован метод систематизации и комментирования источниковедческого материала. «Таблицы» стали первым сводом всей греческой литературы. В последующей традиции они были основным источником биобиблиографических сведений об авторах и их произведениях во всех областях знаний того времени. Другой свод «Исторические достопримечательности» (Ὑπομνήματα ἱστορικά)[10] охватывал весь мифологический материал; это было одно из первых мифографических сочинений, объединивших мифы об основании городов, заселении островов, включая легенды, связанные с той или иной географической топонимикой и т. д. Предполагают, что в этом произведении мифы впервые были систематизированы по географическому принципу; это направление в мифографии продолжили ученики Каллимаха, и оно получило широкое распространение в последующие века, что подтверждается дошедшим до нас сочинением этого направления — «Мифологической библиотекой» Аполлодора.

Однако произведения Каллимаха, по природе своей рассчитанные на читателя-эрудита, хорошо знакомого со всей греческой литературой и мифологической традицией, понимающего всю тонкую игру поэта, иносказательность и загадочность его образов и языка, спустя несколько столетий после смерти автора в связи с изменением культурно-эстети-

10. Подробнее см.: В. Г. Борухович. Античная мифография и «Библиотека» Аполлодора. Аполлодор. Мифологическая библиотека. Л.: Наука. 1972, с. 102.

ческих ориентиров (греческое возрождение I–II вв. н. э.) стали слишком трудны для широкого круга читателей. Одни из его сочинений были утрачены и забыты, а в сохранившихся многое казалось непонятным. Лукиан (Luc. de conscrib. hist. с. 57), рассуждая о значении меры в стиле писателя, относит Каллимаха к авторам излишне многословным и называет его вместе с Порфирием и Евфорионом. Климент Александрийский (Clem. Alex. Strom. V, 8, 50) также считал, что Каллимах, подобно Евфориону и Ликофрону, слишком злоупотребляет «загадочными» (αἰνιγματωδῶς εἰρημένα) выражениями. Схолиаст Аристофана[11], комментируя тексты древних комедий, в тех случаях, когда ему что-то казалось неясным, делал приписку: «это сказано загадочно, в духе Каллимаха» (τοῦτο δὲ αἰνιγματῶδες κατὰ Καλλίμαχον).

Слава «книжного червя», «заумного грамматика» утвердилась за Каллимахом в последние века античности и в византийское время: именно таким он предстает в эпиграммах Филиппа Фессалоникского, Паллада, Антифана Македонского[12]. Надо сказать, что эта полемика с автором, продолжающаяся по VI в. н. э., свидетельствует о живом интересе к поэту.

Считается[13], возможно тогда же, в VI в., из собрания сочинений Каллимаха в отдельный манускрипт были выбраны гимны (ср.: «illos e Callimachi carminum collectione non ante saeculum VI sumpsisse...»). Но и спустя три столетия, уже в IX веке, такой прославленный эрудит, как патриарх Фотий, всячески поддерживавший интерес к собиранию, переписыванию и комментированию античных авторов, в своих заметках о древних писателях делает значительную запись о Каллимахе

11. Schol. (R) Aristoph. Thesm. 80. Цит. по: Callimachus. ed. R. Pfeiffer. op. cit. p. cvi. Ссылки на Каллимаха нередко встречаются в схолиях и к другим античным авторам; в частности, в схолиях к Гомеру Порфирия или в толкованиях платоновского «Тимея» Прокла.

12. Ср. напр. эпиграмму Антифана Македонского (AP, XI, 322; пер. Л. Блуменау):

О кропотливое племя грамматиков, роющих корни
Музы чужой, о семья жалких ученых червей!
Вы, что клеймите великих и носитесь вечно с Эринной,
Тощие, злые щенки из Каллимаховых свор,
Зло вы большое поэтам, а юным умам помраченье.
Прочь! Не кусайте, клопы, сладкоголосых певцов.

13. R. Pfeiffer, op. cit. Prolegomena ad hymnos et epigrammata, p. LV.

(Phot. quaest. Amphiloch. 93, 24 (= P. G. 101, 599). Крупнейшими центрами копирования книг в то время в Константинополе были скрипторий Студийского монастыря и Фотиевский (или Патриарший) скрипторий. Обе книгописные мастерские играли важную роль в создании и развитии нового типа греческого письма — минускула и являлись, начиная с IX в., крупнейшими культурными центрами Константинополя и всей Византийской империи. Репертуар переписываемых произведений, как пишет Н. Ф. Каврус[14], показывает, что с деятельностью именно «фотиевского» скриптория связано появление многих манускриптов античных авторов, дошедших до нашего времени. Можно предположить, что здесь же в IX–X вв. (...fortasse non ante saeculum IX–X)[15] переписывается новый манускрипт, неизвестный составитель которого включает гимны Каллимаха вместе с гомеровскими гимнами, орфическими гимнами, орфической «Аргонавтикой» и гимнами Прокла в новый сборник. Косвенным подтверждением создания этого манускрипта не ранее X в. служит ямбическая эпиграмма, скорее всего предварявшая тексты гимнов (в рукописи она, как считается, стояла после гомеровских гимнов перед гимнами Каллимаха). В этой эпиграмме перечисляются все 6 гимнов именно в той последовательности, которая стала традиционной для всех изданий в последующие века. Подобные ямбические эпиграммы, служившие своеобразным обзором содержания, собраны в Палатинской антологии (A. P. vol. III. pp. 327–329) и, скорее всего, большинство из них написаны, по мнению Р. Пфейффера, уже после X в. («omnia post saec. X scripta esse videntur»). При отсутствии сведений о самом манускрипте, о времени его появления и т. д. можно лишь предполагать, почему составитель собрал воедино столь разнохарактерные и разновременные гимны. Но нельзя, на наш взгляд, исключать вероятности, что им были выбраны лучшие образцы гимнического жанра за всю античность — от ранних, так называемых гомеровских гимнов, до гимнов Прокла.

Конечно, во времена Византии Каллимах был известен не только гимнами. Знаменитейший из византийских историков

14. Н. Ф. Каврус. Книгописные мастерские Константинополя IX–XI веков. — Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Л., 1983, с. 17.

15. R. Pfeiffer, op. cit., p. LV.

Никита Хониат[16] (конец XII в. – начало XIII в.) в своей «Истории», речах и письмах цитирует около 90 греческих авторов и среди них несколько раз упоминает Каллимаха. Его брат Михаил Хониат[17] в поэме «Теано́» пересказывает «Гекалу» Каллимаха. Считается, что еще во времена Евстафия Солунского[18] (2-я половина XII в.) в афинской библиотеке имелась рукопись, написанная минускульным письмом и содержащая главные произведения Каллимаха – «Причины» и «Гекалу».

Традиция комментирования произведений Каллимаха вероятно восходит к самой античности, но к какому именно времени – судить трудно. Имена первых комментаторов, дошедшие до нас, сообщаются в словаре «Суда»: Астиаг, Никанор, Архибий и Гедил. Судя по кратким справкам, сопровождающим эти имена, возможно, Архибий и Гедил бо́льшее внимание уделяли эпиграммам Каллимаха (τῶν Καλλιμάχου ἐπιγραμμάτων ἐξήγησιν), а Астиаг и Никанор – поэтическому языку его произведений (τέχνην γραμματικὴν... καὶ εἰς Καλλιμάχου τὸν ποιητὴν ὑπόμνημα).

К византийскому же времени восходят краткие сведения из жизни Каллимаха, дошедшие до нас. Это упоминавшийся уже лексикон «Суда» (X в.) и отдельные замечания Иоанна Цеца (XII в.).

Полный перечень всех дошедших свидетельств и упоминаний о Каллимахе (античная и средневековая традиции) приводится Рудольфом Пфейффером. В разделе «Testimonia de Callimachi vita et scriptis» все свидетельства поделены на три группы: 1) свидетельства биографического характера (Test. Pfeiff. №№ 1–22: de vita, patria, aetate, aequalibus, discipulis); 2) свидетельства о произведениях Каллимаха (Test. Pfeiff. №№ 23–41: de carminibus); 3) сохранившиеся античные и средневековые комментарии на произведения Каллимаха (Test. Pfeiff. №№ 42–90: commentarii in Callimachi carmina).

16. А. П. Каждан. Никита Хониат и его время. СПб., 2005, с. 220.

17. Подробнее о Михаиле Хониате см.: The Oxford Dictionary of Byzantium I–III. Oxford VP, 1991, v. I, p. 427.

18. О Евстафии Солунском, его творчестве и состоянии науки в его время см.: А. П. Каждан. Византийский публицист XII в. Евстафий Солунский. Византийский временник, т. XXVII–XXIX, 1967–1969; Б. А. Старостин. Византийская наука в контексте средневековой культуры. Античность и Византия. М., 1975, с. 386–398.

По свидетельству словаря «Суда», Каллимахом было написано более 800 произведений[19] (...ἔστὶν αὐτῷ τὰ γεγραμμένα βιβλία ὑπὲρ τὰ ὀκτακόσια — Test. Pfeiff. № 1). «Суда» называет Каллимаха усерднейшим (ἐπιμελέστατος), упоминает, что Каллимах писал стихотворные произведения в самых разных поэтических размерах (ποιήματα εἰς πᾶν μέτρον), но больше всего им было написано в прозе (καταλογάδην πλεῖστα). О подавляющем большинстве произведений Каллимаха нам неизвестно ничего. Относительно тех произведений, которые известны только по названиям или отдельным фрагментам, в современной науке существует традиция разделения их на две группы: те, что перечисляются в словаре «Суда», и те, что известны из других источников. Современный исследователь и издатель К. Трипанис приводит эти группы в таком виде[20]:

Первая группа. Произведения, которые перечисляются в «Суде»: 1. Прибытие Ио; 2. Семела; 3. Основание Аргоса; 4. Аркадия; 5. Главк; 6. Надежды[21]; 7. Сатировские драмы; 8. Трагедии; 9. Комедии; 10. Лирические произведения; 11. Ибис; 12. Мусейон[22]; 13. «Таблицы» в 120 книгах; 14. Перечень и хронологическая запись драматических поэтов с самого раннего времени[23]; 15. Перечень глосс и произведений Демокрита; 16. Названия месяцев по народам и городам; 17. Основание городов на островах и их наименования; 18. О реках в Европе; 19. Об удивительном и странном на Пелопоннесе и в Италии; 20. О названиях рыб; 21. О ветрах; 22. О горах[24]; 23. О реках мира[25]; 24. Свод чудес, существующих на всей земле в разных местах[26].

19. Иногда считают, что цифра 800 означает не количество произведений, а число небольших по объему свитков.

20. Callimachus Hymns and Epigramms, ed. C. A. Trypanis. Oxford, 1953, p. 11–13.

21. О произведениях 1–6 нам неизвестно ничего. Возможно, они были лишь частями, входившими в «Причины» или другие произведения. Возможно, сюжет «Главка», родственный «Гекале» (разработка сюжетов о «простых» людях) был заимствован Овидием в «Метаморфозах» (Ovid. Met. XIII, 899 ff.).

22. Об этом произведении неизвестно ничего. Возможно, это подзаголовок «Таблиц».

23. Возможно, № 14 дублет или подзаголовок № 13.

24. Возможно, «περὶ ὀρέων» следует читать, как у Афинея (Athen. 388D) — «περὶ ὀρνίθων». Тогда это произведение называлось «О птицах».

25. Возможно, сюда же, как подзаголовок, относится № 18.

26. Иногда считают, что Каллимах стоял у истоков парадоксографической традиции эллинизма.

Вторая группа. Произведения, которые не приводятся в словаре «Суда» и известны из других источников: 25. Причины; 26. Гекала; 27. О состязаниях; 28. Галатея; 29. Ямбы; 30. Грифель? Кисть? (Γραφεῖον)[27]; 31. Эпиграммы; 32. Локон Береники; 33. Шесть гимнов; 34. Эпиникий Сосибию; 35. Свадьба Арсинои; 36. Бранх; 37. Об избранном; 38. Обычаи варваров; 39. О нимфах; 40. Местные названия; 41. О реках Азии; 42. К Праксифану; 43. Исторические записки.

До нашего времени дошли только тексты гимнов (гимнов всего 6, и нигде нет упоминаний, что когда-либо их было больше) и эпиграммы (немногим более 60), а также разной величины и сохранности фрагменты других произведений Каллимаха.

Гимны, согласно предваряющей их эпиграмме, во всех изданиях идут в такой последовательности: первым — гимн «К Зевсу», затем гимны «К Аполлону» и «К Артемиде», четвертый гимн посвящен острову, на котором они родились — «К Делосу», пятый «На омовение Паллады» и шестой «К Деметре».

В Западной Европе гимны Каллимаха появились после 1423 года, когда коллекционер античных рукописей Джованни Ауриспа[28], так называли гуманисты епископа Феррары Джованни Тавеллу де Туссильяно, привез из Константинополя в Венецию среди других манускрипт X в. или, возможно, список с него. Затем в 1427 году из Константинополя был привезен еще один список с византийского манускрипта, содержащий гимны, переписанные известным итальянским гуманистом Франческо Филельфо[29]. Насколько списки Ауриспы и Филельфо соотносились между собой, были ли они сделаны с одного или разных манускриптов, не являлся ли список Филельфо копией списка Ауриспы — по всем этим вопросам в науке

27. Скорее всего, орудие, которым пишут или рисуют.

28. Лоренцо Валла называет Ауриспу своим учителем. Подробнее см.: Лоренцо Валла. Элегантии. Пер. Н. А. Федорова. Сочинения итальянских гуманистов эпохи Возрождения (XV в.). М.: Изд-во МГУ, 1985, с. 126.

29. Франческо Филельфо — педагог и писатель, родился в Умбрии, изучал философию в Падуе, продолжил образование в Константинополе. Преподавал риторику, греческий язык, философию в разные годы в университетах Болоньи, Флоренции, Сиены, Милана. Был очень плодовитым писателем, оставил множество сочинений в стихах и прозе на латинском и греческом языках; занимался также переводами античных авторов. В 1421–1428 годах (к

нет единого мнения, поскольку ни сам манускрипт, ни списки Ауриспы и Филельфо до нас не дошли[30]. Но в разное время с этих списков были сделаны копии, содержание, текстологические особенности и сохранность которых варьируются[31]. Считается, что четыре основных кодекса восходят к XV в.[32] По вопросу соотношения этих кодексов со списками Ауриспы и Филельфо, с копиями, которые появились позже — мы опять можем лишь строить предположения (см. Stemma codicum по Р. Пфейфферу).

Конечно, византийский манускрипт X в. к тому времени, когда с ним (или с двумя манускриптами?) работали Ауриспа и Филельфо, претерпел значительные повреждения, и текстологические разночтения могут восходить как к спискам

этому времени восходил, очевидно, его список) находился в Константинополе, где продолжал образование в школе ритора и грамматика Мануила Хрисолора, но отзывался о константинопольских учителях того времени критически; среди них, по его словам, он не нашел людей, по-настоящему понимавших язык Гомера и Каллимаха. Подробнее см.: Сочинения итальянских гуманистов эпохи Возрождения (XV век). Сост. Л. М. Брагина. М., 1985, с. 318–319. Из устных источников известно, что во Флоренции в частном архиве, возможно, хранятся неизданные письма Филельфо, которые после публикации, вероятно, могли бы приоткрыть тайну манускрипта X в., привезенного в Италию в XV в.

30. Дискуссия, развернувшаяся в науке по этому поводу, была изложена в докторской диссертации А. Н. Деревицкого: А. Н. Деревицкий. Гомеровские гимны. Харьков, 1889.

31. Об истории текстов и изданий Каллимаха см.: Callimachus. ed. R. Pfeiffer. vol. II Oxonii, 1953, p. XLIII–XCIV. О раннем этапе собирания и издания текстов Каллимаха см.: Lehnus L. Iter Callimacheum. // Eikasmos, 7, 1996, 293–307.

32. В Модене хранится Codex Estensis, написанный на бумаге и являвшийся собственностью известного итальянского гуманиста Георгия Валлы (1430–1499). Кодекс содержит надпись: «Γεωργιοῦ τοῦ Βάλλα ἔστι τὸ βιβλίον» и, как считается, был переписан самим Георгием Валлой, возможно, со списка Филельфо. Этот кодекс относится к числу лучших источников текста гимнов. К codex'у E по формату и, скорее всего, по времени близок codex L (codex Laurentianus), написанный на пергамене и до XIX в. считавшийся наиболее близким к списку Ауриспы. К XV в. восходит также codex Ambrosianus, хранящийся в Милане в библиотеке святого Амвросия, написанный также на пергамене. Среди имеющихся кодексов особняком стоит Codex Mosquensis. Считается, что он восходит к манускрипту XIV в., открыт был в 1777 г. в московской синодальной библиотеке Ф. Маттеи, впоследствии приобретен Рункеном и в настоящее время хранится в Лейденской библиотеке. Уникальность этого кодекса в том, что он единственный содержит гомеровский гимн «К Деметре», что подтверждает его иное происхождение, нежели византийский манускрипт (возможно, был переписан с афинской рукописи и оттуда попал в Россию).

итальянцев, так и к самому манускрипту. О. Шнейдер, издавая текст Каллимаха в 70-е годы XIX века и подробно исследуя вопросы их рукописной традиции, считал, что Ауриспа и Филельфо сделали две копии с одного и того же византийского манускрипта. К такому же выводу пришел в свое время А. Н. Деревицкий. Среди оппонентов этого мнения некоторое время популярностью пользовалась гипотеза Голландера, полагавшего, что списки Ауриспы и Филельфо были сделаны с разных оригиналов.

С началом книгопечатания в Европе первыми издаются, как известно, тексты античных авторов и среди них — гимны Каллимаха. Первое издание (editio princeps) гимнов было осуществлено во Флоренции в 1496 г. Яном Ласкарисом, который включил в свое издание «Scholia vetusta»[33]. Последующие издания (Aldinae, 1513[34]; S. Gelenius, 1532; Vascosanius, 1549; Robortellus, 1555; Benenatus, 1574), как писал О. Шнейдер[35], лишь искажали и ухудшали издание Я. Ласкариса. Следующий этап в текстологии гимнов — издание (Paris, 1577) Анри Этьенна (1531–1598). Все последующие издания XVI, XVII вв. опирались, в основном, уже на это издание (B. Vulcanius, 1584; L. Ostenius, 1589; A. Fabrii, 1675; T. Graevius, 1697 и др.)[36]. Раннее и достаточно широкое знакомство в Европе с гимнами в новое время подтверждается тем, что начиная с 1489 г., когда Анджело Полициано перевел на латинский язык — междуна-

33. Lascaris ed. «Σχόλια παλαιὰ τῶν Καλλιμάχου ὕμνων» / Καλλιμάχου Κυρηναίου ὕμνοι. Florentiae, 1496.

34. В этом издании гимны Каллимаха были изданы вместе с «Одами» Пиндара, «Александрой» Ликофрона и «Описанием ойкумены» Дионисия Периэгета.

35. O. Schneider. Callimachea v. I. Hymni cum scholiis veteribus ad codicum fidem recensiti et emendati, epigrammata recognita, excursus additi. Lipsiae, 1870. P. 15.

36. Подробные выходные данные этих изданий и их характеристики см.: L. Lehnus. Bibliografia Callimachea 1489–1988. Università di Genova, Facoltà di lettere, 1989, p. 46–48. Пользуясь случаем, приношу глубокую благодарность уважаемым коллегам: Ю. Ф. Панасенко и Г. Ч. Гусейнову, благодаря которым мои пять работ, посвященные Каллимаху, попали в этот уникальный библиографический свод, и О. Д. Никитинскому, благодаря которому я располагаю этой библиографией и могла с ней работать. Более позднее издание библиографии: Lehnus Luigi. Nuova bibliografia callimachea (1489–1998). Alessandria, 2000 (Testi e strumenti di letteratura greca antica, medievale e umanistica 3) XIV, 512 pp.

родный язык того времени – гимн «На омовение Паллады», почти все издания XVI, XVII веков включают переводы гимнов на латинский язык. В настоящее время эти издания – уникальные раритеты, но с текстологической точки зрения они не выдерживают критики, поскольку в каждом из них учитывались чтения одного, в лучшем случае, двух кодексов.

Первым, кто ввел критический аппарат в издание гимнов – на уровне своего времени, – был Иоганн Август Эрнести[37] (1707–1781); он включил в издание известные к тому времени фрагменты и комментарии Е. Шпанхейма. Эрнести учитывал уже чтения разных кодексов и считал, что все они имеют один прототип.

В начале XIX в. Карл Бломфельд[38] (1786–1875) собрал и снабдил критическим аппаратом все известные на то время тексты Каллимаха: гимны, эпиграммы, фрагменты, предлагая много своих конъектур. Почти через 50 лет Август Мейнеке[39], в свою очередь издавая гимны и эпиграммы, подверг серьезной критике существующие издания гимнов и эпиграмм и, как пишет О. Шнейдер, оставил далеко позади всех издателей Каллимаха. Двухтомное издание всех текстов Каллимаха самого О. Шнейдера[40] (1815–1880) – лучшее достижение в текстологии гимнов за весь XIX век: воспользовавшись конъектурами Böckh'a, K. O. Müller'a, Welcker'a, O. Jahn'a, A. Meineke, C. Dilthey'a и др., О. Шнейдер с большой тщательностью и подробностью прокомментировал все тексты. Это издание считалось непревзойденным вплоть до издания Р. Пфейффера.

Вслед за О. Шнейдером, во многом с ним не соглашаясь, гимны и эпиграммы издает У. фон Виламовиц-Меллендорф[41] (1848–1931), который уже в первом издании предлагает реконструкцию архетипа из апографов. Все последующие изда-

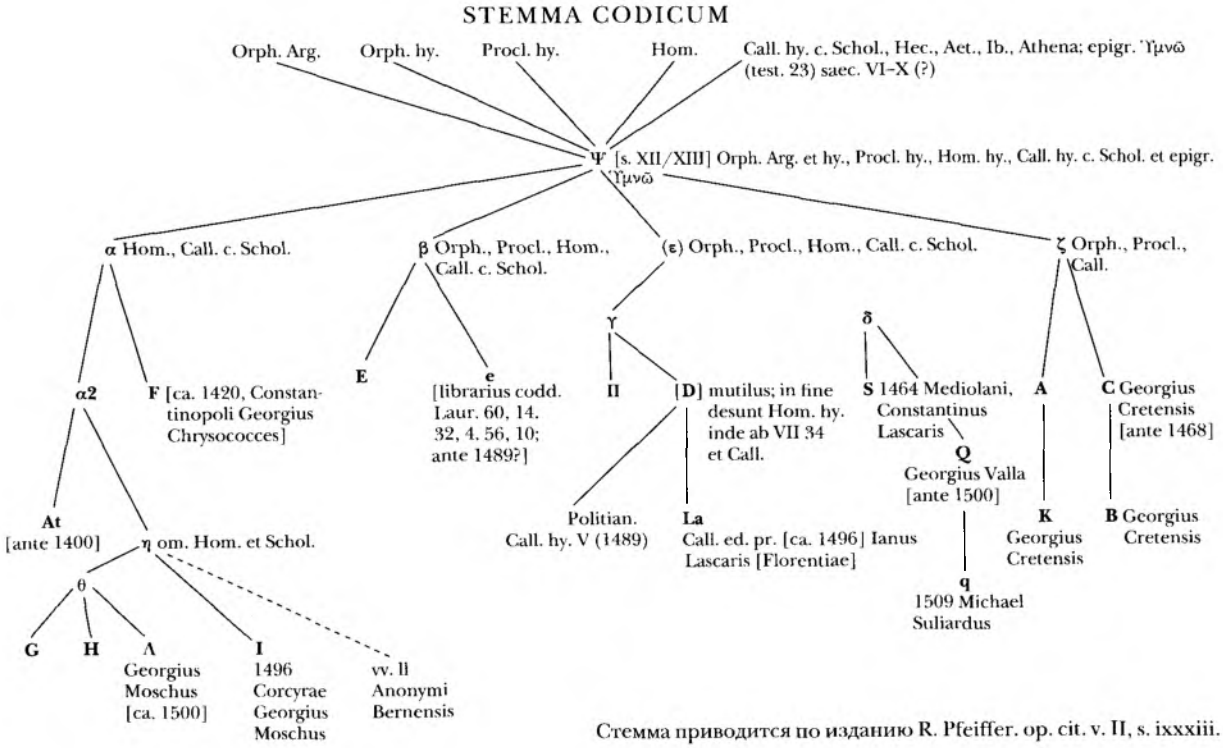
37. J. A. Ernesti. Callimachi hymni, epigrammata et fragmenta. Lugduni, 1761.

38. Callimachi quae supersunt. Recensuit et cum notarum delectu edidit C. J. Blomfield. Londoni, 1815.

39. Callimachi Cyrenensis Hymmi et epigrammata. ed Aug. Meineke. Berolini, 1861.

40. Callimachea, v. I Hymni cum scholiis veteribus ad codicum fidem recensiti et emendati, epigrammata recognita, excursus additi. O. Schneider. Lipsiae, 1870, v. II. Fragmenta a Bentleo collecta et explicata, ab aliis aucta. Accendunt commentationes et indeces tres. Lipsiae, 1873.

41. Callimachi Hymni et epigrammata. Recogn. U. von Wilamowitz-Moellendorff. Berolini, 1882, 1896, 1907, 1925, 1958.



Стемма приводится по изданию R. Pfeiffer. op. cit. v. II, s. ixxxiii.

ния конца XIX–начала XX в. вносили те или иные уточнения или незначительные изменения в текстологию гимнов: Ph. Legrand (1901, 1902); A. Ludwich (1907); E. Cahen (1922, 1940) и др.

Важную роль при изучении литературного наследия Каллимаха играют фрагменты, дошедшие на папирусах и ставшие известными сравнительно недавно. Очевидно, во все века вплоть до прихода арабов, тексты Каллимаха переписывались в Египте. Важность этих папирусов, вернее, небольших папирусных полосок, постепенно входящих в научный оборот, неоценима. На них прочитываются самые разные каллимаховские тексты: фрагменты гимнов, «Причин», «Гекалы», «Ямбов» и др. Папирусы стали поступать из Египта начиная с 70-х годов XIX века, т. е. со времени открытий Петри, Баджа, Гренфелла и Ханта[42]. Содержащиеся на них фрагменты текстов Каллимаха, а также других античных авторов, создали новую ситуацию в изучении греческой литературы и, по выражению немецкого исследователя А. Дейссмана[43], «влили свежую кровь в жилы классической науки».

Опубликованные в «Оксиринхских папирусах» отрывки представляют собой фрагменты из разных гимнов разной величины; их датировка колеблется от I в. до н. э. до VI–VII вв. н. э.

Чаще других встречаются фрагменты III гимна «К Артемиде». Медиоланский папирус (возможно, I в. до н. э.) был найден в 1934 г. и опубликован Адриано Мариотти в 1948 г. На нем прочитываются шесть начальных (Call. Hymn. III, 1–6), срединные стихи (III, 46–54) и схолии к ним гимна «К Артемиде». Папирусные комментарии к стихам третьего гимна были опубликованы Б. Гренфеллом и А. Хантом в 1901 г. (III, 107–163; 172–178). В Александрийском музее Греко-римских древностей

42. При раскопках древних городов Египта – Оксиринха, Антинополиса, Тебутниса, а также в окрестностях Фаюмского оазиса были найдены многие тысячи папирусов, открывших новую страницу в истории античной культуры. Подробнее см.: В. Н. Ярхо. Древнегреческая литература. Обретенные страницы. М., Лабиринт. 2001; В. Г. Борухович. В мире античных свитков. Саратов, 1976; И. Ф. Фихман. Оксиринх – город папирусов. М., 1976; Лео Дойель. Завет вечности. В поисках библейских манускриптов. Пер. с англ. Э. Маркова. СПб.: Амфора, 2001 и др.

43. Цит. по: Лео Дойель. Завет вечности. В поисках библейских манускриптов, с. 93.

хранится папирус, датируемый II в. н. э., изданный Е. Бреччиа в 1914 г. и содержащий фрагмент четвертого гимна «К Делосу» (Call. hymn. IV, 84–95). Разрозненные фрагменты четвертого гимна, найденные среди оксиринхских папирусов, были изданы Е. Лобелем в 1948 г. (hymn. IV, 11–25; 38–40; 68–75; 81–92; 102–110; 141–146; 156–181). Им же была описана папирусная полоска, датируемая V–VI вв. н. э., купленная в Египте и содержащая также отдельные стихи IV гимна (hymn. IV, 53–69; 80–98). В 1950 г. С. Н. Робетсом были прочитаны и изданы комментарии ко второму гимну «К Аполлону» (hymn. II, 38–76) и к третьему «К Артемиде» (hymn. III, 37–94). Также среди оксиринхских папирусов были найдены фрагменты первого гимна «К Зевсу» (hymn. I, 53–60; 76–83) и второго гимна «К Аполлону» (hymn. II, 1–18)[44].

Считается случайностью, что из гимнов V и VI пока не обнаружен ни один фрагмент.

Все эти счастливые находки не могли не повлиять на общую ситуацию с изданием текстов гимнов. Лучшим на сегодняшний день является издание Рудольфа Пфейффера, который три десятилетия посвятил критическому изучению текстов и фрагментов Каллимаха.

На основе изданий О. Шнейдера и Р. Пфейффера в XX в. новые издания гимнов появлялись почти каждое десятилетие: чаще выбирался какой-то один гимн[45], реже все собрание в це-

44. Подробнее см.: L. Lehnus, op. cit., p. 49–213. Последний из известных нам обзоров, посвященный изданиям текстов и фрагментов Каллимаха: Luigi Lehnus. Callimaco prima e dopo Pfeiffer. Callimaque. Sept exposés suivis de discussions par L. Lehnus, Ad. S. Hollis, Fr. Montanari, P. J. Parsons, R. Hunter. Fondation Hardt. Genève, 2002., p. 1–33.

45. Из изданий отдельных гимнов назову лишь некоторые: Bornmann Fritz. Callimachus. Hymns in Dianam. Introduzione, edizione e commento. Firenze, 1968; Williams Frederic. D. Callimachus. Hymn to Apollo. A commentary. Oxford, 1974; McLennan, George R. Callimachus. Hymn to Zeus. Introduction and Commentary. Roma, 1980; Hopkinson Neil. Callimachus, Hymn to Demeter. Ed. with an introduction and commentary. Cambridge, 1984; Bulloch Anthary W. Callimachus. The Fifth Hymn. Ed. with Introduction and Commentary. Cambridge, 1985; Mineur, Wilhelmus H. Callimachus, Hymn to Delos. Introduction and commentary. Leiden, 1985; Gigante Lanzara, Valeria. Callimaco. Inno a Delo. Ed. fr.; comm.. Pisa, 1990.

Выборка изданий произведена по интернетовской каллимаховской библиографии: A Hellenistic Bibliography: Callimachus 1996–2000. Сами издания, в большинстве своем, к сожалению, для автора были недоступны.

лом. В пятидесятые годы прошлого века все тексты Каллимаха издавал Константин Трипанис[46]; в шестидесятые Каповилла[47]; в восьмидесятые Ломбардо Стенли[48]; в девяностые – Джованни Батиста д'Алессио[49].

В России тексты Каллимаха – большая редкость; издания О. Шнейдера и Р. Пфейффера можно встретить лишь в крупнейших библиотеках Москвы и С.-Петербурга[50]. Первый перевод Каллимаха на русский язык, который нам удалось установить, появился в России в Тобольске в 1790 г.: Иван Лафинов[51] перевел на русский язык гимн «К Зевсу». С 1800 по 1806 гг. в разных русских журналах публикуются прозаические переводы II, V, VI гимнов[52]. В 1819 г. сокращенный перевод II гимна стихами публикует В. Кюхельбекер[53]. В 1823 г. И. И. Мартынов[54], созда-

46. Callimachus. Hymns and Epigramms. ed C. A. Trypanis. Oxford, 1953; Callimachus. Aetia, Jambi, lyric poems, Hecale, minor epic and elegiac poems, fragments of epigrams, fragments of uncertain location. Text, translation and notes by C. A. Trypanis. Cambridge, 1958.

47. Callimacho. 2 vols. ed. Capovilla. Roma, 1967.

48. Lombardo Stanley. D. Rayor. Callimachus. Hymns, Epigrams. Select Fragments. Translated with an introduction and notes. Baltimore, 1988.

49. Callimacho. vol. I: Inni, Epigrammi, Ekale. vol. II. Aitia, Giambi, frammenti elegiaci minori, frammenti di sede incerta. Introduzione, traduzione e note. Milano, 1996, ed L'Alessio. Giovanni Battista.

50. В Российской государственной библиотеке в отделе редких книг и в зале микрофильмов можно ознакомиться со всеми важнейшими изданиями Каллимаха и среди них – редчайшие издания XVI, XVII и XVIII вв. Назову лишь некоторые:

Callimachus... Hymni (cum suis scholiis graecis) et epigrammata... Henrici Stephani partim emendationes partim annotationes in quosdam Hymnorum locos. Genève, excudebat Henricus Stephanus, 1577. Callimachus... Hymni, epigrammata et fragmenta, quae exstant... Bonaventura Vulcanio... interprete... Antverpiae, 1584. Callimachus... Hymni, Epigrammata et Fragmenta ex recensione Theodori J. G. E. Graevi... Ultrajecti, 1697. Callimachus. Hymni. Augustus Ernesti. Lugduni Batavorum, 1761 и др.

51. В журн.: Иртыш, превращающийся в Ипокрену. Тобольск, тип. В. Корнилова. 1790 г., август. См.: Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII в., 1725–1800, тт. I-V. М., 1962–1967; см. также: Е. В. Свиясов. Античная поэзия в русских переводах XVIII–XX вв. СПб., 1998.

52.. В журн.: Иппокрена, 1800 г., ч. VI. Пер. П. Львова; Иппокрена, 1801 г., ч. X; Друг просвещения, 1804 г., ч. III; Лицей, 1806 г., ч. II. Кроме переводов П. Львова, другие переводы анонимные и прозаические.

53. «Гимн Аполлону», сокращенный пер. из Каллимаха В. Кюхельбекера. В журн.: Сын отечества, 1819 г., 53, с. 99–100.

54. Гимны Каллимаха Киренейского перевел с греческого языка и составил примечания на оные Ив. Мартынов. СПб., 1823, ч. II.

вая библиотеку классиков на русском языке, переводит прозой все гимны, сопроводив их подробными комментариями. В 1825 г. известный профессор Московского университета А. Ф. Мерзляков[55] выпускает переводы II, V и VI гимнов. В конце XIX в. (1899 г.) отдельные гимны и несколько эпиграмм прозой перевел В. Алексеев[56], сопроводив переводы введением и примечаниями. Конечно, в настоящее время все перечисленные переводы — уникальные библиографические раритеты, интересные и важные с исторической точки зрения, но явно устаревшие (особенно поэтические) для современного читателя[57]. Тексты Каллимаха всегда представляли большую трудность для переводчика. Еще И. И. Мартынов[58] писал: «Я перевел гимны прозою, дабы лучше удержать смысл подлинника, который и без того во многих местах с великим трудом постигнуть можно». А такой замечательный эллинист и переводчик, как Ф. Ф. Зелинский[59], в самом начале XX века отмечает: «Переводить продуманную до мельчайших тонкостей поэзию Каллимаха стихами я не берусь: на это не только у нас, но и в остальной Европе очень немногие способны». Можно сказать, что впервые Каллимах стал доступен широкому читателю лишь во второй половине XX в., когда появился блестящий поэтический перевод всех гимнов С. С. Аверинцева, выдержавший уже несколько изданий[60].

Уже первые переводы из Каллимаха в русских журналах сопровождались небольшими статьями, дающими представление об авторе и о жанре. Так, в 1804 г. в журнале «Друг просвещения»

55. Сначала А. Ф. Мерзляков публикует переводы в журн. «Вестник Европы» (1825 г., ноябрь, с. 81–99; декабрь, с. 161–169), а затем они включаются в издание: А. Ф. Мерзляков. Подражания и переводы из греческих и латинских стихотворцев. В 2-х частях. М., 1825–1826 гг.

56. Каллимах. Избранные гимны и эпиграммы. С греч. перевел В. Алексеев. СПб., 1899.

57. Подробнее см.: В. П. Завьялова. О переводах Каллимаха на русский язык. Материалы I Международной конференции «Россия и Греция: диалоги культур», ч. II. Петрозаводск, с. 158–165.

58. Ив. Мартынов. Гимны Каллимаха Киренейского..., Предисловие, с. V.

59. Ф. Ф. Зелинский. См. вступит. статью в: Овидий. Баллады-послания. Пер. со вступит. статьями и комментариями Ф. Ф. Зелинского. М.: Изд. Сабашниковых, 1913, с. 299.

60. С. С. Аверинцев. Каллимах. Гимны. В сб.: Александрийская поэзия. М., 1972, с. 100–129; а также: Каллимах. Гимны. В кн.: Античные гимны. М., 1988, с. 141–173; Каллимах. Гимн к Деметре в изд.: Эллинские поэты. М., 1999, с. 207–210; Каллимах. Гимны. В кн.: Античная лирика. М., 2001, с. 554–583.

перевод из Каллимаха предваряла небольшая статья анонимного автора – «О имнах». Эту статью можно считать началом каллимаховедения в России. В первой половине XIX в. в России в разных журналах публикуются переводные (с немецкого, французского языков) статьи об александрийской поэзии[61]. Первой отечественной публикацией является знаменитая статья С. П. Шевырева «О поэзии александрийской школы», появившаяся в 1835 г. в «Ученых записках императорского Московского университета»[62]. В конце XIX–первой половине XX в. в России появляется целый ряд интересных и важных исследований, посвященных отдельным аспектам творчества Каллимаха (например, публикации Ф. Ф. Зелинского, И. И. Толстого, Г. Я. Янчевецкого, А. Сонни, Г. Вульфиуса, В. Клингера, Г. Ф. Церетели, П. Соколова, Э. Диля, В. Латышева и др.). Разные проблемы александрийской поэзии, и Каллимаха в том числе, с той или иной степенью подробности освещаются в трудах А. Н. Деревицкого, Н. И. Новосадского, А. И. Малеина, Ф. Мищенко, М. М. Покровского, И. М. Тронского, О. Фрейденберг, А. Ф. Лосева, А. А. Тахо-Годи, С. И. Радцига, С. С. Аверинцева, В. Н. Ярхо, К. П. Полонской, Л. А. Фрейберг, А. П. Смотрича, Н. А. Чистяковой, Т. Г. Мальчуковой и др.

Со второй половины XX в. каллимаховедение в России переживает свое возрождение: на Каллимаха все чаще появляются ссылки в исторических, филологических исследованиях, ему посвящено уже несколько диссертационных исследований, появилась целая серия статей, где творчество Каллимаха рассматривается в самых разных аспектах – это работы Н. А. Рубцовой, Г. Ч. Гусейнова, Ю. Ф. Панасенко, О. Д. Никитинского, Д. О. Торшилова, Н. П. Гринцера, А. А. Россиуса, А. И. Любжина, Е. В. Илюшечкиной и др. Началась работа по комментированию его текстов[63], появляются новые переводы фрагментов и т. д.[64]

61. «Александрийская поэзия» – пер. с немецкого. Труды вольного общества любителей российской словесности. 1822 г., XX, с. 241–270; «Александрийская школа» – сокращенный перевод с французского. Библиотека для чтения. 1842., т. 53, с. 29–103; Александрийская школа. Ж. М. Н. П. 1842 г., ч. 36, отд. VI, с. 256–262.

62. Ученые записки Императорского Московского университета. 1835 г., часть IX, № 2, с. 287-305.

63. В. П. Завьялова. Каллимах. Гимн «К Артемиде». М.: ГЛК Ю. А. Шичалина, 2002.

64. Все актуальные отечественные исследования и переводы представлены автором в тексте данной работы или в публикациях прежних лет, указанных в наст. книге.

Но специальной монографии, посвященной Каллимаху и его творчеству в целом, в России еще не было. В данной работе ставится цель до некоторой степени восполнить этот пробел с учетом последних достижений в зарубежном и отечественном каллимаховедении. Нашей целью было представить тексты всех шести гимнов Каллимаха, дав, по возможности, наиболее полный и подробный к ним комментарий. Но сначала мы кратко останавливаемся на самом жанре гимна, его структурных особенностях и его трансформации в эллинистическую эпоху (дополнительно к существующим очеркам о гимне на русском языке).

Гимны — самый значительный цикл произведений Каллимаха, не вызывающий сомнений в авторской достоверности и дошедший до нас, как было сказано выше, в единой рукописной традиции. Еще Р. Пфейффер писал: «...шаткой картине сбора и комментирования отдельных фрагментов должно противопоставляться четкое представление о поэте, о его историческом значении, задача, которая может быть решена не на базе разрозненных отрывков, а на базе целых произведений, которыми мы обладаем, на базе гимнов и эпиграмм»[65]. Художественная форма гимнов обнаруживает мифологическую стабильность сюжетики и топики традиционного гимнического жанра и позволяет наблюдать смену различных стилевых приемов и вариативность художественной образности. И в то же время поэт явно порывает с гимнической традицией, демонстрирует рационалистическую рассчитанность структуры, отрицает привычные эстетические каноны. Это сказывается как в сложности композиционной структуры гимнов при отчетливом ироническом подтексте, так и в специфических художественных чертах поэтики Каллимаха — его учености, особой четкости и краткости формы, ее утонченности и изяществе, лаконизме и точности языка. Реалистическое описание деталей, психологизм, особая «человеческая» направленность его поэзии говорят о гуманном, мягко-ироничном мировоззрении автора. И, может быть, главная особенность гимнов Каллимаха в том, что современные ему исторические и политические события, реальные факты он подает через призму мифологических преданий и представлений, выбирая подчас из них наиболее редкие.

65. R. Pfeiffer. Kallimachosstudien. München, 1922, S. IV.

Конечно, с той или иной степенью подробности в нашем изложении привлекаются все известные на сегодняшний день тексты Каллимаха, но подробное исследование фрагментов и эпиграмм — тема специальной работы, требующей иной методики и подхода.

Современные исследователи давно пришли к выводу, что наиболее надежный путь в изучении эллинистической поэзии — комментирование текстов. Подходы к тексту, как и комментирование его, могут быть различными, но только текст остается, как писал Клод Мелье[66], «точкой схождения различных реальностей, которые включены в литературное творчество». В данной работе под комментарием традиционно понимаются разъяснительные примечания. Учитывая, что основные справочники, словари, пособия, необходимые при чтении Каллимаха, труднодоступны, наш комментарий включает: а) текстологический комментарий, если с принятием той или иной конъектуры меняется смысл фразы; б) реальный комментарий, если в том или ином эпизоде (чаще иносказательно) речь идет о конкретных исторических лицах или событиях; в) мифологический комментарий, если в тексте в иносказательной форме автор говорит о тех или иных редких и редчайших мифологических персонажах или преданиях; г) географический комментарий, если в тексте автор использует всевозможные иносказания в номинации той или иной географической номенклатуры; д) историко-литературный комментарий; е) лингвистический комментарий, поясняющий особенности поэтических словоупотреблений Каллимаха, многочисленные неологизмы, гапаксы, тропеические словоупотребления, диалектные формы (в частности, доризмы) и т. д. Особенности тех или иных словоупотреблений подчеркиваются их отличием от аналогичных или в других контекстах того же автора, или в соотнесенности их с традиционным словоупотреблением (в древности и современности). Поэтому в каждом случае указываются: 1) контексты из других произведений самого Каллимаха; 2) контексты из Гомера и гомеровских гимнов; 3) контексты из Феокрита и Аполлония Родосского. Привести и объяснить все контексты —

66. Claude Meillier. Callimaque et son temps. Recherches sur la carrière et la condition d'un écrivain à l'époque des premiers Lagides. Publications de l'université de Lille, 3, 1979, p. 2.

означало бы непомерно увеличить объем работы, поэтому мы ограничились лишь их перечислением, полагая, что заинтересованный читатель без труда может проделать эту работу для подтверждения особенностей стилистики Каллимаха как в диахронии, так и в синхронии.

Каллимах — ключевая фигура для культуры своего времени, он, пользуясь словами Л. Карсавина[67], «индивидуализирует тенденции эпохи», в значительной степени определяет то культурное пространство, которое мы называем александринизмом. Поэтому в данной работе помимо всех сведений о жизни и творчестве поэта, принятых в традиции и наиболее распространенных на сегодняшний день в науке, нами предпринята попытка показать поэта на фоне культуры и литературы его времени[68] и через его творчество, его поэтику понять и представить ту среду, в которой появилось новое отношение к слову, когда впервые поэтическое творчество стало оцениваться с эстетической точки зрения. Впервые в отечественном антиковедении нами предпринята также попытка формулировки в целом художественно-эстетических принципов александрийской поэзии.

Все эти задачи определили структуру данной работы. Работа состоит из введения и двух частей. *Первая часть* — монографическая — включает три главы: глава I — «Жизненный путь Каллимаха» — основные факты биографической традиции (Кирена, Александрия, Элевсин, Александрийская библиотека) рассматриваются сквозь призму произведений Каллимаха; глава II — «Литературное творчество Каллимаха» — анализу фрагментов из «Причин», «Гекалы», «Ямбов», мелики, а также эпиграмм предшествует очерк, посвященный художественно-эстетическим принципам александрийской поэзии; глава III — «Гимны Каллимаха» — впервые в отечественном каллимаховедении гимны исследуются с точки зрения их композиции, художественно-стилистических особенностей поэтическо-

67. Л. Карсавин. Философия имени. Берлин, 1923, с. 83.

68. Ср. слова М. М. Бахтина: «Литература — неотрывная часть культуры, ее нельзя понять вне целостного контекста всей культуры данной эпохи. Ее недопустимо отрывать от остальной культуры и, как это часто делается, непосредственно, так сказать, через голову культуры соотносить с социально-экономическими факторами». (М. М. Бахтин. Эстетика словесного творчества. М., 1979, с. 329).

го языка, функционально-стилистического значения тропики, неологизмов, гапаксов и т. д. *Вторая часть* — публикация всех шести гимнов с подробным комментарием; каждый гимн предваряет очерк, в котором указываются существующие в современной науке мнения о времени, цели написания гимна, его поэтические особенности. Впервые приводится греческий текст и перевод ямбической эпиграммы, открывавшей собрание гимнов в рукописной традиции. В приложении дается наиболее точный перевод гимнов И. И. Мартынова.

Эллинизм в целом, культура, литература этой эпохи по сей день представляют значительные трудности для исследователей; автор будет считать свою цель достигнутой, если после прочтения этой книги творчество и личность одного из ярчайших поэтов эпохи раннего эллинизма станет более отчетливым звеном «на прочной нити времени, протянутой в уме».

Считаю своим приятным долгом поблагодарить всех, кто с участием и добрым сочувствием относился к этой работе на протяжении многих лет: моих дорогих учителей — профессоров Азу Алибековну Тахо-Годи и незабвенной памяти Алексея Федоровича Лосева; декана филологического факультета МГУ, профессора Марину Леонтьевну Ремневу и моих дорогих коллег по кафедре классической филологии филологического факультета. Особая благодарность и признательность — Юрию Анатольевичу Шичалину, взявшему на себя труд издания этой книги; Олегу Дмитриевичу Никитинскому, познакомившемуся с книгой в рукописи и сделавшему целый ряд ценнейших замечаний; Ольге Викторовне Смыке, подготовившей специально для данного издания стихотворный перевод средневековой эпиграммы, Татьяне Валентиновне Муриной, Яне Леонидовне Забудской, Марине Сергеевне Беловой, оказавшим техническую помощь в подготовке рукописи к печати. Сердечная благодарность моим родным, близким и друзьям – мужу Юрию Германовичу Бебчуку, моим родителям: Анне Васильевне Поликарповой, Петру Васильевичу Завьялову, светлой памяти которых посвящается данный труд.

Автор будет признателен всем, кто выскажет конструктивные замечания по поводу этой работы.

Май 2009 г.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА 1

ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ КАЛЛИМАХА

1. КИРЕНА

«...βαθύγεον ἐμὴν πόλιν»
(Call. II. 65)

Из всех свидетельств о жизни Каллимаха, дошедших до нас, наиболее надежным является утверждение, что Каллимах родился в Кирене, торговом городе на побережье Северной Африки. Годы жизни Каллимаха в различных источниках приводятся разные; годом рождения чаще других называется 310 г. до н. э., а также 315[1] г. до н. э., 305[2] г. до н. э. и др. Из справки о Каллимахе в словаре «Суда» (Test. Preiff. 1) известно, что он был сыном потомка Батта и Мегатимы (Мекатимы), его учителем, вероятно, был грамматик Гермократ, он был женат на дочери сиракузянина Эвфрата (Эвфрайя)[3]. У Каллимаха был племян-

1. Эту дату приводит Клод Мелье, предпринявший попытку реконструкции жизненного пути Каллимаха в фундаментальной монографии: Claude Meillier. Callimaque et son temps. Recherches sur la carrière et la condition d'un écrivain à l'époque des premiers Lagides. Publications de l'université de Lille, 3, 1979, p. 233–247. Важнейшей особенностью этого исследования является привлечение широкого спектра реалий – исторических, социальных, религиозных; без такого, комплексного подхода, считает автор, наше представление о творчестве и поэтике Каллимаха заведомо будет неполным и неточным. См. подробный реферат этой монографии: В. П. Завьялова. Клод Мелье. Каллимах и его время. Исследование о карьере и положении поэта в эпоху первых Лагидов. Лилль, 1979. В сб. Р. Ж, № 6, 1981.

2. E. A. Barber. Callimachus. The Oxford Classical dictionary. Oxford, 1966, p. 157. Ср. Lehnus Luigi. Kallimachos. Der Neue Pauly 6, 1999, S. 188–94.

3. Как пишет Клод Мелье (Op. cit. P. 9), учитывая любовь древних к классификациям разного рода (по жанрам, школам и т. д.), жизнь Каллимаха была известна в древней традиции если не из монографии, то по крайней мере из собрания βίοι. До нас дошла лишь биографическая схема, в которой не достает многих звеньев, но точность и определенность схемы, с замечательной ясностью изложенной в статье «Суды», позволяет предполагать существование одной или нескольких более детальных биографий, источник которых, скорее всего, древний и, вероятно, александрийский. В новое время была написана даже беллетризованная биография Каллимаха, включающая наиболее известные факты традиции: E. Fritz. Romantische Cyrenaica. Dich-

ник – Каллимах-младший, прославившийся, по свидетельству «Суды», поэмами об островах (Test. Preiff. № 1)[4]. Каллимахом[5] звали также отца и деда поэта, о чем он пишет в «Эпитафии отцу» (AP VII, 525; пер. Л. Блуменау):

Кто бы ты ни был, прохожий, узнай, Каллимах из Кирены
Был мой родитель, и сын есть у меня Каллимах.
Знай и о них: мой отец был начальником нашего войска,
Сын же искусством певца зависть умел побеждать

Кирена была основана во времена Великой греческой колонизации[6] в 631/630 г. до н. э. греками-дорийцами, выходцами с острова Фера (современный о. Санторин). В одном из фрагментов Каллимах называет Феру «матерью наших краев»[7]. Свое имя город получил от мифической нимфы Кирены, дочери Гипсея, внучки Пенея. Кирену полюбил Аполлон, увез ее из

tung einer Reise. Die Hymnen des Kallimachos. Hamburg, 1940. Археологический роман построен на работах У. Виламовица 1924, 1925 годов, посвященных эллинистической поэзии. Особого интереса заслуживает вторая глава «Античная Киренаика», где описываются «античные» руины Кирены, Аполлонии, Птолемаиды. Стержнем повествования является вымышленная история о романе с некоей Лаис, после гибели которой Каллимах покидает Кирену.

Во Флоренции, в Археологическом музее хранится бюст, возможно, Каллимаха, который входит в число небольших бронзовых бюстов из Ливорно: невыразительная внешность, простая прическа и короткая борода – таков портрет Каллимаха, сохранившийся в традиции. Подробнее: Герман Хафнер. Выдающиеся портреты античности. М., Прогресс, 1984, с. 141 (См. рис. 3).

4. Фр. 309, ср. в: Supplementum Hellenisticum. Edd. H. Lloyd-Jones, P. Parsons. Berlin, 1983.

5. В современной русскоязычной практике существуют две традиции произношения имени Каллимах: Калл*и*мах и Каллим*а*х. Первая идет от именительного падежа греческого имени Καλλίμαχος; вторая от родительного падежа (основы) – Καλλιμάχου (Ср. Ἀλέξανδρος, Ἀλεξάνδρου – в русской традиции Александр; Ἀρχίλοχος, Ἀρχιλόχου – Архил*о*х, Ἡρόδοτος, Ἡροδότου – Геродот; Πλούταρχος, Πλουτάρχου – Плут*а*рх и т. д.

6. Изучению различных аспектов греческой колонизации VIII–VII вв. до н. э. посвящена огромная литература. Подробный обзор истории древнегреческой колонизации на основе археологических данных представлен в работе Дж. Бордмана (Boardman J. The Greeks Overseas. Harmdsworth, 1973) и др. Об основании Кирены говорится в интереснейшем эпиграфическом памятнике, дошедшем до наших дней, так называемой «стеле основателей». Это прямоугольная мраморная стела, текст которой с трудом поддается прочтению, но по палеографическим данным его можно датировать первой половиной IV в. до н. э. Подробнее см.: В. П. Яйленко. Греческая колонизация VII–III вв. до н. э. М., Наука, 1982, с. 61–83.

7. О Каллисте-Фере ср: Аполлоний Родосский, Аргонавтика, IV, 1749–1795.

Фессалии в Ливию, где она родила от него Аристея. Этот миф имеет устойчивую традицию и не раз повторяется в греческой литературе (ср. Pind. Pyth. IV, 5 и сл; Apoll. Rhod, II, 500 и сл; Diod. IV, 81 и др.). По имени города вся область на северо-востоке Ливии близ побережья Средиземного моря стала называться Киренаикой (Киренаикой с главным городом Бенгази она называется и в наши дни).

Основателем колонии легенда называла далекого предка Каллимаха – Батта. Все перипетии основания колонии и историю самого Батта передают Геродот (Herod. IV, 145–169); Пиндар (Pind. Pyth. IV, 3–8); Диодор (Diod. VIII, 29); Плутарх (Plut. De Pyth. orac., 27, 408a). О Батте сообщает Страбон (Strab. XVII, III, 21). Батт был сыном знатного ферейца Полимнеста и наложницы Фронимы, с детства заикался и шепелявил; когда он повзрослел и отправился в Дельфы за советом, как избавиться от недуга, Пифия неожиданно ответила ему так:

Батт, ты пришел ради речи, Феб же, владыка Аполлон,
В Ливию, агнцев кормящую, шлет поселенцем тебя.

Батт не сразу последовал совету Пифии; тогда его и других ферейцев постигли разные невзгоды. После второго пророчества Пифии Батт с двумя 50-весельными кораблями отплыл в Ливию, но основать колонию удалось не сразу. Батт и его спутники даже возвращались на Феру, но ферейцы не позволили им пристать к берегу и приказали плыть обратно[8]. Снова вернувшись к берегам Африки, ферейцы под предводительством Батта высадились на острове Платея[9], напротив Кирены, и прожили там два года. После нового пророчества Пифии они создали поселение уже в самой Ливии в местности, которая называлась Азирида. (Herod. IV, 157). Азириду с двух сторон окружали прекрасные лесистые холмы, а вдоль третьей – протекала река. В Азириде или Азиле (ср. в словаре Стефана Византийского: Ἄζιλις· πόλις Λιβύης... τινὲς δὲ Ἄζιριν μετὰ τοῦ «ρ» λέγουσι τὸν χῶρον) греки прожили шесть лет. Каллимах хорошо

8. Об оракулах в связи с основанием Кирены см.: О. В. Кулишова. Дельфийский оракул в системе античных межгосударственных отношений (VII–V вв. до н. э.). СПб., 2001, с. 360–366.

9. Это свидетельство согласуется с принятым в настоящее время мнением, что, как правило, раннегреческие колонии выводились на острова или полуострова и лишь впоследствии колонисты двигались вглубь материка. Ср. Ю. Г. Виноградов. Политическая история Ольвийского полиса VII–I в. до н. э. Историко-эпиграфическое исследование. М. 1989.

знает все подробности этой истории, об основании Кирены он пишет в самом лирическом своем гимне «К Аполлону», где из 113 стихов гимна 31 посвящены основанию города. В частности, об этом эпизоде он вспоминает так (Call. II, 88–89)[10]:

> В оное время дорийцы еще не черпали влаги
> Из Кирнейской струи, но жили в долинах *Азилы*.

Тогда же, скорее всего, произошло окончательное примирение греков и ливийцев (Call. II, 86–87):

> ...и в кругу *белокурых ливиек*
> Начали пляс, доспехи надев, брапоносные мужи.

Затем греки, по совету ливийцев, двинулись на запад. Для того, чтобы эллины не видели самой красивой местности, как пишет Геродот (Herod. IV, 158), ливийцы старались вести их ночью, потом подвели к источнику, посвященному Аполлону, и предложили там поселиться.

Сохранилось предание, что в Кирене Батт излечился от заикания: обходя Киренайскую область в ее отдаленных и тогда еще безлюдных местах, он увидел льва и, испугавшись, громко и ясно закричал (Paus. X, 15, 7). Возможно, памятуя об этом событии, Каллимах вставит во II гимн эпизод со львом (Call, II, 91–92): «...где сразила / Дщерь Гипсеева *льва*, быков Эврипиловых гибель». Эллины, благодарные Батту за то, что он привел их в столь благодатные места, принесли в дар в Дельфы скульптурную группу работы Амфиона, которая изображала, как пишет Павсаний, Батта на колеснице: возницей на этой колеснице была Кирена, а Ливия венчала Батта венком (Paus. X, 15, 6).

Батт правил новой колонией, по свидетельству Геродота, сорок лет. Само его имя Геродот считает производным от ливийского «баттос», что означает «царь»; Пифия уже в первом пророчестве называла его по-ливийски царем, зная, что он будет править этой колонией. Настоящее же имя основателя Кирены – Аристотель и его сообщает Каллимах (Call. II, 76): «Здравье найдя, Аристотель привел к земле Асбистийской».[11] Аристотель был потомком аргонавта Евфима, но после осно-

10. Здесь и далее гимны Каллимаха приводятся в переводе С. С. Аверинцева: Александрийская поэзия. М.: Художественная литература, 1972, с. 101–132.

11. Асбистийская земля – древнее название Киренаики. Имя основателя колонии передает также Пиндар (Pind. Pyth., V, 87).

вания колонии в Кирене его, очевидно, стали чаще называть Баттом: так это имя стало родовым. Баттиадом[12], Киренцем называли столетия спустя самого Каллимаха и в греческой, и в римской традиции. Но, возможно, впервые Баттиадом назвал себя сам поэт (автоэпитафия, AP. VII, 415; пер. Л. Блуменау):

Баттова сына могилу проходишь ты, путник.
Умел он
Песни слагать, а подчас и за вином не скучать.

Каллимах с гордостью объявлял себя выходцем из Кирены и потомком Батта. Он не отделял своей личной славы от славы родного города, блестящей в его время. Когда Страбон говорит о Кирене, он не упускает случая отметить, что это родина Каллимаха и одного из наиболее знаменитых его учеников — Эратосфена (Strab. XVII, 838). «Баттиадом» и «Киренцем» Каллимах именуется одинаково часто, с той лишь разницей, что «Киренец» чаще встречается в прозаических текстах (за исключением одного контекста у Проперция), а «Баттиад» исключительно в поэтических.

Главным покровителем эллинов, покинувших Феру, покровителем Батта и основанного им города был Аполлон Карнейский. Ему Каллимах посвящает II гимн, в котором пишет (Call. II, 65–68)[13]:

Феб и земли отчизны моей для Батта назначил:
Он и народ предводил, вступавший в Ливию, враном
Справа явившись вождю, и клялся город и стены
Роду наших владык даровать; и клятвы сдержал он.

Все в Кирене было посвящено Аполлону: в его честь был построен великолепный храм, который Пиндар в V Пифийской оде называет «крепко воздвигнутым» (Pind. Pyth. V, 82); к храму вела специальная дорога (Pind. Pyth. V, 90–91; пер. М. Гаспарова):

...для спасительных шествий Аполлона
Вымостил прямоходную дорогу топоту коней

12. О толковании имени Баттиад применительно к Каллимаху см: A. W. Stephen. Callimachus Battiades (epigr 35). Classical Philology, 94, 1999, p. 168–181.

13. Кирене посвящены также стихи, дошедшие во фрагментах: fr. 112; 264, 126, 13, 396, 548, собранные и прокомментированные Р. Пфейффером. Подробнее см.: R. Pfeiffer. Kallimachosstudien. München, 1922. S. 76 ff.

Круглый год алтарь Аполлона утопает в цветах (Call. II, 80–84):

...Многочтимый Карней! Ведь каждой весною
Твой алтарь цветами увит, каких только Оры
Не ухитрятся взрастить под росистым Зефира дыханьем,
Каждой зимою шафраном украшен; на нем пламенеет
Неугасимый огонь, и пеплом не кроются угли.

Ни одного из богов киренцы не почитали так, как Аполлона (Call. II, 95–96); каждый год во время Карнейских торжеств с особой пышностью и весельем они устраивали празднества в его честь (Call. II, 93–94):

О, никогда еще Феб хоровода не видел священней,
И ни единому граду щедрее себя не явил он,
Нежель Кирене...

Для Каллимаха эти празднества — наиболее яркое впечатление; он никогда в дальнейшем не забудет ни их, ни Кирену, ни благодеяний Аполлона, ведь «это у меня — отцовское» (ἐμοὶ πατρώιον οὕτω) — говорит поэт (Call. II, 71)[14].

Кирена[15], самый большой город в Северной Африке после Карфагена, была расположена в 15 километрах от побережья моря в прекрасной местности у знаменитого источника Кирн. Кирена была основана на двух холмах, разделенных небольшой долиной, по которой проходила дорога из глубинных районов Африки. Ее портом был известный город Аполлония;

14. Помимо общего для всех дорийцев праздника в честь Аполлона Карнейского (Καρνεῖα упоминаются на дорических Кикладах, Фере и Анафе) богатая Кирена устраивала пышные празднества Διοσκούρεια, Ἀστυδρόμια (в память основания города), Θεοδαίσια (в честь Диониса и нимф) и др.

15. О Кирене подробнее см. U. von Wilamowitz-Moellendorff. Kyrene 1928. L. Malten. Kyrene. Berlin, 1911. Древняя Кирена в VII в. н. э. была разрушена арабами; на ее месте в настоящее время поселение Шаххат, где находится музей с большой коллекцией киренских монет. В окрестностях деревни — хорошо сохранившаяся колоннада греческой агоры, остатки храмов Аполлона и Зевса, развалины древних амфитеатров. Родник в скале по сей день снабжает Шаххат водой. Вся Киренаика — одна из трех провинций народной Ливийской Арабской Джамахирии; главный город области — Бенгази, второй по величине и значимости после столицы Триполи. Недалеко от древнего расположения порта Аполлонии — современный портовый и курортный город Дерна, торговый центр оазиса, в районе древнего Пентаполиса — современный город Эль-Мардж (прежде итальянский город Барка). (См. рис. 3).

вместе с расположенными поблизости городами – Тавхирой (позднее Арсиноя), Гесперидой (позднее Береникой), Баркой и Птолемаидой – этот территориальный комплекс назывался Пентаполис (союз пяти городов). Древние авторы сообщают (ср. Herod. IV, 199), что здесь, на границе с пустыней, греки нашли хорошую землю с обильными дождями в отличие от других территорий Египта, и таким теплым климатом, что жатва в этих краях продолжалась восемь месяцев. Необычайная сила киренской земли запечатлелась в древнейшем греческом мифе о киренце Антее. Сын Посейдона и Геи, он предлагал всем иноземцам бороться с ним и всех одолевал, поскольку, касаясь земли, черпал из нее все новые силы. И только Геракл, понявший, в чем мощь Антея, оторвал его от земли и потому смог одолеть (Apollod. II, V, 11). О плодородии Кирены слагались легенды. Одну из таких местных легенд (Ortsage), как считал еще Л. Мальтен[16], Каллимах передает во II гимне: плодородие Кирены – результат покровительства Аполлона-Номия (Пастушеского): «Феба зовем и Пастушеским мы» (Call. II, 47); и Аполлона-Карнея (Земледельческого): «Я же Карнеем зову – таков мой обычай природный» (Call. II, 71). Дожди и росы в киренской земле – настоящий «елей благовонный», «панакея», которые «струят святые власы Аполлона». Ведь «во граде, где росы такие / Пали на землю однажды, вовеки недугов не будет» (II, 40–41). Под счастливым «оком» Аполлона «множился скот», «плодились / козы без счета», «каждая матка вдвойне и втройне плодовита» (II, 50–54).

Кирена славилась своей пшеницей; киренцы экспортировали оливковое масло, вино, финики, овощи, мед. Особенную славу Кирене принес сильфий[17], который стоил, как сообщает Плиний Старший (Plin. XIX, 38), дороже, чем равное по весу количество серебра, и был одним из самых драгоценных даров природы. Киренцы были монополистами в тор-

16. L. Malten, op. cit., S. 32–38.

17. σίλφιον, τό (лат. laserpitium) – многолетнее кустарниковое травянистое растение семейства зонтичных с желтыми цветами и глубоко вырезанными листьями; исчезнувший позднее вид ферулы. По свидетельству Феофраста (История растений, VI, 3, 1), благодаря острому, пикантному соку стеблей и корней сильфий использовался как вкусовая приправа к различным мясным и рыбным блюдам. Известен сильфий был также и своими медикаментозными свойствами: микстуры от кашля, всевозможные мази – все это изготовлялось из сильфия, поэтому листья и сок сильфия были важнейшей статьёй экспорта. У Афинея (Афиней, I, 27e) сохранился фрагмент из Гермиппа, в кото-

говле сильфием, поскольку все попытки выращивать это растение в Сирии, Греции не увенчались успехом. На сильфии во многом было основано благосостояние киренцев; поэтому сильфий был символом Кирены, его изображение чеканили на киренской тетрадрахме. Выгодными статьями дохода для киренцев были также коневодство и овцеводство. Киренцы были хорошими ремесленниками и художниками; благодаря им греческое искусство получило распространение в Африке: киренские расписные вазы славились на всем африканском побережье.

Богатая Кирена была украшена площадями и садами, гимнасиями и храмами; Геродот (Herod. IV, 158–164), Страбон (Strab. XVII, 837) пишут о прекрасно укрепленном киренском акрополе. (Остатки античных храмов, театра сохранились до сих пор).

Во все времена Кирена славилась своими культурными традициями. Ее уроженцы на протяжении всей античности становились известнейшими людьми в тогдашнем мире. Сохранилось предание, что в VI. до н. э. киренец Евгамон, эпический поэт, сочинил поэму «Телегония», а в V в. до н. э. победы киренцев в конных ристаниях стали темой трех од Пиндара (Пифийские оды: IV, V, IX). Считается, что, возможно, Пиндар сам посетил Кирену. О киренцах – победителях во всевозможных спортивных состязаниях пишет Павсаний (Paus. VI, 1; 3; 7; 8; 12; 13; 18; X, 1; 2; 3).

Большой известностью пользовалась киренская философская школа, основанная Аристиппом, учеником Сократа. Приверженцы этой школы называли себя киренаиками и занимались проблемами этики[18]. Учеником Аристиппа Младшего был философ и математик Феодор, который внес большой вклад в

ром о Кирене он пишет так: «Сильфия стебли, да шкуры быков он везет из Кирены». Столетия спустя о сильфии вспомнит Катулл в известнейшем стихотворении (Catull. 7, 1–4; пер. С. Шервинского):

Сколько, спрашиваешь, твоих лобзаний
Надо, Лесбия, мне, чтобы пыл насытить?
Много – сколько лежит песков сыпучих
Под Киреной, сильфием поросшей.

Цветок из Кирены упоминали и описывали кроме Катулла Геродот, Гиппократ, Аристофан, Феофраст, Диоскорид и др.

18. Подробнее см.: А. Ф. Лосев. Диоген Лаэрций и его метод. В кн: Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1979, с. 41–43.

развитие теории иррациональных чисел. Другой последователь Аристиппа Гегесий утверждал, что в жизни больше боли, чем удовольствия, больше горя, чем радости, и поэтому единственный урок, который можно извлечь, занимаясь философией, — самоубийство. Гегесий отстаивал свой тезис с таким красноречием, что по городу прокатилась волна самоубийств, и властям пришлось изгнать его из Египта. (Cic. Tusc. disp. I, 34; 83). Киренцем был, как сказано выше, современник и ученик Каллимаха известнейший ученый и поэт Эратосфен. В поздней античности гимнами прославился киренец Синезий (IV в. н. э.) и т. д.

Власть Баттиадов в Кирене была свергнута задолго до рождения Каллимаха — в 440 г. до н. э. Последнему царю этой династии — Аркесилаю Киренскому, колесница которого победила в Пифийских состязаниях 462 г. до н. э., Пиндар посвятил IV и V Пифийские оды.

Но еще много раньше весь регион в результате египетского похода Камбиза (525 г. до н. э.) попал под власть персов (Herod. III, 17–26), которые оставались здесь вплоть до прихода войск Александра Македонского (332 г. до н. э.). По свидетельству Арриана (III, 5; 4; VII, 8; 6), управление Ливией Александр поручил своему наместнику, власть которого прекратилась с вторжением в область после смерти Александра Птолемея I (322/321 г. до н. э.). Между Египтом и Ливией всегда существовала вражда, уходящая своими корнями еще в додинастические времена, следствием чего были частые войны и карательные экспедиции. И теперь поход Птолемея I в Киренаику был его первой внешнеполитической акцией после того, как он стал сатрапом Египта[19]. Поводом к вторжению послужили внутренние смуты, вспыхнувшие в Кирене после смерти Александра. Оказавшиеся в проигрыше местные олигархи обратились за помощью к Птолемею I, в ответ он послал в Кирену отряд под командованием Офелла, которому удалось разгромить противника олигархов Фиброна и поставить Кирену в зависимость от Египта. В результате этих событий с 322 г. до н. э. Кирена попадает под власть египетского сатрапа. Считается, что годом позже (возможно, в 321 г.) Птолемей I совершил поездку в Кирену, и отношения

19. Подробнее см.: А. Ейне. Кирено-египетские отношения при первых Птолемеях. Древний Восток и античный мир. М., 1972, с. 165–183. Он же: Дельфы, Кирена и Птолемеи. Вопросы истории. 1971, № 2, с. 214–218.

между городом и властителем были урегулированы соглашением, записанным на диаграмме[20].

С этого времени интересы Птолемея I в Кирене отстаивал назначенный им наместник, являвшийся доверенным лицом Птолемея. Но отношения Птолемеев и Кирены еще долго оставались неустойчивыми, поскольку впервые приходилось примирять потребности территориального государства с интересами греческого полиса. В 313 г. до н. э. киренцы опять взялись за оружие, подстрекаемые демагогическими призывами к объединению со стороны противника Птолемея I – Антигона. Киренцы, провозгласив свою независимость, осадили цитадель города, где стоял птолемеевский гарнизон со времени первого похода Птолемея I. Послы, прибывшие из Александрии и потребовавшие прекращения военных действий, были умерщвлены, а киренцы с еще большим рвением продолжили осаду. Птолемей I вынужден был вторично послать флот в Кирену и в 312 г. до н. э. восстание киренцев было подавлено. Птолемеевский стратег Агис быстро и энергично подавил мятеж, зачинщики были отправлены в Александрию; в самом городе снова было организовано городское управление согласно распоряжениям Птолемея I, а во главе провинции был поставлен Офелл[21].

С этого времени Кирена попадает в еще большее подчинение Египту. Но через два года в северной Африке появляется

20. Хронология эллинизма из-за того, что важнейшие источники по истории раннего эллинизма – Иеронима из Кардии, Дуриса Самосского, Тимея из Тавромения, Арата Сикионского и др. – известны нам лишь во фрагментах, *из-за запутанности и сбивчивости греческого летоисчисления*, из-за расхождений в интерпретации отдельных фактов (об эллинизме пишут Полибий, Плутарх, Диодор Сицилийский, Аппиан, Павсаний и др.) до сих пор точно не установлена, и у разных авторов, пишущих о проблемах раннего эллинизма, встречаются существенные расхождения. Подробнее историографию эллинизма см: Роберт фон Пёльман. Очерк греческой истории и источниковедения. СПб., Алетейя, 1999, с. 304–383; Источниковедение древней Греции (эпоха эллинизма). Под редакцией В. И. Кузищина, М.: Изд-во МГУ, 1982, с. 66–117; Г. Бенгстон. Правители эпохи эллинизма. Пер. с нем. предисл. Э. Д. Фролова. М.: Наука, 1982 и др. В данной работе все исторические даты, за исключением специально оговоренных, приводятся по изданию: Э. Бикерман. Хронология древнего мира. М., 1975. Еще сложнее обстоит дело с хронологической атрибуцией в литературе. См.: T. B. L. Webster. Chronological Problems in Early Alexandrian Poetry. Wiener Studien, 76, 1963, p. 68–78.

21. Подробнее см.: И. Г. Дройзен. История эллинизма, т. 2. Войны диадохов и закат эллинизма. Пер. М. Шелгунова. М., 2003, с. 30–31 и сл.

сиракузский тиран Агафокл[22], надеявшийся с помощью Кирены начать войну против Карфагена. С этой целью он стал вести переговоры с Офеллом, мечтавшим отложиться от птолемеевского Египта. Однако оба правителя не доверяли друг другу до конца, из их затеи ничего не вышло: Офелл был убит в вооруженном столкновении, а Агафокл вернулся к себе на Сицилию. Кирена и вся Ливия практически остались без правителя. На этот раз покорение этих земель Птолемей I возложил на Магаса (или Мага), сына своей супруги Береники I от первого брака, сводного брата будущего Птолемея II[23]. Теперь Кирена была покорена без значительной борьбы и по восстановлении в ней порядка город и страна скоро вновь достигли цветущего состояния.

Магас правил Киреной на протяжении 50 лет (с 308 г. до н. э. вплоть до своей кончины в 258 г. до н. э.); в Кирене сохранялось самоуправление, эллинские партии, сохранялось право чеканить собственную монету (наряду с изображением египетского царя, на монетах чеканили также портрет Магаса).

В 301 г. до н. э. после битвы диадохов при Ипсе власть Птолемея I над Египтом окончательно утвердилась, а царский титул (в 305 г. до н. э. Птолемей I провозгласил себя царем по примеру Антигона и Деметрия) за династией Птолемеев остался на долгие триста лет. В 283 г. до н. э. Птолемей I скончался, а наследовавший его власть Птолемей II, уже два года принимавший участие в управлении страной (с 285 г. до н. э. он был соправителем Птолемея I), принял на себя царские полномочия почти на сорок лет, вплоть до своей кончины в 246 г. до н. э. (некоторые источники датой смерти Птолемея II называют 247 г. до н. э.). На протяжении первых десятилетий правления Птолемея II киренская политика, отношения с Киреной остаются нестабильными. Магас, сводный брат Птолемея II, все эти годы продолжавший править в Кирене, не оставлял мысли отложиться от птолемеевской опеки. Под влиянием

22. Агафокл – тиран кампанцев, которые, поселившись на Сицилии, поддерживали то карфагенцев, то их противников; умер в 282 г. до н. э.

23. Береника, дочь знатных македонских аристократов, была третьей женой Птолемея I. У Береники I и Птолемея I было четверо детей (среди них – будущий Птолемей II, родившийся в 308 г. до н. э., и дочь Арсиноя, родившаяся не позднее 316 г. до н. э., будущая Арсиноя II, супруга Птолемея II). Подробнее см.: Г. Бенгстон. Правители эпохи эллинизма. Пер. с нем. предисл. Э. Д. Фролова. М.: Наука, 1982, с. 56.

своей жены Апамы, дочери Антиоха I, он заключает союз с Селевкидами и в 274 г. до н. э. пытается даже двинуть свои войска на Египет. Но,ы едва перейдя границу Египта, он встретился с войсками Птолемея II, однако военных действий не последовало: в тылу Магаса восстало бедуинское племя мармаридов (при активном содействии Птолемея II), а сам Птолемей II не решился преследовать Магаса, поскольку и в его войске восстали иноземные наемники.

Окончательное примирение между Птолемеем II и Магасом наступает лишь незадолго до кончины последнего около 260 г. до н. э., когда Магас и Птолемей II решают связать брачными узами своих детей — Беренику II и будущего Птолемея III Эвергета. И хотя мать Береники II — Апама — всячески пыталась расстроить брак, Птолемей III женился на Беренике в 254/253 г. до н. э.; сначала Птолемей III являлся соправителем Птолемея II, а в 247/246 г. до н. э. после кончины отца он становится единовластным царем и Кирены, и Египта.

Все описываемые исторические события имели прямое отношение к Каллимаху: они влияли на его жизненный путь, их прямо или косвенно он отражал в своем творчестве.

Итак, жизненный путь Каллимаха протекал во время царствования первых трех, самых знаменитых в античной историографии Птолемеев[24]. Во времена Птолемея I Сотера (годы правления: 323–283 гг. до н. э.) отец и родственники Каллимаха, скорее всего, принимали участие в бурных событиях своего полиса. Молодые годы поэта проходят во время правления Магаса (годы правления Магаса — 308–258). К тридцати годам приходит решение покинуть Кирену и обосноваться в Александрии. Александрийский период совпадает со временем правления Птолемея II Филадельфа (годы правления 283–247/246 г. до н. э.); это время стабилизации монархий диадохов, время наивысшего расцвета науки и искусства в Александрии. Каллимах сначала учительствует в пригороде Александрии — Элевсине, а затем, благодаря покровительству царя, когда поэту уже около 50 лет, получает приглашение принять участие в работе Александрийской библиотеки. И, наконец, последние годы жизни Каллимаха совпадают со временем правления Птолемея III Эвергета (годы правления: 247/246–221 г. до н. э.). О

24. Портреты монархов династии Птолемеев, иконография которых достаточно полно разработана в наше время, представлены в фундаментальном труде Хельмута Кириляйса «Портреты Птолемеев». Берлин, 1975.

том, что Каллимах умер в возрасте 71 года на третий год после воцарения Птолемея III, т. е. в 243 г. до н. э., известно из словаря «Суда» (Test. Pfeiff. № 1): «καὶ παρέτεινε μέχρι τοῦ Εὐεργέτου κληθέντος Πτολεμαίου ἧς κατὰ τὸ δεύτερον ἔτος ὁ Εὐεργέτης Πτολεμαίος ἦρξατο τῆς βασιλείας». «(Жизнь его) протянулась до Птолемея, прозванного Эвергетом, (смерть наступила) после второго года царствования Птолемея Эвергета». В некоторых источниках годами смерти Каллимаха называют или 246 г. до н. э., или 240 г. до н. э.

Скорее всего, к поэтическому творчеству Каллимах обратился уже в Кирене. Косвенным доказательством, как считает Клод Мелье[25], может служить эпиграмма, посвященная поэту-земляку Феэтету, в которой Каллимах сетует о неудаче, постигшей Феэтета на празднестве в честь Диониса. Искренность сочувствия Феэтету позволяет предположить, что когда-то и сам Каллимах пережил подобное (эп. «Поэту Феэтету» — AP IX, 565; пер. Л. Блуменау):

Чистой дорогой пошел Феэтет. И пускай ему этим
Самым путем до сих пор, Вакх, не дается твой плющ,
Пусть на короткое время других восхваляет глашатай,
Гений его прославлять будет Эллада всегда.

Прямым же свидетельством служат неоднократно повторяемые слова поэтом о расположении к нему Муз, которое он ощущал с раннего возраста. В «Эпитафии отцу» (AP. VII,525) он писал:

...кто был еще мальчиком Музам приятен,
Тот и седым стариком их сохраняет любовь.

Та же мысль, почти дословно, повторяется во фрагменте пролога к поэме «Причины» (пер. О. Смыки):

Но не ропщу! Если Муза кого привечала ребенком,
В пору, как стал он седым, друга не бросит она.

Вероятно, память о Кирене, связь с ней Каллимах сохранил на долгие годы[26]: киренцами были его ученики Эратос-

25. C. Mellier, op. cit., p. 12

26. Тема «Каллимах и Кирена» подробно исследовалась еще в XIX в. См. например: E. Maas. Kallimachos und Kyrene. Hermes. Bd. 25. 1890, S. 400–411; Studniczka. Kyrene und Kallimachos. Hermes. Bd. 28. 1893, S. 1–18. Из новой литературы по этому вопросу см.: G. Coppola. Cirene e il nuovo Callimaco. Bolo-

фен, Истр, Филостефан; о киренцах он неоднократно упоминает в эпиграммах. В «Эпитафии Басило» (A. P. VII, 517), например, поэт искренне сочувствует горю отца, в дом которого вошло двойное горе – утром хоронили сына Меланиппа, а вечером покончила с собой дочь Басило (пер. Е. Свиясова): «Горько Кирена рыдала, и трудно было не плакать». Знатное киренское происхождение, прокиренская настроенность поэта, скорее всего, повлияли на решение Птолемея II пригласить Каллимаха ко двору: царь был заинтересован в укреплении связей с Киреной.

2. АЛЕКСАНДРИЯ

«...ἐπὶ δὲ τῶν χρόνων ἦν
Πτολεμαίου τοῦ Φιλαδέλφου...»
(Suid. v. Καλλίμαχος)

При всей гипотетичности наших сведений о жизни Каллимаха с достаточной уверенностью можно считать, что в первые же годы царствования Птолемея II – очевидно, около 280 г. до н. э. – Каллимах переезжает в Александрию: здесь его ожидает триумфальное восхождение при дворе Птолемеев, авторитет и влияние в поэтической среде, деятельность в александрийской библиотеке. Подтверждением могут служить жизнеописания Феокрита (Test. Pfeiff. № 9): «Феокрит был современником Арата, Каллимаха и Никандра и было это во времена Птолемея Филадельфа (ἐγένετο δὲ ἐπὶ τῶν χρόνων Πτολεμαίου τοῦ Φιλαδέλφου) и Арата (Test. Pfeiff. № 10): Ἄρατος... ἦν δὲ ἐπὶ Πτολεμαίου τοῦ Φιλαδελφοῦ... συνήκμασε δὲ Ἀλεξάνδρῳ τῷ Αἰτωλῷ καὶ Καλλιμάχῳ... – Арат был во времена Птолемея Филадельфа... современник Александра Этолийского и Каллимаха.

Александр Великий за время своих походов основал несколько десятков новых городов[27] и всем давал свое имя, но

gna, 1935; C. Calame. Narrating the Foundation of a City: the Symbolic Birth of Cyrene. Approaches to Greek Myth. Baltimore, 1990, p. 277–341; C. Calame. Legendary Narration and Poetic Procedure in Callimachus' Hymn to Apollo. Callimachus. Groningen. 1993, p. 37-55.

27. Пьер Левек называет больше тридцати новых городов, носивших имя великого полководца. (П. Левек. Эллинистический мир. М.: Наука, 1989, с. 10); в настоящее время исследователи перечисляют 14 или 11 «Александрий». (См. рис.2).

только Александрии Египетской, считавшейся в древности самой великолепной столицей в мире, «золотым городом», суждена была великая слава. Вот как описывает Александрию современник Каллимаха — Герод (Герод. Сваха или сводня, 27–31; пер. Г. Церетели):

> В Египте все-то есть, что только есть в мире:
> Богатство, власть, покой, палестра, блеск славы,
> Театры, злато, мудрецы, царя свита,
> Владыка благостный, чертог богов-братьев,
> Музей, вино — ну, словом, все, что хочешь

Благодаря исключительно выгодному стратегическому положению (местоположение города было очень удобным для осуществления торговых связей между Востоком и Западом), географическому расположению (в Александрии была одна из лучших морских гаваней, уступавшая во всем Средиземноморье лишь Карфагенской)[28], благодаря взвешенной политике ее первых правителей город рос очень быстро. И при Пто-

28. Александр Великий присоединил Египет к своим владениям после посещения им оракула Амона-Ра и правил этой страной 10 лет, вплоть до своей кончины (323 г. до н. э.). Египет, занимавший тогда долину Нила ниже первого порога, простирался на 1200 км в длину и едва ли не более 50 км в ширину в самой своей широкой части. И только на побережье Средиземного моря в дельте Нила прибрежная полоса растянулась на 160 км. Именно здесь, на месте небольшого поселения Ракотис (Ракоте) Александр в 332/331 г. до н. э. основывает самый известный город, названный в его честь, Александрию Египетскую. Легенды, связанные с основанием Александрии, передает Арриан (Арриан. Поход Александра, III, 1, 5; 2, 2 и др.).

Об Александрии подробнее см.: P. M. Fraser. Ptolemaic Alexandria. Oxford, 1972. v. I–III. Andre Bernard, Alexandrie la Grande, P., 1966; В. Г. Борухович. В мире античных свитков. Саратов, 1976; H. T. Davis. Alexandria, the golden city. Evanston, 1957.

Жизнь в Александрии не прекращалась никогда, но к началу XIX в. город превратился в деревню, и тогда на старом месте возник новый город, современная Александрия. Новый город был построен по приказу египетского паши Мухаммеда Али, мало интересовавшегося древностями, прямо на руинах старого, т. ч. ранние слои Александрии целиком покоятся под современным городом, что делает раскопки трудоемкими и дорогостоящими. К началу 1990-х годов на археологической карте Александрии зафиксировано не более 200 топографических объектов птолемеевского времени, включая не только памятники, но и отдельные предметы (скульптура, надписи, фрагменты архитектурного декора и т. д.). Подробнее см.: Tkaczow. The Topography of Ancient Alexandria (An Archaeological Map). Varsovie, 1993.

лемее II Александрия была уже самым большим торговым городом в тогдашнем мире.

С распространением территориальных границ росло разнообразие ресурсов и продуктов обмена, и зарождение новой цивилизации, отмеченной духом предпринимательства греков, стало одновременно причиной и следствием прогресса в развитии связей. Новый тип социально-экономических отношений эпохи эллинизма способствовал появлению больших городов — эллинистических мегаполисов[29]; развитие эллинистической культуры происходит на путях обновления старых и основания новых городов. Эта политика, начатая Александром, как одно из средств экономического и политического укрепления власти на завоеванных территориях, была активно продолжена диадохами. Резко расширившийся ареал экономических, торговых, политических и религиозных связей способствовал превращению традиционного полиса не только в центр военно-административный, центр ремесла и торговли, но и в культурно-политический центр нового масштаба. Организация городской жизни с ее высоким уровнем благоустройства как одно из важнейших условий цивилизованного существования — наиболее существенное и прогрессивное достижение греков — в эпоху эллинизма получает дальнейшее развитие. Рост и развитие больших городов неизбежно приводит к новой регламентации, урбанизации жизни населения. В целом, как пишет К. Шнейдер[30], эллинистический человек был городским человеком, а эллинистическая культура была городской культурой. Александрия, построенная по проекту Динократа (Дейнократа) Родосского, с самого начала мыслилась как эллинский город — с агорой, храмами богов, палестрой, гимнасиями, театрами и т. д[31]. Стадион, ипподром, ам-

29. Считается, что Александрия в эпоху римского владычества по площади была в три раза больше Афин во время их процветания и в два раза больше Сиракуз — двух самых больших городов античного мира доэллинистического периода. Население Александрии к концу III в. до н. э., возможно, было более 200 тысяч жителей.

30. C. Schneider. Kulturgeschichte des Hellenismus. München, 1967. Bd. I. S. 126–128.; И. С. Свенцицкая. Социально-экономические особенности эллинистических государств. М., 1963 и др.

31. В современной историографии считается, что у нас нет надежных сведений об архитектуре и планировке Александрии, а находки последнего времени, выполненные в типично египетской манере колоссальные статуи

фитеатр и огромное кладбище, известное как Некрополь или Город мертвых, располагались за городскими воротами, называвшимися Канобскими (от них начиналась дорога в портовый городок Каноб); там же находилось местечко Элевсин, в котором некоторое время жил Каллимах. Здесь неподалеку лежало озеро Мареотида, на берегах которого были пристани и рынки для грузопотока, осуществляемого по Нилу.

О греческих традициях нового города пишут: Арриан (III, 1, 15), Квинт Курций Руф (IV, 8, 6), Витрувий (II, 1–5), Страбон (XVII, 791–793), Диодор Сицилийский (XVII, 52) и др. С самого начала, как пишет Плиний Старший (V, 62), пятая часть всей площади города была отведена под царский дворец. Район назывался Брухейон и помимо царского дворца там находились Мусейон, Библиотека, гробницы Александра[32] и Птолемеев. Перпендикулярные друг другу центральные осевые улицы пересекали город с востока на запад и с севера на юг[33]. Такая планировка города – прообраз поквартальной застройки городов нового времени, впервые примененная в Александрии, позволила в дальнейшем

III в до н. э. из портовой части города, *вносят дополнительную сложность.* В последнее время высказывается мнение, что в регулярной планировке города, характере застройки, во всем великолепии города видно египетское влияние, идущее от планировки столицы Эхнатона-Ахетатона. Подробнее см.: André Bernard. Alexandrie la Grande. Paris, 1966. Рецензия: И. Г. Шурган. ВДИ. М., 1971, с. 126.

32. О самой знаменитой и загадочной гробнице Александрии, так называемой «Семе» *или «Соме» Александра Македонского, пишут многие древние авторы* (Diod. XVIII, 28, 4; Strab. XVII, 1, 8; Curt. X, 10, 20 и др.), но она не найдена, и до сих пор ведутся споры о ее локализации. На сегодня наиболее популярной версией является связь «Семы» с Алабастровой гробницей, открытой в 1907 *г. в восточной части города.* Возможно, это часть гробницы Александра, если учесть расположение памятника (на возможном пересечении двух главных улиц) и уникальный внешний облик Алабастровой гробницы (она построена из алабастровых плит и близка к аналогичным македонским образцам).

33. Центральная улица города, называемая Дромос и простиравшаяся с востока на запад, была шириной в 34 м. Улицы Александрии были вымощены и освещались, в городе поддерживалось хорошее водоснабжение; за общественным порядком следила стража. Несмотря на большое количество египетских памятников, найденных недавно в Александрии, М. Венит придерживается традиционной точки зрения: Александрия – греко-македонский город, эллинистический в своей основе, с отдельными египетскими вкраплениями. Подробнее см.: M. S. Venit. Monumental Tombs of Ancient Alexandria. The Theater of the Dead. Cambridge: CUP, 2002. XV. Рецензия: Ю. Н. Литвиненко. ВДИ. Наука, № 3. 2005, с. 293–299.

значительно благоустроить город. Город делился на кварталы: в западном Ракотисе селились преимущественно египтяне, в северо-восточном — иудеи, в юго-восточном — греки[34].

Столицей Египта Александрия становится в 305 г. до н. э.[35], когда Птолемей I, провозгласивший себя царем, переносит из Мемфиса столицу в новый город, прочно организовав политическую и экономическую жизнь своего государства.

Правление первых Птолемеев было самым эффективным в эллинистическом мире. Как писал А. Б. Ранович[36], при Филадельфе была создана та система управления государством и хозяйством страны, которая с теми или иными изменениями сохранялась до конца эллинизма и была воспринята затем римлянами. Когда Птолемей I передал престол своему сыну, то помимо Египта ему принадлежали Кипр, Келесирия и Кирена. Птолемей II присоединил к своим владениям юг Сирии и южные области Малой Азии; Киклады, Самос, Самофракия и Геллеспонт находились под его контролем. Первые Птолемеи поддерживали дружеские отношения с западным миром: был заключен союз с Карфагеном, Сиракузами, велись переговоры с римским сенатом (273 г. до н. э.). Египет не обладал ни одним поселением на эллинском материке, но он имел сильное влияние на политику Спарты.

На протяжении всего III в. до н. э. Птолемеи вели постоянные войны с Селевкидами из-за южной Сирии. Сирийские

34. По мнению современных исследователей, население Александрии было полиэтничным: наряду с греками и египтянами здесь проживали иудеи, арабы, ливийцы, сирийцы и выходцы из других регионов Африки, Эгеиды и Восточного Средиземноморья. Г. Бенгстон. (Правители эпохи эллинизма. Пер. с нем., предисл. Э. Д. Фролова. М.: Наука, 1982, с. 49) по этому поводу пишет: «Птолемей был неутомим в том, что касалось развития и демонстрации главных черт эллинистического идеала царской власти: царь был благодетелем, спасителем и защитником своих подданных. При этом, в принципе, не делалось никакого различия между греками и не греками. В основном, это представление восходит к чисто греческим идеям». Широко известно, что в это время противопоставление эллина варвару, т. е. не эллину, сглаживается; варваром теперь считается тот, кто не причастен культуре в каком-либо из ее проявлений. (Подробнее: Kaerst. Hellenistische Zeitalter. II, S. 290 sq.). В последнее время в эту проблему внесены существенные коррективы. Подробнее см.: сб. Античная цивилизация и варвары. М., Наука. 2006.

35. Иногда считают, что столицей Александрия стала не позже 317/316 г. до н. э. — см.: В. Струве. Манефон и его время. СПб., 2003, с. 106.

36. А. Б. Ранович. Эллинизм и его историческая роль. М.–Л. 1950, с. 176–177.

войны не всегда были успешными для Птолемеев. Тем не менее, внешняя политика первых Птолемеев создала надежный и стабильный авторитет Египта в тогдашнем мире. В середине III в. до н. э. Египет располагал сильнейшим флотом и играл ведущую роль среди эллинистических государств. Первые Птолемеи смогли получать огромные доходы, могли содержать великолепный двор, пышные посольства и какое-то время лелеяли надежду на экономическое господство (денежная монополия, регулирование цен) над Эгейским морем, а через внешние владения — Киренаику, Кипр, Келесирию, Эфес — и над восточным бассейном Средиземноморья.

Не менее успешной была внутренняя политика: все было направлено на укрепление и поддержание власти Лагидов, и в первую очередь развитая система товарно-денежных отношений. Птолемеи продолжили централизованную чеканку золотых и серебряных монет, начатую Александром. Происходит дальнейший рост и перераспределение торгового и ростовщического капитала. Важнейшим центром этих процессов становится Александрия. Египетские корабли из Александрии плавали до Черного моря[37]; Египет завладел великой восточной торговлей[38]. Известны впечатляющие масштабы градостроительной политики Птолемеев: индекс эллинистических городов В. Чериковера[39] насчитывает 329 городов, из которых, по приблизительным подсчетам, в эпоху Птолемеев были построены 170 (с учетом всех эллинистических государств). При Птолемее II были завершены работы по проведению канала (начатые еще Нехо), соединяющего Нил с Красным морем, была проведена мелиорация Фаюма, сооружен

37. В архиве Зенона сохранился документ, в котором говорится о посольстве боспорского царя Перисада ко двору Птолемея II Филадельфа. Папирус датируется 254 г. до н. э. Подробнее см.: М. Ю. Трейстер. Боспор и Египет в III в. до н. э. ВДИ, № 1, 1985, с. 126–139.

38. О политической, социально-экономической, правовой истории государств в эпоху эллинизма см.: В. Тарн. Эллинистическая цивилизация. М., 1949.

39. V. Tscherikower. Die Hellenistichen Städtegründungen von Alexander dem Grossen bis auf die Römerzeit, 1927. «Ряд городов, — как пишет И. С. Свенцицкая, вырос из поселений и деревень, находившихся или на удобных торговых путях или богатых сырьем (мрамором, железом, глиной и т. п.)». И. С. Свенцицкая. Социально-экономические особенности эллинистических государств. М. 1963, стр. 51.

значительно благоустроить город. Город делился на кварталы: в западном Ракотисе селились преимущественно египтяне, в северо-восточном — иудеи, в юго-восточном — греки[34].

Столицей Египта Александрия становится в 305 г. до н. э.[35], когда Птолемей I, провозгласивший себя царем, переносит из Мемфиса столицу в новый город, прочно организовав политическую и экономическую жизнь своего государства.

Правление первых Птолемеев было самым эффективным в эллинистическом мире. Как писал А. Б. Ранович[36], при Филадельфе была создана та система управления государством и хозяйством страны, которая с теми или иными изменениями сохранялась до конца эллинизма и была воспринята затем римлянами. Когда Птолемей I передал престол своему сыну, то помимо Египта ему принадлежали Кипр, Келесирия и Кирена. Птолемей II присоединил к своим владениям юг Сирии и южные области Малой Азии; Киклады, Самос, Самофракия и Геллеспонт находились под его контролем. Первые Птолемеи поддерживали дружеские отношения с западным миром: был заключен союз с Карфагеном, Сиракузами, велись переговоры с римским сенатом (273 г. до н. э.). Египет не обладал ни одним поселением на эллинском материке, но он имел сильное влияние на политику Спарты.

На протяжении всего III в. до н. э. Птолемеи вели постоянные войны с Селевкидами из-за южной Сирии. Сирийские

34. По мнению современных исследователей, население Александрии было полиэтничным: наряду с греками и египтянами здесь проживали иудеи, арабы, ливийцы, сирийцы и выходцы из других регионов Африки, Эгеиды и Восточного Средиземноморья. Г. Бенгстон. (Правители эпохи эллинизма. Пер. с нем., предисл. Э. Д. Фролова. М.: Наука, 1982, с. 49) по этому поводу пишет: «Птолемей был неутомим в том, что касалось развития и демонстрации главных черт эллинистического идеала царской власти: царь был благодетелем, спасителем и защитником своих подданных. При этом, в принципе, не делалось никакого различия между греками и не греками. В основном, это представление восходит к чисто греческим идеям». Широко известно, что в это время противопоставление эллина варвару, т. е. не эллину, сглаживается; варваром теперь считается тот, кто не причастен культуре в каком-либо из ее проявлений. (Подробнее: Kaerst. Hellenistische Zeitalter. II, S. 290 sq.). В последнее время в эту проблему внесены существенные коррективы. Подробнее см.: сб. Античная цивилизация и варвары. М., Наука. 2006.

35. Иногда считают, что столицей Александрия стала не позже 317/316 г. до н. э. — см.: В. Струве. Манефон и его время. СПб., 2003, с. 106.

36. А. Б. Ранович. Эллинизм и его историческая роль. М.–Л. 1950, с. 176–177.

войны не всегда были успешными для Птолемеев. Тем не менее, внешняя политика первых Птолемеев создала надежный и стабильный авторитет Египта в тогдашнем мире. В середине III в. до н. э. Египет располагал сильнейшим флотом и играл ведущую роль среди эллинистических государств. Первые Птолемеи смогли получать огромные доходы, могли содержать великолепный двор, пышные посольства и какое-то время лелеяли надежду на экономическое господство (денежная монополия, регулирование цен) над Эгейским морем, а через внешние владения — Киренаику, Кипр, Келесирию, Эфес — и над восточным бассейном Средиземноморья.

Не менее успешной была внутренняя политика: все было направлено на укрепление и поддержание власти Лагидов, и в первую очередь развитая система товарно-денежных отношений. Птолемеи продолжили централизованную чеканку золотых и серебряных монет, начатую Александром. Происходит дальнейший рост и перераспределение торгового и ростовщического капитала. Важнейшим центром этих процессов становится Александрия. Египетские корабли из Александрии плавали до Черного моря[37]; Египет завладел великой восточной торговлей[38]. Известны впечатляющие масштабы градостроительной политики Птолемеев: индекс эллинистических городов В. Чериковера[39] насчитывает 329 городов, из которых, по приблизительным подсчетам, в эпоху Птолемеев были построены 170 (с учетом всех эллинистических государств). При Птолемее II были завершены работы по проведению канала (начатые еще Нехо), соединяющего Нил с Красным морем, была проведена мелиорация Фаюма, сооружен

37. В архиве Зенона сохранился документ, в котором говорится о посольстве боспорского царя Перисада ко двору Птолемея II Филадельфа. Папирус датируется 254 г. до н. э. Подробнее см.: М. Ю. Трейстер. Боспор и Египет в III в. *до н. э.* ВДИ, № 1, 1985, с. 126–139.

38. О политической, социально-экономической, правовой истории государств в эпоху эллинизма см.: В. Тарн. Эллинистическая цивилизация. М., 1949.

39. V. Tscherikower. Die Hellenistichen Städtegründungen von Alexander dem Grossen bis auf die Römerzeit, 1927. «Ряд городов, — как пишет И. С. Свенцицкая, вырос из поселений и деревень, находившихся или на удобных торговых путях или богатых сырьем (мрамором, железом, глиной и т. п.)». И. С. Свенцицкая. Социально-экономические особенности эллинистических государств. М. 1963, стр. 51.

Фаросский маяк, построены заново и восстановлены многие храмы и т. д. Грандиозность предпринятых и успешно завершенных работ, интенсивность градостроительства, отличающие эту эпоху от всех предшествующих, поражали современников.

Александрийская жизнь известна нам по произведениям Феокрита, Каллимаха, Герона, Посидиппа и других авторов. Сохранилось немалое количество поэтических текстов, в которых описываются новые сооружения, храмы, статуи, царские праздники, процессии, пиры и т. д. Вот как, например, Посидипп (ок. 310–250 гг. до н. э.) передает свое впечатление от Фаросского маяка (папирус – II Пейдж; пер. Л. Блуменау)[40]:

Башню на Фаросе, грекам спасенье, Сострат Дексифанов,
Зодчий из Книда, воздвиг, о повелитель Протей!
Нет никаких островных сторожей на утесах в Египте,
Но от земли проведен мол для стоянки судов,
И, высоко рассекая эфир, поднимается башня,
Всюду за множество верст видная путнику днем;
Ночью же издали видят плывущие морем все время
Свет от большого огня в самом верху маяка,
И хоть от Таврова Рога готовы идти они, зная,
Что покровитель им есть, гостеприимный Протей.

Помимо того, что Александрия была административной столицей, она скоро становится и крупнейшим ремесленным центром. Уже при первых Птолемеях развиваются стеколь-

40. Фаросским маяк назван по имени острова, на котором он был сооружен. Насыпная дамба или мол, носивший название Гептастадий, соединял остров с городом и делил гавань на две части, что делало александрийский порт чрезвычайно удобным для стоянки судов. Маяк, построенный в 299–279 г. до н. э. Сострат из Книда, был одним из семи чудес света. Маяк был разрушен в начале XIV в. н. э.; место, где он был расположен, теперь затоплено морем. С начала 1990-х годов Центром александрийских исследований под руководством Ж.-И. Амперера и Европейским институтом подводной археологии, возглавляемым Ф. Годдио, ведутся подводные исследования в районе древнего Фароса (совр. форт Каит-Бей). В результате работ обнаружены фрагменты Фаросского маяка, найдены великолепные статуи и мозаики, зафиксированы следы «царского квартала». Последнюю информацию об археологических работах и открытиях в Александрии см. «Études alexandrines» IFAO.

ное, керамическое, текстильное, литейное, ювелирное производства[41]. Александрия — первый и главный центр античности по производству папируса.

Первые Птолемеи, используя традиционные египетские формы организации хозяйства и опыт финансовой деятельности в греческом мире, создают стройную систему государственного хозяйства, что позволяло извлекать огромные доходы с помощью чиновничьего аппарата, откупов и монополий, находившихся под строгим контролем центральной власти. С подъемом экономики росли доходы казны.

Строго говоря, в Египте были еще два крупных города: Навкратис, существовавший с древнейших времен, и Птолемаида, основанная Птолемеями на юге страны. Но все богатства стекались и оседали в Александрии. Значительная часть средств тратилась на благоустройство и украшение города. Александрийские архитекторы и скульпторы прославились созданием великолепных архитектурных ансамблей, садово-парковых комплексов; помимо греческих храмов в городе было много парков, украшенных колоннадами и портиками. Появилась мода на искусственные ландшафты, гроты, небольшие водоемы и павильо-

41. Подробнее см.: И. Шургая. Керамическое производство Александрии Египетской эпохи эллинизма. Автореферат на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Л., 1966. И. Д. Марченко. Из истории художественного ремесла Александрии (по материалам ГМИИ им. А. С. Пушкина). ВДИ, 1962, № 2, с. 102–108.

О высоком уровне ремесленного производства, в частности, стекольного, можно судить по замечательному образцу александрийского искусства — Портлендской вазе (ваза названа в честь герцога Портлендского, купившего ее в Риме; теперь она хранится в Британском музее): изящные фигуры вырезаны на слое молочно-белого стекла, наложенного на корпус голубого стекла. О широком распространении художественного стекольного производства говорят модные в то время в Александрии настенные росписи в виде картин на стекле. Большого мастерства достигли в это время александрийские резчики камней, о чем можно заключить по одной из самых прославленных античных гемм — «Камеи Гонзага» (названа так в честь ее ренессансных владельцев — мантуанских герцогов Гонзага). На крупном куске агата неизвестный резчик вырезал парный портрет Птолемея II и Арсинои II. Это произведение относят к числу первых и наиболее значительных художественных находок александрийских резчиков.

42. В этом отношении эллинистическая Александрия явилась предшественницей садово-паркового искусства Рима, а затем и Новой Европы: искусство создания садов, парков, их планировка и разбивка; подбор растений, размещение и группировка их в сочетании с архитектурой, водоемами, скульптурами и т. д. — всему этому в Александрии уделялось большое внимание.

ны и т. д.[42] В поэзии все это ярко отражено в идиллиях Феокрита: его описание пещеры Полифема (Ид. XI, 45–48), некоего «идеального» ландшафта в «Празднике жатвы» (Ид. VII, 135–146), заросшего ручья (Ид. XIII, 39–44) и т. д. во всех подробностях передают мирный южный ландшафт. Обширные городские и загородные поместья богатых правителей украшались изваяниями, рассчитанными на лирические эмоции. Утопавшая в зелени садов и парков на фоне фонтанов и водоемов александрийская скульптура носила преимущественно камерный и декоративный характер. Скульпторы активно использовали новые материалы – хрусталь, халцедон, топаз, стекло, черный мрамор; для своих скульптур они выбирали неизбитые сюжеты, характерные лица. До нас дошли многочисленные скульптурные изображения женщин, детей, ремесленников, крестьян, пастухов, рыбаков, кулачных бойцов, стариков, старух и т. д. – бесконечные по своему многообразию и скрупулезному наблюдению натуры. Виртуозные по технике скульптурные группы мелкой пластики передают жанровые сценки повседневного быта, сцены из жизни гинекея и т. д. Наиболее известная из этого ряда – скульптура малыша, старающегося повалить большого гуся (мастер Боэф)[43]. Герод устами одной из героинь выражает свое восхищение александрийскими скульптурами («Жертвоприношение Асклепию», 27–35; пер. Г. Церетели):

...Голубка, ты на девушку взгляни эту,
Что вверх глядит на яблоко – она, право,
Коль не получит плод, дух испустить может!
На старика на этого взгляни, Кинна!
А гуся-то, о Мойры, мальчик как душит!
Не знай я, что стоит передо мной камень,
Подумала б, что гусь загоготать сможет!
Наверняка со временем начнут люди
И в камни жизнь вливать...

Развивается декоративная живопись, полная света и ярких красок. Эллинистические живописцы знали такие приемы,

43. Подробнее см.: Г. И. Соколов. Искусство древней Эллады. М., 1996, с. 200 и др.; Ю. Колпинский. Скульптура древней Эллады. М., 1963, с. 136–137. В. Г. Блаватский. Греческая скульптура. М. -Л., 1939; Н. Н. Бритова. Греческая терракота. М., 1969.

как перспектива, ракурс, светотень и группировка деталей. Некоторые помпейские фрески небезосновательно возводят к александрийскому времени. Художник Апеллес был среди первых приглашенных Птолемеями ко двору.

Новой задачей архитектуры, как пишет Ф. Ф. Зелинский[44], стал царский дворец, дом вельможи, дом зажиточного гражданина, «явились проблема перистиля, проблема триклиния (столовой), проблема эка (гостиной) — их построения, их архитектонического, скульптурного, живописного украшения... результатом был тот тип эллинистического дома, который нас восхищает в Помпеях». В поэзии нет подробного описания внешнего вида дома, за исключением роскошного дворца Эета у Аполлония Родосского, который называется поэтом просто δόμος (Ap. Rhod. III, 27, 238). Поэт обращает внимание на широкие ворота, колоннаду вокруг дворца, на каменный карниз, искусно прилаженный на медных триглифах; красивый портик, крепкие двустворные двери и целый ряд высоких покоев (Ap. Rhod. III, 215–239). Перед нами, скорее всего, как бы мы теперь сказали, городская усадьба, дворец городского типа, характерный для эллинистической Александрии.

Возникает тяга к роскоши, комфорту, что сказалось в быту и одежде горожан; женщины одевались пестро и затейливо (ср. Феокрит. Идиллия XV) (интересны в этом отношении дошедшие до нас изящные терракотовые статуэтки). Желание украсить быт собственного дома находит выражение в расцвете домашней декоративной скульптуры, в изящной отделке домашней утвари, светильников, домашних алтарей, маленьких герм и т. д. Интерьеры украшались картинами, статуями и настенными рельефами. Бесценный материал в этом отношении дают опять же идиллии Феокрита: по ним можно представить не только мебель и домашнюю утварь, Феокрит приводит названия ткацких и прядильных орудий, всевозможных ларей и сундуков, различных емкостей для жидкостей, названия чаш и кубков, платьев и обуви. Известны даже случаи, когда городские власти вынуждены были издавать указы против распространения излишней роскоши, поскольку импорт предметов роскоши превосходил экспорт, и на дорогие вещи, шелка, пряности, благовония тратились огромные деньги.

44. Ф. Ф. Зелинский. Религия эллинизма. Томск, 1996, с. 115.

Важнейшим элементом урбанизации жизни становится проведение всевозможных общегородских праздников. К. Шнейдер[45] отмечает, что большое внимание уделялось дню основания города; ежегодно в эти дни проводился специальный праздник с иллюминацией, играми, состязаниями певцов и поэтов. Известно, например, что окончание сирийской войны Птолемей отметил большим парадом (271 г. до н. э.).

Всевозможные торжества, шествия, зрелищные мероприятия и т. д., поражавшие современников сказочным богатством, невиданной ранее пышностью и разнообразием, устраивались в Александрии с небывалым размахом. Постепенно складывается практика грандиозных театрализованных шествий; при Птолемее Филопаторе (221–203 гг. до н. э.), например, в таких шествиях несколько сот человек в форме живых картин воздавали почести Гомеру и т. д.

У Афинея (V, 196–203) сохранился рассказ Калликсена Родосского о торжествах в Александрии в 274 г. до н. э. по случаю праздника в честь Диониса. Рассказ поражает любое воображение: в нем удивляет все — и описание несметных богатств, и утонченность вкуса, масштабы и великолепие шествий колесниц, ряженых сатиров, силенов, менад, живые картины и т. д. При всех риторических и фантастических преувеличениях Калликсена общее впечатление о красоте и роскоши Птолемеевского двора, особом укладе жизни при первых Птолемеях подтверждается и многими другими источниками, что позволило уже в новое время сравнивать культуру птолемеевского времени с культурой при дворах Меровингов и итальянских тиранов времени Ренессанса[46]. Именно в это время, подобно тому, как Антиохию называли «прекрасной», Никомедию — «великолепной», Афины — «блестящими», Александрия стала именоваться «золотой» (Афиней, I, 20 в).

«Какая другая держава, друзья мои застольники, — восклицает Калликсен, — была столь же обильна золотом? Такого бо-

45. C. Schneider. Op. cit. S. 129.

46. Роберт фон Пёльман. Очерк греческой истории и источниковедения. СПб.: Алетейя, 1999, с. 381. В предисловии к I тому У. Виламовиц-Мёллендорф пишет, что окунувшись в проблемы эллинизма в связи с комментированием гимнов Каллимаха, он ясно понял, что «культура эллинизма соответствует тому, что мы теперь называем культурой барокко и рококо». U. von Wilamowitz-Moellendorff, op. cit. S. VI.

гатства нельзя, конечно, найти ни у персов, ни в Вавилоне, нельзя его добыть в рудниках или намыть в несущем золотой песок Пактоле! Ибо только Нил, по праву зовущийся «златоструйным», вместе со щедрыми урожаями приносит неподдельное золото — земледелие без риска» (Афиней, V, 203 в—d; пер. Н. Т. Голинкевича).

Так, новый стиль и новые нормы повседневной городской жизни приходят на смену политической жизни полиса времени классики; и город, новая городская среда большого многонационального города становятся во главе развития и распространения эллинистической цивилизации.

Все это говорит о новом, отличном от классики, социально-психологическом мироощущении человека и общества, во взаимоотношениях которых большую роль сыграла новая общественная идеология, подготовленная культурной политикой Птолемеев, высоко ценивших литературное творчество, поэзию[47]. Никогда еще художественные произведения, как писал А. Деревицкий, не ценились греками так высоко, а «дар поэтического и художественного творчества не считался в такой мере завидным и желанным, как именно в эпоху александрийской образованности»[48]. Поэзия стала необходимой принадлежностью придворной жизни; без придворных поэтов, сочинявших ко дням всевозможных торжеств поэтические произведения, не обходился ни один эллинистический правитель. Антигон Гонат перед вступлением в брак приглашает к своему двору известнейших в то время поэтов — Арата, Антагора, Тимона и др. В культурной политике Птолемеев эта сторона жизни приобрела особый смысл. Элиан в «Пестрых рассказах» (Aelian. IV, 15) называет Птолемея Филадельфа «Μουσικώτατος» (наибольший любитель Муз); именно он учредил в Александрии мусические игры в честь Аполлона и Муз, на которых выдающимся поэтам присуждались награды (возможно, именно к таким празднествам написаны некоторые гимны Каллимаха).

47. *Исследование личностного начала персонажей идиллий* Феокрита было проведено А. З. Цисыком в диссертации «Человек и действительность в идиллиях Феокрита», М., 1987; в результате автор пришел к выводу о новом типе личности, появившейся в эпоху эллинизма.

48. А. Деревицкий. О начале историко-литературных занятий в древней Греции. Харьков, 1891, с. 190.

Такой Александрия скорее всего была уже к тому времени, когда туда приехал Каллимах.[49] Его творчество, как и творчество других поэтов – его современников, складывалось в контексте культуры большого, богатого города, являясь ее порождением и отражением.

Многие годы и большое количество образованных людей требовались для разбора, каталогизации, систематизации и просто переписки книжных коллекций Библиотеки, не меньшее количество грамотных людей было необходимо для нужд управления монархией Птолемеев. Впервые в Александрии возникает целый ряд новых форм труда, труда принципиально городского, книжного, и как следствие появляется новый слой профессионалов-горожан, городской интеллигенции[50]. Именно в такой среде обретает жизнь и почву новая поэзия, поэзия книжная, «городская».

Великолепная Александрия стала источником новых, городских впечатлений поэта; никогда в прошлом поэты не писали так часто о самом городе, как александрийцы. Для александрийцев современный мир обращается в огромный исполинский город. Город заменяет природу и стихию, город сам становится стихией, в недрах которой рождается новый городской человек. И подобно тому, как столетия спустя поэты Серебряного века «видят» идеи мировой истории «через город», так александрийцы «через город» отражают идеи ойкуменистической истории. Поэзия александрийцев носит отчетливо «городской» характер[51]. Он сказывается не только в том, что мифопоэтическая стихия их произведений органически вбирает в себя образы, мотивы, темы города, но самый

49. Иногда можно встретить утверждение, что наши традиционные представления о великолепии Александрии времени первых Птолемеев преувеличены. Возможно. Но в какой другой среде и обстановке могла возникнуть столь утонченная и рафинированная поэзия?

50. Подробнее см.: Т. В. Блаватская. Из истории греческой интеллигенции эллинистического времени. М., 1983.

51. Подробнее см.: В. П. Завьялова. К характеристике города в раннеэллинистической поэзии (Каллимах, Феокрит, Аполлоний Родосский) в сб.: Образ мира – структура и целое. Лосевские чтения. Материалы международной научной конференции, проходившей под эгидой ЮНЕСКО 19–23 октября 1998 г., М.: Логос, 1999, с. 534–546. В этой статье анализируя круг лексики, связанный с синонимическим рядом πόλις — πτόλις — ἄστυ — πτολίετρον — πολίχνη — τεῖχος — πύργος на материале поэзии Каллимаха, Фе-

строй мышления, говоря современным языком, менталитет, оказывается «городским», с характерным «городским» взглядом на жизнь, отражающим динамизм и напряженность, интенсивность жизни и культуры *большого города*[52]. Для эллинистических поэтов город всегда большой, многонаселенный, с роскошными улицами и площадями, всегда заполнен многочисленной толпой. Все александрийцы – и Каллимах, и Феокрит, и Аполлоний Родосский, и Герод и др. – в своей поэзии воспроизводят как бы единую городскую среду; почти во всех ситуациях, говоря о городах разных в хронологическом и географическом плане, представление о городе сводится к общим признакам и строится, в основном, на восприятии большого города. Сказанное можно подтвердить большим числом эпитетов, которыми сопровождается любое упоминание города у александрийцев. Город, как правило, «священный» (ἱερός Call. IV, 24, 287; Ap. Rhod. III,1134), «славный» (ἐπικλεές Ap. Rhod. I, 1322; IV, 1472), «древний» (ἀρχαῖος Call. V, 60), «большой, великий» (μέγας Teocr. XVI, 83), «богатый, обильный» (ἀφνειός, λιπαρός Ap. Rhod, II, 1189, III, 1073; IV, 616; Theocr. XIII, 19), «великолепный, блистательный» (ἀγλαός Ap. Rhod. I, 696); «приветливый, дружелюбный» (ἀγανής Ap. Rhod. IV, 535); «благоустроенный» (εὐκτιμένος Ap. Rhod, I, 1356); «красивый» (καλός Theocr. IV, 32); «обширный» (εὐρύχορος Ap. Rhod. IV, 49); «широкий, удобный для проезда» (ἱππήλατος Theocr. XXV, 156); «обильный виноградными лозами» (πολυβότρυος Theocr. XXV) и т. д. Город как данность, как фон, на котором происходят описываемые события у александрийцев, вносит новую струю в их поэзию.

окрита и Аполлония Родосского, мы приходим к выводу, что «городская» лексика оказывается не только наиболее употребительной у названных александрийцев, но позволяет шире и глубже исследовать представления о городе, его функциях и городской жизни, поставить вопрос об исследовании самого типа городской культуры, носителями и творцами которой они были.

52. Впервые со всей четкостью и последовательностью возникает противопоставление: «город – деревня» (πόλις — κώμη), «горожанин – сельский житель» (ἀστός — κωμήτης), что ярко демонстрирует XX идиллия Феокрита (Theocr. XX, 44, 47). Подробнее см.: В. П. Завьялова «Poeta doctus» как явление городской культуры эллинизма. Вопросы классической филологии. Выпуск XI. К столетию со дня рождения А. Ф. Лосева. М., 1996, с. 222–226. О *противопоставлении двух типов отношений* – в городах и деревнях пишет Фрэнк У. Уолбанк (F. W. Walbank. The Hellenistic World. L., 1981).

Когда Феокрит в XV идиллии «Женщины на празднике Адониса» описывает большой городской праздник, увиденный глазами двух простых женщин, когда Герод в своих мимах устами сводницы прославляет богатство и роскошь Александрии, когда Аполлоний Родосский, описывая любой город прежде всего подчеркивает его шум и многолюдство – впервые в поэзии со всей отчетливостью звучит урбанистическая тема. В любом описании Каллимаха – будь то симпосий, процессия, хоровод, напряженное ожидание эпифании бога у храма – все происходит в присутствии многолюдной толпы, движущейся, шумящей и т. д. Даже описывая раннее утро в городе, поэт прежде всего «слышит» нарастающий городской шум и движение. В одном из фрагментов эпиллия «Гекала» Каллимаха сохранилось описание раннего утра: первыми в городе просыпаются птицы и начинают шумливую перебранку (пер. М. Е. Грабарь-Пассек):

И задремали, устав от речей, говорливые птицы,
Спать им, однако, недолго пришлось – прилетела соседка;
Крылья блестели росой: «Просыпайтесь же, ночь миновала.
Скрылись грабителей шайки, в домах огоньки загорелись,
Слышно, как песню свою затянул водонос на рассвете.
Тех, кто живет близ дороги, колеса скрипучие будят,
Звон от ударов об медь и молота грохот из кузниц».

С рассветом город просыпается, и тут же «вмиг движеньем наполнился город» (Ap. Rhod. III, 824); «...по городу псы завывают» (Theocr. II, 35), улицы заполняет толпа. Самое красочное описание городской сутолоки и давки – в XV идиллии Феокрита: две женщины, приехавшие из Сицилии в столицу Египта, попадают на праздник, где их удивляет и восхищает все, они с жадностью разглядывают роскошный царский дворец, занимающий целый квартал, с любопытством смотрят парад конницы и пехоты, но главное, что их поражает, – толпа [53], заполняющая улицы города (Theocr. XV, 44–45; 51–53; 65–69; 73–74). (Пер. М. Е. Грабарь-Пассек):

53. Столетия спустя мотив особого «городского» ритма жизни отчетливо звучит в урбанистической поэзии Серебряного века, например:

Улица была – как буря. Толпы проходили,
Словно их преследовал неотвратимый Рок.
Мчались омнибусы, кэбы и автомобили,
Был неисчерпаем яростный людской поток.

Валерий Брюсов. Конь блед.

Боги, какая толпа! Ах, когда бы и как протесниться
Нам через весь этот ужас! Без счета — ну впрямь муравейник.
. . . . . .
Что же нам делать, Горго, дорогая? Смотри, перед нами
Конницы царской отряд. Любезный, меня ты раздавишь!
Рыжий-то конь — на дыбы! Погляди, что за дикий!
. . . . . .
Ужас! Дай руку, Горго. Ты, Эвноя, возьми Эвтихиду,
За руку крепче держи. Берегись, не отбейся! Все вместе
Мы протеснимся. Держись покрепче за нас, Эвноя.
Ах, злополучная я! Мое летнее надвое платье
Разорвалось.
. . . . . .
Ну, давка! Словно как свиньи, толпятся.

С такой же простотой и наивностью две девушки, о которых речь была выше, Кинна и Коккала, героини мимиямба Герода «Жертвоприношение Асклепию», попав в храм Асклепия, восхищаются выставленными там статуями и картиной Апеллеса, но и там (пер. Г. Церетели):

День занялся, и толчея сильнее стала...

Возможно, уже из Александрии Каллимах предпринимает одну или две поездки в Грецию. (По мнению К. Мельье[54], таких поездок было две: в 278 и 270 г. до н. э.). В жизнеописании Арата (315–240/239 г. до н. э.) засвидетельствовано его знакомство с Каллимахом в Афинах, где они вместе слушали перипатетика Праксифана, ученика Феофраста (Test. Pfeiff. № 10).

Праксифан (расцвет — ок. 300 г. до н. э.), родом из Митилены после смерти Феофраста основал свою школу, которую, по преданию, посещал Эпикур. Главным его занятием были грамматические исследования. В традиции, как пишет К. О. Бринк[55], его называют «первым грамматиком» (first grammarian). Среди утраченных произведений известностью пользовались «Περὶ ποιητῶν», «Περὶ ποιημάτων» и «Περὶ ἱστορίας». Возможно, как считал в свое время Е. Бете[56], Прак-

54. C. Meillier, op. cit., p. 236
55. K. O. Brink. Praxiphanes. The Oxford Classical Dictionary. Oxford, 1966, p. 727.
56. E. Bethe, M. Pohlenz. Griechische Literatur. Leipzig, Berlin, 1924. S. 119.

сифан продолжил работу перипатетиков по усовершенствованию метода обработки источниковедческих материалов. В науке не раз высказывалось мнение о близости поэтической программы Каллимаха и литературной теории перипатетиков[57]. Несомненную важность, конечно, имеет устойчивое мнение, восходящее к Флорентийским схолиям, что у Каллимаха было сочинение под названием «Πρὸς Πραξιφάνην»[58].

Тогда же в Афинах сложились, скорее всего, дружеские отношения с Аратом. Его поэму «Феномены», написанную, возможно, в 275 г. до н. э. по поручению македонского царя Антигона II Гоната, Каллимах приветствует известной эпиграммой «На поэму Арата» — (А. Р. VII, 460; пер. А. Семенова):

Вот и напев и стиль Гесиода! Нашел здесь Солиец
Вовсе не худший пример. Лучшей, как кажется мне,
Сладостней песни не сыщешь, и смело твержу я повсюду:
«Слава точеным стихам — бденью Арата плодам».

Конечно, неопределенность хронологии как написания поэмы Арата, так и приветственной эпиграммы на нее позволяют лишь гипотетически предположить, что если эпиграмма появилась вскоре после написания поэмы, то, возможно, здесь мы встречаем одну из ранних манифестаций каллимаховской поэтической программы: стихи Арата Каллимах называет «λεπταὶ ῥήσεις» («изящные выражения», в переводе А. Семенова — «точеные стихи»). Обыгрывая аратовский акростих «λεπτός», который прочитывается во второй части поэмы (ст. 783–787)[59], Каллимах находит ключевые слова, которые выражают его собственную литературную программу. «Изысканной», «утонченной», «изящной» будут всегда называть поэзию самого Каллимаха, именно в такой поэзии он видит смысл творчества.

Возможно, тогда же Каллимах побывал на Делосе. Во II гимне «К Аполлону» он настолько ярко и подробно описыва-

57. См. например: Therese Fuhrer. Hellenistische Dichtung und Geschichtsschreibung: zur peripatetischen und kallimacheischen Literaturtheorie . Museum Helveticum. 53, 1996, S. 116–122.

58. Scholia Florentina in Callimachum . Papiri Greci e Latini. Publicationi della Societa italiana per la ricerca dei Papyri greci e Latini in Egitto. II, 1935, p. 146.

59. Подробнее см.: А. А. Россиус. Небо, наука, поэзия. Античные авторы о небесных светилах, об их именах, восходах, заходах и приметах погоды. Пер. и комм. А. А. Россиуса. М., 1992, с. 142.

ет знаменитый роговой алтарь Аполлона Делосского, что уже в новое время высказывалось мнение: поэт мог видеть остатки этого алтаря[60].

И все-таки наиболее надежным фактом начала александрийского периода жизни Каллимаха можно считать его педагогическую деятельность в Элевсине.

3. ЭЛЕВСИН

«γράμματα ἐδίδασκεν ἐν Ἐλευσῖνι.
κωμυδρίῳ τῆς Ἀλεξανδρείας»
(Suid. v. Καλλίμαχος)

Факт педагогической, учительской деятельности Каллимаха подтверждается значительным перечнем имен его учеников (μαθητής) и последователей (γνώριμος) [61]. Конечно, трудно судить, был ли гимнасий Каллимаха в Элевсине частной школой или государственной; мы не знаем, каков был возраст его учеников и как долго продолжалось обучение, были ли его наиболее знаменитые ученики воспитаны в Элевсинской школе или, что более вероятно, они вышли из окружения поэта в период его деятельности в Мусейоне и Библиотеке[62]. Если учитывать относительность хронологии, в отдельных случаях учительство Каллимаха следует понимать как дань его величайшему научному авторитету в позднейшей традиции. В этой главе, с учетом всех оговорок, речь пойдет о наиболее известных учениках Каллимаха, одни из которых (Аполлоний Родосский, Эратосфен, Аристофан Византийский), сменяя друг друга на посту главного би-

60. Святилище на Делосе оставалось функционирующим до I в. до н. э.; после того, как в 88 г. до н. э. население острова было истреблено войсками Митридата, постоянного населения на нем уже не было. До наших дней дошли впечатляющие развалины трех храмов, но алтарь Аполлона, несмотря на усердные раскопки современных археологов, на сегодняшний день не обнаружен. Однако У. фон Виламовиц-Мёллендорф полагал, что подробное описание его во II гимне дает основание считать, что Каллимах видел этот алтарь. См.: U. Wilamowitz-Moellendorff, op. cit. S. 76 usw.

61. В эллинистическую эпоху учитель помимо авторитетного положения имел устойчивое материальное обеспечение. См.: Т. В. Блаватская. Из истории греческой интеллигенции эллинистического времени. М., 1983, с. 72.

62. Известно, что наиболее квалифицированные ученые, свободно занимаясь исследованиями, собирали вокруг себя учеников для настоящих семинариев высшего класса. См. А. И. Марру. История воспитания в античности (Греция). М.: ГЛК Ю. А. Шичалина, 1998, с. 148.

блиотекаря александрийской Библиотеки, стали знамениты во всей мировой литературной традиции; другие (Истр, Филостефан, Гермипп) снискали большую популярность в научных кругах: их произведения в самых разных областях знания в свое время послужили источником сведений о древнейших временах сначала позднеантичным, а затем и ученым нового времени. Наиболее близкими учениками, продолжившими мифографические штудии Каллимаха, были Аполлоний Родосский, Филостефан и Истр; благодаря деятельности Каллимаха и этих его учеников мифография приобрела статус одного из направлений тогдашней филологической науки[63]. Увлеченность географией и лексикографией объединяла Каллимаха с двумя его другими учениками – Эратосфеном и Аристофаном Византийским.

Сравнительно больше, чем о других учениках Каллимаха, древнейшие источники говорят об *Аполлонии Родосском*. В словаре «Суда» Аполлоний определенно называется его учеником: «Ἀλεξανδρεύς... μαθητὴς Καλλιμάχου». В схолиях к жизнеописанию Аполлония это утверждение повторяется дважды[64]. Вместе с тем существует устойчивая традиция, идущая с древнейших времен, утверждающая, что на каком-то этапе пути учителя и ученика расходятся, чему предшествовала ссора между ними.

Древнейшими свидетельствами этой традиции, дошедшими до нас, являются схолии к жизнеописанию Аполлония и статья о Каллимахе в словаре «Суда». В схолии говорится (R. Pfeiff. Test. 11): «Ἀπολλώνιος... ἐγένετο ἐπὶ τῶν Πτολεμαίων, Καλλιμάχου μαθητής. τὸ μὲν πρῶτον συνὼν Καλλιμάχῳ τῷ ἰδίῳ διδασκάλῳ <...>, ὀψε δὲ ἐπὶ τὸ ποιεῖν ποιήματα ἐτράπετο» (Аполлоний жил во времена Птолемеев, ученик Каллимаха. Сначала дружески общаясь со своим учителем Каллимахом <...> когда обратился к написанию поэмы). К. Вендель[65] первым обратил внимание на логический разрыв в дошедшем свидетельстве и

63. Подробнее см.: Г. Ч. Гусейнов. Типология античной мифографии. Античная поэтика. М.: Наука, 1991, с. 232–255.

64. R. Pfeiffer, op. cit. Testimonia № 11, 12. Считается, что Аполлоний Родосский последовал за учителем и в педагогической деятельности: на Родосе он основал одну из школ, в которой преподавал. См.: Knaack. Apollonios Rodos. P. W. R. E. 3. Halbband, 1895. Sp. 126, 129.

65. Scholia in Apollonium Rhodum vetera. rec. Carolus Wendel. Berolini, 1935 (существуют и более поздние издания).

справедливо предположил, что данная схолия содержит лакуну. Мнение это принято большинством ученых, в настоящее время не оспаривается, и сообщение схолиаста толкуется так: Аполлоний дружески общался со своим учителем Каллимахом до тех пор, пока сам не обратился к написанию поэмы.

С другой стороны, в перечне произведений Каллимаха в словаре «Суда» называется поэма «Ибис», которая до нас не дошла, но которая, в отличие от всех перечисленных в статье произведений, имеет краткую и выразительную характеристику. Автор пишет, что «Ибис» — искуснейшая поэма (ποίημα ἐπιτετηδευμένον), в ней завуалировано (εἰς ἀσάφειαν) и резко отрицательно (καὶ λοιδορίαν) говорится о некоем Ибисе (εἰς τινα Ἶβιν), являющимся врагом Каллимаха (γενόμενον ἐχθρὸν τοῦ Καλλιμάχου). И дальше совершенно определенно: «ἦν δὲ οὗτος Ἀπολλώνιος, ὁ γράψας τὰ Ἀργοναυτικά» (это был Аполлоний, написавший «Аргонавтику»).

Скорее всего, и автор схолиев, и автор статьи о Каллимахе, писавший в X в., знали о ссоре подробнее, но эти сведения для нас утрачены, и исследователи нового времени располагают лишь самыми краткими и не очень ясными упоминаниями самого факта. Ученые нового времени тему разногласий между учителем и учеником перевели в плоскость литературных расхождений. Потрачено немало усилий для доказательства факта ссоры как литературной полемики.

В XIX веке А. Герке[66], исследуя поэзию александрийской школы, вторую часть своих штудий посвящает подытоживающей реконструкции аргументации спорящих сторон. Он, как его предшественники и последователи, старается в самих дошедших текстах найти намеки на разногласия. В науке собрано немалое количество фактов, говорящих об острой ли-

66. A. Gercke. Alexandrinische Studien. Rheinisches Museum für Philologie. Frankfurt am Main. 1887 Bd. 42; 1889 Bd. 44 Ссоре между Каллимахом и Аполлонием посвящены: часть III. s. 127–150 (Bd. 44) и часть IV. S. 240–257 (Bd. 44). Свои доказательства А. Герке строит на анализе фрагментов: 481, 359, 287, 165, 490, 293 и эпиграмм: 28, 6 и др.

Но, как писал через несколько десятилетий Г. Гертер (H. Herter. Bericht über die Literatur zur hellenistischen Dichtung seit dem Jahre 1924. II Teil. Apollonios von Rhodos. Jahresbericht über die Fortschritte der klassischen Altertums-wissenschaft. Göttingen 1944/45 Bd. 285. S. 226), «реконструкция этапов спора Аполлония и Каллимаха результатов не дала». По его мнению (TS. 232), «приоритет Каллимаха несомненен».

тературной полемике в то время[67]. Но касались ли разногласия только Каллимаха и Аполлония или в спор были вовлечены и другие поэты; были ли расхождения между учителем и учеником основаны только на различном понимании традиции и новаторства в поэзии, затрагивали они только вопросы поэтического мастерства и стиля и не сыграли ли здесь свою роль причины личного свойства – на все эти вопросы вряд ли можно ответить исчерпывающим образом, и они попрежнему остаются дискуссионными.

В XX веке широкое признание приобрело мнение В. Виммеля[68], которому многие точки зрения ученых, высказывавшихся по поводу ссоры, казались «неправдоподобными».

Об Аполлонии Родосском, как известно, наши сведения скудны и противоречивы: в науке нет единого мнения ни о датах его жизни, ни о месте рождения. Считается, что он родился около 295 г. до н. э., т. е. был на 15–20 лет моложе Каллимаха[69]. Одни источники называют его александрийцем, по другим Аполлоний – уроженец города Навкратиса, расположенного в дельте Нила. Афиней (VII, 283e) считает Аполлония навкратийцем и цитирует несколько стихов из его поэмы «Основание Навкратиса». Неизвестно, когда именно была написана «Аргонавтика», были ли, как считается, две редакции поэмы. Ясно, однако, что «Аргонавтика» неотделима от внешней политики

67. Aug. Couat. La querelle de Callimaque et de' Apollonius de Rhodes. Paris. 1878. Из последней литературы по этой проблеме: Mary R. Lefkowitz. The Quarrel between Callimachus and Apollonius. Zeitschrift für Papirologie und Epigraphic, Bonn, 40 1980, p. 1–19; T. M. Klein. Callimachus, Apollonius Rhodius and the Concept of the «Big Book». Eranos, 73, 1975, p. 16–25; W. M. Edwards. The Callimachus Prologue and Apollonius Rhodius. Classical Quarterly. Oxford, 24, 1930, p. 109–112; E. Eichgrün. Kallimachos und Apollonios Rhodios. Diss. Berlin, 1961; T. M. Klein. The Concept of the Anti-epic in Callimachus and Apollonius. Diss. State University of New York. Buffalo, 1974 и т. д.

68. W. Wimmel. Kallimachos in Rom. Die Nachfolge seines apologetischen Dichtens in der Augusterzeit. Wiesbaden. Hermes. 1960. В частности, Виммель пишет: «то, что Каллимах под фигурой Φθόνος имел в виду определенного противника (возможно, даже Аполлония Родосского) и с пинком сопоставлял какое-то определенное событие, это мне кажется совершенно неправдоподобным». (W. Wimmel. Kallimachos in Rom..., S. 59–61). Речь идет о концовке II гимна Каллимаха, которая чаще других фигурирует в качестве доказательства ссоры.

69. Это наиболее принятая дата рождения Аполлония. См.: E. A. Barber. The Oxford Classical Dictionary, op cit., p. 70; Rengakos A. Zur Biographie des Apollonios von Rhodos. Wiener Studien, 105, 1992, S. 39–67.

Птолемея II и тех поэтических задач, которые были актуальны в Египте в 270–260 гг. до н. э.[70] В науке уже не раз доказывалось, что Аполлоний в своем творчестве во многом идет по пути учителя, что в своей поэме он подражает не только «Гекале» Каллимаха, но и его «Причинам» (в первой редакции, где еще отсутствовал пролог «Против Тельхинов», «Коса Береники» и др.)[71]: все, что в поэме имеет идиллический характер, — от «Гекалы», а то, что определяется научной или этиологической направленностью, — от «Причин».

Безусловно, «Аргонавтика» не могла не нести в себе совершенно определенных эллинистических черт. И если замысел Аполлония и вызывал возражения Каллимаха, то речь шла, скорее всего, не о теме (Каллимах сам любил разрабатывать древнейшие мифологические предания) и не об объеме поэмы, как часто говорят («Причины» Каллимаха в конечном итоге превосходили «Аргонавтику» по объему), а о форме. Растянуть одну тему на длинные четыре песни — с этим Каллимах не мог согласиться. В прологе «Против Тельхинов» он говорит об этом предельно ясно: «... я не тяну одну бесконечную песню / В тысячах строчек поэм не воспеваю царей / Либо героев...». Каллимах четко осознавал, что время необъятных, неторопливых эпических полотен миновало, и современные поэты, пытающиеся подражать и работать в «духе» Гомера, способны создавать лишь «громыхающие» поэмы. В этом убежден не только Каллимах; его мнение разделяли и многие поэты-современники. Феокрит пишет (Ид. VII. 47–48) (пер. М. Е. Грабарь-Пассек):

Жалки мне птенчики Муз, что за старцем Хиосским гоняясь,
Тщетно стараются петь, а выходит одно кукованье.

Для Каллимаха пестрота эпизодов, сюжетов, совмещение «высокой» мифологии, редких мифологических имен, деталей с чисто бытовыми, повседневными мотивами, резкие и быстрые переходы от «высокого» к «низкому» регистрам создава-

70. Н. А. Чистякова. Сказание об аргонавтах, его история и поэма «Аргонавтика» Аполлония Родосского. Аполлоний Родосский. Аргонавтика. М.: Ладомир, Наука, 2001, с. 154.

71. Ср. Р. Пфейффер пишет: «in primis nunc id (de quo nemo unquam dubitare debuit) constat Apollonium Rhodium non solum Hecalam, sed etiam Aetia passim imitatum esse» (R. Pfeiffer. Prolegomena ad fragmenta, op. cit., p. XLI).

ли особую полифонию целого, когда динамизм, напряженность и «всеохватность» были важнее неторопливой последовательности. Каллимахом к этому времени, скорее всего, написаны не только «Гекала», часть элегий «Причин», гимны «К Зевсу», «К Делосу», эпиграмма на поэму Арата, но и многое другое (отсутствие хронологической атрибуции заметно усложняет проблему). Новая поэзия требовала новой формы; основным адептом новой — малой — формы в поэзии выступил Каллимах.

Считается, что на поэму Аполлония Каллимах отозвался знаменитыми, ставшими крылатыми словами: «Большая книга — большое зло» (Афиней. III. 72)[72]. Не менее известна эпиграмма Каллимаха (A. P. XII, 43; пер. Л. Блуменау)[73]: «Кикликов стих ненавижу; дорогой идти проторенной, / Где то туда, то сюда толпы бредут, не хочу. / То, что нравится многим, не мило мне; мутную воду / Пить не хочу из ручья, где ее черпают все». Но особенно важна в данном случае концовка II гимна: здесь Φθόνος (Зависть, повторено дважды: II, 105, 107) и Μῶμος (Насмешка) вступают в некий диалог с Аполлоном, который в конце концов выгоняет Зависть пинком ноги. Со времени первых комментаторов гимна считается, что Φθόνος — это персонификация неких завистников, которые обвиняют поэта в неспособности написать большую поэму (схолиаст по этому поводу пишет[74]: «ἐγκαλεῖ διὰ τούτῳ τοὺς σκώπτοντας αὐτὸν μὴ δύνασθαι ποιῆσαι μέγα ποίημα...»).

Однако со Φθόνος возникают трудности уже на текстологическом уровне: так это слово прочитывается лишь в одном рукописном кодексе — Ватиканском, во всех же других древнейших списках — Φθόρος (вредный, дурной человек). Φθόνος или Φθόρος — по этому поводу в науке существует полемика[75]; и хотя Φθόρος более определенно указывает на некоего недоброжелателя поэта, издатели по традиции придерживаются чтения Φθόνος, полагая, что оно больше соответствует энциг-

72. Возможно (как иногда считают), Каллимах сказал эти слова, сетуя, что для чтения свитков с длинными произведениями приходилось по многу раз их разворачивать и сворачивать по мере продвижения по тексту.

73. Возможную интерпретацию этой эпиграммы см.: Н. А. Чистякова. Эллинистическая поэзия. Литература, традиции и фольклор. Л., ЛГУ, 1988, с. 74.

74. Scholia in Hymnum II, 106.

75. Ср.: Claude Meillier. Callimaque, Hymne II, vers. 113 Φθόνος ou Φθόρος. Studi Classici e orientali. MCMXC, p. 77–95.

матическому стилю Каллимаха. «Зависть» или «дурной человек» произносят в гимне известные слова: (Call. II. 106) «Мне не по нраву поэт, что не так поет, как пучина». О зависти и насмешке Каллимах пишет и в своем программном произведении — «Причинах», в прологе «Против тельхинов»: «Зависти гнусное племя, изыди». Творчество завистников, по мнению поэта, «крик дико ревущих ослов» (там же). Зависть, насмешка ассоциируются поэтом с грязью, нечистотами. Недаром в защитительной речи Аполлона (та же концовка II гимна) главный акцент делается на том, что много «грязи и скверны» (πολλὰ λύματα, πολλὸν συρφετόν) в течении большой реки. К мотиву «грязи» (λύματα), как ни странно, Каллимах обращается многократно. Он присутствует в гимнах I, II и IV. Интересно, что в I гимне это слово схолиаст поясняет: «λύματα — καθάρματα»

Именно так, κάθαρμα (букв. грязь, нечистоты; все, что требует очищения; в переносном значении «негодный человек», «изверг») именуется сам Каллимах в оскорбительной эпиграмме, написанной неким Аполлонием Грамматиком (AP, XI, 275; пер. Н. А. Чистяковой):

> Καλλίμαχος τὸ κάθαρμα, τὸ παίγνιον, ὁ ξύλινος νοῦς·
> αἴτιος ὁ γράψας Αἴτια Καλλίμαχος.
>
> Мерзость, потеха и лоб деревянный зовутся Каллимах;
> Поводом — автор «Причин» — тот же Каллимах поэт.

Кто такой Аполлоний Грамматик — неизвестно, но исключать авторство Аполлония Родосского оснований нет[76]. Возможно, как считает ряд исследователей[77], стихи Аполлония из III книги «Аргонавтики» (III, 932, 936) о «злопророке» и «злосоветнике» имеют также отношение к Каллимаху. В этом эпизоде одна из ворон кричит Ясону и Мопсу, следующим за Медеей в храм, «слово от Геры» (пер. Г. Церетели): «Что за бесславный пророк, — умом различить он не в силах / То, что и детям вдомек...». И еще энергичнее и эмоциональнее дальше: «Сгинь, пропади, злопророк, злосоветник!»

76. Ср.: Н. А. Чистякова. Эллинистическая поэзия..., с. 73.

77. Напр.: C. A. Trypanis. Introduction to Callimachus. Callimachos. ed. C. A. Trypanis. Oxford, 1953, p. 5.

Конечно, даже столь краткий перечень взаимных оскорблений говорит о большом накале полемических страстей. Вполне возможно, что адресатом нападок Аполлония был вовсе не Каллимах (имеется в виду эпизод из поэмы), как и Каллимах ругает не Аполлония или не только Аполлония, когда пишет о завистниках. Любое новое подтверждение или опровержение ссоры между Каллимахом и Аполлонием вряд ли может, как кажется, поколебать факт полемики как таковой, хотя следует учитывать, что в одном из отрывков античной схолии, дошедшей до нас, где перечислены «тельхины», литературные противники Каллимаха — имени Аполлония нет. Небезынтересно также замечание схолиаста, что «похоронен был (Аполлоний Родосский) рядом с самим Каллимахом»: «ἀξιωθῆναι αὐτὸν καὶ ταφῆναι δὲ σὺν αὐτῷ τῷ Καλλιμάχῳ» (Test. Pfeiff. № 11).

Остается «Ибис», именем которого, как пишет словарь «Суда», назван враг (ἐχθρός), и этим врагом является Аполлоний, написавший поэму «Аргонавтика». Поэма Каллимаха «Ибис» была, вероятно, очень популярна, но до нас, как уже было сказано, не дошло ничего. О поэме мы можем судить по Овидию, который столетия спустя во время ссылки (8–17 гг.) наряду со «Скорбными элегиями», «Посланиями с Понта» обращается к написанию поэмы-инвективы против неназванного врага. Свою поэму, вслед за Каллимахом, Овидий называет «Ибис». «Ибис» Овидия пользуется славой самого загадочного произведения во всей римской литературе[78].

Почему и насколько «Ибис» Каллимаха послужил образцом для Овидия, можно судить предположительно. Ясно лишь, что вслед за Каллимахом Овидий «Ибисом» называет своего недруга, имя которого он не хочет называть[79]. Основ-

78. Поэма была написана в первый период ссылки поэта. Различные мнения на этот счет, как и комментарий к поэме см.: А. В. Подосинов. Произведения Овидия как источник по истории Восточной Европы и Закавказья. М.: Наука, 1985. Обзор рукописной традиции поэмы и характеристику схолиев см. там же., с. 18, 31–32.

79. Чаще других адресатом поэмы-памфлета называют современника Овидия, поэта Кассия Севера, но возможно, недругом поэта был кто-то другой. Подробнее см.: А. В. Подосинов. Произведения Овидия..., с. 242.

ное содержание поэмы — это проклятия на смерть врага (ст. 127–208), проклятия на его жизнь (ст. 209–245), а главное — перечисления всех видов казней и мук (ст. 247–638), которые он желает испытать врагу[80].

«Ибис» Каллимаха послужил прототипом не только Овидию. Возможно, как считают некоторые исследователи[81], один из эпизодов каллимаховского «Ибиса» сохранен в пересказе «Любовных страстей» Парфения. Здесь речь идет также о проклятиях, но теперь уже некоей девушки-ткачихи в адрес своей хозяйки.

Все так. Но почему Аполлоний именно ибис и каким образом многочисленные проклятия могут быть связаны с этой птицей? Ведь известно, что ибис, знаменитая птица, в Египте считалась священной, воплощением бога Тота, который изображался с головой ибиса; она же служила иероглифическим знаком его имени. С прилетом ибисов египтяне связывали разлив Нила. По сообщению Геродота (Herod. II, 75), ибисы истребляли небольших змей и за это также почитались египтянами. Известно, что в святилище Тота в Гермополисе наряду с бабуинами почитались ибисы. Для них выделялись специальные помещения с источниками; их селекции, уходу за ними уделяли большое внимание; имелись даже специальные галереи, где ибисов хоронили после их смерти, предварительно мумифицировав. В Абидосе, например, обнаружено кладбище II в. н. э. с захоронениями священных ибисов. Многочисленные паломники, приходившие поклониться этим священным птицам, считали их «великими душами богов на земле»[82].

Ибисы хорошо известны в греческой традиции. О них пишут Элиан (Aelian. De animal. nat. 10, 12), Страбон (Strab. XVII, II, 4), Аристотель (Arist. Hist. animal. 9, 27). Ибисов упоминает Аристофан (Arist. Av. 1296). В зоологии известно не-

80. В отечественном антиковедении «Ибис» Овидия переводил М. Л. Гаспаров. Ему же принадлежит и наиболее подробный анализ поэмы: М. Л. Гаспаров. «Ибис» и проблема ссылки Овидия. ВДИ, 1977, № 1; М. Л. Гаспаров. Три подступа к поэзии Овидия. Овидий. Элегии и малые поэмы. М. 1973; М. Л. Гаспаров. Овидий в изгнании. Овидий. Скорбные элегии. Письма с Понта. М.: Наука, 1982.

81. См.: В. Н. Ярхо. Обретенные страницы. Древнегреческая литература. М.: Лабиринт. 2001, с. 191–193.

82. Пьер Левек. Эллинистический мир. М.: Наука, 1989, с. 149.

сколько десятков видов ибисов, относящихся к особому семейству отряда голенастых[83]. В древнем Египте, как сообщают источники, особой популяции достигли два вида – белые и черные ибисы. Страбон (Strab. XVII, II, 4) по этому поводу пишет: ибис является «самой ручной птицей; по виду и по величине он похож на аиста, но двух видов в зависимости от цвета: один вроде аиста, другой – совершенно черный. Все перекрестки улиц Александрии полны этой птицей: ибис отчасти полезен, отчасти вреден; полезен он потому, что подбирает всяких вредных животных и отбросы в мясных лавках и пекарнях; вреден же оттого, что поедает все, грязен, и его с трудом только можно удержать от чистых предметов, не допускающих никакого загрязнения».

Различие ибиса белого и черного, ибиса «грязного» приводится также в «Истории животных» Аристотеля (Arist. Hist. animal. IX, 27 (103); пер. В. П. Карпова): «Ибисы, живущие в Египте, двоякого рода: одни из них белые, другие черные. Белые водятся повсюду, кроме Пелузия, черные же отсутствуют во всем Египте, а водятся в Пелузии». Насколько оскорбительным могло быть сравнение с черным ибисом, можно судить по таким стихам Овидия: (Ибис, 449–450; пер. М. Гаспарова)[84]:

...будь, как пернатая тварь, предмет заклинаний поэта,
Та, что сама себе срам моет прыскучей водой.
(В подлиннике: «corpora proecta quae sua purgat aqua»).

Об идентификации Аполлония и ибиса эксплицитно сказано в «Суде», и то, что Каллимах имел в виду, несомненно, черного ибиса, подтверждается «Ибисом» Овидия. Это во многом проясняет характеристику поэмы Каллимаха в словаре. Кроме того, понятнее становится мотив «грязи и скверны» в концовке II гимна и пояснение схолиаста по этому поводу.

83. Священный ибис (ibis religiosa) – белого цвета, родиной его является Африка. В настоящее время очень редок, встречается в Нубии. Священный ибис, как и Красноногий ибис (родиной которого является Южная Америка) занесены в Красную книгу МСОП.

84. М. Л. Гаспаров (Овидий. Скорбные элегии. Письма с Понта. М.: Наука, 1982, с. 261), комментируя это место, писал: «...пернатая тварь – ибис, герой стихотворения Каллимаха, послужившего образцом Овидию; птица эта будто бы сама себя очищает клювом от нечистот».

Возможно, чтение «Φθόρος» требовало бы более конкретного разъяснения и им тогда мог быть Аполлоний Родосский[85].

Все это, конечно, не нарушает стройных доказательств литературной полемики между двумя поэтами, но что чему предшествовало — личная ссора или литературные выпады, — остается загадкой. И если в истории личных взаимоотношений Каллимаха и Аполлония многое продолжает оставаться гадательным, то для выяснения соотношения их литературных программ в их противостоянии и связи наука располагает достаточным материалом, весьма продуктивным на наш взгляд, для изучения литературных принципов того и другого. В этом отношении весьма важно сопоставление дошедших до нас литературных текстов александрийцев. Влияние жанровых установок (Аполлоний подчеркивает свою приверженность эпическому жанру), обоснованность реставрационных претензий, готовые поэтические формулы и клише, критическая сторона литературно-полемической аргументации — все это является живым поэтическим опытом александрийских поэтов, когда сложные поэтические «притяжения» и «отталкивания», взаимосвязь и взаимообусловленность являются элементом единой поэтической системы.

Считается, как уже говорилось, что Аполлоний при написании «Аргонавтики», несомненно, во многом опирался на «Причины» и «Гекалу» Каллимаха. Фрагментарность дошедших до нас отрывков из «Причин» и «Гекалы» в значительной мере затрудняет исследование в этом направлении, но данные схолий до некоторой степени восполняют этот пробел и дают возможность, хотя бы частично, понаблюдать соотношение «Аргонавтики» с названными произведениями Каллимаха. Были выделены несколько групп аналогий, подтверждающих важный вывод, что Аполлоний воспринимает и использует творчество Каллимаха как несомненный авторитет, но при этом «оставляет за собой право располагать почерпнутый материал, оперировать им по своему усмотрению, совершенно в иной связи, чем у Каллимаха» [86].

85. Подробнее см.: В. И. Завьялова. К вопросу о ссоре между Каллимахом и Аполлонием Родосским. ВДИ № 1, 2007, с. 100–107.

86. О. В. Смыка. Некоторые замечания об источниках «Аргонавтики» Аполлония Родосского. *Вопросы классической филологии.* М.: Изд-во МГУ, 1973, с. 118.

Интересно в этом отношении пронаблюдать общие мотивы, темы, сюжеты, встречающиеся у Каллимаха и Аполлония[87]. В частности, например, тема Аполлона является важнейшей и для Аполлония, и для Каллимаха: Каллимах посвящает Аполлону два гимна из шести – второй и четвертый; у Аполлония в «Аргонавтике» мифология Аполлона, по существу, пронизывает всю поэму. При всем различии взглядов поэтов, учитывая разницу жанров, в то же время можно сказать, что в данном случае оба поэта едины в своем стремлении актуализировать традиционную мифологическую древность, едины в трактовке образа Аполлона как эллинистического, коренящейся в новой интеллектуальной утонченности александрийской поэзии. Недаром А. Ф. Лосев[88] пишет, что классический Аполлон «...это еще далеко не Аполлон Бельведерский, которого только и знает широкая публика. Этот красивый юноша – артист с традиционной артистической шевелюрой, с неразвитой мускулатурой, изобличающей тонкого интеллигента, с лирой в руках – не классический Аполлон, это Аполлон эллинистический». Именно такой – эллинистический – Аполлон и у Каллимаха, и у Аполлония. Оба поэта, отбрасывая все демоническое и хтоническое в образе этого бога, стремятся как бы «очеловечить» Аполлона, подчеркивая прежде всего эстетическую сторону в самом облике Аполлона, в традициях его культа, обрядовых хороводах, выделяя и подчеркивая красоту и богатство его храмов и алтарей. У обоих александрийцев Аполлон «вечно юн и красив», с роскошными кудрями: «Тихо по локонам книзу стекает елей благовонный» (Call. II, 36–37), «...его золотые кудри, как гроздья лозы волновались при быстром движеньи» (Apoll. Rhod. II, 676–677). Для обоих поэтов важны в первую очередь «дивные очи» бога, его особенный, целительный взгляд; оба подробно описывают роскошное одеяние Аполлона (Call. II, 32–35; Apoll. Rhod., II, 678–679). При этом следует учитывать, что и Каллимах, и Аполлоний внешний облик Аполлона проецируют на знаменитое описание бога в гомеровском

87. Продуктивность данного направления давно оценена исследователями. В качестве примера сошлюсь на работу: K. Sier. Die Peneios – Episode des kallimachischen Deloshymnos und Apollonios von Rhodos: zur Datierung des dritten Buchs der Argonautika. Callimachus, Groningen, 1993, S. 177–195.

88. А. Ф. Лосев. Античная мифология в ее историческом развитии. М.: Просвещение, 1957, с. 464.

гимне. Совпадают перечень и интерпретация основных функций Аполлона у Каллимаха и Аполлония: для Каллимаха Аполлон прежде всего пророк, врачеватель, покровитель искусств, Аполлон-Номий, основатель городов, стрелец; для Аполлония он также пророк, хранитель городов, берегов, Аполлон Номий. Характерно для обоих авторов увлечение географическим материалом; в этом отношении IV гимн Каллимаха особенно близок к «Аргонавтике», что позволило современным исследователям утверждать — в этом плане гимн «К Делосу», *по существу*, не отличается от эпоса об аргонавтах[89].

О таких совпадениях, *или*, точнее, близких контекстах у Каллимаха и Аполлония можно говорить почти во всех случаях аполлоновских мотивов — идет ли речь о географии распространения его культа, о культовых хороводах в честь Аполлона, о его пророческой функции и т. д.

Однако при этом не менее заметна и следующая закономерность: мотивы и сюжеты аполлоновской мифологии, достаточно полно и подробно изложенные Каллимахом, лишь кратко и мельком упоминаются у Аполлония. И наоборот, там, где Каллимах дает лишь одно имя, намек на ту или иную мифологическую ситуацию, у Аполлония мы встречаем полное и развернутое мифологическое описание. Вот характерный пример. Известно, *насколько важно Каллимаху все*, что связано с Киреной, как подробно во II гимне он описывает храм и алтарь Аполлона, пышные Карнейские торжества, хоровод ливиек, историю возникновения этого культа и т. д. Умолчит только об одном — о любовной истории Аполлона и нимфы Кирены (а ведь она дала имя его родному городу!), вскользь лишь упомянув, что Кирена — подруга Аполлона (Call. II, 94–95). Зато Аполлоний во II песни «Аргонавтики» подробнейшим образом расскажет о похищении Аполлоном Кирены и укрытии ее в Ливии, о рождении у нее сына Аристея, как и всю дальнейшую историю Аристея («Аргонавтика», II, 500–527).

С другой стороны, Аполлоний, перечисляя все известные храмы Аполлона, удивительным образом обойдет молчанием храм на Делосе, лишь кратко упомянув сам остров (Apoll. Rhod. I, 308, 419, 537; IV,1705), Каллимах же посвящает остро-

89. Ср.: Marcello Fusillo. Il tempo delle Argonautike. Un analisi del racconto in Apollonio Rodio. Roma, 1985.

ву IV гимн и подробнейшим образом излагает не только историю рождения Аполлона и Артемиды на этом острове, но и устройство знаменитого рогового алтаря, храма, храмовые торжества и т. д.

Ритуальные хороводы в честь Аполлона – неотъемлемая часть его культа, но у Аполлония при всех упоминаниях о чествовании Аполлона лишь однажды в I песни слаженная работа гребцов под пение Орфея сравнивается с хороводом в честь Аполлона (Apoll. Rhod. II, 535–539). Каллимах же не только дает красочное описание хоровода на Карнейских празднествах во II гимне, но описывает и Делосские хороводы, рассказывает, кем и когда эти ритуальные танцы были придуманы (Call. IV, 320–324) и т. д.

Конечно, характер и цели использования аполлоновской мифологии у Каллимаха и Аполлония, как и жанры, в которых они работают, различны, что влечет за собой весьма широкий диапазон вариативности подачи мифологического материала: торжественно серьезный, эпический тон у Аполлония, ироничный, подчас переходящий в пародию у Каллимаха. Это различие становится очевидным при сравнении двух пророчеств Аполлона – у Каллимаха в IV гимне и в поэме Аполлония Родосского. Для Аполлония пророчество *бога – блестящий аккорд*, которым завершается долгий эпос об аргонавтах. Речь идет о прорицании Евфиму о сотворении острова Фера (Apoll. Rhod. IV, 1749–1754). Здесь поэт еще раз демонстрирует свою мифологическую ученость – вводит редкий вариант мифа, мифа космогонического, с помощью которого история острова и весь поход аргонавтов как бы отодвигаются в «домифологическую» древность. Ведь речь идет о том, что Евфим получил от Тритона ком ливийской земли, и теперь, по пророчеству Аполлона, он должен метнуть этот ком в море, и земля превратится в остров, который впоследствии будет заселен потомками Евфима. Такие топосы «досуществования» – вполне в духе александрийцев. Каллимах это прекрасно показал в своем I гимне, возводя историю Аркадии к тем временам, когда там еще не текли *реки Ладан, Эриманф и Иаон* (Call. I. 18–27). Но если у Каллимаха весь эпизод окрашен неким сомнением, связанным с неясностью места рождения Зевса, для Аполлония его вариант мифа – несомненный мифологический факт. Торжественность и серьезность поэта подчеркивается начальными словами пророчества (Apoll. Rhod. IV, 1749):

Истинно ждет тебя, друг, великая громкая слава.

Пророчество Аполлона у Каллимаха в IV гимне включено в описание скитаний Латоны, ищущей место для рождения будущего бога. (Call. IV, 162–195). Обаяние этого эпизода, как и всего IV гимна, в том, что здесь поэту удалось не только соединить ученость с новыми поэтическими приемами, но и настолько искусно вплести в мифологическую ткань историю современных поэту событий, что они начинают восприниматься в некоей мифологической перспективе. Пророчество касается так же, как и у Аполлония, острова, но это остров Кос, на котором суждено родиться будущему владыке Египта – Птолемею II. Однако серьезная торжественность пророчества нарушается недоумением: пророчество Аполлона, который еще не родился, а затем, безусловно, ироничным заявлением поэта, что Аполлон «в чреве глаголет родном» (Call. IV, 90). Ироничность, так подчеркнуто демонстрируемая поэтом, относится не только к данному пророчеству: она становится основным поэтическим пафосом для Каллимаха на протяжении всего IV гимна, утверждая новое понимание мифа поэтом, понимание, связанное с четко выраженной поэтической субъективностью. Ироничный, насмешливо-снисходительный взгляд поэта на традиционную мифологию, игра, шутка, лишь оттеняемые серьезной ученостью, – вот, скорее всего, основа разногласий, различий поэтических принципов Каллимаха и его ученика[90].

Другим знаменитым учеником Каллимаха традиция называет *Эратосфена* (275–194 гг. до н. э.).[91] Эратосфен был соотечественником Каллимаха, родился в Кирене. Словарь «Суда» сообщает, что Эратосфен принадлежал уже к младшему поколению александрийцев, дожил до времени Птолемея V (205/204–181/180 гг. до н. э.), был учеником философа Аристона Хиосского, грамматика Лисания Киренского и поэта Каллимаха (Pfeiff. Test, № 15): «Ἐρατοσθένες Κυρηναῖος·

90. Подробнее см.: В. П. Завьялова. *Раннеэллинистическая поэзия*: смена литературных парадигм. Культура в эпоху цивилизационного слома. Материалы Международной научной конференции. 12–14 марта 2001. Москва. М., 2001, с. 425–430.

91. G. Knaak. Eratosthenes (4). P. W. R. E. VI (1) 1907, Sp. 357–388. R. Pfeiffer. History of Classical Scholarship. From the Beginning of the End of the Hellenistic Age. Oxford, 1968, p. 152–170.

μαθητὴς φιλοσόφου Ἀρίστονος Χίου γραμματικοῦ δὲ Λυσανίου τοῦ Κυρηναίου καὶ Καλλιμάχου τοῦ ποιητοῦ» После учебы в Афинах Эратосфен получает приглашение от Птолемея III Евергета, переезжает в Александрию, становится воспитателем Птолемея IV Филопатора и долгие годы возглавляет Александрийскую Библиотеку после Аполлония Родосского (Pfeiff. Test, №№ 12, 13). В Александрии Эратосфен продолжил свои научные занятия и преуспел в самых разных областях: в философии (известны его трактаты «О добре и зле», «О богатстве и бедности»), математике (наибольшим его достижением в этой области было измерение окружности Земного шара), астрономии (известно, что он комментировал астрономическую поэму своего современника Арата), хронографии (считается, что он был основоположником этой науки) [92], теории музыки, грамматики; был автором трактатов о древней комедии, комментировал Аристофана и «Диалоги» Платона; составил список победителей на Олимпийских играх, чему посвятил специальный труд «Ὀλυμπιονῖκαι». О его славе как ученого свидетельствует ряд прозвищ, данных ему современниками: «πένταθλος» («победитель в пяти родах борьбы», т. е. всесторонний знаток в какой-либо области) и «βῆτα» («второй»: толкуют по-разному — или «второй Платон», или «младший по возрасту»). Сам Эратосфен называл себя, как гласит предание, «φιλόλογος», вкладывая в это понятие интерес и покровительство свободного образования всякого рода.

Как и Каллимах, Эратосфен был известным поэтом: ему принадлежала поэма на смерть Гесиода, он был автором популярной дидактической поэмы «Гермес», до нас дошли сведения о его элегии «Эригона». Но из всех его поэтических произведений нам известны лишь фрагменты, которые упоминают или цитируют более поздние комментаторы (Афиней, II, 36, e; Стобей, III, p. 53; Климент Александрийский, Педагог, II, 2, и др.).

Главной страстью Эратосфена была география. Даже когда он пишет поэму «Гермес», судя по имеющемуся фрагменту [93], Гермес, как покровитель путешественников, обозревает с высоты просторы шарообразной земли, поделенной на климатиче-

92. Подробнее см.: А. И. Немировский. Основы научной хронографии. Вестник истории. 1987, № 5. Хронологическая таблица, составленная Эратосфеном, сохранилась у Климента Александрийского (Strom. I, 21; 138).

93. Collectanea Alexandrina. ed J. Powell. Oxford, 1925, p. 58–63.

ские зоны. Когда Цицерон в письме к Аттику упоминает о своем намерении написать сочинение по географии, он пишет, что за образец он решил взять Эратосфена. (Cic. Ad Att. II, 6, 1).

Как сообщает Страбон (Strab. I, II, 13), Эратосфен считал, что «с древнейших времен все поэты стремились показать свое знание географии». Главный труд Эратосфена «Γεογραφικά» (или «Γεογραφούμενα»), основанный на «Генеалогиях» Гекатея Милетского, является первым в становлении географии как науки в античности. Расширение торговых связей эллинистических городов с различными странами, получение новых географических сведений привели к необходимости пересмотра традиционных представлений об ойкумене на основе астрономических данных и вычислению ее размеров в конкретных мерах длины. Все это имело не только теоретический интерес, но и большое практическое значение[94]. Труд Эратосфена, состоявший из трех книг, не сохранился, но содержание его, а также критические замечания Гиппарха изложены у Страбона. По фрагментам, собранным Бергером[95], можно судить об объеме и характере этого сочинения. Эратосфен впервые соединяет традиционную хорографию с описанием явлений физического, гидрогеографического, климатического и других планов, проводит аналогии с различными местностями, подводит математическую и физическую основу при описании различных природных явлений. В специальной работе Эратосфеном был разработан метод определения окружности Земли — полученный результат оставался непревзойденным вплоть до XVII в. н. э.

Интерес к географии был характерен в той или иной степени для всех александрийцев[96]. Известно, что у Каллима-

94. Считается, что Птолемеи поощряли в первую очередь развитие прикладных наук, имеющих практическое применение.

95. H. Berger. Die geographischen Fragmente des Eratosthenes. Leipzig, 1880.

96. Подробнее: Д. А. Щеглов. Система семи климатов Птолемея и география Эратосфена. ВДИ. Наука. 2005, № 3, с. 243–265. О влиянии географических взглядов Эратосфена на творчество Аполлония Родосского см.: А. Б. Дитмар. География в античное время. М., 1980, с. 72. И. В. Пьянков. Средняя Азия в античной географической традиции. Источниковедческий анализ. М., 1997. Нельзя попутно не заметить, что эпос Аполлония настолько изобилует географическими названиями местностей и народов, что, как пишет М. Е. Грабарь-Пассек (М. Е. Грабарь-Пассек. Феокрит и его античные подражатели. Диссертация на соискание степени доктора филологических наук. М., с. 91), подчас «этот номенклатурный элемент, не украшенный даже описанием перечисленных местностей, совсем оттесняет на задний план повествование».

ха были специальные труды, посвященные хорографии[97] – описанию рек, гор, островов и т. д. Страбон считает Каллимаха авторитетным источником географических сведений, использует его мнение для подтверждения истинности или ложности тех или иных свидетельств[98]. В частности, Страбон ссылается на географическое сочинение Каллимаха «Перечень рек», известное нам только по названию. (Strab. IX, I, 19).

Охват географических представлений в гимнах Каллимаха необыкновенно широк: скрытые мифологические намеки, гомеровские реминисценции, стилизация «под гомеровский эпос», современные реалии – все это Каллимах осуществляет как бы представляя некую воображаемую карту. Недаром считается, что описание путешествия гипербореев, данное в IV гимне (Call. IV, 275–295), позволяет уточнить маршрут их следования на Делос, а если учесть коньектуру О. Шнейдера к стиху 41 (ἀπὲξ Ἄνθαο πολίχνης), то, как считает Ю. К. Колосовская[99], Каллимах называет второй священный город после Додоны – Анфелу, который посещают гипербореи, несущие дары на Делос; и это древнейшее свидетельство, имеющее важную историческую значимость. Еще отчетливее картографический принцип Каллимаха прослеживается при анализе топонимической лексики в III гимне[100]. Здесь поэт явно стремится очертить в целом геогра-

97. С той лишь оговоркой, что сам термин «хорография» появляется позже, его вводит Павсаний.

98. В этом отношении Каллимах – авторитетный источник не только для Страбона. Например, автор II в. Дионисий Александрийский, по прозвищу Периэгет, в своей географической поэме «Описание ойкумены», как показал ряд исследований в последнее время, не просто использует данные Каллимаха (в частности IV гимн «К Делосу»), но воссоздает его стиль. Подробнее см.: Е. В. Илюшечкина. География Дионисия Периэгета в контексте античной этно-исторической традиции. Автореферат на соискание степени кандидата исторических наук. М., 2005.

99. Ю. К. Колосовская. Агафирсы и их место в истории племён Юго-Восточной Европы. ВДИ, 1982, № 4.

100. Подробнее см.: В. П. Завьялова. Ученый поэт в контексте культуры эллинизма. В сб.: Античность как тип культуры. М.: Наука, 1988, с. 199–210.

Картографический принцип описания топонимов у Каллимаха, изложенный в данной статье, получил одобрение в благожелательном отзыве Клода Мелье, присланном в частном письме автору. Пользуясь случаем, хотелось бы почтить словами искренней благодарности память выдающегося эллиниста, с участием и вниманием отнёсшегося к моим работам.

фические пределы распространения культа Артемиды — от западных (называются италийские острова Сицилия, Корсика, Сардиния) до восточных (Эфес, Милет, Пергам), от северных (Скифия, Боспор Киммерийский) до самых южных (Эфиопские горы). Поскольку Каллимах в этом гимне не ограничивается каким-либо одним сюжетом, одним мифом, связанным с Артемидой, а хочет представить весь круг мифов, легенд, преданий, связанных с данным божеством — перечисление храмов и храмовых легенд богини по географическому принципу позволяет представить данный культ наиболее широко. Однако «картографическим» принцип описания топонимов у Каллимаха можно назвать, конечно, условно: вместе с реальной географией поэт активно включает в свое повествование географию сакральную, делая, например, остров Делос в IV гимне центром вселенной (все острова ведут хороводы вокруг него), вводя явно вымышленные, мифологические, остров Коркиру (IV, 156) или Омфалову долину (I, 45) и т. д.

Хорография в целом для всей александрийской образованности, как справедливо пишет Г. Ч. Гусейнов[101], явилась «той неохватной географической подоплекой, на основе которой на свет вышли забытые и полузабытые местные сказания. Возник широкий круг мифологических собраний, которые связывались с каким-то городом или областью... либо объединяли сказания многих городов». Но был также круг специальных географических проблем, разрабатываемых Эратосфеном, который особенно интересовал Каллимаха. Наряду с идеей о шарообразности Земли, широтной зональности, учением о «климатах», о физико-географическом районировании суши и т. д. Эратосфен верно объяснял вопрос об общем круговороте влаги на земле, о происхождении подземных вод за счет просачивания в грунт выпавших осадков. Идеи Эратосфена, объясняющие морские течения, приливы, отливы, явления подземных рек, оказались столь близки Каллимаху, что нашли отражение даже в гимнах (подробнее об этом в комментариях к гимнам).

В целом, пласт географической лексики в гимнах Каллимаха, как уже говорилось, огромен, и значительную часть его

101. Г. Ч. Гусейнов. Типология античной мифографии. Античная поэтика. М.: Наука, 1991, с. 247.

составляют гидронимы[102]. Интересен сам по себе следующий факт: из 162 топонимов, упоминаемых в гимнах, — 41 гидронимы (для сравнения: в «больших» гомеровских гимнах — прототипе каллимаховских гимнов — из 109 топонимов гидронимов только 12). Упоминание большинства гидронимов у Каллимаха не ограничивается только мифологическим контекстом; вводимый с их помощью «второй план», подтекст соотносится автором с фактами современной ему действительности, с теми конкретными географическими проблемами, в обсуждении которых, скорее всего, принимали участие и Эратосфен, и Каллимах.

Глубокий интерес к Гомеру, внимательное изучение его лексики, стиля, любовь к редким и редчайшим глоссам объединяет Каллимаха с третьим его великим учеником — *Аристофаном Византийским* (257–180 гг. до н. э.). Считается, что Аристофан уже в раннем возрасте переселился в Александрию и был учеником Каллимаха и Зенодота:

«Ἀριστοφάνης Βυζάντιος γραμματικὸς μαθητὴς Καλλιμάχου καὶ Ζηνοδότου», по свидетельству словаря «Суда» (Test. Pfeiff. № 17). Хронологическую неувязку дат жизни учителя и ученика некоторые ученые разрешают, отодвигая год смерти Каллимаха до 235 г. до н. э.[103] Витрувий (Vitruv. VII, 7) передает рассказ, как на одном из публичных состязаний в Александрии Аристофан в присутствии Птолемея настолько поразил всех своей ученостью, знанием древних текстов, что царь одарил Аристофана щедрыми подарками и поставил во главе библиотеки. Аристофан трудился над текстами многих греческих авторов, снабжая их учеными комментариями. Скорее всего, Аристофан, если судить по ссылкам на него у Афинея, составил дополнения к «Таблицам» Каллимаха (ср. Афиней. VIII, 336 d). Он подготовил критическое издание поэм Гомера (это издание было значительным шагом вперед по сравнению с изданием его предшественника Зенодота). Считается, что Аристофан осмотрительнее и осторожнее, чем Зенодот, подходил к гомеровскому тексту, проявляя

102. Подробнее см.: В. П. Завьялова. К проблеме типологии географических описаний в греческой гимнографии. Вопросы классической филологии IX. Живое наследие античности. М., 1987, с. 50–69.

103. C. Trypanis, op. cit., p. 3. Год смерти Каллимаха наступил, как он считает, в период с 245 по 235 г. до н. э.

бóльшую филологическую проницательность[104]. Он подготовил к изданию тексты Гесиода, установив, что «Наставления Хирона», «Щит Геракла» не принадлежат Гесиоду; сопроводил это издание предисловием и сравнительным анализом. Для трагедий Аристофан Византийский составил так называемые «ὑποθέσεις», которые включали: краткое изложение мифа, дидаскалию, эстетическую оценку. Известно его сочинение, посвященное Менандру. На основе трудов Аристофана был составлен список лучших писателей древности, так называемый «александрийский канон». Ему же принадлежал известный трактат «Περὶ ἀναλογίας». Скудность сведений, хронологические неувязки не дают возможность судить, насколько интересы Каллимаха и Аристофана объединяла лексикография – считается, что Аристофан явился основателем этой науки, известен его знаменитый труд «Λέξεις» или «Γλῶσσαι». В перечне сочинений Каллимаха подобного труда нет, но его интерес к лексикографии подтверждается многочисленными неологизмами, гапаксами, редкими гомеровскими глоссами в текстах гимнов, что несомненно свидетельствует об интересе поэта к этой области филологии[105].

Об *Истре*[106] (ок. 250–200 гг. до н. э.), киренеяне или македонце в словаре «Суда» сообщается: «Ἴστρος· Κυρηναῖος ἢ Μακεδὼν συγγραφεῦς Καλλιμάχου δοῦλος καὶ γνώριμος» (Test. Pfeiff. № 18). В античной традиции он известен как Истр Александрийский, раб, ученик, а затем, скорее всего, вольноотпущенник Каллимаха. Афиней (VI, 272 b) называет Истра сыном Каллимаха.

Истр был известен как автор историко-антикварных, религиозных и грамматических сочинений. До нас дошли ссылки Диогена Лаэртского на Истра, когда он пишет о Ксенофонте (Диог. Лаэр. II, 59), его цитирует Афиней, объясняя, почему доносчики в Аттике назывались сикофантами (Афиней, III, 74) и т. д. Скорее всего, интересы Истра концентрировались вокруг аттической мифологии; известно, что в четырнадцати или шестнадцати книгах им были собраны мифы под названи-

104. А. Ф. Лосев. Гомер. М.: Молодая гвардия, 1996, с. 49.

105. К. Куипер посвятил в свое время этому вопросу диссертационное исследование: K. Kuiper. Studia Calimachea. Lugduni, 1896. В результате он пришел к выводу, что глоссография – Муза Каллимаха (Glossographia est eius Musa, p. 3).

ем «Συναγωγὴ τῶν Ἀττίδων» или «Ἀττικά», где он сгруппировал материал по местным сказаниям. Нельзя исключать, что идея соединения мифографии и хорографии родилась при участии Каллимаха. Хотя и здесь, конечно, Каллимах и Истр опирались на древнюю традицию. В Греции давно уже существовала и развивалась практика написания «местных» историй: многие города и области имели свою историческую традицию, своих историков, свои хроники и летописи. В частности, в историографии известны Аттиды (Ἀτθίδες), летописи и хроники Аттики. Наиболее известными из аттидографов были Андротион и Филохор. Филохор, самый выдающийся аттидограф, принадлежал концу IV – первой половине III в. до н. э. Аттиды касались хронологии и топографии, политической и литературной истории. Возможно также, что у Истра были трактаты «О трагедиях» и «О лирических поэтах».

О *Филостефане*[107] (III в. до н. э. – точнее дат нет), земляке и последователе Каллимаха, как о нем пишет Авл Гелий (Φιλοστέφανος δ' ὁ Κυρηναῖος μὲν γένος Καλλιμάχου δὲ γνώριμος» – Test. Pfeiff. № 19), есть упоминания у Афинея (VII, 292, f) в седьмой книге, где приводятся 4 стиха из его комедии «Делосец», посвященных прославленным поварам, и в восьмой книге, где он еще раз называется учеником Каллимаха и говорится о его книге «Об удивительных реках» Περὶ παραδοξῶν ποταμῶν (Афиней, VIII, 331 d). Филостефан был известен своими географическими произведениями («О городах Азии», «О Киллене», «Об источниках», «О населении материка» и т. д.), полных описаний чудес и анекдотов. (Афиней, например, приводит его свидетельство о реке Аоре, в которой якобы водится рыба, издающая звук, похожий на пение дрозда). Авл Геллий (Gell. IX, 4, 21) пишет, что книги Филостефана полны удивительных сказаний (miraculorum fabularumque pleni). Скорее всего, парадоксографическая линия, намеченная у Каллимаха, подробнее разрабатывается Филостефаном. При этом следует учесть, что парадоксография – вообще одно из направлений историографии III в. до н. э.: представитель пергамской школы Антигон из Кариста, возможно, был

106. J. L. Barber. Ister. The Oxford classical Dictionary, op. cit., p. 461.

107. J. F. Lockwood. Philostephanus. The Oxford classical Dictionary, op, cit., p. 685.

автором «Собрания странных историй» (Ἱστοριῶν παραδόξων συναγωγή).

На Филостефана ссылаются схолиасты, комментирующие тексты Пиндара (Pind. Ol. 6. 77) и Аполлония Родосского (Ap. Rhod. 2, 124). Климент Александрийский (I, 308 a) приписывает Филостефану «Каталог открытий» (Ζητήματα), в котором, скорее всего, речь шла об учреждении культовых, религиозных празднеств, а также о разных мифических изобретателях. Есть сведения (Prob. Verg. Ek. X, 18), что Филостефан и Истр занимались сравнением различных вариантов одного и того же сюжета, выясняя противоречия в разных версиях.

Каллимаховцем принято называть и *Гермиппа* из Смирны (III в. до н. э.)[108]: «Ἕρμιππος ὁ Καλλιμάχειος» (Test. Pfeiff.№ 19 со ссылкой на Афинея (II, 58, f; V, 213 f; XV, 696 f)). Гермипп был философом-перипатетиком и известнейшим александрийским биографом, писавшим о знаменитых людях древности. Считается[109], что для своих трудов Гермипп использовал «Таблицы» Каллимаха, сделав оттуда многочисленные извлечения. Гермипп — один из основных источников для Диогена Лаэртского: на мнение Гермиппа он ссылается более чем в 40 случаях: пишет ли Диоген о семи мудрецах (Диог. Лаэрт. I 42), о Пифагоре (Диог. Лаэрт. VIII, 10), об Аристотеле (Диог. Лаэрт. V, 1), о Платоне (Диог. Лаэрт. III, 2) и т. д. Афиней, помимо многочисленных ссылок биографического характера, называет его произведения: «О законодателях» (Афиней, IV, 154 d), «Об учениках Исократа» (Афиней, VIII, 327 c), «О Гиппонакте» (Афиней, VII, 327, b—c) и т. д.

Традиция сохранила до нашего времени имена не только учеников Каллимаха. В этой же группе свидетельств Р. Пфейффер называет друга Каллимаха (ξεῖν Ἁλικαρνασσεῦ) — Галикарнасского поэта *Гераклита*. У Страбона мы находим подтверждение дружеских отношений Каллимаха и Гераклита: «Ἡράκλειτος ὁ ποιητὴς ὁ Καλλιμάχου ἑταῖρος» (Strab. XIV, 1, 16 — Test. Pfeiff. № 29). Диоген Лаэртский пишет (IX, 17): «Гераклитов было пятеро: первый — философ, второй — лирический поэт, которому принадлежит хвалебная песнь две-

108. F. W. Walbank. Hermippus. The Oxford Classical Dictionary, op. cit., p. 419.

109. М. Л. Гаспаров. Указатель источников Диогена Лаэртского. Диоген Лаэртский. М., 1979, с. 601–602.

надцати богам; третий — элегический поэт из Галикарнасса... (τρίτος ἐλεγείας ποιητής)». Считается, что именно этот Гераклит был другом Каллимаха и ему он посвятил эпитафию, дошедшую до нас у Диогена Лаэртского (Diog. Laert. 9,17 = A. P. VII, 80; пер. Л. Блуменау):

Кто-то сказал мне о смерти твоей, Гераклит, и заставил
Тем меня слезы пролить. Вспомнилось мне, как с тобой
Часто в беседе мы солнца закат провожали. Теперь же
Прахом ты стал уж давно, Галикарнасский мой друг!
Но еще живы твои соловьиные песни[110]; жестокий
Все уносящий Аид рук не наложит на них.

Творчество самого Гераклита до последнего времени мы знали лишь по одной эпиграмме, в которой, возможно, воспевались родные места поэта.[111]

Однако, как бы ни были велики заслуги Каллимаха-учителя, настоящая слава поэта связана с его научной деятельностью в Александрийской библиотеке и в качестве главы александрийской поэтической школы.

4. АЛЕКСАНДРИЙСКАЯ БИБЛИОТЕКА

ὁ Πτολεμαῖος... τὰς βίβλους εἰς Ἀλεξάνδρειαν συνήθροισεν... ὧν τοὺς πίνακας ὕστερον Καλλίμαχος ἀπεγράψατο
Tzetz. de com. Gr. (CGFIP. 19. Kaibb.)

В середине шестидесятых годов в жизни Каллимаха происходит важнейший поворот: он получает широкую известность при дворе Птолемея II и, очевидно, тогда же предложение принять участие в работе александрийской Библиотеки. У Авла Геллия (Gell. XVII, 21, 41) на этот счет сказано вполне определенно: «anno bellum adversus Poenos primum coeptum est, neque diu post Callimachus, poeta Cyrenensis, Alexandriae apud

110. «Соловьи» — возможно, название поэтического сборника Гераклита.

111. В 1998, 1999 гг. был опубликован текст — 60 строк, который, по мнению его комментаторов Р. Меркельбаха и И. Штаубера, может быть атрибутирован Гераклиту и соотнесен с ранее известным текстом. См. подробнее: Н. Н. Казанский. Гераклит Галикарнасский, приятель Каллимаха. Индоевропейское языкознание и классическая филология. V. СПб.: Наука, 2001, с. 175–278. См. также: R. L. Hunter. Callimachus and Heraclitus. MD 28, p. 113–123.

Ptolomaeum regem celebratus est» (в году, когда началась первая война против пунийцев, не позже, Каллимах, киренский поэт, становится известным в Александрии при дворе Птолемея). Поскольку Первая пуническая война началась в 264 году, позднейшие комментаторы делают уточнение после «anno» — 264 г. до н. э. (Pfeiff. Test. № 8).

Личность Птолемея II, как и время его правления, в античной историографии оцениваются весьма положительно. Еще И. Дройзен[112] писал, что при выборе преемника Птолемей I Сотер обнаружил крайнюю осторожность, а «поручив царство своему любимому сыну, он не мог сделать лучшего выбора, и македоняне с восторгом отозвались на это решение». Т. Моммзен и У. фон Виламовиц-Меллендорф, оценивая время правления первых Птолемеев, пишут о «благодетельном для народов скипетре» Птолемеев. И хотя это утверждение — явное преувеличение, как считает Р. фон Пельман[113], благодаря большому количеству документов, относящихся к этой эпохе и сравнительно недавно включенных в научный оборот, можно действительно заключить, что управление Египтом во времена первых Птолемеев было образцовым.

Птолемею Филадельфу было 24 года, когда он получил царство, которым уже в течение двух лет управлял под руководством отца. И. Дройзен[114] в «Истории эпигонов» дает выразительный литературный портрет царя: «Светло-русый, он был слабого здоровья, нежного, впечатлительного нрава, пользовался превосходным образованием; при его дворе процветали искусства и науки, первые с целью облагородить роскошь, которую он любил, а последние с целью придать более весу и значения веселому, интеллигентному обществу, которым он сумел окружить себя... Никогда жизнь не украшалась такой прелестью, никогда не наслаждались ею с таким умом, никогда не умели льстить так тонко, как при этом дворе; даже строгие науки принимали участие в этой отрадной, изящной обстановке, в этом избытке твердо сложившейся жизни с ее широким кругозором. ...Он (Птолемей) осторожен, от-

112. И. Г. Дройзен. . История эллинизма, т. 3. История эпигонов, с. 420.

113. Подробнее см.: Р. фон Пёльман. Очерк греческой истории и источниковедения..., с. 420–421.

114. И. Г. Дройзен. История эллинизма. Т. 3. История эпигонов, с. 420–421.

части мнителен, в случае крайности способен даже прибегнуть к насильственным мерам: они, однако, как бы смягчаются кроткой улыбкой; он не хочет внушать страх, ему хотелось бы окружить себя миром, приветом и избытком счастья. Он не гонится за воинской славой, избегает борьбы, пока она не сулит ему верной прибыли; он сам не пускается в бой, но его послы отправляются к царскому двору при Ганге и к сенату на берегах Тибра; его флоты появляются в Эфиопских морях и у берегов Понта; распоряжаясь у себя дома проведением каналов, основанием городов, закладкою гаваней, помышляя, как кажется, лишь о внутренних делах и о великолепном развитии своей прекрасной страны, он окутывает мир таинственными нитями своей неутомимой политики. И постоянно ищет он то там, то здесь новых развлечений; то увлекается новою картиной, драгоценной камеей, то редкостными животными для зверинца, новой рукописью для библиотеки, разного рода любовными похождениями, и жизнь его слагается из нескончаемых наслаждений. Однако ни роскошь, ни наслаждения не удовлетворяли Птолемея: он никогда не чувствовал себя вполне здоровым, чем бы он ни занимался, он никогда не мог забыть о своем болезненном организме». В современной историографии высокая оценка личности Птолемея II также находит подтверждение, и, хотя Птолемей II не обладал данными полководца, он был твердым правителем, честолюбивым, высокообразованным человеком, способным дипломатом и искусным организатором[115].

Птолемей Филадельф был сыном Птолемея Сотера от третьего брака, поэтому его царствование после смерти отца в 283 г. до н. э. началось с распрей о престолонаследии. Старшие братья Аргей и кипрский Лагид, возможно, Мелеагр, пытались вмешаться в египетские дела, отстаивая свое первородство, но оба были убиты. Птолемей Керавн покинул Александрию еще до смерти отца, но он также попытался оказать влияние на решение этого вопроса: в частности, по подозрению в заговоре с ним был арестован и вскоре лишен жизни Деметрий Фалерский, пользовавшийся большим почетом при дворе и принимавший деятельное участие в управлении государством; но Деметрий высказался против воцарения Фила-

115. В. Тарн. Эллинистическая цивилизация. М., 1949, с. 30.

дельфа и за это пострадал. Керавн после смерти Лисимаха занял Фракию и Македонию. Сразу после захвата Пеллы Птолемей Керавн отправил послов в Египет, где объявил Птолемею II, что он отказывается от египетской короны и предлагает заключить союз двух держав: Египта и Македонии. Все это обеспечило Филадельфу престол в Египте.

Непростая ситуация в начале царствования Птолемея Филадельфа хорошо известна Каллимаху и прочитывается в подтексте его гимна «К Зевсу». При всей неясности хронологии и последовательности написания гимнов относительно I гимна «К Зевсу» в науке существует достаточно определенное мнение — гимн был написан, скорее всего, в 280–275 гг. до н. э. и приурочен к празднеству при птолемеевском дворе[116]. Иногда, правда, высказывалось мнение, что в гимне описывается частный симпосий, возможно, друзей и соотечественников поэта[117]. В любом случае основная цель написания гимна — утвердить официальную версию престолонаследия Птолемея Филадельфа. Необыкновенная тщательность отделки гимна позволяет предположить, что этот гимн, как писал еще А. Н. Деревицкий[118], нечто вроде «официальной кантаты», в которой тонкая лесть рассчитана на умение образованного правителя и читателя читать между строк. Эта лесть, без сомнения, была предназначена для ушей Филадельфа. В гимне Каллимах, чтобы положить конец всем сомнениям и пересудам, избирает единственно правильный и беспроигрышный ход: сомнения есть всегда, даже относительно рождения Зевса спорят: родился он на Крите или в Аркадии (начало первого гимна), тем не менее «братья твои, пред тобой первородство имея, / Все же без боя тебе уступили небесные домы». (Call. I, 58–59)[119]. Старинный

116. Aug. Couat. Alexandrian Poetry under the first three Ptolemies. London. 1931, p. 87; F. Susemihl. Geschichte der griechischen Literatur in der Alexandrinerzeit Bd. 1–2. Leipzig, 1891–1892. Bd. I, S. 104. A. Körte. Die Hellenistische Dichtung. 2. Aufl. Stuigart, 1960. S. 93. В науке высказывались и другие точки зрения: Ф. Бредау датирует гимн 271–270 гг. до н. э. — F. Bredau. De Callimacho verborum inventore. Vratislaviae, 1892, p. 3; О. Штелин и В. Шмид датируют гимн 283–280 гг. до н. э.: W. Schmid, O. Stählin. Geschichte der griechischen Literatur. Abt. 7. v. I. Bd. I. München, 1934–1946, S. 101.

117. W. Kranz. Geschichte der griechischen Literatur. 2 Auf. Leipzig, 1949, S. 373.

118. А. Н. Деревицкий. О начале историко-литературных занятий в древней Греции. Харьков, 1891, с. 116.

119. Мотив раздела мира между богами встречается также во frg. 195 и 465.

принцип первородства не должен быть неукоснительной догмой: «речи старинных певцов не во всем доверья достойны» – (Call. I, 60). «Кто ж это стал бы делить Олимп и Аид жеребьевкой, / Кто, коль не вздорный глупец?» (Call. I, 62–63). Птолемей Филадельф стал владыкой «не по жребию», а благодаря своим исключительным заслугам: «ἔργα χειρῶν – делами своих рук» – (Call. I, 66). Оставив тему Зевса мифологического, всю вторую часть гимна Каллимах посвящает прославлению Зевса земного – Птолемея (Call. I, 87–90):

...намного других превзошел он
К вечеру он завершает деянье, что утром задумал,
К вечеру – подвиг великий, а прочее – только подумав.
Год на такое потребен иным, а иным – так и года
Мало: ты сам сдержал их порыв и отнял победу.

Восхвалению внешней политики Птолемея посвящен IV гимн «К Делосу», написанный, скорее всего, в 271/270 гг. до н. э.[120] Искусно коснувшись личной темы царя – Птолемей Филадельф родился на острове Кос, и поэт теперь сравнивает этот остров с родиной самого Аполлона – Делосом, устами Аполлона поэт называет Птолемея «богом» (θεὸς – Call. IV. 165), «высочайшим родом Спасителей» (Σαωτήρων ὕπατον γένος – IV, 166), «Македонцем», наследовавшим добрый «нрав отца» (ἦθεα πατρός Call. IV, 170), под власть которого «по доброй воле придут народы всех земель и островов вплоть до крайних пределов» (Call. IV. 169–172).

Чисто политической, целевой поэзией У. Виламовиц[121] называл II гимн «К Аполлону», написанный, возможно, в начале 60-х гг. III в. до н. э.[122] Давно принято считать, что в этом гимне Каллимах, базируясь на старой гимнической тради-

120. Ср. другие датировки гимна: 279–274 гг. до н. э. – О. Куа (A. Couat. Alexandrian Poetry, op. cit.); 274–260 гг. до н. э. – Э. Говальд (E. Howald. Der Dichter Kallimachos von Kyrene. Zürich, 1943) и др.

121. U. Wilamowitz-Moellendorff, op. cit., S. 77–87.

122. Относительно датировки гимна в науке существует дискуссия. Начало 60-х годов – это мнение высказывает Петер фон дер Мюль: P. von der Mühl. Die Zeit des Apollon hymnus des Kallimachos. Museum Helveticum. v. № 1–2. 1958. S. 10. К середине III в. до н. э. создание гимна относит Г. Кранц: H. Kranz Kallimachos und die Sprache Homers. Eine Untersuchung der Hymnen auf Apollon und auf Delos. Wien, 1939. s. 10 и др.

ции, создает «современный политический манифест»[123], а Аполлон идентифицируется с Птолемеем Филадельфом[124]. Тема Птолемея, искусно вплетаемая в мифологическую, *аполлоновскую, заявляется в самом начале гимна:* «...с богами спорить негоже / Тот, кто спорит с богами — с моим поспорь-ка владыкой! / Тот, кто спорит с владыкой моим, поспорь с Аполлоном» (Call. II, 25–27). Заключительные стихи гимна с полной ясностью обнаруживают основную цель *написания гимна: поэт ищет защиты* у Аполлона—Птолемея от Зависти, и он уверен в его добром отношении к себе — «Зависть ударил ногой Аполлон» (Call. II. 107).

Утонченная лесть, изысканный стиль, широчайшая образованность автора несомненно обратили на себя внимание просвещенного царя, привлекавшего к своему двору одаренных и талантливых людей. Подобные восхваления современники навряд ли воспринимали как преувеличение[125]. В эпоху эллинизма, *в период крушения полисов*, все надежды связывались с всемогущими владыками, благосклонность которых ценилась высоко. Эта предрасположенность к почитанию властителя искусно использовалась монархами, которые стремились в культе своей особы найти гарантию могущества и стабильности в государстве, а нередко и средство духовного объединения разноплеменного населения своих владений. В Александрии Александра Македонского почитали и как бога, и как героя-основателя города. С его идентификации с Зевсом-Амоном новой формой религиозных верований становится обожествление царей. Культ царя, признанный греческими полисами божественным после указа Александра, объявленного в Сузах в 324 г. до н. э., — стал отправной точкой необра-

123. W. Wimmel Kallimachos in Rom. Die Nachfolge seines apologetischen Dichtens in der Augusterzeit. Hermes. Witsbaden, 1960, S. 59.

124. Ср: E. Howald. Der Dichter Kallimachos von Kyrene. Zürich, 1943. S. 56; E. Howald, E. Staiger. Die Dichtungen des Kallimachos. Zürich, 1955, S. 44.

125. Из последних, важных для данной проблемы публикаций укажем следующие:

R. A. Hazzard. Imagination of a Monarchy. Studies in Ptolemaic Propaganda. Toronto, 2000 (Phoenix Suppl. 38) M. Hose. Der alexandrinische Zeus. Zur Stellung der Dichtkunst im Reich der ersten Ptolemäer. Philologus 141, 1997, S. 3–20. Ludwich Koenen. The Ptolemaic King as a Religious Figure. in A. W. Bulloch e.a. (edd.). Images and ideologies: Self–definition in the Hellenistic World. Berkeley, 1993, p. 25–115.

тимых перемен. Между 306 и 304 гг. до н. э. все властители государств, образовавшихся на обломках империи Александра, провозгласили себя царями — так век свободных полисов уступил место веку монархий. Царский титул, унаследованный от Александра и Птолемеем I, и Птолемеем II, был усилен воздаянием божественных почестей: уже в 305 г. до н. э. этими почестями наградили Птолемея I жители Родоса. Птолемею II удалось прославить не только отца как Сотера, но и его родителей. Сохранился так называемый Канобский декрет, принятый в 238 г. до н. э. египетскими жрецами в Канобе, подытоживший некий идеологический процесс, начавшийся ранее, в котором дается нормативное описание почестей, установленных в честь четы Эвергетов (Птолемея III и Береники II) и в целом династии Птолемеев к этому времени. По сути, пишет И. А. Ладынин[126], именно этот факт впервые фиксирует окончательное оформление культа Птолемеев: в систему династического культа, связанную с александрийским эпонимным жречеством и ранее включавшую только Александра и «богов Адельфов» (Птолемея II и Арсинои II), теперь инкорпорируются живущие и правящие страной «боги-Эвергеты».

Птолемеи, воцарившиеся в Египте, принявшие все регалии и титулы фараонов, их статус богов, нуждались в идеологической популяризации своих особ и своей власти. Личная монархия как новая форма правления породила новый масштаб проблем. В целях укрепления единоличной монархии создавалась идеология «хорошего правления», когда царь — всеобщий Эверет, благодетель, который правит справедливо, честно и на благо народов.

Можно полагать, что Каллимах, как и часть его современников-поэтов, приняли деятельное участие в этом процессе. Если Каллимах в I, II, III, IV гимнах прославляет Филадельфа под именами Зевса и Аполлона, Феокрит в «Энкомии Птолемею» возводит родословную Птолемеев, считая их потомками царя Филиппа, к Гераклу: «А прародителем первым они почитают Геракла» (Theocr. XVII, 27); в том же энко-

126. И. А. Ладынин. Оформление культа «Богов-Эвергетов» в *птолемеевском* Египте в 249–230 гг. до н. э. и его египетские коннотации. Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 4. СПб., 2005, с. 226.

мии он восклицает (Theocr. XVII, 115–117; пер. М. Е. Грабарь-Пассек):

Все провозвестники муз воспевают царя Птолемея,
Щедрость его восхваляя. А что для богатого мужа
Может прекраснее быть, чем стяжать себе добрую славу?

Соревнуясь с Каллимахом в славословии Птолемею, Феокрит считает Птолемея избранником Зевса с рожденья: «сопутствовать счастье повсюду / будет ему, и владыкой он станет над сушей и морем», ведь (Theocr. XVII, 75–85):

Много несметных числом на земле племен и народов
Свой урожай собирают под Зевса дождем плодотворным,
Но не рождает страна ни одна, как Египта долина,
Где разрыхляются глыбы разливами водными Нила.
Нет городов, где бы так люди были искусны в ремеслах,
Сотня воздвигнута здесь городов и умножена на три;
Столько же тысяч и трижды опять взять тысяч десяток,
После две тройки прибавь, потом еще девять три раза,
Все Птолемею-владыке, могущему в битвах, подвластны.

В том же духе прославления Филадельфа написана Феокритом идиллия XV, а в XIV он заключает (Theocr. XIV, 59): «Лучший из всех Птолемей повелитель для вольного мужа». (Ср. Theocr. XVII, 13–15; 73; 95).

Прежде чем быть приглашенным ко двору, свою лояльность к Филадельфу Каллимах, вероятно, доказывал неоднократно. Политическая пристрастность творчества Каллимаха подчеркивается всеми исследователями: его всегда называли и называют первым и главным придворным поэтом. Разногласия среди ученых существуют лишь в вопросе хронологической атрибуции гимнов, а поэтому адресатами того или иного гимна называют по-разному: то Птолемея I, то Птолемея II, то Магаса, то Птолемея II и Магаса вместе. В частности, например, споры идут о контексте II, 67–68: «ὤμοσε τείχεα δώσειν / ἡμετέροις βασιλεῦσιν (клялся стены дать нашим царям) — речь идет о Кирене, о клятве Аполлона — покровителя Кирены. Но кто же «наши цари»? Вопрос до сих пор остается открытым.

Политическая тональность большинства гимнов несомненна; порой поэта называют даже «льстивым» и «угодливым». Од-

нако и на этот счет мнения современных исследователей расходятся. В свое время И. И. Толстой[127] со ссылкой на IV гимн писал, что царедворцем в точном значении этого слова Каллимах никогда не был; судя по некоторым из его высказываний, можно даже заключить, что показная роскошь, плоская лесть и раболепное низкопоклонство, царившие при дворах эллинистических государей, ему, человеку тонкой внутренней культуры, были противны.

Скорее всего, упрочению славы Каллимаха при дворе послужило восхваление поэтом Арсинои II, супруги и родной сестры Птолемея II. В 277/76 гг. до н. э. Птолемей II женился на своей сестре Арсиное II. До этого брака Птолемей был женат на Арсиное I, дочери Лисимаха, но она была вовлечена в дворцовый заговор, ставивший целью убийство Птолемея II; заговор был раскрыт, заговорщики казнены, а Арсиноя I сослана в Копт. Случилось это около 279 г. до н. э.

Арсиноя II (316–270 гг. до н. э.) – дочь Птолемея I и Береники I, около 299 г. вышла замуж за Лисимаха, царя Фракии, затем, после убийства Лисимаха, за сводного брата Птолемея Керавна, нового царя Фракии, но в 279 г. вернулась в Египет, где уже царствовал ее родной брат Птолемей II и, как считается, способствовала изгнанию Арсинои I.

Арсиноя II и Птолемей II были выдающимися личностями, в вопросах политики, управления страной в то время им не было равных, но отношение в обществе к их династическому браку, обычному для восточных монархов и зазорному, даже кровосмесительному, с точки зрения македонцев и греков, было неоднозначным[128]. Арсиноя II была на 9 лет старше Филадельфа, ей было почти сорок лет, когда она вернулась в Египет, и брак был заключен скорее по политическим соображениям: Арсиное II принадлежали Кассандрия в Македонии, Гераклея, Амастрида, Тиос и др.

127. И. И. Толстой. Каллимах. В кн: История греческой литературы, т. III. М, 1960, с. 54.

128. Брак между родными братом и сестрой для укрепления политического статуса – распространенная практика в истории эллинистических династий. Подробнее см.: О. Л. Габелко, Ю. Н. Кузьмин. О некоторых загадках династической истории эллинистических держав. В: Studia historica V. M, 2005, с. 52–68; О. Л. Габелко. К генеалогии эллинистических царских династий. Античность: эпоха и люди. Казань, 2000.

При Арсиное II был сделан следующий шаг в обожествлении египетских царей: она при жизни чествовалась как богиня Афродита, принимала в своем дворце Адониса (именно этот праздник описывал Феокрит в идиллии «Сиракузянки»). В 274 г. до н. э. был установлен специальный культ Арсинои II, она была объявлена «богиней Адельфой» (любящей своего брата), а сам Птолемей II с этого времени стал именоваться «Филадельф». Недалеко от Александрии был построен храм, посвященный Арсиное-Афродите Зефирите. Храм был настолько замечательным, а новый культ настолько необычным, что по этому поводу было сочинено, по-видимому, множество стихов. От Посидиппа, например, дошли две эпиграммы, посвященные этому культу и этому храму; вот одна их них (пер. Л. Блуменау):

В храм Филадельфовой славной жены Арсинои-Киприды
Морем и сушей нести жертвы спешите свои.
Эту святыню, царящую здесь, на высоком прибрежье
Зефиреиды, воздвиг первый наварх Калликрат.
Добрый молящимся путь посылает богиня и море
Делает тихим для них даже в средине зимы.

Каллимах в эпиграмме, посвященной также этому храму, придерживается традиции посвятительной надписи (пер. Ю. Голубца):

Я — обомшелый моллюск, Зефирита, в святилище новом,
Первый Селены дар в храм, о Киприда, тебе...

Алтари, святилища, статуи в честь обожествленных царствующих особ становятся нормой; порой новые алтари и статуи помещались в храмах великих древних богов; считалось, что царь — σύνναος (имеющий общий храм, чтимый в том же храме), как в классическую эпоху, например: Ἀφροδίτη σύνναος τοῦ Ἔρωτος.

В самой Александрии Арсиное II был посвящен храм Арсиноейон, который, как пишет Плиний Старший (XXXVII, 108), назывался золотым, в нем находилась статуя царицы, сделанная из топаза, а после смерти царицы здесь же, по-видимому, находилась и ее гробница. После смерти Арсинои II Птолемей II провел ряд мероприятий, способствовавших укреплению ее культа. В частности, область вокруг Фаюма стала называться Арсиноитским номом и т. д.

В поэзии того времени, как и в обществе, все эти события толковались по-разному. Феокрит, восхваляя «священный брак», вспоминает мифологические параллели (брак Зевса и Геры) и восторженно пишет об Арсиное: «...она превосходит / Всех, кто в дому у себя заключает супруга в объятья; / Всею душою она его любит: и брата, и мужа» (Theocr. XVII, 128–130)[129]. А поэт-ямбограф Сотад сочиняет по этому же поводу неприличные стихи, за что был по приказу царя жестоко наказан (Athen. XIV. p. 621)[130]. К оппозиционному направлению, скорее всего, принадлежало творчество также Леонида Тарентского и Герона[131].

Каллимах свадьбу царствующего брата и сестры приветствовал особым произведением — «Свадьба Арсинои» (Ἀρσινόης γάμος), о чем можно судить по frg. 196[132]. В год кончины Арсинои (270 г. до н. э.), когда уже в третий раз пышно отмечались особые празднества — Птолемейи, посвященные обожествлению царствующих особ[133], Каллимах пишет энкомий, получивший широкую известность «Обожествление Арсинои» (Ἐκθέοσις Ἀρσινόης).

129. Известно, что Арсиноя любила устраивать роскошные празднества при дворе, описанию одного из них Феокрит посвящает идиллию XV (Theocr. XV, 109–111; пер. М. Е. Грабарь-Пассек):

Ныне ж во славу тебе, многохрамной и многоимённой,
Дочь Береники сама, Арсиноя, Елене подобна,
Пышно Адониса чтит и его осыпает дарами.

130. И. М. Нахов пишет: «Анализ немногочисленных подлинных фрагментов поэзии Сотада, сохраненных Афинеем и Гефестионом, а также поздних морально-дидактических подражаний (Sotadea), собранных Стобеем, говорит о том, что непристойности и физиологическая откровенность в некоторых стихах Сотада не преследовали порнографических целей, а были действенным народным средством сатиры, имели точный адрес: царская семья и ее окружение, воспеваемые придворными поэтами» (Антология кинизма. М.: Наука. 1984, с. 30).

131. Подробнее см.: А. П. Смотрич. Геронд и Птолемей II Филадельф. ВДИ № 1, 1962, с. 132–136; А. П. Смотрич. Сотад и его место в идеологии первой половины III в. до н. э.. Listy Filologické LXXXVI, sv. 1–2. 1963, s. 226–235.

132. Ср. Tryanis. op cit. p. 13; Г. Бенгстон. Правители эпохи эллинизма. Пер. с нем. предисл. Э. Д. Фролова. М.: Наука, 1982, с. 168. Р. Пфейффер посвящает «Арсиное» первую часть своих штудий («Zur Arsinoe»). R. Pfeiffer. Kallimachosstudien. München, 1922.

133. Подробнее о праздновании Птолемейев см.: В. П. Поршнев. Птолемеи в роли устроителей мусических агонов. Индоевропейское языкознание и классическая филология — X. СПб.: Наука, 2006, с. 236–243.

От стихов, посвященных Каллимахом Арсиное II, не дошло ничего, трудно судить, какого характера были эти произведения. Однако по эпиграмме, написанной в честь другой царицы – Береники II, супруги Птолемея III, можно представить, каким могло быть обращение Каллимаха к царствующей особе (ер. A. P. V, 146; пер. Л. Блуменау):

Четверо стало Харит, ибо к трем сопричислена прежним
Новая ныне, и вся благоухает она.
То – Береника, всех прочих своим превзошедшая блеском
И без которой теперь сами Хариты ничто.

Так поэзия панегириков стала с этих пор типичной дворцовой поэзией, и знаменитейшим ее представителем, как единогласно считают исследователи[134], был Каллимах.

Итак, к середине шестидесятых годов, когда Каллимаху уже около пятидесяти лет, он не просто известен и популярен («прославлен», как пишет Авл Геллий) при дворе Птолемея, но, скорее всего, он уже глава александрийских поэтов. Каллимах называет Птолемея «моим владыкой» (ἐμῷ βασιλῆι– дважды! – Call. II, 26,27). Поэтому у нас нет оснований подвергать сомнению бытующее в науке утверждение, что как в Вергилии можно видеть олицетворение апологетических настроений августовской культуры, так Каллимах ярче других выражает настроение птолемеевского двора[135].

К этому времени Александрия уже не только крупнейший в мире город, известнейшая культурная столица, но благодаря созданным еще Птолемеем I и теперь успешно развивающимся Мусейону и Библиотеке – ведущий научный центр всего эллинистического мира. Идею организации Мусейона и Библиотеки традиция прочно приписывает Деметрию Фалерскому, одной из интереснейших личностей той эпохи. Ученик Феофраста, ставленник Кассандра, он правил Афинами в течение 10 лет (317–307 гг. до н. э.). Затем Деметрий Фалерский переехал в Александрию около 297 г. до н. э. (иногда называют 294 г. до н. э.) и занимался Мусейоном в течение 10 лет. Возможно, под его руководством разраба-

134. Cp. W. Steffen. Aleksandryjska poezia panegiryczna. Scripta minora selecta. vol. II. Wroclaw. Warszawa-Kraków. 1973, S. 117.

135. E. Howald. Der Dichter Kallimachos von Kyrene. Zürich, 1943, S. 11–12.

тывались основные положения этого научного учреждения. Сам Деметрий был образованнейшим человеком: великолепный оратор, он всегда интересовался древними текстами, был автором многочисленных сочинений, имевших отношение к истории.

Хотя средневековые авторы Георгий Синкел (рубеж VIII–IX в. н. э.) и Иоанн Цец (XII в. н. э.) зарождение Мусейона связывали с Птолемеем Филадельфом, современные ученые полагают, что уже Птолемей I заложил основы Мусейона и Библиотеки. У нас нет точных сведений, когда и как они были организованы; одной из возможных дат основания иногда называется 290 г. до н. э.[136]

Птолемей I Сотер был известен своей страстью к коллекционерству, обладал коллекцией редких животных, увлекался физикой, писал историю Александра Великого, и считается, что организация Мусейона и Библиотеки были им предприняты для удовлетворения своей страсти коллекционера. Но, конечно, не только. Верное понимание эпохи и политики государства, желание сосредоточить всю литературную жизнь в Александрии с целью возвеличивания и упрочения славы мирового города побудили первых Лагидов сделать это направление своей культурной политики основным. И, как писал Дройзен[137], «успех превзошел их ожидания». Птолемеи, не рискуя завоевать Элладу, по известному выражению О. Буше-Леклерка, старались вывезти из нее все ценное — идеи, книги, ученых, поэтов. Уже Птолемей I обращался ко многим ученым, философам, поэтам с предложением переселиться в Александрию. Среди первых, при-

136. Неизвестно точно, где именно находились Мусейон и Библиотека. Возможно, Мусейон находился к юго-западу от восточной гавани. Согласно Страбону, он был частью дворцового района Брухейон; главными строениями были: перипатос (обсаженная деревьями аллея под открытым небом), экседра (тип веранды, которая открывалась во двор колоннадой), большой дом-трапезная для всех членов Мусейона, жилые помещения, помещения для библиотеки, обсерватория, ботанический сад, помещение для экзотических зверей и птиц. Подробнее об основании, расположении, организации и судьбе Мусейона см.: Э. Д. Фролов. Греция в эпоху поздней классики. Общество. Личность. Власть. СПб., 2001, с. 582–588; A. Erskine. Culture and Power in Ptolemaic Egypt: the Museum and Library of Alexandria.

137. И. Дройзен. История эпигонов. И. Дройзен. История эллинизма. Том 2. М., 2003, с. 292.

нявших это предложение, традиция называет поэта Филета Косского, физика Стратона[138], Феодора Киренского, геометра Евклида, врача Герофила, художников Апеллеса, Антифана и др. С этого времени Александрия и александрийцы в области науки и образования, как пишет Афиней (Athen, 184 b–d), «стали наставниками всех эллинов и варваров». Спустя всего лишь столетие, когда Птолемей VIII, прозванный «Злодеем» (144–116 гг. до н. э.), выслал из Александрии многих известных ученых, художников и т. д. (среди изгнанных были Аполлодор и Дионисий Фракийский), «все острова и города, пишет Афиней (Athen, 184 b–d), наполнились грамматиками, философами, геометрами, музыкантами, живописцами, учителями гимнастики и другими искусниками. Вынужденные по бедности своей преподавать науки, в которых они преуспели, эти люди воспитали много замечательных людей».

Высокий уровень александрийской культуры был обусловлен не только широким развитием образования и науки, не только выдающимися достижениями отдельных ученых. Как пишет Э. Д. Фролов[139], эти достижения опирались «на достаточно разработанные организационные формы, на своего рода учебно-научные центры, контуры и судьба которых, при всем историческом своеобразии напоминают явления нового времени. Особое внимание заслуживает, в частности, развитие в античном мире специальных философских школ, освещенных именем Муз и потому называвшихся Мусейонами, этих прообразов университетов нового времени». Собственно говоря, александрийский Мусейон – это воплощение в более крупном масштабе и в государственных рамках философского сообщества, созданного уже первыми пифагорейцами и успешно подхваченного Академией, Ликеем и Садом Эпикура. Само название Μουσεῖον употреблялось уже в школе Платона, который в парке Академа возвел святилище Муз, или Мусейон, а его племянник Спевсипп украсил впоследствии это святилище статуями Граций[140].

138. Филет и Стратон были воспитателями Птолемея II.

139. Э. Д. Фролов. Греция в эпоху поздней классики. Общество. Личность. Власть. СПб., 2001, с. 566.

140. Подробнее: А. И. Марру. История воспитания в античности..., с. 264–265; Дж. Диллон. Наследники Платона. СПб., 2005, с. 12–13.

К этому можно добавить, что организационные структуры александрийского Мусейона (впервые в таком масштабе появившиеся в мировой практике) способствовали созданию общественной, городской среды, культурной элиты, порождавшей и новые научные идеи, и новые поэтические опыты[141].

Именно теперь, в эпоху эллинизма, закладывались основы новых правовых отношений между разными слоями населения. Птолемей I с самого начала стремился установить определенное равновесие между греко-македонским населением, коренными жителями и многочисленными переселенцами с Востока. Македоняне[142], опиравшиеся на греков, уже в течение нескольких столетий живших в Навкратисе, а теперь переселявшихся в Александрию, активно привлекают к сотрудничеству и египтян. Хорошо известен, например, факт, что к избранным советникам Птолемея I принадлежал египетский жрец Манефон, написавший историю Египта и составивший список египетских

141. В этом плане можно провести аналогию с культурой Серебряного века: исследователи традиционно подчеркивают ее городской, элитарный характер (как культуры среды, поколения, интеллигенции, «салона», «кружка»); характерно в этом отношении воспоминание Ф. Степуна:

«Историки греческой культуры согласно утверждают, что вся она выросла из того творческого досуга, которым в богатеющей Греции располагали высшие слои общества. Шлегель, большой знаток античного искусства, любил полушутливо, полусерьезно повторять, что античная праздность — высшая форма божественной жизни. Русская жизнь «рубежа двух столетий» и «начала века» была в этом смысле подлинно античной. У всех людей, принадлежащих к высшему культурному слою, у писателей, поэтов, публицистов, профессоров, присяжных поверенных и артистов было очень много свободного времени. Ходить друг к другу в гости, вести бесконечные застольные беседы, заседать и публично дискутировать в философских обществах считалось таким же серьезным делом, как читать лекции, выступать на судебных процессах и писать книги... по всем редакциям, аудиториям и гостиным ходили одни и те же люди, подлинные перипатетики, члены единой безуставной вольнофилософской академии» (Ф. Степун. Вячеслав Иванов. Лидия Иванова. Воспоминания об отце. М. Культура. 1992, с. 374–375).

142. Как известно, разлада между македонским и египетским населением Птолемеям избежать не удалось (о чем говорит восстание 245 г. до н. э.). Подробнее см.: И. А. Ладынин. Оформление культа «богов Эвергетов» и их предков в Египте в конце 40-х — начале 30-х годов III в. до н. э. В сб.: Шестые Жебелёвские чтения в Санкт-Петербургском государственном университете. 26–28 октября 2004 г.

царей и династий на греческом языке[143]. В александрийской библиотеке хранились священные книги египтян, иудеев, персов. Халдей Беросс, финикийские историки писали истории своих стран на греческом языке, иудеи Александрии в это время переводят книги святого Предания (Ветхий Завет) на греческий язык[144]. Это означало не только широкое распространение знаний и культуры в тогдашнем мире, но и превращение эллинской науки и культуры в общемировую.

Мусейон и Библиотека находились под личным патронатом Птолемеев, от них зависело не только приглашение и назначение новых членов Мусейона, но и финансовая, экономическая структура этих учреждений[145].

Впервые в александрийском Мусейоне ученые получили возможность целиком предаваться научным занятиям, обмениваясь научным опытом, вести дискуссии с людьми оди-

143. Труд Манефона известен лишь по цитатам и комментариям других авторов. Но его пример, как и другие, подтверждает, что воцарившаяся в Египте после Александра македонская династия оставила в неприкосновенности все аспекты египетской жизни и общественного устройства. Гарантом стабильности было жречество – после завоевания Египта Александром, жречество сохранило свои привилегии, а строительство и реконструкция храмов шли ускоренными темпами. Подробнее см.: В. В. Струве. Манефон и его время. СПб., 2003.

144. Подробнее см.: Р. фон Пёльман. Очерк греческой истории и источниковедения..., с. 176.

145. Вопрос материальной зависимости придворных поэтов и ученых не раз становился предметом обсуждения как в древности, так и в новое время. Афиней (I, 22 d) пишет, как Тимон Флиунтский (320–230 гг. до н. э.), издеваясь над кормившимися в Мусейоне философами, называет Мусейон плетеной корзиной, полной птиц: они-де откармливаются там, подобно редким птицам в вольере:

Много теперь развелось в краю многолюдном Египта
Книжных ученых тычин, грызутся они беспрестанно
В птичьей корзине Мусея.

Подобная точка зрения высказывалась и в новое время: «Литература же в эпоху эллинизма переживала упадок. Поэты творили уже не для многоликого демократического полиса, а для царя и его двора, и даже самые крупные из них не могли писать откровенно, боясь потерять жалованье и подарки. Отсюда – угодливость эллинистической поэзии, ее уродливая льстивость, доходившая до признания божественными не только царей и их жен, но даже локонов царицы, которые фантазия поэтов возносила на небо и превращала в светила» (А. П. Каждан. Религия и атеизм в древнем мире. М.: Изд-во АН СССР, 1957, с. 212).

наковых взглядов и занятий. Впервые формируется научная среда, благодаря множеству исследователей и учеников образуются научные школы, прототипы современных. Впервые наука, освободившись от пут философии и поэзии, находит собственные пути развития, приобретая черты четкой дифференциации и специализации. Теперь уже не только математика и астрономия, но и механика, геометрическая оптика, география, зоология, ботаника, эмбриология начинают развиваться независимо друг от друга, находя – каждая – присущие только ей специфические объекты и методы исследования. И если V век до н. э. был зенитом греческой поэзии и театра, IV в. до н. э. – расцветом философии, то III в. до н. э. стал веком высших в античности достижений науки. Характерным явлением для расцвета науки этого времени была усиливающаяся связь между теоретическими идеями и их практическим применением, возросшая роль прикладных исследований.

Математик Евклид (ок. 300 г. до н. э.), живший в Александрии во времена Птолемея I, систематизировал и изложил в «Началах» почти всю известную к тому времени математику. «Начала» Евклида – это своего рода математическая энциклопедия, остававшаяся образцом и идеалом на тысячелетия. До середины XIX в. «Начала» Евклида считались образцом строго логического изложения геометрии, где Евклид придерживался аристотелевских принципов построения науки. Сегодня ученым всего мира известны такие понятия, как евклидова геометрия, евклидово пространство, алгоритм Евклида (прикладной метод счета). Архимед (287–212 гг. до н. э.) формально не принадлежал к александрийской научной школе; в Александрии он только учился, но считается, что связь с александрийскими учеными Кононом, Досифеем, Эратосфеном продолжалась вплоть до его кончины. Дошедшие до нас труды Архимеда поражают своим разнообразием. Математик и инженер, механик и астроном, практик и теоретик, он заложил основы современной математической физики, являясь предшественником современного математического анализа. Аполлоний Пергский (262–190 гг. до н. э.) жил и работал в Александрии, его самое знаменитое сочинение «Конические сечения» (Κονικά) вплоть до нового времени оставалось самобытнейшим классическим трудом по геометрии. В то же время он был автором большого числа работ по математике и оптике, был

выдающимся астрономом. Создателем прикладной механики был Ктесибий, современник Архимеда, живший и работавший в Александрии (изобретатель водяного насоса, водяных часов, водяного органа). Аристарх Самосский (310–230 гг. до н. э.), родоначальник теории гелиоцентризма, Арат из Сол (315–240/239) и живший несколько позднее Гиппарх Никейский (II в. до н. э.) заложили основы астрономии, некоторые из их идей (например, Гиппарха), оставались актуальными в науке вплоть до нового времени[146].

Из всех естественных наук Каллимаха, помимо географии, больше других интересовала медицина. Медицина в его время достигла значительных успехов; в это время продолжалось уже давно начавшееся обособление различных отраслей медицины, прежде всего хирургии, фармакологии и диэтики. Возможно, уже теперь зародилась та специализация медиков по возрастным категориям населения, которая хорошо известна в греческих городах в II–III вв. н. э. Скорее всего, уже в это время весьма остро стоял вопрос о взаимоотношениях врачей-практиков и врачей-теоретиков[147]. Характерна тирада Полибия (Polyb. XII, 25 e), направленная против лекарей-теоретиков (пер. Ф. Г. Мищенко): «...врачи-книжники: долго проработавшие в книгохранилищах и вообще извлекшие из книг множество сведений, они и сами стараются уверить и себя, что вполне подготовлены к делу, и другие считают их располагающими для этого всем необходимым».

Два знаменитых врача, современники Каллимаха, жившие в Александрии – Герофил и Эрасистрат, благодаря разрешению Птолемеев препарировать трупы и даже проводить вивисекцию на преступниках, значительно продвинули знания об анатомии человека. Герофил из Халкедона (первая половина III в. до н. э.) считается родоначальником научной анатомии. Его важнейшие открытия в области анатомии относились к строению и функционированию нервной системы; он первым разделил нервы на сенсорные и моторные, сформулировал различие черепных и спинных нервов; он первым уста-

146. Подробнее о достижениях естественных наук в эпоху эллинизма см.: И. Д. Рожанский. Античная наука. М.: Наука, 1980, с. 122–168.

147. Т. В. Блаватская. Из истории греческой интеллигенции эллинистического времени. М., 1983, с. 80.

новил, что головной мозг является средоточием умственных способностей человека; *он анатомировал и описал* многие органы человека, в том числе глаза, печень и т. д. Эрасистрат (вторая половина III в. до н. э.) также много экспериментировал на живых существах, изучал деятельность мозга, он выдвинул важные идеи об обмене веществ в организме, пытался *объяснить физиологические явления* с помощью естественных причин и т. д. Влияние медицинских взглядов, в частности, трудов Герофила, обнаруживается даже в гимнах Каллимаха, на что не раз обращали внимание современные исследователи[148] (подробнее в комментариях).

Конечно, столь значительные успехи александрийской науки стали возможны благодаря сохранению и развитию греческой классической традиции, обращению к традициям науки Древнего Востока — иудейской, египетской.

Базой исследований александрийцев стала александрийская Библиотека, являвшаяся частью Мусейона[149]. Библиоте-

148. H. Opperman. Herophilos bei Kallimachos. Hermes. 60, 1925; В частности, Г. Опперман в этой статье писал (S. 32): «Мы знаем, что ученость Каллимаха украшает его поэзию политическими, мифологическими и другими намёками. Данное исследование показывает, что ему можно доверять и в области точных наук, и эти знания он использует в своих поэтических произведениях». См. также: G. W. Most. Callimachus and Herophilus. Hermes. Bd. 109 ref. 2 1981; E. S. Agag. Medical Allusions in Alexandrian Poetry. BACPS 10, 1994, 57–69 и др. «Каллимах и медицина: миф и наука» — так называется четвертая глава диссертационного исследования О. Д. Никитинского «Мифическое прошлое в поэзии Каллимаха и его современников. Филологические разыскания к некоторым мифологическим фрагментам Каллимаха». М., 1997. Автор подробно анализирует конкретные тексты, где Каллимах говорит о разных болезнях: о «священной болезни» (т. е. эпилепсии) в элегии об Аконтии и Кидиппе; о болезни Эрисихтона, которая описана со всеми медицинскими подробностями (VI гимн); о «любовной горячке» (46 эпиграмма) и т. д.

149. В наши дни, через 1600 лет после гибели Александрийской библиотеки, возник Международный библиотечный проект: создать новую Александрийскую библиотеку, которая стала бы преемницей легендарной древней. Главная цель проекта — создание международной электронной библиотеки, благодаря которой люди во всем мире могли бы получить ответ на любой интернетовский запрос. Уже построено одиннадцатиэтажное здание в форме косо срезанного цилиндра (задумано авторами проекта — норвежскими архитекторами как символ солнца в Древнем Египте), на одной из стен вместо окон — буквы всех алфавитов мира. В фондах библиотеки уже собрано более четырех миллионов книг, 500 тысяч карт, тысячи рукописей, 10 тысяч древних книг и огромное количество компакт-дисков. Академик М. Л. Гаспаров в одном из периодических изданий писал, откликаясь на откры-

ка, основанная вместе с Мусейоном, была главной гордостью Александрии, с нее берет начало история библиотек греческого и греко-римского мира[150]. Строго говоря, библиотеки были и раньше. Авл Геллий пишет (Aul. Gell. N. A. VII, 17, 1–3; пер. Т. Н. Кузнецовой): «...Тиран Писистрат был первым, кто смог сделать собранные им книги доступными для всеобщего чтения... После захвата и сожжения Афин всем этим книжным богатством овладел Ксеркс и переправил книги в Персию. Спустя много времени Селевк... позаботился о том, чтобы все эти книги были возвращены Афинам. Позже значительное число книг, согласно воле правителей династии Птолемеев в Египте, было либо разыскано, либо вновь написано, что составило семьсот тысяч томов, но все это книжное богатство было сожжено вспомогательными отрядами во время первой Александрийской войны». Страбон сообщает (Strab. XIII, 1, 54): «Аристотель первым стал собирать книги и научил египетских царей составлять библиотеку». И то, и другое свидетельства возвращают нас к александрийской Библиотеке.

Считается, что, помимо основной библиотеки, расположенной в царском квартале Брухейоне, уже при Птолемее II появилась вторая, малая библиотека — в Серапейоне; так пишет в своих комментариях Иоанн Цец: «ὁ Πτολεμαῖος (Φιλάδελφος) φιλολογώτατος ὢν τὰς βίβλους εἰς Ἀλεχάνδρειαν συνήθροισεν καὶ δῦσι βιβλιοθήκαις ταύτας ἀπέθετο» (Test. Pfeiff.

тие в 2002 году новой *библиотеки*: «Сейчас печатные книги сменяются дискетными, а библиотечные фонды срастаются в Интернете. Некоторые говорят, что книжной эпохе культуры настал конец. Это не так: пока люди пользуются письменностью, у них будут и книги. А какую форму они будут иметь, чтобы лучше нести свою службу, это будет решаться снова и снова. Центром, где будут определяться пути новой книжности, должна стать новая Александрийская *библиотека*. Старая была всегреческой, новая будет всемирной. Между ними вмещается вся *история* нашей книжной культуры — той, без которой мы не были бы таковыми, каковы мы есть».

150. Новый подход к изучению эллинистической и александрийской науки, культурной политики Птолемеев, истории Мусейона и Библиотеки дан в фундаментальном труде П. М. Фрезера «Птолемеевская Александрия» (P. M. Fraser. Ptolemaic Alexandria. Oxford, 1972). О состоянии книжного дела в античности см.: А. А. Россиус. Знания, книга и библиотека в Греко-римском мире (обзор). Личность и общество в религии и науке античного мира (современная зарубежная историография). М., 1990, с. 177–191. Анализ новейших работ, появившихся после труда П. М. Фрезера, см. в обзоре: Н. Г. Майорова. Александрийская школа. Личность и общество; там же, с. 192–215.

№ 14). Фонды Библиотеки постоянно росли: в эпоху первых двух Птолемеев они составляли от 100 до 200 тысяч свитков, а к тому моменту, когда Библиотека была сожжена во времена Цезаря – до 700 тысяч свитков[151].

Тогда же в Александрии начинает развиваться книгоиздательское дело, чему способствовали монополия Египта на папирус – единственный писчий материал, получивший широкое распространение, а также приток большого числа служащих-писцов. Вскоре Александрия становится центром книжной торговли[152], а Библиотека по значимости затмевает все остальные отделения Мусейона.

Должность главного библиотекаря становится одной из высших придворных должностей: именно ему чаще поручалось воспитание будущего наследника престола. Пригласил ли Птолемей II Каллимаха на должность главного библиотекаря, если он им был, то когда именно – вопрос дискуссионный. П. М. Фрезер[153], исследуя этот вопрос, поддерживает традиционную точку зрения и предлагает следующую периодизацию и последовательность главных библиотекарей в истории библиотеки: 1) организационный период – до конца директорства Эратосфена (194 г. до н. э.), когда на посту главного библиотекаря последовательно сменяли друг друга Зенодот Эфесский,

151. Сведения о количестве книг в александрийской библиотеке в разных источниках приводятся разные: из-за несовпадения понятий «книга» в античном и современном понимании; из-за учета/неучета фондов основной Библиотеки и библиотеки дубликатов (возможно, в библиотеке Серапейона); из-за разных исторических отрезков времени, принимаемых во внимание.

152. Как писал в свое время Магаффи, «стремление к обладанию старинными книгами распространялось столь широко, что появились люди, специализировавшиеся на подделке рукописей, чтобы продавать их в качестве раритетов» (J. P. Mahaffy. Empire of the Ptolemies. London, 1895, p. 208).

Страсть египетских царей к собиранию книг подтверждается такими дошедшими до нас сведениями полулегендарного характера: Птолемей III издал указ, по которому каждая доставленная в Александрию книга должна была быть помещенной в библиотеку, где с нее делали копии, которые возвращали владельцу, а оригинал оставался в библиотеке. Тот же Птолемей III упросил Афины одолжить ему на время рукописи Эсхила, Софокла и Еврипида, отдав в качестве гарантии большую сумму денег. По истечении срока оригиналы были оставлены в Александрийской библиотеке, а деньги достались Афинам в качестве компенсации. Тогда же рождается понятие «библиофил» (по-гречески – φιλόβιβλος). – Подробнее см.: С. С. Аверинцев. Поэтика ранневизантийской литературы. М.: Coda, 1997, с. 209.

153. Подробнее см.: P. M. Fraser, op. cit., p. 458 sq.

Каллимах, Аполлоний Родосский, Эратосфен; 2) классический период (194–153 гг. до н. э.) – деятельность Аристофана Византийского и Аристарха, когда появляется настоящая научная критика текстов, в первую очередь гомеровских; 3) период упадка – после 153 г. до н. э. Однако в одном из поздних рукописных списков библиотекарей, приводимом Р. Пфейффером (Index praefectorum bibliothecae Alexandrinae, P. Oxy, 1241. p. 99 – Test. Pfeiff. № 13), первыми библиотекарями называются Зенодот, Аполлоний Родосский, Эратосфен, Аристофан, Аристарх. Имя Каллимаха упоминается лишь в связи с Аполлонием Родосским, который назван «последователем Каллимаха» (γνώριμος Καλλιμάχου) [154]. Ф. Г. Кеньон[155] библиотекарями называет Зенодота, Эратосфена, Аристофана и Аристарха, а о Каллимахе и Аполлонии пишет, что они работали в библиотеке, но, по-видимому, главными библиотекарями не были («...Callimachus and Apollonius Rhodius worked there, but were apparently not chief librarians»).

К тому времени, когда Каллимах был привлечен к работе в библиотеке, там, по-видимому, уже несколько лет трудились Зенодот, Александр Этолийский и Ликофрон. Называя эти имена в связи с работой в библиотеке, И. Цец замечает (Pfeiff. Test. № 14): «ὁ Καλλίμαχος νεανίσκος ὢν τῆς αὐλῆς ὑστέρως» (Каллимах будучи молодым позже появляется при дворе). При всех разногласиях в понимании «νεανίσκος» в данном контексте[156], это замечание И. Цеца, скорее всего, можно понимать так, что Каллимах, позже появившийся при дворе, относился к более позднему (т. е. молодому) поколению сотрудников.

Бесспорно первым библиотекарем считается Зенодот из Эфеса[157] (325 г. до н. э. – год смерти неизвестен), ученик Филета Косского. Он стал заведовать библиотекой, возможно, около 284 г. до н. э. Ему принадлежит первое критическое издание поэм Гомера, основанное на сопоставлении различных

154. Подробнее см.: F. Schmidt. Die Pinakes des Kallimachos. De bibliothecae praefectis. 1922, p. 33 sq. Из последних работ: М. Ю. Серова. Александрийская библиотека (к истории библиотечного дела в античном мире). Шестые Жебелёвские чтения в Санкт-Петербургском унив. 26–28 октября 2004 г.

155. F. G. Kenyon. Libraries. The Oxford Classical Dictionary, op. cit., p. 503.

156. Подробный комментарий данного контекста И. Цеца см.: Claude Mellier, op. cit., p. 13–14.

157. J. F. Loskwood. Zenodotus. The Oxford Classical Dictionary, op. cit., p. 965.

рукописей, он разделил «Илиаду» и «Одиссею» на 24 песни; ввел специальные знаки «обелы» для различения подлинных и, как ему казалось, сомнительных стихов, полустихов и т. д. При определении подлинности стихов, как считатся, он руководствовался требованиями предельной ясности выражения мысли в сочетании с лаконичностью и торжественностью. Собственно, с Зенодота, а также его последователей в изучении Гомера – Аристофана Византийского и Аристарха Самофракийского, как известно, начинается филологическая работа над текстами Гомера.

В распоряжении александрийских филологов было большое количество рукописей гомеровских поэм, в которых наблюдались значительные текстуальные расхождения. Встал вопрос выбора; в такой ситуации издателям следовало критически оценить многочисленные версии, чтобы иметь возможность установить текст, наиболее близкий, по их мнению, к гомеровскому. Впервые закладывались основы важнейшей из филологических наук – текстологии, которую современный исследователь[158] определяет как *науку* находить в тексте ошибку и *искусство* эту ошибку исправлять. «Аргументы александрийцев и по сей день принимаются во внимание» – пишет известный гомеровед Р. В. Гордезиани[159]. Помимо работы над Гомером, Зенодот составил каноны эпических греческих поэтов, был автором специальных лексикографических трудов («Γλῶσσαι») и т. д. Конечно, у нас есть основания полагать, что Каллимах был знаком с трудами Зенодота, как и с ним самим.

Александр Этолийский[160] (315 г. до н. э. – год смерти неизвестен) – выходец из этолийского города Плеврон. Одновременно с Феокритом он появляется на острове Кос, входит в круг косских поэтов, под руководством Филета участвует в «буколическом маскараде», приняв имя Титира. Затем, после вступления на престол Птолемея Филадельфа, Александр Это-

158. Л. Э. Хаусмен. О приложении разума к текстологии. Пер. В. В. Зельченко. Древний мир и мы. Классическое наследие в Европе и России, т. II. СПб.: Алетейя, 2000, с. 99. Текстология Зенодота получила название «метода атетезы», а спустя столетие подверглась критике Аристархом Самофракийским, который многие толкования Зенодота отверг.

159. Р. В. Гордезиани. Проблемы гомеровского эпоса. Тбилиси, 1978, с. 16.

160. E. A. Barber. Alexander Aetolus. Oxford Classical Dictionary, op. cit., p. 34–35.

лийский оказывается одним из трех ведущих сотрудников библиотеки, где ему была поручена систематизация и каталогизация греческих трагиков. Александр был чрезвычайно разносторонним поэтом: он был широко известен как трагический поэт, входил в число семи лучших трагиков знаменитой александрийской Плеяды, писал эпические и элегические произведения, был популярен как эпиграмматист[161], автор идиллий, грамматических трудов. Однако из всего наследия до нас дошло немногим более 60 стихов в разрозненных фрагментах. Но даже по тому немногому, что дошло от Александра, можно судить, что он следовал основным принципам александрийской поэзии: бытовой сниженности содержания и ученой стилистической усложненности поэтического языка. В этом смысле Александра вполне можно назвать «каллимаховцем», приверженцем его подхода к поэтическому творчеству[162].

Тогда же в библиотеке Каллимах сотрудничает с Ликофроном Халкидским[163] (320 г. до н. э. — год смерти неизвестен), который, как и Каллимах, переезжает в Александрию в восьмидесятые годы (возможно, в 285–283 гг. до н. э.). Ему Птолемей II поручает описание древних комедий, имеющихся в книжных коллекциях Библиотеки. Афиней сообщает (Athen. VII, 278 a), что результатом работы Ликофрона был прозаический труд «О комедии», состоящий из 9 или 11 книг. Ликофрон был замечательным трагическим поэтом[164], он, как и Александр Этолийский, входил в число александрийской Плеяды (ее составляли 7 «звезд»: Ликофрон, Александр Этолийский, Созифан из Сиракуз, Филиск из Керкиры, Ситей из Александрии, Гомер из Византия, Дионисиад из Тарса. Дошли только имена и скудные фрагменты). Птолемей II, любивший зрелищные мероприятия, с необыкновенной пышностью устраивал и состязания драматических поэтов. Перу Ликофрона принадлежало большое число трагедий (И. Цец пишет, что число его трагедий колеба-

161. Эпиграммы Александра Этолийского см.: Греческая эпиграмма. СПб.:Наука, 1993, с. 67.

162. Подробнее см.: В. П. Завьялова. Александр Этолийский, современник Каллимаха. Античность в контексте современности. Вопросы классической филологии X. М.: Изд-во МГУ, 1990, с. 54–65.

163. E. A. Barber Lycophron. Oxford Classical Dictionary, op. cit., p. 520–521.

164. Подробнее см.: А. Б. Шарнина. О судьбе трагедии и комедии в эллинистическую эпоху. Древний мир и мы. Вып. III. СПб.: Алетейя, 2003, с. 105–122.

лось от 64 до 46, а словарь «Суда» называет Ликофрона автором 20 трагедий). Сохранились лишь незначительные фрагменты. Ликофрон написал знаменитую поэму «Александра», которая с древних времен считается одной из самых «темных» и «загадочных» поэм античности, в конце I в. до н. э. грамматик Феон сделал серьезный комментарий к поэме, послуживший материалом для содержательных схолиев, без которых текст поэмы остался бы непонятным для читателей нового времени. Трудность языка, нагромождение мифологических имен и сюжетов сближает поэму Ликофрона с поэзией Каллимаха, что дало повод уже через несколько столетий считать обоих авторов любителями «загадочных выражений».

Итак, приступив к работе в Библиотеке в шестидесятые годы, Каллимах, очевидно, до своей кончины являлся одним из главных ее сотрудников, возглавив впоследствии составление, как бы мы теперь сказали, сводного каталога всех книжных коллекций. Считается, что «Таблицы» — так назывался первый в мировой практике библиографический каталог — были созданы за период между 260 и 240 гг. до н. э.[165] Неоспоримость этого факта подтверждается единым мнением, идущим с античных времен, и неоднократно повторяется в комментариях И. Цеца: «ὧν βίβλων τοὺς πίνακας Καλλίμαχος ἀπεγράφατο». «Таблицы» Каллимаха замечательны прежде всего тем, как уже говорилось выше, что здесь впервые была разработана методика по систематизации и комментированию источниковедческого материала[166]. Полное название этого труда Каллимаха сохранилось в словаре «Суда»: «Таблицы прославившихся во всякого рода образовательных науках и о ком написано в 120 книгах» («Πίνακες τῶν ἐν πάσῃ παιδείᾳ διαλαμψάντων καὶ ὧν συνέγραψαν ἐν βιβλίοις κ΄ καὶ ρ΄). Первое слово «Πίνακες» по установившейся традиции принято переводить «Таблицы» [167]. Из 120 книг «Таблиц» до нас дошло око-

165. А. И. Марру. История воспитания в античности..., с. 264.

166. Именно в методологическом отношении александрийская филология представляет совершенно новую исследовательскую ступень, которая начинается с тщательного описания и классификации эллинского литературного наследия.

167. В списке словаря «Суда» перечисляются еще два произведения Каллимаха — № 14, 15, — начинавшиеся со слова «Πίναξ», но они переводятся по традиции как «Перечень».

ло трех десятков фрагментов, большая часть которых приводится у Афинея[168]. 120 книг «Таблиц» были поделены на восемь групп. В первой описывались эпические произведения, во второй – драматические; в третьей – поэтические, не вошедшие в первые две, и т. д. Были систематизированы философские, исторические, ораторские произведения, трактаты о законах и т. д. Первая техническая классификация – разделение произведений поэтических и прозаических – повлекла за собой разработку чисто текстологическую: решались вопросы аутентичности, хронологической последовательности, стихометрических данных каждого произведения; собирались сведения об авторах. Помимо историко-культурного комментария, тексты толковались с лингвистической точки зрения: объяснялись значения редких слов, давались этимологические справки и т. д. Тогда же Аристофаном Византийским, как уже говорилось, впервые были созданы «каноны» – перечни лучших авторов (от греч. κανών – правило, норма, образец) по жанрам: стараясь выделить лучшее из массы существующих рукописей, составлялись списки «лучших книг», «четырех эпиков», «девяти историков», «десяти ораторов» и т. д. О произведениях такого рода можно судить по X книге Квинтилиана, представляющей собой самое древнее руководство по греческой и римской литературе.

По всей видимости, в «Таблицы» включались также произведения хорографического (описание городов, областей, островов, рек Пелопоннеса, Аттики, Италии) и парадоксографического характера (описание всевозможных чудес в природе и животном мире). В перечне произведений Каллимаха подобные сочинения перечисляются то отдельно, то входящими в число «Таблиц» [169]. Ясно одно, что Каллимах проявлял несо-

168. Подробнее о «Таблицах» см.: А. Н. Деревицкий. О начале историко-литературных занятий в Древней Греции. Харьков, 1891; Л. А. Фрейберг. Литературная критика в эпоху александрийской образованности. Древнегреческая литературная критика. М.: Наука, 1975, с. 194; F. Schmidt. Die Pinakes des Kallimachos. 1922. Из последней литературы на эту тему см.: R. Blum. Kallimachos: The Alexandrian Library and the Origins of Bibliography. Madison, 1991.

169. Вопрос о степени участия Каллимаха в «Таблицах» иногда вызывал сомнения. В схолиях к Плавту (ed F. Ritshl. Opusc. I, 5) схолиаст пишет: «sicuti refert Callimachus aulicus regius bibliothecarius, qui etiam singulis voluminibus titulos inscripsit» (как и Каллимах, придворный царский библиотекарь, который только надписывал наименования отдельных свитков).

мненный интерес к появившимся в эпоху эллинизма хорографическим сводам[170], много работал в этой области сам, а также прививал интерес к подобным сочинениям своим ученикам.

Помимо небывалого по масштабам охвата литературы, в работе над «Таблицами» впервые были поставлены такие фундаментальные задачи, как историческая критика древних текстов, детальное изучение языка конкретных авторов, эстетическая оценка произведений прошлого. В этой работе Каллимах проявил себя как крупнейший ученый своего времени, а также как тончайший критик и эстет. «Обстоятельная работа с духовными ценностями предшествующих традиций, – писал Э. Рейценштейн[171], – в его вкусе. Он немыслим вне ученой деятельности, вне научной работы, где он опирался на опыт Аристотеля, Феофраста, перипатетиков». «Таблицы» Каллимаха – не только первый систематический библиографический каталог, это – первый историко-литературный свод всей предшествующей литературной продукции, известной на тот момент[172]. «Таблицы» стали основой всех последующих изданий древних авторов[173]; александрийской филологии принадлежит за-

170. «Такого рода своды для александрийских ученых и поэтов становятся одним из главных источников их мифологической, географической и парадоксографической премудрости, – пишет Д. О. Торшилов, – они использовались Каллимахом и его учениками и последователями как в выборе сюжетов, так и при оснащении своего изложения редкими деталями. С другой стороны, каллимахова школа внесла свой вклад в прозаическую хорографию.». (Д. О. Торшилов. Античная мифография: Мифы и единство действия. СПб., 1999, с. 82–83).

171. E. Reitzenstein. Zur Stiltheorie des Kallimachos. // Festschrift Richard Reitzenctein. 1931, S. 24

172. Созданием «Таблиц» Каллимах навсегда вошел в историю библиографоведения, любой справочник или учебник по библиографоведению в наши дни начинается с упоминания его имени и его «Таблиц». Об этом писал еще А. И. Малеин: А. И. Малеин. Начала библиографии в Греции и «Таблицы» Каллимаха. В журн. «Библиограф». 1892. №№ 4–5.

173. Одним из тех, кто активно пользовался «Таблицами», и его произведение дошло до нас, был Афиней, живший на рубеже II и III вв.: «К «Таблицам», – пишет О. Левинская, – Афиней обращался, когда ему нужно было проверить имя автора той или иной книги, ее точное название, первую фразу, количество строк и т. п. Кроме того в «Таблицах» можно было почерпнуть и биографические сведения об авторах, а также найти перечень книг на ту или иную тему (ср. систематические каталоги в современных библиотеках)». (О. Л. Левинская. Афиней и его книга. Афиней. Пир мудрецов. М.: Наука, 2003, с. 473).

слуга издания первых выверенных текстов греческих писателей и поэтов, а также составления антологий и собраний избранных произведений; принципы текстологической критики, разработанные как предшественниками (Филет, Зенодот), так и современниками Каллимаха, стали основой для всех последующих поколений филологов.

ГЛАВА 2

ЛИТЕРАТУРНОЕ ТВОРЧЕСТВО КАЛЛИМАХА

1. ХУДОЖЕСТВЕННО-ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ АЛЕКСАНДРИЙСКОЙ ПОЭЗИИ

«...χαίρετε λεπταὶ ῥήσεις»
(Call. ep. AP, IX, 507)

Каллимах в традиции считается первым и главным адептом поэзии малых форм, создателем новой литературной программы, главой александрийской поэтической школы.

Александрийской поэзией принято называть литературное творчество поэтов периода правления первых Птолемеев (конец IV–III вв. до н. э.), прямо или косвенно связанных с Александрией. Влияние поэзии этой школы столь велико, что всю литературу раннего эллинизма долгое время было принято называть «александрийской». В настоящее время этот термин употребляется как синоним «эллинистической поэзии», поскольку в это же время известностью пользовались такие культурные центры, как Пергам, Антиохия, Родос, Кос и др. Т. е. в хронологических и географических рамках александрийская поэзия – это определенный этап и определенная школа в истории античной литературы[1].

В то же время понятия «александрийская поэзия», «александрийский» как *эстетический феномен* включаются в новое время в более общее представление «александринизм», которым принято характеризовать новый, по сравнению с клас-

1. Раннеэллинистическим в истории античной литературы называют период со времени смерти Александра Македонского до завоевания римлянами Греции: 323–146 гг. до н. э., т. е. до начала эллинистическо-римского периода в литературе; или: 323–31 гг. до н. э., т. е до конца царствования последней царицы из династии Птолемеев – Клеопатры и завоевания римлянами Египта. (См.: E. A. Barber. Alexandrian Poetry. The Oxford Classical Dictionary. Op. cit. P. 36) Встречаются и другие подходы к хронологии.

сикой, взгляд на эволюцию эстетической культуры, эстетических форм, характерных для эпохи эллинизма в целом[2]. Александрийская поэзия отражает смену ценностных ориентиров в греческом мире при переходе от классики к эллинизму. Дух учености и ремесла, тонкость и внимание к слову, тщательность отделки стиха, использование художественного опыта предшественников – все это становится сознательной творческой установкой поэта. Утонченный эстетизм (как общая дань эпохе и моде того времени), cupiditas rerum novarum порождают в поэзии *эстетический рационализм*[3], когда поэт стремится, чтобы каждое художественное средство – и само по себе, и по своей функции – было четко определенным и целенаправленным, на что уже не способны традиционные средства. «Страх перед банальностью»[4] приводит поэта к созданию самостоятельной эстетической программы – *демонстративной*, эпатирующей независимости творчества от всякого груза утилитаризма, в конечном итоге артистической «вещи в себе» и «для себя», а не «для нас», к поэзии интеллектуальной элиты.

Оценка александрийской поэзии в целом, и Каллимаха в частности, в новое время целиком зависит от понимания и оценки эпохи раннего эллинизма. Известно, что до 30-х годов XIX века, до появления трехтомной «Истории эллинизма» Иоганна Густава Дройзена[5] (1808–1884) понятие «эллинизм» пол-

2. Именно в таком, типологическом толковании поэзию Серебряного века на рубеже веков называли «александрийской», сопоставляя, а порой и ставя знак равенства между «александринизмом» и «декадентством». Подробнее см.: В. П. Завьялова. Поэзия Серебряного века и «александринизм». (К постановке вопроса). Владимир Соловьев и культура Серебряного века. К 150-летию Вл. Соловьева и 110-летию А. Ф. Лосева. М.: Наука, 2005, с. 173–183. Она же: К проблеме типологии александрийской поэзии и поэзии Серебряного века. Русская антропологическая школа. Труды. Выпуск 4 (часть 1). М., 2007, с. 118–129.

3. Ср. Теодор А. Адорно. Эстетическая теория. М., 2001, с. 54.

4. Выражение принадлежит Марии Пуэльме-Пивонке, высказано в отношении Каллимаха в работе: M. Puelma-Pivonka. Lucillius und Kallimachos. Zur Geschichte einer Gattung der hellenistischen-romischen Poesie. Frankfurt am Main, 1949. S. 120.

5. В 1833 г. И. Дройзен публикует «Историю Александра Великого» (Geschichte Alexanders des Grossen), в 1836 г. он выпускает еще два тома, второй из которых он называет «Geschichte des Hellenismus. Geschichte der Diadochen». Hamburg, 1836 г. Во втором издании все три тома были объединены под общим названием: «История эллинизма»: Geschichte des Hellenismus (Geschichte Alexanders des Grossen. Geschichte der Diadochen. Geschichte der Epigo-

ностью отсутствовало в мировом антиковедении. Время после восточных походов Ал. Македонского до захвата завоеванных им территорий Римом или вовсе отрицались как недостойное для изучения, или рассматривалось как простое продолжение греческой истории, без выявления качественных особенностей этого исторического отрезка. Как писал талантливый популяризатор античности Лео Дойель[6], этот период занимал «незавидное положение между сверкнувшей ярким метеором карьерой Александра Македонского и появлением римских цезарей». Иоганн Дройзен, ученик Г. Гегеля и А. Бека[7], последовавший первому в понимании основных черт философии истории и воспринявший от второго строгую источниковедческую школу, первым обратился к данной эпохе, дал ей название «эллинизм» (от греческого глагола ἑλληνίζω — подражать грекам, говорить по-гречески, в более широком смысле «принять греческие нравы и обычаи») и ввел в научный оборот. Под эллинизмом И. Дройзен понимал прежде всего распространение греческой культуры, языка, государственно-правовых учреждений в странах средиземноморского бассейна, Передней Азии, Ближнего и Среднего Востока. Для него эллинизм — «первый объединитель мира», когда греческая культура и образованность соединила «отжившие» (по выражению И. Дройзена) культуры народов Востока. «...Реконструкция Дройзена, — утверждается

nen.) Berlin. 1877. С авторизованного французского издания 1883–1885 труд И. Дройзена был переведен М. Шелгуновым на русский язык: Дройзен И. Г. История эллинизма. Пер. с французского в 3-х т. М., 1890–1893. Знаменательно, что интерес к фундаментальному труду И. Дройзена возрос в наши дни; только за последние годы его «История эллинизма» переиздается дважды: в 1995 г. в Ростове-на-Дону и в 2003 г. в С. Петербурге. Как пишут издатели последнего издания, «История эллинизма» И. Дройзена «и по сей день остается непревзойденной по охвату материала, глубине анализа исторических событий и основательности реконструкции». (И. Г. Дройзен. История эллинизма. М., 2003, с. 6).

6. Лео Дойель. Завет вечности. В поисках библейских манускриптов. Пер. с англ. Э. Маркова. СПб.: Амфора, 2001, с. 111. Ср.: М. Волошин в свое время в знаменитой статье «Александрийские песни Михаила Кузмина» писал: «Древняя Александрия была одной из последних областей истории, которую открыло внутреннее око европейца, устремленное в свое прошлое». (Сб.: М. Кузмин. Подземные ручьи. Избранная проза. СПб., 1994, с. 719).

7. А. Бёк (1785–1867), ученик и последователь А. Вольфа, был учителем целых поколений; можно сказать, что классическая филология и изучение греческих древностей в первой половине XIX в. находились под особым влиянием А. Бёка.

в редакционной статье последнего издания «Истории» Дройзена[8], — удивительно достоверна: немецкому историку удалось уловить «дух эпохи» — эпохи, изобиловавшей военными столкновениями и дипломатическими интригами, утвердившей на берегах Средиземного моря «грецизированный» образ мышления и эллинскую культуру и на долгие столетия установившей приоритет Запада в его вечном споре с Востоком». Со времени И. Дройзена ученые-антиковеды много спорили и спорят о содержании, географических и хронологических границах эллинистического мира, но сам термин «эллинизм» прочно утвердился в научном мире.

С открытием эллинизма И. Г. Дройзена заслуженно можно поставить в один ряд с «изобретателем» средних веков Келлером и создателем концепции Возрождения Я. Буркхардтом[9]. Для И. Дройзена имя Александра Македонского во всемирной истории означало конец одной мировой эпохи и начало другой. Эллинизм в его представлении — качественно новый период античности, особый этап в духовном развитии древности, связанный с общим переживанием кризисности, переходности. При такой постановке проблемы эллинизм, по мнению И. Дройзена, заслуживает высокой оценки.

Но в историографии времени И. Дройзена эллинизм чаще толковали как известный упадок творческого импульса и оценивали его как «померкнувший блеск греческого гения». Б. Г. Нибур, например, полагал, что во всей истории нет ничего запутаннее войн диадохов, и мало кто способен, считал он, привести в порядок всю массу событий македонского периода (так до И. Дройзена в историографии называли этот этап истории античности). Историки английской школы (например, С. Тэрлуолл, Дж. Грот) в своих трудах по истории древней Греции, вышедших после публикаций И. Дройзена, игнорировали эллинизм и как понятие, и как термин. К концу XIX века ситуация меняется: идеи И. Дройзена получают обоснование и развитие в фундаментальных исследованиях ученых разных школ: немецкой (таких, как Б. Низе, К. Ю. Белох, Ю. Керст), французской (например, в работах О. Буше-

8. И. Г. Дройзен. История эллинизма, т. 2. М., 2003, с. 6.

9. И. М. Савельева. Обретение метода. И. Г. Дройзен. Историка. Пер. с нем. Г. И. Федоровой под ред. Д. В. Скляднева. СПб., 2004, с. 7.

Леклерка), русской (например, в работах Н. И. Кареева, Ф. Г. Мищенко, М. М. Хвостова, А. И. Деревицкого и др.). Значительным шагом в понимании эллинизма явилась концепция М. И. Ростовцева[10], для которого важнейшим элементом, определяющим понятие «эллинизм», был элемент политический[11]. В целом, к 70-м годам XIX века, как писал В. П. Бузескул[12], интерес историков сосредоточивается преимущественно на истории общества, общественных классов в период эллинизма. Споры об эллинизме, о сущности этой эпохи не утихают и по сей день. Как пишет А. С. Шофман[13], «в центре внимания исследователей эллинизма стоит, как и прежде, один вопрос — что такое эллинизм и каковы должны быть методы подхода к его изучению».

Переход к эллинизму в Эгейском мире, явившийся результатом экономического кризиса, назревавшего на протяжении IV в. до н. э., был продиктован дальнейшим развитием рабовладельческого общества[14]. Тем не менее на протяжении достаточно длительного времени после И. Дройзена, как было сказано, в определении эллинизма и особенно в оценке ли-

10. M. Rostovtseff. The social and economic history of the Hellenistic world. 3 v. Oxford, 1942. Перевод: Die hellenistische Welt. Gesellschaft und Wirtschaft. 3 v. Stuttgart, 1955–1956.

11. Подробнее см.: Г. А. Кошеленко. Эллинистическая эпоха в современной науке (некоторые проблемы). Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов Советского Востока. М.: Наука, 1978; А. А. Розовский. Эллинизм: понятие и характерные черты в современной французской историографии. Казань, 1985.

12. В. П. Бузескул. Введение в историю Греции. Обзор источников и очерк разработки греческой истории в XIX и в начале XX в. Общ. ред. Э. Д. Фролова. СПб., 2005, с. 636.

13. А. С. Шофман. Понятие «эллинизм» в буржуазной историографии. Проблемы исторических понятий. Горький, 1984, с. 92.

14. Проблемам эллинизма в 50-е годы была посвящена дискуссия, развернувшаяся на страницах журнала ВДИ. См. публикации тех лет, а также: С. И. Ковалев. История античного общества. Греция. Эллинизм. Рим, т. 2. Л., 1936; А. Б. Ранович. Эллинизм и его историческая роль. М., 1950; В. Тарн. Эллинистическая цивилизация М., 1949; К. К. Зельин. Основные черты эллинизма (социально-экономические отношения и политическое развитие рабовладельческих обществ Восточного Средиземноморья в период эллинизма). ВДИ, № 4, 1953; И. С. Свенцицкая. Социально-экономические особенности эллинистических государств. М.: Высшая школа, 1963; Сб.: Эллинизм: экономика, политика, культура. Отв. ред. Е. С. Голубцова. М.: Наука, 1990; Эллинизм: восток и запад. Отв. ред. Е. С. Голубцова. М.: Наука. 1992; А. И. Павловская. Эллинистическая цивилизация. Древние цивилизации. М.: Мысль, 1989 и др.

тературной продукции этого периода присутствовала идея упадка по сравнению с эпохой классики.

Эта идея, восходящая к Анджело Полициано и Юлию Цезарю Скалигеру[15], во второй половине XVIII в. была развита Винкельманом[16], для которого время после Александра Македонского представлялось периодом «деградации греческого духа», упадком искусства. В частности, первым, кто сказал о холодности поэтического выражения Каллимаха, о его абстрактной изощренности, исключающей всякий намек на поэтическое вдохновение, был Х. Г. Гейне (1763)[17]. В скобках заметим, что такое узко-оценочное, эстетическое толкование александрийской поэзии и в целом эллинистической культуры, как культуры подражательной и риторичной в первую очередь, сохранялось вплоть до пятидесятых годов XX в.

Вскоре после выхода в свет труда Дройзена, уже в сороковые годы, новая терминология начинает использоваться при изучении литературы. К концу 50-х годов XIX в. получает распространение понятие «александрийской поэтической школы» (Alexandrian School)[18], а с 60-х годов терминами «александринизм», «александрийский» чаще обозначают уже стиль и характер поэтической продукции этой школы. Карл Дильтей[19], Вольфганг Хельвиг и другие ученые усиленно занимаются реконструкцией произведений эллинистических авторов. В 1843 г. Август Мейнеке[20] публикует дошедшие фрагменты Каллимаха, сопровождая их всесторонним анализом. В 1876

15. Юлию Цезарю Скалигеру принадлежит знаменитое разделение греческой поэзии на четыре периода в соответствии с четырьмя временами года, эллинистической поэзии он отводит зрелую, но несущую следы увядания осень (Так он называет эллинистическую поэзию в письме к Салмасию 1607 г. Подробнее см.: J. C. Scaliger. Poetices, libri septem. Facsimile Neudruck der Ausgabe von Lyon 1561. Stuttgart, 1964, S. 6).

16. И. Винкельман. Избранные произведения и письма. М.-Л., 1935.

17. Подробнее см.: О. Д. Никитинский. Мифическое прошлое в поэзии Каллимаха и его современников (Филологические разыскания к некоторым мифологическим фрагментам Каллимаха). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 1997, с. 8. См. также: O. Nikitinski. Kallimachosstudien. S. 15–16.

18. Впервые этот термин приводится в работе: Donaldson. Lit. Anc. Greece II, 1859, p. 449.

19. Analecta Callimachea. ed. C. Dilthey. Bonn, 1865.

20. Analecta Alexandrina, ed. Aug. Meineke. Berolini, 1843. Переиздание: Hildesheim, 1964.

г. Эрвин Роде[21] предлагает реконструкцию одного из самых распространенных эллинистических жанров — любовной элегии. В 1882 г. Огюст Куа[22], публикует «Александрийскую поэзию», книгу, которая сразу завоевала популярность и привлекла широкое внимание к поэзии эллинизма. Значительным вкладом в изучение эллинистической литературы явился труд Ф. Зуземиля[23], который дал исчерпывающий для своего времени комментарий и анализ известных на тот момент текстов эллинистических авторов. Публикации папирусов, начатые Б. А. Гренфелом и Н. С. Хантом, еще более вдохновили исследователей на разработку проблем, связанных с эллинистической литературой. В 1916 году появляется важное исследование А. Ростаньи[24], в 1924 — Ф. Э. Леграна[25], в 1925 — А. Керте[26] и др. Фундаментальное исследование Ульриха фон Виламовица-Меллендорфа[27] в известном смысле подвело итог многочисленным трудам исследователей XIX века.

Между греческим классицизмом и римским эллинизм представляет собой длительный и оригинальный период; после

21. E. Rhode. Die erotische Erzählung der hellenistischen Dichter, II: Urkundlichkeit dieser erotischen Erzählungen... Der griechische Roman und seine Vorläufer. Leipzig, 1876, 1914.

22. Aug. Couat. La poésie alexandrine sous le trois premières Ptolemées. Paris, 1882. Огюсту Куа принадлежит одно из первых определений александрийской поэзии как искусства для искусства: «...александринизм обозначает отсутствие искренности в поэзии, исключительную озабоченность формой, то, что можно назвать в некотором смысле, используя знаменитое выражение, искусством для искусства», а самих александрийских поэтов он называет «поэтами декаданса». (Aug. Couat. Etude sur Catulle. Thèse, presentée à la Faculté des Lettres de Paris. Paris, 1875. P. 129).

23. F. Susemihl. Geschichte der griechischen Litteratur in der Alexandriner Zeit. Bd. 1–2. Leipzig, 1891–1892. Труд Ф. Зуземиля, посвященный автором Эдуарду Целлеру, имевший огромное значение для своего времени, не утратил актуальности и поныне; практически это уникальная в своем роде энциклопедия эллинистической литературы (т. I — 907 с., т. II — 771 с.).

24. A. Rostagni. Hellenica hellenistica. Torino, 1916; переиздание 1956 г.

25. Ph. E. Legrand. La Poésie Alexandrine. Paris, 1924.

26. A. Körte, P. Händel. Hellenistische Dichtung. Stuttgart, 2. Aufl., 1960.

27. U. von Wilamowitz-Moellendorff. Hellenistiche Dichtung in der Zeit des Kallimachos. Bd I–II. Berlin, 1924; переиздание 1962. По поводу этого труда Виламовица Р. Пфейффер писал, что с него начинается более реалистический взгляд на александрийскую поэзию; Виламовиц первым увидел индивидуализм, формализм, но и оригинальность, и прогрессивность этой поэзии (R. Pfeiffer. The Future of Studies in the Field of Hellenistic Poetry. The Journal of Hellenistic Studies, v. LXXV, 1955, p. 71.

того как его перестали рассматривать как только переходный, уступающий другим, современные историки, наоборот, считают, что эллинизм вобрал в себя и трансформировал все эллинское наследие, распространяя его не только в средиземноморском бассейне, но и за его пределами.

К середине XX века благодаря такому, более взвешенному подходу в оценке эллинизма заметно меняются как методика, так и направления исследований литературы того времени. Появляются новые издания александрийских поэтов[28], антологии эллинистической поэзии[29], монографии, посвященные анализу поэтики, языка, стиля александрийцев[30]. Важнейшим достижением ученых нового времени можно считать создание индексов и лексиконов к текстам эллинистических авторов[31].

Однако, несмотря на значительные успехи и достижения в изучении эллинистической литературы, этот период в истории греческой литературы до сих пор остается наименее исследованным. И не только потому, что бóльшая часть литературной продукции этого времени для нас безвозвратно утрачена или дошла в разрозненных фрагментах. Главное в том, что эллинистическая поэзия, базируясь на всей предшествующей греческой традиции, в то же время наиболее антитрадицион-

28. Например: Antimachi Colophonii reliquiae. ed. B. Wyss. Berlin, 1936; Philetae Coi reliquiae, ed. G. Kuchenmüller. Berlin, 1928; Aratos. Phainomena, ed. M. Erren. München, 1971; Apollonius Rhodius, ed. H. Fränkel. Oxford, 1961; Bucolici Graeci, ed. A. S. F. Gow. OCT, 1952; Theocritus ed, A. S. F. Gow. Cambridge, 1952; Lycophronis Alexandra, ed. Lorenzo Mascialino, Leipzig, 1964; Herodas Mimiambi, ed. A. S. F. Gow, A. F. Scholfield. Cambridge, 1953; и др.

29. Anthologia Graeca. ed. H. Beckby v. I–IV. München, 1957/1958, переиздание 1965/1967; The Greek Anthology, by A. S. F. Gow and D. L. Page; Supplementum Hellenisticum, ed. by H. Lloyd-Jones – P. Parsons. Berlin, 1983; An Anthology of Alexandrian Poetry, by Jerry Clack. Pensylvania, 1982; A Hellenistic Anthology. ed, N. Hopkinson. Cambridge, 1988; Antologia lyriki aleksandryjkiej. W. Steffen. Wroclaw, 1951; и др.

30. G. O. Hutchinson. Hellenistic Poetry. Oxford, 1988; R. Pfeiffer. History of Classical Scholarship. Oxford, 1968; H. Herter. Literatur zur hellenistischen Dichtung 1921–1935 // Bursians Jahresbericht 255, 1937, I. Allgemeines. Kallimachos; 285, 1944, II. Apollonios Rhodios.

31. Lexicon Theocriteum. Composuit I. Rumpel. Lipsiae, 1879. Aug. Wellauer. Apollonii Rhodii Argonautica. Index verborum. Hildesheim – New York, 1970; E. Fernandez-Galiano. Léxico de los himnos de Calimaco. Madrid, 1976 (v. I A-D), 1977 (v. II E-L), 1978 (v. III K–O), 1980 (v. IV -Ω). Рецензию на последний словарь см.: В. П. Завьялова. Лексикон Е. Фернандеса-Галиано. ВДИ, 1980, № 3, с. 222–226.

на; меняется не только жанровая и стилистическая структура литературы, но и самый *вектор оценки* литературного творчества.

Возникновение литературно-эстетической критики в традиции связывается с появлением в Греции софистики. Первый образец такой критики, дошедший до нас, — «Лягушки» Аристофана, где в споре между Эсхилом и Еврипидом Аристофан, отдавая пальму первенства Эсхилу, считал, что Еврипид превосходит его в художественном отношении. Недаром в одной из схолий к этой комедии схолиаст делает замечательную приписку: «одного считаю мудрым, другого люблю».

Теперь, в эпоху эллинизма, изменившийся общекультурный фон, изменение городского языкового быта, когда в условиях нового мегаполиса письменная речь становится престижнее устной, влияют прежде всего на развитие самого языка. Усложняется внутренняя система языка; медленный процесс накопления нового семантического качества приводит к расширению его смысловой перспективы. Впервые в поэзии александрийцев главный акцент переносится на слово, его полисемию и диалогичность, как бы мы теперь сказали. «Потребности эллинистического искусства были специфически послеклассическими, — пишет В. Виммель[32], — речь шла о пробуждении слов, затертых обиходом и застывших в традиции...»

Впервые, возможно, слово, язык произведения перестают, по выражению М. Л. Гаспарова[33], быть лишь «подспорьем» для передачи главного в произведении — содержания. Литературное произведение становится, пользуясь словами М. М. Бахтина[34], «эстетическим объектом», в котором в качестве материала выступает слово. Основным моментом в слове теперь оказывается «чувство словесной активности, чувство активного порождения значащего звука», когда «слово своими силами переводит завершающую форму в содержание». Именно этот аспект при изучении эллинистической литературы — определение основного стилевого принципа — представляет

32. W. Wimmel. Kallimachos in Rom, 1960. S. 323.

33. М. Л. Гаспаров Конкорданс к стихотворениям М. Кузмина. М, 2005, с. 5.

34. М. М. Бахтин. Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве. Бахтин М. М. Работы 20-х годов. Киев, 1994, с. 309–310.

значительные трудности. Это та область, которую, как пишет С. С. Аверинцев[35], «исследователю необходимее всего ощутить и труднее всего описать».

Александрийская поэзия, развивавшаяся в общем русле эллинистической культуры, отражала новые историко-политические, социальные, экономические условия жизни тогдашнего общества. И в этом смысле она столь же разительно отличается от литературы классического периода, как греческий полис от монархии Птолемеев. Птолемеевский Египет — классический образец военно-бюрократической монархии, где опорой была греко-македонская верхушка. Возросшее товарное производство, расширившийся товарообмен (см. гл. «Александрия») влияют на рост производительных сил общества. Изменяется сама структура производственных отношений: рабство остается господствующей формой, но возрастает роль полусвободных производителей. Создаются новые социальные отношения, и, как следствие, рождаются новые формы идеологической жизни. Универсализм новой системы, столь отличный от партикуляризма классического полиса, создает новые условия для взаимоотношений частного человека и государства. Эллинизм характеризуется, может быть, прежде всего, утратой той простоты и непосредственности в отношениях человека и общества, которыми отличалась высокая классика.

Исследователи эллинизма всегда отмечают, что новые масштабы открывшейся ойкумены, небывалый размах строительства, прогресс военной техники послужили мощным стимулом для развития точных наук, но и породили усложнение и напряженные поиски новых критериев в общественной и частной жизни. В новых условиях, как пишет А. Ф. Лосев[36], «формируется индивидуум с весьма дифференцированной и весьма изощренной субъективной психикой. Возникает изысканная культура субъективных чувств, настроений и размышлений человека, стремящегося уйти в глубины самоанализа и самолюбования».

35. С. С. Аверинцев. Поэтика ранневизантийской литературы. М.: Coda, 1997, с. 262.

36. А. Ф. Лосев. Эллинизм. В кн.: История эстетики. Памятники мировой и эстетической мысли, т. I. М., 1962, с. 132. см. также: А. Ф. Лосев. История античной эстетики. Ранний эллинизм. М., 1979, с. 7–40.

И в то же время изменившийся мир впервые стал восприниматься как целостное, общее владение цивилизованных людей; повсеместное распространение общегреческого языка «койне» способствовало внедрению новых прогрессивных идей: ойкумены, универсализма, филантропии, синкретизма, гомонойи и т. д. Переход к новым формам общественной жизни, *новому восприятию бытия*, ощущаемым отдельным человеком неустойчивыми и изменчивыми, привел к изменению основных критериев оценок: если раньше все измерялось масштабами и интересами полиса, то теперь мерой всего становится отдельный индивид, выступающий прежде всего как частное лицо. «Этот индивидуально имманентный космологизм, – пишет А. Ф. Лосев[37], – возникает здесь не от природы (иначе это была бы суровая простота классики), но в результате напряженных усилий дифференцированного субъекта, создавая собой необозримое множество эстетических теорий».

В значительной степени новое восприятие бытия, новое отношение к жизни подготавливалось эллинистической философией. В Афинах продолжали существовать старые школы – Академия Платона и Лицей Аристотеля, по-прежнему оставаясь центром философской мысли, но они в значительной степени оттесняются новыми философскими учениями: стоицизмом, скептицизмом и эпикурейством, которые при всем их различии объединяются разработкой чисто моральных проблем, поисками «идеала мудреца», стремящегося к спокойствию и удалению от общественной жизни. Как пишет Джон Диллон[38], «...во втором поколении после Платона Академия превратилась в «гуманитарное» заведение, занимающееся скорее практической этикой и общей теорией культуры, нежели конструированием метафизических построений. По этой причине к 270-м гг. могло сформироваться впечатление, что она теряет магистральное направление, уступая его неким энергичным новым школам догматики, как стоическая и эпикурейская, которые к тому же активно вербовали себе приверженцев». И лишь киническая философия в

37. А. Ф. Лосев. Эллинизм. В кн.: История эстетики. Памятники мировой и эстетической мысли, т. I. М., 1962, с. 136.

38. Джон Диллон. Наследники Платона. Пер. с англ. Е. В. Афонасина. СПб., 2005, с. 264.

обстановке политической апатии сумела сохранить независимость мысли и критическое отношение к действительности.

Поэтическая практика александрийцев находилась в тесном контакте с деятельностью ученых различных философских школ, но возможно, наибольшее влияние оказал стоицизм, истинный интеллектуальный наследник платонизма. Влияние стоицизма испытывали многие александрийцы, достаточно вспомнить таких известных поэтов, как Эратосфен и Арат. Именно стоики подвергли критическому рассмотрению логику, пошли по оригинальному пути, преобразуя в первую очередь учение о познании, о знаке, силлогистику. К стоикам восходит становление греческой лингвистической традиции: основные понятия античной традиции, многие из которых дожили до наших дней, вырабатывались в течение III–II вв. до н. э. Стоик Хрисипп (280/77–208/4 гг. до н. э.), считающийся вторым после Зенона основателем стоического учения, наряду с огромным количеством трудов, посвященных логике в целом, разрабатывает конкретные грамматические проблемы. Диоген Лаэртский (Диог. Лаэрт. VII, 7, 189–202) среди множества его произведений называет, например, такие: «О прямых и косвенных падежах», «О пяти падежах» и т. д. «Природный дар систематика, – пишет А. Столяров[39], изощренный к тому же занятиями в Академии, позволил Хрисиппу оформить практически все крупные и мелкие доктрины во всех частях учения. Логика была практически создана заново... физика и этика претерпели значительные изменения. Подобно Клеанфу, Хрисипп интересовался поэзией и превосходно знал Гомера, хотя сам стихов не писал». Столетие спустя, учитывая труды Хрисиппа, Аристарха и других ученых, Дионисий Фракийский (120 г. до н. э.) напишет первую греческую грамматику: «Τέχνη γραμματική». Грамматика Дионисия считалась образцовой, на ее основе разрабатывались все греческие грамматики позднеантичного и византийского времени.

Сами поэты-александрийцы, начиная с Филета Косского, работая над критикой наследия греческой литературы и занимаясь текстологической практикой, уделяют внимание грамматическим и лексикографическим проблемам.

Еще предтеча александрийцев, поэт Феофраст (372/369–

39. А. А. Столяров. Стоя и стоицизм. М., 1995, с. 235.

288/285 гг. до н. э.) был автором не только знаменитых «Характеров», но и фундаментального труда «О слоге». В этом, не дошедшем до нас сочинении, как считается, Феофраст обращается к проблемам стиля и исполнения речи. Широко используя опыт Исократа и его традиции, он создает обширный и отлично систематизированный аппарат риторических категорий. Упоминания этого произведения Феофраста дошли до нас в трактатах Дионисия Галикарнасского «О соединении слов» и Деметрия «О стиле». Дионисий[40] пишет: «О сочетании слов сказал кое-что в общей форме и философ Феофраст в своем сочинении «О слоге» в том месте, где он дает определение, какие слова красивы по самой своей природе, так что при соединении их и слог будет красивым и величавым, и какие другие слова ничтожны и низменны, так что не дадут, по его словам, ни хороших стихов, ни прозы». Деметрий[41] ссылается на Феофраста трижды; наиболее важной, возможно, повлиявшей на стиль Каллимаха, представляется следующая мысль: «...сюда же мы отнесем слова Феофраста о том, что не следует дотошно договаривать *до конца все* (*разрядка наша. — В. З.*), но кое-что оставлять слушателю, чтобы он подумал и сам сделал вывод. Ведь тот, кто понял недосказанное вами, тот уже не просто слушатель, но ваш свидетель, и притом доброжелательный. Ведь он самому себе кажется понятливым, потому что вы предоставили ему повод проявить свой ум. А если все втолковывать слушателю, как дураку, то будет похоже, что вы плохого мнения о нем».

Последователи Феофраста усиленно занимались разработкой теоретической системы риторики, что привело к небывалой дробности и тонкости классификации всех возможных случаев ораторской практики. К этому времени, например, относится наиболее точная и тонкая классификация тропов (антономасия, метафора, синекдоха, ирония, литота и т. д.), отделение тропов от фигур речи и т. д.[42]

40. Дионисий Галикарнасский. О соединении слов. Пер. М. Л. Гаспарова. Античные риторики. Собр. текстов, статьи, комментарии. Общ. ред. А. А. Тахо-Годи. М., 1978, с. 192.

41. Деметрий. О стиле. Перевод Н. А. Старостиной и О. В. Смыки. Античные риторики. М., 1978, с. 273.

42. Подробнее см.: А. Губер. Структура поэтического символа. Художественная форма. М., 1927, с. 12. Ср.: А. Ф. Лосев пишет: «Эллинизм создал риторику,

На стыке грамматики и риторики рождалась новая поэтика[43], основные принципы которой будут сформулированы несколькими десятилетиями позже перипатетиком Неоптолемом (ок. 225 г. до н. э.), чей труд, по свидетельству Порфирия, лег в основу «Ars poetica» Горация.

Для александрийцев все это — живая литературная практика, в которой уже зарождались и новая поэтика, и риторика. Однако их собственное творчество еще не было захвачено (или захвачено незначительно) догмами новой риторики. Изящная, тонкая поэзия ранних александрийцев скорее всего моделируется из греческой лирики, а не из правил риторики; как писал Р. Пфейффер[44], «мысли эллинистических поэтов о своем искусстве вырастали из их поэтической практики, а не из теории Аристотеля». В значительной степени это объясняется тем, что сама александрийская поэзия представляет тот исключительный случай, когда нарождающаяся классическая герменевтика, строящаяся на систематике, интерпретации классических древних текстов, еще неразрывно связана с собственной поэтической практикой ученых поэтов. Впервые в истории античной литературы возникающая оппозиция «автор-критик» еще не разводит автора и интерпретатора в разные стороны, ставя перед ними свои собственные для каждого цели и задачи, но они объединены в одном лице, представляя собой определенный тип творческой индивидуальности, александрийский ποιητὴς ἅμα καὶ κριτικός (букв.

которая легла в основу не только многих сотен речей, этих крупнейших произведений художественного творчества, но и множества риторических трактатов, разрабатывающих настоящую античную эстетику и подлинную античную теорию стилей. Необозримое количество риторических трактатов до сих пор не систематизировано и не осознано — до того вся эта риторика разнообразна, изощренна и глубока». (А. Ф. Лосев. Античные теории стиля в их историко-эстетической значимости. Античные риторики. Собр. текстов, статьи, комментарии. Общ. ред. проф. А. А. Тахо-Годи. М.: Изд-во МГУ, 1978, с. 11).

43. Ср.: «Поэтика в Греции не являлась или являлась в достаточно малой степени строго ограниченной и самостоятельной научной «отраслью»: она существовала как бы на пограничье двух значительно более разработанных и авторитетных наук — риторики и грамматики» (Н. П. Гринцер. Формирование античной литературной теории (истоки «Поэтики» Аристотеля и эллинистической критики). Автореферат диссертации на соискание ученой степени док. фил. наук. М., 1999, с. 5).

44. R. Pfeiffer. The Future of Studies in the Field of Hellenistic Poerty. Journal of Hellenistic Studies, 75, 1955, p. 72..

поэт, способный разбирать, судить, оценивать). Именно так впервые Страбон (Strab. XIV, II, 19) называет Филета Косского. Римляне таких поэтов назовут poetae docti[45]. (Цицерон был одним из первых, кто, рассуждая о мудрости поэта Симонида, сказал, что Симонид не только poeta suavis (поэт приятный), но и poeta doctus: non enim poeta solum suavis, verum etiam... doctus – Cic. De natura deorum, I, 60). В творчестве таких поэтов, говоря словами О. Мандельштама[46], «пласты времени легли друг на друга в заново вспаханном поэтическом сознании и зерна старого сюжета дали обильные всходы». Поэзия александрийцев всегда считалась поэзией книжной, ученой. Именно теперь, к середине III в. до н. э., работая в Библиотеке и Мусейоне, каталогизируя и систематизируя огромные книжные коллекции, «поэты, – пишет С. С. Аверинцев, – окончательно становятся учеными, библиотекарями и грамматиками, эрудитами и читателями, «книжной молью» (σῆτες), «тельхинами книг» (τελχῖνες βίβλων), как называют их эпиграмматисты; лучший пример – Каллимах»[47]. Культ книги, книжного знания, опыт работы с предшествующей многовековой литературной традицией способствует формированию и определяет первенствующее положение новой науки – филологии[48]. Александрийская филология ставит три основные задачи: 1) историческая критика; 2) детальное изучение язы-

45. Подробнее см.: В. П. Завьялова «Poeta doctus» как явление городской культуры эллинизма. Вопросы классической филологии. Вып. XI. Философия. Филология. Культура. Сборник в честь столетия А. Ф. Лосева. М., 1996, с. 222–227; она же: Ученый поэт в контексте культуры эллинизма. Античность как тип культуры. М.: Наука, 1988, с. 199–211; она же: Раннеэллинистическая поэзия: смена литературных парадигм. Культура в эпоху цивилизационного слома. М., 2001, с. 425–430.

46. О. Мандельштам. А. Блок. В кн.: О. Мандельштам. Об искусстве. М., 1995, с. 190.

47. С. С. Аверинцев. Поэтика ранневизантийской литературы. М.: Coda, 1997, с. 208–209. Еще резче об александрийцах писал Ф. Ницше: «...«критик» без радости и силы, александрийский человек, в сущности же библиотекарь и корректор, слепнущий и околевающий от книжной пыли и опечаток». Ф. Ницше. Рождение трагедии, или Эллинство и пессимизм. Пер. А. Михайлова. Ф. Ницше. Рождение трагедии. М., 2001, с. 173.

48. Именно этому аспекту посвящена подробная статья: L. F. Rossi. Letteratura di filologi e filologia di letterati. A. Porro & G. Milanese (edd.). Poeti e filologi, filologi-poeti: Composizione e studio della poesia epica e lirica nel mondo greco e romana. Atti del congresso Brescia 26–27 aprile 1995. Aevum (ant) 8, 1995, p. 9–32.

ка писателя; 3) эстетические оценки[49]. Это во многом объясняет как общую направленность поэзии авторов этой школы, так и их особую увлеченность словом, поэтической техникой, игрой с традицией. Комментируя Гомера и трагиков, классическую лирику и комедиографов, александрийцы вносят филологическую культуру отношения к литературному тексту, поэтическому слову[50]. Толкование литературных, философских, религиозных, исторических текстов, создание первых герменевтических методик, разработка чисто текстологических проблем – все это заслуга александрийских грамматиков (в терминологии самих античных филологов: ἀναγνωστικόν, ἐξηγετικόν, διορθωτικόν. κριτικόν – чтение, толкование, исправление, оценка). Герменевтические вопросы возникают там, пишет Г. Г. Шпет[51], где «зарождается желание отдать сознательный отчет в роли слова как знака сообщения».

Отсюда главная и, может быть, самая характерная черта александрийской поэзии – πολυμαθία (многознание, ученость) в платоновском толковании этого понятия (Plat. Leg. 811 a). О специфике александрийской учености образно писал еще С. П. Шевырев[52]: «В Афинах ученость была одною из стихий общественной жизни; она ходила по улицам; она беседовала в портиках, она жила на площадях, она была веселым уличным разговором, которого верное изображение мы видели в разговорах Платоновых – в Александрии эта ученость образовала свой особенный мир, совершенно отдель-

49. Ср.: Л. А. Фрейберг. Литературная критика в эпоху александрийской образованности. Древнегреческая литературная критика. М., 1975, с. 191.

50. *Характеризуя эпоху эллинизма*, Вяч. Иванов писал: «когда... обособленные отрасли творчества религиозного, научного и художественного окончательно и различно определили свои частные задачи; так много накопилось ценностей и сокровищ в прошлом, что поколения поставили своею ближайшей задачей – их собирание, сохранение и, наконец, подражательное, повторное воспроизведение *в изысканной и утонченной миниатюре; люди* узнали, что такое ученое книгохранилище в полном значении этого слова и что такое музей, когда то, что мы зовем общим образованием, окрасилось оттенками исторической перспективы...» (Вяч. Иванов. По звездам. Статьи и афоризмы. СПб., 1909, с. 238–239).

51. Г. Г. Шпет. *Герменевтика и ее проблемы*. 1918. ОРГБЛ ф. 718. л 1, цит. по: В. Г. Кузнецов. Герменевтика и гуманитарное познание. М.: Изд-во МГУ, 1991, с. 13.

52. С. П. Шевырев. О поэзии александрийской школы. Ученые записки Императорского московского университета. 1835 г. Ч. IX, №2, с. 289.

ный от жизни. Александрия была Германией древнего мира: в ней-то создалась эта строгая, эта важная, эта огромная Наука, и ученость из жизни, с площади Афинской, перешла в стены Университета». *Πολυμαθία* александрийцев — это эклектический сплав мифологии с элементами филологического анализа и большого количества сведений научного и легендарного характера из самых разных областей знания (географии, ботаники, зоологии, медицины, астрономии и т. д.). Скажем, ученые поэмы Арата и Никандра не были в полном смысле научным или учебным пособием по астрономии и медицине, но стремление авторов собрать большой фактический материал, художественно его переработав, превратили дидактический эпос в научно-популяризаторский жанр[53]. Акцентирование внимания на специальных сведениях из географии (Каллимах, Аполлоний Родосский), ботаники, зоологии (Феокрит), медицины (Каллимах) способствовали *созданию иллюзии достоверности* — так поэты, оставаясь в рамках мифологической тематики, старались раздвинуть содержательную сторону своих произведений. У нас нет сведений, что у Каллимаха был специальный мифографический труд в духе Палефата или Аполлодора Афинского, но вместе с тем мы знаем, что Каллимах много и серьезно занимался мифологией, был близок с мифографом Ликофроном, поддерживал идеи Антимаха Колофонского и Филета Косского. Страбон пишет о нем (Strab. IX, V, 17): «Конечно, он был весьма ученым человеком (больше всякого другого) и всю свою жизнь, как он сам говорил, желал посвятить... мифу».

Универсальный подход к знаниям впервые позволил на новом уровне подойти к созданию произведений энциклопедического характера в области наук, которые мы теперь называем гуманитарными. Среди первых энциклопедистов новой формации можно, очевидно, назвать Эфора (405–330 гг. до н. э.), ученика Исократа. «Истории» Эфора в 30 книгах, по определению Полибия (Polyb. V, 33, 2–3), стали первым образцом всеобщей истории. Характеризуя труд Эфора, исследовате-

53. К такому выводу приходит А. А. Россиус, исследующий творчество Арата. См.: А. А. Россиус. Художественный мир эллинистического поэта (на материале поэмы Арата из Сол «Явления»). М., 1996, с. 30.

ли отмечают в нем соединение двух тенденций изображения действительности — более древнюю эпическую, идущую от поэтов, и более новую фукидидовскую, представляющую историю в виде науки и искусства[54]. В данном случае важно мнение Полибия, считающего одной из характерных особенностей «Истории» особое пристрастие Эфора к экскурсам — отступлениям, «сюжетам», иллюстрирующим те или иные общие соображения историка и содержащим занимательные факты и любопытные подробности. Та же манера «отступлений», позволяющая включить обширный материал по географии, общекультурным фактам была характерна для творчества другого историка, современника Эфора и также ученика Исократа — Феопомпа. Считается, что Эфор и Феопомп служили для александрийцев важнейшими источниками исторических сведений, их произведения (главные труды Феопомпа «Ἑλληνικά» в 12 книгах и «Φιλιππικὰ» в 58 книгах) были популярнее среди них, чем Геродот и Фукидид.

Широчайшая эрудиция, интерес к антикварным исследованиям, дробность и пестрота в изложении — вот что наследовали александрийцы от предшествующей историографической традиции.

Но πολυμαθία александрийцев — это и стремление создать некий поэтический, языковой «код», заведомо понятный сразу не всем и каждому. Когда комедиограф Стратион пишет о Филете, он вынужден констатировать: «Беря книги Филета, я смотрю, что значит каждое слово» (Athen. Kaibel, IX, 383 B)[55].

Поэтому ученость александрийцев — это и содержательное расширение традиционного материала поэзии и усложнение в разных аспектах (лексическом, структурном и т. д.) самого языка поэзии. От сформулированных александрийцами «канони-

54. G. L. Barber. The Historian Ephorus. Cambridge, 1935, p. 135–137; 156.

55. Интересно отметить, что, как пишет Б. А. Тураев, в эпоху Птолемеев энигматическое письмо всё более и более входит в моду в египетской литературе. Если и раньше встречались тексты, написанные «энигматически», с употреблением иероглифов в необычных значениях, с введением новых знаков, с разного рода фокусами, приближающими тексты к ребусам, то именно в эпоху эллинизма очень трудные для понимания тексты, написанные *искусственными иероглифами*, получают широкое распространение (Б. А. Тураев. Египетская литература. М., 1920, с. 233–235).

ческих правил античной литературы и литературной образованности, – пишет Х.-Г. Гадамер[56], разработанных александрийскими филологами, тянется, как живая, традиция образования, последовательность сохранения «классиков», и эта традиция не просто консервирует имеющееся, но признает ее эталоном и передает в качестве образца». Именно теперь, в птолемеевской Александрии, формируются основные критерии, дефиниции понимания и оценки классической литературы, классического стиля и языка и, по мнению Х.-Г. Гадамер [57], «Каллимах и тацитовский «Диалог» сыграли в этом отношении решающую роль».

Александрийцы впервые подошли к оценке литературного произведения с позиции его эстетической значимости, выдвинув одним из основных критериев поэтического творчества λεπτότης (тонкость, худощавость, в пер. смысле: тонкость, утонченность ума). В эпиграмме на поэму Арата, как уже было сказано выше, Каллимах говорит об этом ясно: «χαίρετε λεπταὶ ῥήσεις» (Call. ep. AP, IX, 507) букв. «да здравствуют тонкие, изящные выражения». Еще более эксплицитно этот тезис выражен в «Прологе против тельхинов» (пер. О. В. Смыки):

> Вот что Ликийский тогда мне провещал Аполлон:
> «Всякую жертву, певец, подобает вскормить *потучнее*,
> Только не Музе – она *тонкое* любит, дружок».

Θύος πάχιστον и Μοῦσα λεπταλέη (тучная жертва и тонкая Муза) толкуют обычно как антитезу, в которой Каллимах отдает предпочтение λεπτός[58]. «Пафос „нового, тонкого и сладостного слова“ – пишет Т. Г. Мальчукова[59], а потому критерий оригинальности для эллинистических поэтов – наиболее общий принцип оценки автора, независимо от его масштаба и древности». При этом оригинальность, к которой стремится поэт, состоит не в том, чтобы сказать что-то новое, а в том,

56. Х.-Г. Гадамер. Истина и метод. М.: Прогресс, 1988, с. 211.

57. Х.-Г. Гадамер. Истина и метод. М.: Прогресс, 1988, с. 342.

58. Литературная полемика по поводу этой антитезы излагается в статье Т. Г. Мальчуковой «Литературная критика в эпиграмме» в сб. «Древнегреческая литературная критика». М.: Наука, 1975, с. 333.

59. Т. Г. Мальчукова. Ук. соч., с. 328.

60. Выражение эпиграмматиста Андроменида. Цит. по: Т. Г. Мальчукова. Ук. соч., с. 324.

чтобы сказать так, «как никто другой не умеет»[60]. Употребление λεπτὸς в переносном смысле в греческом языке бытовало всегда. Уже у Гомера встречается λεπτὴ... μῆτις (тонкая мысль) – Hom. Il. X, 226; XXIII, 590; у Еврипида λεπτὸς νοῦς (тонкий ум) – Eur. Med. 529; λεπτοὶ μῦθοι (тонкие слова) – Eur. Med. 1081; у Аристофана λεπτὰ φροντίς (легкая дума, забота) – Ar. Nubb. 230 и т. д. Когда Каллимах в III гимне (III, 243) говорит о свирели, которая «более тонко подпевала», он использует слово, производное от λεπτὸς – λεπταλέος.

В свое время Э. Рейценштейн[61], анализируя гомеровскую и гесиодовскую линии у Каллимаха в связи с его эстетическими взглядами, пришел к выводу, что в литературной системе александрийцев, и в первую очередь у Каллимаха, λεπτός впервые употребляется для обозначения стиля, для характеристики положительных свойств и качеств поэтических произведений. Стихи κατὰ λεπτόν (тонко отделанные) – такова литературная программа Каллимаха и поэтов его круга.

Тонкий, изящный стиль требует, по мнению александрийцев, совершенного владения «чеканным словом». Когда Каллимах говорит, что пророческие слова Аполлона самые веские, то из всего обилия возможных эпитетов он выбирает: ἐρέω τι τορώτερον (Call. IV, 94) – «я говорю что-то более точное», букв. «более чеканное»[62]. В известной эпиграмме на поэму «Лида» Каллимах называет ее παχὺ γράμμα καὶ οὐ τορόν («книга эта тучна, не отделана», букв. «не чеканная»), т. е. τορός употребляется здесь в значении ἀσαφῆς (неясный, темный, неопределенный). Впервые поэт в своем творчестве уподобляется τορευτὴς (резчик, гравер, скульптор), который творит τορευτικὴ τέχνη (чеканное искусство); слово поэта становится τορευτὸν ἔπος (чеканное, искусное слово). Неслучайно всевозможные сочетания с τορευτὸς, τορεύω / τορέω встреча-

61. E. Reitzenstein. Zur Stiltheorie des Kallimachos. in: Festschrift R. Reitzenstein. Leipzig und Berlin, 1931, s. 23–69. См. также: Н. А. Чистякова. Эпитеты «тонкий» и «толстый» в каллимаховской полемике. Язык и стиль памятников античной литературы. Л.: Изд-во ЛГУ, 1987, с. 171. G. Bastianini. «Kata lepton» in Callimaco (Fr. 1.11. Pfeiffer). M. S. Funghi (ed.) «Hodoi dizêsios». Le vie della ricerca. Studi in onore di Francesco Adorno. Firenze, 1996, p. 69–80.

62. Чтение τορώτερον дают не все издания (из известных нам – только в издании Виламовица); более принятое чтение τομώτερον – «более резкое, более решительное».

...тся в первую очередь в эпиграмматической поэзии того времени: γράμμα τορευθόν (вырезанная, отчеканенная надпись), τορευθὸν ἔπος, τορεὺς γόμφων (Leon. Tar. 4 (VI, 205)) и т. д.

Чеканное слово — τορευτὸν ἔπος — может быть только кратким. Отсюда следующий, основной принцип александрийцев — συντομία (краткость). Συντομία λόγων — постулат, восходящий к Платону (Plat. Phaedr., 267), (хотя, конечно, σύντομος краткий) в сочетании с μῦθος, разными формами от λέγω в греческой литературе встречается постоянно) — основа основ поэтики александрийцев. Скорее всего этот критерий применительно к поэтическому творчеству александрийцы заимствуют у Феофраста, который считал краткость одним из четырех достоинств речи. Александрийцы на разные лады, каждый по-своему, осуждают «кикликов стих», «громыхающие поэмы», «толстые поэмы» и т. д. В эпиграмме «Состязание поэтов» (AP. IX, 506) Каллимах говорит об этом предельно ясно: «Мне, о владыка, пошли речь покороче всегда» (букв. ἡ βραχυσυλλαβίη)[63].

Сочетание многознания и краткости приводит к особой «скороговорке», когда поэт в немногих стихах хочет сказать сразу о многом. Особая роль в таких случаях отводится собственным именам (мифологические именования богов, географические перечисления и т. д.). Например, в III гимне Каллимах, перечисляя острова, заливы, города, храмы, вершины гор и т. д., где культ Артемиды является основным (или одним из основных), всего в 40 стихах назовет около 20 мифологических персонажей, связанных с Артемидой (III, 180–220). Собственные имена у Каллимаха — это особый маркер его стиля, когда поэт вместо пересказа того или иного мифа, эпизода и т. д. ограничивается лишь именованием персонажа. Эти упоминания, именования, как писал еще О. Куа[64], «...скрывают банальность мысли и подчеркивают поэзию. Ухо, мало привыкшее к их гармонии, находит здесь особенную прелесть: любое выражение, каким бы обычным оно ни было, приобретает видимость новизны».

63. Ср. frg. 192 Pf (Пер. М. Гаспарова в кн.: Античная басня. М, 1991, с. 196):

...И голос попугая получил ритор,
И заревел трагический поэт ревом
Морского зверя, и с таких-то пор древних
Пошло говорунов и болтунов племя...

Такое новое понимание слова, новое отношение к существованию его в поэтическом тексте приводит к открытию, пользуясь словами М. М. Бахтина[65], «новых моментов в слове, в средствах речевого выражения... к раскрытию глубинного диалогизма слова». Переосмысление художественных традиций, свойственное эстетике эллинизма, сказалось в первую очередь на языке их произведений — самом подвижном элементе поэтической структуры. Введение тончайших нюансов, вариативности, новизны языка меняли традиционные формы и образы, приспосабливая их к оригинальному замыслу поэта. Акцент на стиле и форме, иногда даже абсолютизация формы стали для эллинистических поэтов одним из проявлений антиклассической направленности их творчества. Все чаще на смену эпической растянутости приходит динамичная повествовательность краткого мифологического эпизода, бытовой сниженностью и занимательностью приближенная к читателю.

Создается поэзия, рассчитанная на достаточно узкую аудиторию образованных читателей, способных оценить мифологическую ученость, иносказательность описаний и изысканное, вплоть до раритетов, владение поэтической техникой.

Так в поэзии возникают средства, позволяющие обыгрывать жизненные интересы вне их насущной реальности; поэзия сама может стать как бы собственным пределом, инструментом, с помощью которого поэт утверждает свою личность. Возникает литературная παίγνια (игра, шутка, забава), открывающая широкие возможности литературного подтекста. Как термин παίγνια скорее всего восходит к платоновскому толкованию (Plat. Polit. 288 c; Leg. VII, 803 c), т. е. παίγνια = deliciae (веселье, отрада, утеха, наслаждение, изысканность). Каллимах в IV гимне обрядовый танец в честь Аполлона Делосского назовет «παίγνια ... καὶ ... γελαυστύν» (смешная забава) (Call. IV, 324); у Феокрита в XV идиллии встречается «κακὰ παίγνια» (недобрые шутки) (Theocr. XV, 50) и т. д.[66]

Эстетика эллинизма, культивируя принципы πολυμαθία, λεπτότης, συντομία, παίγνια, τορεία все чаще фокусируется на *сло-*

64. Aug Couat. Étude sur Catulle. 1875, p. 280.

65. М. М. Бахтин. Эстетика словесного творчества. М., 1979, с. 317.

66. Этому аспекту александрийской поэзии посвящена статья: В. Н. Ярхо. Поэтика литературной игры (папирусные тексты Каллимаха и Гермесианакта). ВДИ. 206, 3, 1993, с. 21–37.

передачи содержания художественного произведения. Предпочтение отдается поэзии «малых» форм: заново, с позиции нового художественного ви́дения перерабатываются такие традиционные жанры, как эпиграмма, элегия, гимн, мим. Создаются новые — идиллия, эпиллий — также по канонам «малой» формы.

Малая форма, неизбежно сужающая поле зрения, усиливает, как писал Ю. Тынянов[67], все стилистические особенности; и прежде всего, словарный, лексический колорит. Повышенное внимание к формальной стороне творчества в сочетании с новыми эстетическими установками впервые приводит поэтов к созданию произведений «чистого» искусства — τεχνοπαίγνιον, фигурных стихов, своего рода поэтических фокусов, трюков (Kunststück). Считается, что первым новаторство в этой области проявил поэт Симмий (Симий) Родосский[68], живший около 300 г. до н. э. Его опыты в области метрики и строфики повлияли на творчество Филета и Феокрита[69].

В «игровой ряд» поэт включается не только на уровне формы произведения. Феокрит в идиллиях создает всем хорошо известный «буколический маскарад», впервые показав действенность «двойного кода», зашифровав под масками пастухов поэтов косского кружка. Найдя свой оригинальный путь в поэзии, независимый от других поэтов, предшественников и современников, Феокрит в художественно-аллегорической форме обосновывает оригинальность и значимость своей поэтической теории и практики, особенности своего личного мира, сказывающиеся прежде всего в иронии и самоиронии[70].

67. Ю. Тынянов. Вопрос о Тютчеве. Ю. Н. Тынянов. *Поэтика. История* литературы. Кино. М.: Наука, 1977, с. 46.

68. An anthology of Alexandrian Poetry. Jerry Clark. Pittsburg, Pensylvania, 1982, p. 52–57. От Симия дошли три «фигурных» стихотворения. Это относительно крупные призведения, сохранившиеся полностью, представляют значительную ценность — они дают возможность не только представить строфо-метрические изыскания Симия, но и получить представление о важном направлении «ученой» раннеэллинистической поэзии. Подробнее см.: C. M. Bowra. Simmios of Rhodes. The Oxford Classical Dictionary, p. 840.

69. Фигурное стихотворение «Свирель» Феокрита см. в издании: Феокрит. Мосх. Бион. Идиллии и эпиграммы. Пер. и комментарии М. Е. Грабарь-Пассек. М.: Изд-во АНСССР, 1958, с. 146.

70. О влиянии Каллимаха на творчество Феокрита см.: G. Löhse. Die Kunstauffassung in VII id. Theocrits und Programm des Kallimachos. Hermes. 94. Hft. 3, 1966, S. 413 und sq.

Ирония и ее основные варианты — пародия и двусмысленность — придают творчеству Каллимаха особую остроту. Ирония (греч. εἰρωνεία — *притворное незнание*, притворное самоуничижение, ирония) восходит к сократовскому полемическому приему — προσποίησις (притворство), пояснение которому дает Феофраст (Theophr. Char. 1): προσποίησις ἐπὶ χεῖρον πράξεων καὶ λόγων (притворство — это старание прибедниться в делах и речах). Ирония — важнейший принцип новой эстетики. Когда Каллимах в I гимне дает две версии рождения Зевса, когда в IV гимне еще не родившийся Аполлон из утробы матери вещает вернее, чем от «лавра» — такое «притворное», ироничное отношение автора к сказанному вполне ощутимо.

Итак, πολυμαθία, λεπτότης, τορεία, παίγνια, συντομία, εἰρωνεία — вот те новые, программные для александрийцев принципы, которым они следуют в своем творчестве. Столь существенный «прорыв» в понимании эстетики поэтического творчества, отчетливо ощутимый в новой концепции александрийцев, стал возможен благодаря особой роли интеллекта в их поэтической практике, новой расстановке акцентов во взаимоотношениях разума и чувства, рационального и эмоционального, как в творчестве, так и в восприятии. Это означало новое понимание роли поэта в мире действительности, новое представление о содержании и смысле поэзии. Интеллектуальное начало как бы *обособлялось*, абсолютизировалось и становилось определяющим[71]. Недаром Ф. Ницше[72] называл эллинистическую культуру «теоретической культурой». Впервые появляется тип поэта, у которого, говоря словами Николая Гумилева[73], «не чувство рождает мысль, как это вообще бывает у поэтов, а сама мысль крепнет настолько, что становится чувством, живым до боли». В поэтическом творчестве александрийцев это означало, что на первый план выдвигалась не непосредственная эмоциональность воздействия, а

71. Ср.: Начиная с Аристотеля при изучении любого литературного произведения «мы как будто попадаем в другую, отличную от платонизма интеллектуальную атмосферу. ...Читая «Пир» и «Федра», мы изучаем искусство с помощью искусства; читая же «Поэтику» и «Политику», мы изучаем искусство с помощью науки». (К. Гилберт, Г. Кун. История эстетики. М., 1960, с. 74–75).

72. Ф. Ницше. Рождение трагедии, или Эллинство и пессимизм. Пер. А. Михайлова, с. 167.

73. Н. Гумилев. Письма о русской поэзии. Петроград, 1923, с. 27.

интеллектуальная активность читателя. Выбор автором тех или иных мотивов, сюжетов, редких глосс, лексем, употребленных в новом контексте, всегда предполагало знание тех конкретных литературных ситуаций, где они бытовали у древних авторов. Так создавались «фон», «глубина», новый ассоциативный ряд, без понимания которых чтение текстов александрийцев неполно и весьма затруднительно.

Если попытаться сказанное перевести в термины современной эстетики, то можно предположить, что александрийцы впервые подходят к пониманию «эволюции литературного ряда», или «развития» литературы, когда вся совокупнось исторически сложившейся литературной реальности, т. е. совокупность реально существующих (от прошлого до настоящего) литературных произведений составляют фон, на котором возникает новое произведение. Для александрийской поэзии это наиболее актуальный момент. Характеризуя, например, творчество Арата, А. А. Россиус[74] пишет:

«...Арат знает тексты любимых поэтов досконально. ...Для него редкие слова у Гомера подобны „старым драгоценным каменьям, которые он выставляет в свет, тщательно отшлифовав и вставив в новые оправы". ...Вместе с редким словом Арат перенимает синтаксические формы, метрические структуры и звучные образы, связанные в оригинале с этим словом... Воздействие этого приема на достаточно подготовленного читателя трудно переоценить: встреча с таким местом в том или ином эпизоде «Явлений» воскрешает в памяти и гомеровский образ, и весь эпический контекст... и в результате созданный Аратом текст открывает весь свой смысл в п е р в ы е (разрядка наша — *В. З.*) лишь тогда, когда его литературный прообраз ни на минуту не исчезает с заднего плана восприятия».

Усложненность взаимоотношений между творчеством и восприятием обусловила, может быть, главное достижение александрийцев — широкое использование *иносказания* в поэзии. Мифология впервые становится аллегорией, служит материалом для перифрастических описаний. Эксперименты с

74. А. А. Россиус. Автореферат диссертации. Художественный мир эллинистического поэта (на материале поэмы Арата из Сол «Явления») — автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. М., 1996, с. 26–27.

иносказанием — излюбленная манера александрийцев; самыми разными вариациями с иносказанием, начиная с тропов, они пользуются постоянно. Когда у Каллимаха повсеместно встречаются выражения типа: «вершина течет двойным убийством» (III, 224), «язва пасет скот» (II, 84), «зубы иссушили дом» (VI, 113), «Фессалия вся заплясала» (IV, 139), «гора Паррасия залохматилась лесом» (IV, 262) и т. д., то здесь, с одной стороны, автор явно апеллирует к гомеровскому прототипу (как, например, повторение метафоры «залохматилась», ср. в гомеровском гимне — V, 454), известному хорошо начитанному читателю, а, с другой, метафора, употребленная в новом контексте, по-новому раскрывает каллимаховский текст с поэтической точки зрения: возникает некая глубина, историческая перспектива словоупотребления. Для Каллимаха, как и любого александрийца, напряженность и необычность подобных словоупотреблений — норма. Уже на языковом уровне задача для александрийского поэта, пользуясь словами С. С. Аверинцева[75], «задать уму загадку». Такая «закодированность» касается, конечно, не только отдельных словоупотреблений, редких глосс и именований. Целые пассажи, помимо прямого (чаще мифологического) значения, приобретают завуалированный намек, требующий текстуальной и интертекстуальной «расшифровки» Например, в I гимне Каллимаха «К Зевсу» хорошо виден переход от прославления Зевса небесного к прославлению Зевса Земного (Птолемея II), что подтверждается второй половиной гимна. Осуществляется этот переход введением мотива «раздела мира между братьями»: речь идет о разделе уделов между Зевсом, Аидом и Посейдоном. И только общий контекст второй половины гимна позволяет понять, что речь идет не столько о разделе сфер влияния между мифологическими братьями, а, скорее, поэт подчеркивает скрытый намек на непростую политическую ситуацию вступления Птолемея II на царствование, когда его сводные братья претендовали после смерти Птолемея I на египетский престол (подробнее — в комментарии к I гимну). Или, например, хорошо известная концовка II гимна «К Аполлону» (II, 107–112):

75. С. С. Аверинцев. Скворешниц вольных гражданин. Вячеслав Иванов: путь поэта между мирами. СПб., 2002, с. 137–138.

Зависть ударил ногой Аполлон и слово промолвил:
«Ток Ассирийской реки обилен, но много с собою
Грязи и скверны несет и темным илом мутится.
А ведь не всякую воду приносят Деметре Мелиссы,
Нет, — но отыщут сперва прозрачно-чистую влагу
И от святого ключа зачерпнут осторожно, по капле»

Здесь, как и во многих других случаях, Каллимаха можно сравнить с его современником Ликофроном, у которого, как пишет С. С. Аверинцев[76], «слова двоятся, просвечивают друг сквозь друга, отражаются друг в друге», «ничто не названо прямо, все „загадано“». Так и у Каллимаха читатель должен «догадаться», что Аполлон — это Птолемей II, что ассирийская река — это Евфрат и упоминается здесь за свою всем известную древность, что Мелиссы — пчелы — аллегория, восходящая к Платону и подразумевающая поэтов (ср. Plat. Ion, 534b; пер. Я. М. Боровского: «говорят же нам поэты, что они летают, как пчелы, и приносят нам свои песни, собранные у медоносных источников в садах и рощах Муз. И они говорят правду: поэт — это существо легкое, крылатое и священное»). И аллегория эта, как и весь сложный контекст, служат раскрытию важнейшего для поэта подтекста: настоящий поэт творит только тонкое и изящное искусство и выбирает из всей древней традиции осторожно, «по капле» — ведь только такое искусство угодно Аполлону: всех остальных (и Зависть в первую очередь — возможно, Аполлония Родосского и его сторонников (см. гл. «Элевсин») бог изгоняет пинком ноги.

Что могла означать подобная игра с читателем? При всей гипотетичности реконструкций авторского замысла можно с уверенностью констатировать лишь одно: автор рассчитывает на читательское соавторство. Конечно, говоря языком современной рецептивной эстетики, горизонты ожидания современника Каллимаха и читателя нашего времени — разные, но в любом случае зашифрованная условность всего эпизода ведет читателя либо к попытке реконструкции авторского замысла, либо к признанию своего бессилия. Так «архаическая замысловатость оракула становится предметом сознательной,

76. С. С. Аверинцев. Поэтика ранневизантийской литературы. М.: Coda, 1997, с. 138.

последовательной и притязательной стилизации в поэзии александрийцев»[77]. И если для греческой классики „темная поэтика оракулов" не характерна как явление культуры, то в эпоху эллинизма эстетика загадки берет, по выражению С. С. Аверинцева, «настоящий реванш».

Через много веков подобное отношение к поэтическому слову возродится в поэзии поэтов Серебряного века. Страстное переживание поэтом слова, присущее в той или иной степени почти всем поэтам Серебряного века, выразилось в известных словах Мандельштама[78]: «Все другие различия и противоположности бледнеют перед разделением нынче людей на друзей и врагов слова». Когда «александриец» Михаил Кузмин в стихотворении «Что делать», входящем в цикл «Александрийские песни», пишет:

Что мои стихи,
дорогие мне,
так же, как Каллимаху
и всякому другому великому,
куда я влагаю любовь и всю нежность,
и легкие от богов мысли,
отрада утр моих,
когда небо ясно
и в окно пахнет жасмином,
завтра
забудутся, как и все?

то простая и понятная мысль — «мои стихи... забудутся, как и все» — получает интеллектуальный смысл, внеисторическую ценность, поскольку на фоне игриво-эстетской («легкие от богов мысли», «отрада утр моих»), предметно-бытовой конкретности («небо ясно», «в окно пахнет жасмином») в стихотворную строку включается имя Каллимаха. Конечно, при чтении этого отрывка у читателя и специалиста-античника возникают разные ассоциативные ряды, но, похоже, в этом и заключалась цель поэта: вовлечь читателя в некую интеллектуаль-

77. С. С. Аверинцев. Поэтика ранневизантийской литературы. М.: Coda, 1997, с. 137; 136.

78. О. Мандельштам. Слово и культура. О. Мандельштам. Об искусстве. М.: Искусство, 1995, с. 223.

ную игру, дать новую «глубину» своему произведению через подтекст, возникающий при упоминании имени Каллимаха[79].

Александрийцы, подводя итог классической литературы, комментируя и оценивая ее лучшие образцы, преломляя древнюю традицию через призмы своего времени, стремятся в первую очередь ей подражать (Спустя 1,5 столетия знаменитый эпикуреец Филодем в трактате «О поэтических произведениях» подробно остановится именно на этом моменте). *Традиционализм* был характерной чертой всего античного искусства; эстетический идеал, как пишет А. Ф. Лосев[80], виделся почти всегда не впереди, а позади; и в поэзии вместо поисков нового чаще звучали призывы к подражанию, «имена классиков каждого жанра, — пишет М. Л. Гаспаров[81], — окружались почти религиозным почитанием, а поэты воспроизводили язык и стиль Гомера, Софокла и Пиндара с такой точностью, которая нам показалась бы стилизацией». Как уже говорилось, специфика александрийцев в том, что их собственному творчеству предшествовало глубокое и любовное образование и воспитание на образцах старой классической литературы. И опять — сама собой — напрашивается аналогия с поэтами Серебряного века: как когда-то поэты-александрийцы по отношению к греческой классике, так и русские «александрийцы» Вяч. Иванов, Иннокентий Анненский, Валерий Брюсов и др., как писал Ф. Ф. Зелинский[82], «...в своей умственной и нравственной культуре никогда еще не стояли так близко к античности, никогда

79. Насколько нам известно, это единственный случай в русской поэзии упоминания имени Каллимаха. Подробнее см.: В. П. Завьялова. Возможные параллели: Ф. Ф. Зелинский и раннее творчество М. Кузмина. Сборник научных трудов Στέφανος. М., 2005, с. 121–135.

80. А. Ф. Лосев. Эллинизм. В кн.: История эстетики. Памятники мировой и эстетической мысли, т. I. М., 1962, с. 133.

81. М. Л. Гаспаров. Цицерон и античная риторика. Цицерон. Три трактата об ораторском искусстве. М., 1972, с. 47. Ср. «В традиционных культурах архаики и в соответствующих литературах, в основе которых лежит устная традиция, отношения понятий «нового» и «старого» естественным образом отличаются от представлений нового времени. «Новаторское» мастерство поэта или певца состоит прежде всего в умелом варьировании в рамках традиционных тем, мотивов и даже формальных — словесных, метрических, — приемов». Н. П. Гринцер. Формирование античной литературной теории (истоки «Поэтики» Аристотеля и эллинистической критики). Автореферат диссертации на соискание ученой степени док. фил. наук. М., 1999, с. 33.

82. Ф. Ф. Зелинский. Из жизни идей. В 4-х т. т. М., 1995, т. 2, с. 2.

так в ней не нуждались, но и так не были приспособлены понимать и воспринимать ее как именно теперь».

Но в эпоху эллинизма, меняется сам характер традиционализма; впервые литературные традиции становятся предметом научной критики; и в своем собственном творчестве, интерпретируя, преломляя классическую древность, александрийцы акцентируют современный им, а не классический аспект. Поэтому, несмотря на утонченную, рафинированную ученость (а, скорее, благодаря ей), несмотря на глубокое почитание классики, александрийцы почувствовали устаревший характер традиционной эпической школы, и открыто вступают с ней в конфликт[83]. Ощущение изжитости прежних социально-политических, этических и эстетических установок, ярко выраженный индивидуализм, равнодушие большинства поэтов к общественной жизни привели к тому, что впервые столь резкой критике подвергается мифологический эпос. Каллимах и Феокрит открыто издеваются над ним, Зоил на все века прославился как «бич Гомера». Впервые возникают всевозможные переложения эпических поэм (Сотад, например, изложил сюжет «Илиады» изобретенным им самим размером, что, несомненно, повлекло снижение стиля гомеровской поэмы). «Сбрасывание оков» старой поэтики и эстетики сказалось к этому времени в решительном и последовательном отказе от традиционной мифологии и в радикальном преобразовании характера самой мифологической образности. Эллинизм подвел итог многовековому развитию специфического греческого мифологического «осво-

83. Строго говоря, уже в IV в. до н. э. традиционная мифология стала объектом пародирования в таком направлении средней комедии, как мифологическая комедия. Ее сущность сводилась к низведению персонажей мифологии до уровня повседневности, причем наряду с самим мифом «перелицовке» подвергались и хорошо известные трагедии. Наиболее известные авторы этого направления – Антифон, Филиск, Анаксандрид. Стремление высвободиться из ограничений, накладывавшихся эпической традицией, как пишет А. И. Зайцев, представляет собой характерную черту литературы уже архаической эпохи, и в первую очередь лирики. «*Высвобождение поэтической* традиции из-под влияния специфически эпических форм художественной выразительности и представляет собой подлинную сущность того процесса, который Б. Снелль и его последователи принимают за «открытие духа» (А. И. Зайцев. Культурный переворот в Древней Греции VIII–V вв. до н. э. 2-е изд., СПб., 2001, с. 206).

ения» окружающего мира, осуществляемого в форме его антропоморфизации и персонификации, навсегда покончил с прежним наивным доверием и абсолютной серьезностью отношения к мифу.

Теперь традиционная мифология, утратив онтологическую основу и идейно-художественную тенденциозность эпохи классики, становится предметом зарождающихся в александрийской школе изысканий и штудий. (Ср.: Эвгемер в своей «Священной хронике», представлявшей по форме роман, делает попытку рационалистического объяснения корней мифологии[84]). Именно теперь начинается история теории мифа[85], решается вопрос о его дальнейшем развитии и актуализации. Начиная с эпохи раннего эллинизма можно говорить о мифах как литературных сюжетах в полном смысле. Пересказ, переработка мифологических преданий, новые приемы изображения старых, известных мифов, поиски мифов редких и малоизвестных, новая трактовка традиционных сюжетов и образов и т. д. – все то, что сделало поэзию, по выражению С. С. Аверинцева[86], «осознавшей свою литературность». Именно это характерно для Каллимаха и поэтов его круга. Зачастую миф теряет свои четкие границы, смешиваясь с элементами местной истории и этиологии (например, в поэмах Эвфориона, Ликофрона, Риана и др.). Традиционная эпическая мифология, пройдя критическую обработку в поэзии александрийцев, получает новую жизнь уже не в области религиозного культа, а в области литературы и изобразительного искусства.

Столь критическое отношение к эпической мифологической традиции в известной степени объясняется тем, что с изменением общественных и политических условий коренным образом меняется *религия*. Если в VI и даже в V веках религия находилась в теснейшей связи с мифом, то в эллинистическую эпоху изменившееся общественное сознание сказалось прежде всего на отношении к традиционной мифологии. «Два ве-

84. Самый ранний автор, упоминающий Эвгемера, – Каллимах. Ср.: Callim. frg. 191, 10–11 (по Р. Пфейфферу).

85. Ср.: Р. Вейман. История литературы и мифология. Очерк методологии и истории литературы. М., 1975, с. 265.

86. С. С. Аверинцев. Поэтика ранневизантийской литературы. М.: Coda, 1997, с. 143.

ка, отделяющие Аристотеля от римского завоевания, по праву называются началом критицизма»[87].

Существенные изменения в религии связаны в первую очередь с восточным влиянием. Восточные культы (в частности, египетские – богов Аммона и Исиды) были хорошо известны грекам еще раньше: усложненная образность, мистицизм обладали особой притягательностью. Теперь, в эпоху Птолемеев, *религиозный синкретизм* становится наиболее характерным явлением идеологической жизни[88]. Яркий пример – культ бога Сараписа (Σάραπις или Σέραπις), введенный Птолемеем I при содействии египетского жреца Манефона и афинянина жреческого рода Тимофея. Новое божество было создано для сближения греческого и египетского населения Египта, однако почитание его распространилось больше сначала в греческой, а затем в греко-римской среде. Сарапис объединял в себе популярнейших египетских богов Осириса и Аписа (толкование одного из первоначальных его именований – Осирапис), являлся богом плодородия, был связан с загробным культом. Он был объявлен повелителем стихий и явлений природы, ему были приданы функции водного божества, владыки наводнений (в этом качестве он сближался с Посейдоном, его изображения помещали на носах кораблей). В птолемеевском Египте Сараписа отождествляли с Аполлоном, Зевсом и Асклепием. Ему были посвящены десятки храмов, главный храм находился в Александрии и представлял собой величественное соору-

87. E. E. Sihes. The Greek view of poetry. London, 1969, p. 159; Ср.: «Старые олимпийские боги теперь умерли для поэзии так же, как они умерли для общества вместе со старым полисом» (C. A. Trypanis. The character of Alexandrian Poetry. Greece and Rome, 16, 1947, p. 3). О кризисе традиционной религии см.: Н. А. Чистякова. Греческая эпиграмматическая поэзия VIII–III в. до н. э. Опыт анализа происхождения и основных этапов развития. Автореферат диссертации на соискание ученой степени док. фил. наук. Л., 1974, с. 30; O. Staehlin. Die Religion des Kallimachos, 1934. О подготовке кризиса в религии см.: И. Е. Суриков. Критика религиозной традиции в Греции VII – первой половины V в. до н. э.. И. Е. Суриков. Эволюция религиозного сознания афинян во второй половине V в. до н. э. М., 2002, с. 247–265.

88. В современной историографии эллинизма, с учетом многочисленных новых археологических данных, религиозный синкретизм рассматривается как творческий процесс, процесс сложного взаимопроникновения, сочетания греческой религии с религиями Востока и Египта. Большую роль в этом вопросе сыграла книга Эдуарда Виля: Aeduard Willy. Histoire politique du monde hellénistique. Nansy, 1966.

жение в квартале Ракотис, состоящее из целого комплекса часовен и святилищ, построенных на холме и окруженных сотнями колонн. Лестница из ста ступеней вела к храму, в центре которого стояла статуя божества с распростертыми руками, готовыми принять любого пришедшего[89].

Не меньшей популярностью пользовался культ Зевса Гипсита (Высочайшего, Сущего над всем), который отождествлялся с финикийским Ваалом, египетским Амоном, вавилонским Белом, иудейским Яхве. Птолемеи покровительствовали распространению и упрочению религиозных культов богов, связанных с растительностью и плодородием – Деметры, Диониса, Адониса. Особое значение приобрел культ богини Тюхе (Случая).

Вместе с кризисом полисной религии, несмотря на технический и научный прогресс, эпикурейское вольнодумство, именно эта эпоха отличалась распространением мистических культов и суеверия[90]. Во многих местах оживилась деятельность оракулов; иногда восстанавливались старинные религиозные празднества; возникает особый интерес к астрологии и магии. О распространении суеверий и бытовании всевозможных мистических культов, ворожбы и т. д. можно судить по прекрасной идиллии Феокрита «Колдуньи».

Так литературная критика и поэзия александрийцев прежде, чем она приобрела парадигматическую значимость для

89. Один из наиболее впечатляющих древнеегипетских монументов Серапеум представлял собой подземные галереи в Саккаре, где начиная с XVIII династии хоронили священных быков Аписов. Эти быки почитались как воплощение ка Птаха, бога Мемфиса. На Делосе были три Сарапейона, два из которых, скромных размеров, говорят о популярности его среди бедных слоев населения. Более внушительный храм находился на так называемой «террасе иноземных богов». Он был построен в подражание египетским святилищам с аллеей сфинксов и с многочисленными приделами. На месте этого святилища найдено большое число посвятительных даров от спасенных мореплавателей и исцеленных больных. (Подробнее см.: Пьер Левек. Эллинистический мир. М.: Наука, 1989, с. 152).

90. Неслучайно в это время получают распространение особые тексты, известные науке под названием аретологий – торжественных песнопений, адресованных богу или богине, ярко выражающих их авторитет, значение, милосердие и т. д. Вопрос о происхождении аретологий достаточно сложен и неясно, являются ли они переводами с египетских текстов или написаны греками в духе греческой идеологии. По мнению некоторых ученых в них весьма заметен египетский субстрат. Подробнее см.: М. А. Коростовцев. Религия древнего Египта. М., 1976.

последующих литератур, и прежде всего для римской литературы, должна была пережить фундаментальное внутреннее противоречие: продолжая жить в традиционных художественных категориях, поэты напряженно и остро ищут возможности создания новых форм, новых жанров или наполнения старых форм новым содержанием. Отсюда скептицизм и рефлексия одних (таких, как Каллимах), с неизбежностью возникающие в моменты крупных переломов; угоднический сервилизм других (таких, как Феокрит имеется ввиду его энкомий Птолемею) в ущерб художественной выразительности; традиционный консерватизм третьих (как Аполлоний Родосский) или гневный протест четвертых (таких, как Сотад и поэзия киников). Все это влекло за собой весьма широкий диапазон вариативности отношения к мифологическому материалу: от торжественной серьезности у Аполлония, иронии, подчас переходящей в пародию, у Каллимаха или откровенной орнаментальности у Феокрита. Но именно эта вариативность создавала поэтическую игру, открывала простор для фантазии и поэтического диалога, который александрийцы вели не только с мифопоэтической традицией, но и между собой.

В то же время в поэзии александрийцев ощущается и другая, не менее важная сторона: вместо традиционно-эпического, отстраненного взгляда – взгляд чисто человеческий, не отрицание лиризма и не эмоциональная сухость (в чем не раз упрекали александрийцев), а интеллектуализация чувств. Эллинистическая поэзия, вырываясь за рамки традиционных литературных канонов, делает решительный шаг в изображении человека как индивидуальности, с его внутренним миром личных интересов и вкусов, вне его связей общественных и политических. Начиная с «Характеров» Феофраста интерес к человеку как таковому, его чувствам и переживаниям, изображение сцен повседневной мирной жизни становится в литературе преобладающим (подробнее см. в комментариях). Александрийцы, по сути, впервые подошли в поэзии к передаче сложного мира человеческих переживаний во всем многообразии их проявлений без какой-либо пафосности или героики.

91. Ср. Г. Ф. Церетели. Герод и реализм в александрийской поэзии. Юрьев, 1906.

Реализм в широком смысле всегда был присущ поэзии греков. Зерно бытового реализма, как писал еще Г. Ф. Церетели[91], внесенное в трагедию Еврипидом, привело к комедии Менандра, и, в свою очередь, менандровская комедия открыла новые горизонты для более точного приближения к жизни[92]. Александрийская поэзия делает следующий шаг в этом направлении. Каллимах и Аполлоний Родосский вводят реалистические и бытовые подробности как в гимны, посвященные богам, так и в эпос, прославляющий богов и героев. Конкретные детали и реалии быта пронизывают все творчество Каллимаха: идет ли речь о посещении Артемидой кузницы Гефеста (III гимн) или о городе благочестивых людей, где в счастливом доме не знают «распри семейной», а «ставят согласно рядом сиденья свои за столом золовки и снохи». (III, 135) и т. д. Недаром многие столетия спустя О. Мандельштам[93] почувствует близость, «домашность» эллинизма именно через такой реально-бытовой ряд: «Эллинизм — это сознательное окружение человека утварью вместо безразличных предметов, превращение этих предметов в утварь, очеловечение окружающего мира, согревание его телеологическим теплом. Эллинизм — это всякая печка, около которой сидит человек и ценит его тепло, как родственное его внутреннему теплу. Наконец, эллинизм — это могильная ладья египетских покойников, в которую кладется все нужное для продолжения земного странствия человека, вплоть до

92. В частности, в одной из последних диссертаций, посвященных Менандру, Л. В. Павленко пишет: «Многофункциональность комического типа, объяснение поступка персонажа обусловленными повседневностью причинами — достаточно серьезная основа для суждений о реализме Менандра. Однако этот реализм весьма своеобразен и используется пока для изучения какой-либо психологической или этической проблемы на фоне внешне вероятных событий» (Павленко Л. В. К вопросу о традициях и новаторстве творчества Менандра (на материале комедии «Щит»). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата фил. наук. М., 1979, с. 17). В отечественном антиковедении первым о реализме Каллимаха писал Ф. Ф. Зелинский (Герод и его бытовые сценки. Филологическое обозрение, М., 1892, с. 117–150: «Читая гимны Каллимаха, невольно вспоминаешь религиозную живопись Возрождения, когда художники также мало стеснялись со своими сюжетами и вводили обстановку обыденной жизни в изображения священных сцен; параллель эта тем удачнее, что в обоих случаях сигнал ко вторжению реализма в искусство был дан наукой».

93. О. Э. Мандельштам. О природе слова. В кн.: О. Мандельштам. Об искусстве. М.: Искусство, 1995, с. 231.

ароматического кувшина, зеркальца и гребня. Эллинизм — это система в бергсоновском смысле слова, которую человек развертывает вокруг себя, как веер явлений, освобожденных от временной зависимости, соподчиненных внутренней связи через человеческое я».

Конечно, реализм александрийской поэзии носит весьма ограниченный и специфический характер[94]. Но, несмотря на всю противоречивость тенденций, связанных с ученостью, рафинированностью и утонченностью поэзии эллинизма, реализм, тесно связанный с изображением деталей и мелочей повседневной жизни человека, становится одной из важнейших черт александрийской поэзии.

«Эллинистически-римская мысль гораздо мельче, миниатюрнее, чем эллинская, — пишет А. Ф. Лосев[95], — субъект, действующий тут в философии, в жизни, в искусстве, гораздо более человеческий субъект, чем это было раньше. В чувстве он гораздо интимнее, теплее, сердечнее, в нем он гораздо насущнее, понятнее, гораздо обычнее того старого строгого и сурового эллинского субъекта. Его мораль, и в своей строгости, и в своей мягкости — общедоступнее, она что-то более житейское, более бытовое, более деловое; она ближе к повседневным потребностям человека».

Важно заметить, что реализм детали, реализм портрета становится преобладающим и в изобразительном искусстве. В виртуозных по технике исполнения скульптурах, представляющих бесчисленное количество типов людей, проявляется тончайшее наблюдение, знание натуры. На известнейшую статую Менады Скопаса неизвестный автор написал следующую эпиграмму (А. Р. XVI, 58; пер. С. П. Кондратьева):

Крепче держите Вакханку, не то ведь она, хоть из камня,
Тайно покинет свой храм, быстро скользнув чрез порог.

Скульпторы Пергама и Родоса соревнуются в искусстве передачи бурных и драматических чувств, ярких движений и те-

94. Вопрос о реализме александрийской поэзии давно дискутируется в науке; в наше время он получает все большее обоснование и подтверждение. Ср.: И. И. Толстой. Миф в александрийской поэзии. В сб.: Статьи о фольклоре, М.–Л., 1966; W. Steffen. Scripta minora selecta. Vol. 1–2. Wroclaw, 1973; G. Zanker. Realism in alexandrine poetry: a literature and its audience. *Groom Helm. London*, 1987.

95. А. Ф. Лосев. Ранний эллинизм.., с. 10.

атрального пафоса. Именно в эллинистическую эпоху формируется портрет, персональное изображение, которое могло быть идентифицировано с конкретным лицом благодаря наличию определенных физиогномических черт[96]. Реализм изображения деталей, физиогномических подробностей сопровождался подчас поворотом в сторону натурализма и гротеска, что проявляется, например, в многочисленных терракотовых и бронзовых фигурках атлетов, старух, горбунов и т. д., созданных в эпоху эллинизма и дошедших до наших дней[97]. Преувеличенная любовь к деталям привела к перегрузке многих произведений скульптуры ненужными мелочами, бытовыми подробностями, снижающими общее впечатление. Фризы и скульптурные группы Пергамского алтаря, знаменитые скульптурные группы Фарнезского быка, Ниобеи, Лаокоона и др. вслед за В Клейном[98] Г. Гертер оценивал как «мастерские произведения античного рококо»[99]. Так, изобразительное искусство через век Праксителя подошло к искусству «исключительно человеческому со всеми его внешними и внутренними чертами, искусству реалистическому»[100].

Так радикальный поворот в эволюции эстетики художественной продукции отразился, как уже было сказано выше, на усложнении художественно-выразительных средств. Поиски и эксперименты александрийцев в этой области широко известны. Пожалуй, ни один поэт не прибегает так часто к неологизмам и гапаксам, как Каллимах. И в то же время его знание Гомера, Гесиода и других классиков поразительны. Его умение обыграть гомеровские слова и обороты в новом контексте приводит к новому и свежему взгляду не только на традиционную мифологию, но и позволяет отразить многогранность и конфликтность современной ему действительности в сфере субъективно-личностной.

96. Подробнее см.: Т. М. Васильева. Александр в образе Гелиоса или Гелиос в образе Александра (К вопросу об интерпретации и атрибуции одного неизвестного памятника). ВДИ. 2004, № 4, с. 150.

97. См.: Е. Н. Ходза. Гротеск в эллинистической коропластике. ВДИ. 2006, № 3, с. 156–182.

98. W. Klein. Geschichte der griechischen Kunst. Leipzig, 1907, S. 15.

99. H. Herter. Kallimachos und Homer. Ein Beitrag zur Interpretation des Hymnos auf Artemis //Festschrift Zur 75-jährigen Bestehen des Philologischen Vereins und Bonner Kreises». Bonn, 1929, S. 73

100. С. Кондратьев. Предисловие в кн.: Античные поэты об искусстве. СПб.: Алетейя, 1996, с. 14.

Сочетание традиции и яркой творческой индивидуальности — в этом также оригинальность Каллимаха.

В целом художественная структура произведений александрийцев представляет такую частую и пеструю смену различных стилевых приемов и форм, что общая формулировка стиля этой школы представляет значительную трудность; скорее всего ее идеал — отчетливо ощутимая в эстетике этого времени — ποικιλία (пестрота, разнообразие)[101].

Темы и сюжеты своих произведений александрийцы, как правило, берут из местных редких легенд, полузабытых преданий — чем реже тот или иной вариант мифа, тем он ценнее для поэта. Для александрийской поэзии характерен отказ от гражданской тематики. Поэта-гражданина, обращавшегося к коллективу сограждан, сменяет поэт-ученый, черпающий вдохновение в сборниках старинных мифов, который увлекается описанием редких обычаев, экспериментированием в области традиционных поэтических жанров. Объектом художественного изображения чаще становится обособленная личность, которая подается психологически глубже, чем прежде. Возможными литературными источниками, вероятно, можно считать эпические циклы, гесиодовскую поэзию, поэзию Стесихора и Пиндара, гомеровские гимны. К известным инновациям александрийцев можно отнести открытое выражение поэтических эмоций, собственного настроения и чувства, в том числе и любовного, не только в эпиграмме, но и в ямбе, гимне, нарративной элегии.

Судьба александрийской поэтической школы была недолгой[102]. Уже к концу III в. до н. э. меняется внешне-политическая и внутренняя обстановка в Египте: четвертая война с царством Селевкидов из-за Келесирии (219 г. до н. э.) и первое крупное социальное движение внутри Египта, направленное не только против

101. Подробнее о значении ποικίλος см.: А. Захарова, Д. Торшилов. Глобус звездного неба. Поэтическая мастерская Нонна Панополитанского. СПб.: Алетейя, 200, с. 21–23. В данном случае термин ποικιλία используется в платоновском толковании (Plat. Phaedon. 110 b-d). У Каллимаха ποικίλος встречается дважды: II, 82 и frg. 202, 27.

102. Аналогию с культурой Серебряного века можно усмотреть и в этом. В. В. Бычков пишет: «В России возрождение духовно ориентированной культуры, предпринятое эстетически чуткой интеллигенцией первой трети XX столетия, как известно, было прервано искусственно. Между тем сегодня нельзя однозначно утверждать, что, не свершись у нас большевистской революции, этот взлет духовно— творческой энергетики оказался бы духовно про-

династии Птолемеев, но и против эллинов и эллинизировавшихся египтян, обострили противоречия в придворных кругах. Резко изменившаяся культурная политика Птолемея IV Филопатора (222–205 гг до н. э.) и особенно Птолемея V Эпифана (204–180 г до н. э.) отрицательно сказалась на литературной продукции этого времени: ученость поэзии вытесняется школьной схоластикой, эксперименты с формой превращаются в грубый формализм; поэты все чаще обращаются к традиционному эпосу; и лишь буколическому жанру суждено было продолжиться в творчестве Мосха и Биона, а через них и в римской литературе[103].

Литературная продукция александрийцев была огромной, разные источники с учетом разных временных интервалов называют от нескольких десятков до нескольких сотен литературных имен. В одной из последних антологий александрийской поэзии представлены фрагменты и отрывки из более чем 60 авторов[104]. Но бóльшая часть произведений александрийцев до нас не дошла (считается, что сохранилось лишь то, что в последующие века интересовало римлян).

Ко времени расцвета александрийской поэзии среди наиболее известных имен И. Кнаак[105] называет: Филета Косского, Гермисианакта, Ликофрона, Александра Этолийского, Сотада, Фанокла, Антагора, Симмия, Феокрита, Герода, Посидиппа, Леонида Тарентского, Арата, Аполлония Родосского, Каллимаха, Эратосфена, Эвфориона, Никандра и др.

дуктивным и привел бы к каким-то радикальным изменениям в общекультурной ситуации евро-американского ареала или хотя бы в России. В Западной Европе в тот же период протекал аналогичный, хотя и менее духовно насыщенный и заостренный, процесс, и там никто его не прерывал искусственно. Он сам сошел на нет во второй половине XX в., постепенно выродившись в предельно бездуховную пост-культуру». (В. В. Бычков. Вл. Соловьев и эстетическое сознание Серебряного века. Вл. Соловьев и культура Серебряного века. К 150-летию Вл. Соловьева и 110-летию А. Ф.Лосева. М.: Наука, 2005, с. 28).

103. А. И. Зайцев пишет: «Малообнадеживающе звучат и относящиеся к поэзии папирусные находки начиная приблизительно с 250 г. до Р. Х. По-видимому, литература исчерпала свои возможности». *А. И. Зайцев.* Греческое чудо и его завершение в эпоху эллинизма. А. И. Зайцев. Избранные статьи. СПб., 2003, с. 342–349.

104. Jerry Clarc. An anthology of Alexandrian poetry Pittsburg. Pennsylvania, 1982.

105. Интенсивное изучение эллинистической литературы и, в частности, александрийской поэзии, начавшееся после труда И. Г. Дройзена и его последователей, породило разные подходы и методы в описании этой литератур-

При всех сложностях атрибуции, неопределенности хронологии, а главное, фрагментарности дошедшего материала наиболее вероятным представляется, что ко времени Каллимаха ведущими жанрами в литературе становятся: нарративная элегия, эпиллий, буколика, ямб, дидактический эпос, эпиграмма. Широкое распространение получают мимы; известнейшими и популярными жанрами у александрийцев становятся метаморфозы и так называемые «причины». Утонченная поэзия Феокрита, ученые поэмы Арата и Никандра, загадочные — Эвфориона и Ликофрона, эпос Аполлония Родосского и драматургия Плеяды — вот та литература, которая создавалась в одно время с произведениями Каллимаха.

2. ПРОИЗВЕДЕНИЯ КАЛЛИМАХА, ДОШЕДШИЕ ВО ФРАГМЕНТАХ

Καλλίμαχος ἐπιμελέστατος
Suid. v. Καλλίμαχος

Каллимах был автором, как уже сказано, огромного числа произведений, до нас дошла, кроме гимнов и эпиграмм, незначительная их часть во фрагментах.

2.1. «Причины»

Самым известным программным произведением Каллимаха был сборник элегий, названный поэтом «Причины»[106]. Са-

ной школы. Наиболее подробную классификацию александрийских авторов, их произведений дал в свое время Ф. Зуземиль (F. Susemihl. Geschichte der griechischen Litteratur in der Alexandrinen Zeit. Leipzig, 1891–1892, Bd. I–II, S. 167–883). Г. Бернхарди предлагал всех александрийских поэтов распределить на три группы (G. Bernhardy. Grundriss der griechischen Litteratur. Halle, 1880. 3. Bearb. 2 Teil. S. 699–743); В. Крист считал, что следует выделить в отдельную группу «ученых поэтов» (W. von Christ. Geschichte der griechischen Litteratur. 5 Aufl. München, 1911, 2 T. S. 90–131); И. Кнааку представляется целесообразным выделять три периода: до Каллимаха, Каллимах и его школа, эпигоны (Y. Knaak. Alexandrinische Litteratur // P. W. R. E. Sp. 1300–1407). Из отечественных исследований наиболее подробное описание александрийской поэзии см.: Н. А. Чистякова. Эллинистическая поэзия. Л., 1988.

106. Иногда считается, что название сборника (Αἰτίαι) правильнее переводить «Начала». Подробнее см.: Н. А. Чистякова. Древнегреческая элегия. Сост., комментарии, словари Н. А. Чистяковой. СПб.: Алетейя, 1996, с. 44.

мое раннее упоминание о «Причинах» — в эпиграмме некоего Аполлония Грамматика (ep. AP XI, 275 Plan.), который пишет: «Καλλίμαχος... ὁ γράψας Αἴτια Καλλιμάχου» (Каллимах... написавший «Причины Каллимаха»). Если, как считается, Аполлоний Грамматик — Аполлоний Родосский (так считали Г. Бернхарди, М. Поленц и др.), то это свидетельство восходит ко времени жизни Каллимаха. Марциал (X, 4, 9 и сл.) в известной эпиграмме также упоминает «Причины»: «legas Aetia Callimachi» (тогда... читай «Причины» Каллимаха). Словарь «Суда» сообщает, что Мариан среди прочих пересказов «ἔγραψε... μετάφρασιν Καλλιμάχου τῶν Αἰτίων...» (написал пересказ Каллимаховых «Причин»). Климент Александрийский (Strom. V 8, 50 vol. II p. 360) говоря о загадочности поэзии Евфориона и Ликофрона упоминает «Причины» (καὶ τὰ Καλλιμάχου Αἴτια); на них есть ссылки также в схолиях к Проперцию и к эпиграммам.

«Причинам» неизвестный автор посвятил эпиграмму, написанную, скорее всего, не позднее VI в. н. э. (пер. Л. Блуменау):

Да, в роговые ворота, не в двери из кости слоновой
Ты к Баттиаду пришел, многозначительный сон!
Ибо немало такого, чего мы не знали доселе,
Ты нам открыл о богах и о героях, когда,
Взяв из пределов Ливийской земли его, мудрого, сразу
На Геликон перенес в круг пиерийских богинь,
И на вопросы его о началах как рода героев,
Так и блаженных самих, дали ответы они.

Сборник состоял из 4-х книг: византийский автор эпиграммы, предварявшей гимны в манускрипте X в., упоминает «четверицу» «Причин» (...τῶν μεγίστων Αἰτίων *τὴν τετράδα*). Судя по дошедшим отрывкам и комментариям, сначала были изданы 2 книги элегий, затем, уже в конце жизни поэт издал третью и четвертую и тогда же написал второй пролог.[107] Последние две книги, скорее всего, начинались элегией «Победа Береники», а заканчивались элегией «Коса Береники»; обе были посвящены

107. То, что сборник имел 2 пролога, не было чем-то необычным. В поэме Аполлония Родосского также два проэмия: первый (с него начинается поэма) — обращение к Аполлону (Apoll. Rhod. I, 1), второй — обращение к Музе Эрато (Apoll. Rhod. III, 1–2).

Беренике II, супруге Птолемея III Евергета. Окончательный вариант сборника, как считается, можно датировать 40-ми годами III в. до н. э.; в целом, весь сборник приобрел большой объем — около 7000 стихов[108]; Считается, что так Каллимах убедил своих литературных противников в способности создать произведение, по объему не уступающее «киклическому».

Настоящей сенсацией в каллимаховедении стало открытие в 1928 г. папирусного фрагмента, который, как потом было доказано, является вторым, позже написанным, прологом (или проэмием) к сборнику. В этом прологе поэт вступает в полемику с некими злыми, завистливыми тельхинами, почему фрагмент получил название «Против тельхинов» (Гезихий объясняет это слово так: «Τελχῖνες· βάσκανοι, γόητες φθονεροί» — тельхины: клеветники, колдуны, завистники).

В 1974 г. были опубликованы лилльские фрагменты, найденные при декартонировании мумии вместе с фрагментами из «Фиваиды» Стесихора, датируемые концом III в. до н. э. Эти фрагменты, вместе с известными ранее (в 1941 г. в «Оксиринхских папирусах» был опубликован отрывок неизвестной ранее элегии), были тщательно изучены П. Дж. Парсонсом, который предположил, что это фрагменты из одной и той же элегии, которую он условно назвал «Победа Береники». Именно этой элегией, как считает П. Дж. Парсонс, начиналась третья книга и, судя по началу фрагмента, — это «гарантированный Каллимах» [109]. Так уже в наши дни «Причины» становятся все более доступными для исследователей.

108. Относительно общего объема всего сборника, а также отдельных его частей мнения ученых существенно расходятся: В. Виммель полагал, что вся поэма состояла из 3000 или 4000 стихов (W. Wimmel. Kallimachos in Rom. Op. cit.); А. Беллох считал, что каждая книга имела не более 1000 стихов; по мнению К. Трипаниса, весь сборник насчитывал более 7000 стихов. Подробнее см.: J. Williams. Tradition and Originality of Roman Poetry. Oxford, 1968; Н. А. Чистякова Эллинистическая поэзия. Л., 1988, с. 57–65.; В. Н. Ярхо, К. П. Полонская. Античная лирика. М., 1967, с. 82–85.

109. Подробнее см.: В. П. Завьялова. Поэтические особенности новооткрытого фрагмента Каллимаха. Античная культура и современная наука. М., Наука. 1985, с. 121–125. Подробный анализ папирусных публикаций с новейшей библиографией см.: В. Н. Ярхо. История древнегреческой литературы. Обретенные страницы. М.: Лабиринт, 2001, с. 166–186. Каталог всех опубликованных папирусов Каллимаха см.: H. D. Marco, P. Mertens. Les papyrus de Callimaque. Papyrologica Florentina, 19. 1990 v. II, p. 409–427. В современном каллимаховедении фрагменты из «Причин» чаще всего привлекают вни-

Количество элегий в окончательном варианте сборника точно неизвестно; возможно, их было от 40 до 50. Также трудно судить об объеме каждой: одни, как сохранившаяся почти целиком элегия «Могила Симонида», были невелики (в данной элегии всего 14 стихов), другие, как «Победа Береники» или «Аконтий и Кидиппа», содержали, возможно, более 200 стихов. Написаны «Причины» элегическим дистихом, что являлось главным жанровым признаком элегии с древнейших времен.

Элегия, соперничающая по популярности и распространенности с эпосом в греческой литературе, своими корнями уходит в народный трен (заплачку). Сам термин обычно связывают с греческим ἐλεγεία (ᾠδή) и ἐλεγεῖον (μέτρον), производные от ἔλεγος (причитание, скорбная песнь), источник которого, как пишут А. Вальде-Гофман и Э. Буазак[110], во фригийском языке. Первые памятники, написанные элегическим дистихом, датируются VII в. до н. э.[111] Ко времени Каллимаха элегия, пройдя многовековой путь литературного развития, пережила значительную трансформацию. В эпоху эллинизма этот жанр привлекал внимание поэтов, скорее всего, своим субъективным, личностным характером, а также четкостью и выразительностью ритмического построения. Небольшой объем, эмоциональная экспрессивность, тематическое разнообразие — вот что ценили александрийцы в элегии, жанре, пограничном между лирикой и эпосом, дававшем возможность передавать личные, подчас биографические, переживания и настроения.

Уже у *Антимаха Колофонского*[112] (ок. 444 г. до н. э.), выступившего в литературе раньше александрийцев, в поэме «Лида» (дошли несколько фрагментов), посвященной ранней смерти любимой жены поэта, тренодическая элегия преобразована «в качестве утешения и назидания некоему коллективу лю-

мание исследователей; перечислить все публикации, появившиеся в последние годы, — существенная сложность.

110. A. Walde. Lateinisches etymologisches Wörterbuch, 3. Aufl. von J. B. Hofmann, Heidelberg, 1938; E. Boisacq. Dictionnaire étymologique de la langue grécque, Heidelberg, 1907 и сл. изд.

111. О доэллинистической элегии см.: Н. А. Чистякова. Древнегреческая элегия. Древнегреческая элегия.., с. 5–33.

112. E. A. Barber Antimachus. Oxford Classical Dictionary, op. cit., p. 59.

дей в книжное стихотворение...»[113]. Личное горе, касавшееся только одного поэта, становится поводом включения в поэму традиционной мифологии, сложного мифологического аппарата: в поэме излагались бесчисленные мифологические любовные истории, кончавшиеся неудачно. Впервые поэт, стараясь облегчить собственные переживания, ищет утешения в многочисленных вариациях мифологических параллелей, излагая короткие мифологические истории элегическим дистихом. Сохранился фрагмент из Антимаха, посвященный Афродите (пер. Л. Блуменау)[114]:

Чуждая войнам, зачем ты взялась за Ареево дело?
Кто, о Киприда, тебя в эти доспехи облек?
Сердцу милы твоему лишь Эроты да радости ложа,
Любишь кроталов[115] ты треск, воспламеняющий страсть.
Копья кровавые брось, — ведь это оружье Афины, —
И с Гименеем опять, богом кудрявым, дружи.

Александрийцы высоко ценили поэму Антимаха, называя ее священной. Асклепиад Самосский восклицает (А. Р. IX, 63; пер. Л. Блуменау): «Кем теперь не читается «Лида» / Книга, которую он с Музами вместе писал?». Гермесианакт в поэме «Леонтион» об Антимахе пишет (пер. В. Зельченко):

Так и Антимах, сраженный любовью к лидиянке Лиде,
Следом за нею пришел к водам Пактола-реки,
А по кончине супруги, с рыданьями в землю сухую
Тело ее опустив, снова отправился в путь,
Чтоб в Колофоне преславном сложить бессмертные книги
Скорбных элегий и в них выплакать горе свое.

Овидий считал историю Антимаха образцом супружеской верности и, когда в «Скорбных элегиях» (I, 6, 1–4) хочет рассказать, как он «беззаветно», «сердцем привержен» жене, в сравнение выбирает Антимаха (перевод Н. Вольпин): «Так го-

113. Н. А. Чистякова. Древнегреческая элегия.., с. 38.

114. Фрагменты греческой лирики в новое время впервые были собраны Theod. Bergk'ом в «Poetae lyrici Graeci», 1843. Наиболее авторитетными в настоящее время являются: E. Diehl. Anthologia lyrica Graeca, fasc. I–III. Lipsiae, 1925, 1955 и др.; I. M. Edmonds. Lyra Graeca (Loeb). Из последних изданий: Michael Davies. Poetarum Melicorum Graecorum Fragmenta. Oxford, 1991 и др.

115. Кротал — трещотка, во множественном числе — кастаньеты.

рячо не чтил Антимах из Кларoса Лиду». «Лида» стала примером для всех дальнейших циклов любовных элегий александрийцев, а за ними и римлян. Так, возможно, впервые мифологический сюжет получает самостоятельное развитие вне собственного контекста; наиболее устойчивым элементом оказывается его повествовательно-художественный аспект, послуживший основой сначала для развития аллегории, а затем превратившийся в литературный «аппарат».

Каллимах, ценя антимаховское нововведение в целом, находил «Лиду» слишком растянутой, монотонной, «неотделанной» (Athen. IX, 33 b; пер. Ю. Голубца): «„Лида" — книга эта скучна, не отделана вовсе». Скорее всего, он полагал, что поэма должна быть динамичнее и короче.

Другим реформатором элегии традиция называет знаменитейшего александрийского поэта старшего поколения, главу косского поэтического кружка, воспитателя Птолемея II *Филета / Филита Косского* (320–282 гг. до н. э.)[116]. Квинтилиан считал Филета вторым, после Каллимаха, мастером элегии (Quintil. X, 1.58): «princeps (elegiae) habetur Callimachus, secundus confessione plurimorum Philetas occupavit». Среди современников и потомков Филет прославился элегиями, посвященными возлюбленной Биттиде (или Баттиде). Из небольшого числа дошедших фрагментов трудно выделить стихи, посвященные именно ей. Возможно, следующее двустишие ближе других к любовным страданиям поэта (пер. В. Зельченко):

Ныне страдаю безмерно: печаль недавняя множит
Прежние, и не видать отдохновенья от бед...

Сохранились несколько дистихов из другой поэмы Филета — «Деметра»[117], в которых от первого лица говорится об утрате покоя по поводу пропавшей дочери (скорее всего, это слова Деметры); в ответ приводятся слова утешения (возможно, их говорит Келей). Филет среди других поэтов был ближе Каллимаху во взглядах на поэтическое творчество: он так же, как и Каллимах, не любил «пустословие» и считал, что поэт дол-

116. E. A. Barber. Philetas. Classical Oxford Dictionary, op. cit., p. 678.

117. Считается, что в прологе «Против тельхинов» (ст. 9–10) Каллимах упоминает, возможно, именно эту поэму Филета, но текстологическая неясность стихов пролога не позволяет судить определеннее.

жен долго «отделывать» свои произведения. В шутливой эпитафии говорится о двух причинах его преждевременной кончины (пер. Н. А. Чистяковой):

Странник, Филет я. Меня погубил краснобай пустословный.
Также с ним заодно долгие бденья ночей.

Ученик Филета *Гермесианакт* из Колофона (род. ок. 300 г. до н. э.)[118] прославился сборником элегий, носившем так же, как сборники Антимаха и Филета, имя возлюбленной — «Леонтион». По фрагментам, передаваемым Афинеем (Athen. XIII, 597b), можно судить, что сборник состоял из трех книг. В первой, возможно, обрабатывался сюжет о Полифеме и Галатее, а также рассказывались еще некие буколические любовные истории; во второй — скорее всего, речь шла о Левкиппе; и, наконец, третья книга — это своеобразный «каталог» любовных историй, случившихся со знаменитыми поэтами (от Орфея и Гесиода до Антимаха и Филета), философами (от Пифагора до Сократа и Аристиппа), кто, как пишет Гермесианакт, был «ранен любовью» и кто ради возлюбленных совершил те или иные подвиги (Каталог влюбленных, 93–94; пер О. Цыбенко).

...Но от любви безуспешно
средство искал человек, знавший всю силу речей.

Гермесианакт[119] разделял интерес Каллимаха к редким глоссам, ему так же, как и Каллимаху, не нравились те, кто не умеет во время «речи своей положить предел».

Знаменитым элегиком был современник Каллимаха *Александр Этолийский* (см. выше: «Александрийская библиотека»). В пересказе Парфения («Любовные истории») дошел фрагмент (17 строк) из элегии Александра «Аполлон». Речь идет, возможно, о пророчестве Аполлона[120] либо Милету (основателю города), либо кому-то из его потомков. Героиней дошед-

118. E. A. Barber. Hermesianax. The Oxford Classical Dictionary, op. cit., p. 418.

119. В 1991 г. бельгийским ученым М. Хойсом был опубликован папирусный фрагмент Гермесианакта (21 строка). Перевод этого фрагмента В. Н. Ярхо под названием «Проклятия» опубликован в сб. «Эллинские поэты»..., с. 291; «Каталог влюбленных» — там же.

120. A. Meineke в свое время предполагал, что пророчество Аполлона у Александра Этолийского напоминает пророчества этого бога у Каллима-

шего отрывка является некая Клеобойя, жена Фобия, которая полюбила юношу Анфея. Анфей отвергает любовь замужней женщины (перевод В. Зельченко): «тщетно она, в исступленье колени его обнимая / Станет Анфея молить...»; для него важнее честь «хлебосольного Фобия». Коварная Клеобойя решает отомстить юноше: просит Анфея достать из колодца будто бы упавшее туда ведро, а когда Анфей уже спустился в колодец, Клеобойя, «злобой томясь», обрушила на его голову тяжелый жернов. Убив Анфея, и сама Клеобойя кончает самоубийством.

Даже такой, сравнительно небольшой фрагмент бытового содержания (любовь замужней женщины) переплетается с высокой мифологией (пророчество самого Аполлона) и излагается усложненным языком и стилем (особенно начало фрагмента), что дало повод современным исследователям заключить: «интонация элегий Александра Этолийского была изящна и изысканна, а сухость материала преодолевалась за счет особой словесной игры»[121].

Несомненный интерес Каллимаха должна была вызвать элегия «Музы», которую Александр сочинил по заказу города Эфеса и в которой, судя по дошедшему фрагменту, поэт воспевал Артемиду (пер. В. Зельченко):

В гимне торжественном быстрострельную Опис восславил,
Чья обитель стоит там, где чтимый Кенхрей...
Да не будут сокрыты деянья Латониной дщери.

О близости к Каллимаху здесь говорит все: размер (элегическим дистихом Каллимах пишет V гимн «На омовение Паллады»), именование Артемиды (быстрострельная Опис, Латонина дщерь и т. д.).

Судя по всему, жанр элегии получил широкое распространения далеко за пределами Александрии; в одно время с Каллимахом (или близко около его времени) в любовных элегиях муки и треволнения любви описывались бесчисленным мно-

ха в «Причинах» и у Ликофрона в «Александре» (см. A. Meineke. Analecta Alexandrina, Berolini, 1843, S. 219). Подробнее см.: В. П. Завьялова. Александр Этолийский, современник Каллимаха. Античность в контексте современности. Вопросы классической филологии X. М., 1990, с. 54–66.

121. Ср. U. von Wilamowitz-Moellendorff. Hellenistische Dichtung..., S. 198.

жеством авторов; до нас дошли выразительные фрагменты из стихов поэтессы Носсиды, жившей в Южной Италии (пер. Л. Блуменау):

Слаще любви ничего. Остальные все радости жизни
Второстепенны, и мед губы отвергли мои.
Так говорит вам Носсида: кто не был любим Афродитой,
Тот не видал никогда цвета божественных роз.

Любовные элегии в это время писали: Анита из Аркадии, Аркесилай из Питаны, Дурис из Элеи, Асклепиад с острова Самос и др.[122]

К тому времени, когда Каллимах обратился к этому жанру, уже утвердилась практика объединения элегий в тематические сборники (опыт Антимаха, Филета, Гермесианакта получил широкое распространение), а сами элегии благодаря субъективизму биографического материала стали ассоциироваться с повествовательным (пересказ бытовых, житейских сюжетов) жанром, в котором традиционная мифология привлекалась в качестве обязательного иллюстративного материала.

Столетия спустя римскому поэту Марциалу обилие мифологии в «Причинах» Каллимаха покажется избыточным (пер. Ф. Петровского):

Здесь ты нигде не найдешь ни Горгон, ни Кентавров,
ни Гарпий,
Нет, — человеком у нас каждый листок отдает,
Но ведь ни нравов своих, ни себя ты не хочешь, Маммура,
Знать? Так «Начала» тогда ты Каллимаха читай.

И все-таки на фоне столь мощной элегической традиции Каллимаху удается сделать самый решительный шаг в оформлении этого жанра. Тонкость и изящество, с которым Каллимах умел сочетать традиционную мифологию с жизненным опытом, привлечение самых разных тем (далеко не только любовных) обеспечили Каллимаху славу «первого элегика» (так называл его Квинтилиан) и восторженные отзывы Проперция (Prop. III, 1; пер. А. И. Любжина):

122. Обзор творчества этих элегиков см.: Н. А. Чистякова. Древнегреческая элегия., с. 40–43; переводы этих элегий и фрагментов там же, с. 183–195.

Каллимаховы Маны и святыни Косского Филита,
Молю вас, позвольте мне войти в вашу рощу!
Я первым прихожу, жрец прозрачного источника,
Чтобы воплотить Италийские таинства в Греческих
хороводах.
Скажите, в какой пещере вы так отточили свой стих?
Как вы туда вошли? Какую воду пришлось вам пить?

Для нас фрагменты из «Причин» (особенно пролог «Против тельхинов») — бесценное свидетельство литературных пристрастий поэта; практически этот пролог играет роль введения в поэтику Каллимаха. Создавая инвективу на тельхинов — завистливых и злых духов, поэт пишет апологию самому себе, четко и последовательно излагая свою поэтическую программу. Его главный принцип в поэзии — короткие, отточенные произведения. Вот начало пролога (пер. О. В. Смыки):

Знаю я, знаю — Тельхины ворчат на мои песнопенья
Неучи — дружбу водить с Музою им не дано.
Злятся, что я не тяну одну бесконечную песню,
В тысячу строчек поэм не воспеваю царей
Либо героев — а так, катаю стихи по кусочку,
Словно дитя, а ведь мне лет не десяток, не два.

Каллимах выступает здесь как новатор, пытающийся, в первую очередь, обновить язык и технику традиционного поэтического письма. Но обновление это идет через попытку приспособления старых форм к новым задачам. Стиль Каллимаха вдохновлен древними поэтами — Гомером, Гесиодом и Пиндаром прежде всего, язык его произведений — традиционно гомеровский; выбранные стихотворные размеры — дактилический гекзаметр и элегический дистих также традиционны. Оригинальность его «Причин», скорее всего, в том, что, не ограничиваясь какой-либо одной темой, одним сюжетом, он собирает в один сборник произведения, написанные в разное время, тематически между собой не связанные, объединенные, возможно, одним — стихотворным размером.

Каллимах не стал разрабатывать нескончаемую тему любовных переживаний, как Антимах или Филет; как вообще не стал писать элегии на какую-то одну тему. Его «Причины», судя по тем фрагментам, что дошли до нас, не были собранием элегий

«на тему» вообще, скорее, это были элегии, отвечавшие на вечный вопрос «почему». Почему и как основаны те или иные города, храмы, святилища, почему им присвоены те или иные имена, почему города, например, Сицилии строили без городских стен, а на Крите во время праздника приносили воду из ключа Радаманфа, почему новое созвездие, открытое современным астрономом Кононом, названо «Волосы Береники» и т. д. «Причины» Каллимаха положили начало этиологической элегии. В этой же традиции столетия спустя Овидий напишет свои «Фасты», и, как пишет автор фундаментальной истории римской литературы М. фон Альбрехт[123], «Каллимах и его римский последователь Проперций — крестные отцы „Фаст"».

Мы не знаем, каким образом осуществлялся переход от одного эпизода к другому, существовала ли хронологическая или ахронологическая последовательность изложения отдельных сюжетов и мотивов, но, скорее всего, динамизм и «всеохватность» стали для поэта важнее неторопливой последовательности. Так поэт реализует на практике важнейший постулат новой поэтики — краткость (*συντομία λόγων*). Уже в этом был вызов, неприятие старых гомеровских и гесиодовских циклов в их традиционном понимании.

Но вместе с тем, критикуя «кикликов» эпос, выступая против «длинных» и «толстых» поэм, Каллимах продолжает декларировать свою нерасторжимую связь с традицией, которая персонифицируется в его творчестве в образе Муз[124]. Тема «Поэт и Музы» пронизывает все творчество поэта: это центральный мотив обоих прологов «Причин», к этой же теме поэт не раз возвращается в гимнах и эпиграммах. В прологе «Сон» (считается, что он более ранний по времени написа-

123. М. фон Альбрехт. История римской литературы. Пер. А. И. Любжина. М., 2004. Т. II, с. 877.

124. Контекстов, в которых Каллимах обращается к Музам, — более сорока, их анализу посвящена статья: В. П. Завьялова. К вопросу об интерпретации традиционной мифологии в раннеэллинистической поэзии (на примере мифологемы Муз). Вопросы классической филологии. Вып. XII. М., 2002. Этот аспект поэтики Каллимаха в последние годы привлек особое внимание исследователей. Ср.: P. Bing. A Note on the New «Musenanruf» in Callimachus «Aetia». *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*, 74, 1988, S. 273–275; M. A. Harder. Callimachus and the Muses: Some Aspects of Narrative Technique in Aetia 1–2. Prometheus, 14, 1988, p. 1–14; A. Hurst. A. Schachter. (edd.) La montagne des Muses. Genève, 1996. и др.

ния) Каллимах вспоминает священный для любого греческого поэта сюжет: посвящение Гесиода в поэты на горе Геликон, когда к нему явились Музы у источника Гиппокрены и научили его божественному дару песнопенья (пер. Ю. Голубца):

Некогда Муз хоровод предстал пастуху Гесиоду
Там, где древле коня был быстролетного след.
(Музы ему показали, как) Хаос явился впервые.
(Как заструилась) вода из-под подковы коня,
Как, зло другому замыслив, себе самому подготовишь.

Аполлон и Музы для Каллимаха – высший авторитет в поэзии; с ними он обсуждает самое важное для себя – новые принципы поэтического творчества (Пролог «Против тельхинов», ст. 21–30; пер. О. В. Смыки):

В пору, как я в руки взял, сочинять собираясь, таблички,
Вот что Ликийский тогда мне провещал Аполлон:
«Всякую жертву, певец, подобает вскормить *потучнее*,
Только не Музе – она *тонкое* любит, дружок.
Вот мой завет: направляйся путем, где телеги не ездят,
Там колесницу гони, где не увидишь следов.
Правь неширокой дорогой, была б не заезжена только,
Узок твой путь – не беда, лишь бы не вытоптан был.
Мы же являемся к тем, кто *любит* кузнечиков звонких
стройный напев, а не крик дико ревущих ослов».

Аполлон и Музы – лучшая защита для поэта от клеветников и завистников, «злых тельхинов». «Зависти гнусное племя, изыди» (пролог, ст. 17) – заклинает поэт; главное в поэзии – не объем произведения, «мера – искусство само» (ст. 18). Завистникам, тельхинам, неучам «дружбу водить с Музою не дано» (ст. 1–2) О себе поэт говорит, что он не станет тянуть «одну бесконечную песню в тысячу строчек» (ст. 3), а «словно дитя» будет «катать стихи по кусочку» (ст. 5); «буду я легок, крылат, / Стану я петь как цикада» (пролог, ст. 32–33). Не торжественное, высокопарное песнопение, а легкое, шутливое, изящное общение с Музой – вот принцип поэта. Возможно поэтому Каллимах, как и большинство александрийцев, избегает торжественный эпический зачин: «Муза, воспой». Для него Муза – это бесконечно усложнившийся образ, символ вечного и единого истока начал, начало поэзии. Когда «поэтом овладе-

вают Музы, – пишет Мирча Элиаде[125], – он пьет из источника знаний Мнемозины, это значит, прежде всего, что он прикасается к познанию «истоков», «начал» родословных... Таким образом, воспетое прошлое есть более чем просто предшествование настоящему, оно есть его источник».

Музы для Каллимаха не только вдохновительницы поэтического дара, наставницы в пении и стихосложении, они для него символ всякого знания, от них человек получает самую способность к учению, понятливость – εὐμαθία («Музам – Сим», AP VI, 310; пер. Ю. Голубца):

Сим, сын Микка, просил, в дар Музам меня отдавая,
Помощь в ученьи себе (εὐμαθίην)...

Музы, по мнению Каллимаха, могут открыть (или не открыть) определенное конкретное знание (Call. IV, 82):

О Музы, откройте,
Правда ль, что с деревом вместе на свет рождаются нимфы.

И вот поэт уже не просто «внимает» Музе, с почтением слушает ее наставления, а, отбросив страх, вступает с ней в «задушевную» беседу (О городах Сицилии, 84–85; пер. О. В. Смыки):

Муза умолкла – а мне захотелось еще и другое
Вызнать у ней и спросить – страх уж покинул меня...

Впервые появившийся у Каллимаха мотив «беседы с Музой» – важнейший эстетический принцип, широко используемый поэтами в дальнейшем[126]. Затем оказывается, что поэт может не только беседовать, но и шутить с Музой, вспоминая о ней явно в ироничном контексте: Муза помогает даже от истребляющей мощи Эрота (ер. «Средство от любви», Ар. XII, 150; пер. Л. Блуменау):

Делают Музы бессильным Эрота, Филипп, и наука
Лучшим лекарством, поверь, служит от всех его зол.

125. М. Элиаде. Аспекты мифа. М., 1995, с. 123.

126. Ср. «*Вступление к «Причинам»* Каллимаха с принципиальным выбором в пользу «тонкой» манеры письма оказывает влияние на многих поэтов; культивируемая им «беседа с Музой» – важное эстетическое средство, обнаруживаемое позднее у Овидия и других». Михаэль фон Альбрехт. История римской литературы, т. I., с. 317.

Так, впервые поэтом утверждается не просто отказ от старых, поэтических штампов, но и отстаивается возможность «беседы, игры с Музой», поэтической шутки, иронии, т. е. в конечном счете игры с предшествующей традицией. Такое «продолжение — отрицание» традиции — весьма характерное явление для александрийской поэзии. Классическое наследие понимается теперь не только как источник поэтического вдохновения, но и как некие «оковы», мешающие современному творчеству.

Сохранившиеся фрагменты из «Причин» не дают возможности судить, были ли отдельные элегии связаны между собой какими-либо переходами или отдельными темами. Высказывалось мнение, что между элегиями «Причин» связи было меньше, чем между отдельными книгами «Метаморфоз» Овидия, у которого они объединены общностью темы превращения.

Любая реконструкция четырех книг «Причин» гипотетична[127]. Но даже по отдельным стихам, небольшим отрывкам можно судить, что мощный слой мифологии — основа повествования Каллимаха. По фрагментам из первой книги можно представить, что здесь речь шла об обратном пути аргонавтов; о дриопе Фиодаманте, о жертвоприношении в Линде и, возможно, об Артемиде Левкадской. Поэтическая манера та же, что и в гимнах, — Каллимах отдает явное предпочтение иносказательным выражениям: «Икарийские валы» вместо «Икарийское море»; «с палицей муж» вместо «Геракл», «остров... с землей феаков» вместо «остров Коркира», «жена Алкиноя» вместо «Арета»; «Асбистийский берег» вместо «Ливия»; тут и там возникают древнейшие названия народов, местностей, городов: пигмеи, массагеты, дриопы, минии, китийцы, Гемония (древнее название Фессалии), Асина, Алика, Гермиона (города Арголиды) и т. д.

От второй книги дошел сравнительно большой отрывок «О *городах Сицилии*», в котором речь идет об основании большого числа сицилийских городов: Камарины, Гелы, Критской Минои, Леонтин, сицилийской Мегары и др. Основание каждого города — своя местная история, каждый город имеет свои

127. Предложенное распределение фрагментов по 4 книгам; см.: Древнегреческая элегия. Составление, комментарии, словари Н. А.Чистяковой. СПб.: Алетейя, 1996, с. 196–224.

обычаи и празднества, связывающие их с метрополией; но происхождение и значение их теперь забылось. Желая вспомнить истоки всех этих преданий, Каллимах строит свое повествование в виде беседы с двумя Музами — Клио и Каллиопой. Что-то из древних преданий поэт рассказывает сам, но чаще он хочет спросить у Муз: «почему города в Сицилии строились без стен?», «почему назначался пир в честь того или иного героя?» Вот характерные вопросы, с которыми поэт обращается к Музам (пер. Ю. Голубца):

А Халиарт кадмейский праздник критский справляет
Феодисии зачем, праздник Креусы ключа?

и дальше:

И отчего в краю Миноса в чашах больших
Носят влагу с ключа Радаманфа...

И в этом отрывке, верный своей поэтической манере, поэт Сицилию назовет ее древнейшим именем — Тринакрия, город Цанкле, позднее переименованный в Мессену — «Ножом» или «Серпом» (тут же последует, конечно, рассказ о Кроне, который в этих местах «отрезав срамные части отцовы, / Спрятал под полой землей серп из железа кривой...»); Каллиопу — «родимой сестрой» Клио и т. д.

В нескольких стихах о Фаларисе (историческом правителе города Акраганта в Сицилии) и Бусирисе (мифологическом царе Египта) речь, вероятно, шла о древнейшем египетском обычае убивать прибывающих в Египет чужеземцев, поскольку «девять до этого лет без дождей Египет томился...», и, по предсказанию кипрского прорицателя, чтобы избавить страну от этого бедствия, Бусирис

Первым костер он поджег под брюхом быка — изваянья,
Смерть придумал явить в бронзе литой и в огне...

Каким образом Фаларис повторил это кровавое дело — неизвестно, сохранился лишь стих:

Тут Фаларис повторил Бусириса страшное дело...

Как уже было сказано, возможно, третья и четвертая книги «Причин» были написаны позднее; только в 40-е годы, дописав новый пролог «Против тельхинов», Каллимах оформил

свою поэму целиком. При этом первая и последняя элегии двух книг были посвящены новой египетской царице – Беренике II. П. Дж. Парсонс считает, что вслед за прологом Каллимах расположил элегию (не больше 150–200 стихов), посвященную победе колесниц Береники II на Немейских играх (пер. О. В. Смыки):

Зевсу воздать и Немее достойный я должен подарок,
Царская дочь и жена, отпрыск четы двух богов! –
В честь скакунов твоих быстрых поем мы победную песню.
С дальних равнин, где царил *телкой рожденный Данай*,
В Нилово устье, на остров Елены, к пророчице славной
К пастырю тварей морских, весть золотая пришла.

Убедительную реконструкцию этой элегии, как и предположительное ее название «*Победа Береники*», как было уже сказано, П. Дж. Парсонс[128] опубликовал сравнительно недавно, сопоставив четыре новооткрытых фрагмента с ранее известными. И хотя реконструкция новооткрытых фрагментов достаточно проблематична, целостность реконструируемой элегии подтверждают новые фрагменты, имеющие отношение к одному и тому же сюжету – истории учреждения Немейских игр[129]. Получено известие о победе в Немее, и Каллимах обращается к мифу, рассказывающему историю происхождения этих игр. Вполне каллимаховским можно считать начало одного дошедшего фрагмента (fr. A по Парсонсу): Ζηνίτε καὶ Νεμέηι τι χαρίστιον ἔνδον ὀφείλω (Зевсу и Немее задолжал я полный любви дар) – эта строчка более всего напоминает каллимаховский зачин: для него именно характерен прием, когда вначале он выражает некие сомнения и колебания, прежде чем остановится на избранной теме.

И, как всегда, Каллимаха интересует версия мифа наиболее редкая и малораспространенная: семеро воинов под предводительством Адраста по дороге к Фивам остановились в Немее; Гипсипила, служанка Ликурга, бросив без присмотра его малолетнего сына Офельта, пошла показать воинам источник, а в это время ребенка ужалила змея; было решено, что это дур-

128. P. J. Parsons. Victoria Berenices. Zeitschift für Papyrologie und Epigraphik, 1977, Bd. 25, S. 1–50

129. Подробный анализ дошедших фрагментов «Победы Береники» см.: В. Н. Ярхо. История древнегреческой литературы. Обретенные страницы. М.: Лабиринт, 2001.

ное предзнаменование для похода; мальчика с почестями похоронили, посмертно назвав его Архемором. Так эта история рассказывается у Аполлодора (Apollod. I, 9, 14, III, 6, 4). Она же стала сюжетом еврипидовской трагедии «Гипсипила». Каллимах из всей этой истории вспоминает лишь имена Офельт (ст. 13: ἠρίον Ὀφέλτου) и Архемор (ст. 14: Ἀρχέμορος). По сохранившимся фрагментам трудно судить, каким образом Каллимах переходил к версии мифа более известной и распространенной – учреждению Немейских игр в связи с победой Геракла над немейским львом. Но то, что речь идет о Геракле и Немее – сомнений нет, это подтверждают стихи: (frg. 268 B, 265, 8); (пер. О. В. Смыки):

Мужу защитой служила от стрел и от хладного снега
Львиная шкура...

а также упоминание Немейских игр в последнем фрагменте:

Споря с Немейской игрой...

Но и в этом мифе, очевидно, главным для Каллимаха становится не подвиг Геракла, а его встреча и разговор с крестьянином Молорхом. Историю с Молорхом пересказывает Вергилий (Вергилий. Георгики. 3, 19). Известно, что Молорх гостеприимно принял Геракла и даже собирался принести в жертву единственного барана; Гераклу с трудом удалось уговорить отложить жертвоприношение до его возвращения.

Дошедшие до нас стихи другого фрагмента Каллимаха – это юмористические сценки борьбы Молорха в кладовой с мышами (в то время как Геракл побеждает немейского льва; (пер. Ю. Голубца):

Стоило только заснуть – они приходили, кружились
Прямо у головы, сон прогоняя из глаз.
Даже за краткую ночь разбойники умудрились
Гнусное дело свершить, на сердце гнев пробудив
Самый великий: прогрызли негодники сумку и козью
Шкуру-накидку. И он гибель двоякую им
Приуготовил, что и к чему разузнав – в мышеловку
Или в капкан их ловить лучше...

По сохранившимся фрагментам трудно решить, каким образом тема Геракла-Молорха связывалась с победой колес-

ница египетской царицы, но и здесь выразительна иносказательность мифологических именований. В ст. 8 fr. A поэт использует весьма характерную для его поэтической манеры мифологическую антономасию: «от порожденной быком земли Даная» (Δαναοῦ γῆς ἀπὸ βουγενέος), что попросту означает «из Аргоса» (Ср. «Ассирийская река» вместо «Евфрат» (гимн II, 108), «Асбистийская земля» вместо «Киренаика» (II, 76), «могильный курган Иолка» вместо «могила Пелия» (III, 208) и т. д.). Сохранившаяся строчка «молодая жена, божественный род божественных брата и сестры» (νύμφα κασιγνήτων ἱερὸν αἷμα θεῶν) — также выдержана в традиционном каллимаховском стиле: «νύμφα» для Каллимаха и божественная супруга Зевса — Гера (как в гимне IV, 215) и, как явствует из этого фрагмента, божественная супруга Птолемея III — Береника II.

В наиболее полном виде из III книги дошел отрывок элегии об *Аконтии и Кидиппе* (целиком эта история нам известна из Овидиевых «Героид» — 20 и 21). Сюжет об Аконтии и Кидиппе[130] — традиционный рассказ о любви двух молодых людей, случайно повстречавшихся на празднике в честь Аполлона. Аконтий подбрасывает Кидиппе яблоко, на котором он вырезал надпись: «Клянусь Артемидой, я стану женой Аконтия». Девушка читает надпись вслух и, таким образом, невольно оказывается связанной клятвой. После нескольких перипетий, когда отец Кидиппы хотел отдать ее замуж за другого, а она всякий раз перед свадьбой заболевала, Аконтий и Кидиппа становятся мужем и женой. В каллимаховском фрагменте большую часть текста занимает предсказание Аполлона: с обилием иносказаний, перечислением многих географических и мифологических имен дельфийский Феб предостерегает отца Кидиппы нарушить клятву дочери (перевод О. В. Смыки): «Дочери клятву своей должен исполнить и ты», ведь «взяв Аконтия зятем, — .../ поистине ты в золото вправишь янтарь». (ст. 29–30). Только браки, угодные богам, порождают «немало мужей именитых», великие и слав-

130. В основе истории лежит местное предание о кеосской семье Аконтидов, ранее литературно обработанное кеосским поэтом середины V в. до н. э Ксеномедом. Каллимах указывает на источник, для него здесь главное — демонстрация учености и мастерства.

ные семьи — а они, в свою очередь, основывают счастливые и процветающие города — считает поэт. Заканчивается фрагмент излюбленным мотивом поэта — перечислением большого числа ктистов, основателей городов (ст. 78–79):

О городов основаньях уже я поведал немало,
Ныне кончаю я здесь повести эти мои.

В новое время нехитрая история о любви Аконтия и Кидиппы прибрела популярность в литературе и изобразительном искусстве; Э. Роде[131] выдвинул в свое время гипотезу, что эллинистическая любовная элегия и новелла об Аконтии и Кидиппе, в частности, — первообраз нового жанра — романа. Главное, что дала эллинистическая элегия, по мнению Э. Роде, — это любовная интрига. Ф. Ф. Зелинский[132], соглашаясь с Э. Роде, ту же «Кидиппу» считал «ядром», «родильным зерном» романа. Тогда же было высказано предположение, что в «Причинах» Каллимах переработал и другое местное предание — любовную историю Геро и Леандра. Общность двух новелл говорит об их единой александрийской обработке: первая встреча молодых людей происходит на празднике в честь богини. Это излюбленный мотив александрийской поэзии: на Делосе во время праздника встречаются Аконтий с Кидиппой; в храме Артемиды на празднестве в ее честь встречаются Дельфис и Симайта у Феокрита (идиллия II «Колдуньи»). Второй обязательный мотив для александрийской любовной поэзии: любовь вспыхивает мгновенно и целиком поглощает молодых людей (здесь уместно вспомнить о Медее Аполлония Родосского, которую любовная страсть охватывает сразу). Следующий обязательный и наиболее важный момент — любовная интрига, любовные перипетии, в которые оказываются вовлеченными молодые люди и которые они должны преодолеть.

Новеллы о Кидиппе и Геро — это развитие одной и той же любовной модели, одной схемы, но с разными концами: «Кидиппа» заканчивается счастливым браком, а в «Геро» молодые

131. E. Rhode. Der Griechische Roman und seine Vorläufer. Leipzig, 1876, S. 149.

132. Овидий. Баллады-послания. Перевод со вступительными статьями и комментариями Ф. Ф. Зелинского. М.: изд. Сабашниковых, 1913, с. 278.

влюбленные гибнут. Именно несчастливый конец истории о Геро привлек внимание многочисленных авторов к переработке этого сюжета в новое время[133]. В свое время Овидий в «Героидах» объединил обе новеллы — и о Геро, и о Кидиппе. Авторами четырех последних посланий в его сборнике являются Геро, Леандр, Кидиппа и Аконтий (Ovid. Heroid. 19, 19, 20, 21), что может быть косвенным доказательством единого источника; и на первом месте среди таких возможных источников — «Причины» Каллимаха.

В «Причины» входила также элегия, написанная от имени поэта Симонида — «Могила Симонида», в которой вспоминаются счастливые случаи спасения от гибели, предсказанной или оракулом (об озере Камарина), или достигнутого вмешательством богов (история с Диоскурами).

Фрагменты других элегий, возможно, входивших в III книгу, «*Аргосские ключи*», «*Фригий и Пиерея*», «*Евфикл Локрийский*» — скорее всего объясняли, почему источники в Аргосе носят имена Данаид Амомоны, Фисадеи, Гаппы; как благодаря любви правителя Милета Фригия и красавицы Пиерии из Миунта был положен конец войне между этими городами, почему статуя пятиборца Евфикла, одержавшего победу в Олимпии, пользовалась особым почетом, хотя сначала сограждане решили ее уничтожить и т. д.

Нам неизвестно, в какой последовательности и в какую точно из книг «Причин» входили перечисленные фрагменты, пестрота их содержания говорит с определенностью лишь об одном: Каллимаха привлекало в первую очередь все чудесное и редкое, случившееся давно и сохранившееся лишь в каких-то названиях или обычаях, требующих теперь объяснений.

Самыми крупными и известными отрывками, возможно, из четвертой книги являются: «*Эпиникий Сосибию*», «*Икос*» и «*Коса Береники*». «Эпиникий Сосибию»[134] посвящен победам

133. См.: В. П. Завьялова. Миф о Геро и Леандре в поэзии Михаила Кузмина. Альманах «София», вып. 2. П. А. Флоренский и А. Ф. Лосев. Род, миф, история. Уфа, 2007, с. 273–278.

134. О времени создания эпиникия Сосибию исследователи спорят: одни безоговорочно считают его ранним произведением поэта, другие — столь же категорически — поздним, написанным уже после «Косы Береники». См.: В. Н. Ярхо. История древнегреческой литературы. Обретенные страницы..., с. 185.

в Немейских и Истмийских играх некоего Сосибия, предположительно знатного сановника при дворе Птолемеев. Сосибий, похоже, был известным спортсменом: он еще молодым человеком принимал участие в Панафинейских играх (ст. 34–35; пер. О. В. Смыки):

Мы не сробели тогда перед *мужами и подали повод*
Хору, что к храму Совы толпы веселые вел,
Сладостно грянув победную песнь — Архилоха творенье.

Он одерживал победы и в Александрии, где Птолемей II в 279/278 г. до н. э. учредил состязания в беге для мальчиков (ст. 37–38):

А при тебе, Птолемей, Лага потомок, впервой
В парном забеге стяжали победы мы...

Фрагментарность, большие лакуны не позволяют предположить, насколько в данном случае Каллимах следует Пиндару: удивляет необычное описание радости реки Нил по поводу побед Сосибия (ст. 25–27):

Да, мой питомец блестящую мне возвещает награду,
Так не бывало еще — приз он приносит двойной
С праздников тех погребальных и дарит родимому граду.

Иной характер носит другой дошедший фрагмент из «Причин» — «Икос». Здесь описывается, как Каллимах на симпосии у своего соседа повстречался с неким Феогеном, приехавшим с острова Икос (отсюда название фрагмента). Гость так же, как и Каллимах, «не терпел манеру хлестать по-фракийски — / воду с вином не мешать, малую чарку любил» (ст. 11–12), между ними завязывается застольная беседа («любит беседу вино») (ст. 16), по ходу которой Каллимах задает Феогену очень интересный вопрос о мирмидонце Пелее, отце Ахилла (ст. 23–24; пер. О. В. Смыки):

Чтут почему в отчизне твоей мирмидонца Пелея,
Чем фессалийцы близки жителям Икоса, вам?

Ответ, к сожалению, до нас не дошел, но, похоже, должен был носить ученый характер, как и начальные строчки фрагмента, где хозяин пира, бывший афинянин, вспомина-

ет необычные для жителей Александрии афинские обычаи празднования Анфестерий[135].

Самой известной элегией и, возможно, как было сказано выше, заключительной в «Причинах» была элегия *«Локон Береники»* (иногда ее называют «Коса Береники», «Прядь Береники»). В свое время эту элегию перевел Катулл (стих. 66), до нас же дошел фрагмент не больше 30 строк. Квинтилиан, утверждая, что Каллимах — отец элегии, лучшим в этом жанре у него считал именно «Локон». За основу поэт взял реальное событие: царь Птолемей III Евергет, женившийся на киренской принцессе — дочери Магаса и объединивший, наконец, Киренаику и Египет (для Каллимаха это очень важный личный момент), начал третью Сирийскую войну и предпринял восточный поход в Месопотамию (246–247 г. до н. э.). Его супруга, царица Береника II, в день прощания отрезала косу (или прядь, локон) и возложила ее в храм как залог благополучного возвращения мужа. Но наутро коса исчезла, и придворный астроном Конон объявил царице, что ночью на небе появилось новое созвездие — боги приняли жертву и вознесли косу на небо (ст. 1–5; пер. Ю. Голубца):

> Свод озирая небесный, на линии глядя, где звезды
> Движутся
> . . . . . .
> В небе узрел меня Конон, меня, Береники-царицы
> Прядь, каковую она всем посвятила богам!

Дошедший текст представляет собой монолог косы Береники, в котором то проклинаются халибы, первыми научившиеся выплавлять железо (а отсюда и появившееся оружие), то вспомнается храм Арсинои — Афродиты Зефириты, откуда Зефир и Мемнон, сыновья Эос, вознесли на небо косу Береники, чтобы, как пишет Каллимах, «не одной Миноиды известной в высях мерцали / Кудри» (ст. 24–25). Астрономом Кононом действительно была открыта группа слабых звезд между созвездиями Льва, Девы, Большой Медведицы и Волопаса, которые стали называться с тех пор «Волосы Береники»[136]. (Ин-

135. *Подробный комментарий* В. Н. Ярхо см.: Эллинские поэты, с. 489.

136. Подробнее см.: М. Л. Гаспаров. Комментарий. Катулл. Книга стихотворений..., с. 258.

тересно, что Береника II на печатях того времени изображалась с остриженными волосами и одновременно с атрибутами Деметры, отождествляемой с Исидой[137]).

Перечисленные наиболее крупные фрагменты «Причин»[138] представляют собой некий мозаичный свод самых разнообразных и разнородных повествований, легенд, историй, сюжетов и т. д., где сами темы и образы вызывали бесконечный ряд мифологических ассоциаций. Без пафосности, в спокойной повествовательной манере (почему уже в новое время элегии Каллимаха были названы повествовательными), стремясь идти «своей тропой», избегая общеизвестное и банальное, Каллимах в «Причинах» находит новую форму сочетания «высокого» и «бытового». Искусность вплетения мифологии в самых неожиданных, казалось бы, контекстах, вариативность, игра, предпочтение редкого и малоизвестного — в этом его оригинальность. При этом «дух учености», определивший желание рассказать о началах начал (отсюда этиология «Причин»), превалирует над нарративностью. Здесь, по образному выражению М. фон Альбрехта, Каллимах «разрабатывает поэтическую целину»[139].

2.2. «Гекала»

Не менее известным произведением Каллимаха была гекзаметрическая поэма «Гекала». Возможно, «Гекала» была написана одновременно с первыми двумя книгами «Причин» и также являлась манифестом новой литературной программы. «Гекалу» особенно ценили римские поэты; Кринагор (I в. н. э.) накануне похода Марцелла преподнес ему в дар эту поэму Каллимаха с посвятительной эпиграммой, в которой есть такие стихи (Кринагор, A.P. IX, 545, 1–4); (пер. Л. Блуменау):

137. Подробнее см.: И. А. Ладынин. Оформление культа «Богов-эвергетов» в птолемеевском Египте в 240–230 гг. до н. э. и его египетские коннотации. Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. Под ред. проф. Э. Д. Фролова. Выпуск 4. СПб., 2005, с. 225–238.

138. Интерпретацию некоторых других фрагментов Каллимаха см.: O. Nikitinski. Kallimachosstudien. Studien zur klassische Philologie herausgegeb. M. von Albrecht. Bd. 98. Frankfurt am Main, 1996; он же: Kallimachos und die Tragodoi: zu Kallimachos fr. 192, 12–13. // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. 122, 1998, S. 41–46.

139. М. фон Альбрехт. Ук. соч., с. 318.

Это искуснейший труд Каллимаха, поэма, в которой
Были развернуты им все паруса Пиэрид.
Гостеприимной Гекалы он в ней воспевает жилище,
Славит Фесея дела на Марафонской земле.

В овидиевской Бавкиде (Овидий. Метаморфозы, VIII, 612–752) легко угадывается каллимаховская Гекала. В поэме «Лекарство от любви» (Ovid. rem. am. 747) Овидий еще раз вспоминает Гекалу (пер. М. Гаспарова):

Кто захотел бы Гекалу и кто бы польстился на Ира?
Бедная с нищим, они и впрямь никому не нужны.

О каллимаховской «Гекале» пишут Петроний (Petron. 135, 8), Стаций (Stat. Theb. XII, 581), Апулей (Apul. Met. 123). О ней вспоминают Юлиан и Михаил Хониат.

Фрагменты из «Гекалы» стали одной из первых литературных сенсаций после того, как папирусы из Фаюма и Оксиринха начиная с 70-х годов XIX века стали появляться на каирском рынке древностей. Написанные на деревянной дощечке, возможно, в IV или V вв., они были опубликованы Теодором Гомперцом вместе с другими, известными ранее в 23 томе «Оксиринхских папирусов» (1956 год). «Гекала» считается «типичнейшим александрийским эпиллием»[140].

На путях преобразования традиционного мифологического эпоса почти все александрийцы, тяготевшие к произведениям малого объема, необычным сюжетам повествовательного характера, отдали дань новому жанру, появившемуся в их время — эпиллию. Эпиллий[141] (уменьшительное от ἔπος, букв. «эпосик») — малая эпическая поэма на мифологическую тему, не превышавшая, как считается, 600 стихов. Термин «эпиллий» как жанровое определение впервые употребляется в середине XIX века применительно к LXIV стихотворению Катулла, а затем распространяется на памятники эллинистической поэзии[142]. Опираясь на традиции гомеровского эпоса в выборе

140. И. И. Толстой. «Гекала» Каллимаха и русская сказка о бабе-Яге. И. И. Толстой. Статьи о фольклоре. М.-Л., 1966, с. 125.

141. A. M. Duff. Epyllion. The Oxford classical Dictionary, op. cit., p. 335; В. И. Страдымова. Жанр эпиллия в античной литературе (александрийцы и неотерики). Автореферат на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 1989.

142. H. Haupt. De Catulli carmine LXIV. Diss. Berlin, 1855.

деталей сюжета, в использовании гомеровского языка и стиля, поэты стремились обновить мифологическую тематику введением новых героев, бытовых и психологических подробностей жизни «маленького» человека. Как в одной из элегий «Причин» не Геракл и его подвиги становятся темой произведения, а простой крестьянин Молорх, так в эпиллии «Гекала» героические подвиги Тезея мало интересуют поэта: его героиней становится бедная старушка Гекала, давшая ночлег Тезею. Тезей направляется на битву с чудовищным быком на Марафонской долине, но, застигнутый по дороге ливнем, находит пристанище в убогой хижине Гекалы. Именно этот эпизод становится темой каллимаховского эпиллия.

Известно, что эпиллии писали почти все александрийские поэты, начиная с Филета[143] и кончая Мосхом.

Эпиллий *Филета* «Гермес», известный в пересказе Парфения, повествует о пребывании Одиссея у повелителя ветров Эола. Здесь в Одиссея влюбляется дочь Эола Полимила, но получив заветный мех, Одиссей покидает ее. Разгневанный Эол проклинает соблазнителя, а несчастную Полимилу отдает в жены сыну. Похоже, что главным для Филета в данном эпиллии были страдания и горе Полимилы, а не Одиссей и его приключения.

Феокрит (310–250 гг. до н. э.)[144], расцвет творчества которого приходится на восьмидесятые годы, создает, как известно, совершенно новый и оригинальный жанр в поэзии — буколику. По мнению современных исследователей, тесное общение обоих корифеев (Каллимаха и Феокрита) заключалось в их взаимовлиянии. Давно замечено, что отдельные идиллии Феокрита созданы на границе двух жанров — эпиллия и идиллии. Классическим эпиллием считается, например, XXV идиллия Феокрита, посвященная пребыванию Геракла у Авгия; три отдельных эпизода представляют три разные картины: в первом эпизоде героем оказывается старик земледелец (сразу вспоминается Молорх Каллимаха), во втором рассказывается о богатстве Авгия, в третьем — о поединке Геракла с немей-

143. Предшественницей Филета в этом жанре была поэтесса IV в. до н. э. Эринна, оказавшая определенное влияние на косский поэтический кружок. Подробнее см.: Н. А. Чистякова. Греческая поэтесса Эринна. Вопросы античной литературы и классической филологии. М., 1966.

144. E. A. Barber. Theocritus. The Oxford classical Dictionary, op. cit., p. 892

ским львом. Фрагментарность, несвязность отдельных эпизодов между собой, отсутствие единого общего сюжета — все это дань новым веяниям в поэзии.

К эпиллиям относят также XIII и XXIV идиллии Феокрита — героем в обоих произведениях также является Геракл, но, что существенно, речь идет опять не о его знаменитых подвигах, а выбираются моменты или очень личные (любовь Геракла к юному красавцу Гилу — XIII идиллия «Гилас»), или подробности, связанные с бытовой повседневной жизнью (в XXIV идиллии рассказывается о подвиге, совершенном Гераклом-ребенком, отсюда бытовые подробности из жизни детей)[145]. Нельзя не заметить, что и в этом — внимании к «детской» тематике — Феокрит близок к Каллимаху. В I и IV гимнах Каллимах подробно рассказывает о рождении Зевса и Аполлона, обращая особое внимание на их раннее детство, младенчество, а в III гимне речь идет о малютке Артемиде. Во всех случаях стихи, посвященные детям, детскому возрасту, полны тепла и тонкой наблюдательности.

Нередко можно встретить утверждение[146], что Каллимах был первым поэтом, кто обратился к «детской» тематике — настолько естественны и очаровательны «детские» сцены в его гимнах. Изображение детей, детских сцен, как уже было сказано выше, — характерная черта изобразительного, декоративного искусства этого времени. В поэзии это направление нашло отражение в творчестве Каллимаха и Феокрита прежде всего.

Феокрит в своих эпиллиях не скрывает гомеровской стилизации, пользуясь то эпической ретардацией, то гомеровскими сравнениями и эпитетами, но разрозненность эпизодов, отсутствие единого сюжета, ориентация на фольклорные предания (в случае «геракловых» эпиллиев, например) говорят уже о новом, эллинистическом взгляде на поэзию.

Большое число эпиллиев традиция приписывает *Евфориону* (276 г. до н. э. — год смерти неизвестен)[147]. Евфорион по

145. Анализ идиллий XXV, XXIV, XIII см.: В. И. Страдымова. Жанр эпиллия в античной литературе (александрийцы и неотерики). Автореферат на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 1989, с. 4–6.

146. O. Staehlin. Die Religion des Kallimachos, 1934, S. 381; H. Herter. Kallimachos und Homer. Ein Beitrag zur Interpretation des Hymnos auf Artemis. Bonn, 1929, S. 60.

147. E. A. Barber. Euphorion. The Oxford classical Dictionary, op. cit., p. 346.

приглашению Антиоха Великого работал в антиохийской библиотеке, т. е. формально не принадлежал к александрийской школе, но, как считается, он разделял литературные пристрастия своего земляка Ликофрона и был его последователем. Со времен Цицерона (Тускуланские беседы III, 19, 45) Евфорион считается одним из самых «темных» и «загадочных» поэтов. Дошедшие фрагменты из его эпиллиев «Гиацинт», «Филоктет», «Фракиец», «Александр», «Инах», «Аний», «Журавль» представляют большие трудности в их интерпретации. В мифологии, похоже, Евфориона интересовали сюжеты, имеющие отношение к далекой праистории Эллады. Считается, что во «Фракийце» он собрал мифы о подвигах Ахилла, не вошедшие в «Илиаду»; в «Ание» он перерабатывал редкую легенду о пребывании греков на Делосе у Ания во время их похода к берегам Трои. Но даже используя такие редкие и малоизвестные сюжеты, Евфорион предпочитает описывать их скрытыми мифологическими намеками. Любовные, психологические мотивы разрабатывались, возможно, в таких эпиллиях, как «Александр» и «Журавль»: в первом речь шла о правителе Эвбеи, с женой которого, по замечанию в словаре Суда, у поэта был роман; во втором рассказывалось об очень красивой женщине, которая за дурной нрав была превращена в журавля. Как пишет современная исследовательница[148], для эпиллиев Евфориона характерна патетика, повышенный интерес к темам трагического плана.

К этому ряду эпиллиев относится и каллимаховская «Гекала»[149]. Сохранившиеся фрагменты на папирусе и на деревянных табличках (из Венского собрания) известны в науке, как было сказано выше, немногим более ста лет. Но по пересказу в «Диегезах», по биографии Тезея у Плутарха, по «Метаморфозам» Овидия, по отдельным цитатам у позднейших грамматиков и лексикографов основной сюжет поэмы был известен давно. Главная тема эпиллия, как уже было сказано, — ночлег молодого афинского царевича Тезея у старушки Гекалы. Гека-

148. В. И. Страдымова. Жанр эпиллия в античной литературе ..., с. 6.

149. Подробное, комментированное издание всех фрагментов «Гекалы»: Callimachus. Hecale. edit. with introduction und commentary by A. S. Hollis. Oxford, 1990.

…а радушно принимает героя, заботливо готовит ночлег. Из недавно найденного, но плохо сохранившегося[150] нового папирусного отрывка, явствует, что Гекала рассказывает герою о себе, о своей семье и т. д. В других фрагментах речь идет уже о возвращении Тезея с быком, о радости жителей, избавившихся от соседства со страшным зверем. После лакуны следует рассказ о том, как Афина скрыла в ларце рожденного Землей от Гефеста Эрихтония и поручила дочерям Кекропа стеречь ларец, но дочери Кекропа нарушили волю богини, о чем она узнала от вороны. Затем следует пророчество, по которому оперение вороны должно стать из белого черным. Это наказание птице за то, что она первая извещает Аполлона о неверности его возлюбленной Кориониды. Кто произносит это пророчество — неясно, как неясна связь этих фрагментов с картиной просыпающегося города и с общим содержанием эпиллия[151].

Фрагментарность дошедших текстов из «Гекалы» не позволяет не только представить композицию эпиллия целиком, но мы не можем даже предположить, каким образом отдельные темы связывались между собой, какие и как осуществлялись переходы от одного сюжета к другому. Принято считать, что «Гекала» была написана Каллимахом для объяснения происхождения ежегодных празднеств в Аттике в честь Зевса — Гекалесий. Внимание к бытовым деталям и подробностям (Афиней (Athen. II, 56 c), например, приводит двустишие из «Гекалы», где дается перечень различных сортов маслин), отсутствие патетической героизации (подвиг Тезея остается, скорее всего, «за кадром») говорит о том, что «Гекала» и по направленности, и по манере повествования была новаторским произведением. Скорее всего, новшеством, которое Каллимах стремится здесь четко обозначить на фоне мифологической традиции, является со всеми нюансами и подробностями описанная простая жизнь «маленького» человека.

150. В. Н. Ярхо. Примечания к «Гекале». Эллинские поэты VIII –III вв. до н. э. Эпос, элегия, ямбы, мелика. Издание подготовили М. Л. Гаспаров, О. П. Цыбенко, В. Н. Ярхо. М.: Ладомир, 1999, с. 473–474.

151. Возможно, фрагменты после лакуны представляли собой побочные эпизоды и никак не были связаны с марафонским поединком.

2.3. «Ямбы»

Считается, что в прижизненном издании сочинений Каллимаха вслед за «Причинами» шел сборник ямбов, состоящий из 13 стихотворных произведений и содержащий около тысячи строк[152].

«Ямбами» сборник был назван потому, что туда вошли произведения, написанные ямбами, трохеями, а большинство – холиямбами (хромой ямб), размером, введенным в греческую поэзию Гиппонактом[153]. Само слово χωλός (хромой) применительно к ямбу Гиппонакта впервые употребил Каллимах: «τὰ μέτρα... τὰ χωλά» (Jambes XIII, frg. 203. Pf, 13 sq, 65 sq). Ср.: более обычное и частое употребление – χωλὸς δ' ἕτερον πόδα – «хромой на одну ногу» – Hom. Il. 2, 217; 9, 503; 18, 397; Od. 8,308; Soph. Phil. 484, 1021; Eur. Cycl. 633; позднее, очевидно, стало употребительно χωλὸς τὴν χεῖρα – «хромой на руку», т. е. «увечная рука» – в схолиях к Ar. Av. 1379; у Платона – уже в значении «неполноценный»: χωλὸς ἀνδρεία Plat. Leg. 1, 634). Считается, что в александрийской поэзии не только название, но и сам размер был возрожден Каллимахом.

«Ямбы» Каллимаха, возможно, вдохновили Горация на создание его «Эподов» – для обоих поэтов характерна сознательная забота о разнообразии[154], «техническую выучку», как считается, Гораций проходит у эллинистических поэтов и, в первую очередь, на «Ямбах» Каллимаха.

Текст самих ямбов сохранился плохо, и только благодаря папирусным комментариям мы можем судить о содержании каждого из них. О. Массон[155], подробно исследовавший дошедшие ямбические фрагменты Каллимаха и других ямбографов

152. Наиболее полное издание «Ямбов»: Arnd. Kerhecker. Callimachus' Book of Jambi. Oxford, 1999. В отечественном антиковедении ямбы Каллимаха исследуются в диссертации О. Д. Никитинского «Мифическое прошлое в поэзии Каллимаха и его современников (филологические разыскания к некоторым мифологическим фрагментам Каллимаха)». М., 1997.

153. Исследователи не раз отмечали использование Каллимахом гиппонактовских мотивов, а его пятый ямб, как считается, «мастерское подражание Гиппонакту» (R. Kassel. Kleinigkeiten zu den Kallimachosfragmenten // Rheinisches Museum. Bd. 101, 1958, S. 235).

154. М. фон Альбрехт. История римской литературы. Ук. соч., т. II, с. 783.

155. O. Masson. Les Epodes de Strasburg: Archiloque ou Hipponax? Et quelques problèmes relatifs au textes d'Hipponax. Revue des Etudes Grecques, 59–60; 1946–47, p. 8–27.

(Архилоха и Гиппонакта прежде всего) считал, что в «Ямбах» Каллимаха можно выделить три группы: 1) стихи, написанные холиямбами; 2) стихи, написанные разными размерами; 3) стихи, написанные разными размерами и представляющие вариации ямбов.

Ямбография во времена Каллимаха была представлена очень широко — ямбами написана поэма на вполне традиционный мифологический сюжет современником и коллегой Каллимаха по работе в Библиотеке — *Ликофроном*. В его поэме «Александра» речь идет о бесконечном ряде предсказаний Кассандры о судьбе Трои и героев Троянской войны; попутно Ликофрон приводит массу мифологических, исторических и географических сведений. Поэма не отличается особыми достоинствами в поэтическом отношении, за сложность и вычурность языка, массу малопонятных намеков еще в древности Ликофрон и его поэма были названы «темными».

Ямб был излюбленным размером другого современника Каллимаха — *Герода* (или Геронда, III в. до н. э.)[156], и даже не просто ямб, а холиямб. Этот размер Герод сочетал с сильно архаизированным ионийским диалектом, вышедшим из употребления несколько столетий тому назад. Внимание в «Мимиямбах» Герода сосредоточено на быте, бытовых деталях и т. д., но даже в повседневном быту Герод выбирает нечто исключительное, вызывающее удивление и смех, — этим он был близок к комедии[157].

К ямбографии относят обычно творчество *Сотада* и поэтов-киников[158], создавших в это время новый жанр — диатрибу: проповедь на философско-моральные темы в форме дискуссии с воображаемым собеседником. Но творчество оппозиционно настроенного к Птолемею Филадельфу Сотада с его пристрастием к низовым, даже скабрезным сюжетам, как и творчество поэтов-киников, были чуждыми Каллимаху.

156. W. Beure. Herodas (Herondas?). The Oxford classical Dictionary, op. cit., p. 420–421. См. также: Герод. Мимиямбы. Пер., ред. и предисл. Б. В. Горнунга. М., 1983. Мимиямбы. Менандр. Комедии. Пер. Г. Ф. Церетели и С. Апта. М., 1964.

157. Н. А. Чистякова. Эллинистическая поэзия. Л., 1988, с. 133–136.

158. О киницической литературе подробнее см.: Антология кинизма: Фрагменты сочинений кинических мыслителей. Антисфен, Диоген, Кратет, Керкид, Дион. Изд. подготовил И. М. Нахов. М., 1984; И. М. Нахов. Поэзия протеста и гнева (Сотад, Феникс, Керкид). Вопросы классической филологии, № 5.

Из сохранившихся фрагментов «Ямбов» Каллимаха явствует, что и в этом жанре он нашел свой путь; его ямбы тяготели скорее к народному, фольклорному началу, чем к какому-либо из перечисленных выше. Лучше других сохранились фрагменты из Ямбов I и IV[159]. Первый фрагмент носит название «*Кубок Бафикла*» (Батикла). Явившийся с того света Гиппонакт призывает современных Каллимаху ученых не вздорить между собой, помня о семи мудрецах, которым сыновья Бафикла после его смерти пытались поочередно вручить кубок отца как символ признанного мудреца, но каждый из них отсылал кубок другому, считая его более достойным. Фрагмент начинается так (пер. О. В. Смыки):

Я — Гиппонакт! Внимайте! Я сейчас прибыл
Из мест, где ни за грош себе быка купишь.
Несу свой ямб, но не о том мои ямбы,
Как бился я с Бупалом (с тем, что был скульптор).

Далее описывается путешествие кубка от Фалеса к Бианту, от Бианта к Солону, от Солона к Хилону. В конце концов кубок опять возвращается к Фалесу, признанному таким образом мудрейшим дважды (ст. 58):

Фалесу той порой вернулся дар снова...

Знаменитейшим ямбическим произведением Каллимаха была поэма, сохранившиеся фрагменты которой носят название «*Спор лавра и маслины*». Уже начало фрагмента напоминает некий фольклорный зачин (пер. О. В. Смыки)[160]:

С оливой спор у лавра был, о том басня
У древних есть лидийцев...

Лавр и маслина спорят друг с другом, кто из них важнее. Лавр кичится почетом своей священной зелени, а маслина

159. Пересказ и анализ ямбов V и XII см.: В. Н. Ярхо. История древнегреческой литературы. Обретенные страницы. М.: Лабиринт, 2001, с. 173–174. Интересную интерпретацию XII ямба дает Н. А. Чистякова; по ее мнению, этот ямб «приблизил разгадку тайны четвертой эклоги Вергилия, создавшей у апологетов христианства для Вергилия репутацию боговдохновенного пророка, предсказавшего рождение Христа». (Н. А. Чистякова. Эллинистическая поэзия. Л., 1988, с. 70).

160. См. также перевод фрагмента «Лавр и Олива» (frg. 194 PF) М. Л. Гаспарова (Античная басня. Пер. с греч. и лат. М. Гаспарова. М.: Худ. лит-ра., 1991, с. 196–198).

гордится пользой своих плодов. Один из аргументов у оливы такой (ст. 53–55):

«Кто дал оливу?» — «Зевса дочь, когда спор их
За берег Аттики с самим царем моря
Судил Кекроп-змея, из-под земли выйдя».

Так искусно Каллимах вводит традиционный миф о споре Афины и Посейдона за обладание Аттикой. Примирить оливу и лавр пытается терновый куст (ст. 77–84):

...«Несчастный, прекрати споры,
Не то на радость будет всем врагам нашим
Друг друга вечно в злобе порицать гневно».

Но, кажется, это ему не удается, ведь:

Лавр, напрягшись весь, как бык, взглянул дико
На куст колючий и сказал ему: «Подлый
Предатель! Нам почетом ты уже равен?
Нет, Зевс, спаси! И без того ты мне ходу
Своим соседством смрадным не даешь вовсе».

Данный фрагмент интересен тем, что в аллегорической форме с элементами фольклора воспроизводит, скорее всего, литературную полемику между Каллимахом и его противниками, и, как пишет Н. А. Чистякова[161], «...каково бы ни было содержание полемики, фольклорное происхождение поношений и айсхрологии остается у Каллимаха на поверхности, неизменной сохраняется также исконная образная и лексическая тема». И здесь Каллимах верен своей иносказательной поэтической манере: «Зевса дочь» вместо «Афина» — скажет поэт, — «царь моря» вместо «Посейдон» и т. д.

2.4. Мелика

В словаре «Суда» о Каллимахе сказано, что он сочинял поэмы в самых разных размерах (... ποιήματα εἰς πᾶν μέτρον — suid. v. Καλλίμαχος — Pfeiff. Test. № 1). Он легко владел различными поэтическими диалектами (в его гимнах часто встречаются доризмы, а V и VI гимны целиком написаны на дорийском диа-

161. Н. А. Чистякова. Эллинистическая поэзия. Ук. соч., с. 73.

лекте — родном для поэта), мастерски использовал разные стихотворные размеры вплоть до самых редких: хориямб, архебулейон, еврипидовский четырнадцатисложник, архилохову строфу, каталектический трохеический триметр и др.[162] Как известно, меликой (от μέλος — песнь) греки называли поэзию, которая в наше время называется «лирикой», истоки ее уходят в VII в. до н. э.; и по своим функциям, и исполнению мелика делилась на две ветви — хоровую и сольную. Особым метрическим разнообразием отличалась мелика сольная; ко времени Каллимаха она утратила свой «певческий» характер и превратилась в поэзию для чтения. Считается, что наряду с гексаметрическими, ямбическими, элегическими произведениями у Каллимаха были 4 мелических поэмы (т. е. поэмы, написанные лирическими метрами) — об этом сообщают папирусные комментарии, но дошли из этих поэм лишь отдельные фрагменты. Сравнительно недавно стал известен фрагмент из лирической поэмы, который назван *«Бранх»* по имени юноши из Милета. Из содержания фрагмента ясно, что дед Бранха — по имени Дайт, был сыном дельфийского жреца, сам он стал любимцем Аполлона. Здесь Каллимах опять возвращается к своей излюбленной теме: Аполлон — Номий, Аполлон — покровитель стад, отвратитель болезней (пер. О. В. Смыки):

Да не падет мор на стада четвероногих
хищный мор проклятый...

Мифология Аполлона наиболее близка Каллимаху, все, что связано с Аполлоном, переживается Каллимахом глубоко и личностно, ведь Аполлон — покровитель его родного города Кирены. Бранх — любимец Аполлона, ему Аполлон велел построить храм в Дидимах и научил пророчествам, поэтому к нему мольбы прежде всего (ст. 3–4):

Юноша, ты, сердцем моим трижды любимый, отврати
несчастье.
Тучный мой скот пусть без вреда травку зеленую мирно
поедает.

После лакуны, похоже, сам Аполлон говорит о древнем и почетном роде Бранха (ст. 7): «Отчий твой род к Дайту идет...»

162. Бруно Снелль. Греческая метрика. Перевод Д. Торшилова. М.: ГЛК Ю. А. Шичалина, 1999, с. 57–58.

Далее, возможно, речь шла об учреждении святилища Аполлона в лесу, где бьет двойной ключ из земли и где в честь Аполлона высаживается лавр, хотя неопределенность контекста позволяет судить об этом лишь предположительно.

2.5. Эпиграммы

На протяжении всей жизни Каллимах писал эпиграммы. Именно в этом жанре, таком же древнем и традиционном, как эпос, отличавшемся самым широким разнообразием тем, Каллимах последовательнее, чем в каком-либо другом, мог реализовать свое мастерство, любовь к небольшим, изящным и отточенным произведениям. Как было уже сказано выше, столетия спустя Марциал (IV, 23) называл Каллимаха первым и главным поэтом в этом жанре[163].

До нас дошел достаточно большой сборник эпиграмм Каллимаха – 64 стихотворения. Можно предполагать, что они были собраны в отдельную книгу уже при жизни поэта или сразу после его смерти. Очевидно, из этого собрания в начале I в. н. э. Мелеагр из Гадары (ок. 140–70 гг. до н. э.), сам крупнейший поэт-эпиграммист, выбрал и поместил в свой сборник, названный им «Венок», некоторое количество эпиграмм александрийца. Среди других сорока семи авторов, творчество которых Мелеагр сравнивал с каким-либо цветком (почему, как известно, и весь сборник назван «Венок»), эпиграммы Каллимаха получили сравнение со «сладостным миртом», к запаху которого примешан запах и вкус «терпкого меда».

Об эпиграммах Каллимаха упоминает Афиней (Athen, XV, 669 B), когда речь заходит о кинике Теодоре; эпиграммы пересказывал, как и другие произведения Каллимаха, Мариан (Suid. S. v. Μαριανός); один из первых комментаторов Калли-

163. Об эллинистической эпиграмме подробнее см.: Н. А. Чистякова. Греческая эпиграмматическая поэзия VIII–III вв. до н. э. Опыт анализа происхождения и основных этапов развития. Л., 1974; Автореф. докт. дисс; А. Ф. Лосев. Эллинистическая эпиграмма; А. Ф. Лосев. ИАЭ. М., 1979. Влиянию Каллимаха-эпиграмматиста на римских авторов посвящена I глава диссертационного исследования А. И. Любжина (А. И. Любжин. Влияние греческой эпиграмматической поэзии на латинскую. Техника поэтического перевода. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 2000).

маха – Архибий, как сообщает Суда (Suid. S. v. Ἀρχίβιος), составил ἐξήγησιν эпиграмм; об эпиграммах Каллимаха пишет Плиний в письме к Антонину (Plin. epist. IV, 3, 3).

Собраний-антологий эпиграмм, начиная с мелеагровской, в античности было несколько, известны антологии Филиппа Фессалоникского (I в. н. э.), Агафия Схоластика (VI в. н. э.). Но ни одна из этих антологий в своем первоначальном виде до нас не дошла. Считается, что в X в. н. э. Константин Кефала, работавший с этими антологиями, на их основании составил свою, состоящую из пятнадцати книг. Собрание Константина Кефалы, получившее впоследствии название Палатинской антологии (поскольку оно было обнаружено в 1606 г. в гейдельбергской Палатинской библиотеке), содержало 23 эпиграммы Каллимаха. К собранию Кефалы в 1299 году Максим Плануд добавил еще 58 эпиграмм, выбрав их из Диогена Лаэртского, Гефестиона и других источников. Таким образом, прототипом всех современных изданий эпиграмм Каллимаха являются Палатинская антология и антология Плануды[164], хотя не все эпиграммы в новое время были признаны каллимаховскими. Порядок эпиграмм – смешанный, каждый издатель группирует их по-своему.

По традиции все эпиграммы издают вместе с гимнами, хотя начиная с XVIII века в различные антологии включается то или иное число эпиграмм Каллимаха. В XVIII веке они вошли в издания: P. Pertonius (1743 г.); F. Jacobs (Lipsiae, 1794 г.); в XIX веке: H. Kynaston (London, 1880 г.) в XX в.: J. Geffcken (Heidelberg 1916 г.); A. S. F. Gow – D. L. Page (Cambridge, 1965 г.); J. Clack (Pittsburg, Penn., 1982 г.); D. L. Page (Oxonii, 1975 г.)[165].

Древние не связывали с эпиграммой того представления, которое в настоящее время имеем мы об этом жанре; греческая эпиграмма практически никогда не заканчивалась чем-то

164. Подробнее см.: Н. А. Чистякова. Греческая эпиграмма. СПб.: Наука. 1993, с. 367–369. В целом, антологии греческих эпиграмм в современных изданиях содержат более 6000 стихотворений различных авторов, начиная с VII в. до н. э. по X в. н. э.

165. В последней библиографии (A Hellenistic Bibliography: Calimachus 1996–2000) указаны издания: Pagonari-Antonioni, Persefoni (ed. fr.) Kallimachou epigrammata. Eisagogē, keimeno, metafrase, scholia. Athenae, 1997 (Klassiki vivliothiki Kardamitsa); L. Coco (el tr. comm.). Callimaco. Epigrammi. Premessa di E. Degani, Manduria, 1988.

острым и неожиданным, условия жанра были полностью соблюдены, если предмет изображения был выражен с изяществом и точностью. Греческая эпиграмма, появление которой связывается с распространением первой алфавитной письменности в конце IX – начале VIII в. до н. э.[166], пройдя длительный путь развития, в эпоху эллинизма превращается в своего рода лирическую поэзию, охватывающую все стороны общественной и частной жизни. Изначальная краткость, лаконичность эпиграмм теперь приобретает небывалую пестроту формы: эпиграммы пишут гекзаметрические (это традиция), элегическим дистихом, ямбом, трохеем и т. д. (ср., например, эпиграмму Феокрита на статую драматурга Эпихарма). Нередко эпиграмма приобретала диалогичесую форму (ср. эпиграмму Каллимаха «*Эпитафия Хариданту*» или эпиграмму Посидиппа «Случай Лисиппа» и др.).

Эпиграмматическая поэзия эпохи эллинизма представлена большим числом авторов; наряду с Каллимахом крупнейшими представителями этого жанра были Асклепиад, Гедил, *Посидипп*, *Леонид Тарентский*. Сравнительно небольшое число эпиграмм сохранилось из литературного наследия Александра Этолийского, Феокрита, Арата, Гегесиппа, Евфориона и др.

Основная заслуга создания эпиграмм как особого эллинистического жанра, «в котором *закрепилась своеобразная* локальная и темпоральная реальность пиршественного бытия»[167] принадлежит *Асклепиаду Самосскому* (первая половина III в. до н. э.) Он жил на несколько десятилетий раньше Каллимаха, принадлежал к старшему поколению эллинистических поэтов, был близок к Филету и его косскому кружку. Из его произведений сохранилось около 40 эпиграмм, свыше тридцати из них признаются теперь авторскими; Мелеагр в свое собрание включил 26 его эпиграмм, остальные эпиграммы были добавлены из других источников. Главная тема для Асклепиада – любовь и наслаждение жизнью, излюбленные мотивы – гетеры, шаловливые Эроты, юные, влюбленные поэты, застольные темы.

166. Н. А. Чистякова. Греческая эпиграмма. Греческая эпиграмма, СПб.: Наука, 1993, с. 325.

167. Н. А. Чистякова. Греческая эпиграмма VIII–III вв. до н. э. Л.: Изд-во ЛГУ, 1983, с. 162..

В каждой эпиграмме поэт стремился зафиксировать конкретную ситуацию, момент, почти каждая из его эпиграмм – яркая жизненная картинка, облеченная в чеканную поэтическую форму. Сюжетами своих стихов, созданными образами (например, крылатый бог любви Эрот с колчаном и луком) Асклепиад оказал большое влияние на последующее развитие эпиграммы: ему именем называется определенный стихотворный размер. И главное, в поэзии Асклепиада, как пишет Н. А. Чистякова[168], совершенно явственно происходит размежевание человеческого и божественного миров и, как следствие, снижение образов богов, а с переоценкой недавних духовных ценностей – нарушение гармонии художественного сознания, которое «эллинистический человек компенсировал... иронией и даже дискредитацией всего того, что связывалось с этими богами и фиксировалось в традиции». Этот вывод, подтверждаемый эпиграмматическим творчеством Асклепиада, а также близких к нему Посидиппа и Гедила, важен для понимания художественно-эстетических ценностей той среды, в которой Каллимах прославился не только как поэт-элегик, но и как эпиграмматист.

Близость литературного творчества Каллимаха с известными эпиграмматистами III в. до н. э. *Гедилом* и *Посидиппом* подтверждается общностью тематики: все трое посвящают, например, эпиграммы в честь храма Афродиты на полуострове Зефирии (северная Африка), где с 70-х годов III в. до н. э. богиня почиталась под именем Арсинои Зефириты, (в честь Арсинои II, сестры и жены Птолемея II). Откровеннее других пишет Посидипп (пер. Л. Блуменау):

> В храм Филадельфовой славной жены Арсинои-Киприды
> Морем и сушей нести жертвы спешите свои.

У Гедила в эпиграмме «Ктесибий» прославляется рог для вина, изобретенный Ктесибием, и посвященный в этот храм. Для Каллимаха в эпиграмме «Дар девушки»[169] «обомшелый моллюск», «ракушка» – приношение некоей девушки Селены в «святилище новое» Киприды – прекрасный повод, чтобы вспомнить и Арго, и город на Кеосе – Иулиду, и богиню Га-

168. Н. А. Чистякова. Греческая эпиграмма. Греческая эпиграмма. СПб.:Наука, 1993, с. 165.

169. Эту эпиграмму цитирует Афиней (VII, 106, b-c-d).

Само приношение — «забава смешная» — ничтожно, да- ...альциона вить гнезда в нем не стала, но богатая фантазия ...а с известной долей иронии и насмешки, опоэтизирова- ...же этот бедный дар, как будто поэт решал своеобразную ...тическую задачу: чем ничтожнее предмет, тем пышнее его ...исание.

Как в любом другом греческом жанре, «поэты-эпиграмматисты ...мствуют друг у друга темы и сюжеты, — пишет ... А. Чистякова[170], — они предаются увлекательной игре, в кото- ... и каждый из них старается по-разному описать одно и то же, ...расцветив ситуацию новыми тонами и подробностями, внеся ...нечто оригинальное, свое». Разные варианты эпиграмм, напри- ...мер, посвященных Тимону-мизантропу, встречаются у Каллимаха и эпиграмматиста в III до н. э. Гегесиппа. Каллимах (пер. Л. Блуменау):

Тимон, ты умер, — что ж лучше тебе или хуже в Аиде?
— Хуже: Аид ведь больше людьми населен.

или:

Не говори мне «привет». Злое сердце, ступай себе мимо.
Лучший привет для меня, коль не приблизишься ты.

Гегесипп (пер. Л. Блуменау):

Сплошь окружают могилу волчец и колючий терновник, —
Ноги изранишь себе, если приблизишься к ней.
Я обитаю в ней, Тимон, людей ненавистник. Уйди же!
Сколько угодно кляни, жалуйся — только уйди.

Считается, что самым одаренным среди поэтов-эпиграмматистов, современников Каллимаха, был *Леонид Тарентский* (~300–270 гг. до н. э.)[171]. До нас дошли почти 100 его эпиграмм. Леонид — представитель совсем другого направления, нежели Асклепиад и поэты его круга. Эпиграммы Леонида посвящены жизни и труду людей социальных низов (сам поэт рано покинул родину — южноиталийский город Тарент и

170. Н. А. Чистякова. Греческая эпиграмма. Греческая эпиграмма. СПб.: Наука, 1993, с. 353.

171. Подробнее см.: И. М. Нахов. К характеристике Леонида Тарентского. Проблемы античной культуры. Тбилиси, 1975.

вел жизнь странствующего поэта-бедняка). Героями эпиграмм Леонида становятся пастухи, ремесленники, рыбаки, охотники, земледельцы. При этом описание трудной и безрадостной жизни бедняков Леонид облекает в торжественный стиль, пишет вычурным языком, что роднит его творчество с ученой александрийской поэзией.

Но даже на фоне столь блистательных имен эпиграммы Каллимаха отличаются особой авторской интонацией. Эпиграмма скорее всего могла привлечь Каллимаха тем, что, окончательно оторвавшись от предмета, от надписи (посвятительной, ритуальной или какой-либо другой), она превратилась в книжную поэтическую миниатюру, дававшую самые широкие возможности для самовыражения, передачи личного настроения и т. д. Недаром еще Андре Шенье[172] писал по поводу каллимаховских эпиграмм: «Я видел уже давно, что многие из его эпиграмм — фрагменты элегий».

В каллимаховских эпиграммах не только ощущается присутствие автора, авторское отношение; в них он делает еще более решительный шаг, по сравнению с Асклепиадом и другими современными эпиграмматистами, в сторону личностной, индивидуальной поэзии. Если в эпитафии отцу, автоэпитафии поэт намеренно старается быть отстраненным, не выходить за рамки жанрового канона, не дать волю личному чувству, то в эпиграммах, посвященных земляку Феэтету, на поэму Арата, а особенно на смерть друга Гераклита, личное отношение и личные переживания героя — реальная действительность самого Каллимаха. Весть о смерти галикарнасского друга заставила не просто пролить слезы скорби и жалости — с грустью он тут же вспомнил о вечерах, проведенных вместе, о дружеских беседах, о «соловьиных песнях» друга, которые, по его мнению, будут жить вечно. Впервые в эпиграмматической поэзии поэт подчеркивает в стихах свою реальную близость или знакомство с людьми, которым они посвящаются — нередко это будут его земляки из Кирены (ср. «Эпитафия Хариданту», «Эпитафия Басило», «Эпитафия Тимарху» и др.).

Как и большинство эпиграмматистов, Каллимах много и охотно пишет о любви (любовная тематика — одна из древ-

172. A. Chénier. Oeuvres complètes. Notes philologiques. Paris, 1950, p. 763–764.

нейших и постоянных составляющих этого жанра), но любовное чувство у Каллимаха ассоциируется не с шаловливым, беззаботным Эротом, как у Асклепиада или Леонида Тарентского («Я не обижу Эрота: он сладостен...»), для Каллимаха *любовь* – болезнь, страдания; любовь иссушает, глубоко ранит, приносит боль (пер. Ю. Голубца):

Рану глубокую гость скрывает... Смотри, как он дышит
Тяжко, как больно ему... Третью подносит к устам
Чашу. Как алчно он пьет – и вплетенный в зеленые стебли
Розы летят лепестки. Как он поник головой.
О, как иссох он...

или

О, Клеоник фессалиец! Увы тебе – солнцем клянуся,
Не узнаю я тебя, жалкий, что сталось с тобою?
Кожа да кости остались одни. Неужто мой демон
Мучит? Иль жребий какой выпал тебе от богов?
А... понял я: тебя Евксифей похитил! Красавца
Как только ты увидал, сразу, несчастный, пропал.

(Ср. также эпиграммы: 1–11)

Каллимах, вслед за Асклепиадом, вводит в эпиграмму песнь перед закрытой дверью, входившую некогда в ритуал симпосиев, а теперь, в эпоху эллинизма, все чаще являющейся темой книжной эпиграммы (пер. Л. Блуменау):

Пусть и тебе так же спится, Конокион, как на холодном
Этом пороге ты спать здесь оставляешь меня!

Многочисленны и разнообразны у Каллимаха посвятительные эпиграммы, надписи на приношениях Деметре, Афродите, Артемиде, Асклепию, Диоскурам, Дионису, Музам, Илифии, Гераклу. Следуя канонам этого жанра, в посвятительных надписях нужно было назвать имя дарителя, его отца, происхождение; именование божества, сопровождающееся культовым эпитетом, обычно связывалось с просьбой дарителя. Надпись воспринималась «голосом» этого дара, который был принесен богу. Каллимах в своих посвятительных эпиграммах чаще оставляет главное: имя дарителя и имя того божества, которому что-то посвящается (пер. Ю. Шульца):

Здесь, Артемида, тебе эта статуя — дар Филареты.
Ты же, подарок приняв, деве защитницей будь!

Сама просьба, в зависимости от божества, кому совершается приношение, давно уже стандартизировалась: если это приношения Илифии, то непременно следует просьба о легких родах (ср. «Илифии — Ликонида»), если Асклепию — мольба о выздоровлении («Асклепию — Аксон») и т. д. Известный интерес представляет разнообразие посвятительных даров: медный петух (Диоскурам — Евенет), маска Диониса (Музам — Сим), повязка, факелы, тирс (Афродите — Симона), ветвь дуба (Дар Гераклу), десятина доходов (Деметре — Тимодем), двадцатифитильный светильник (мольба об исцелении), обомшелый моллюск (Дар девушки), солонка (Диоскурам — Евдеи) и т. д. Об эллинистической, скорее даже александрийской специфике говорят эпиграммы, посвященные Серапису и Исиде («Дар матери Ирины»; пер. Л. Блуменау):

Менит из Дикта в храме сложил свои доспехи
И молвил: «Вот, Серапис, тебе мой лук с колчаном.
Прими их в дар. А стрелы остались в гесперитах»

Древнейшими корнями эпиграмма восходит к эпитафии — надгробной надписи; теперь, в эпоху эллинизма, литературная, книжная эпитафия может сохранять лаконичность высеченной на камне надписи (пер. Ю. Шульца):

Немногословен был гость, и поэтому стих мой короток:
Сын Аристея Ферид, с Крита, *достаточно слов.*

Но гораздо чаще, с очевидностью обнаруживая свою книжность, литературность, эпитафия у Каллимаха становится пространной, фиксирующей, например, горе отца, потерявшего в один день и сына, и дочь; или горе мужа, внезапно овдовевшего, и т. д. (пер. Е. Свиясова):

Утром мы с Меланиппом прощались. А с солнца заходом
Девушке было невмочь на костер внести братнее тело.
Горе двойное вошло в дом Аристиппа отца.
Горько Кирена рыдала, и трудно было не плакать,
Видя такую семью, ставшей бездетной теперь.

Наряду с безымянными эпитафиями — утонувшему, жрице, безжалостной гетере, в большинстве эпитафий Каллимах называет имена умерших, в честь кого *он сочиняет свои стихи*. Печаль и жалость по поводу безвременной кончины этих людей — постоянный авторский рефрен: «Трудно было не *плакать*», «*Вдовым оставшийся муж*, как же ты должен скорбеть!», «С плачем сегодня тебя мы земле предаем», «Чувствуют жалость соседи» и т. д. Но нередко авторская ирония и насмешка окрашивает даже и такие печальные стихи, ставшие теперь книжной пародией, сатирической эпиграммой (пер. Ю. Шульца):

Пьяницу Эрасиксена винные чаши сгубили:
Выпил несмешанным он сразу две чаши вина.

Застольные эпиграммы, восходящие к пиршественным схолиям, традиционны для литературной эпиграммы; шутливые или серьезные тосты, пирующие друзья, розыгрыши, любовные шутки — обычные мотивы в эпиграммах этого рода. Для Каллимаха они — та художественная *действительность*, в которой он еще раз может показать себя мастером стилизации, учтя все нюансы этого жанра (пер. Ю. Голубца):

Снова налей и воскликни: «Мы пьем за Диокла!» Заздравных
Чаш в застолье моем знать Ахелой не хотел.
Юноша мил и красив, Ахелой, а кто не согласен —
Что ж, пускай я один буду знаток красоты!

Писал Каллимах также эпиграммы описательного и увещевательного характера, к ним можно отнести эпиграмму «Совет перед женитьбой» и др.

Для понимания литературной программы, основных художественных принципов всего поэтического творчества Каллимаха, безусловно, важнейшую роль играют эпиграммы, в которых он со всей четкостью и серьезностью говорит о своих приоритетах в поэзии. Как справедливо пишет Т. Г. Мальчукова[173], «если для Эсхила подвиг марафонского бойца несопоставим с сочинением трагедий, то для Каллимаха собственное поэтическое искусство, побеждающее зависть противников,

173. Т. Г. Мальчукова. Литературная критика в эпиграмме. Древнегреческая литературная критика. М., 1975, с. 320.

равноценно воинским победам его деда-стратега («Эпитафия отцу») и потому достойно упоминания в надгробной надписи («Автоэпитафия»)».

Известнейшей из программных произведений поэта является эпиграмма «Кикликов стих ненавижу» (пер. Л. Блуменау):

Кикликов стих ненавижу, дорогой идти проторенной,
Где то туда, то сюда толпы бредут, не хочу.
То, что нравится многим, не мило мне; мутную воду
Пить не хочу из ручья, где ее черпают все.

Сюда же можно отнести эпиграмму «Состязание поэтов».

Конечно, эпиграмма для Каллимаха – древнейший жанр, традиции которого он хорошо знает, и мотивы, восходящие к Гиппонакту – эпиграмма «Бедность» («Пусто в моем кошельке, я знаю...»), или Архилоху («Снова налей и воскликни...» – «Тост в честь любви»), или любому другому древнему поэту, для Каллимаха обязательная жанровая условность, в рамках которой, пользуясь традиционным языком и традиционной поэтической техникой, он говорит о своем времени, о себе[174].

174. В наиболее полном виде критическая литература к эпиграммам Каллимаха представлена: Luigi Lehnus. Bibliografia Callimachea 1489–1988; Università di Genova Facoltà di Lettere, 1989, p. 278–310. В последние 1,5–2 десятилетия эпиграммы привлекали внимание исследователей чаще с текстологической точки зрения.

Кроме того, есть целый ряд публикаций, посвященных интерпретации отдельных эпиграмм или их групп: Enrico Livrea. The epigrammi funerati Callimachei, Hermes, 118, 1990, S. 314–324; Enrico Livrea. Per l'esegesi di due epigrammi callimachei (8e 41 Pf). Philologus, 140, 1996, p. 63–72; Mariana Baluta-Scultéty. Le lexique poétique dans les épigrammes funéraires de Callimaque: determinants temporels. Revue roumaine de linguistique, 38, 1993, p. 31–36; Mariana Baluta-Skultéty. Le lexique poétique dans les épigrammes funéraires de Callimaque. Philologus, 140, 1996, 73–91. В данном разделе даны переводы эпиграмм: AP V, 23; AP VI, 347; AP XIII, 7; AP VII, 47; AP VII, 517; AP VII, 454.

ГЛАВА 3

ГИМНЫ КАЛЛИМАХА

1. ГИМН КАК ЖАНР

...καί τι ἦν εἶδος ᾠδῆς εὐχαὶ πρὸς
θεούς, ὄνομα δὲ ὕμνος ἐπεκαλοῦντο
Plat. Leg. III, 700 b

Гимническая традиция в греческой литературе огромна и прослеживается на протяжении всей античности, уходя своими истоками в догреческую, микенскую культуру[1]. Имена первых гимнографов называют Геродот и Павсаний: Олен, Памф, Орфей, Лин, Мусей, Меланоп, Филаммон и др. Эти имена, как и мифические подробности, с ними связанные, носят легендарный характер. Геродот к традиции относится серьезно; следуя своему основному принципу «передавать все, что рассказывают» (Herod. VII, 152), он пишет, что Олен прибыл на Делос из Ликии и сочинил древнейшие гимны (Herod. IV, 35), что Мусей — реальный поэт, прорицатель; Геродот верит в существование сборника его пророчеств, которые дважды сбылись во время греко-персидских войн. (ср. Herod. VII, 6; VIII, 96; IX, 43) и т. д.

Для Павсания, ученого писателя, историка и археолога, вся эта древность — особый объект беллетризации; поставив задачу возродить старинный жанр периэгезы, он вслед за первыми прозаиками-логографами, Геродотом и др. авторами намеренно сплетает миф, легендарное предание и собственно историю воедино. Его увлекает сказочная, бесконечно далекая архаика, когда, скажем, поэт-гимнограф Филаммон считался сыном самого Аполлона (Paus. II,37,3), а у Мусея, согласно преданию, были крылья и он мог летать (Paus. I, 22,7) и т. д. Конечно, сведения, сообщаемые Геродотом и Павсани-

1. Одно перечисление греческих авторов, писавших гимны (гекзаметрические и мелические) и их изданий у К. Кейснера занимает несколько страниц. См.: K. Keyssner. Gottesvorstellung und Lebensauffassung in griechischen Hymnus. Würzburger Studien zur Altertumswissenschaft. Hf. 2. Stuttgart, 1932, S. XI–XVI.

ем, противоречивы и значительно расходятся между собой. Например, для Геродота (Herod. II, 79) – Лин – единственный сын первого египетского царя. Его безвременную кончину египтяне чествовали жалобными песнями. Их первая песнь получила распространение в Финикии, на Кипре и в других местах. «Хотя, – пишет Геродот (Herod. II, 79), – у разных народов она называется по-разному, но это как раз та же самая песнь, которую исполняют и в Элладе и называют Лином». У Павсания Лин – сын Музы Урании, внук Посейдона, который заслужил величайшую славу за свою музыку, превзойдя в этом искусстве всех предков и современников (Paus. IX, 29, 3).

Древнейшие предания подобного рода, *скорее* всего, могут подтвердить лишь одно: глубочайшие архаические корни, восходящие, возможно, к микенской эпохе, т. е. ко второй половине II тысячелетия до н. э.[2]

Само слово «ὕμνος» (гимн, молитва) в историческую эпоху греки толковали как «хвалебная песнь, адресованная богу» (ср. по Plat. Leg., III, 700b; пер. А. Н. Егунова): «Один вид песнопений составили молитвы к богам, называемые гимнами»[3]. Возможно, ὕμνος имеет отношение к глаголу «ὑφαίνω» (плести, сплетать, ткать»; и тогда: ὕφμνος → ὕμμνος → ὕμνος (сплe-

2. Ср.: А. А. Тахо-Годи. Античная гимнография. Жанр и стиль. В: Античные гимны. Составление и общая редакция А. А. Тахо-Годи. М., 1988, с. 9; А. И. Зайцев. Греческая религия и мифология. СПб., 2004, с. 62–70.

3. Гекзаметрические греческие гимны, в отличие от других греческих жанров, «обладают четкой хронологической завершенностью в пределах античности», – пишет А. А. Тахо-Годи (ук. соч., с. 9). В дальнейшем средневековая гимнография основывалась уже на принципиально иной, христианской культуре, и греческие гимны не могли и не стали для нее моделью. Как пишет В. В. Василик, «исследование развития канона на ранней стадии показывает, что ключевыми в его рождении были не литературные факторы, а религиозные и литургические...» (Происхождение канона. История. Богословие. Поэтика. СПб., 2006, с. 261). Но сам термин «гимн» в значении «хвалебная песнь» широко распространен в новое время как в литературе, так и в музыке. В христианское богослужение вошли гимны как Ветхого Завета, например, гимны Захарии и Симеона, так и Нового Завета. Древнейший раннехристианский гимн дошел в Оксиринхских папирусах и датируется III в. н. э. (Подробнее см.: В. В. Василик. Ук. соч. стр. 127–134.) В эпоху раннего христианства гимны писали: Амвросий Медиоланский (334–397 гг.), считающийся основателем церковной латинской гимнографии; Синезий из Кирены (370–413 гг.), гимны которого тесно связаны с традицией греко-римского политеизма и отличаются переходным характером; Аврелий Пруденций Клеменс (348– после 405 г.), к которому восходит латинская литературная гимнография,

ственная речь); или к глаголу ὕδω (петь), и тогда: ὕδμος → ὕνμος → ὕμνος (песнь). Современные этимологи считают, что это слово догреческое или негреческое и надежной этимологии не имеет[4].

Помимо ὕμνος (гимн, песнь, торжественная мелодия, наряду с ἀοιδή (поэт. скорбная песнь) и ὑμνέω (петь гимн или песнь) в греческом языке с этим корнем было большое количество производных слов: ὑμνογράφος = ὑμνωγράφος (*пишущий гимны*), ὑμνῳδία (хвалебная песнь), ὑμνῳδός (исполняющий, поющий гимн), ὑμνῳδέω (петь гимн или песнь). Интересно, что нередко ὑμνῳδέω употребляется как синоним к χρησμῳδέω (возвещать в стихах, изрекать оракул). Ср. Eur. Ion. 6: Φοῖβος ὑμνωδεῖ βροτοῖς – Феб пророчествует смертным.

Древнейшее упоминание слова «ὕμνος» встречается у Гомера (Hom. Od. VIII, 429): «δαιτί τε τέρπεται καὶ ἀοιδῇς ὕμνον ἀκούων» (пер. В. А. Жуковского): (с нами сидя) за вечерней трапезой и пенью *гимна* внимая»... Гесиод в «Трудах и днях» (Hesiod. 651. ff) вспоминает, как в Халкиде (пер. В. Вересаева): «Гимном победу стяжав, *получил я ушатый треножник*».

Древнейшим автором гимнов в традиции считается *Олен*, прибывший, по Геродоту, из Ликии на Делос и сочинивший

одна из самых ярких и богатых страниц средневековой европейской литературы и т. д. Прекрасными образцами христианских гимнов являются: амвросианские гимны «Te Deum» и «Коль славен наш Господь на Сионе»; «Акафист Богородице» Романа Сладкопевца; гимны преподобного Симеона Нового Богослова (X в.), перевод их, осуществленный иеромонахом Пантелеимоном (Успенским), и статью ученика Симеона, Никиты Стифата см.: Божественные гимны преподобного Симеона Нового Богослова. М., 2006. Первое собрание гимнов с записью мелодий относится к XI–XII вв. В конце XIV в. с развитием многоголосия появляются полифонические гимны, исполнявшиеся при официальных государственных церемониях, важных государственных актах. К такого рода гимнам относятся многочисленные национальные гимны, например, русский национальный гимн: «Боже, царя храни» П. Львова и т. д. Гимнический характер свойственен ряду музыкальных произведений XVIII–XX вв., а также их отдельным частям, входящим в симфонии, оперы и т. д. Образцами, например, музыкальных гимнов являются: «Te Deum» Берлиоза, «Lobgesang» Мендельсона и т. д.

4. H. Frisk. Griechisches Etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1969; W. K. C. Guthrie. Hymns. The Oxford Classical Dictionary, op. cit., p. 443: «The world is of doubtful origin, possibly non-Greek»; А. А. Тахо-Годи. Жанр и стиль. В: Античные гимны. Составление и общая редакция А. А. Тахо-Годи. М., 1988, с. 5; Н. А. Рубцова. Форма обращения как конструирующий принцип гимнического жанра. Поэтика древнегреческой литературы. М.: Наука, 1981, с. 214.

первые гимны в честь Аполлона. Павсаний несколько раз подтверждает это свидетельство Геродота (Paus. IX, 27, 2; VIII, 21,2), но приводит и другую версию: Олен — один из гиперборейцев, основавших дельфийский храм (Paus. X, 5; 5). В Дельфах Олен был, по Павсанию, «первым пророком бога», и дельфийская поэтесса Бойо, перечисляя гиперборейцев, прибывших к отрогам Парнаса, первым называет его (перевод С. П. Кондратьева): «Так же Олен: он первым пророком был вещего Феба, / первым, песни который составил из древних напевов».

В гомеровском гимне «К Аполлону» песни слепого старца названы «лучшими» (Hom. hymn. 173; пер. В. В. Вересаева): «Лучшими песни его и в потомстве останутся дальнем». Несколько раз Павсаний упоминает и другие гимны Олена: в честь Илифии (Paus. I, 18; 5), в честь Геры (Paus. II, 13; 3), в честь Ахейи (Paus. V, 7; 4).

Каллимах прекрасно знает предания об Олене. В гимне «К Делосу» он не только вспоминает о ликийском старце и его песнях, но и называет певца по имени — Олен; это единственное упоминание имени древнейшего гимнографа во всей греческой поэзии (Call. IV, 304–305):

> Юноши в лад припевают напеву *ликийского старца*,
> Тот напев, что от Ксанфа принес *Олен* боговещий.

Павсаний пишет о гимнах Памфа и Орфея[5], написанных в честь Илифии *для пения* во время священных таинств (Paus. IX, 27, 2). Памф первым, считает Павсаний, стал писать гимны для афинян, и цитирует строки из его гимна в честь Посейдона (Paus. VII, 21, 9):

> Коней им даровал и суда с парусами
> Широкоразвернутыми...

Ему известен также гимн Мусея «К Деметре» (Paus. I, 22, 7) и т. д.

5. Об Орфее *подробнее* см.: А. А. Тахо-Годи. Античная гимнография. Жанр и стиль. В: Античные гимны. Составление и общая редакция А. А. Тахо-Годи. М., 1988, с. 10. Согласно Геродоту были два Орфея, более поздний принимал участие в плавании аргонавтов. О нем, как более известном, пишет Диодор (IV, 25, 2–3).

В науке давно уже существует мнение, что древнейший греческий гимн имел сакральный культовый характер и предназначался для исполнения во время торжественных религиозных празднеств и церемоний. «Корни гимна ведут к молитве, – пишет Н. А. Рубцова[6], автор одного из последних исследований, посвященных данной проблематике, – от архаического «ликания – призыва – выкликивания к формульному перечислению имен и эпитетов божества в жреческой культовой поэзии».

Исконная форма сакрального гимна нам неизвестна, поскольку греческие авторы старались скрывать все, что касалось мистерий, культа, обрядов. Павсаний, следуя этому общему правилу, не раз прерывает себя словами: «о гимнах, которые там поются, мне не следует передавать в своем рассказе» (Paus. V, 15, 11); «...подробнее об этом говорить не стану» (Paus. IX, 27, 2) и т. д. За несоблюдение различий между гимном сакральным и прославлением смертного человека автора ждало строгое наказание, о чем можно судить по свидетельству, касающемуся Аристотеля у Диогена Лаэрция (Diog. Laert. V, 5–8)[7].

Некоторое представление о сакральном гимне, возможно, дают небольшие фрагменты магических гимнов (V–III вв. до н. э.), дошедшие в скудных отрывках[8]. Иногда к магическим гимнам относят «ὕμνος δέσμιος» (сковывающий гимн) – песнь Эриний в «Эвменидах» Эсхила (Aesch. Eum., 306, 331)[9]. Гораздо бóльшее представление о культовых гимнах можно получить по гимнам, известным под названием «орфических» (87 гекзаметрических гимнов, каждый из которых от 6 до 30 сти-

6. Н. А. Рубцова. О предметности именования в молитвах «Илиады» Гомера. Актуальные проблемы классической филологии. М.: Изд-во МГУ, 1982, с. 38. См. также: А. И. Зайцев. Греческая религия и мифология. Курс лекций. Под ред. Л. Я. Жмудя. СПб.: Филологический факультет, 2004, с. 57.

7. Подробнее см.: А. А. Тахо-Годи. Античная гимнография. Жанр и стиль. В: Античные гимны. Составление и общая редакция А. А. Тахо-Годи. М., 1988, с. 8; А. Ф. Лосев, А. А. Тахо-Годи. Аристотель. Жизнь и смысл. М., 1982, с. 192–197.

8. Папирусные фрагменты заклинательных магических гимнов собраны в изданиях: G. Wessely. Griechiche Zauberpapyri von Paris und London. Wien, 1888. Select papyri in 3 volumes, transl. by D. L. Page London. Cambridge, 1950; K. Preisendanz. Papyri Graecae Magicae. Die griechischen Zauberpapyri. v. 1–2. Leipzig, 1928–1931. 2 ed. A. Heinrichs. Stuttgart, 1973–1974.

9. Р. Онианс. На коленях богов. Перевод Л. Б. Сумм. М., 1999, с. 355.

хов объемом; составлен сборник, как считается, не ранее II в. н. э.) Об этих гимнах Павсаний (Paus, IX, 30; 12) пишет: «По красоте стихов они занимают второе место после гимнов Гомера, но намного их превосходят глубиной своего религиозного чувства и божественного наития». На практическую значимость орфических гимнов указывают, как пишет А. А. Тахо-Годи[10], предваряющие их пометки: «перед воззванием к божеству следует воскурить фимиам, различные ароматические вещества: ладан, смолу-стиракту, смирну (или миро), а то и дым от сжигаемых семян бобов и кусочков благовонного дерева. Участники мистериальной церемонии ожидают эпифании, явления божества, в ответ на свои заклятия, хвалы и мольбы». Можно предположить, что уже в древнейшем культовом гимне существовала инвокация — взывание молящегося к тому или иному богу, включающая выкликание (эпиклезу — от греч. ἐπίκλησις — прозвище, название; анаклезу — от греч. ἀνάκλησις — призывание). У эллинов, как и у других народов, были два главных вида молитвы: просительная (εὐχή) и благодарственная (ἔπαινος). И в том, и в другом случае молитва считалась успешной, если случалась эпифания бога (от греч. ἐπιφάνεια — чудесное явление, проявление божественной силы). Но каким образом древнейший сакральный гимн участвовал в системе культовой практики — нам неизвестно.

С другой стороны, у того же Павсания сохранилось предание о древнейшем гимнографе Эвмеле, писавшем гимны в честь Зевса Итомского. Эти гимны, скорее всего, исполнялись уже на музыкальных состязаниях и были свободны от какой-либо культовой таинственности (Paus. IV, 33, 2):

Зевсу Итомскому муза была по душе и угодна
Та, что с чистой кифарой в сандалиях ходит свободных.

Исполнявшиеся на состязаниях, общественных или частных пирах, такие гимны носили более светский, открытый характер. Известно, что наградой атлетам, победившим в Олимпийских состязаниях, были не только венки из ветвей дикой маслины, посаженной, по преданию, самим Гераклом. В день

10. А. А. Тахо-Годи. Античная гимнография. Жанр и стиль. В: Античные гимны. Составление и общая редакция А. А. Тахо-Годи. М., 1988, с. 32.

торжественного вручения венков глашатай объявлял имя и родину победителя, при этом исполнялись победные песни и *старинные религиозные гимны*. Когда произошло размежевание культового и светского гимнов, сказать, конечно, невозможно, и «разделение это было, — как пишет А. А. Тахо-Годи[11], — видимо, не очень четкое (особенно если учесть культ героев) и при желании толковалось достаточно произвольно».

Считается, что исполнение гимнов было распространено так же широко, как и рецитации поэм Гомера. Возможно, исполнение гимнов было неким вступлением, проэмием (от греч. προοίμιον — вступление, введение; вступительная песнь, прелюдия) перед исполнением эпических поэм[12]. Образцы таких гимнов-проэмиев до нас дошли; отличительным их признаком являются заключительные стихи с обещанием другой песни (перевод В. Вересаева): «Ныне ж, тебя помянув, я к песне другой приступаю» (гомеровский гимн «К Аполлону», 368). Такие гимны-проэмии могли быть разного объема: чаще, по всей видимости, небольшие, как гомеровский гимн «К Гелиосу». Но гимном-проэмием Фукидид (III, 104, 5) считает также большой гомеровский гимн «К Аполлону».

Гимны исполнялись особыми певцами, и наряду с известными сообществами певцов-гомеридов существовали певцы-гимниды: Павсаний (IX, 30, 12) упоминает о неких Ликомидах — исполнителях орфических гимнов. «Это говорит, — пишет А. А. Тахо-Годи[13], — о равноправном существовании эпической и гимнической школ, каждая из которых опиралась на свои собственные традиции в практике сочинения и исполнения.».

Есть основания полагать, что древнейшие гимны сопровождались игрой на струнном инструменте. Традиция исполне-

11. А. А. Тахо-Годи. Античная гимнография. Ук. соч., с. 8.

12. Штенцель в свое время выделял три вида проэмиев: 1) проэмий с обращением к Музе, где кратко излагается предмет, о котором пойдет речь. В качестве примера со ссылкой на Аристотеля приводится проэмий-вступление к «Илиаде» и «Одиссее»; 2) проэмий, идущий от судебной практики и содержащий обращение к слушателям с просьбой о снисхождении, если предмет речи парадоксальный, избитый или трудный; 3) проэмий-гимн, предшествующий другой песне. Такие проэмии встречаются у Гесиода, Арата, Лукреция, Вергилия и др. См. подробнее: Jub. Stenzel. De ratione quae inter carminium epicorum prooemia et hymnicam Graecorum poesin intercedere videatur. Diss. Breslau, 1908.

13. А. А. Тахо-Годи. Античная гимнография. Жанр и стиль. В: Античные гимны. Составление и общая редакция А. А. Тахо-Годи. М., 1988, с. 8.

ния песен под аккомпанемент кифары, скорее всего, появилась не ранее II тыс. до н. э. и вместе с инструментами проникла в бассейн Эгейского моря с древнего Ближнего Востока[14]. (По представлениям греков, сольное пение без музыкального сопровождения было свойственно только богиням[15].) Уже у Гомера встречаются два слова для обозначения музыкального инструмента: φόρμιγξ и κίθαρις. В «Илиаде» (IX, 186–189) Ахилл «услаждает сердце свое» игрой на «пышной, изящно украшенной, с серебряной накольней сверху» форминге: «φρένα τερπόμενον *φόρμιγγι* λιγείῃ, καλῇ, δαιδαλέῃ». В «Одиссее» (Od. 1, 153) глашатай в руки певцу Фемию подает прекрасную кифару: «κήρυξ δ' ἐν χερσὶν *κίθαριν* περικαλλέα θῆκε Φημίῳ». Можно думать, что форминга и кифара – это один и тот же инструмент или очень похожие, с небольшими отличиями. И на том, и на другом можно *κιθαρίζειν* (играть на струнном инструменте): *φόρμιγγι* λιγείῃ, ἱμερόεν κιθάριζε (Hom. Il. XVIII, 569); в более поздних текстах: κιθαρίζειν ἐν ταῖς κιθάραις.

Мифическая история создания струнного инструмента передается в гомеровском гимне «К Гермесу»: Гермес, выпотрошив черепаху, натянул между створками панциря высушенные жилы и стал играть; Аполлон, услышавший эту игру, пришел в восторг от нового искусства и решил им овладеть, поняв, что игра на струнном инструменте дает сразу три вещи: «светлую радость духа, любовь и сон благодатный (гомеровский гимн «К Гермесу», 449)[16]. Новый инструмент по-разному называется в гомеровском гимне: «*χέλυν ἐρατήν*» (Hom. hymn. Merc.

14. А. И. Зайцев. Формирование древнегреческого гекзаметра. А. И. Зайцев. Исследования по древнегреческой и индоевропейской поэзии. СПб., 2006, с. 92. Ср.: Быт 4:21: «Имя брату его Иувал: он был отец всех играющих на гуслях и свирели».

15. Подробнее: Р. И. Грубер. Музыкальная культура древнего мира. М., 1937.

16. Столетия спустя этот мифологический сюжет найдет отражение в стихотворении О. Мандельштама «Черепаха»:

Нерасторопна черепаха-лира,
Едва-едва беспалая ползет,
Лежит себе на солнышке Эпира,
Тихонько грея золотой живот.
Ну кто ее такую приласкает,
Кто спящую ее перевернет?
Она во сне Терпандра ожидает,
Сухих перстов предчувствуя налет.

153, в переводе В. Вересаева: «Лиру же милую слева под мышкой прижал»); *λύρα* – лира (Hom. hymn. Merc. 423) «λύρῃ δ' ἐρατὸν κιθαρίζων» (на лире приятно играя)) и *κίθαρις* – кифара (Hom. hymn. Merc. 496: «κίθαριν δὲ λαβών ἐπ' ἀριστερὰ χειρὸς» взяв кифару в прекрасные руки)).

Сначала инструмент был примитивным: четыре струны и плектр; он мог воспроизводить лишь негромкие, отрывистые звуки. Позднее, как сообщают легенды, Кореб, сын лидийского царя, добавил к лире пятую струну, а затем фригиец Гиагнис – шестую. Павсаний (Paus. V, 14, 8) обращает внимание на жертвенник в Олимпии, посвященный Аполлону и Гермесу вместе, добавляя при этом, что эллины считали Гермеса изобретателем лиры, а Аполлона – кифары. Считается, что настоящим преобразователем лиры/кифары стал Терпандр Лесбосский (VII в. до н. э.), который добавил к инструменту седьмую струну. У Еврипида (Ion, 881) кифара называется уже ἑπτάφθογγος (семизвучная, т. е. семиструнная). Впрочем, в традиции много разногласий и разночтений по этому вопросу. Ясно лишь, что древнейшими греческими струнными инструментами были: λύρα, κιθάρα и φόρμιγξ[17]. Иногда считают, что лира и ки-

17. В современном музыковедении все три разновидности относят к струнным щипковым инструментам. *Форминга* – древнейшая разновидность лиры. Корпус полукруглой формы с боковыми планками, соединенными вверху поперечным бруском. Струны (3–5, иногда 7) одним концом крепятся к поперечному бруску, другим – к корпусу. Инструмент известен по арамейским, хеттским и финикийским рельефам. В V–IV вв. до н. э. название «форминга» вытеснено названием «лира» и «кифара». *Кифара*, согласно сохранившимся изображениям и описаниям, состояла из корпуса – узкой прямоугольной (или трапециевидной) деревянной коробки (иногда округлой снизу), двух ручек (прикрепленных к корпусу в продольном направлении) и перекладины (ярма), соединяющей ручки. Струны одинаковой длины, но разной толщины и натяжения прикреплялись снизу к передней части корпуса и сверху к перекладине. Кифара имела 7, позднее 12 струн. В XX в. кифара была реконструирована американским музыкантом, композитором и мастером Г. Парчем. *Лира* имела плоский, округлый корпус с кожаной мембраной, от 3 до 11 жильных, кишечных, льняных или конопляных струн. При игре лиру держали наклонно, поддерживая перевязью. Согласно изображениям на одних античных вазах, звукоизвлечение осуществлялось пальцами правой руки, на других – левой. Позднее вытеснена кифарой. Сами названия λύρα, κιθάρα и φόρμιγξ как и σάλπιγξ (труба), и βάρβιτος (многострунный инструмент, похожий на лиру), судя по всему, как пишет А. И. Зайцев, представляют собой заимствования (А. И. Зайцев. Формирование древнегреческого гекзаметра. Ук. соч., с. 124).

фара – разновидности одного струнного инструмента, только кифара была более громоздкой и чаще использовалась для профессионального исполнения, а лира, как более простая и удобная, предназначалась для игры любителей. До нас дошли фрагменты трактата ученика Аристотеля Аристоксена Тарентского[18], прозванного «Музыкант», – «Об инструментах»[19]. Согласно Аристоксену, различались: кифарис (κίθαρις) и кифара (κιθάρα). Кифарис – это лира, и пользующиеся ею называются кифаристами или лирниками. «Кифарой же пользуется кифаред», – пишет Аристоксен. Аристоксен называет также большое число других струнных инструментов, скорее всего, иноземного происхождения: фениксы, пектиды, магадиды, самбуки, тригоны, клепсиамбы, скиндапсы, эннеахорд и др.

Исполнению того или иного гимна на том или другом инструменте соответствовал определенный ном (от греч. νόμος – лад, напев, мелодия). Существовали «νόμος κιθαρῴδικος» (кифародический ном, изобретателем которого называли Терпандра), «авлодический ном»; Фукидид пишет о «νόμοι πολεμικοί» (военные номы, т. е. военные песни) и т. д. Позднее номом стали называть особые хоры Тимофея. В толковании понятия «ном» применительно к гимну мнения исследователей расходятся. Так, С. М. Баура[20] считает, что ном – это определенного типа мелодия (a type of melody), найденная Терпандром. Каждому ному соответствовал свой «лад» (в интерпретации этого понятия мнения ученых также расходятся).

Древнегреческие лады – это особая звуковая система, центральным понятием которой является модальность – способ звуковысотной организации. Древнегреческие лады, как пишет Ю. Н. Холопов[21], наделялись выразительным характером (этосом). Так, по Гераклиду Понтийскому, «дорийский лад отличается характером мужественным, величественным, не ве-

18. Об Аристоксене подробнее см.: А. Ф. Лосев. История античной эстетики. Аристотель и поздняя классика. М., 1975, с. 667–674.

19. Перевод фрагментов Аристоксена «Об инструментах» В. Г. Цыпина, а также переводы других фрагментов и исследование об Аристоксене см.: В. Г. Цыпин. Аристоксен. Начало науки о музыке. М., 1998, с. 38 и др.

20. С. М. Bowra. Νόμος. The Oxford Classical Dictionary, op. cit., p. 610.

21. Ю. Н. Холопов. Древнегреческие лады. Музыкальный энциклопедический словарь. М., 1990, с. 182–183. Подробнее: А. Ф. Лосев. Античная музыкальная эстетика. М., 1960–1961, с. 94–104; А. Ф. Лосев. И. А. Э. Ранний эллинизм. Ук. соч., с. 513–590.

селым, не радостным, но мрачным и могучим, однообразным и однородным». Фригийскому ладу «свойственен оргиастический, страстный характер», он «действует на нас возбуждающим образом» (Arist. Polit., VIII, 7, 5). Миксолидийский лад – «жалобный» (Plato. Repub., 398d). Различались еще лидийский, гиподорийский, гипофригийский, гиполидийский лады и т. д. Наиболее гармоничным считался дорийский лад. Каждому гимну (пеан, дифирамб и т. д.) соответствовал свой лад. В частности, Аристотель (Polit, 1342b) сообщает (пер. С. А. Жебелева): «Дифирамб, по общему признанию, считается фригийским, в доказательство чего лица, занимавшиеся этим вопросом, приводят многочисленные примеры, между прочим и следующий: Филоксен[22], попытавшийся обработать дифирамб и мифы в дорийском ладе, оказался не в состоянии осуществить это, но, руководимый самой природой, он снова обратился к фригийскому ладу как наиболее подходящему».

Позднее в музыкальных состязаниях стали принимать участие музыканты, играющие не только на кифаре, но и на флейте (Paus. X, 7, 3) (флейтой, свирелью обычно переводят греческое слово αὐλός, хотя, как пишет И. А. Марру[23], авлос – это скорее гобой). В пении под флейту отличились аркадец Эхемброт и Саккад из Аргоса. Благодаря Саккаду (Paus. II, 22, 9): «ненависть Аполлона к флейтистам, оставшаяся у него со времен Марсия и споров с Силеном, по-видимому, прекратилась». В сопровождении флейты исполнялись гимны-дифирамбы в честь Диониса. По Геродоту (Herod. I, 17) флейты были мужскими и женскими, т. е. более низкого и более высокого тона. Современник Терпандра – Клон, как сообщается в трактате Псевдо-Плутарха «О музыке», был создателем «авлодического нома». Но музыка, исполняемая на флейте, производила неблагоприятное впечатление, пишет Павсаний (Paus. X, 7. 3), песни были суровыми и грустными, песнями печали и слез; и впоследствии флейта-авлос в Афинах утратила популярность[24].

22. Филоксен из Киферы (434–379), знаменитый музыкант, автор дифирамбов.

23. А. И. Марру. История воспитания в античности (Греция). М.: ГЛК Ю. А. Шичалина, 1998, с. 189.

24. Ук. соч., с. 189.

Скорее всего, музыкант-исполнитель фиксировал мелодию гимна в нотной записи[25]. Образцы нотной записи (нотации) дошли во фрагментах, высеченных на мраморных плитах или записанные на папирусах. Древнегреческая нотация является одной из древнейших известных нам нотных систем.

Начиная с XVI в. в научном мире время от времени возникают сенсации, связанные с находками древнегреческих нотаций музыки к гимнам[26]. Так, в 1581 г. Винченцо Галилей опубликовал три древнегреческих гимна с нотами, воспевающие богиню искусств Музу, бога солнца Гелиоса и богиню возмездия Немезиду. Эти песнопения были им обнаружены в рукописях XII–XVI вв., хранящихся в библиотеках Флоренции, Ватикана и Неаполя. В 1893 г. в Дельфах французские археологи нашли тексты и нотные записи, выбитые на стенах Афинской сокровищницы, которые содержали два гимна Аполлону. Нотографические фрагменты (к текстам трагедий, монодиям и т. д.) находили многократно. Перевод древних нотных знаков в наше время не представляет трудностей: ученым уже давно известны музыкально-теоретические трактаты[27], содержащие полное или частичное описание античной нотной системы. С 1918 г. по настоящее время обнаружено и опубликовано около 60 папирусов, нотные знаки на которых имеют буквенную расшифровку. Однако ни одна из существующих музыкальных

25. В «Латинской антологии» – памятнике VI в. (Поэты «Латинской антологии», пер. с латинского. М., 2003) сохранились стихи, посвященные кифареду (пер. Ю. Шульца):

Он начинает, касаясь струн лирных изящным ударом,
Чтобы столь многих людей слух покоривши, привлечь.
Пеньем и лирой владея, стоит он, и руки согласны
С речью его, и они в чувстве едином слились.
Так ведь они на весах у него в соразмерности равной,
Слиты искусством одним, общим – слова и рука,
Чтобы и ты сомневался, двойным очарованный дивом, –
Голос ли это поёт, иль только лира звенит?

26. Подробное описание древнегреческих нотаций см.: Е. В. Герцман. Пифагорийское музыкознание. Начала древнегреческой науки о музыке. СПб., 2003, с. 356; и др.

27. По свидетельству словаря «Суда», некий Лас из Гермионы первым написал сочинение о музыке (πρῶτος δε... περὶ μουσικῆς λόγον ἔγραψε), единственное, что уцелело от этого труда – отрывок у позднеримского автора Марциана Капеллы, по которому можно судить, что Лас занимался музыкально-акустическими исследованиями. В псевдо-плутарховском трактате «О музыке» (1141D, § 29) утверждается, что он изменял «ритмы в дифирамбическом движении».

реконструкций гимнов на сегодняшний день не может считаться удовлетворительной.

Чаще в древние времена автор гимна, а также певец был один и тот же человек; но иногда гимн мог исполняться специальным певцом, отличавшимся хорошими голосовыми данными. Павсаний (X, 7, 2–3) называет имена таких исполнителей-певцов: Хрисофемид, Элевтер и др. В связи с этими певцами Павсаний приводит интереснейшие свидетельства: 1. пение гимна в честь бога было самым древним видом состязаний; 2. впервые, раньше, чем атлетам, награды стали давать на музыкальных состязаниях. Первым одержал победу в пении Хрисофемид с Крита. Элевтер победил на пифийских состязаниях благодаря сильному и приятному голосу, хотя и пел, как пишет Павсаний, не свою песню.

В то же время из Прокла (Proclus, 320a 20) известно, что слово «гимн» имело и более узкое, терминологическое значение, а именно — песнь, обращенная к богу и пропетая *хором* под аккомпанемент кифары. Различие между хоровым и сольным гимном было достаточно существенным. Хоровое исполнение, помимо самого гимна-песни, включало и некие ритмические движения[28]. Поэтому строфы хорового гимна были длиннее, строфа должна была совпадать с ритмическим рисунком движений поющих. Кроме того, хоровые гимны, как правило, носили и более сложную структуру — они делились на строфу, антистрофу и эпод. Строфа и антистрофа, совпадающие по размеру и метру, отличались тем, что хор, исполняя антистрофу, повторял те же движения, что и во время исполнения строфы, только в обратном порядке.

Первое свидетельство о гимнических хорах — у Гомера: в первой песни «Илиады» ахейские юноши исполняют гимн-пеан в честь Аполлона (Ил. 1, 472 и сл.; пер. Н. И. Гнедича):

> Целый ахеяне день ублажали пением бога;
> Громкий *пеан* Аполлону ахейские отроки пели,
> Славя его, стреловержца, и он веселился, внимая.

28. В дошедших до нас фрагментах из книг Аристоксена «О танце в трагедии» и «О хороводах» речь шла, судя по всему, о соединении пляски с пением. Подробный анализ этих фрагментов см.: А. Ф. Лосев. Аристотель и поздняя классика. ИАЭ. М.: Искусство, 1975, с. 667–668.

Скорее всего, хоровой гимн носил более торжественный характер; иногда хор мог исполнять его, стоя перед алтарем. Чаще же хор пел гимн во время шествия к храму, и тогда он назывался просодием (от греч. προσόδιον гимн, исполнявшийся при шествии в храм; торжественное моление). Хоры были обязательным сопровождением огромного числа торжественных церемоний. В историческую эпоху, например, в V и IV вв. до н. э. в Афинах с особой тщательностью организовывалось участие в хорах граждан полиса – взрослых и детей; в эллинистическое время участие в подобных хорах доверялось уже не любителям, но труппам профессионалов; однако есть большое количество свидетельств, что вплоть до римского времени городской молодежи вменялось в обязанность участие в торжественных хорах[29].

И сольный, и хоровой гимн служил обращению к божеству, с которого начиналось любое собрание – будь то общегосударственное празднество или симпосий небольшого количества людей. Форма такого гимна была традиционной: сначала призывался бог, называлось его имя, перечислялись его эпитеты; говорилось о его известных благодеяниях (эта часть гимна могла быть более пространной или достаточно сокращенной), затем излагалась просьба к богу и завершался гимн обязательно новым призывом к нему.

Первые гимны, как и первые пророчества в Дельфийском святилище, составленные Оленом, были, по преданию, гекзаметрическими (Paus. X, 5, 4)[30]. Гекзаметр и в историческую эпоху оставался одним из основных метров греческой гимнографии, что, как пишет А. А. Тахо-Годи[31], «указывает на их

29. А. И. Марру. История воспитания в античности (Греция). М.: ГЛК Ю. А. Шичалина, с. 192.

30. По другой версии изобретателем гекзаметра считается Орфей. Иногда высказывается мнение, что эпическая традиция микенской эпохи пользовалась уже в общем сформировавшимся гекзаметром. Подробнее см.: А. И. Зайцев. Формирование древнегреческого гекзаметра. А. И. Зайцев. Исследования по древнегреческой и индоевропейской поэзии. СПб., 2006, с. 73. Весь комплекс проблем, связанных с происхождением гекзаметра, а также аналитический обзор исследований по данном проблематике см. там же. О Дельфийском святилище подробнее см: Л. Л. Селиванова. Об источнике дельфийского вдохновения. ВДИ. 2007, № 2, с. 157–173.

31. А. А. Тахо-Годи. Античная гимнография. Жанр и стиль. В: Античные гимны. Составление и общая редакция А. А. Тахо-Годи. М., 1988, с. 9.

связь с древнейшей, может быть, и догреческой основой, той самой, которая дала наименование гимна хвалебной песне в честь божества». Если гекзаметрические гимны пелись одним певцом, их называли рапсодическими; хор же, скорее всего, исполнял гимны, написанные лирическими размерами, и их по традиции называют мелическими.

История литературной гимнистики начинается с VII в. до н. э.[32], когда гимны приобретают огромное разнообразие прежде всего в метрическом отношении. В «Ионе» Платон (Plato Ion, 534) подтверждает особую поэтическую «специализацию» (перевод Я. М. Боровского): каждый поэт «может творить хорошо только то, на что его подвигла Муза: один — дифирамбы, другой энкомии, этот гипорхемы, тот — эпические поэмы, иной — ямбы; во всем же прочем каждый из них слаб». Мелическая гимнография представлена большим числом имен, но сами гимны, по большей части, дошли до нас фрагментарно в творчестве знаменитых поэтов[33].

В историческую эпоху в Греции получили распространение также прозаические гимны. Это, например, гимны Элия Аристида, Юлиана, Либания и др. Образцом прозаических гимнов считались семь речей в честь Эрота в платоновском «Пире»[34].

Уже в древности гимны писали на разных диалектах; Павсаний вспоминает о неком Гитиаде-строителе, который жил, вероятно, во времена I Мессенской войны и писал «песнопения на дорическом наречии», в том числе гимн в честь Афины (Paus. III. 17, 2). (Столетия спустя Каллимах, как уже говорилось,

32. R. Wünsch. Hymnus // P. W. R. E. Sp. 1268–1270; W. K. C. Guthrie. Hymns. The Oxford Classical Dictionary, p. 443–449.

33. Обзор мелической гимнографии. см.: М. Л. Гаспаров. Древнегреческая хоровая лирика. Пиндар. Вакхилид. Оды. Фрагменты. М.: Наука, 1980, с. 331–361. Переводы фрагментов там же; также: Н. С. Гринбаум. Новые папирусные тексты древнегреческой лирики (1962–1987 г.) // Ранняя греческая лирика. СПб., 1999.

34. Прозаические греческие гимны, которые в большинстве своем свидетельствуют об основательном изучении языка Гомера и которые иногда называли ἱεροὶ λόγοι, отличались чистотой языка, тщательным подбором слов, риторической выучкой их авторов. Подробнее см.: А. Ф. Лосев. ИАЭ. Последние века. М., 1988. кн. I, с. 359–408 (о Юлиане и Либании); С. И. Межерицкая. Ораторское искусство Элия Аристида и «Священные речи». Автореферат на соискание ученой степени кандидата филологических наук. СПб., 2002.

два последние гимна V и VI напишет также на дорийском диалекте).

В эпоху эллинизма помимо гимнов Каллимаха известностью пользовались гимны Арата, Феокрита, Биона, Клеанфа. Гимнические мотивы исследователи отмечают в поэме «Аргонавтика» Аполлония Родосского и т. д.

Древнейшие образцы обращений-молитв к богам, в которых сохраняются основные формы гимна, как было сказано выше, встречаются у Гомера. (Считается, что в одной «Илиаде» к Зевсу обращено 13 молитв, к Афине – 7, Аполлон – адресат трех молитв. Примеры: Hom. Il. I, 37–43; 450–456; 503–510; II, 413–419; III, 298–301; 320–324; 365–368; V, 115–120; X, 462–464; XV, 514–526; IX, 496–514.) В них вычленяются основные элементы древней молитвы: призывание бога (invocatio), эпиклеза (священное именование бога), магическая формула (carmen) и просьба. Считается, что молитвы «Илиады» – это «своеобразные призывательные гимны (ὕμνοι κλητικοί), заключенные в рамки эпического повествования и с необходимостью попадающие под действие его законов»[35].

В гекзаметрических гимнах эти элементы в дальнейшем становятся основными жанрообразующими принципами[36]. Вычленение структурных особенностей мелической гимнистики представляет несравненно бóльшую трудность и из-за фрагментарности дошедшего материала, и из-за гораздо бóльшего метрического, структурного и т. д. разнообразия[37]. Отличие мелических гимнов от гекзаметрических было большим, иногда даже говорят, что они ничего общего не имели

35. Н. А. Рубцова. Форма обращения как конституирующий принцип гимнического жанра. Поэтика древнегреческой литературы. М.: Наука, 1981, с. 188. См. также: Н. А. Рубцова. Гимническое обращение как жанрообразующий принцип (на материале «Илиады» Гомера, гомеровских гимнов, гимнов Каллимаха». Автореферат кандидатской диссертации. М., 1983 г. Она же: О предметности именования в молитвах «Илиады» Гомера. Ук. соч., с. 26–40.

36. Подробный анализ жанрообразующих принципов (инвокация – обращение; концовка – хайретизмы, основные мотивы и т. д.) гекзаметрической гимнографии см.: А. А. Тахо-Годи. Греческая гимнография. Жанр и стиль. В: Античные гимны. Составление и общая редакция А. А. Тахо-Годи. М., 1988, с. 10–55.

37. Подробный анализ мелической гимнистики см.: М. Л. Гаспаров. Древнегреческая хоровая лирика. Пиндар. Вакхилид. Оды. Фрагменты. М.: Наука, 1980, с. 331–360.

с гекзаметрическими гимнами[38]. Тем не менее сами греки (в частности, александрийцы, давшие первую классификацию гимнов) называли их «гимнами».

Не касаясь в данном случае детально структурных отличий гекзаметрических и мелических гимнов, назовем лишь наиболее известные виды гимнов.

Уже в древнейшие времена, скорее всего, в зависимости от обращения к тому или иному богу, в зависимости от содержания и назначения гимна, как и кем исполнялся гимн, гимны имели строгую регламентацию и носили, соответственно, свои названия.

К древнейшим гимнам относится гимн-*пеан* (от греч. παιάν, ᾶνος — хоровой гимн, благодарственный, победный, военный, умилоствительный или скорбный, преимущественно, в честь Аполлона, реже Артемиды и других богов). Есть основания полагать, как считает М. П. Нильссон[39], что первоначально пеан имел чисто магическое значение, как песнь, сопровождающая ритуал очищения и исцеления. Древнейшее исполнение пеанов связывают с Пифийскими празднествами, музыкальные состязания на которых, по преданию, были установлены самим Аполлоном после его победы над драконом Пифоном. Пеаны в честь Аполлона исполнялись под аккомпанемент кифары. Позднее в празднества включались также состязания в игре на флейте. На первом месте в Пифийских празднествах стояло исполнение Пифийского нома, который строился по определенной схеме, пелся одним солистом под аккомпанемент нескольких музыкантов. Ном

38. В. Н. Ярхо. Поэзия культового содружества: Сапфо и Алкей. Ранняя греческая лирика. СПб.: Алетейя, 1999, с. 178.

39. М. П. Нильссон. История греческой религии..., с. 527–532. Ср. также: в одном из фрагментов Аристоксена из собрания Ф. Верли (Basel, 1967) говорится: «Аристоксен-музыкант в книге «О жизни Телеста» (которого он повстречал в Италии) говорит, что в то самое время начались недуги, один из которых, возникающий у женщин, был особенно странным. Именно, они приходили в такое неистовство, что, сидя, бывало, за столом, затем вскакивали, как будто подчиняясь какому-то зову, становились неудержимыми и бросались вон из города. Локрийцам и регийцам, вопрошавшим оракул об избавлении от недуга, бог повелел петь весенние пеаны в течение шестидесяти дней; отсюда так много сочинителей пеанов в Италии» (цит. по: В. И. Цыпин. Аристоксен. М., 1990, с. 30). О критическом отношении к сообщениям подобного рода см.: А. И. Марру. История воспитания в античности (Греция). Ук. соч., с. 194–199.

состоял из 5 частей и должен был представлять борьбу Аполлона с Пифоном и победу над ним.

Приведенный выше гомеровский пеан Аполлону (Ил. I. 473–475) καλὸν ἀείδοντες παιήονα – типичная умилоствительная песнь при жертвоприношении. У Гомера же встречается пеан победный (Ил. XXII, 391): «Ныне победный пеан воспойте, ахейские мужи». Каллимах во II гимне «К Аполлону» пишет, что пеан изобрели дельфийцы и этой новой песней прославили Аполлона, явившего им свое искусство стреловержца (Call. II, 97–99):

> Иэ пеан, о, иэ пеан! – Мы внемлем припевам,
> Тем, что *дельфийский народ измыслил в оное время,*
> Как на луке златом искусство явил Стреловержец.

Для Каллимаха это важный мотив: буквально через несколько строчек он опять возвращается к нему (Call. II, 103–104):

> «Иэ пеан! И этой попал! Защитником сильным
> Матери будешь ты, бог!» – *Отсель и ведутся припевы.*

Приведенные стихи Каллимаха не что иное как реминисценция гомеровского гимна «К Аполлону», в котором сначала подробно рассказывается о борьбе Аполлона с дельфийским драконом (Hom. hymn. II, 177–196), а потом уже о том, как критяне, переселяющиеся в Дельфы во главе с самим Аполлоном дружно поют пеан (Hom. hymn. II, 336–339): Κρητῶν παιήονες. Данный пример прекрасно иллюстрирует технику Каллимаха: если в гомеровском гимне данные эпизоды даются в подробном и красочном описании, Каллимах «выхватывает» самую суть и в пяти стихах передает главное. Характерный для пеанов припев «Иэ, пеан! Иэ, пеан! Не смолкайте, звуки!» дошел также во фрагментах пеанов Пиндара и Вакхилида.

Сочинение пеанов было почетным делом: Платон (Plato Ion, 534) и Порфирий («О воздержании» II, 18) пишут о некоем халкидце Тиннихе, который сочинил один единственный пеан в честь Аполлона, «прекраснейший из всех песнопений», который все знают и все поют. Столетия спустя Ямвлих (De vita pythag. 110–114) писал, что благодаря пеанам люди не только получают удовольствие, но становятся гармоничнее и уравновешеннее.

Другим видом гимна в честь Аполлона была *гипорхема* (от греч. ὑπόρχημα – хоровая песнь с пляской и пантомимой). В

противоположность пеану она носила веселый, шутливый характер, и исполнение ее сопровождалось жестами и танцами. Упоминание о гипорхеме у Гомера – Ил. XVIII, 570 и сл. Афиней (Athen. V, 181b) называет гипорхему критской со ссылкой на Симонида:

Критский в нем лад и молосский над ним гуд...

Из Дионисия Галикарнасского («О соединении слов», 25) мы знаем фрагмент гипорхемы Вакхилида, запоминающийся своим энергичным строем (пер. М. Л. Гаспарова):

Не время сидеть, не время медлить,
А время направить путь
В прекрасно строенный храм
Итонии с золотым щитом
И явить ей нашу кроткую песню...

Пеаны и гипорхемы писал современник Терпандра и Клона – Фалет (иногда считается, что гипорхемы сочинялись также в честь прославленных людей).

Воинственными гимнами – танцами в честь Ареса были дорийские *пиррихи* (от греч. πυρρίχη – пирриха, военная пляска). Платон (Leg. VII, 815a) описывает эту пляску так (перевод А. Н. Егунова): «путем уклонений и отступлений, прыжков в высоту и пригибаний она воспроизводит приемы, помогающие избегнуть ударов и стрел; пытается воспроизводить и движения противоположного рода, пускаемые в ход при наступательных действиях, т. е. при стрельбе из лука, при метании дротика и при нанесении различных ударов». У Каллимаха ни гипорхема, ни пирриха не называются, но он описывает большое число танцев и хороводов (в том числе и военных), где исполнение таких песен, очевидно, подразумевалось (см. комментарии).

Дифирамбом (от греч. διθύραμβος – торжественная хоровая песнь в честь Диониса; высокопарная речь, славословие) назывался торжественный хоровой гимн, исполнявшийся преимущественно в честь Диониса. Дифирамб получил распространение одновременно с появлением культа этого бога; и соответствуя характеру культа в эмоционально-приподнятом духе прославлял подвиги Диониса во время весеннего праздника. Сначала гимн исполнялся шумной процессией, сопро-

вождавшей кумир Диониса. Первоначальная форма дифирамба, скорее всего, была грубой и безыскусной, пока Арион из Коринфа не придал дифирамбу первую художественную обработку (Ср. об Арионе пишет Геродот (Herod. I, 23): «он первым стал сочинять дифирамб, дал ему имя и обучил хор для постановки в Коринфе»).

Считается, что достаточно рано, возможно, со времени Меланиппа Младшего (ок. 415 г. до н. э.), дифирамб стал вырождаться; музыка взяла перевес над поэзией, сделалась изнеженной и искусственной. Постепенно дифирамб преобразовался в мим, который представлялся уже не хорами, а отдельными виртуозами. Иногда считают, что хор в трагедии Еврипида «Вакханки» (ст. 64–165) — образец дифирамба. В переводе И. Анненского отрывок этого хора (ст. 68–72) представлен так:

К богу Вакху я взываю: эвоэ!
Прочь с дороги, с дороги!
Скройтесь в до́мы, и уста благоговейно
Пусть сомкнутся: Диониса петь я буду,
Как его везде я славлю и всегда.

Было много еще и других песнопений в честь отдельных богов, например: *иовакхи* в честь Вакха (очевидно, от повторяемого призыва — ἰὼ βάκχε); *упинги* в честь Артемиды (от ее имени Οὖπις; ср. Поллукс I, 38: Ἀρτέμιδος ὕμνος οὔπιγγος); *иулы* (от греч. ἴουλος, οὖλος — сноп) в честь Деметры как подательницы жатвы[40] и т. д. Гимны, как и молитвы, могли быть обращены сразу к нескольким богам[41], могли называться просто общим словом «гимн» или с уточнением адресата (например, «Εἰς Δία») и т. д.

Итак, древнейшая гимническая поэзия тесно примыкала или была частью культовых, обрядовых песнопений. Отделить собственно гимн от литургической песни на том этапе чрезвычайно трудно. В историческую эпоху гимны в массе своей — часть мелики, разнообразие и конкретная детализа-

40. См.: В. В. Латышев. Очерк греческих древностей. Богослужебные и сценические древности. СПб.: Алетейя, 1997, с. 90–93.

41. Ср., например: А. И. Зайцев. Гимн Диоскурам Алкмана и его эпические источники. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Л., 1969.

ния которых едва ли представимы в настоящее время; единственным критерием их различения, как представляется, может быть метр. Гекзаметрические гимны, более четкие в своем жанровом и структурном оформлении, сохраняли свои особенности вплоть до последних веков античности. Повсеместность их распространения подтверждается такими фактами. При раскопках Херсонеса, например, в 1904 г. была найдена мраморная плита с текстом гимна в честь Гермеса. Приблизительная датировка памятника — II, III в. н. э. В. В. Латышев[42], исследовавший этот гимн, пишет, что он «скомпонован по образцу тех гимнов в честь богов, древнейшими образцами которых являются так называемые гомерические гимны». Сначала идет прославление божества в третьем лице, а затем поэт обращается к нему с просьбой о разных милостях. Более того, в ст. 2 нового гимна В. В. Латышев предположительно восстанавливает слова «ἄγγελον ἀθανάτων» (вестника бессмертных), соответствующие стихам гомеровских гимнов II, 3 и XVIII, 3.

Г. Ф. Церетели, изучавший *другой поздний гимн* в честь Диониса[43], приблизительная датировка которого III в. н. э., пишет: «В выборе словесного материала, в построении фраз, в подборе сравнений и т. д. автор этого гимна старается быть как можно ближе к Гомеру, к этой сокровищнице эпического творчества». Так, самый массовый и самый распространенный жанр греческих песнопений, породив огромное разнообразие видов в самых разных модификациях сохранялся до последних веков античности.

Другим видом прославляющей песни были гимны, воспевающие людей: это *«эпиникии»* (ὕμνος ἐπινίκιος). Эпиникий (от греч. ἐπινίκιος — победный, празднуемый в честь или в память победы) слагался в честь победы на состязаниях. С введением Олимпийских игр (776 г. до н. э.), спортивных состязаний в Дельфах, Немее и Истме (VI в. до н. э.) эпиникии получают широкое распространение. Создателем эпиникия традиция называет Симонида Кеосского (556–468 гг. до н. э.), но более

42. В. В. Латышев. Новый гимн в честь Гермеса //Ж. М. Н. П. № 5. 1905, с. 262.

43. Г. Ф. Церетели. Новый гимн в честь Диониса. Греко-римский сборник. СПб., 1918, с. 6.

полное представление об эпиникиях дает творчество Пиндара и Вакхилида. Пиндар, создавая свои эпиникии, практически решает ту же проблему, что и Каллимах: «...вот свершилось новое событие — победа такого-то атлета в беге или кулачном бою; как включить это новое событие в систему прежних событий, как показать, что оно хоть и меняет, но не отменяет то, что было в мире до него?»[44]. Прежние события, прошлое для Пиндара, как и для Каллимаха, конечно, мифологическое. Миф для того и для другого остается главным средством утверждения события. Но как включить в теперешнее повествование миф? Пиндар находит новую функцию мифа, он «отбрасывает фабульную связность и равномерность повествования, он показывает мифы как бы мгновенными вспышками, выхватывая из них нужные моменты и эпизоды, а остальное предоставляя додумывать и дочувствовать слушателю»[45]. У Каллимаха, как было сказано выше, в «Причинах» был «Эпиникий Сосибию», четвертую книгу «Причин», возможно, начинал эпиникий «Победа Береники». Но насколько и как Каллимах в этих эпиникиях был близок к Пиндару, из-за фрагментарности дошедших каллимаховских текстов судить трудно. Актуальнее, может быть, в данном случае другое. Для Пиндара в его эпиникиях важнейший элемент — «активное соучастие слушателя». Он, как и Каллимах, предполагает, что слушатель (в случае с Каллимахом, скорее, читатель) уже многое знает; они оба (Пиндар и Каллимах) адресуют свои произведения той аудитории, для которой достаточно мимолетного намека, чтобы в сознании возникли все мифологические ассоциации, необходимые поэту. Отсюда особый динамизм, «скоропись», столь характерные для стиля и Пиндара, и Каллимаха. Но отсюда же затрудненность и отсутствие простоты в восприятии произведений того и другого.

Прославлению царствующих особ, знатных граждан, а порой и просто хозяина пира, друзей и покровителей собравшихся посвящался *«энкомий»* (от греч. ἐγκώμιον — похвальное слово, хвалебная речь, хвала). У Платона на этот счет есть четкое разделение (Plat. Rep. X, 607): «...ὕμνους θεοῖς καὶ ἐγκώμια τοῖς ἀγαθοῖς».

44. М. Л. Гаспаров. Поэзия Пиндара..., с. 365.
45. М. Л. Гаспаров. Поэзия Пиндара..., с. 371.

Считается, что первоначально энкомий сопровождал также победителя во всевозможных играх; это песнь праздничной процессии в отличие от эпиникия, певшегося торжественно хором в храме. Энкомий появляется, как считается, в VI в. до н. э. Виднейшими авторами энкомиев, как и эпиникиев, были Симонид, Пиндар, Вакхилид.

«На смену песням для государства, — пишет М. Л. Гаспаров[46], — приходят песни для отдельных лиц — друзей и покровителей поэта». Как когда-то для Ивика таким покровителем был Поликрат, так теперь во времена Каллимаха поэты ищут защиты и покровительства у Птолемея Филадельфа. Выше мы писали об известном «Энкомии Птолемею» Феокрита. Каллимах, без сомнения, отдал дань и этому виду песнопений. Скорее всего, его стихи, посвященные Арсиное II, могли быть подобным энкомием, как и все, что он пишет о Птолемее II, фактически изысканный и тонкий энкомий.

Гимны могли сочиняться и исполняться по поводу того или иного конкретного, частного случая: *«френ»* — песнь-плач о смерти именитого гражданина или родственника (от греч. θρῆνος — погребальная песнь, плач об умершем); *«гименей»* (от греч. ὑμέναιος — гименей, свадебная песнь), исполнялся во время шествия новобрачных сопровождавшими их юношами и девушками; *«эпиталамий»* (от греч. ἐπιθαλάμος — свадебный, брачный) и т. д.[47] Первое упоминание о гимне-гименее у Гомера (Il. XVIII, 492–493):

Там невест из чертогов, светильников ярких при блеске
Брачных песней (ὑμέναιος) при кликах, по стогнам
градским сопровождают.

И гименей, и эпиталамий — часть свадебного обряда, который описывает Каллимах в IV гимне (IV, 296–299):

Даже доныне невесты на Делосе, клич *Гименея*
Ухом трепетным вняв, несут в приношение девам
Кудри девичьи свои, меж тем, как юноши, срезав
Первой начатки брады, их жертвуют отрокам чистым.

46. М. Л. Гаспаров. Древнегреческая хоровая лирика..., с. 346.

47. Об эпиталамиях Сапфо, например, см.: В. Н. Ярхо. Поэзия культового содружества: Сапфо и Алкей // Ранняя греческая лирика, с. 156–161.

Когда Каллимах описывает процессию женщин (гимн «О Деметре»), девушек (гимн «На омовение Паллады»), он прекрасно знает, что девушки, например, в подобных ситуациях поют особые песни — *парфении* (от греч. παρθένεια или παρθενεῖα — девичьи песни), что известнейшим мастером парфениев и первым их литературным автором был Алкман (один из парфениев Алкмана дошел до нас почти целиком, сохранились фрагменты парфениев Пиндара) и т. д. Александрийцы первыми составили собрания сочинений всех лирических поэтов, выделив среди них всевозможные виды литературной гимнистики. Ко времени Каллимаха все это огромное разнообразие гимнистики стало, по выражению М. Л. Гаспарова, «массовой культурой». И когда Каллимах на фоне столь мощной традиции обращается в своем творчестве к этому жанру, он вполне сознательно выбирает наиболее древний ее вариант — гекзаметрический. Широта мифологического охвата, обращение к праистоку мифа и через древнейший гекзаметрический канон утверждение мифа нового, современного (прежде всего мифа о Птолемее Филадельфе) — в этом оригинальность и инновация Каллимаха прежде всего.

Сборник гимнов Каллимаха, дошедший до нас, создавался, как было сказано, на протяжении длительного времени; за это время, конечно, менялись обстоятельства, цели, подход и техника написания гимнов, неизменным оставался лишь гимнический гекзаметрический канон.

2. ГИМНЫ КАЛЛИМАХА

...ποικίλος ὕμνος...
(Pind. Ol., VI, 87;
Nonnus Dionysiaca, I, 15)

При всех трансформациях и модификациях гимна на протяжении столетий удивительную устойчивость обнаруживают основные структурирующие признаки этого жанра: инвокация бога и просьба к нему; в литературном гимне третьим элементом стала ареталогия бога (воспевание или упоминание о подвигах и деяниях бога). Все это позволило утверждать, что существовал единый идейный и структурный канон гимнического жанра — так считает большинство современных иссле-

…телей, занимающихся данной проблематикой[48]. Традиция …нения трех важнейших составляющих гимна, как и наше …ставление о разных гимнах восходит к ритору III вв. н. э. – Менандру Лаодикейскому. До нас дошло сочинение Менан… озаглавленное «О торжественном красноречии» («Περὶ …δεικτικῶν»)[49], одна из глав которого посвящена гимнам к бо… Торжественное красноречие, по Менандру, есть или по…шание, или похвала. Сама похвала подразделяется на два ви… – похвала божествам и похвала смертным.

Гимны, согласно Менандру, бывают восьми «видов» (εἴδη»)[50]: 1) призывательный (κλητικός) – когда бога призы…ают явиться; 2) напутственный (ἀποπεμπτικός) – когда бога …провожают; 3)) физический (φυσικός) – толкующий природу …анного бога; 4) мифологический (μυθικός) – излагающий миф …боге; 5) генеалогический (γενεαλογικός) – содержащий генеалогию бога; 6) вымышленный (πεπλασμένος) – содержащий этическую аллегорию; 7) молитвенный (προσευτικός) – содержащий просьбу сделать что-то; 8) отмаливающий (ἀπευκτικός) – содержащий просьбу не делать чего-либо.

После перечисления «видов» гимнов у Менандра следует существенное замечание: гимны бывают также «смешанные, состоящие из двух, трех или всех видов сразу»[51]. Основываясь на этом постулате Менандра, а также исследуя разные виды гимнов, Д. О. Торшилов приходит, на наш взгляд, к важному выводу[52]: «Менандровы «виды» (они же «идеи», εἴδη) – вовсе

48. K. Keyssner. Gottesvorstellung und Lebenauffassung in griechischen Hymnus. Würzburger Studien zur Altertumswissenschaft. Hf. 2. Stuttgart, 1932, S. 6.

Современное толкование сути жанра гимна восходит к античности. Еще Квинтилиан (Inst. oratoris. III, VII, 2) писал: «Хваля богов, вообще обращать надлежит благоговение слушателей к их величию, потом представлять могущество каждого из них, равно исчислять их изобретения, которые принесли людям какую-либо пользу».

49. Menandri Rhetoris. De genere demonstrativo in: Rhetores Graeci ed. L. Spengel. Lipsiae, 1856, v. III. Перевод, комментарии, изложение основных сведений о Менандре Лаодикейском и его трактате см.: Н. А. Рубцова. Менандр Лаодикейский и его сочинение «О торжественном красноречии». Античная поэтика. М, 1991, с. 158–180.

50. Менандр Лаодикейский. Ук. соч., с. 169. См. также: Д. О. Торшилов. Античная мифография: мифы и единство действия. СПб.: Алетейя, 1999, с. 27.

51. Менандр. Ук. соч., с. 169.

52. Д. О. Торшилов. Ук. соч., с. 26. Проблеме структуры гимна посвящена также работа Е. Данилевича «Морфология гимна» (Danilewicz J. Morfologia

не жанры, но принципы отбора и изложения материала. [illegible] семь названных им εἴδη — это восемь *способов*, которыми [illegible] жет воспользоваться пишущий гимн».

В эпоху эллинизма традиционные жанровые атрибуции [illegible] этического гимна в значительной степени стираются. Прежде всего, гимн окончательно теряет связь с культом, религией. Уже в классическую эпоху формируется рационалистическое толкование мифов, превратившее олимпийское семейство богов в аллегорическое изображение мироздания и миропорядка. Теперь толкование мифов приобретает специфическую форму так называемого евгемеризма[53].

Для поэзии традиционная мифология превращается в неисчерпаемый источник поэтических сюжетов. И Каллимах, следуя рационализму своего времени, смотрит на древние мифы сквозь призму тонкой иронии. Всякое религиозное чувство (проявляющееся хотя бы во II гимне) есть уже отстраненное, прежде всего рациональное переживание. Поэтому его гимны, безусловно, чисто литературный жанр, в котором поэт позволяет различные вариации и комбинации. По классификации Менандра они представляют собой настоящий «смешанный вид». Каллимах первым, насколько нам известно, позволяет смешение двух основных линий литературной похвалы — собственно гимна и энкомия. Похвала Зевсу (традиционный гимн) и похвала Птолемею (традиционный энкомий), например, в I гимне, настолько переплетаются, что только при внимательном чтении можно уловить переход от темы Зевса гимнического к теме Птолемея, т. е. собственно энкомию. Здесь Птолемей еще не называется по имени, но весь пассаж о «нашем государе» (ἡμετὲρῳ, μεδὲοντι (I, 86) – настоящий энкомий.

Апологетический характер гимнов в других случаях находит выражение в активном использовании Каллимахом от-

hymnu antiycznego. Pznań, 1976), основные аспекты которой изложены в статье Н. А. Рубцовой «Форма обращения как конструирующий принцип гимнического жанра». Поэтика древнегреческой литературы. М.: Наука, 1981, с. 215.

53. Евгемер (311–298), современник Каллимаха, в своем сочинении «Священная запись» (Ἱερὰ ἀναγραφή) всю мифологию и религию объясняет обожествлением некогда живших мудрых царей-законодателей. Подробнее см.: K. O. Brink and H. J. Rose. Euhemerus. The Oxford Classical Dictionary. Oxford, 1966, p. 344.

ных черт эпиникия (например, прославление побед Пто-
ея во II и IV гимнах). В IV гимне Птолемей не только на-
вым именем (IV, 188), Македонцем, сыном Спасителей
166), но и прославляется как будущий владыка мира (IV,
-168), как покоритель галлов (IV, 172–186).

Трудно представить, чтобы при таком подходе автор стре-
ился следовать какому-то одному «виду» гимна. Поэтому
не справедливым представляется мнение Д. О. Торши-
ва[54], что менандровы «виды» оказываются не классифика-
ией гимнов, «но осмысленным планом композиции гимна:
начала бога следует приветствовать, призвав его или выра-
в сожаление о его отбытии. Затем нужно рассказать о нем
– начав с того, какова его природа («физический гимн»), про-
лжив рассказ о том, что он совершил и какие блага принес
юдям («мифический»), а затем украсить речь неким поучи-
тельным иносказанием («вымышленный»). В конце же можно
братиться к богу с просьбой. В реальном гимне любая из «ча-
тей», конечно, может быть пропущена».

Каллимах, сохраняя в своих гимнах основные жанровые признаки (по Менандру «виды» – κλητικός и προσευτικός призывательный и молитвенный прежде всего), в остальном позволяет широкое варьирование, поэтому организация мифологического материала, композиция, поэтическая структура и язык выделяют его гимны на фоне всей гимнической традиции и, в первую очередь, в сравнении с гомеровскими гимнами.

Однако Каллимах, при всей оригинальности своего творчества, по-новому понимая поэтику и поэтическое творчество, в то же время, «выдвигает в виде принципа – οὐδὲν ἀμαρτύρητον ἀείδω (не пою ничего незасвидетельствованного)»[55] – в этом также одна из его особенностей. Поэтому в его гимнах можно видеть влияние самых разных источников: ионийского эпоса, эолийского мелоса, дорийской лирики, драмы, комедии, мима и т. д. Но основной источник для Каллимаха все-таки Гомер и гомеровские гимны. Выделение гомеровского субстрата, а конкретнее, гомеровских гимнов в текстах Каллимаха подтверждается большим фактическим материалом, накопленным как филологами прошлого, так и современны-

54. Д. О. Торшилов. Ук. соч., с. 28.
55. А. И. Зайцев. Ук. соч., с. 59.

ми учеными. Первые пять «больших» гомеровских [illegible] наиболее близки к каллимаховским по выбору материа[illegible] жетов, тем и т. д.[56] (Другие гомеровские гимны развер[illegible] мифологической narratio по существу не содержат, отно[illegible] явно к позднему времени). Самое же важное, оба цикла – каллимаховский, и гомеровский, имеют несомненную жан[illegible] вую общность.

Трансформация гомеровской традиционной мифологи[illegible] поэтики в *раннеэллинистической поэзии* – факт несомне[illegible] ный и неоднократно в науке исследовавшийся. Но чем очевид[illegible] нее факт сам по себе, тем настоятельнее возникает необход[illegible] мость выяснить конкретный характер этой трансформации, пути, которыми она осуществлялась, материал, на котор[illegible] она сказывалась, ее исторический и эстетический контекст, и, прежде всего, индивидуальные аспекты.

Каллимах может как угодно варьировать гомеровские сю[illegible] жеты, темы, образы, отдельные обороты и выражения, ис[illegible] кать редкие варианты мифов, умышленно противопоставлять свои обороты гомеровским, сознательно изменять смысл го[illegible] меровских формул – все это он будет совершать не вопреки гомеровской традиции, а именно на ее основе. «Гомер для Каллимаха, как и для всякого грека, создатель гекзаметра, великий образец», – писал Р. Шмитт[57].

56. По вопросу хронологии гомеровских гимнов и их соотношения с гомеровскими поэмами в науке существует большая полемика. Более обоснованной представляется точка зрения А. Лески (A. Lesky. Geschichte der Griechischen Literatur. 4–5 Lief. Bern, 1957), относящего «большие» гомеровские гимны к VII–VI вв. до н. э. См. также комментарии к гомеровским гимнам Е. Рабинович в: Гомеровы гимны. М.: Carte Blanche, 1995.

Гимн «К Аполлону» в рукописной традиции представлен как единый, и только в XVIII в. Рункен предложил разделить его на два гимна: один о рождении Аполлона (до ст. 178), другой об учреждении Пифийского оракула (со 179 стиха до конца). В издании Баумайстера гимн уже поделен на два (по Рункену), и русскоязычный читатель, читающий этот гимн в переводе В. Вересаева, знает два гимна – Делосский и Пифийский. В переводе Е. Рабинович гимн «К Аполлону» един, как считает переводчица, «древность знает только один гимн... этот гимн сохранила для нас рукописная традиция, и читателю можно предложить только его» (Е. Рабинович. Ук. соч., с. 69.). См. также Е. Рабинович. Мифотворчество классической древности. Hymni Homerici. Мифологические очерки. Изд-во И. Лимбаха, 2007, с. 103–112.

57. R. Schmitt. Die Nominalbildung in den Dichtungen des Kallimachos von Kyrene. Wiesbaden, 1970. S. 153. Ср. также из старых работ, содержащих большой фактический материал: V. J. Loebe. Commentationes de elocutione Callimachi,

[illegible] отношении поэзия Каллимаха оказывается в об[illegible]ле *поэтических* исканий александрийцев. Давно уже [illegible]но, что александрийская литература представляет со[illegible]странную комбинацию современного и древнего, инте[illegible]ый материал для адаптации старых форм в соответствии [illegible]выми потребностями и новыми *точками зрения*»[58]. Алек[illegible]дрийцы стремятся скорее подвести итог тому, что уже сде[illegible]но, чем использовать богатые возможности настоящего. [illegible]дивительно тонкое знание гомеровского эпоса, умение вос[illegible]произвести эпический стиль со всеми подробностями побу[illegible]ли некоторых исследователей решительно утверждать, что *Каллимах был чуть ли не плагиатором*: «Снова и снова в своих [illegible]произведениях он заимствует слова и фразы из более ранних [illegible]греческих поэтов и писателей и расставляет их в новой ком[illegible]бинации. Самым большим должником он, естественно, явля[illegible]ется перед Гомером»[59].

Проблема гомеровского влияния на творчество Каллимаха имеет длительную историю изучения. «Гомеровское» направление в исследовании творчества Каллимаха в новое время начинается с диссертации Л. Аулина[60]. Хотя автор ограничился лишь перечислением адекватных выражений и оборотов в обоих циклах, не объясняя, чем эти совпадения вызваны и как гомеровские формулы стилистически и функционально трансформируются у Каллимаха, Л. Аулин формулирует интересный и важный вывод. По его мнению, Каллимах – старательнейший имитатор Гомера, но настолько изящный и тонкий, настолько остроумный, что во всех случаях он руководствуется собственным мнением и вкусом. Эта точка зрения, почти никогда не подвергавшаяся

Pars prior. Pitbus, 1867. R. Degner. De dorismi usu *Callimacheo*, *Vratislaviae*, 1877; F. Bredau. De Callimacho verborum inventore, Vratislaviae, 1892; E. Maas. Kallimachos und Kyrene. Hermes, Bd. 25, 1890; P. Lorentz. Observationes de pronominum personalium apud poetas Alexandrinos usu. Diss. Leipzig, 1892 ; F. De Jan. De Callimacho Homeri interprete. Diss. Sraßburg, 1893; K. Kuiper. Studia Callimachea, Leiden, v. I, 1896; v II 1898; A. Ludwich. Callimachea, Königsberg, 1907.

58. H. G. Baldry. Greek literature for the modern reader. Cambridge, 1951, p. 290

59. Ср. E. A. Barber. The lock of Berenice: Callimachos and Catullus. Greek Poetry and Life. Oxford, 1936, p. 300; Г. Ф. Церетели. Бион, Ронсар и Шелли. Известия АН СССР, VII серия, 1930, с. 344.

60. L. A. Aulin. De elocutione Callimachi quaestiones. Upsala, 1856.

сомнению у последующих исследователей, резко ди[illegible] рует с концепцией К. Дильтея[61], выдвинутой тремя г[illegible] раньше. К. Дильтей считал, что Каллимах не только не[illegible] оценивает эпическую традицию, гомеровский эпос, чем [illegible] предшественники и современники, но относится к Го[illegible] резко отрицательно. Сторонники К. Дильтея (напри[illegible] К. Кобет)[62] в подтверждение своих взглядов находили [illegible] точные», «неграмотные» выражения и обороты у Калли[illegible] ха с точки зрения гомеровского языка и гомеровской т[illegible] диции. Резкие отзывы Каллимаха об эпическом творчест[illegible] встречающиеся в разных произведениях и фрагментах п[illegible] эта, а также научный авторитет К. Дильтея способствова[illegible] тому, что в той или иной степени данная точка зрения пр[illegible] существовала вплоть до середины XX века. И только в совре[illegible] менных работах убедительно доказывается ее ошибочност[illegible] Каллимах критикует кикликов, подражателей Гомера, а от[illegible] нюдь не самого Гомера. Можно было бы, конечно, не вспо[illegible] минать о полемике полуторастолетней давности, но и во вто[illegible] рой половине XX века встречались критические замечания на этот счет в адрес Каллимаха (ср. К. Баура[63] пишет: «В сво[illegible] ей любви к недостоверной информации Каллимах идет зна[illegible] чительно дальше, чем Аполлоний Родосский»).

В XX веке проблема гомеровского влияния решалась на бо[illegible] лее четких методических принципах. Поскольку Каллимах на[illegible] меренно обращался к традиционному гимну, само сравнение чаще стало строиться на материале произведений именно этого жанра. Такая конкретная постановка проблемы, давшая возможность всестороннего историко-литературного осмысления материала позволила прийти к убедительному выводу: эпические гомеровские гимны — несомненный источник заимствований для Каллимаха[64]. «Гимны Каллимаха — *естественное*

61. C. Dilthey. De Callimachi Cydippa. Leipzig, 1853; он же: Analecta Callimachea, Diss. Bonn. 1865.

62. C. G. Cobet. Callimachea. Mnemosyne X, 1861.

63. C. M. Bowra. Landmarks in Greek Literature. London, 1966. P. 259

64. Ср: H. Herter. Kallimachus und Homer. Ein Beitrag zur Interpretation des Hymnos auf Artemis. «Festschrift zum 75 jährungen Bestehen des philologischen Vereins und Bonner Kreises». Bonn, 1929; E. Cahen. Callimaque et son œuvre poétique. Paris, 1929; A. Wifstrand. Von Kallimachos zu Nonnos, Lund, 1933; H. Kranz. Kallimachos und die Sprache Homers: Eine Unterzuchung der Hymnen auf Apol-

...движение так называемых гомеровских гимнов», пишет ...альд[65], гомеровские гимны — «формальная модель для ...нов Каллимаха... основной *жанровый источник*, про... подтверждает мнение Е. Говальда К. Д. Мак Кей[66]; ...новной образец», — вторит им В. Штеффен[67] и т. д. С этими утверждениями трудно не согласиться — Каллимах действительно твердо стоит на традиционной основе, и даже в тех случаях, когда он ищет полузабытые варианты мифов, не встречающиеся у Гомера[68], гомеровская основа его поэзии очевидна. Каллимах не привносит в традиционную мифологию что-либо принципиально новое; его представления о богах, их культах, местах почитания целиком выдержаны в традициях классической мифологии — Гомера и Гесиода. Можно *даже сказать*, что Каллимах намеренно подчеркивает свою приверженность классике. В этом смысле, на наш взгляд, прав Ф. Ф. Зелинский[69], который утверждал, что гимны Каллимаха относятся к *гомеровским гимнам* приблизительно так же, как александрийский эпос к Гомеру и Гесиоду.

Каллимах далек от всего египетского, от попыток современного для его времени синкретизма (*у него нет упоминаний* даже, скажем, о Сараписе или Адонисе), ему чужд орфическидионисийский экстаз. Он, как и другие александрийцы, стре-

lon auf Delos. Diss. Wien, 1939. E. Howald, E. Staiger. Die Dichtungen des Kallimachos. Zürich, 1955. E. Howald. Der Dichter Kallimachos von Kyrene. Zürich, 1943; K. J. Mc Cay. The poet at play Callimachos. The bath of Pallas. Mnemosyne, Suppl. 6, Leiden, 1962; W. Steffen. Scripta minora selecta. V. 1–2. Wroclaw, 1973. A. Rengakos. Homerische Wörter bei Kallimachos. Zeitschtift für Papyrologie und Epigraphik. Bonn. Bd. 94. 1992. S. 21–47.

65. E. Howald, op. cit., S. 40.

66. K. J. Mc Kay, op. cit., p. 76

67. W. Steffen, op. cit., S. 116.

68. «Подлинные мифические элементы... могут встречаться даже там, где их меньше всего ожидаешь. Тем не менее, у одного автора очень редко удается обнаружить достаточно полную и хорошо иллюстрированную версию отдельного мифа. Более того, при поиске первоначальной формы мифа не следует полагать, что чем древнее источник, тем авторитетнее. Очень часто веселый Каллимах, чья жизнь пришлась на александрийскую эпоху, *фривольный* поэт эпохи Августа Овидий или педантичный Цец, живший в поздневизантийскую эпоху, дают бесспорно более ранний вариант мифа, чем Гесиод или греческие трагики...» (Р. Грейвс. Мифы древней Греции. Ред. и послесловие А. А. Тахо-Годи. М.: Прогресс, 1992, с. 6).

69. Ф. Ф. Зелинский. Александрийская поэзия // Н. Э. С. СПб., т. 1, с. 858.

мится скорее в старых преданиях открыть новые стороны, описать их по-новому, выдвигая на первый план в мифол[ог]ии частную жизнь, мысли и чувства простого, «маленького» человека. Стремление внутри эпической традиции создать что-то новое (как это проявилось в «Причинах», «Гекале») сказывается в поисках новых сюжетов, мотивов (например, рассказ о Тиресии в V гимне, сцена с маленькой Артемидой в III гимне и т. д.); в новой подаче сюжетов старых, известных (например, рождение Зевса в I гимне); в убедительности учености; в географическом реализме (что отчетливо явствует при сравнении с географией гомеровских гимнов). Несомненным новшеством является использование гомеровских оборотов, слов в новом поэтическом контексте. Причем Каллимах делает это настолько искусно, что его язык, являясь по сути традиционным, в то же самое время является «в высшей степени модернизированным эпосом»[70], идя по пути Гомера, как писал Г. Гертер[71], «он шел настолько не по-гомеровски, насколько это возможно». Конечно, каллимаховские гимны далеки, как уже говорилось, от культовой реальности. Безусловно, они чисто литературный продукт[72], но была ли мифологическая поэзия Каллимаха целиком арелигиозной – вопрос спорный. В одной из последних работ, посвященных этой проблеме, О. Д. Никитинский[73] пишет, что исследование иронического отношения к богам у Каллимаха затруднено из-за большого количества контекстов, которые по-разному можно интерпретировать. Обращая внимание на «рискованные выражения», которые поэт позволяет в адрес богов ради «экс-

70. R. Schmitt, op. cit., S. 153.

71. H. Herter. Kallimachos und Homer..., S. 50.

72. Традиционность поэтики Каллимаха отнюдь не ограничивается одним гомеровским влиянием. Созданный Каллимахом художественный стиль укореняется глубоко в греческое искусство и культуру. Пристальному вниманию всегда подвергалась несомненная связь Каллимаха с Гесиодом, лириками. И хотя гимны формально нельзя связать с лирической поэзией – они написаны гекзаметром (кроме V и VI гимнов) и внешне мало зависят от лирических гимнов – их глубинная связь несомненна. К такому выводу приходит А. Шастиньска-Симион, исследовавшая заимствования Каллимаха из Сапфо, Анакреонта, Алкея. (Ср. A. Szastyńska-Siemion. Lyryka archaiczna w zwiezciadle poetrji aleksandryiskiej (melos, jamb). Prace Wrocławskiego towarzystwa naukowego. Wrocław, 1967).

73. O. Nikitinski. Kallimachos-Studien. Studien zur klassische Philologie. Herausg. von M. von Albrecht. Bd. 98. Frankfurt am Main, 1996, S. 45.

-ментаторского веселья», О. Д. Никитинский усматрива- в общем контексте произведений подчеркнутое традици- ное благочестие поэта. «Это подчеркнутое благочестие, - пишет автор, — получает функцию противовеса к его ри- ванным выражениям. В этом смысле каллимаховское от- шение к религии можно обозначить как поле напряже- ия между традиционным благочестием и духовной распу- енностью (geistiger Zügellosigkeit)». Подводя итог анализу всех научных концепций, предложенных с XVIII в. по настоящее время, об отношении Каллимаха к религии, О. Д. Никитинский формулирует важный вывод[74]: «Современная филология стоит перед необходимостью искать новые пути, с тем чтобы преодолеть субъективизм распространенных теорий о характере религиозности поэта. Пришло время и обратить должное внимание на такой игнорируемый аспект интереса к религиозной тематике Каллимаха, как его „литературность“». Из отечественных исследователей к этой проблеме в каллимаховедении раньше других подошел С. С. Аверинцев. В одной из своих ранних работ — это были тезисы[75], которые, к сожалению, не получили дальнейшего развития, — С. С. Аверинцев писал: «По контрасту с традиционной гимнической поэзией в них (т. е. гимнах Каллимаха) отмечаются прежде всего условность и холодность, с одной стороны, и пародийная сниженность с другой (поэтому в поле зрения оказываются прежде всего особо гротескные «Гимн к Зевсу» и «Гимн к Артемиде»); исходя из этого, отношение Каллимаха к мифологической стихии понимается как чисто негативное. Иногда такое отношение, равно как и деформацию гимнической формы, пробуют объяснить гипотетической иррелигиозностью поэта, что само по себе методологически небезупречно...»

В известном смысле эта же проблема решается в диссертационном исследовании Ю. Ф. Панасенко[76], который анали-

74. О. Д. Никитинский. Мифическое прошлое в поэзии Каллимаха и его современников. Ук. соч., с. 9.

75. С. С. Аверинцев. Литературная специфика гимнов Каллимаха. *Тезисы* докладов третьей всесоюзной конференции по вопросам классической филологии. Киев. 1966, с. 1.

76. Ю. Ф. Панасенко. Функции эпитетов в гимнической традиции эпохи эллинизма. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 1984, с. 18.

зирует эпитеты Зевса на материале I гимна и приходит к выводу, что «смешение эпитетов, отсылающих к различным мифологиям, противоречащим друг другу: «Диктейский», «Ликейский», «небесный», «укротитель пелагонов»... то авторская рецепция гомеровских эпитетов Зевса в гиперболическом духе, то ли философская рецепция в духе... тезиса о вечности Зевса, вполне сознательно устроенная автором двусмысленность» (разрядка наша – *В. З.*) Двусмысленность порождает подтекст – основную инновацию Каллимаха в гимнах.

Отличие каллимаховских гимнов от гомеровских прежде всего – в *подаче* мифологического материала, в прихотливом комбинировании и варьировании мифологических фактов, сюжетов, мотивов, тем и т. д., в тонком и изощренном вплетении реалий своего времени в мифологическую narratio (выше уже говорилось, что, например, в IV гимне в рассказ о Делосе – родине Аполлона вставляется упоминание о Косе – родине Птолемея и т. д.); в авторской *интонации*, передающейся или от первого лица (как во II гимне), или через рассказчика (как во всех других гимнах). Авторская интонация может быть то шутливой и ироничной (как в I гимне – по поводу места рождения Зевса, как в IV гимне – по поводу пророчеств еще не родившегося Аполлона), то умилительной (например, в описании «детских» сцен с Артемидой в III гимне), то сочувственной (например, в рассказе о горе, постигшем родных и домочадцев Эрисихтона в VI гимне), то серьезной и гневной (как в отповеди своим противникам во II гимне) и т. д. Как писала О. М. Фрейденберг[77], «эллинистическая рационализация кладет начало процессам опосредования. Она и это делает еще конкретно, начиная создавать нарративную ткань с помощью... повествовательного «момента», имеющего за собой и впереди себя ряд событий, наделенных причинными связями и развернутых во времени и пространстве».

Поэтому – первое и основное, чем отличаются гимны Каллимаха от традиционных – это поэтическая структура и композиция гимнов. Возможность варьирования «видами» традиционного гимна больше, чем в каком-либо другом жанре,

77. О. М. Фрейденберг. Образ и понятие. Миф и литература древности. М., 1978, с. 268.

…воляла поэту отразить многогранность и конфликтность …ствительности в сфере субъективно-личностной. Мате… мифа при этом является не только и не столько целью …терпретации; по мнению большинства исследователей, … Каллимаха — лишь форма изображения, которая помо… автору, по выражению Г. Эрбзе[78] «представить невырази… . Каллимах идет не от мифа, сам миф для него вторичен, …тя любой его гимн, как уже говорилось, *строится на* твер… м фундаменте мифологической традиции. Но степень бли… сти, связь с гимнической традицией в разных гимнах вы… страивается поэтом по-разному. Если одни гимны («К Арте… миде», «К Делосу» и до некоторой степени «К Зевсу») имеют традиционные зачины, инвокацию, мотивировку темы уже во вступлении, то в других («К Аполлону», «К Деметре», «На …мовение Паллады») начало — остро драматическая экспо… зиция, включающая мотив мистической близости божества (это особенно характерно для гимна «К Аполлону»). Если в одних гимнах особенно сильны снижающие моменты, то в других — стремление прежде всего воссоздать (особенно в зачине) обстановку обряда, акцент на возможной и ожидаемой эпифании божества.

Такая противоречивость породила две основные линии, две традиции в изучении гимнов.

Одни исследователи полагают (например, Г. Эрбзе) что подход к гимнам Каллимаха следует искать в изучении и разъяснении самого мифа: миф — основное ядро, исходный момент интерпретации гимнов. Другие (например, Г. Гертер, Л. Дейбнер)[79], напротив, основную цель видят в изучении условного ритуального действа, церемонии, обрамляющей мифологическую легенду, и миф рассматривают лишь как намеренное заполнение лакун в описании условного ритуала.

Композиция гимнов действительно представляет собой четкое деление между мифологическим рассказом и описанием внешней ситуации; театральный эффект «ритуальных рамок» и эпическая направленность мифологических легенд давно позволили ученым вычленить для анализа своеобразные «вве-

78. H. Erbse. Zum Apollonhymnos des Kallimachos. Hermes, 83, 1955, S. 418.

79. H. Herter, op. cit., S. 434. L. Deubner. Ein Stilprinzip Hellenisticher Dichtkunst // Neue Jahrbücher für das klassischen Altertum 47, 1921, S. 376.

дения», «рамки», в которых поэт описывает реальную условную ситуацию, внешнюю обстановку, композицию, оформляющую мифологическую narratio.

Начиная с двадцатых годов прошлого века[80] гимны Каллимаха принято делить на две группы: 1–3–4 и 2–5–6.

Первая группа (1–3–4) гимнов, несмотря на предпринятую автором модернизацию, отчетливо обнаруживает гомеровский прототип. А. Вифтштранд[81] в свое время убедительно показал, что в языке 3 и 4 гимнов наибольшее число совпадений с гомеровским языком.

Вторая группа гимнов (2–5–6) даже в формальном отношении гораздо дальше отстоит от традиции. В них в первую очередь важен драматический эффект: в этих гимнах почти с первых строчек и до конца присутствует рассказчик, который обращается к толпе собравшихся участников празднества. Здесь нет собственно хвалебной песни (во 2-ом гимне автор лишь *призывает* хор мальчиков ее пропеть). И по ходу церемонии (процессии), развертывающейся перед читателем, поэт рассказывает о тех или иных благодеяниях (подвигах) бога. Вопрос об истоках драматически – мимического характера гимнов второй группы долгое время был дискуссионным. Уже Л. Дейбнер[82], Г. Пасквали и др. считали, что эти гимны – продукт смешения гимна и мима. По мнению Л. Дейбнера, Каллимах заимствовал это новшество у Феокрита, Г. Пасквали же считал, что данное решение гимнов – собственная находка Каллимаха. Однако ни тот, ни другой *не объясняли*, зачем Каллимаху понадобилось такое оригинальное решение. Г. Гертер, также обративший внимание на драматический характер этих трех гимнов, считал, что «мимика гимнов 2–5–6 должна пониматься только как второстепенное преобразование старой гимнической формы»[83]. По его мнению, мимический элемент мог быть внесен в гимны еще до Каллимаха, а склонность Каллимаха к миму обнаруживают и некоторые дошедшие эпи-

80. Впервые такой подход к исследованию гимнов был предпринят в названной работе Л. Дойбнера.

81. A. Wifstrand. Von Kallimachos zu Nonnos. Lund, 1933.

82. L. Deubner, op. cit., S.5

83. H. Herter. Kallimachos aus Kyrene // P. W. R. E. Suppl. 5. Stuttgart, 1931. Sp. 455.

мы. Э. Каэн[84], основываясь на анализе гимнов второй ..пы, также считал, что каллимаховские гимны есть пре..ение старых культовых песнопений в новую гекзаме..ческую форму[85]. Лирическое действие этой новой гим..ческой поэзии построено по возрастающей: кульмина..я, связанная с эпифанией божества, приходится на конец ..мна, который тут же обрывается. Свои доказательства ..Каэн строит, в основном, на анализе 5 и 6 гимнов. Имен..в этих гимнах он усматривал собственное и большое до..жение Каллимаха, именно таким образом, по его мне..ию. Каллимах выделил свою поэтическую индивидуаль..сть на общем фоне александринизма. Действительно, ..мны 2–5–6 отчетливо сохраняют основные черты культо..ых гимнов — описание музыкального сопровождения, хо..рового пения, элементов ритуала[86].

Мнение Э. Каэна в свое время резкой критике подверг Г. Гертер. Большим недостатком интерпретации Э. Каэна Г. Гертер считал, что оставшиеся три гимна 1–3–4 никак в эту схему не укладывались: в гимнах 1 и 3 нет ни малейшего намека на сакральное действие, а 4 гимн, как он пишет, «лишь приближается к культовому гимну, лишь до некоторой степени намекает на определенную церемонию»[87]. Кроме того, Г. Гертер, полагая ошибочным преувеличение Э. Каэном ритуальной стороны гимнов, считал гимны чисто литературной продукцией.

Так, начиная с 30-х годов XX века, вопрос о литературном характере каллимаховских гимнов перестал подвергаться сомнению, как и не вызывало сомнений выделение и объединение гимнов 2–5–6[88]. Все три гимна построены по сходной схе-

84. E. Cahen. Callimaque et son oeuvre poétique. Paris, 1929.

85. Большинство гимнов Каллимаха (4 из 6) написаны гекзаметром: поэт использует 21 вариант этого размера; каллимаховский гекзаметр, как считается, представляет собой развитие гомеровского гекзаметра, определенный этап на пути к гекзаметру Нонна Панополитанского.

86. В XIX в. исследователи творчества Каллимаха обращали внимание на эти элементы в первую очередь и на них строили свои интерпретации. Ср.: G. Bernhardy. Grundriss der griechischen Literatur. Aufl. 3. II Bd. Abh. 2. Halle, 1880, S. 263; T. Bergk. Griechische Literaturgeschichte, Bd. 4. Berlin, 1887, S. 176.

87. H. Herter, op. cit. S. 454–455.

88. Ср. J. Horowski. De Callimachi hymnorum colore mimico // Eos LIV, 1964, p. 68–73; K. J. Mc Kay, op. cit., p. 113; H. Erbse, op. cit., S. 419 и др.

ме: мифологический рассказ (narratio) включен в описательную рамку ситуации; такой ситуативной рамкой во всех трех гимнах являются культовые сцены: в гимне II «К Аполлону» – напряженное ожидание эпифании Аполлона в его собственном храме, в V и VI гимнах – описание шествия и приготовления к нему в честь Паллады (V гимн «На омовение Паллады») и Деметры (VI гимн «К Деметре»). Скорее всего, как считают в настоящее время, гимны 2–5–6 не описывают действительный праздник и не написаны для него, поэтому, как писал Г. Кранц[89], «ритуал представляется поэту лишь как рамка, внутри которой он выражает свои политические и личные чувства. Вместе с тем ясно, что ритуал имеет только подчиненное значение, это лишь введение».

Объединение гимнов 1–3–4 по композиционному признаку также уже доказано и принято большинством исследователей. Как в гимнах 2–5–6 принято выделять условные «ритуальные рамки», так в гимнах 1 и 4 обращают на себя внимание описания «внешних ситуаций», «введений». Начало I гимна «К Зевсу» воспроизводит обстановку симпосия: гимн поется во время возлияний в честь Зевса (Call. I, 1–19). Был ли это торжественный праздник при птолемеевском дворе или частный симпосий – мнения ученых расходятся. В IV гимне также имеется своеобразное вступление (Call. IV, 1–27), в котором прославляется бедный остров Делос, и заключение (Call. IV, 276–326) – воспевание славной родины Аполлона.

Особняком в композиционном отношении стоит III гимн «К Артемиде». В этом гимне нет никакого предварительного описания «ситуации», никаких «внешних рамок». Принято считать, что этот гимн – «наименее удачная попытка Каллимаха, скорее эпиллий, чем гимн»[90]; иногда исследователи пишут, что III гимн написан вообще без какого-либо лирического подъема. При чтении III гимна создается впечатление, что здесь Каллимаху важнее было не рассказать какой-то сюжет или показать тот или иной объект, а в предельно сжатой, динамичной форме собрать, по возможности, все сведения о культе Артемиды. Пестрота эпизодов приводит к поэтической изо-

89. H. Kranz. Kallimachos und die Sprache Homers. Eine Untersuchung der Hymnen auf Apollon und auf Delos. Diss. Wien, 1939, S 17–18.

90. H. Herter, op. cit., S. 455.

ственности, к обилию редких и редчайших мифологических имен и географических названий. Основные сюжеты мифологии Артемиды кажутся чрезмерно осложненными большим количеством сведений; на чем-то поэт останавливается подробнее, а что-то упоминает вскользь, с помощью эпитета отдавая предпочтение сюжетам наиболее древним и более спорным. Основная фабула мифа отступает на второй план; главная цель – дать целостное, универсальное представление о культе Артемиды. Такой универсальный, энциклопедический подход к объекту описания в рамках художественного произведения не только новое явление в гимнической литературе, но и весьма характерное для культуры эллинизма в целом.

В этом гимне четче, чем в каком-либо другом Каллимах стремится в рамках гимнического канона, как было сказано, утвердить энциклопедический, универсальный метод описания и показывает суть своего поэтического метода, которому свойственен эклектический сплав мифологических элементов с научным (для своего времени) анализом: с одной стороны, совершенное владение и любование всей греческой мифологической традицией, с другой – научный, регистрационно-энциклопедический подход к ней. Стремление к научности в данном гимне, как и в других, сказывается в обширном включении географических сведений в структуру гимна. География становится одной из форм «реализма» ученой эллинистической поэзии. В III гимне больше, чем в каком-либо другом, обращает на себя внимание принцип включения географии в структуру текста, который можно назвать «картографическим» (см. гл. II).

При чтении этого гимна создается впечатление, что поэт как бы «нанизывает» мифологические факты, почти не заботясь об их взаимосвязанности: именно подробности и детали, эпитеты и именования богини и являются главной заботой поэта; старые сюжеты, гомеровская поэтическая техника – лишь канва. Главный импульс – дать целостное и всеохватное представление об Артемиде, ее функциях, благодеяниях, о географии распространения ее культа. Последнее – картографический принцип описания мифологии – наиболее перспективное новшество Каллимаха отличает почти все гимны, но особенно IV и III.

Итак, уже на уровне композиционного построения можно констатировать, во-первых, крайнюю неоднородность гим-

нов и, во-вторых, их принципиальное отличие от гомеровских гимнов. Каллимах, сохраняя во введении и заключении основные структурирующие признаки гимна – призыв и мольбу к богу, в остальном не придерживается единого канона, его принцип – пестрота и разнообразие (ποικιλία).

Третий обязательный компонент гимна – narratio, мифологический рассказ, являющийся центральной частью гимна, также представляет собой дробную и пеструю ткань, сотканную из самых разных мифов, легенд, эпизодов и т. д. Как в калейдоскопе Каллимах собирает самые разные факты из мифологемы того или иного бога, создавая сложную цепь ассоциаций и отсылок. Только тонкий знаток и ценитель древней традиции может понять сложный рисунок подробностей, деталей, хитрое переплетение которых заменяет у Каллимаха последовательно-линейное изложение сюжета эпического гимна. Поэтому поэтическая структура гимнов не только не традиционна, но «вообще, как пишет Г. Гертер[91], – не строится по схеме терпандрова нома». Преемственность здесь спрятана вглубь и весьма сложно опосредована.

Чем вызван такой сложный ход поэтических рассуждений поэта? Почему, намеренно подчеркивая свою связь с традицией, таким сложным модификациям подвергается один из самых распространенных поэтических жанров? Конечно, гимны Каллимаха – продукт своего времени, где нашли отражение и философские, и художественно-эстетические принципы его времени. Но первое, что необходимо учитывать, анализируя гимны в этом аспекте и о чем речь уже шла выше (см. I главу), Каллимах, будучи по своему статусу первым поэтом при дворе Птолемеев, создает свои произведения в четко выраженном официальном, апологетическом направлении. И одной из причин столь радикального изменения поэтической структуры гимнов является стремление факты реальной истории, современности поставить вровень с фактами древней, почтенной мифологической традиции. Поэтому структура гимнов определяется, в основном, двумя планами повествования: религиозно-мифологическим, соответствующим канону гимна, и реально-историческим, когда автор, вопреки традиции, широко вводит современный, конкретный

91. H. Herter, op. cit., S. 435

материал. Использование традиционной мифологии для прославления царствующих особ — прием, обычный для энкомия, в александрийской поэзии был широко распространен. Достаточно вспомнить хотя бы творчество Феокрита. Каллимах же впервые — и в этом также его новаторство — использует для прославления Птолемея не только черты традиционного энкомия, но стремясь культ Птолемея представить таким же древним, как вся греческая мифология, — выбирает один из древнейших и традиционнейших жанров — гимн. Поэтому у него происходит смешение двух линий похвалы — похвалы богу и похвалы царствующей особе, при этом структурные принципы гимна явно превалируют, но гимническая narratio неизбежно теряет свою эпическую последовательность.

Автору надо из многих мифов и легенд сделать выбор, подобрать соответствующие эпизоды и моменты, отвечающие его целям, поэтому Каллимах избирает путь *конспективного* упоминания эпизодов, деталей, имен и т. д. К сказанному выше (см.: Структурные особенности гимна) добавим следующее. В гомеровском гимне «К Аполлону» стержнем является последовательное изложение мифов о рождении Аполлона и основании святилищ на Делосе и в Дельфах. У Каллимаха в аналогичных случаях (Аполлону он посвящает два гимна — II и IV) основу сюжета составляют перечисления-доказательства основных функций бога, рассыпанные по всем гимнам. Для него в мифологии Аполлона важно прежде всего, что он бог-покровитель, бог-защитник. Аполлон — покровитель Муз, певцов (об этом идет речь в таких контекстах: I, 78; II, 8; 16; 12–13; 28; 30–31; 43–44; 85–86; III, 180–183; IV, 5–6; 312–314); Аполлон — стрелок, защитник, покровитель воинов (II, 19; 43; 44; 99; 102; 103; 104; III, 8; 9; 81; 84; 119; 127; 212; 258; IV, 23; 95–96; 246; VI, 26; 101); Аполлон — исцелитель, покровитель врачей (II, 39–41; 45–46); Аполлон — покровитель пастухов (II, 47–54); Аполлон — покровитель строителей, основателей городов (II, 14–15; 55; 56; 57; 58–59; IV, 26); Аполлон — предсказатель, покровитель пророчеств и гаданий (I, 57; II, 29; 45; 65; 67; IV, 86–87; 89; 94; 189; V, 52; 121; VI, 31). Все эти функции Аполлона и мифы, с ним связанные, безусловно, традиционны, и в греческой литературе бесчисленное число раз повторялись. У Каллимаха же важен их подбор и компоновка, — уже самый выбор мифов, определенный аспект их осве-

щения обнаруживает чисто субъективный авторский по
хотя поэт и пытается скрыть это с помощью рационали
Если, скажем, в гомеровском гимне «К Аполлону» каждая
этих функций — тема отдельного большого эпизода и обст
тельная последовательность, нарративность этих эпизодо
первую очередь подчеркивает родство гимна с эпосом, у Ка
лимаха вся нить повествования предстает дробной и пестр
состоящей из множества имен, географических, мифологиче
ских отсылок и намеков. Читателя, привыкшего к эпическо
неторопливости гомеровского гимна, подобная скачкообраз
ность может или утомлять и раздражать, или удивлять и во
хищать неожиданностью ассоциаций и комбинаций. В боль
шинстве случаев, как уже говорилось, основная фабула мифа
отступает на второй план, уходит в подтекст. Благодаря этом
почти каждый образ у Каллимаха имеет как бы две проекции
одна, укорененная в мифологической традиции, вторая связа
на с реальной действительностью. Отсюда важнейший поэти
ческий принцип поэта — *συντομία* (краткость).

Новая поэтическая манера позволяет Каллимаху оба плана повествования — и мифологический, и реально-исторический — по-новому переосмыслить, представить в двойном свете. когда, пользуясь словами Г. Эрбзе[92], «серьезность и шутка оказываются переплетенными» — и этой цели у Каллимаха подчинен весь арсенал поэтических приемов и средств. Традиционные, монументально-возвышенные образы мифологического плана зачастую получают сниженное и бытовое звучание, а образы реально-исторического плана оказываются мифологически возвышенными (тема Птолемея прежде всего). На смену ценностям традиционной мифологии автор стремится создать новые официальные мифы внутри самой традиции, пользуясь всеми средствами эпической техники, и в первую очередь тем, что в мифологии, как пишет О. Фрейденберг[93], каждый мифологический образ «определяется прямой, буквальной конкретностью своих значений». Но конкретность и буквальность каллимаховских образов принимает принципиально иной смысл. Почти каждый эпизод, образ, фраза,

92. H. Erbse, op. cit., S. 421.

93. О. Фрейденберг. О происхождении греческой лирики. Вопросы литературы, № 11, 1973, с. 114.

…ться до отдельных словоупотреблений, у Каллимаха таят в себе некую «загадку», «подтекст», будучи соотнесенными с планом реально-историческим. Поэтому, скорее всего, Каллимах уходит от непрерывной и логичной последовательности изложения историй основания храмов, святилищ и т. д. – всего того, что являлось основой традиционных гимнов. У Каллимаха гимны (за исключением, возможно, V и VI) фактически никакого последовательного сюжета, легенды не содержат, представляя собой цепь свободных ассоциаций на ту или иную мифологическую тему.

3. ПОЭТИЧЕСКИЙ ЯЗЫК ГИМНОВ КАЛЛИМАХА

…εὐαχέα ὕμνον…
(Pind. P. 2.14)

Творческую оригинальность и индивидуальность Каллимаха определяют языковые особенности гимнов[94]. В эпоху эллинизма койне, становясь нормой литературного языка, превращается в общий язык литературы, объединяющий грекоязычную среду. Поэтому в языке Каллимаха диалектная, грамматическая вариативность создают тот «смешанный» язык, когда поэт одновременно может написать: Ἡφαίστου (III,74) и Ἡφαίστοιο (III, 48); τῆμος (III,80) и τᾶμος (V, 112); κούρα (III, 70; 72), κόρη (IV, 67) и κῶρα (V, 27); φέρευ (III, 31) и φέρε (VI, 136); ἐξαπίνης (III, 103) и ἐξαπίνας (VI, 60); δέρη и δέρα (III, 92) и т. д.

Проблемы, связанные с теми или иными языковыми употреблениями, в античности рассматривались риторикой, и «лучшее, что есть в античной риторике, – пишет М. Л. Гаспаров[95], – это продуманная связность всех частей от больших до мельчайших, это системная рациональность, столь характерная для греко-римской культуры». Теория изложения делилась на три раздела: учение об отборе слов, учение о сочетании слов и учение о фигурах. Последнее – учение о фигурах – имеет непосредственное отношение к поэтиче-

94. Частично материал этого раздела изложен в диссертации: В. П. Завьялова. Функционально-стилистическое значение тропов в гимнах Каллимаха. М., 1977.

95. М. Л. Гаспаров. Античная риторика как система. Античная поэтика. М.: Наука, 1991, с. 27

ской практике. «Фигурами (schemata, «позы», т. е. положения тела, отступавшие от спокойной неподвижности) назывались в античной словесности все выражения, отступавшие от той неопределенной нормы, которая считалась разговорной естественностью»[96]. В риторике выделенных фигур речи было огромное количество, которые, как пишет М. Л. Гаспаров, «было очень легко как-нибудь назвать, труднее определить и еще труднее систематизировать». Учение о фигурах различало фигуры мысли и фигуры слова, куда относились фигуры переосмысления, тропы, т. е. слова, употребленные необычным образом. Если фигуры мысли были теснее связаны со спецификой античной судебной речи, то фигуры слова, как было сказано, ярче всего проявлялись в поэзии. Не касаясь в данном случае недостаточности и уязвимости разработанной в античности номенклатуры тропов и фигур[97], отметим лишь, что в античности выделялись 7 основных видов тропов: метафора, метонимия, синекдоха, ирония, эмфаза, гипербола и перифраза.

В современной поэтике[98] троп рассматривается как некоторое противоречивое единство двух лексем, которые могут соотноситься между собой различно: 1. по принципу сходства — метафора и ее разновидности (компаративные тропы); 2. по принципу смежности — метонимия, синекдоха, антономасия (контигуальные тропы); 3. по принципу противопоставления — литота, ирония (контрастные тропы). При этом смысловая структура тропа не следует привычным фразеологическим ассоциациям, а, наоборот, сознательно им противопоставляется. Употребление тропов в художественной практике зависит от экспрессивности тропа, от стиля и художественно-эстетических особенностей литературной школы, к которой принадлежит автор. Процесс метафоризации — один из важнейших семантических процессов, действующих в языке.

96. М. Л. Гаспаров. Ук. соч., с. 40–41.

97. Подробную аргументацию см.: М. Л. Гаспаров. Ук. соч., с. 47.

98. Из теоретических современных исследований см.: Цветан Тодоров. Теория символа. Пер. с франц. Б Наумова. М., 1999; В. Г. Гак, В. Н. Телия, Е. М. Вольф и др. Метафора в языке и тексте. М., 1988; Теория метафоры. Под ред. Н. Д. Арутюновой. М.: Прогресс, 1990. О метафоре по учению Аристотеля см.: А. А. Тахо-Годи. Античные истоки традиционного представления о метафоре. Иноземна філологія, 9. Львов, 1966.

Преимущественное употребление автором тех или иных тропов — свидетельство стилистической и поэтической направленности его произведений, поэтому для исследования закономерностей индивидуального авторского стиля важно комплексное рассмотрение всех наиболее важных видов тропов[99].

В основе деления тропов на индивидуально-поэтические и общеупотребительные лежит эстетическая оценка тропа, возможная лишь в пределах широкого контекста — от контекста произведения до контекстов школы, направления, эпохи и т. д. Рассмотрение же тропов в аспектах семантической сферы, структуры и функции в конкретном произведении не зависит от их деления на индивидуально-поэтические и общеупотребительные, хотя при детальном анализе текстов гимнов (см. комментарии) этот момент также учитывается.

Метафора. Метафора — самый распространенный троп у Каллимаха. Общая тенденция переосмысления поэтической традиции существенным образом сказалась на характере метафорики поэта. Стремление к достижению совершенства литературного произведения путем добросовестной отделки деталей, внимательного отношения именно к мельчайшим подробностям привело к тому, что целостность образа, достигаемая как бы широкими мазками поэтической палитры, заменяется Каллимахом дробными, мелкими штрихами, добросовестно и тонко выписанными. Этим, на наш взгляд, можно объяснить то, что самый яркий и интересный в поэтическом отношении троп — метафора — не играет определяющей роли в гимнах Каллимаха, каковой она была, скажем, в гомеровском эпосе. Внимание поэта сосредоточено не на широте и глубине ассоциативного охвата действительности, не на способности увидеть неожиданные связи предметов и явлений, а на умении глубоко и всесторонне анализировать детали, уточняющие и дополняющий образ.

Понимание метафоры как лексико-грамматического единства одного или нескольких слов, из которых одно метафори-

99. Подробнее см.: В. П. Завьялова. К вопросу о предметно-номинативном аспекте тропов Каллимаха. Вестник МГУ, 1977, с. 36–46; она же: Предметно-логический аспект метафоры в гимнах Каллимаха. Из истории античной культуры. М., МГУ, 1976, с. 65–84; она же: К проблеме гимнической традиции в поэтике Каллимаха. Филологические науки, 1979, с. 39–45.

ческое, остальные пояснительные, позволяет выделить типы субстантивной, глагольной, адъективной метафоры, метафорические генетивные конструкции и т. д. в зависимости от того, какой частью речи является метафорическое слово. В какой степени и как метафоризация зависит от «семантической обстановки» можно увидеть при исследовании конкретных фактов. Для Каллимаха наиболее характерны одночленные и двучленные метафоры (бинарные метафорические синтагмы). В первом случае микроконтекст, ближайшее фразовое окружение, нейтрален к реализации метафоры. Например, в IV гимне о нимфе Астерии, которая упорно избегала преследований Зевса, Каллимах скажет, что она с небес прыгнула в «ров» (τάφρον IV, 37). Ближайшее фразовое окружение, микроконтекст к реализации данного тропа нейтрален, только из общего контекста IV гимна становится понятной метафоричность данной лексемы: «ров» вместо «море». Часто для интерпретации метафор Каллимаха необходим не только контекст данного произведения, но и важно учесть общий контекст мифологической традиции. Так, в V гимне, говоря о несчастной судьбе Тиресия, поэт подчеркнет, что такие «нити» Тиресию «Мойры сплели». Реализация данного тропа: «нити» (λίνα – V, 104) вместо «судьба» возможна в контексте всей мифологической традиции. То же самое можно сказать об одной из самых интересных метафор у Каллимаха: «жрец» (ἐσσῆνα – I, 66) вместо «Зевс» и т. д.[101] И, наоборот, для двучленной метафоры прежде всего важен микроконтекст, в рамках которого эта метафора существует, именно микроконтекст раздвигает рамки многозначности другого компонента, без него не произойдет процесс метафоризации. Случаи таких метафор: «Гера вопила по-ослиному (ἐπεβρωμᾶτο – IV, 56); «звезды пасутся» (βουκολέονται – IV, 176); «тополь закричал» (ἴαχεν – VI, 39) и т. д. Такие метафоры в гимнах представляют большинство[102].

100. Ср.: В. В. Виноградов. Основные типы лексических значений слов. Вопросы языкознания, 1953, № 5, с. 7.

101. К такого рода метафорам можно отнести следующие: II, 72; 112; 101; 110; III, 53; 71; 257; 263; 230; 139; 145; 79; IV, 240; 187; 225; 24; 249; 226; 81; 48; 54; 298; 134; 192; 233; 311; V, 92; 102; VI, 63 и др.

102. Ср: III, 245; 56–58; 223; 224; 133; 251; 226; 242; IV, 139; 159; 148; 103; 75; 312; 37; 262; 181; 125; 115; 176; 56; V, 83; VI, 40;102; 4 и т. д.

Значительно реже по сравнению с субстантивной и глагольной метафорой Каллимах использует метафорический эпитет. Но в определенных контекстах он может, например, сказать: «древнейшая (παλαιότατον) вода» — I, 40; «крокус сладкий» (ἡδύν) — II, 83; «трава быстробегущая» (ὠκύτοον) — III, 165; «сосок сладкий» (γλυκύν) — IV, 274; «отмель моря, томимая жаждой» (διψαλέην ἄμπωτιν) — IV, 130; «голод пылающий» (λοιμὸν αἴθωνα)— VI, 67; «Аполлон, горящий от любви» (κεκαυμένος ὑπ' ἔρωτι) — II, 49; «гора — «залохматилась» (κεκομημένον) — III, 41 и т. д.

Очень редко Каллимах прибегает к адвербиальной метафоре — практически можно назвать лишь два случая: «пальма сладко (ἡδύ — II, 4) склонилась» и «Афине не сладко (οὐ γλυκερόν — V, 99) похищать глаза детей».

Метонимия — троп контигуального (смежного) вида, помимо общих для всех тропов признаков, является тем художественным средством, с помощью которого автору удается связать изображения смежных предметов друг с другом, придать внутреннюю непрерывность словесным картинам, осуществить «широту захвата» реальности. Характеризуя контигуальный троп как «сжатое описание», выделяющее в изображаемом важнейшее, значительное с точки зрения автора, мы попадаем в сферу индивидуального поэтического языка, определяющего идеостиль автора. «Метонимические сдвиги, — пишет Д. Н. Шмелев[103], — во многих случаях связаны с сокращением словосочетаний («изделия из стекла» — «стекло» и т. п.), т. е. внешне подобны таким фактам изменения значений, которые обусловлены контекстными связями слов». И хотя метонимия не имеет той активности и экспрессии, какими обладает метафора, не создает двуплановости в тексте и вообще менее заметна и выразительна — у Каллимаха метонимия играет значительную роль.

Метонимия у Каллимаха оказывается тем искусством художественной детали, технического мастерства, которые прежде всего определяют его индивидуальную манеру. Во-первых, с помощью метонимии Каллимах стремится воссоздать гомеровский язык, эпический стиль, поэтому он так часто говорит:

103. Д. Н. Шмелев. Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973, с. 224.

«медь» (χαλκόν) вместо «зеркало»; «развязала пояс» (ἔλυε[ν] μίτρην) вместо «собралась родить» и т. д. Большинство тропов контигуального типа (помимо метонимии сюда входят и синекдоха, и антономасия) вносят в гимны дополнительный мифологический контекст, обладают литературно-мифологической соотнесенностью. Например, Каллимах говорит «дуб» вместо «костер, на котором был сожжен Геракл» (III, 159); «лавр» вместо «дельфийский оракул» (IV, 94); «Кельтский Арес» вместо «война с галлами» (IV, 173); «грязь, глина Прометеева» вместо «смертный человек» (frg. 192, 3) и т. д.

Чаще всего именно тропы контигуального вида подтверждают книжную ученость Каллимаха[104], его энциклопедические познания в области мифологии и литературы, его умение увидеть и воспроизвести конкретный мир деталей, предметов быта. Большинство метонимий у Каллимаха представляют собой одночленные субстантивные тропы, среди которых можно наметить следующие традиционные виды: 1) материал вместо вещи (тип: «медь» вместо «топор»): ср. VI, 60; V, 21; 19; IV, 282; III, 116; 159; II, 16 и т. д. 2) результат действия вместо производителя действия (тип: «следы» вместо «ноги»): IV, 230, 324; II, 12; III, 117; VI, 28 и т. д. 3) причина состояния вместо результата состояния (тип: «свет» вместо «день»): III, 182; VI, 82; V, 124 и т. д. 4) абстрактное вместо конкретного (тип: «творения» вместо «мед»): I, 50; VI, 50; IV, 120; VI, 102 и т. д. 5) конкретное вместо абстрактного (тип: «слезы» вместо «горе»): V, 68, 82, 87, 99, 80; VI, 136 и т. д. 6) содержащее вместо содержимого (тип: «город» вместо «жители города»): IV, 279–281; VI, 42, III, 34–35; IV, 168; V, 44; III, 8; II, 50; I, 49; IV, 286; VI, 92; III, 227; IV 180 и т. д. 7) признак вместо предмета или факта (тип: «черные» вместо «эфиопы»): I, 74; IV, 220; VI, 62; IV, 248; IV, 166; III, 14; 43; VI, 95; III, 178; IV, 96; IV, 280; V, 62; IV, 88; III, 160; II, 45 и т. д.

Значительно меньшую в количественном отношении группу составляют двучленные метонимии, которые, однако, в

104. Ср.: Г. Печ, анализируя тропы Гомера, трагиков и Аристофана, пришел к выводу, что «Илиада» и «Одиссея» богаты так называемыми пропорциональными тропами, которые, по его мнению, присущи именно богатой фантазии эпического поэта. А такие тропы, как метонимия и синекдоха, свойственны больше рефлективному мышлению, присущи, в основном, трагедии (Petsch, G. Die Tropen des Ilias und der Odysee // Neue Jahrbücher für das klassischen Altertum. № 29. 1912, S. 188).

стилистическом отношении играют достаточно видную роль: Карнейские часы» (Καρνειάδες ὧραι) вместо «Карнейский праздник (II, 87); «Хироновы вершины (Χειρονίδες ἄκραι) вместо «гора, на которой жил кентавр Хирон» (IV, 173), и т. д.

Синекдоха — также троп контигуального типа, и о ней практически можно сказать все то же самое, что и о метонимии. Наиболее характерная структура синекдохи у Каллимаха, получившая наибольшее распространение, — номинация части вместо целого (тип: «локоть» вместо «рука»): I, 30; IV, 107; V, 5; IV, 143; III, 128; III, 214; V, 127; 6 и т. д. Реже встречается синекдоха «целое вместо части» (тип: «сосна» вместо «сосновые ветки»): III, 201 и т. д. Традиционная синекдоха «единственное число вместо множественного» (тип: «глаз» вместо «глаза») употребляется Каллимахом очень часто: II, 52; V, 32; VI, 132; IV, 80; VI, 52; 131; 17; I, 71; 75; II, 43; I, 54; VI, 109; II, 54; III, 96; 245; 96 и т. д. Также высока частотность синекдохи «множественное вместо единственного» (тип: «головы» вместо «голова»): IV, 236; III, 27; V, 75; III, 202; IV, 182; VI, 86; VI, 41; 46; IV, 178; III, 96; VI, 128 и т. д..

И все-таки большинство синекдох у Каллимаха — это стершиеся, языковые тропы, свойственные греческому языку вообще и встречающиеся у многих авторов. Каллимаховскую специфику скорее отражают синекдохи, касающиеся географических и топонимических представлений. Это синекдохи типа: «кидонийцы» вместо «критяне» (I, 45); «ликтийский» вместо «критский» (II, 33); «фтиотийский» вместо «фессалийский» (IV, 112) и т. д. Характер и структура тропов контигуального вида в гимнах Каллимаха и в гомеровских гимнах, в основном, совпадают.

Антономасия — троп контигуального вида, представляющий совмещение обычного имени с перифрастической номинацией того же лица (например, «злоречивая женщина» вместо «Ниоба»). Отличие антономасии (иногда ее рассматривают как вид синекдохи или перифразы) в том, что она соотносится чаще не с каким-то реально-вещественным фактом жизни, а скорее с явлением литературной действительности, взятым автором из духовной сферы жизни, из литературно-мифологической традиции и является, таким образом, своеобразным мерилом уровня поэтической культуры. Частое использование собственных имен как показатель близкого

знакомства с конкретным материалом характерно для всех эрудитичных авторов. В эпоху эллинизма эта установка достигает своего апогея: подчас стирается граница между художественным произведением и справочником по истории, мифологии или географии. Наряду с прямой номинацией Каллимах часто и охотно прибегает к антономасии во всех гимнах; она оказывается самым каллимаховским тропом: поэт с удовольствием использует «мифологическую» антономасию для номинации реального факта (тип: «остров нимфы Эгины» вместо «остров Эгина») и, наоборот, «реальная» антономасия может характеризовать и мифологический, и реальный объект (тип: «теща» вместо «Гера») и т. д. Книжная, ученая направленность поэтики Каллимаха приобретает даже некоторый момент демонстративности в частом и намеренном употреблении антономасии (для сравнения: во всех гимнах встречается 105 случаев метафор, 66 метонимий, 69 синекдох и 67 антономасий). Простейший вид антономасии — антономасии-патронимы (тип: «Гипсеида» вместо «нимфа Кирена»): I, 91; 61; III, 45; 83; 263; IV, 150; V, 81; 107; 126; VI, 75; III, 145; V, 4; 3; III, 13; 62; IV, 315; II, 76; III, 254 и т. д. Антономасии-этнонимы (тип: «фригиец» вместо «Парис») в гимнах встречаются редко (например, V, 18), но достаточно часто во фрагментах. Антономасии, образованные по номинации родства, должности (тип: «теща» вместо «Гера»): III, 140; VI, 98; I, 94; IV, 216; III, 223; 90; 264 и т. д.

Двучленные антономасии, по сути, являются уже перифразами; чаще других встречаются антономасии, которые строятся по схеме «родственные отношения + имя» (тип: «мать Тиресия» вместо «Харикло»): V, 59; IV, 232; 67; V, 136; 34; VI, 78; III, 208; IV, 215; III, 205; IV, 310 и т. д.; нередки антономасии, образованные с помощью номинации профессиональной, возрастной характеристики людей (тип: «мой царь» вместо «Птолемей»): II, 26–27; I, 86; II, 68; IV, 304; 96; 189 и т. д.; иногда встречаются антономасии, образованные на базе сакральной лексики (тип «великий бог» вместо «Посейдон»): IV, 30; 256; 325 и т. д. Особую группу составляют перифрастические номинации географических объектов (тип «Ассирийская река» вместо «Евфрат»): II, 108; 76; III, 208; II, 73; I, 41; II, 74; IV, 166; VI, 11 и т. д. В этой группе номинаций Каллимах прибегает к особо усложненному способу именований, например, «пролив телки Инахионы» (III, 254) вместо «Боспор», где в

перифразе участвует антономасия «Инахиона» вместо «Ио»; ср. I, 41 и т. д.

Намеренную игру антономасией (это очень характерный прием для Каллимаха) можно проиллюстрировать таким примером. В III гимне поэт подробно расскажет историю одной из любимых нимф Артемиды — Британартис, которую после истории с Миносом кидонийцы (т. е. критяне) зовут Диктиной (III, 190–203). Диктиной зовут теперь и саму богиню, но именует ее Каллимах здесь не Артемидой, а «светоченосной Упис». Т. е. читатель должен «уловить» в данном контексте такое тройное именование: Диктина — Упис — Артемида.

Перифраза[105] — троп, строящийся на замене одного слова несколькими (тип «опоясанные мужи Энио» вместо «воины»): II, 85–86; I, 71; 74; VI, 5; I, 70; VI, 95; I, 68; V, 26; IV, 31; 90; 169–170; I, 15; III, 63; 66; II, 14; IV, 234; IV, 296–297; V, 23; III, 33–34; II, 113.

Частным случаем перифразы являются эвфемизм и литота.

Эвфемизм — замена грубого, просторечного слова более литературным (тип: «быки в последний раз падают на бедро» вместо «быков убивают»): II, 79; IV, 186; 240; 38; 247–248; VI, 131; V, 78 и т. д.

Литота — замена «прямого» слова двойным отрицанием (тип: «не очень нелегко» вместо «трудно»): III, 1; I, 85; III, 226–227; IV, 87; 167 и т. д.

Ирония (от греч. εἰρωνεία — притворство, особенно в речи, когда кто-либо одно говорит, а другое думает, или когда кто-либо прикидывается не знающим того, что он хорошо знает). «Ироником» в древнегреческой комедии назывался шут, притворяющийся глупее, слабее (и т. д.), чем он есть, в противоположность «бахвалу», шуту, притворяющемуся умнее, сильнее (и т. д.), чем он есть. Отсюда пошли все значения этого слова, начиная от названия риторической фигуры»[106]. Случаи иронии, сарказма, как тропа, у Каллимаха достаточно редки: когда Харикло упрекает Афину за то, что она лишила ее сына зрения, с явной иронией она воскликнет: «таковы вы, боги, *друзья*» (в значении «недруги» — V, 86); о собаках Аристея, разорвавших собственного хозяина, Каллимах

105. Все случаи перифраз, как и всех тропов, выявляют свой характер только в греческом тексте; поэтому подробнее о них сказано в комментариях.

106. М. Л. Гаспаров. Античная риторика как система..., с. 46.

иронично заметит «таким образом они *пообедали*» (V, 113) и т. д.

Гипербола — усиление значения, преувеличение. Как троп гипербола встречается у Каллимаха нечасто: «полумертвые» вместо «напуганные» (VI, 59); «нечто невыразимое» вместо «гнев» (VI, 57) и т. д.

Итак, подавляющее большинство тропов подтверждает общий характер поэтики Каллимаха. С одной стороны, поэт всячески стремится подчеркнуть традиционность своей поэзии, и это сказывается не только в выборе традиционного жанра — гимна, но и в намеренном, подчас стилизаторском сохранении эпической окраски. Характер и структура тропов в большинстве своем остаются традиционно-эпическими[107]. Но при этом традиционные тропы служат лишь стилистической окраске «под старину», теряют свой живой характер, превращаясь в языковые штампы. Вместе с тем, тропы контигуального типа (метонимия, антономасия), имеющие больше рациональную основу, усиливают конкретно-детализированную, психологически-утонченную образность гимнов, их иносказательность, выявляя рефлективный характер поэтики в целом.

Поэтический язык Каллимаха изобилует *гапаксами* (от греч. ἅπαξ εἰρημένον — слово или оборот, употребленные говорящим или пишущим «один раз») и *неологизмами* (от греч. πρῶτον εἰρημένον — слово или оборот, употребленные впервые). В индексе Ф. Лаппа[108] только для одних гимнов перечислены 90 гапаксов и 109 неологизмов. Правда, далеко не все новые словоупотребления одинаково интересны; часто Каллимах изменяет лишь род, число обычного для греческого языка слова, подчиняясь избранному метру. В дальнейшей традиции многие неологизмы поэта повторяются или на их основе создаются новые слова другими поэтами. В этом смысле «каллимаховцами» в последующей традиции можно назвать, в первую очередь, Нонна Панополитанского и Дионисия Периэгета (II в. н. э.). Приведу лишь один пример. С гомеровских времен трезубец Посейдо-

107. Сопоставление тропики Каллимаха с языком гомеровских поэм и гомеровских гимнов было целью нашего диссертационного исследования, результаты исследования представлены в ряде статей (см. работы, указанные выше).

108. F. Lapp. De Callimachi Cyrenaei tropis et figuris. Videnavenis. MCMLXV, p. 155–175.

на называется τριγλώχιν ὀϊστός («трехзубая стрела» – Hom. Il. V, 393; XI, 507). Каллимах тот же трезубец называет: «трехзубый меч» (ἄορι τριγλώχινι) – IV, 31, а Сицилию: τριγλώχιν... νῆσον (fr. 1, 36). Нонн, а за ним и Дионисий Периэгет тот же трезубец Посейдона назовут – πολυγλώχιν – со многими зубцами (Nonn: II, 676; V, 256; XIII, 403; Dion. Per. 476) и т. д.

Своими неологизмами и гапаксами Каллимах как бы продолжает игру с читателем в «загадку»: ему нравится поставить читателя «в тупик», ему нравится ошеломить его чем-то необычным и особенным, заставить обратить внимание и задуматься: «почему так?». Скажем, в третьем гимне Каллимах единственный раз называет Елену Рамнусийской (Ῥαμνουσίς – III, 232) по рамнусийскому дему в Аттике, но ведь там находился храм не Елены, а Немесиды; в том же гимне Артемида названа Корийской (Κορίη – III, 234), хотя в Аркадии почиталась всегда Афина Корийская. В том же, третьем гимне можно отметить такие неологизмы: λιμενοσκόπος (III, 259); λεγνωτός (III, 12); χορῖτις (III, 13); ἄμιτρος (III, 14); μελαμψήφις (III, 101); πρωτάγριον (III, 104); ἐπιψοφέω (III, 247) и т. д. В IV гимне Каллимах скажет: ἁλιπλήξ (IV, 2), ἀμφιβόητον (IV, 33), βαρύγονος (IV, 78), δυστοκέες (IV, 242), ἰχθυβολῆες (IV, 15). У него часто можно встретить новообразования с πολυ-: πολύλλιτε (II, 80, IV, 316), πολύπτολι (III, 225, IV, 266), πολύστιον (I, 26), πολυτρόφε (VI, 2, 119) πολύθεστε (VI, 47), πολυμέδιμνε (VI, 2), πολυμέλαθρε (III, 225, πολύβωμε (IV, 266, 316). К гапаксам Ф. Лапп относит такие образования: Ἀμνισιάς (III, 162), образованное, очевидно, от топонима Ἀμνισός; ἀφρικτί (III, 65) от φρίσσω; ποδόρρως (III, 215) – от πούς и ῥώννυμι; κυνηλασίη (III, 217) от κυνηγεσία, κοιτακροταλίζω (III, 247) – от κροταλίζω; ἀγάλακτες (II, 52); ψευδοπάτωρ (VI, 98) и т. д.[109] Такая «игра» со словами вполне во вкусе Каллимаха и рассчитана на читателя, который не только ее поймет, но и оценит.

Исследование специфики поэтического языка Каллимаха выявляет не только более рационалистическую основу его поэтики, его стремление к иносказанию в языке (преимущественное и характерное употребление метонимии и антономасии, например), но и тот круг представлений, те *сферы жизни*, которые оказываются вовлеченными в поэтическое мыш-

109. Все неологизмы, гапаксы объяснены и переведены в комментариях.

ление поэта. В основном, как показывает тропика Каллимаха, преимущественными областями, «питающими» поэтическую образность поэта, являются: антропонимия, неживая природа, зоонимия, фитонимия, топонимия.

Много раз уже повторялось, что научные интересы Каллимаха чрезвычайно широки и разнообразны, поэтому область мифологической географии, этнографии, топографии следует признать наиболее разработанной. Выше уже приводился пример иносказания: «Ассирийская река» вместо «Евфрат» (II, 108), точно также поэт скажет «Асбистийская земля» вместо «Киренаика» (II, 76); «ликтийский» вместо «критский» (II, 33); «стимфейский» вместо «эпирский» (III, 178); «из Кекропы» вместо «из Аттики» (III, 227); «могильный холм Иолка» вместо «могила Пелия» (III, 208); «Инах» вместо «Арголида» (IV, 75); «Аргос» вместо «жители Аргоса» (V, 54); «Кирена» вместо «жители Кирены» (эпигр. 20, 5) и т. д.[110]

Область *фитонимии* используется Каллимахом не так часто, как, скажем, Феокритом[111]. Но и из этой сферы поэт привлекает достаточно много оригинальных поэтических тропов: «гриб» вместо «языки пламени» (фрг. 269); «цветочные чашечки» вместо «серьги» (фрг. 80, 5); «корни» вместо «нижние слои острова» (IV, 35); «дуб» вместо «костер» (III, 159); «золотые яблоки» вместо «сады Гесперид» (VI, 11); «лавр» вместо «оракул Аполлона» (IV, 94) и т. д.

Тропы, образованные Каллимахом на базе *зоонимии*, чаще соотносятся с каким-либо мифологическим преданием: «ликаонская медведица» вместо «Каллисто» (I, 41); «черепаха» вместо «лира» (II, 16); «огромный змей», «ужасный змей», «зверь» вместо «Пифон» (IV, 91; II, 101; IV, 92; II, 100); «пчелы» вместо «жрицы Деметры» (II, 110); «соловьи» вместо «песни» (эпигр. 2, 5); «пауки» вместо «ткачихи» (фрг. 253, 12) и т. д.

Лексика, отражающая *неживую природу*, стихийные явления, при образовании тропов используется Каллимахом сравнительно редко, но является весьма выразительной. Напри-

110. Все случаи иносказаний по-гречески см. в комментариях.

111. Ср.: «На первом месте в поэмах Феокрита стоит мир растений; ...(у него) встречаются 18 названий различных видов кустарников, 14 названий цветов и 23 названия трав... Наряду с растениями в стихотворениях Феокрита немалую роль играет и животный мир» (М. Е. Грабарь-Пассек. Буколическая поэзия эллинистической эпохи. Феокрит, Бион, Мосх..., с. 212.

мер, поэт говорит: «ночь» вместо «слепота» (IV, 62); «звезды» вместо «Кастор и Полидевк» (V, 25); «звезды» вместо «Аконтий и Кириппа» (фрг. 67; 8); «росы» вместо «капли масла» (II, 41); «свет» вместо «факел» (III, 117); «свет» вместо «глаза» (III, 53; 71; V, 92); «сиять, сверкать» вместо «смотреть» (VI, 4; IV, 125); «черные» вместо «эфиопы» (VI, 1); «ров» вместо «море» (IV, 37); «дороги» вместо «лады лиры» (I, 78); «желтая медь» вместо «зеркало» (V, 21); «медь» вместо «топор» (VI, 60) Каллимах может сказать: «вершина течет убийством» (III, 224); «лить по каплям» о молнии (III, 118), о волосах (II, 39) и т. д.

Но наиболее широким при образовании тропов является круг представлений, связанный с *человеком и его деятельностью.* Субъективность поэтики Каллимаха, о чем постоянно пишут исследователи, ее личностное начало базируется прежде всего на человеческой субъективности. Как раннеэллинистическая эстетика в целом, так и поэзия эллинизма, являясь в известном смысле противоположностью классики, отличается субъективным восприятием именно мира человека. Применительно к гимнографии это положение находит подтверждение в том, что в отличие от эпического поэта, который видел и строил свои поэтические образы чаще «через природу», объясняя, сравнивая, заимствовал тропы именно из этой сферы жизненных наблюдений, — Каллимах видит все как бы «через человека», воспринимает мир через «человеческую наглядность». Именно субъективное, личностное начало поэтики Каллимаха заставляет некоторых исследователей[112] утверждать, что каллимаховские гимны «ничего общего не имеют с гомеровскими гимнами», которые в бóльшей степени объективны и безличностны. Всякий раз, когда поэт хочет выразить действенность, жизненность того или иного явления, он обращается к человеку, к тому предметно-вещественному кругу явлений, которые окружают человека в жизни и в быту. Если антропоморфизм вообще свойственен *греческому мышлению*, то у Каллимаха это еще и *специфический поэтический прием*, который *последовательно проводится* во всех дошедших произведениях.

Вот, например, характерный для Каллимаха случай «одушевления» ученой географии из IV гимна: в страхе «плясала»

112. G. M. Bowra. Landmarks in Greek literature. London, 1966, p. 55.

вся Фессалия (IV, 139), «бежали» Аония, Дирка и Строфия (IV, 75–76), «бежала» вся Пелопида (IV, 72); горы Оссы и равнина Кранона «дрожали» (IV, 137), река Пеней «лила слезы» (IV, 121), Анавр, великая Лариса и Хироновы вершины «бежали» (IV, 103), острова, реки «боялись» (IV, 159); «следовал много сзади Асоп, тяжелый на ногу» (IV, 78) и т. д.

Каллимах стремится к предельному насыщению произведений действующими лицами, самая избыточность которых определяет напряженно-динамичный ритм гимнов. Детальное описание бесконечного числа лиц, фигур в их непрерывном движении, действии, постоянное акцентирование бытового, предметно-вещественного круга явлений создают тот особый стиль «бытовой мелкописи», по выражению Д. С. Лихачева[113], который определяет повествовательную манеру Каллимаха. Но при этом реалистические элементы в изображении человека, многопредметная детализация создают лишь иллюзию действительности — все это поэт вносит в застывший мир мифологической традиции, пытаясь через наглядный, предметный ряд «оживить» старинные предания. Умелым сочетанием традиционного мифологического олицетворения и авторского намеренного «оживления», «одушевления» фиксируется не только высокое техническое мастерство поэта-стилизатора, но и специфический подход Каллимаха к поэтике. Выше мы писали, что патронимы, этнонимы — регулярный прием, используемый Каллимахом («Лагид» вместо «Птолемей», «Кронид» вместо «Зевс», «Атрид» вместо «Агамемнон», «Алкид» вместо «Геракл», «Эверид» вместо «Тиресий», «Кадмеида» вместо «Автоноя» и т. д.); также часто в описательном названии местности, горы, острова и т. д. участвует собственное имя бога, царя, героя: «город белокурого Трезена» вместо «Трезен», «земля Александра» вместо «Александрия», «земля Даная» вместо «Аргос», «земля Миноса» вместо «Крит» и т. д.; чаще, чем собственное имя бога, героя, Каллимах использует этнонимы: «фригиец» вместо «Парис», «кекропиды» вместо «афиняне»; «пелазгиды» вместо «аргивянки», «делиец» вместо «Аполлон», «Тиринфянин» вместо «Геракл» и т. д.

Для Каллимаха человек находится непременно в кругу родственных, семейных, дружеских отношений: «мать Тире-

113. Д. С. Лихачев. Человек в литературе Древней Руси. М., 1970, с. 150–151.

сия» вместо «Харикло», «мать Акториана» вместо «Поликсо», «отец» вместо «Птолемей», «лжеотец» вместо «Посейдон», «молодая супруга Зевса» вместо «Гера», «супруга Дейонида Кефала» вместо «Прокрида», «дикий сын Пасифаи» вместо «Минотавр» и т. д. Нередко Каллимах выделяет возрастную характеристику: о реке Феней он скажет: «старец Феней», о легендарном Олене — «ликийский старец» и т. д.

Функцию тонкой детализации нередко в гимнах выполняет лексика соматического круга представлений о человеке, например: «спина» моря, «брови» рыбы, «губа» вороны, «шея» об Истме, «голова» вместо «устье реки», «рука» вместо «власть», «желудок» вместо «аппетит», «волосы, кудри» вместо «листва» и т. д.

Четыре гимна из шести Каллимах посвящает женским божествам — Деметре, Артемиде, Афине и Астерии; поэт умеет тонко передать настроение женщины, ее причудливый нрав, кокетство, хитрость, что говорит о его мастерстве поэта-психолога. Часто встречающаяся экспрессивно-эмоциональная лексика, передающая всевозможные аффекты человека, его поведение и состояние, подчеркивает глубокую эмоциональность поэта. Например: «слезы» вместо «горе»; река Пеней «лила слезы»; острова, реки «боялись»; горы Оссы и равнина Кранона «дрожали»; Этна, Тринакрия, Италия, Кирн «кричали»; дерево «испытывает боль», горы Анавр, Лариса, Хироновы вершины от страха «бежали», река Пеней «отступала назад» и т. д.

Иногда поэту бывает важно обратить внимание на вкусовые ощущения человека: «сладкий» сосок, пальма «сладко» нагнулась и т. д. Нередко Каллимах акцентирует внимание на обыденном поведении, состоянии человека: голод «сидит», река «закусывает» вместо «река подтачивает стену», слеза «спала», гора «залохматилась» лесом, ветка маслины «залохматилась» вместо «отросла»; «усыпить» можно огонь, волну; любовь «истощает» и т. д.

Будничная сторона жизни определяет массу бытовых предметов, аксессуаров, благодаря которым присутствие человека, внимание к нему в гимнах становится явным: «нити» вместо «судьба», «новобрачная постель» вместо «свадьба», «постель» вместо «супружество», «шерсть» вместо «одежда», «митра» вместо «власть»; «неумолчный котел» вместо «додонский оракул», «метла» вместо «нимфа Астерия» и т. д.

Ни человек, ни окружающий его мир не остаются у Каллимаха неподвижными; больше всего поэт любит описывать процесс, движение, действие. Поэтому так часты в гимнах тропы, связанные с активной трудовой деятельностью человека: «ткать» миф, «выбивать» голос, «выбивать» болезнь; гнев «впихивать», основания храма «сплетать». Геракла поэт называет «наковальней», «труд» вместо «песнь» и т. д. Деревенский земледельческий труд — частый поэтический образ у Каллимаха: «нива» вместо «волосы», «сеять» вместо «оплодотворять», «зола пасет уголь», язва «пасет» скот; иней «пасет» пашни, звезды «пасутся» на небе. Человек у Каллимаха — по преимуществу городской житель. Поэтому город с его бытом и устройством чаще всего фигурирует в произведениях поэта: «многодомный» вместо «имеющий много храмов», «городская башня» вместо «город» и т. д.

Бытовое, негероическое содержание гимнов сказались также в том, что военная лексика — очень редкое явление; можно назвать лишь отдельные, нехарактерные случаи: «сражение» — о споре врачей, «рана» — о человеке, страдающем от любви; разногласие «ранит», «спешащий на боевой клич» — вместо «покровитель». Лексика из области общественных игр, спортивных состязаний у Каллимаха встречается редко, но отдельные, характерные случаи отметить можно: «награды» вместо «жертвы», «состязания» вместо «обязанности», «вооружилась» вместо «приготовилась», «обегать» вместо «воспевать» и т. д. То же самое можно сказать о лексике из области мореплавания, морской стихии. Тропы, образованные на базе такой лексики, — очень редкое явление: «якоря» вместо «дети»; «укрепился с кормы» вместо «укрепился основательно» и т. д. Неожиданные ассоциации возникают в связи с лексикой из области торговых, денежных отношений: «плата» вместо «дочь Агамемнона», «примирительный дар» вместо «Ифигения», «большая плата» вместо «зрение», «задолжавший» о боге и т. д. Зато лексика из области музыкального, изобразительного искусства представлена широко: «лепить» вместо «обдумывать», «вылепить» вместо «подражать», «припевы» в значении «Музы»; Фессалия «плясала», лебеди «подпевали», флейты «подпевали» и т. д. Нередко Каллимах создает тропы на базе сакральной, культовой лексики: «храм» вместо «город», «трудный бог» вместо «Эрос»;

Фрии» вместо «пророчества», «избегающая Зевса» вместо Астерия и т. д.

Итак, при образовании тропов, в целом, можно сказать, что Каллимах чаще всего обращается к лексике, связанной с человеком, — *антропонимии* (247 из 355 тропов). При этом преимущественно используется соматическая лексика (60 случаев), перифразы в номинации богов (36 случаев), лексика, отражающая общественное положение людей (21 случай), этническая (25 случаев), предметно-бытовая (34 случая), профессионально-бытовая (24 случая), экспрессивно-эмоциональная (17 случаев). Остальные лексико-семантические группы — военная, лексика из области спортивных соревнований, из области искусства, сакрально-культовая, торгово-денежная, «городская» и «деревенская», из области мореплавания и морской стихии — встречаются у Каллимаха почти одинаково (от 5 до 10 случаев); лексика, характеризующая возраст человека, представлена весьма скромно (всего 3 случая).

Конечно, приведенный выше перечень никак не может рассматриваться как исчерпывающий: при чтении самих текстов могут уточняться, добавляться и т. д. как сами лексические группы, так и толкование конкретных случаев тропеических выражений. Для нас важно было лишь показать общую тенденцию, а именно: поэтический язык Каллимаха, традиционный для гимнического жанра с его эпическим стилем, переосмыслен поэтом с позиции утонченного художественного видения, свойственного эллинистической поэзии. Поэтический язык Каллимаха подтверждает двойственность структуры гимнов: наряду с архаизаторской стилизацией гимнам явно свойственна авторская ирония. Мифологическая нарративность сменяется у Каллимаха удивительным соединением лирического, эмоционально-взволнованного начала с рационалистической точностью и ясностью, продуманностью языковой формы. Поэтическая индивидуальность Каллимаха, отказавшегося от последовательного изложения сюжета, от гомеровской простоты, — в особой компоновке деталей, создающих поэтический образ импрессионистически, в особом ритме и рисунке стиха, построенного на ассонансах и повторах, в единственно найденном точном слове, часто взрывающем стих своей необычностью, т. е. в той поэтической мане-

ре, которая определяет интеллектуальную поэзию, у истоков которой стоит Каллимах.

Наконец, последнее, о чем еще раз хотелось бы сказать, предваряя чтение гимнов, — об особой авторской интонации, передающейся через рассказчика, который неизменно присутствует во всех гимнах. (Эта поэтическая манера в той или иной степени характерна для всех произведений Каллимаха, взять хотя бы наиболее яркий пример из «Причин» — элегия «Аконтий и Кидиппа»). Сквозь книжность и ученость, иносказания разного рода сквозит доверительно-разговорная интонация поэта, который легко и весело, с тонкой иронией увлекает читателя в мир бесконечно далеких преданий, стараясь в шутливой форме охватить весь этот мир как бы сразу, не вдаваясь в подробности того или иного сюжета, полагая, что тому читателю, к которому он обращается, это все уже хорошо знакомо. Остроумная и неожиданная комбинация, тонкий намек, игра с подтекстом, со словом — вот что увлекает поэта в первую очередь, воплотившего в своем творчестве основные принципы новой поэзии: «συντομία» (краткость), «ποικιλία» (пестрота) и «λεπταὶ ῥήσεις» (изящество), «πολυμαθία» (многознание), «τορεία» (чеканность) – с неизменно тонким художественным вкусом и чувством меры.

Все имеющиеся в нашем распоряжении гимны Каллимах создал в александрийский период своей жизни, начиная с конца восьмидесятых годов вплоть до середины сороковых. Последовательность гимнов, как было сказано во введении, восходит к рукописной традиции, но, учитывая стилистические особенности гимнов, а главное — всевозможные, предложенные на сегодняшний день хронологические «привязки» создания гимнов, последовательность их написания можно представить следующим образом. Первым, скорее всего, был написан гимн «К Зевсу» (восьмидесятые годы), затем «К Делосу» (семидесятые годы), потом, возможно, гимн «На омовение Паллады», затем «К Артемиде» (шестидесятые годы), «К Аполлону» (пятидесятые годы) и последним, возможно, «К Деметре» (начало или середина сороковых; подробная аргументация — в комментариях).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Ямбическая эпиграмма[1], предварявшая гимны в рукописной традиции:

Ὑμνῶ τὸν ὑψίζυγον ἐν πρώτοις Δία,
Φοῖβον δ' ἔπειτα. καὶ τρίτην τὴν Ἄρτεμιν,
Δῆλον τετάρτην, εἶτα Λουτρὰ Παλλάδος,
ἕκτην δὲ τὴν Δήμητρα τὴν παλαιτέραν.
μέλπω δὲ γραὸς τῆς φιλοξένου τρόπους
καὶ τὴν τελευτήν, Θησέως τε τὴν ἄγραν·
καὶ τῶν μεγίστων Αἰτίων τὴν τετράδα.
σκώπτω δ' ἐπαραῖς ἶβιν Ἀπολλώνιον·
καὶ τὴν Ἀθηνᾶν ὕστατον μέλπω πάλιν
γρίφῳ καὶ δυσευρέτοις λόγοις.

Перевод О. В. Смыки:

Пою, конечно, первым Зевса вышнего,
Затем – и Феба, Артемиду третьею,
Четвертым – Делос, после Омовение
Паллады, а шестой Деметру древнюю.
Пою старушки нрав гостеприимицы
И смерть, пою ловитву я Тезееву,
«Причин» великих четверицу я пою,
Кляня дразню я цаплю[2] Аполлония,
И под конец – опять Афине песнь моя
Загадкой глубочайшей слов, что редкостны.

1. Эпиграмма приводится по изданию R. Pfeiffer'a, v. II, pp. xcviii–xcix.
2. Цапля – зд. ибис.

I. ГИМН «К ЗЕВСУ»

ПРЕДИСЛОВИЕ

В собрании каллимаховских гимнов, как было уже сказано во введении, первым во всех изданиях всегда идет гимн «К Зевсу»[1]. Скорее всего, эта традиция восходит к самой античности: и тематически, и хронологически этому гимну надлежит быть первым. Время написания гимна, скорее всего, *280–275* гг. до н. э., т. е. время начала правления Птолемея II Филадельфа.

Иногда высказывается мнение, что Каллимах стал во главе Мусейона после Деметрия Фалерского, с которым Птолемей II расправился, заподозрив его в заговоре, после смерти своего отца (283 г. до н. э.), и, возможно, гимн «К Зевсу» первый, написанный Каллимахом уже в качестве придворного поэта.

Не вызывает сомнений предположение, высказанное еще А. Н. Деревицким[2], что данный гимн благодаря тщательности отделки есть не что иное, как «официальная кантата», в которой тонкая лесть рассчитана на умение образованного правителя читать между строк. Эта лесть, без сомнения, была предназначена Птолемею Филадельфу. И хотя тема Птолемея продолжится во II и IV гимнах, здесь, в I гимне, она звучит наиболее последовательно и убедительно. Поэтому ученые давно пришли к выводу, что содержание I гимна далеко не только мифологическое, а скорее, и даже, возможно, прежде всего — личное и политическое.

Этим можно объяснить, что наряду с констатацией фиксированной и традиционной темы (история рождения Зевса) в гимне утверждается новое, современное содержание, что ведет к значительной и сложной трансформации гимна как жанра. Высказывалось даже мнение[3], что I гимн написан в духе «плоского рационализма». Фактически здесь Каллимах демонстрирует

1. Наиболее подробное современное издание гимна: G. R. McLennan. Callimachus. Hymn to Zeus, 1977.

2. А. Н. Деревицкий. *О начале историко-литературных занятий в Древней Греции*. Харьков, 1891, с. 1.

3. E. Bethe. M. Pohlenz. Griechische Literatur. I Bd. 3. Hf. Leipzig, Berlin, 1924. S. 25.

отказ от канонов традиционного жанра, остаются лишь «тени» жанра, внешняя форма, оболочка жанровых свойств и связей.

Начало гимна (ст. 1–9) воспроизводит некую условную обстановку симпосия. Гимн поется (ἀείδειν) во время возлияний (παρὰ σπονδῇσιν) в честь Зевса. Эту сцену Виламовиц[4] называл «фальшивым проэмием, как у Арата». Мы не знаем, был ли написан гимн для какого-то торжественного случая при птолемеевском дворе или предназначался для частного симпосия; во всяком случае, начало гимна воспроизводит некую условную обстановку пира, обычную для греческого быта, где, как пишет Н. А. Чистякова[5], «...преобладали комастические игры с их сложными церемониями, куда входили ритуальные игры с обязательным исполнением элегий. В обстановке подобных пиров сложилась своеобразная топика: в ней формировались величальные, инвективные и любовные застольные темы и мотивы». Внешняя сторона ситуации, в которой как бы исполняется гимн, по сравнению с более поздними гимнами, выражена еще недостаточно: основной интересующий поэта момент — диалог. Высказываются две версии о месте рождения Зевса: критская и аркадская (ст. 6–7). При этом поэт с отчетливой иронией противопоставляет обе точки зрения, позволяя, как пишут Э. Говальд и Э. Штайгер[6] «фривольный компромисс». На наш взгляд, эти стихи, как и все вступление к гимну, важны для передачи «разговорной» доверительной интонации, которой снимается всякая торжественность и «величальность» и утверждается простота и задушевность. Та же атмосфера живой дискуссии, критических раздумий появится в гимне еще раз — это стихи 60–65: здесь Каллимах ставит под сомнение вопрос о разделе мира между богами (пер. С. С. Аверинцева):

Речи старинных певцов не во всем доверья достойны:
Можно ль поверить, что *жребий* уделы Кронидам назначил?

4. U. von Wilamowitz-Moellendorff. Hellenistische Dichtung in der Zeit des Kallimachos. 2. verarb. Aufl. Berlin, 1924, S. 3

5. Н. А. Чистякова. Греческая эпиграмматическая поэзия VIII–III вв. до н. э. Опыт анализа происхождения и основных этапов развития. Автореферат диссертации на соискание степени доктора филологических наук, Л., 1974, с. 26.

6. E. Howald, E. Staiger. Die Dichtungen des Kalimachos. Zürich, 1955, S. 42

Кто ж стал бы делить Олимп и Аид жеребьевкой,
Кто, коль не вздорный глупец? О вещах равноценных пристало
Жребий метать: а здесь велико непомерно различье,
Я бы солгал, да никто ведь лжи такой не поверит.

Ясно, что «старинные певцы» — Гомер и Гесиод. По Гесиоду (Теогония, 881–885), боги, одолев в борьбе Титанов, «совету Земли повинуясь», *предложили* Зевсу стать царем и владыкой над богами, а он уже распределил остальным богам их уделы. В «Илиаде» (XV, 187–193) в аналогичной ситуации речь идет о жеребьевке между богами, что явствует из слов Посейдона (пер. Н. Гнедича):

Натрое все делено, и досталося каждому царство:
Жребий бросившим нам, в обладание вечное пало
Мне волношумное море, Аиду подземные мраки,
Зевсу досталось меж туч и эфира пространное небо;
Общею всем остается земля и Олимп многохолмый.

И вот теперь Каллимах в ст. 60–65, вспоминая этот эпизод у Гомера, ставит явно под сомнение условия такого раздела мира, ведь «велико непомерно различье», и, хотя, по Гомеру, Земля и Олимп остались общим владением, для Каллимаха важен сам момент раздела мира.

Гомер и Гесиод для Каллимаха, как не раз уже говорилось, несомненные образцы. В I гимне, по мнению целого ряда исследователей[7], безусловно, более явно гесиодовское влияние: общий нравоучительно-дидактический тон (прежде всего второй половины гимна), афористичность (концовка гимна), использование гесиодовской цитаты «от Зевса цари», употребление таких, типично гесиодовских слов: «ἀζηός» — силач, молодец (I, 70); «πλειών» — полный год (I, 89); «δώτωρ» — податель (I, 91); «ἔργμα» — дела (I, 92; 93); «ἄφενος» — богатство (I, 96) и т. д. — все это подтверждает влияние Гесиода. Не раз Каллимах называл его «Труды и дни» «приятнейшим эпосом», хвалил Арата за подражание Гесиоду и т. д.

7. Подробнее: R. Schmitt. Die Nominalbildung in den Dichtungen des Kallimachos von Kyrene. Wiesbaden, 1970, S. 41–42; H. Reinsch-Werner. Callimachus Hesiodicus. Die Rezeption der hesiodischen Dichtung durch Kallimachos von Kyrene. Berlin, 1976, S. 24–74.

Вопроса о разделе мира Каллимах касается и во фрагментах (frg. 195, 465). Почему же опять в I гимне он возвращается к этому вопросу и подвергает сомнению старинные предания у Гомера по этому поводу?

Конечно, Каллимах прекрасно знает о критике гомеровской мифологии, существовавшей со времен Ксенофана и Гекатея. Но, на наш взгляд, уже в ст. 60–65 Каллимах отходит от темы Зевса мифологического и обращается к основной теме своего произведения – восхвалению Зевса земного – Птолемея, напоминая ту начальную ситуацию царствования Филадельфа, которая сложилась при птолемеевском дворе после смерти Птолемея I в 283 г. до н. э. (см. выше. «Александрийская библиотека»). Несомненно, со ст. 60–65 напряжение в гимне резко возрастает, а в ст. 85–86 «чисто политические эмоции достигают своей кульминации»[8]. И, вводя мотив «о разделе мира», поэт, скорее всего, вступает в спор с некими оппонентами, сомневающимися в праве Птолемея II на престолонаследие. Поэтому, как кажется, поэт начинает с «разговорной» интонации во вступлении (сомнения по поводу места рождения Зевса) и переходит к четко поставленному вопросу о разделе мира.

Обыгрывание гесиодовской темы «от Зевса цари», яркие и отчетливые черты энкомия (невольно напрашивается, как уже не раз говорилось, сравнение с «Энкомием Птолемею» Феокрита, и видно, насколько Каллимах тоньше, изящнее, чем Феокрит, справляется с задачей восхваления царствующей особы)[9] резко меняют тон второй половины гимна: появляется «величальная торжественность», серьезность и неопределенность перифрастических именований (ст. 86–89):

...тому подтвержденье –
Наш государь. Намного других владык превзошел он!
К вечеру он завершает деянье, что утром задумал,
К вечеру – подвиг великий, а прочее – только подумав.

Скорее всего, ради этих стихов и этой темы написан гимн. Заканчивается гимн (ст. 91–96), казалось бы, традиционно:

8. H. Herter. E. Cahen. Callimaque et son oeuvre poétique. Les Hymnes de Callimaque... Gnomon. Bd. 12. Hf. 9. 1936, S. 455.

9. Э. Говальд писал, что в гимне лесть царю «не становится еще нарочито подчеркнутой и отталкивающей, а лишь слегка смешной». E. Howald. Der Dichter Kallimachos von Kyrene. Zürich, 1943, S. 76.

есть традиционное именование (хайретизм): «χαῖρε μέγα, Κρονίδε πανυπέρτατε» («Радуйся много, всевышний Кронид, блаженства податель»), есть обязательная мольба, просьба: «δίδου δ' ἀρετήν τε ὄλβον» (Дай доблесть и счастье), но только остается сомнение — эти стихи обращены к Зевсу мифическому или, скорее, к Зевсу земному, Птолемею? Каллимах настолько тонко выбирает все обороты, именования, настолько «обтекаемо» обращается к Зевсу, что концовка гимна представляет собой уже полное совмещение двух Зевсов — мифического и земного.

Итак, формально канон жанра соблюден: традиционный миф о рождении Зевса подан в определенных условных рамках, условной ситуации (зачин и конец гимна). Но тон спора, полемичность интонации, заданные во вступлении, сохраняются почти до конца. В этом главное отличие гимна. И хотя в гимне нет и намека на эпифанию бога (как это будет в других гимнах), еще отсутствует, как пишут Э. Говальд и Э. Штайгер[10] смелость изображения, поэт лишь пытается создать свои формы выражения, каллимаховская манера и стиль отчетливо видны. В первых же стихах гимна поэт называет Зевса «θεὸν αὐτόν», «ἀεὶ μέγαν», «αἰὲν ἄνακτα» (ст. 2) («самого бога») «всегда великого», «всегда владыку») — и тут же «*Πηλαγόνων ἐλατῆρα*» (ст. 3) (погонщика гигантов). «Ἐλατήρ» (погонщик, губитель) — слово, хорошо известное из Гомера; в гомеровских гимнах так именуется Гермес, и к нему применимо сочетание «ἐλατῆρα βοῶν» — «погонщик быков» (Гомеровский гимн «К Гермесу», 14). Уже К. Куипер[11] заметил, что Каллимах в данном случае намеренно отступает от гомеровского употребления, противопоставляя ему свое. По традиционной, гомеровско-гесиодовской версии, именно гиганты (Каллимах их называет пелагонами) помогли Зевсу в его борьбе против Кроноса и титанов, Гесиод их называет «верные стражи владыки, эгидодержавного Зевса» (Hesiod. Theog. 735).

Объединение Каллимахом в данном выражении — Πηλαγόνων ἐλατῆρα — двух слов, имеющих в традиции определенные коннотации — серьезную гесиодовскую и шутливую гомеровскую, — сразу снимает, на наш взгляд, высокую па-

10. E. Howald, E. Staiger. Op. cit., S. 42..
11. K. Kuiper. Studia Callimachea. Leiden. V. I. 1896, S. 6.

фосность обращения к Зевсу. Начав с такого шутливого тона — «погонщик гигантов», Каллимах тут же *иронически* обыгрывает «высокую» мифологию — место рождения Зевса, мифологические подробности, связанные с его рождением (нимфу Океана Неду — он превращает в речную нимфу (ст. 42) и отводит ей главную роль в воспитании Зевса (ст. 33)).

Мифологический рассказ (narratio) — важный гимнический элемент, занимает всего 48 стихов (ст. 11–59) из 96. Основа рассказа — рождение бога — старая гимническая тема. Из гомеровских гимнов к данному гимну тематически ближе всего гимн «К Гермесу» Сам миф о рождении Зевса известен во всех подробностях из «Теогонии» Гесиода (Hesiod. Theog. ст. 453–506). Каллимах не меняет ни основные мотивы, ни основные детали мифа, кроме, может быть, одного — в ст. 18–26 вдруг, вопреки традиции он вставляет экскурс из ученой географии — описание древнейшего ландшафта Аркадии. Считается[12], что это отступление Каллимах делает для того, чтобы, основываясь на современных ему географических домыслах, дать художественное описание именно этого региона.

Стилистически в I гимне уже есть все характерные для Каллимаха черты: с одной стороны, «усложненность» именований (ср.: «Кидоняне» вместо «Критяне», «апиданы» вместо «аркадцы», «пелагоны» вместо «гиганты», эпическая описательность: «Рея развязала пояс» вместо «Рея собралась родить», «нуждающаяся в Илифии» вместо «собирающаяся родить» и т д.), а с другой — намерение «оживить» седую древность, создать иллюзию присутствия читателя в той героической древности, когда боги рождались в таких же муках, как и люди, когда они вырастали из младенчества, как простые смертные. Для именования родильной купели Реи Каллимах придумывает особый неологизм — λεχώιον (I, 14) (ср. более привычное — λέχος).

Мы не знаем, был ли гимн «К Зевсу» действительно первым произведением, *написанным Каллимахом* в этом жанре, но уже здесь он демонстрирует тонкое искусство в группировке и выборе мифологических деталей, сохраняя меру во всем: в учености, в политике, в чувствах личного свойства, обращенных к Птолемею. По справедливости этот гимн считается об-

12. Ср. E. Diehl. Die Digressionsstil des Kallimachos. Riga, 1937, S. 20; И. И. Толстой. Миф в александрийской поэзии. Статьи о фольклоре. М.-Л., 1966, с. 174.

разцовым, рассчитанным на образованных читателей, гимн требует понимания и знания не только конкретной мифологической темы, но и внетекстуальной ситуации.

Весной 1934 Ахиллом Вольяно в Египте был найден папирус, который предположительно датируется I/II в. н. э. (папирус был обозначен как P. Med. 18 (папирус Медиоланский) и хранится в Каирском музее)[13]. Наряду с фрагментами из «Ямбов» и «Гекалы», папирус содержит текст диегез к гимнам I и II.

Текст диегезы[14] к гимну I следующий:

Ζηνὸς ἔοι τί κεν ἄλλο παρὰ σπονδῇσιν ἀείδειν' | 'Ενταῦθα Ἀρκάδες καὶ Κρῆτες ἀντιποιοῦνται τῆς Διὸς γενέσεως ἑκατέροι λέγοντες παρ' αὐτοῖς γεγεννῆσθαι τὸν θεὸν (Κρῆτες δὲ καὶ τάφον αὐτοῦ ἐπιδει|κνύντες, τοῦτό γε ψευδόμενοι), ἀφορμὴν τοιαύτην εἰληφότες· τῆς γὰρ Παρ|ρασίας μοίρας ἔν τινι ὄρει θαμνώδει ἀποἱτεκοῦσα Ῥέα τὸν Δία Νέδῃ μιᾷ τῶν Ὠκεανίδων εἴσω τῆς Κρήτης φέρειν | ἐνεχείρισεν, ὅπως κρύφα τρέφοιτο ἐκεῖσε.

Интересно, что диегеза содержит пересказ только первой половины гимна. Означает ли это, что составителя пересказа интересовала только история мифологического Зевса, а все, что имело отношение к Птолемею, он опустил?

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ГИМНА

ст. 1–9 *зачин гимна*: обращение к Зевсу (ст. 1–4); обыгрывание двух версий о месте рождения Зевса (ст. 5–9), авторское сомнение (ст. 4);

10–14 поэт выбирает и поддерживает аркадскую версию мифа;

15–60 основной мифологический рассказ (narratio): Рея родила и тут же стала разыскивать воду, «чтобы смыть грязь родов» (ст. 15–17); географическое отступление (ст. 18–27); обращение Реи к матери Земле и обретение воды (ст. 28–32); описание потока, названного в честь старшей из Океанид — Неды, которой поручается доставить младенца Зевса на Крит (ст. 33–41); краткое описание пути уже на Крите; шутливая этимология Омфаловой долины (ст. 42–45); описание условий, в которых воспитывался младенец Зевс на Крите (ст. 46–54); раннее младенчество Зевса и быстрое возмужание;

13. A. Vogliano (ed.). Διηγήσεις di poemi di Callimaco. Papiri della R. Università di Milano I. Milano. 1937, pp. 66–145 e 274–5. Еще раньше фрагменты диегез публиковались: A. Norsa – G. Vitelli (Firence, 1934) и др. Подробнее см.: L. Lehnus. Bibliografia Callimachea. 1489–1988. Università di Genova, p. 88–89.

14. Текст дается по изданию R. Pfeiffer'a, v. II, 1953, p. 41.

60–65 переход к теме земного Зевса — Птолемея;
66–90 славословие Птолемею. Развитие гесиодовской темы «от Зевса цари»;
91–95 *концовка* гимна. Повторное именование бога и обращение к нему с просьбой.

ΕΙΣ ΔΙΑ[15]

Ζηνὸς ἔοι τί κεν ἄλλο παρὰ σπονδῇσιν ἀείδειν
λώϊον ἢ θεὸν αὐτόν, ἀεὶ μέγαν, αἰὲν ἄνακτα,
Πηλαγόνων ἐλατῆρα, δικασπόλον Οὐρανίδῃσι;
πῶς καί νιν, Δικταῖον ἀείσομεν ἠὲ Λυκαῖον;
ἐν δοιῇ μάλα θυμός, ἐπεὶ γένος ἀμφήριστον.
Ζεῦ, σὲ μὲν Ἰδαίοισιν ἐν οὔρεσί φασι γενέσθαι,
Ζεῦ, σὲ δ' ἐν Ἀρκαδίῃ· πότεροι, πάτερ, ἐψεύσαντο;
Κρῆτες ἀεὶ ψεῦσται· καὶ γὰρ τάφον, ὦ ἄνα, σεῖο
Κρῆτες ἐτεκτήναντο· σὺ δ' οὐ θάνες, ἐσσὶ γὰρ αἰεί.
ἐν δέ σε Παρρασίῃ Ῥείη τέκεν, ἦχι μάλιστα
ἔσκεν ὄρος θάμνοισι περισκεπές· ἔνθεν ὁ χῶρος
ἱερός, οὐδέ τί μιν κεχρημένον Εἰλειθυίης
ἑρπετὸν οὐδὲ γυνὴ ἐπιμίσγεται, ἀλλά ἑ Ῥείης
ὠγύγιον καλέουσι λεχώιον Ἀπιδανῆες.
ἔνθα σ' ἐπεὶ μήτηρ μεγάλων ἀπεθήκατο κόλπων,
αὐτίκα δίζητο ῥόον ὕδατος, ᾧ κε τόκοιο
λύματα χυτλώσαιτο, τεὸν δ' ἐνὶ χρῶτα λοέσσαι.
Λάδων ἀλλ' οὔπω μέγας ἔρρεεν οὐδ' Ἐρύμανθος,
λευκότατος ποταμῶν, ἔτι δ' ἄβροχος ἦεν ἅπασα
Ἀζηνίς*· μέλλεν δὲ μάλ' εὔυδρος καλέεσθαι
αὖτις· ἐπεὶ τημόσδε, Ῥέη ὅτε λύσατο μίτρην,
ἦ πολλὰς ἐφύπερθε σαρωνίδας ὑγρὸς Ἰάων
ἤειρεν, πολλὰς δὲ Μέλας ὤκχησεν* ἁμάξας,
πολλὰ δὲ Καρίωνος ἄνω διεροῦ περ ἐόντος
ἰλυοὺς ἐβάλοντο κινώπετα, νίσσετο δ' ἀνήρ
πεζὸς ὑπὲρ Κρᾶθίν τε πολύστιόν τε Μετώπην
διψαλέος· τὸ δὲ πολλὸν ὕδωρ ὑπὸ ποσσὶν ἔκειτο.
καί ῥ' ὑπ' ἀμηχανίης σχομένη φάτο πότνια Ῥείη·

15. Тексты всех гимнов печатаются по изданию: Callimachus ed. R. Pfeiffer. v. II. Hymni et epigrammata. Oxonii. 1953, s. 5–40. По этому же изданию приводятся некоторые конъектуры. Звездочкой * обозначены слова, прочтение которых *сомнительно* и в комментариях к ним приводятся конъектуры.

Γαῖα φίλη, τέκε καὶ σύ· τεαὶ δ' ὠδῖνες ἐλαφραί.
εἶπε καὶ ἀντανύσασα θεὴ μέγαν ὑψόθι πῆχυν
πλῆξεν ὄρος σκήπτρῳ· τὸ δέ οἱ δίχα πουλὺ διέστη,
ἐκ δ' ἔχεεν μέγα χεῦμα· τόθι χρόα φαιδρύνασα,
ὦνα, τεὸν σπείρωσε, Νέδῃ δέ σε δῶκε κομίζειν
κευθμὸν ἔσω Κρηταῖον, ἵνα κρύφα παιδεύοιο,
πρεσβυτάτῃ Νυμφέων, αἵ μιν τότε μαιώσαντο,
πρωτίστη γενεὴ* μετά γε Στύγα τε Φιλύρην τε.
οὐδ' ἁλίην ἀπέτεισε θεὴ χάριν, ἀλλὰ τὸ χεῦμα
κεῖνο Νέδην ὀνόμηνε· τὸ μέν ποθι πουλὺ κατ' αὐτό
Καυκώνων πτολίεθρον, ὃ Λέπρειον πεφάτισται,
συμφέρεται Νηρῆι, παλαιότατον δέ μιν ὕδωρ
οἰωνοὶ πίνουσι Λυκαονίης ἄρκτοιο.
εὖτε Θενὰς ἀπέλειπεν ἐπὶ Κνωσοῖο φέρουσα,
Ζεῦ πάτερ, ἡ Νύμφη σε (Θεναὶ δ' ἔσαν ἐγγύθι Κνωσοῦ),
τουτάκι τοι πέσε, δαῖμον, ἄπ' ὀμφαλός· ἔνθεν ἐκεῖνο
Ὀμφάλιον μετέπειτα πέδον καλέουσι Κύδωνες.
Ζεῦ, σὲ δὲ Κυρβάντων ἑτάραι προσεπηχύναντο
Δικταῖαι Μελίαι, σὲ δ' ἐκοίμισεν Ἀδρήστεια
λίκνῳ ἐνὶ χρυσέῳ, σὺ δ' ἔθήσαο πίονα μαζόν
αἰγὸς Ἀμαλθείης, ἐπὶ δὲ γλυκὺ κηρίον ἔβρως.
γέντο γὰρ ἐξαπιναῖα Πανακρίδος ἔργα μελίσσης
Ἰδαίοις ἐν ὄρεσσι, τά τε κλείουσι Πάνακρα.
οὐλα δὲ Κούρητές σε περὶ πρύλιν ὠρχήσαντο
τεύχεα πεπλήγοντες, ἵνα Κρόνος οὔασιν ἠχὴν
ἀσπίδος εἰσαΐοι καὶ μή σεο κουρίζοντος.
καλὰ μὲν ἠέξευ, καλὰ δ' ἔτραφες, οὐράνιε Ζεῦ,
ὀξὺ δ' ἀνήβησας, ταχινοὶ δέ τοι ἦλθον ἴουλοι.
ἀλλ' ἔτι παιδνὸς ἐὼν ἐφράσσαο πάντα τέλεια·
τῷ τοι καὶ γνωτοὶ προτερηγενέες περ ἐόντες
οὐρανὸν οὐκ ἐμέγηραν ἔχειν ἐπιδαίσιον οἶκον.
δηναιοὶ δ' οὐ πάμπαν ἀληθέες ἦσαν ἀοιδοί·
φάντο πάλον Κρονίδῃσι διάτριχα δώματα νεῖμαι·
τίς δέ κ' ἐπ' Οὐλύμπῳ τε καὶ Ἄϊδι κλῆρον ἐρύσσαι,
ὃς μάλα μὴ νενίηλος; ἐπ' ἰσαίῃ γὰρ ἔοικε
πήλασθαι· τὰ δὲ τόσσον ὅσον διὰ πλεῖστον ἔχουσι.
ψευδοίμην, ἀίοντος ἅ κεν πεπίθοιεν ἀκουήν.
οὔ σε θεῶν ἐσσῆνα πάλοι θέσαν, ἔργα δὲ χειρῶν,
σή τε βίη τό τε κάρτος, ὃ καὶ πέλας εἴσαο δίφρου.
θήκαο δ' οἰωνῶν μέγ' ὑπείροχον ἀγγελιώτην

σῶν τεράων· ἅ τ᾽ ἐμοῖσι φίλοις ἐνδέξια φαίνοις.
εἵλεο δ᾽ αἰζηῶν ὅ τι φέρτατον· οὐ σύ γε νηῶν
ἐμπεράμους, οὐκ ἄνδρα σακέσπαλον, οὐ μὲν ἀοιδόν·
ἀλλὰ τὰ μὲν μακάρεσσιν ὀλίζοσιν αὖθι παρῆκας
ἄλλα μέλειν ἑτέροισι, σὺ δ᾽ ἐξέλεο πτολιάρχους
αὐτούς, ὧν ὑπὸ χεῖρα γεωμόρος, ὧν ἴδρις αἰχμῆς,
ὧν ἐρέτης, ὧν πάντα· τί δ᾽ οὐ κρατέοντος ὑπ᾽ ἰσχύν;
αὐτίκα χαλκῆας μὲν ὑδείομεν Ἡφαίστοιο,
τευχηστὰς δ᾽ Ἄρηος, ἐπακτῆρας δὲ Χιτώνης
Ἀρτέμιδος, Φοίβου δὲ λύρης εὖ εἰδότας οἵμους·
ἐκ δὲ Διὸς βασιλῆες, ἐπεὶ Διὸς οὐδὲν ἀνάκτων
θειότερον· τῷ καί σφε τεὴν ἐκρίναο λάξιν.
δῶκας δὲ πτολίεθρα φυλασσέμεν, ἵζεο δ᾽ αὐτός
ἄκρῃσ᾽ ἐν πολίεσσιν, ἐπόψιος οἵ τε δίκῃσι
λαὸν ὑπὸ σκολιῇσ᾽ οἵ τ᾽ ἔμπαλιν ἰθύνουσιν·
ἐν δὲ ῥυηφενίην ἔβαλές σφισιν, ἐν δ᾽ ἅλις ὄλβον·
πᾶσι μέν, οὐ μάλα δ᾽ ἶσον. ἔοικε δὲ τεκμήρασθαι
ἡμετέρῳ μεδέοντι· περιπρὸ γὰρ εὐρὺ βέβηκεν.
ἐσπέριος κεῖνός γε τελεῖ τά κεν ἦρι νοήσῃ·
ἐσπέριος τὰ μέγιστα, τὰ μείονα δ᾽, εὖτε νοήσῃ.
οἱ δὲ τὰ μὲν πλειῶνι, τὰ δ᾽ οὐχ ἑνί, τῶν δ᾽ ἀπὸ πάμπαν
αὐτὸς ἄνην ἐκόλουσας, ἐνέκλασσας δὲ μενοινήν.

χαῖρε μέγα, Κρονίδη πανυπέρτατε, δῶτορ ἐάων,
δῶτορ ἀπημονίης. τεὰ δ᾽ ἔργματα τίς κεν ἀείδοι*;
οὐ γένετ᾽, οὐκ ἔσται· τίς κεν Διὸς ἔργματ᾽ ἀείσει;
χαῖρε, πάτερ, χαῖρ᾽ αὖθι· δίδου δ᾽ ἀρετήν τ᾽ ἄφενός τε.
οὔτ᾽ ἀρετῆς ἄτερ ὄλβος ἐπίσταται ἄνδρας ἀέξειν
οὔτ᾽ ἀρετὴ ἀφένοιο· δίδου δ᾽ ἀρετήν τε καὶ ὄλβον.

КОММЕНТАРИИ

ст. 1–9 Зачин гимна; описание некоей условной ситуации пира с возлияниями в честь Зевса (ст. 1–4); ст. 5 – авторское сомнение, как воспевать бога; ст. 6–9 – обыгрывание двух версий места рождения Зевса: критской и аркадской.

1 Ζηνός[16] – имеет две парадигмы склонения, как и у других греческих авторов: Ζεύς — Διός — Διί (Δί) — Δία – voc. Ζεῦ и

16. Об этимологии имени Ζεύς см.: А. Ф. Лосев. Мифология греков и римлян. М.: Мысль, 1996, с. 104–105; 112. А. И. Зайцев. Греческая религия и мифология. СПб., 2004, с. 87.

Ζεύς – Ζηνός — Ζηνί — Ζῆνα (Ζῆν) – поэт.

Наряду с Ζηνός – I, 1, IV, 111, 240, также регулярно встречается форма Διός – I, 79; 93, IV, 215; 38; 248, V, 135, III, 141; 165. Ср.: Ζηνί (IV, 58) и Διί (IV, 56; 272; II, 29) и т. д.

О Зевсе Каллимах, помимо I гимна, пишет во всех гимнах, кроме VI: кратко во II и V (II, 29; V, 132; 135), подробно в III и IV гимнах (III, 141; 165; 215; 240; 259; 272; IV, 38; 56; 58).

У Каллимаха Зевс имеет следующие эпитеты: πάτερ (I, 7; 94; III, 8) ср. с традиционным эпическим эпитетом: πατὴρ ἀνδρῶν τε θεῶν τε; ἄνα (I, 8), ὦνα (I, 33) – ср. с традиционным – ἄναξ; δαῖμον (I, 44); Κρονίδη πανυπέρτατε (I, 91); δῶτορ ἐάων (I, 91); δῶτορ ἀπημονίης (I, 92); ἄππα (III, 6); θεός (I, 2); πατήρ (III, 4; 26; 28; 32; 118; 168); γονεύς (III, 5); Δικταῖος (I, 4); Λυκαῖος (I, 4).

Обращает на себя внимание, что Каллимах избегает употреблять такие известнейшие гомеровские эпитеты Зевса, как ὑψιβρεμέτης (высокогремящий), νεφεληγερέτα (собиратель туч), τερπικέραυνος (радующийся громовой стреле), Ὀλύμπιος (Олимпийский) и т. д.[17], но в своем вступлении сразу (ст. 2–3) дает несколько характеристик-эпитетов Зевса: θεὸν αὐτόν, ἀεὶ μέγαν, αἰέν ἄνακτα, Πηλαγόνων ἐλατῆρα, δικασπόλον οὐρανίδῃσι. Два последних – традиционное: δικασπόλον οὐρανίδῃσι (судья Уранидов) и нетрадиционное: Πηλαγόνων ἐλατῆρα (погонщик гигантов) – представляют особенный интерес.

παρὰ σπονδῇσιν –

σπονδή, ἡ, дор. σπονδά, ἡ – возлияние; ср.: у Call. epigr. LXII, 4); ср. Hom. Il. II, 341; IV, 159. Существовала поговорка: τρίτα σπονδὰς ποιεῖν – совершать три возлияния (в честь Гермеса, Харит и Зевса-избавителя).

2 λωίων, 2 стяж. фор. λῴων, superl. λῷστος – более желанный, желательный, лучший.

ἀεὶ... ἀιέν – анафора

Обе формы регулярны для Каллимаха. Ср.: ἀεὶ (I, 8; II, 36, 56, 68, 83; III, 146, 214, 258 и т. д.) ἀιέν (III, 101; VI, 55; IV, 231; III, 137 и т. д.)

3 Πηλαγόνων ἐλατῆρα

ἐλατῆρ, ὁ – погонщик, губитель; очевидно, от ἐλαύνω.

Ср. Hom. Il. IV, 145; XXIII, 369; XI, 702, Hom. hymn. III, 265: βοῶν ἐλατήρ.

В *схолиях*: Πηλαγόνων·τῶν γιγάντων· παρὰ τὸ ἐκ πηλοῦ

17. Подробный список эпитетов Зевса см.: H. Usener. Götternamen: Versuch einer Lehre von der religiösen Begriffsbildung. Bonn, 1896; А. И. Зайцев. Ук. соч., с. 88–100.

γενέσθαι, τουτέστι τῆς γῆς.

δικασπόλος, ὁ – творящий суд, судья; ср. Hom. Il. I, 238; Od. XI, 186; Apol. Rhod. IV, 1178.

Οὐρανίδης – сын Урана; οἱ οὐρανίδαι – боги небесные; ср.: Hes. Theog. 486, 502; Theocr. XVII, 22; Apol. Rhod. II, 342; Cal. fr. 260, 18.

Δικταῖον – в *схолиях*: Δικταῖον· Κρῆτα· Δίκτη γὰρ ὄρος Κρήτης.

Гора Дикта являлась одним из основных религиозно-мифологических центров культа Зевса на Крите. Эванс в свое время отождествлял Дикту с горой Ласити, а диктейскую пещеру – с пещерой Психро на Ласити. В настоящее время – это известный и доступный туристический объект. Действительно, на горе, на высоте 1000 м над уровнем моря есть большая пещера с эффектными сталактитами и фигурными сталагмитами, создающими мистическое настроение. Ширина пещеры – около 30 м, длина – около 60 м. В глубине ее на более низком уровне находится небольшое озеро длиной 10 м, шириной 5 м; рядом – ниша в скале. Местные экскурсоводы для привлечения туристов утверждают, что именно в этой нише Рея родила Зевса и искупала в этом озере. В Диктейской пещере археологи нашли много обетных приношений (золотые фибулы, бронзовые статуэтки, керамические сосуды, двойные секиры и т. д.). Диктейская пещера – единственная из известных пещер на Крите, в которой есть вода в виде озера. Возможно, поэтому с ней связывалась легенда о рождении здесь Зевса. К мифу, связанному с Диктой, Каллимах вернется еще в III гимне (III, 190–199), полагая, что нимфа Бритомартис, убегая от насилия Миноса, прыгнула с Дикты в рыбацкие сети, почему и была названа кидонийцами «Диктиной», а гора «Диктой».

Ср.: Δικταῖαι μελίαι – I, 47; Δικταῖον – III, 199.

4 Λυκαῖον – Ликейский, по Ликейской горе в Аркадии; в *схолиях*: Λυκαῖον· Ἀρκάδα· Λύκαιον Ἀρκαδιας ὄρος; ср.: Theocr. I, 123. У Каллимаха встречается один раз. *Λυκαῖος* – культовое имя Зевса, такое же как Ὀλύμπιος (Олимпийский), Ἰδαῖος (Идейский, по горе в Троаде). В каждой местности Зевса представляли обитающим на какой-то близлежащей горе. Павсаний сообщает о человеческих жертвах, приносимых в древности Зевсу Ликейскому (Paus. VIII, 38, 7). Вообще культ Зевса Ликейского имел общегреческое значение и был связан с природными явлениями: Зевс *Ликейский посылал дождь*. В засуху жрец бога отправлялся на гору к источнику Ἀγνώ. После молитвы и жертвоприношения жрец начинал шевелить по-

верхность воды дубовой веткой: поднимался туман, сгущался в тучу, и дождь шел по всей Аркадии (Paus. VIII, 38, 3).

У Каллимаха горы Дикта и Ликей упоминаются как древние центры культа Зевса. Вообще же, на одном Крите имелось не менее восьми религиозно– мифологических центров и не менее 25 культовых названий для Зевса.

5 δοιή, ἡ – сомнение; ἐν δοιῇ – сомнительно; ср. Hom. Il., IX, 230.

ἀμφήριστος – спорный; ср. Hom. Il., XXIII, 382; 527; Apol. Rhod. III, 627.

В *схолиях*: ἀμφήριστον· ἀντι τοῦ ἀμφίλογον (спорный, сомнительный).

Иногда считают, что в ст. 5 Каллимах перефразирует стих Антагора (frg. 1, 1 Gow.): ἐν δοιῇ μοι θυμός ὁ τοι γένος ἀμφίσβηστόν... в котором Антагор выражает сомнение по поводу генеалогии Эроса (Diog. Laert. IV, 26).

6 Ἰδαίοισιν ἐν οὔρεσι ср. I, 51: Ἰδαίοις ἐν ὄρεσσι. Ἰδαίοις – идейский от Ἴδα, ἁ (дор) – чаще имеется ввиду гора в Трое – много раз у Гомера, Hom. Hymn. Ap. 34, Ven. 54,68; Hes. Theg. 1010. С Критом Ида впервые связана у Гесиода (Hes. fr. 145, 1). С Зевсом Троянская Ида связывается у Гомера (Hom. Il. XVI, 605; XXIV, 291). У Пиндара Ида – Критская (Pind. O. V, 18).

В *схолиях* Ἴδη ὄρος Κρήτης καὶ Τροίας· νῦν δὲ τὸ Κρήτης φησί.

Ида – гора в центре Крита, с которой также связана легенда о рождении Зевса (Strab. V, 476; Paus. V, 7, 6). Идейский – частый эпитет Зевса, а также Реи, Кибелы. Ида – лесистая гора. Считается, что об этом говорит и сама этимология названия горы (ср. Paus. X, 12, 7): «Местности, покрытые густым лесом, люди называли тогда Идами». Знаменитая пещера, где, по другой версии, родился Зевс или куда его перенесли, предполагается на вершине Иды, в длину 60 м, в ширину от 20 до 40 м. Сейчас это пустынная местность, но в древности здесь была обширная кипарисовая роща. Около пещеры были отделанные железом камни в форме человеческого пальца, так называемые идейские пальцы, трактовавшиеся как перуны Зевса. Феофраст свидетельствует о наличии разного рода посвятительных даров в идейской пещере: «На Крите много плодоносных тополей. Один находится у входа в Идейскую пещеру. На нем подвешены приношения» (Theophr. Hist. Plant. III, 3, 4). Вообще же, когда Каллимах говорит о критском Зевсе и называет его то Диктейским, то Идейским, следует иметь в виду, что это разные горы, расположенные на достаточном расстоянии друг от друга. Как место рожде-

ния Зевса на Крите указывали еще и гору Эгейон. А вне Крита — Ликейскую гору в Аркадии (основной источник — данный гимн), Итому в Мессении и т. д. Вообще Павсаний говорит о большом количестве мест, которые считались местом рождения и воспитания Зевса (Paus. IV, 33, 1). Но главной горой, фигурирующей в мифе как место, куда, во всяком случае, после рождения был перенесен Зевс, остается Ида. Ида находилась приблизительно в 20 км от Кносса и соединялась с ней хорошей дорогой.

Ζεῦ, σὲ — дважды повторенные слова в начале 6 и 7 стихов — яркая, запоминающаяся анафора.

7 πότεροι — в *схолиях:* ἐν ἤθει ἀναγνώστεον τὸ πότεροι.

8 «Κρῆτες ἀεὶ ψεῦσται» — «критяне всегда лгут». Цитата из Эпименида. Полный стих Эпименида: «Κρῆτες ἀεὶ ψεῦσται, κακὰ θηρία, γαστέρες ἄγραι». Изречение о критянах берется из послания Павла к Титу (I, 12 = Epimenides B1 DK). В древности была поговорка «τρία κάππα κακά» (имелись в виду критяне, каппадокийцы и киликийцы).

Об Эпимениде см.: Плутарх, Солон, 12; Диоген Лаэрций 1, III, 109.

τάφον — в *схолиях:* τάφον· ἐν Κρήτῃ ἐπὶ τάφῳ τοῦ Μίνωος ἐπέγεγραπτο· Μίνωος τοῦ Διὸς τάφος· τῷ χρόνῳ δὲ τὸ «Μίνωος τοῦ» ἀπηλείφθη ὥστε περιλειφθῆναι «Διὸς τάφος». ἐκ τούτου οὖν λέγουσι Κρῆτες τὸν τάφον τοῦ Διός. ἢ ὅτι Κορύβαντες λαβόντες αὐτὸν ἐπὶ τῷ κρῦψαι διὰ τὸν Κρόνον προσεποιήσαντο τάφον αὐτῷ ποιεῖν.

Могилой Миноса, а затем Зевса считали на Крите гору, которая с запада напоминала мужское лицо с бородой.

9 ἐτεκτήναντο от τεκταίνομαι — плотничать, мастерить, делать, строить; ср.: Nonn, XLVI, 355: τάφον εὐποίητον ἐτεκτήναντο. У Каллимаха встречается один раз.

θάνες от θνήσκω; ср.: III, 127; V, 129; IV, 91 — ср.: ἀποθνήσκω (fr. 350, 2), καταθνήσκω (ep. XX, 2).

ἐσσὶ γὰρ αἰεί — В тех немногих случаях, когда говорится о рождении богов, «мы всегда имеем в основе тот или иной негреческий культ, — пишет А. Ф. Лосев[18], — конечно, согласно теогонии, все боги, кроме Земли, так или иначе рождаются. Но и их рождение греки относили к каким-то стародавним и незапамятным временам, к каким-то сумеркам своей доистории, свидетельствуя этим самым, что мотив рожде-

18. А. Ф. Лосев. Мифология греков и римлян..., с. 275–276. Ср. также представления греков о начале мира: А. И. Зайцев. Греческая религия и мифология..., с. 71–84.

ния и смерти богов не является мотивом их собственной мифологии, а относится к каким-то неведомым предшественникам. Во всяком случае, для грека классического периода рождение и умирание богов является курьезной экзотикой, а отчасти даже веселой выдумкой...»

Возможно, это мнение можно связать с полемикой Каллимаха с Эвгемером и его философией. Это полемика еще более ясно выражена во фр. 191, 10–11:

οὗ τὸν πάλαι Πάγχαιον ὁ πλάσας Ζᾶνα
γέρων λαλάζων ἄδικα βιβλία ψήχει.

10–14 «Так, решено: на Паррасии был ты рожден!» Поэт выбирает и поддерживает аркадскую версию рождения Зевса.

10 ἐν... Παρρασίῃ

Παρρασίη, ἡ — Паррасия, гора в Аркадии.

В *схолиях*: ὄρος Ἀρκαδίας ὁ Παρνασός или: ὄρος Ἀρκαδίας τὸ Παρράσιον ἀπὸ Παρράσου τοῦ Λυκάονος, есть рук. чтение Παρρνασίη.

После Аида и Посейдона Рея родила Зевса в глухую ночь на горе Ликей в Аркадии, где не падала тень еще ни от одного существа (Hes. Theog. 453–467; Apolod. I, 1, 5; Polyb. XVI, 12, 6; Paus. VIII, 38, 5)

11 ἔσκε эп. ион. ἦν.

θάμνος, ὁ — кустарник; ср.: Ap. Rhod. I, 1027; Hom. Hymn. Cer. 100. У Call. один раз.

περισκεπής — покрыта, закрыта кругом; от περισκεπάζω ср.: IV. 23: περισκεπέεσσιν πύργοισι.

12–13 ἑρπετὸν... κεχρημένον Εἰλειθυίης

κεχρημένον Εἰλειθυίης — *перифраза*: собирающаяся родить.

Εἰλείθυια и Εἰλήθυια ἁ (дор.); ср.: IV, 132: Εἰλήθυιαν IV, 257: Ἐλειθυίης.

В *схолиях*: οὔτε ἑρπετὸν οὔτε γυνὴ χρῄζουσα τοῦ τεκεῖν ἐπιμίσγεται. ἢ οὕτως (οἷον χρήζειν) Εἰλειθυίας τουτέστι γεννήσεως. ὅτι πᾶν ζῷον εἰσιὸν ἐκεῖ μεμολυσμένον ἄγονον ἐγίνετο καὶ σκιὰν τὸ σῶμα αὐτοῦ οὐκέτι ἐποίει.

Возможно, здесь речь идет о жертвенном костре, который разводили на горе Ликей, когда ни одно существо не отбрасывает тени, т. е. в полдень, во время летнего солнцестояния[19].

Ῥέη, ἡ Рея. Имя Рея, возможно, является эпитетом земли; ее основной птицей считалась голубка, а главным зверем — барс. Священным деревом Реи считался дуб (*схолии к* Apol. Rhod. I. 1124). У Каллимаха Рея встречается только в гимне I: πότνια Ῥείη (I, 28); Ῥέη... ἐλύσατο μίτρην (I, 21), Ῥείης...

19. См.: Р. Грейвс. Мифы Древней Греции. М., 1992., с. 29.

ὠγύγιον... λεχώιον (I, 13); в I, 10: Ῥείη τέκεν; в I, 15 Рея названа – μήτηρ; в I, 30 и 37 – θεή.

14 Ἀπιδανῆες – апиданы, древние обитатели Аркадии, в схолиях: Ἀπιδανῆες· οἱ ἀρχαῖοι Ἀρκάδες; ср.: Apol. Rhod. 4, 263.

ὠγύγιον... λεχώιον

ὠγύγιος – досл. огигов, восходящий ко времени Огига, перен. древнейший, извечный; ср. Hom. Od. VII, 244: Ὠγυγίη... νῆσος; Hes. Theod. 806. Call. fr. 260, 22. Ср. IV, 160.

λεχώιον, τὸ – *неологизм* Каллимаха, встречается у Apol. Rhod. II, 1014, образован, очевидно, от λεχώ, (οος) οῦς, ἡ – лежащая в постели, родительница. Модель образования: Ἀχελώιος у Гомера, Πτώιος у Пиндара, Λητώιος – у Каллимаха (т. е. от существительных на – ώ); ср. в An. Pal. VII, 166, 5: κόραι τῇ παιδὶ λεχώϊα δῶρα φεροῦσαι.

15–17 Рея родила и тут же стала разыскивать воду, чтобы «смыть грязь родов».

15 μεγάλων ἀπεθήκατο κόλπων – *перифрастическое* выражение: родила

κόλπος, ὁ – лоно материнское, чрево матери, женская грудь; ср. у Гомера – часто, Hom. hym. Ap. 431; Cer. 187; 231; 238; 286; XXVI, 4; Theocr. XX, II; XXIV, 60; Ap. Rhod. II. 970; III, 207; I, 1361). У Каллимаха: IV, 42; 214; 265; III, 71.

16 δίζητο – у Гомера, в гомеровских гимнах – часто встречающийся глагол; Theocr. VII, 61; XVI, 68, XXV, 37; Apol. Rhod. I, 1303; IV, 508, Call. ep. X, 3. Ср. параллельное место у Аполлония Родосского: δίζητο κρήνης ἱερὸν ῥόον (Ap. Rhod. I, 1208).

ῥόον ὕδατος

ὕδωρ, τό – у Каллимаха может употребляться как синоним к ἅλς, θάλασσα, πέλαγος, πόντος. Ср.: Ἰκαρίου... ὕδατος (IV, 14); Χαλκιδικῆς... ἁλὸς ὕδωρ (IV, 46); ὕδατος ἐπλήσαντο (III, 167); ἐν ὕδατι (IV, 191).

17 λύματα τόκοιο; ср.: Hom. Il., 314, XIV, 171 – λύματα; ср.: II, 109: τὰ πολλὰ λύματα γῆς; VI, 115: ἔκβολα λύματα δαιτός.

В *схолиях:* λύματα· καθάρματα

χυτλώσαιτο – в *схолиях*: τὸ δε χυτλώσαιτο ἀντὶ τοῦ ἀπολούσαιτο.

18–27 географическое отступление, в котором Каллимах излагает представления своего времени о древнейшем ландшафте одного из районов Аркадии. Наряду с сакральной географией (гимн IV) с картографическим принципом описания географии (гимн III), для архаизации стиля Каллимах включает доисторическую географию.

18 Λάδων, ὁ – Ладон-река в Аркадии, правый приток Алфея. (Strab. VIII, 343, 389). По Гесиоду – Ладон «быстротечное ди-

тя» Океана и Тефии. (Hes. Theog. 337–345. Apol. Rhod. IV, 1397; Apolod. II, 5,11).

Ἐρύμανθος, ὁ – Эриманф – река в Аркадии, приток Алфея (Strab. VIII, 343; Polyb. 4, 70), в *схолиях*: Ἐρύμανθος δὲ ποταμὸς Ἀρκαδίας. Считалось, что Эриманф – самая чистая река: «λευκότατος ποταμῶν».

И Ладон, и Эриманф у Каллимаха встречаются один раз; ср. Ap. Rhod. I, 127.

19 ἄβροχος – неорошенный, сухой, безводный. У Каллимаха встречается один раз, как антитеза к εὔυδρος. (ст. I, 20).

20 В *схолиях*: Ἀζηνίς — Ἀρκαδίη (Dion. Per. 415) и далее: Ἀπιδανῆες... οἱ Ἀρκάδες... ἐπεὶ μὴ εἶχε πίδακας μήθ ὕδωρ τὴν ἀρχην, ὅθεν καὶ Ἀζηνίς ἐκαλεῖτο. Ἀζηνίς – конъектура Р. Пфейффера.

Об Аркадии Каллимах пишет еще в III гимне (III, 220) и IV гимне (IV, 70).

21 αὐθις – чтение в рук. ϕ. = αὐθι = αὖτις; ср.: III, 46, 1, 94; IV, 44 и т. д. – потом, после.

В схолиях: ὕστερον μετὰ τὸ τέκειν τὴν Ῥέαν.

τημόσδε = τῆμος = τᾶμος – тогда; ср.: Theocr. X, 49; Apol. Rhod. II, 957.

резкое противопоставление: *αὖθις — τημόσδε.*

ἐλύσατο μίτρην – *перифраза*: собралась родить (Ср IV, 222: μίτρην ἀναλύεται – в аналогичной ситуации; IV, 166 ὑπὸ μίτρην· ὑπὸ τὴν ἀρχήν).

22 Ἰάων, ὁ – Иаон, приток Алфея.

ὑγρὸς Ἰάων ἤειρεν; ἤειρον от ἀείρω = αἴρω – поднимать. В *схолиях*: τὸ δὲ ἤειρεν καὶ ὤκχησεν ἀντὶ τοῦ ἐβάστασεν.

σαρωνίς, ίδος, ἡ – дуб; в *схолиях*: σαρωνίδας· δρῦς· παρὰ τὸ σεσηρότα καὶ συνεστραμμένον τὸν φλοιὸν ἔχειν; в *схолиях* Гезихия: σαρωνίδες· αἱ διὰ παλαιότητα κεχηνυῖαι δρύες. σαρωνίς· ἔλάτη παλαιά. ἐφύπερθε – сверху.

23 Μέλας, ὁ – Мелас, река в Аркадии, часто встречающееся название рек с темноватой водой.

ὤκχησεν от ὀκχέω = ὀχέω – нести, переносить ὀκχέω (Pind. O. II, 67), ὀκχέσασθαι (Call. fr. 356). ὤχησεν – конъектура Стефануса.

25 πολλὰ... κινώπετα – *неологизм.*

κινώπετον, τὸ < κινέω + ἑρπετόν – змеи, животные, ползущие по земле.

В *схолиях*: κινώπετα· τὰ ἑρπετὰ, τὰ θηρία, τὰ οἱονεὶ κινούμενα ἐν τῷ πέδῳ, ὅ ἐστι τῇ γῇ, κινώπεδα τινὰ ὄντα.

ἰλυός, ὁ – пещера, нора.

В *схолиях:* ἰλυοὺς ἤτοι φωλεούς — ἰλυούς· καταδύσεις.

Καρίων, ὁ – Карион, река в Аркадии, встречается только у

Каллимаха, возможна идентификация с Καρνίων. (Paus. VIII. 34; 5).

В *схолиях:* Καρίωνος· λείπει ἡ ὑπερ· πολλὰ δ' ὑπὲρ τοῦ Καρίωνος κινώπετα ἤγούν ἑρπετά, παρὰ τὸ ἐν τῷ πέδῳ κινεῖσθαι. ἐβάλοντο ἰλυοὺς ἤτοι φωλεούς.

νίσσομαι – в *схолиях:* τὸ δὲ νίσσετο ἀντὶ τοῦ ἤρχετο. ἐπορεύετο.

26 Κρᾶθις, ἡ – Кратис, река в Аркадии.

В *схолиях*: Κρᾶθις ποταμὸς Ἀρκαδίας.

Μετώπη, ἡ – Метопа, река в Аркадии, встречается у Каллимаха один раз; ср.: Μετώπα – Pind O. VI, 84.

πολύστειος = πολύστιος – со многими маленькими камешками.

В *схолиях*: τὸ δὲ πολύστειον, πολύψηφον καὶ πολυπάτητον.

28–32 обращение Реи к Гее и обретение источника воды.

Рея не зря обращается к своей матери Гее – именно она советует Рее, как спасти Зевса от прожорливости Кроноса, и сообщает о том, какая судьба ожидает Зевса (Hes. Teog. 470–486). Но у Гомера в сюжете о свержении Кроноса никаких указаний на Рею нет. Об этом – в гомеровских гимнах – Hymn. Hom. IV, 12 и XII, 1. Рея разделяет с Кроносом почет на островах блаженных – Hymn. Orph. XIV, 5; Pind. Ol. 11, 12. Рея присутствует при рождении Аполлона – Hymn Hom. I, 93. Рея провожает на Олимп Деметру по поручению Зевса – Hymn. Hom. V. 441–443. У Гомера Зевс – первенец, у Гесиода – он последний ребенок Кроноса и Реи. Каллимах не случайно рождение Зевса связывает с Аркадией, ведь там исконное местопребывание Реи. Поздние легенды относили рождение Зевса к Малой Азии, возможно, отождествляя Рею с фригийской Кибелой (Anthol. Pal. IX, 645).

29 ὠδίς, ἡ; ср.: ὑπ' ὠδίνεσσι βαρυνόμενην (IV, 202); ὀξείῃσιν ὑπ' ὠδίνεσσι... τειρόμεναι (III, 21), τειρομένην ὠδῖσι (IV, 61), ὠμοτόκους ὠδῖνας (IV, 120). Синоним: λοχείη.

ἀντανύω – вариант к τανύω (ср.: Ap. Rhod. ἄνα... τανύσσατο I, 344) У Каллимаха встречается один раз.

30 πῆχυς, ὁ – традиционная синекдоха: рука.

Ср.: Лето πήχεις / ἀμφοτέρους ὀρέγουσα (IV, 107); Афина ἀπενίψατο... μεγάλως... πάχεις (V, 5). Call. fr. 196, 38 – παχέεσσι.

31 πλήσσω. Ср.: I, 53 – πεπλήγοντες... τεύχεα; IV, 306 – πλήσσοσι οὐδας... ποδί VI, 39, πλαγεῖσα.

32 μέγα χεῦμα – ср.: IV, 110; I, 37. χρόα – поэт. χροιά, χροιή, ἡ = χρώς, ὁ – цвет, цвет кожи, кожа, поверхность тела.

φαιδρύνω – синоним к λούω, χυτλόομαι

σπειρόω – свивать, скручивать, ср.: IV, 6.

В *схолиях*: σπείρωσε· εἵλιξε· παρὰ τὸ σπειρόω, τὸ εἱλίσσω· ὅθεν σπείρημα, τὸ σπαρτίον.

Νέδη, ἡ — Неда, река на Пелопоннесе берет начало у Ликейского кряжа, течет по границе Мессении с Аркадией.

В *схолиях:* Νέδη· ὄνομα νύμφης Ὠκεανίδης θρεψαμένης τὸν Δία; ср. I, 38.

33–41 описание нового потока, названного в честь старшей из Океанид — нимфы Неды. Неде поручается доставить тайно на Крит младенца Зевса.

34 κευθμός, ὁ — пещера, в *схолиях*: κευθμόν· σπήλαιον.

κευθμὸν ἔσω Κρηταῖον — Зевс на Крите был спрятан в Диктейской пещере (см. комментарий выше к ст. 4).

35 μαιώσαντο от μαιόομαι.

В *схолиях*: μαιώσαντο· ἔθρεψαν.

36 πρωτίστη; πρωτίστη γενεὴ — конъектура О. Шнейдера.

Στύξ, ἡ — Стикс (или Стикса), нимфа Океана, река в Аркадии, источник того же названия. Воды Стикса, текущие из скалы в Аиде, Зевс сделал залогом клятв, предоставив эту честь за то, что Стикс со своими детьми была его союзником в борьбе с титанами. (Apollod. I, II, 5). О клятве водами Стикс знает Гесиод (Theog. 784); καὶ Στύξ, ἥ δὴ σφέων προφερεστάτη ἔστιν ἁπασέων (Hes. Theog. 361).

В «Одиссее» Калипсо, отвечая Одиссею, заподозрившему ее в обмане, говорит (Hom. Od. V, 184 и слл; пер. В. А. Жуковского):

> Но я клянусь и землей плодоносной, и небом великим,
> *Стикса подземной водою клянусь*, ненарушимой, *страшной*
> Клятвой, которой и боги не могут изречь без боязни,
> В том, что тебе никакого вреда не замыслила ныне.

(Ср.: Hom. Il. II, 755; VIII, 369; XIV, 271; XV, 317. Hom. Hymn. Cer. 423; Merc. 519).

Ср.: «Стикс «ненавистный» — небольшой ручеек в Аркадии, воды которого считались смертельно ядовитыми. В Аиде его помещали только поздние мифографы» (Р. Грейвс. Мифы Древней Греции. М., 1992, с. 90).

Φιλύρη, ἡ — Филира, нимфа Океана, мать кентавра Хирона; ср. IV, 118; Pind P. IV, 203, VI, 22; N. III, 43.

В *схолиях*: Φιλύρην· μητέρα Χείρωνος τοῦ Κενταύρου.

От Филиры и Кроноса родился обладавший двойственной природой кентавр Хирон (Apollod. I, II, 4), поскольку Кронос соединился с Филирой, приняв облик коня (Schol. Apoll. Rhod. I, 554). Гигин сообщает (пер. Д. О. Торшилова): Филира, увидав, «что она родила невиданное существо, про-

сила Юпитера, чтобы он изменил ее в какой-нибудь (другой) вид. Она была превращена в дерево филиру, т. е. в липу (Hyg. Fab. 138).

39 Καύκων, ὁ — кавконы, жившие в Пелопоннесе, часть этого народа переселилась в Элиду; ср.: Hom. Il. X, 429; XX, 329; Od. III, 366.

В *схолиях*: ὄρος Ἀρκάδων ὁ Καύκων.

Очевидно, от мифического героя Кавкона, сына Ликаона, царя Аркадии и дочери Океана Мелибеи (или же нимфы Киллены (Apollod. III, VIII, 1).

Λέπρειον, τὸ — Лепрейон, город в Плопоннесе; ср.: Herod. IV, 48; Strab. VIII, 3, 344; ср. Arist. Ach. 724: ἀπὸ Λεπρέου πολίσματος τῆς Πελοποννήσου.

В *схолиях:* Λέπριον δὲ ἀπὸ Λεπρέα τοῦ Ποσειδῶνος ὃς προκαλεσάμενος εἰς ἀδηγαγίαν Ἡρακλέα καὶ ὑπ' ἐκείνου ἡττηθείς ἐφονεύθη.

У Кавкона и Астидамии был сын Лепрей, который основал в Аркадии город Лепрей. По одной из версий мифа Лепрей по глупости посоветовал царю Авгию надеть на Геракла кандалы, если тот будет просить плату за чистку конюшен. Узнав, что Геракл уже идет к городу, Астидамия, жена Лепрея, заставила его принять героя как можно радушнее. Геракл вызвал Лепрея на соревнование в троеборье: метании диска, питье воды ведрами и поедании быка. Хотя Геракл победил в метании диска и питье воды, Леперею удалось покончить с быком раньше, чем Гераклу. Довольный таким успехом, Лепрей вызвал Геракла на поединок и тут же был поражен дубиной насмерть.

Павсаний (V, V, 3–4) сообщает другую версию мифа. Лепрей, давший городу имя, был сыном Пиргея. Заспорив с Гераклом, что в еде он ему не уступит, оба (Лепрей и Геракл) убили одновременно по быку и приготовили их себе на обед. Действительно, Лепрей в еде оказался не хуже Геракла. Но когда он после этого осмелился вызвать Геракла на состязание оружием, то, как говорят, Лепрей был побежден и убит, а затем похоронен в Фигалейской области.

Иногда, как пишет Павсаний, заселение этого места приписывают Лепрее, дочери Пиргея. А некоторые считают, что на первых поселившихся в этой земле напала болезнь «Лепра» (проказа) и город ведет свое название от этого несчастья. Лепреаты говорили, что у них в городе был храм Зевса Левкея (бог белого тополя), была могила Ликурга и могила Кавкона, памятник которому изображал человека с лирой в руках.

40 Νηρεύς, ὁ — Нерей (Hes. Theog. 233; 240; 263; 1003; Pind. O. II, 29; P. III, 92; N. III, 57).

В *схолиях*: Νηρῆι· τῇ θαλάσσῃ У Каллимаха — *метонимия*: море.

В мифологии Нерей, сын Понта и Земли — морской старик-прорицатель, мудрый, приветливый и мирный бог моря, который мог менять свое обличие.

41 υἱωνοὶ... Λυκαονίης ἄρκτοιο — потомки Ликаонской медведицы, *антономасия*: аркадцы.

Ликаонская медведица — Каллисто, дочь Ликаона, царя Аркадии. Каллисто была охотницей и спутницей Артемиды. От Зевса Каллисто родила Аркада, предка жителей Аркадии, за что Гера превратила ее в медведицу. В этом виде Каллисто была случайно убита Артемидой на охоте.

В *схолиях*: Λυκαονίης ἄρκτοιο· τῆς πρώην λεγομένης Καλλιστοῦς, Λυκάονος θυγάτρος· ἐξ ἧς καὶ Διός μεταβλητέντος εἰς Ἄρτεμιν γέννᾶται ὁ Ἀρκάς, ἀφ' οὗ οἱ Ἀρκάδες.

42–45 описание пути из Аркадии на Крит. Обыгрывание этимологии Омфаловой (Пупковой) равнины.

43 Θεναί, αἱ — Тены, город на Крите, недалеко от Кносса: ἐγγύθι Κνωσσοῦ. Существовали еще Тены в Аркадии. Уточнение Каллимаха говорит о том, что он знал о разногласиях в локализации этого города.

В *схолиях*: Θενάς· πόλις καὶ ἄλσος.

ἡ Νύμφη = нимфа Неда.

44 τουτάκις —

В *схолиях* два толкования: τουτάκι· τὸ τηνικαῦτα. усил. к ἤνικα — тогда; τουτάκι· ἤγουν τότε

45 Κύδονες — кидоняне; ср. Hom. Od. III, 292; XIX, 176; Strab. X. 475. Call. III, 197.

В *схолиях*: Κύδονες· ἔθνος Κρήτης.

Ὀμφάλιον... πέδον.

Диодор сообщает: «Когда Куреты его (Зевса) несли, у ребенка, говорят, отпал пупок около реки с названием Тритон, и эта посвященная ему местность, от случившегося там, получила название Омфала [Пупка], и также окружающая равнина — название Омфалийской». (Diod. V, 70, 4).

По другой версии, Зевс потерял свою пуповину у Омфалиона, когда его возила на спине вскормившая его свинья. (Судя по сохранившемуся фрагменту, эту версию разрабатывал виднейший представитель Новой комедии — Филемон в комедии «Крылышко» — Филемон. Pterygium, фраг. V,1 и сл.)

Ср.: в словаре Стефана Византийского: Ὀμφάλιον· τόπος Κρήτης πλησίον Θενῶν καὶ Κνωσσοῦ... τὸ ἐθνικὸν ὁμφαλίτης — *схолии Nic. Al.* 7.

Но традиционно считается, что Ὀμφάλος — «пуп земли» находился в Дельфах. Первоначально он мог представлять собой горку тлеющих углей, покрытых золой. Затем это стало святилище с известным символическим изображением «пупа». Считалось, что это тот самый камень, который был дан Реей вместо младенца Зевса и который был проглочен Кроном. Когда же Крон его изверг обратно, то этот камень был помещен в Дельфах как центр земли и был назван «пупом» земли (Hesiod. Theog. 497–500). В Дельфах он был большой святыней: его всячески украшали и умащали возлияниями. Раскопки французских археологов обнаружили в Дельфах камень весьма похожий на тот, о котором говорят литературные источники.

46–54 Описание условий, в которых воспитывался младенец Зевс на Крите.

46 Κύρβας, ὁ — Корибант, сын Кибелы и Ямона (Strab. X. 3, 472), откуда корибанты. Корибанты — жрецы Кибелы (или Реи) во Фригии сопровождали богиню оргиастическими танцами и шумной музыкой. Возможная древняя этимология от «κόρυς» (шлем) или «κορύπτων βαίνειν». Корибанты или Куреты, что почти одно и то же (ср. здесь же ст. 52), с той лишь разницей, что Корибанты связывались главным образом с малоазийским культом Кибелы, а Куреты с критским Зевсом — похожи на идейских Дактилей, Тельхинов, Кабиров и других демонов переходной поры от хтонизма к героизму. Они являются выразительным примером отождествления хтонизма и героизма, «когда стихийно-демоническая и оргиастическая сущность демона объединяется вокруг новорожденного младенца то ли с прогрессом в металлургии и военном деле, то ли прямо с интимно-человеческими чувствами» [20]. Ни Куретов, ни Корибантов нет ни у Гомера, ни в «Теогонии» Гесиода. Страбон приводит тексты, дошедшие до нас под именем Гесиода и из других послегомеровских авторов.

Впервые о функции Куретов — воспитателей младенца Зевса, взявших на себя его охрану, — данный контекст Каллимаха. Вообще, насколько можно судить, сюжеты о рождении богов редко становились темой литературно-художественных произведений, но кое-какие упоминания имеются и на этот счет. Известно, например, что в трагедии Тимесифея «Рождение Зевса» разрабатывалась фабула о Куретах. Гораздо чаще эти сюжеты привлекали комедиографов (ср.: Филемон.

20. Подробную подборку материалов о Куретах и Корибантах см.: А. Ф. Лосев. Мифология..., с. 276–282.

«Крылышко»; Филиск Керкирский. «Рождение Аполлона и Артемиды»; Гермипп. «Рождение Афины»).

47 Δικταῖαι Μελίαι – Диктейские Мелии. Мелии – нимфы, рожденные Геей из крови Урана (Hes. Theog. 187).

Каллимах, конечно, знаком с версией Гесиода, в четвертом гимне (IV, 80) он упоминает Мелию (αὐτόχθων Μελίη), которую можно соотнести с гесиодовскими Мелиями. Была еще Океанида Мелия (Apollod. II, I, 1), о которой говорится в каллимаховском фрагменте (frg. 598):

Μελίαν δέ φησιν αὐτὴν διὰ τό τινας τῶν νυμφῶν Μελίας καλεῖσθαι ἀπὸ Μελίας τῆς Ὠκεανοῦ, ὥς φησι Καλλίμαχος.

Здесь же имеются в виду дочери Мелиссея и козы Амальфеи, критские нимфы, подруги Корибантов – Адрастея и Ио; ср. Apollod. I, I, 6.

Ἀδρήστεια, ἡ Адрастея (неизбежность) – дочь Мелиссея и Амальфии, воспитательница Зевса, сестра Куретов, а также эпитет фригийской Реи-Кибелы.

В *схолиях*: Ἀδρήστεια· ἀδελφὴ Κουρήτων; ср.: Ap. Rhod. I, 1116; 3, 133.

Ср.: Apollod. I, 1, 5–7: «...Рея пришла на Крит, когда была беременна Зевсом, и там родила его *в пещере Дикты*. Его отдала она на воспитание Куретам и Нимфам, дочерям Мелиссея, Адрастии и Иде».

48 λίκνον, τὸ – корзина со священной утварью. Ср.: χρυσῷ πλέα λίκνα VI, 126.

В *схолиях*: λίκνον ἢ τὸ κόσκινον· τὸ γὰρ παλαιὸν ἐν κοσκίνῳ κατεκοίμιζον τὰ βρέφη πλοῦτον καὶ καρποὺς οἰωνιζόμενοι ἢ τὸ κουνίον, ἐν ᾧ τὰ παιδία τιθέασιν. (Ср. Hom. Hymn. Merc. 21 и 150).

πίονα μαζόν – *метонимия* – γάλα; ср.: Call. IV. 274 – γλυκὺν ἔσπασε μαζόν.

49 αἰγός Ἀμαλθείης — Ἀμάλθεια, ἡ – Амальфея. В *схолиях*: Ἀμάλθεια· ἡ τροφὸς τοῦ Διὸς Ἀμαλθείης· οὕτως ἐκαλεῖτο ἡ αἶξ ἡ τὸν Δία θρέψασα· λέγεται δὲ ἀπὸ μὲν τοῦ ἑνὸς κέρατος ἀμβροσίαν ῥεῖν, ἀπὸ δε τοῦ ἄλλου νέκταρ.

Куреты, которым был передан Зевс на воспитание, привлекают для его кормления козу Амальфию. Амальфия в мифологической традиции предстает то в виде нимфы, дочери Океана или Мелиссея (Schol. Hom. Il. XXI, 194; Hyg. Fab. 182), то в виде козы, вскормившей Зевса (Apollod. I, 1; 7).

Диодор пишет, что именно от Амальфеи, вскормившей его, Зевс получил прозвище Эгиоха (Diod. V, 70, 6). Зевс был признателен Амальфее за ее доброту и, когда стал владыкой

Вселенной, вознес Амальфею на небо в виде созвездия. Арат в своей поэме этот эпизод описывает так (Арат. Явления. 162–166; пер. А. А. Россиуса):

> ...Мчит он на левом плече Козу священную в небе,
> Что, по преданью, дала от сосцов своих Зевсу кормиться:
> Зевса пророки ее Налокотной Козой называют.
> Ярко созвездье Козы и обширно...

Однако, как в любом предании, говоря о воспитании Зевса, следует иметь в виду, что существуют самые разные версии. По одной из них, которую также излагает Диодор (IV, 79, 7, 80, 1–2), в воспитании Зевса активную роль играли великие критские богини, которым впоследствии критяне воздвигли святилище Матерей и стали воздавать великие почести, украшая святилище многочисленными посвятительными дарами. По Диодору, именно они воспитали Зевса, за что он их взял на небо и превратил в созвездия.

κηρίον, τὸ — сота, *метонимия*: мед.

ἐπιβιβρώσκω — ἐπὶ... ἔβρως.

Ср.: καταβιβρώσκω, ἐκβιβρώσκω, περιβιβρώσκω διαβιβρώσκω, ἀναβιβρώσκω.

В *схолиях*: ἔβρως· ἔφαγες.

50 Πανακρίδος... μελίσσης — *неологизм* Каллимаха.

Πανακρίς — Панакра или Панакрида.

В *схолиях*: Πανακρίδος δε μελίσσης ἤγουν τῆς τὰ ἄκρα τῶν βοτανῶν δρεπομένης ἅπαντα, ἢ ἀπὸ Πανάκρου, ὄρους Κρήτης.

ἐξαπιναῖα... ἔργα — *метафора*: мед.

В *схолиях*: ἐξαπιναῖα· τουτέστιν ἐγένετο.

Кормили нимфы Зевса, по Диодору, особым напитком, смешивая мед и молоко. И, как пишет Диодор (Diod. V, 70, 5), желая сохранить память о тех пчелах, которые приносили мед, бог изменил их окраску и сделал ее близкой к золотистой меди, а так как место то было особенно высокое и там возникали сильные ветры и выпадал значительный снег, то он сделал их незамечаемыми и нечувствительными к холоду, поэтому они обитают в весьма холодных местах.

Обычно считается, что пища бессмертных богов, недоступная для людей, — амброзия и нектар. Контексты из Гомера свидетельствуют, что амброзия была жидкой или, по меньшей мере, вязкой и тающей, возможно, особого рода жир или елей. Нектар — жидкость, *возможно, молоко с медом*.

51 Πάνακρα — никто раньше Каллимаха гору Иду на Крите не называл Панакрой. Позже в словаре Стефана Византийского: Πάνακρα· ὄρη Κρήτης.

52 Κούρητες οἱ — Κούρης, ὁ – куреты; ср.: Hom. Il. IX, 629–689; Ap. Rhod. II, 1234; IV, 1229 – см. также «Корибанты» – ст. 46.

В *схолиях* Гезихия: Κουρῆτες· τῆς μὲν δευτέρας συλλαβῆς περισπωμένης οἱ τὴν Πλευρῶνα κατοικοῦντες... Κούρητες δὲ προπαραξουνομένου τοῦ ὀνόματος νεανίαι καὶ ἔθνος Κρητῶν.

Вокруг золотой колыбели Зевса (λίκνῳ ἐνὶ χρυσέῳ), висевшей на дереве (чтобы Крон не мог найти его ни в небесах, ни на земле, ни в море), *стояли* вооруженные Куреты – дети Реи (по другим версиям Куреты – дети Зевса и Геры, или Аполлона и нимфы Данаиды, или Зевса и нимфы Идеи и т. д.) Они били мечами по щитам, чтобы заглушить плач младенца и не дать Крону услышать его. Куреты исполняли различные танцы, соединенные с песнями: пирриху, (он же прюлис), гипорхему, пеан. При этом они пользовались также тимпанами, кимвалами, флейтами. «В конце концов эти Корибанты – пишет А. Ф. Лосев[21] – и их поведение вошло в поговорки и часто применялось в переносном смысле о разного рода безумствах и экзальтациях». Позднее Куреты стали жрецами Зевса на Крите. Обряды их сопровождались *оглушительным шумом* и танцами с оружием в руках. Этот шум и танцы были осмыслены как традиционные в память о том шуме, который Куреты производили, чтобы заглушить голос младенца и тем спасти его от Крона. О Куретах пишет Страбон (Strab. X, 3, 11). Предполагают, что рассказ о способе, при помощи которого Куреты заглушали голос младенца Зевса, может восходить к действительно существовавшему обычаю отпугивать от колыбели злых духов. Куреты считались также и гадателями. Когда у Миноса исчез сын Главк, они предсказали, как его найти. В конце концов Зевс сам перебил Куретов за то, что по просьбе Геры они спрятали сына Ио, Эпафа, которого она родила на берегах Нила.

Вообще же – Куреты – букв. «юноши», «юные воины». Представление о них возникло в результате обожествления мужских объединений военного и ритуального характера. Они сопровождают различных богинь: в передней Азии – Великую Мать богов, на Крите – богиню родовспоможения Диктину или Рею. Куретам свойствен экстатический характер, что сближает их со свитой малоазийской богини Кибелы – Корибантами. Как писал Ф. Ф. Зелинский[22], разницу между Куретами и Корибантами установить можно, но «факт тот, что уже древние их отождествляли». На Крите особенно почитались Куреты. В поздней ан-

21. А. Ф. Лосев. Мифология греков и римлян. М.: Мысль, 1996, с. 278.
22. Ф. Ф. Зелинский. Религия эллинизма. Томск, 1996, с. 37.

тичности они входят в окружение Афины. Куретов считали также воспитателями Диониса (Страбон. X, 3, 11–12).

Существуют орфические гимны, посвященные Куретам. Например, один из них – орфический гимн XXXI (пер. О. Смыки):

> О прыгуны Куреты, что в воинской пляске кружатся,
> С топотом дико скача, издавая ликующе крики!
> Лира – не вам, нарушителям лада с летящей стопою,
> Оруженосные стражи, косметоры, яркие славой!
> Матери буйной в горах вы и свита и оргиофанты!
> О, благосклонно явитесь по слову, что вас прославляет,
> С лаской к тому волопасу, что вечно душою приветен!

54 εἰσαΐοι от εἰσαίω = ἀΐω – слышать, чувствовать.
ἀσπίδος – *синекдоха*: singularis pro plurali.
κουρίζοντος от κουρίζω; ср.: III, 5: κουρίζουσα – об Артемиде, IV, 324 – κουρίζοντι – об Аполлоне.

55–60 Описание раннего младенчества Зевса и быстрого его возмужания. Окончание мифологического рассказа.

55 ἠέξευ от ἀέξω ион. эп. вм. αὔξω, αὐξάνω; ср.: IV, 84; I, 95; III, 34; III, 131).
καλὰ в *схолиях:* καλὰ ἀντί τοῦ καλῶς.

56 ἀνηβάω – делаться молодым, молодеть
ταχινοί... ἴουλοι – *инновация* александрийцев; ср.: Arat, 289; Theocr. II, 7; XIV, 40; Apol. Rhod. II, 1044, Leonid. Tarent. IX, 82; Call. III, 158; IV, 95, 114.

57 παιδνός – детский, неразумный.
В *схолиях:* παιδνός· παῖς νέος φράζω.

59 μεγαίρω – выражать; ср.: IV,163.
В *схолиях*: οὐκ ἔφθόνησαν, ἀλλὰ παρεχώρησαν.

Зевс возмужал среди пастухов Иды. По совету Метиды он посетил свою мать Рею и попросил ее сделать его виночерпием Крона. Рея изъявила готовность помочь ему в деле отмщения. Она достала горчицу и соль, которые Метида посоветовала подмешать в медовый напиток Крона. Хлебнув напиток, Крон сначала изрыгнул из уст камень, а потом и всех старших братьев и сестер Зевса. Все были целы и невредимы и в благодарность предложили Зевсу возглавить их в борьбе с титанами[23].

Заключая эту часть гимна, хотелось бы еще раз обратить внимание, что стихи, посвященные рождению и младенчеству Зевса, удивительным образом совмещают высшее начало жиз-

23. Эту версию мифа излагает Р. Грейвс в: Мифы древней Греции. М., 1992, с. 26; со ссылкой на: Гигин. Поэтическая астрономия. II, 13; Арат. Небесные явления. 156–163; Гесиод. Теогония. 477–487.

ни демиурга с конкретно-человеческим и даже, по выражению А. Ф. Лосева[24], интимно-человеческим отношением ко всему дикому и стихийному миру: «Миф о рождении и воспитании Зевса на Крите есть действительно неповторимое во всем античном мире, и это совмещение фетишистко-демонической дикости и человеческой интимности всегда будет обращать на себя внимание всех исследователей античного мифа».

60–65 Переход к теме земного Зевса-Птолемея.

60 δηναιοὶ... ἀοιδοί.

В *схолиях*: δηναιοὶ· παλαιοί; ср.: Theocr. XVI, 54; Apoll. Rhod. III, 53; IV, 645).

61 Κρονίδης, ὁ — *антономасия*, патроним; ср.: I. 91: Κρονίδη πανυπέρτατε.

В *схолиях:* πάλος· ὁ κλῆρος.

В *схолиях:* κλῆρον ἐρύσσαι· κληρωθῆναι.

62 ἐρύσσαι — ἐρύομαι тащить, влечь, *извлекать по жребию.*

63 νενίηλος — слабоумный, тупоумный.

В словаре *Гезихия*: νενίηλος· τυφλός, ἀπόπληκτος.

64 πήλασθαι — от πάλλω (ср.: Theocr. XVII, 103; XXIV, 57; Apoll. Rhod. II,45).

διὰ πλείστον, εἰς πλεῖστον — *наиболее*, в высшей степени. Ср.: пер. С. С. Аверинцева, ст. 64: «Здесь велико непомерно различие».

В *схолиях*: к ст. 63–64: ὁ κλῆρος ἐπ' ἴσων πραγμάτων χωρεῖ· ὁ οὐρανὸς δὲ καὶ ὁ ᾅδης τοσοῦτον διαφέρουσιν ὅσον καὶ διεστήκασιν.

65 ἀκούη, ἡ — эп. вм. ἀκοή; ср.: Apoll. Rhod. II, 772; III, 1131; IV, 17; 908; Call. IV, 180.

66–90 Славословие Птолемею. По сути — энкомий. Развитие темы «От Зевса цари».

66 ἐσσήν, ῆνος ὁ — *инновация* Каллимаха, единственный раз во всей греческой литературе Зевс назван «ἐσσῆνα»; *метафора*: царь.

В *схолиях*: ἐσσὴν κυρίως ὁ βασιλεὺς τῶν μελισσῶν, νῦν δὲ ὁ τῶν ἀνδρῶν.

В «Большом этимологике» (Et. M.): ἀπὸ μεταφορᾶς τοῦ μελισσῶν βασιλέως.

Словоупотребление «ἐσσήν» у Каллимаха вызывает наибольшие споры, этимология этого слова неясна. Возможно, как пишет Э. Фернандес-Галиано[25], это слово эфесского

24. А. Ф. Лосев. Мифология греков и римлян. М.: Мысль, 1996, с. 274–275.

25. Lexico de los Himnos de Calimaco por Emilio Fernandez-Galiano. V. I–IV, Madrid. 1976–1980, v. II, p. 256.

происхождения (в надписях IV, III вв. до н. э. засвидетельствованы формы ἐσσηνεύω и ἐσσηνία). Существует несколько народных этимологий этого слова. Одну из них передает Павсаний (VIII, 13, 1). Он связывает это слово со служителями храма Артемиды Эфесской, которых в народе называли «трутнями», поскольку они якобы питались за счет богини (на эфесских монетах была изображена пчела, которая ассоциировалась с трутнем, не только питающимся за чужой счет, но и постоянно находящимся внутри улья). Ср.: Павсаний (VIII, 13; 1, перевод С. П. Кондратьева) пишет: «Я знаю другой такой же случай, когда подобную жизнь, но не свыше года, проводят у эфесцев те, которые становятся гистиаторами (принимающими гостей) Артемиды Эфесской. Согражданами они называются эссенами». Относительно интерпретации семантического сдвига: «жрец» → «правитель» → «царь» в науке существует полемика и многое остается весьма гипотетичным.

πάλος, ὁ – см. комментарий к ст. 91.

67 κάρτος, τὸ = κράτος; ср.: Theocr. IV, 8: κάρτος, Apoll. Rhod. τὸ κάρτος, τὸ κράτος II, 77.

εἴσαο – синонимы[26]: ἐφίζω καθίζω παρίζω; Call. IV, 309; 232.

πέλας = πλησίον.

πέλας δίφρου.

У Гомера δίφρος – боевая колесница; ср. Hom. Il. VIII, 44: ἑοῦ δ' ἐπιβήσετο δίφρου; XXIV, 322. У Каллимаха как вариант к ἄντυξ, ὄχος.

В *схолиях*: τὸ κράτος πλησίον ἵδρυσας τοῦ δίφρου.

68 οἰωνῶν μεγ' ὑπείροχον – ср.: τελειότατον πετεηνῶν (Hom. Il. VIII, 245, XXIV, 315; ср.: Theocr. VII, 28, 94: μέγ' ὑπείροχον; Apoll. Rhod. II, 369; III, 239.

ἀγγελιώτης, ὁ – Hom. hymn. Merc. 206; Call. fr. 260 – ἄγγελος.

μέγ' ὑπείροχον ἀγγελιώτην οἰωνῶν – *перифраза*: орел; в схолиях: οἰωνὸν· τὸν ἀετὸν.

69 ἐμοῖσι φίλοις – *личный мотив*.

70 φέρτατος – superl. без posit.

αἰζηός, ὁ – молодой, бодрый.

В *схолиях:* αἰζηῶν· νῦν καθόλου λέγει τῶν ἀνθρώπων.

71 ἐμπεράμους νηῶν – опытных в кораблях – *перифраза*: моряков.

26. В большинстве случаев к тем или иным словоупотреблениям Каллимаха нами приводится ряд синонимических слов или слов, близких по значению, с целью более четкого выявления стилистики поэта.

σακέσπαλος — потрясающий щитом; ср.: Hom. Il. V, 126.

ἄνδρα σακέσπαλον — *перифраза*: воин.

72 ὀλίζοσιν μακάρεσσιν.

ὀλίζοσιν от ὀλίγος в *схолиях*: ὀλίζοσί· μικροῖς; ср: III, 263: ὀλίγῳ ἐπὶ... μισθῷ, V 91: μεγάλ' ἀντ' ὀλίγων ер. XLVIII, 3: ἀντ' ὀλίγου μέγα δῶρον.

73 πτολίαρχος, ὁ = πολίαρχος как вариант к: ἄναξ, βασιλεύς, κρατέων, μεδέων.

74 γεωμόρος = γειομόρος = γεωργός. — *синекдоха*: singularis pro plurali; ср. Apoll. Rhod. III, 1387; IV, 1453.

ἴδρις = здесь ἐμπέραμος; ср. Theocr. XXV, 247; Apoll. Rhod. II, 871; Hom. Od. VI, 233; XXIII, 160; VII, 108.

ἴδρις αἰχμῆς — *перифраза*: стрелок.

75 κρατέοντος ὑπ' ἰσχύν — ἰσχύς — вариант к χείρ.

76 ὑδείομεν — в *схолиях*: λέγομεν.

77 τευχηστής, ὁ = τευχητήρ; ср.: Apoll. Rhod. III, 415.

ἐπακτήρ, ὁ — в *схолиях*: ἐπακτῆρας· κυνηγέτας.

79 «ἐκ δὲ Διὸς βασιλῆες» — цитата из Гесиода (Hes. Theog. 96) Ср. также: Hom. hymn XXV, 4.

80 λάξις, ἡ — прозаический эквивалент — λῆξις — удел, часть, доля; получение по жребию.

В *схолиях:* λάξιν· λαχμόν, κλήρωσιν.

81–82 в *схолиях*: ἐν ταῖς ἀκροπόλεσι καθέζῃ ὁρῶν τὰ δίκαια.

82 ἐπόφιος — взирающий на что, всевидящий; ср.: Hom. Il. III, 42; Hom. hymn. Ap. 496; Ap. Rhod. II, 1123, 1133; Call. fr. 85, 4; Ἐπόφιον — эпитет Зевса.

83 δίκῃσι... ὑπὸ σκολιῇσ': σκολιός — кривой; ср.: IV, 311: σκολιοῦ λαβυρίνθου.

ἰθύνω — править; обратить внимание на *антитезу*.

84 ῥυηφενίη, ἡ — ἅπαξ. Образовано, очевидно, от ῥυηφενής — очень богатый, как вариант к εὐηφενής; ср. Hom. Il. XXIII, 81.

В *схолиях*: ῥυηφενίην ἤγουν πλοῦτον· σύγκεται δὲ ἡ λέξις παρὰ ῥύδην καὶ ἄφενος, τούτεστι τὴν πλούτου ῥύσιν.

85 τεκμαίρομαι — назначать, давать; ср. Hom. Il. VI, 349, Hom. hymn. Ap. 285; Apoll. Rhod. I. 108; IV, 73, 217, 559; Call. II, 35: Πυθῶνι κεν τεκμήραιο.

86 ἡμετέρῳ μεδέοντι — в *схолиях*: περὶ τοῦ Πτολεμαίου ταῦτα λέγει.

87 ἑσπέριος... νοήσῃ; ср.: ἑσπέριος ἦλθεν — вечером пришел.

Ср.: Apoll. Rhod. III, 311, I, 586, 915, III, 1192; Hom. hymn. Merc. 18. 341 и XXXII, 11; Theocr. VII, 53.

κεῖνος— в *схолиях:* ὁ Πτολεμαῖος.

νοέω — τελέω *антитеза* ἑσπέριος... ἦρι — *антитеза*.

ἑσπέριος — *анафора*.

ἦρι — ср.: Hom. Il. XI, 360; Od. XIX, 320; XX, 156; Theocr.

XVIII, 39; Apoll. Rhod. III, 41; 737.

88 μέγιστα... μείονα — *антитеза.*

89 οἱ δὲ — в *схолиях:* οἱ ἄλλοι βασιλεῖς δηλονότι. Πλειών, ὁ — время год; в *схолиях:* πλειῶνι· τῷ ἐνιαυτῷ.

ἀπο... κολούω — *тмезис* — вариант к ἐγκλάω (ἐνικλάω) — надламывать, разрушать, уничтожать.

90 ἀπό... κόλουσας... ἄνην — ἄνη, ἡ = ἄνυσις, ἡ — исполнение, совершение, достижение цели; ср.: Hom. Il. II, 347; Hom. Od. IV, 544; Apoll. Rhod. II, 310; Theocr. XXV, 93.

В схолиях: ἄνην· ἤγουν ἄνυσιν, τελείωσιν.

αὐτὸς — в *схолиях:* ὦ Πτολεμαῖε ἢ ὦ Ζεῦ.

μενοινή, ἡ — желание < μενοινάω — желать, замышлять.

91–95 Традиционная концовка гимна: повторяется именование бога с традиционным χαῖρε и обращение к нему с просьбой.

91 πανυπέρτατος — самый крайний, самый верховный — эпитет Зевса; ср.: Hom. Od. IX, 25; Apoll. Rhod. I, 1122.

Κρονίδη — *антономасия.*

δῶτορ ἐάων — податель благ.

92 δῶτορ ἀπημονίης — *анафора.*

ἀπημονίη, ἡ — *ἅπαξ* от ἀπήμων, ου — невредимый, безвредный, безопасный, благоприятный. τίς... ἀείδοι — существуют конъектуры: ἀείσοι, ἀείσαι, ἀείσῃι; ср.: Ζεύς Ἀπήμιος (Paus. I, 32, 2).

93 τίς... ἀείσει — ср.: эмфатическое выделение концовок стихов 92–93: ἀείδοι / ἀείσει в значении: прославлять так, как достойно бога.

95 В *схолиях:* καὶ Ὅμηρος· «πλούτῳ δ' ἀρετὴ καὶ κῦδος ὀπηδεῖ», καὶ Ἡσίοδος (Theog. 313) καὶ Σαπφὼ (fr. 32D) «ὁ πλοῦτος ἄνευ ἀρετῆς οὐκ ἀγαθὸς σύνοικος, ἡ δ' ἐξ ἀμφοτέρων κρᾶσις».

В *схолиях* к рук. Q добавлено: ὦ Καλλίμαχε, εἰ ἄρα ἐπὶ πᾶσιν ἠλήθευσας, ἀλλ' οὐδὲ νῦν ἐπὶ τούτοις ἐψεύσω· οὐ γὰρ χωρὶς πλούτου οἶδεν ἀρετὴ μεγαλύνειν τοὺς ἀνθρώπους οὐδ' αὖ χωρὶς ἀρετῆς πλοῦτος· ὅπου γε καὶ ἀρετὴ μόνη μᾶλλον μεγαλύνειν οἶδεν, και πεισάτω σε Ὀδυσσεὺς γυμνὸς ὢν καὶ τῇ Ναυσικάᾳ διὰ τὴν οἰκείαν ὁμιλῶν ἀρετήν εἰς τὴν πόλιν τε κομιζόμενος καὶ τοῖς ἐκεῖ θαυμαζόμενος[27].

27. Текст схолиев в большинстве случаев прост, поэтому, имея в виду объем книги, мы чаще оставляем его без перевода.

II. ГИМН «К АПОЛЛОНУ»

ПРЕДИСЛОВИЕ

О втором гимне «К Аполлону» написано гораздо больше, чем о каком-либо другом гимне каллимаховского цикла[1]. Ни в одном другом гимне нереальность культового события, неизвестность места действия, смешение божественной и царской сфер, дух борьбы верноподданнических и литературных настроений автора не вызывают бóльших разногласий в исследованиях ученых. В свое время исчерпывающую интерпретацию гимн получил у Виламовица[2], который не раз обращался к нему и считал этот гимн «чисто политической, целевой поэзией». Такой же трактовки гимна придерживается большинство современных ученых[3]. Считается, что Каллимах, базируясь на старой гимнической традиции, здесь создает «современный политический манифест» [4]. Однако так понимали этот гимн не всегда: в свое время Э. Бете[5], ссылаясь на работы Я. Фалена, считал, что этот гимн не имел никакой целевой направленности, был l'art pour l'art. Споры о втором гимне не утихают и по сей день. Столь пристальному вниманию гимн обязан прежде всего тем, что он действительно мастерское произведение своего времени, которое, как пишет Г. Кранц[6], «обнаруживает гениального создателя в каждом стихе». Именно этот гимн, по общему признанию, обладает наибольшей полнотой выражения лирического начала. Из всех

1. Наиболее подробное современное издание: F. Williams. Callimachus. Hymn to Apollo, 1978.

2. U. Wilamowitz- Moellendorff. op. cit. Berlin, 1962.

3. Ср. E. Cahen. Callimaque et son oeuvre poétique, Paris, 1929; W. Kranz. Geschichte der griechischen Literatur, 2. Aufl. Leipzig, 1949; H. Erbse. Zum Apollonhymnus des Kallimachos. Hermes, 83, 1955. W. Wimmel. Kallimachos im Rom. Die Nachfolge seines apologetischen Dichtens in der Augusterzeit. Hermes, Wiesbaden, 1960 и др.

4. W. Wimmel. Kallimachos in Rom, op. cit., S. 59.

5. E. Bethe. Der Apollonhymnus des Kallimachos. Berichte über die Verhandlungen der Sächsischen Akademie der Wissenschaft zu Leipzig. Philologisch-historische Klasse, 78 Bd. 1926; 3. Hf.

6. H. Kranz. Kallimachos und die Sprache Homers. Eine Untersuchung der Hymnen auf Apollon und auf Delos. Diss. Wien, 1939.

шести гимнов это самый неэпический гимн, он дальше всех других гимнов отстоит от своего прототипа — гомеровских гимнов; элемент рассказа, мифологическая narratio здесь отсутствует почти совсем.

Долгое время в науке дискутировался вопрос о времени написания гимна. Относительная датировка получила достаточно убедительное обоснование сравнительно недавно: благодаря работам П. фон дер Мюлля[7] теперь считается, что гимн «К Аполлону» был написан в начале 60 гг. III в. до н. э. А. П. Смотрич[8], на наш взгляд, дает более точную датировку — 255–250 гг. до н. э. Скорее всего, написание гимна было приурочено ко времени окончательного урегулирования египетско-киренских отношений. Около 260 г. до н. э. между Магасом, правителем Кирены, и Птолемеем II было достигнуто соглашение о помолвке их детей. И хотя свадьба состоялась далеко не сразу (Береника II была тогда еще малолетней девочкой), Магас уже не строил военных планов против Александрии, и через некоторое время после его кончины (258 г. до н. э.) управление Киренаикой перешло к сыну Птолемея II, будущему Птолемею III. Поэтому, когда в этом гимне поэт говорит (II, 67–68):

...клялся город и стены
Роду наших владык (ἡμετέροις βασιλεῦσιν) даровать;
и клятвы сдержал он,

то, на наш взгляд, «*ἡμετέροις βασιλεῦσιν*» — это *Птолемей II и Птолемей III*, а время написания гимна — после смерти Магаса и до кончины Птолемея II (259/258–247/246 гг. до н. э.).

Гимн «К Аполлону», как считает Г. Кранц[9], отчетливо обнаруживает три направления: ритуальное, политическое и чисто личное. Чисто личная направленность гимна (политическая и автобиографическая линии здесь совпадают) занимает 2/3 гимна.

Гимн посвящен Аполлону Карнейскому, главному покровителю Кирены, это прокиренский гимн, где Каллимах гово-

7. P. von der Mühll. Die Zeit des Apollon hymnus des Kallimachos. Museum Helveticum, 1958, v. 15 №№ 1–2.

8. Ф. П. Смотрич. Геронд и Птолемей II Филадельф. ВДИ 1962 № 1. Ср.: Г. Кранц считал этот гимн прокиренским и относил его создание также к середине III в до н. э.

9. H. Kranz. Op. sit., S. 20.

рит о личном, говорит взволнованно и эмоционально. Более 20 лет поэт с напряжением следил за развитием отношений между Киреной и Александрией. Наконец, единственно правильное решение найдено. Отсюда, прежде всего, «миротворческая» интонация гимна (II, 26–27):

Тот, кто спорит с богами — с моим поспорь-ка владыкой!
Тот, кто спорит с владыкой моим, — поспорь с Аполлоном.

Мирные хороводы в честь Аполлона — вот главное условие, если хотите дожить до старости и видеть свой город невредимым, считает поэт (II, 12–15):

...не должно
Вашим кифарам молчать или топоту ног прерываться,
Если хотите дожить до брака и старость увидеть,
Если желаете стенам стоять на древних устоях...

Прославление Аполлона Карнейского, главного защитника и покровителя Кирены — это глубоко личная тема для поэта («это у меня отцовское» — II, 71); Аполлон привел далеких предков поэта в Киренаику, указал, где построить город, заложил основание города; Аполлон — защитник многочисленных стад киренеян — от него благополучие и процветание города, поэтому никакого другого бога они не почитают так, как Аполлона; ему посвящают самые пышные торжества в году — Карнейские праздники. Показать красоту этих празднеств, восславить городской храм и алтарь Аполлона — тема, за которую Каллимах берется с поэтическим подъемом. Аполлон всегда был личным защитником и покровителем поэта; так и теперь, надеется поэт, он не даст в обиду его и его творчество — всех завистников бог изгоняет пинком ноги (концовка гимна, ст. 105–112). Конечно, здесь уже имеется в виду не только и не столько Аполлон Карнейский; здесь, как и в I гимне, где поэт умело совместил образы Зевса мифического и Зевса земного — Птолемея, налицо идентификация Аполлона мифического и Аполлона — Птолемея II. Аполлон-Птолемей, как явствует из конечных стихов II гимна, оказывает личную поддержку поэту, защищая его и его поэзию. Эта глубоко личная причина написания гимна, пожалуй, является одной из основных. Но она, как и обращение к Аполлону-Карнею, звучит лишь во второй половине гимна; сначала речь идет об Аполлоне мифическом, вспоминают-

ся эпизоды его мифологемы: служба у Адмета, строительство алтаря и храма на Делосе и т. д. По-видимому, тема Аполлона, помимо личных причин, исключительно важна для поэта и в связи с внешнеполитическими устремлениями Птолемея Филадельфа: недаром ей будет посвящен и самый большой каллимаховский гимн «К Делосу». В борьбе за влияние в Эгеиде и на Балканах, где культ Аполлона был широко распространен, Птолемей стремился укрепиться на Делосе, центре Лиги островов и оплоте Эгейского могущества. Еще Птолемей I Сотер в 308 г. до н. э. был провозглашен гегемоном островной лиги — союза Кикладских островов, куда входил Делос, а с 287/86 гг. до н. э. Делос находился под протекторатом Египта. Птолемей II продолжил в этом отношении политику своего отца. Каждый год на Делос из Египта отправлялись богатые дары: Птолемей хотел подтвердить свое морское могущество религиозным авторитетом великого бога Делоса. Имя бога Аполлона в вотивных надписях, найденных на Делосе, встречается вместе с именем Птолемея. Птолемеям и, в частности Птолемею II, казалось соблазнительным по возможности расширить влияние культа Аполлона: ведь тем самым росла и его власть, как гегемона островной Лиги. Кроме того, известно, что во время правления Птолемея II намечается тенденция к укреплению связей между Египтом и Черноморскими городами (известно свидетельство из архива Зенона, где говорится о прибытии в Египет посольства от понтийского царя Перисада). Известно также, что в причерноморском регионе культ Аполлона к этому времени получает широкое распространение (некоторые черноморские города чтили Аполлона как основателя). Поэтому интерес, внимание и поддержка аполлоновской тематики в поэзии получает, скорее всего, статус политической пропаганды (ср. например, политическую тенденциозность «Аргонавтики» Аполлония Родосского, поэмы, пронизанной от начала до конца аполлоновской тематикой).

Лирический подъем, с которым писался гимн, сказался на его художественных особенностях: вряд ли можно представить бóльший контраст, с этой точки зрения, между этим гимном и гомеровскими гимнами. Выше (см. часть I, главу 3) мы уже писали, что композиция, структура II гимна представляют собой абсолютное новшество. Зачин гимна — описание ритуальной сцены: напряженное ожидание эпифании

лона в его собственном храме. Это описание имеет да- некий театральный эффект: ветка лавра, делосская паль- задвижки ворот, засовы, как и весь храм, содрогнулись, едь запел: Феб совсем близко, он уже ударяет ногой. Вот- грянет хор юношей в приветственном пении, рассказ- уже призывает их запеть, но сцена внезапно обрывается: ак и неясно остается до конца гимна, запел ли хор мальчи- в. дождались ли собравшиеся явления Аполлона. Зато сле- м – здесь же во введении гимна – идут два примера из ми- ологии: Фетида и Ниоба перестают горевать, лишь только слышат пеан Аполлону (II, 17–24). В первом эпизоде Кал- имах употребляет очень редкий для эллинистической поэ- ии эпитет Аполлона – «ликорийский» (λυκωρεύς) «волчий». По мнению К. Куипера[10], именно на эту этимологию эпите- та Аполлона – «ликорийский» – хотел здесь обратить вни- мание Каллимах. Эпизод с Ниобой оказывается тоже важ- ным для поэта, на нем он заостряет внимание, повторяя на все лады: «плачущая скала», «мокрый камень», «злополучный мрамор» (II, 22, 24). В эллинистическое время сюжет о Ниобе, известный еще у Гомера (Il. XXIV, 602–618), вызывал сомнения в своей подлинности; Каллимах выступает активно в его пользу, но помещает «злополучный» камень не в Лидии, как традиционно считалось, а во Фригии. Редкие именования, сюжеты, вызывающие сомнения, и сюжеты малоизвестные – все это как раз соответствует поэтическому вкусу ученого александрийца. Столь же необычна для гимнического жанра концовка гимна; он кончается двумя экскурсами: первый объясняет происхождение пеана (II, 97–104), во втором (II, 105–113) поэт защищает свое искусство от Зависти. Относительно первого эпизода существуют разные толкования: Г. Кранц[11] считал эти стихи концом эпифании, окончанием описания ритуала, К. Куипер[12] отрицал связь этого отрывка с содержанием гимна, по мнению же У. Виламовица[13],

10. K. Kuiper. Studia Callimachea. Leiden. v. I, 1896, S. 197. По вопросу «волчьего» имени Лик, а также культа Аполлона Ликийского подробно см.: Л. А. Гиндин, В. Л. Цымбурский. Гомер и история восточного Средиземноморья. М. РАН. 1996, с. 241; 245–246.

11. H. Kranz. Op. cit., S. 74.

12. K. Kuiper. Op. cit., S. 34.

13. U. von Wilamowitz-Moellendorff. Op. cit., S. 78.

этот эпизод может быть понят только в общем контексте II гимна, в связи со всем предыдущим содержанием гимна. Относительно стихов о Зависти мы подробно писали в главе I. Столь рафинированная композиция II гимна отличает его не только от гомеровских гимнов, но и от других гимнов каллимаховского цикла: в зачине здесь нет традиционной священной эпиклезы; кончается гимн кратким «χαῖρε ἄναξ ὁ δε Μῶμος ἰν' ὁ Φθόνος, ἔνθα νέοιτο» («Радуйся, царь! Да отыдет хула — и Зависть прихватит»), что опять, как и в I гимне, можно отнести и к Аполлону, и к Птолемею. Само содержание гимна убеждает во внутренней перестройке художественной образности, которая происходит под специфическим углом зрения — зная в совершенстве Гомера, его словоупотребления, автор то играет с ним, то точно его повторяет, а то резко ему себя противопоставляет. Поставив задачу представить праздничное действо, автор хочет увязать его с собственно хвалебной песнью. При этом наглядность представления реализуется в отдельных небольших картинах, в которых Каллимах краткими штрихами поясняет миф. Собственно мифологический рассказ, центральная гимническая narratio состоит из небольших эпизодов, которые играют роль этиологий, именований и функций бога, и составляют, как в калейдоскопе, дробную ткань содержания гимна. Но именно в этих разрозненных кусочках, отдельных стихах автор сохраняет эпическую, гомеровскую образность и структуру[14]. Поэтому, хотя стиль Каллимаха в этом гимне, в целом, гладкий и свободный, ему доставляет удовольствие его ломать с помощью разных причуд. Основная тема (ст. 32–96) достаточно неожиданна для гимнического жанра — поэт не останавливается ни на истории рождения бога, ни на истории основания в его честь храма, ни на вообще каком-либо отдельном сюжете. Аполлон в данном случае интересен с точки зрения проявления своей божественной сущности, с точки зрения своих функций. Каллимах бегло, в нескольких стихах скажет об Аполлоне-стреловержце (ст. 43), Аполлоне-покровителе поэзии, пения, музыки (ст. 43), Аполлоне-боге предсказаний и оракулов

14. Исследуя этот гимн, Р. Шмит писал, что «характерный аспект гомеровской окраски сказывается в том, что выбранные из Гомера слова Каллимах употребляет в сходных местах». R. Schmitt, op. cit., 1970., S. 154.

ст. 45), Аполлоне-исцелителе (ст. 46) (Ср. в платоновском Кратиле» (Plato. 405c-406b)) разбираются четыре основные функции классического Аполлона: врачебная, мантическая, стрелковая и музыкальная). Подробнее Каллимах остановится на функции Аполлона-покровителя стад. Но центральной н. безусловно, ведущей, наиболее разработанной в гимне будет строительная функция. Пестрота, дробность тематического развития – от элементов эпического рассказа в отдельных эпизодах до лирических описаний внешности (дается выразительное описание самого Аполлона), пейзажа (алтарь Аполлона весной) – все это убеждает в тонкости и продуманности авторского замысла. Холодная ученость и сдержанность, присущие вообще стилю Каллимаха, здесь, во II гимне отступают перед общим лирическим началом. Как и любой гимн, гимн «К Аполлону» перенасыщен перифрастическими именованиями, мифологическими антономасиями, редкими лексемами. Именно об этом гимне в свое время писал Ф. Кертц[15], что мы едва ли поняли бы отдельные слова и даже целые сцены, если бы у нас не было схолий.

Как было уже сказано, ко II гимну, как и к I, благодаря папирусным находкам мы располагаем краткой диегезой: *Οἷον ὁ τὠπόλλωνος ἐσείσατο δάφνινος ὄρπηξ προτερατευσάμενος ὡς ἐντεθεασμένων καὶ τῶν ἀφύχων ἐπὶ παρουσίᾳ τοῦ Ἀπόλλωνος δαφνίνων τε κλάδων σειομένων καὶ αὐτοῦ τοῦ τεμένους, ἐπιλέγει δεῖν χορεύειν τοὺς παίδας καὶ κιθαρίζειν, γεγαληνῶσθαι δὲ καὶ τὸ πέλαγος ἐφ' ὕμνῳ τοῦ θεοῦ καὶ τοὺς περιπαθεῖς ἀνέχειν τοῦ θρηνεῖν. προσιστορεῖ δὲ καὶ τὸ πολύτεχνον τοῦ ὅτι καὶ τοξότης ἀγαθός ἐστι καὶ ἰατρὸς καὶ μάντις καὶ ἐπόπτης τῆς τροφῆς τῶν θρεμμάτων, καὶ ὡς χαίρει πόλεων κτίσεσιν οὐδ' ἀρχιτεκτονίας ἀπολείπεται· ἔτι δὲ τετραέτης ὢν ἐν τῇ Δήλῳ βωμὸν ἐκ κεράτων κατεσκεάσατο. καὶ εἰδὼς ὅτι Κυρήνης τὴν κτίσιν Βάττῳ τῷ Θηραίῳ διεσήμηνε, κόρακα παρασχόμενος ἡγεμόνα· ὡς πρῶτον μεν ἐν Σπάρτῃ ἐτετίμητο, δεύτερον δὲ ἐν Θήρᾳ, τρίτον δὲ ἐν Κυρήνῃ μετὰ τὰς ἀποικίας τὸν λέοντα... Βάττῳ ...μενον.*

Как и в I гимне, составителя диегезы интересует только первая половина гимна: то, что касается Аполлона мифического.

15. F. Körtz. Die Eigentümlichkeiten der Kallimacheischen Dichtkunst. Eine Studie zum Artemishymnus der Kallimachos und Catulls carmen LXVI. Köln, 1901–1902., S. 37.

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ГИМНА

ст. 1–24 зачин гимна. Состоит из двух эпизодов: 1) ст. 1–16 – описание некоей ритуальной сцены; 2) ст. 17–24 – два примера из мифологии (Фетида и Ниоба умолкают, заслышав пеан Аполлона);

25–31 лирическое отступление. «С богами спорить негоже»: «Тот, кто спорит с богами – с моим поспорь-ка владыкой»;

32–96 «пестрая» мифологическая narratio: ст. 32–41 – описание блестящей внешности Аполлона и его несметных богатств: ст. 42–68 – перечисление основных функций Аполлона; ст. 65–96 – киренская, личная тема; перечисление других мест почитания Аполлона;

97–113 *концовка* гимна. Состоит из двух эпизодов: 1) происхождение возгласа «ἴη παιῆον»; 2) изгнание Зависти.

ΕΙΣ ΑΠΟΛΛΩΝΑ

Οἷον ὁ τὠπόλλωνος ἐσείσατο δάφνινος ὄρπηξ,
οἷα δ' ὅλον τὸ μέλαθρον· ἑκὰς ἑκὰς ὅστις ἀλιτρός.
καὶ δή που τὰ θύρετρα καλῷ ποδὶ Φοῖβος ἀράσσει·
οὐχ ὁράᾳς; ἐπένευσεν ὁ Δήλιος ἠδύ τι φοῖνιξ
ἐξαπίνης, ὁ δὲ κύκνος ἐν ἠέρι καλὸν ἀείδει. 5
αὐτοὶ νῦν κατοχῆες ἀνακλίνασθε πυλάων,
αὐταὶ δὲ κληῖδες· ὁ γὰρ θεὸς οὐκέτι μακρήν·
οἱ δὲ νέοι μολπήν τε καὶ ἐς χορὸν ἐντύνασθε.
ὡπόλλων οὐ παντὶ φαείνεται, ἀλλ' ὅτις ἐσθλός·
ὅς μιν ἴδῃ, μέγας οὗτος, ὃς οὐκ ἴδε, λιτὸς ἐκεῖνος. 10
ὀψόμεθ', ὦ Ἑκάεργε, καὶ ἐσσόμεθ' οὔποτε λιτοί.
μήτε σιωπηλὴν κίθαριν μήτ' ἄψοφον ἴχνος
τοῦ Φοίβου τοὺς παῖδας ἔχειν ἐπιδημήσαντος*,
εἰ τελέειν μέλλουσι γάμον πολιήν τε κερεῖσθαι,
ἑστήξειν δὲ τὸ τεῖχος ἐπ' ἀρχαίοισι θεμέθλοις. 15
ἠγασάμην τοὺς παῖδας, ἐπεὶ χέλυς οὐκέτ' ἀεργός.
εὐφημεῖτ' ἀίοντες ἐπ' Ἀπόλλωνος ἀοιδῇ.
εὐφημεῖ καὶ πόντος, ὅτε κλείουσιν ἀοιδοί
ἢ κίθαριν ἢ τόξα, Λυκωρέος ἔντεα Φοίβου.
οὐδὲ Θέτις Ἀχιλῆα κινύρεται αἴλινα μήτηρ, 20
ὀππόθ' ἰὴ παιῆον ἰὴ παιῆον ἀκούσῃ.
καὶ μὲν ὁ δακρυόεις ἀναβάλλεται ἄλγεα πέτρος,
ὅστις ἐνὶ Φρυγίῃ διερὸς λίθος ἐστήρικται,

_αρμαρον* ἀντὶ γυναικὸς ὀϊζυρόν τι χανούσης.
_ὴ ἰὴ φθέγγεσθε· κακὸν μακάρεσσιν ἐρίζειν.
ὃς μάχεται μακάρεσσιν, ἐμῷ βασιλῆι μάχοιτο·
ὅστις ἐμῷ βασιλῆι, καὶ Ἀπόλλωνι μάχοιτο.
τὸν χορὸν ὡπόλλων, ὅ τι οἱ κατὰ θυμὸν ἀείδει,
τιμήσει· δύναται γάρ, ἐπεὶ Διὶ δεξιὸς ἧσται.
οὐδ' ὁ χορὸς τὸν Φοῖβον ἐφ' ἕν μόνον ἦμαρ ἀείσει,
ἔστι γὰρ εὔυμνος· τίς ἂν οὐ ῥέα Φοῖβον ἀείδοι;
χρύσεα τὠπόλλωνι τό τ' ἐνδυτὸν ἥ τ' ἐπιπορπίς
ἥ τε λύρη τό τ' ἄεμμα τὸ Λύκτιον ἥ τε φαρέτρη,
χρύσεα καὶ τὰ πέδιλα· πολύχρυσος γὰρ Ἀπόλλων
καὶ πουλυκτέανος*· Πυθῶνί κε τεκμήραιο.
καὶ μὲν ἀεὶ καλὸς καὶ ἀεὶ νέος· οὔποτε Φοίβου
θηλείαις οὐδ' ὅσσον ἐπὶ χνόος ἦλθε παρειαῖς,
αἱ δὲ κόμαι θυόεντα πέδῳ λείβουσιν ἔλαια·
οὐ λίπος Ἀπόλλωνος ἀποστάζουσιν ἔθειραι,
ἀλλ' αὐτὴν πανάκειαν· ἐν ἄστεϊ δ' ᾧ κεν ἐκεῖναι
πρῶκες ἔραζε πέσωσιν, ἀκῆρια πάντ' ἐγένοντο.
τέχνῃ δ' ἀμφιλαφὴς οὔτις τόσον ὅσσον Ἀπόλλων·
κεῖνος ὀϊστευτὴν ἔλαχ' ἀνέρα, κεῖνος ἀοιδόν
(Φοίβῳ γὰρ καὶ τόξον ἐπιτρέπεται καὶ ἀοιδή),
κείνου δὲ θριαὶ καὶ μάντιες· ἐκ δέ νυ Φοίβου
ἰητροὶ δεδάασιν ἀνάβλησιν θανάτοιο.
Φοῖβον καὶ Νόμιον κικλήσκομεν ἐξέτι κείνου,
ἐξότ' ἐπ' Ἀμφρυσσῷ ζευγίτιδας ἔτρεφεν ἵππους
ἠιθέου ὑπ' ἔρωτι κεκαυμένος Ἀδμήτοιο.
ῥεῖά κε βουβόσιον τελέθοι πλέον, οὐδέ κεν αἶγες
δεῦοιντο βρεφέων ἐπιμηλάδες, ἧσιν Ἀπόλλων
βοσκομένῃσ' ὀφθαλμὸν ἐπήγαγεν· οὐδ' ἀγάλακτες
οἶιες οὐδ' ἄκυθοι, πᾶσαι δέ κεν εἶεν ὕπαρνοι,
ἡ δέ κε μουνοτόκος διδυμητόκος* αἶψα γένοιτο.
Φοίβῳ δ' ἑσπόμενοι* πόλιας διεμετρήσαντο
ἄνθρωποι· Φοῖβος γὰρ ἀεὶ πολίεσσι φιλεῖται
κτιζομένῃσ', αὐτὸς δὲ θεμείλια Φοῖβος ὑφαίνει.
τετραέτης τὰ πρῶτα θεμείλια Φοῖβος ἔπηξε
καλῇ ἐν Ὀρτυγίῃ περιηγέος ἐγγύθι λίμνης.
Ἄρτεμις ἀγρώσσουσα καρῄατα συνεχὲς αἰγῶν
Κυνθιάδων φορέεσκεν, ὁ δ' ἔπλεκε βωμὸν Ἀπόλλων,
δείματο μὲν κεράεσσιν ἐδέθλια, πῆξε δὲ βωμόν
ἐκ κεράων, κεραοὺς δὲ πέριξ ὑπεβάλλετο τοίχους.

ὥδ᾽ ἔμαθεν τὰ πρῶτα θεμείλια Φοῖβος ἐγείρειν.
Φοῖβος καὶ βαθύγειον ἐμὴν πόλιν ἔφρασε Βάττῳ
καὶ Λιβύην ἐσιόντι κόραξ ἡγήσατο λαῷ,
δεξιὸς οἰκιστῆρι, καὶ ὤμοσε τείχεα δώσειν
ἡμετέροις βασιλεῦσιν· ἀεὶ δ᾽ εὔορκος Ἀπόλλων.
ὤπολλον, πολλοί σε Βοηδρόμιον καλέουσι,
πολλοὶ δὲ Κλάριον, πάντη δέ τοι οὔνομα πουλύ·
αὐτὰρ ἐγὼ Καρνεῖον· ἐμοὶ πατρώιον οὕτω.
Σπάρτη τοι, Καρνεῖε, τόδε πρώτιστον ἔδεθλον,
δεύτερον αὖ Θήρη, τρίτατόν γε μὲν ἄστυ Κυρήνης.
ἐκ μέν σε Σπάρτης ἕκτον γένος Οἰδιπόδαο
ἤγαγε Θηραίην ἐς ἀπόκτισιν· ἐκ δέ σε Θήρης
οὖλος Ἀριστοτέλης Ἀσβυστίδι πάρθετο γαίῃ,
δεῖμε δέ τοι μάλα καλὸν ἀνάκτορον, ἐν δὲ πόληι
θῆκε τελεσφορίην ἐπετήσιον, ᾗ ἔνι πολλοί
ὑστάτιον πίπτουσιν ἐπ᾽ ἰσχίον, ὦ ἄνα, ταῦροι.
ἰὴ ἰὴ Καρνεῖε πολύλλιτε, σεῖο δὲ βωμοί
ἄνθεα μὲν φορέουσιν ἐν εἴαρι τόσσα περ Ὧραι
ποικίλ᾽ ἀγινεῦσι ζεφύρου πνείοντος* ἐέρσῃ,
χείματι δὲ κρόκον ἡδύν· ἀεὶ δέ τοι ἀέναον πῦρ,
οὐδέ ποτε χθιζὸν περιβόσκεται ἄνθρακα τέφρη.
ἦ ῥ᾽ ἐχάρη μέγα Φοῖβος, ὅτε ζωστῆρες Ἐνυοῦς
ἀνέρες ὠρχήσαντο μετὰ ξανθῇσι Λιβύσσῃς,
τέθμιαι εὖτέ σφιν Καρνειάδες ἦλυθον ὧραι.
οἱ δ᾽ οὔπω πηγῇσι Κύρης ἐδύναντο πελάσσαι
Δωριέες, πυκινὴν δὲ νάπῃσ᾽ Ἄζιλιν ἔναιον.
τοὺς μὲν ἄναξ ἴδεν αὐτός, ἑῇ δ᾽ ἐπεδείξατο νύμφῃ
στὰς ἐπὶ Μυρτούσσης κερατώδεος, ἦχι λέοντα
Ὑψηὶς κατέπεφνε βοῶν σίνιν Εὐρυπύλοιο.
οὐ κείνου χορὸν εἶδε θεώτερον ἄλλον Ἀπόλλων,
οὐδὲ πόλει τόσ᾽ ἔνειμεν ὀφέλσιμα, τόσσα Κυρήνῃ,
μνωόμενος προτέρης ἁρπακτύος. οὐδὲ μὲν αὐτοί
Βαττιάδαι Φοίβοιο πλέον θεὸν ἄλλον ἔτισαν.
ἰὴ ἰὴ παιῆον ἀκούομεν, οὕνεκα τοῦτο
Δελφός τοι πρώτιστον ἐφύμνιον εὕρετο λαός,
ἧμος ἑκηβολίην χρυσέων ἐπεδείκνυσο τόξων.
Πυθώ τοι κατιόντι συνήντετο δαιμόνιος θήρ,
αἰνὸς ὄφις. τὸν μὲν σὺ κατήναρες ἄλλον ἐπ᾽ ἄλλῳ
βάλλων ὠκὺν ὀϊστόν, ἐπηὔτησε δὲ λαός·
᾽ ἰὴ ἰὴ παιῆον, ἴει βέλος, εὐθύ σε μήτηρ

τ[ὰ]τ' ἀοσσητῆρα· τὸ δ' ἐξέτι κεῖθεν ἀείδῃ.
ὁ Φθόνος Ἀπόλλωνος ἔπ' οὔατα λάθριος εἶπεν· 105
«οὐκ ἄγαμαι τὸν ἀοιδὸν ὃς οὐδ' ὅσα πόντος ἀείδει.'
τὸν Φθόνον ὠπόλλων ποδί τ' ἤλασεν ὦδέ τ' ἔειπεν·
«Ἀσσυρίου ποταμοῖο μέγας ῥόος, ἀλλὰ τὰ πολλά
ῥέματα γῆς καὶ πολλὸν ἐφ' ὕδατι συρφετὸν ἕλκει.
Δηοῖ δ' οὐκ ἀπὸ παντὸς ὕδωρ φορέουσι μέλισσαι, 110
ἀλλ' ἥτις καθαρή τε καὶ ἀχράαντος ἀνέρπει
πίδακος ἐξ ἱερῆς ὀλίγη λιβὰς ἄκρον ἄωτον'.
χαῖρε, ἄναξ· ὁ δὲ Μῶμος, ἵν' ὁ Φθόνος, ἔνθα νέοιτο.

комментарии

ст. 1–24 зачин гимна, состоящий из двух частей: 1) ст. 1–16 — описание *условной ритуальной* сцены; 2) ст. 14–24 — два примера из мифологии.

1–16 описание ритуальной сцены, цель которой убедить, что «Аполлон является только людям достойным». Бог совсем близко, Феб уже ударяет в дверь прекрасной ногой. Эта сцена подтверждает, что «II гимн не описывает, а представляет драматический акт, который развертывается между строк», — писал в свое время *Л.* Мальтен[16].

Здесь Каллимах, как и в гимнах V и VI, использует одно из средств имитации божественного действия, а именно *эпифанию* божества. Эпифания (ἐπιφανία, θεοφανία, ἐπιδημία) — явление призываемого бога. Явление могло быть неожиданным, могло проявляться в голосе, знамении, молнии, радуге, затмении луны и солнца, землетрясении, падении треножника, закипании воды в божественном сосуде, в форме пламени огня, особенном положении внутренностей жертвенных животных и т. д. Боги могли являться наяву или во сне, в подлинном или искаженном виде. Это практика, общая для различных культов, была особенно характерна для почитания Аполлона. Бог не просто присутствует во время культовой церемонии, он является на нее. Это явление, конечно, воспринималось как центральный момент празднества, а вступительную часть праздника заполняют различные действия, направленные на то, чтобы обеспечить явление бога[17]. В присутствии бога следует хранить благоговейное молчание, поэтому в обращении жреца к верующим

16. L. Malten. Kyrene. Berlin. 1911., S. 43–44.
17. См. А. И. Зайцев. Греческая религия и мифология..., с. 187.

при совершении молитвы или жертвоприношения обязательно звучали слова: σιγᾶτε, εὐφημεῖτε, εὐφημιάστω; (ср. у Эсхила (Aesch. Sup. 512): τὸ ἔπος εὐφημουμένη — слово к благоговейно молчащей. Вообще, *εὐφημέω* означает: 1) произносить слова благоприятного значения, т. е. воздерживаться от неподобающих слов, не кощунствовать или хранить благоговейное молчание; 2) торжественно радоваться, радостно звучать: 3) прославлять, славословить, восхвалять; 4) издавать радостные крики — чему служили инвокации.

После окончания предварительных обрядов глашатай словом «εὐφημεῖτε» приглашал присутствующих к благоговейному молчанию и под звуки флейты (или кифары) обращался к богу с молитвой (Call. II, 17).

В гомеровских гимнах эпифания окрашена всеми тонкостями литературного отношения к божеству. Явление Афродиты перед Анхизом (IV гомеровский гимн) — излагается с легкой иронией; Деметра появляется перед дочерьми Келея в самом прозаическом виде древней старушки (V гомеровский гимн); появление Гермеса — бурлеск (III гомеровский гимн), эпифания Аполлона Дельфиния — сложная метаморфоза (II гомеровский гимн).

Тему эпифании Аполлона во II каллимаховском гимне Мак Кей[18] в свое время сравнивал с аналогичным описанием у Алкея. В обоих гимнах волнение достигает высокой степени. У Алкея в движение приходит лира, у Каллимаха — священный лавр, пальма и самый храм. И в том, и в другом гимне отмечается реакция птиц. Алкей говорит о ласточке, Каллимах — о лебеде. В обеих версиях рассеивается мрак. У Алкея ласточки и цикады начинают весело щебетать, у Каллимаха — Фемида и Ниоба забывают о своих страданиях.

Если бог является, то, естественно, вставал вопрос, откуда? На этот вопрос давались противоречащие друг другу ответы. На Делосе, например, существовала версия, что Аполлон на зиму удаляется в Ликию. Позднее популярность приобрел миф о зимнем пребывании Аполлона у гипербореев, как считалось, народа праведного и блаженного.

Особое значение эпифании Аполлона отражается на той роли, которую играют его явления в двух главных центрах его культа: на Делосе и в Дельфах.

1 οἷον и οἷα — нар. как; как бы; подобно тому, как; например; так как. Часто встречающаяся у Каллимаха *анафора*: (II 1–2)

18. K. J. Mc Kay. Kallimachos. «Hymn» 2. «Rheinisches Museum für Philologie». Frankfurt a M. Bd. 114. Hf. 2. 1971, S. 23–24.

ср.: οἷος Call. IV, 125; οἷα: V, 24; VI, 89, IV, 11. οἷαν: Call. V, 27 – дорийская форма.

В схолиях: οἷον· ἀντὶ τοῦ οἷως, ὅπως.

ὄρπηξ, ηκος, ὁ – молодой побег, отпрыск, ветвь; Ср. Call. fr. 194, 10. У Гомера встречается один раз: Hom. Il. XXI, 38: «τάμνε νέους ὄρπηκας». Theocr.: VII, 146 (ὄρπακες); XXV, 248 (ὄρπηκας); Apoll. Rhod. IV, 1425.

δάφνινος. Ср. у Гомера: ἐλαίνος, κέδρινος, ὑακίνθινος, φήγινος; у Сапфо: λώτινος, μάλινος; у Гиппонакта: ῥώδινος и т. д.

Ср. *эпитеты* Аполлона: δαφναῖος, δαφνίτης, δαφνηφόρος, δαφνογηθής, δαφνοπώλης, δαφνοκόμης, δάφνιος. По некоторым версиям Аполлон родился под лавровым деревом. В Дельфах лавр находился перед входом в его храм; лавровыми венками украшали храм; сучья лаврового дерева горели в священном очаге; сидящая на треножнике Пифия держала в руке веточку лавра, а курение священного лавра было знаком присутствия божества. Победителям в состязаниях в Дельфах дарили лавровые венки (Paus. VIII, 48, 2). Аполлона часто изображали с лавровым венком на голове. Считалось, что лавровое дерево имеет очистительное свойство и является амулетом. Известен миф о любви Аполлона к Дафне (нимфе, превратившейся в лавр). О прорицаниях от лавра говорится в гомеровском гимне (Hom. hymn. Apoll. II, 215). Возможно, как иногда считают, способ прорицания был схож с процедурой оракула Зевса Додонского: Аполлон давал ответы через шелест листьев священного лаврового дерева[19]. После осеннего сбора урожая, когда афинянами праздновались Фаргелии, молодежь с ветками «иресионами» (лавровые или оливковые ветки с накрученными на них шерстяными лентами) в руках исполняли «лавроносные песни» – δαφνηφορικὰ μέλη в честь Аполлона. Одна из таких песен в передаче Плутарха (Тесей, 22) дошла до нас (перевод Я. Голосовкера):

Смоквы приносит
И сдобные булки
Нам Эйресиона,
Светлого меда в горшочке
И масло для умащения,
Добрую чару вина,–
Напился, и спи, опьяненный.

Древнейшее изображение Аполлона в виде колонны, суживающейся кверху (на монете из Амбракии – приводится

19. Подробнее см.: Е. В. Приходько. Двойное сокровище. Искусство прорицания Древней Греции: мантика в терминах. М., 1999, с. 178–179.

М. Нильссоном[20]), обрамлено лавровыми ветками.
τὠπόλλωνος — τοῦ Ἀπόλλωνος.

Ἀπόλλων (ср. также: Ἀππόλλων дор. Ἀπέλλων кипр. Ἀπειλ.. фессал. Ἄπλουν) — по вопросу этимологии теонима Ἀπόλλων в науке существует большая литература (как и по вопросу зарождения культа и мифа Аполлона). До сих пор авторы авторитетнейших этимологических словарей (Frisk, I, 124; Chantraine I, 98) считают, что данные греческого языка не позволяют раскрыть этимологию данного теонима, что, возможно, свидетельствует о неиндоевропейском его происхождении[21].

2 μέλαθρον, τὸ — кровельная балка, дом. У Гомера встречается редко, ср. Hom, Il. IX, 640; Od. VIII, 289 (μελαθρόφιν); Hom. hymn. Cer. 188; Ven. 173. Theocr. II, 132; XXIII, 17. Apoll. Rhod. I, 804, II, 1087, III, 789. В гимнах у Каллимаха — один раз и один раз во фрагментах — ср.: Call. fr. 67, 11.

Возможно, *синекдоха,* хотя в III, 225 есть πουλυμέλαθρος в значении: имеющая много храмов.

ἑκάς нар. далеко, сравн. ἑκαστέρω — дальше, прев. степень ἑκαστάτω.

У Гомера 19 случаев употребления этого наречия; ср.: Hom. Il. XVIII, 256 и Od. XVII, 673; Apoll. Rhod. IV, 131,394,568,1651; II, 134, 856; Theocr. XV, 7 (ἑκαστέρω).

Типичный случай *эпаналепсиса* (повтора); ср.: Call. IV, 204; 214; VI, 17; 63.

ἀλιτρός, 2 = ἀλιτήριος— грешный, нечестивый, виновный; ср. Hom. Il. VIII, 361; XXIII, 595; Hom. Od. V. 182. Apoll. Rhod. II, 215.

ὅστις ἀλιτρός акустически соотносится с часто встречающейся формулой у Гомера — ὅστις ἄριστος.

ἑκάς, ἐκὰς ὅστις ἀλιτρός — возможно, *ритуальная формула.*

Греческий храм (ναός или νεώς от ναίω — жить, обитать) строился на священном участке (τέμενος), отгороженном от неосвященного пространства стеной или оградой. Священный двор внутри ограды (περίβολος) мог занимать значительное пространство, и вход в него устраивался через ворота (или калитку), рядом с которыми ставились сосуды с освященной водой. Все входившие должны были окроплять себя этой водой: это был символический знак чистоты, которая требовалась от всякого приближающегося к святилищу. По-

20. М. Нильссон. Греческая народная религия. СПб.: Алетейя, 1998, с. 237.

21. Подробнее на эту тему см.: Л. А. Гиндин. В. Л. Цымбурский. Гомер и история восточного средиземноморья. М., 1996, с. 248–249; Ю. В. Откупщиков. Ἀπόλλων. Мифолого-этимологический эпод. В: Ю. В. Откупщиков. Очерки по этимологии. СПб., 2001, с. 300.

этому лица, считавшиеся осквернёнными, а также женщины перед родами, больные, старики не могли входить в священную ограду. Находясь в периболе, люди должны были, естественно, воздерживаться от всяких действий, которые могли бы осквернить святое место[22].

С этим связана, очевидно, и приведенная выше ритуальная формула.

ἀράσσω – *бить, ударять*; ср.: Hom. Od. V. 248; Il. XIII, 577; XVI, 324; XIV, 497; XVI, 116. – ср. встречающиеся у Гомера формы: ἐξαράσσω, συναράσσω, διαράσσω; Theocr. II, 6 (с θύρας), II, 160.

В словаре *Гезихия*: ἀράσσει· συντρίβει, τύπτει.

Φοῖβος, ὁ – Феб, имя Аполлона (от *φοῖβος* – ясный, чистый, блестящий, незапятнанный, являющийся, ср.: глагол – φοιβάζω – освещать, очищать, прорицать). Это именование Аполлона целиком является достоянием литературного языка. В гимнах Каллимаха встречается часто: ср. II, 3, 56, 57, 58, 64, 65; III, 7, 145; IV, 8; Φοῖβον II, 47, 30, IV, 5; II, 31; Φοίβου II, 13; I, 78; II, 19, 36, 45; IV, 188; Φοίβοιο II, 96; Φοίβῳ II, 44, 55; IV, 324. Двойное имя (Аполлон-Феб) иногда толковали как двустороннюю божественность Аполлона («Феб» – светлый, «Аполлон» от ἀπόλλυμι – губить, умерщвлять.

θύρετρα, τὰ – двери, ворота – ср. II, 6: κατοχῆες πυλάοων; θύρετρα / πύλαι – вариации одного и того же.

4 Δήλιος... φοῖνιξ – делийская пальма.

Аполлона Лето родила на Делосе у горы Кинф под пальмой. С тех пор эта пальма священна. Одиссей сравнивает Навсикаю с пальмой, которую он видел у храма Аполлона на Делосе (Hom. Od. VI, 162). Лавр и пальма в мифе о рождении Аполлона и Артемиды – традиционный мотив. Ср. Hom. hymn. Apoll. I, 17 и сл. В связи с Аполлоном из растительности встречаются упоминания еще о маслине, кизиле, тамариске, кипарисе, дубе, гиацинте и плюще[23].

5 ἐξαπίνης = ἐξαίφνης – вдруг, внезапно. У Гомера несколько случаев употребления этого наречия; ср. в сходной ситуации: ἐξαπίνης ἀνόρουσε: Hom. Od. X, 557; Hom. hymn. XXVIII, 13. Theocr. II, 25; XXVI, 14; IX, 34; XIV, 32; XX, 20. Call. – ἐξαπίνης – III, 103; IV, 116; ἐξαπίνας VI, 60.

κύκνος, ὁ – лебедь. Древние полагали, что лебедь перед смертью поет, и считали его вещей или пророческой пти-

22. Подробнее см.: В. В. Латышев. Очерк греческих древностей. Богослужебные и сценические древности. СПб.: Алетейя, 1997, с. 28–35.

23. Подробнее: А. Ф. Лосев. Мифология греков и римлян..., с. 308–313.

цей; ср. Hom. Il. II, 460; XV, 692 – в обоих контекстах ле[б]ди *вспоминаются вместе с журавлями*. Hom. hymn. XXI (лебедь вспоминается в связи с Аполлоном). Theocr. V. [1]37; XXV, 130; XVI, 49; Apoll. Rhod. IV, 1301. Call. IV, 249, 254 *scholiax*: κύκνος· ἱερὸς γὰρ Ἀπόλλωνος.

Подробно о лебедях, которые семь раз облетели Делос с пением при рождении Аполлона, Каллимах расскажет в IV гимне (Call. IV, 249 и сл.) О лебеде в аполлоновском храме говорит Еврипид в «Ионе» (167–174), о пении лебедя в «Ифигении в Тавриде» (1103–1105). В схолиях к Аполлонию Родосскому говорится, что Аполлон увез Кирену с Пелиона на золотой колеснице, запряженной лебедями. Известен миф о Кикне (лебеде), сыне Аполлона и Тирии, который хотел построить храм Аполлону, но Аполлон делает его озерной птицей, а озеро получает название Лебединого.

В конце концов лебедь стал пониматься как поэтический символ и посвящен Аполлону потому, что это одна из самых музыкальных и самая белая из птиц[24]; ср. в гимне Алкея «К Аполлону» та же роль отводится ласточке (перевод Вяч. Иванова):

Сын отчий в небе, царь Аполлон, гряди!
Бежит по лирам трепет. И сладостней
Зарю встречает щекот славий.
Ласточки щебет звончей. Цикада
Хмельней стрекочет, не о своей глася
Блаженной доле, но вдохновенная
От бога песен. Касталийский
Плещет родник серебром гремучим.

ἠήρ, ὁ, ἡ = ἀήρ, ὁ.

У Гомера на 28 случаев употребления этой лексемы только в трех будет ἀήρ. Ср.: Hom. Il. V, 776; VIII, 50; XIV, 288; XVII, 645; XX, 446; Hom. Od. XIII, 352; Theocr. XVII, 120; XXV, 92; ἀέρι и ἠέρι – употребление одинаково. Apoll. Rhod. IV, 648; 1668; III, 211, 275, 1379; IV, 678; I, 777.

Call. – IV, 176: ἠέρα.

6 κατοχεύς, ὁ – держатель, носитель – *неологизм*. Ср.: гомеровское ὀχεύς, ὁ. Hom. Il. XII, 445; Od. XXI, 47: θυρέων ἀνέκοπτεν ὀχῆας. У Каллимаха: κατοχῆες... πυλάων.

24. Подробнее: А. Ф. Лосев. Мифология греков и римлян..., с. 314–315; Л. Л. Селиванова. Лебедь в культе Аполлона. Сб.: Античность и средневековье Европы. Под ред. И. Л. Маяк, А. З. Нюркаевой. Пермь, 1994, с. 38–47; Л. Л. Селиванова. Аполлоновы лебеди (К семантике образа в религиозных представлениях в античности). Сб.: Человек и общество в античном мире. М., 1998, с. 363–397.

ἀνακλίνομαι. У Каллимаха этот глагол встречается только однажды ср. κλίνομαι (Call. III, 254; IV, 209). Ср.: Apoll. Rhod. III, 617; Theocr. XI, 12.

κληίς, ἡ = κλείς, ἡ – засов, запор. У Гомера 32 случая употребления этого слова. Ср.: Hom. Il. VI, 89; XVII, 309; XXI, 117; XXII, 324. Hom. Od. XXI, 50, 241; Hom. hymn. Merc. 247. Apoll. Rhod. III, 822, 1269; IV, 887. У Каллимаха в IV, 44 – дорийская форма – κλᾶδα;

αὐταὶ δε κληῖδες *в схолиях:* αὐταὶ· αὐτόμαται. *В схолиях* к Феокриту XI, 12 – αὐταί... Ὅμηρος (Hom. Il. VIII, 99 ...ἀντὶ τοῦ αὐτόματος καὶ μόνος. Καλλίμαχος· «αὐτοὶ... ἀνακλίνασθε θυράων».

μακρήν = μακράν – нар. далеко; Theocr. XI, 32; IV, 37; Apoll. Rhod. III, 46; IV, 27, 129, 1424; IV, 1337.

ἐντύνομαι – приготовляться, приготовлять для себя. Hom. hymn. VI, 20; Cer. 128; Apoll. Rhod. I, 1189; III, 293, 510; IV, 1191.

οἱ δὲ νέοι... ἐντύνεσθε.

В схолиях: νέοι· ὡς τῶν νέων καθιερωμένθων τῷ Ἀπόλλωνι.

При храме помимо жрецов и должностных лиц было еще, как правило, значительное количество людей, которые исполняли определенные обряды на празднествах и священнодействиях. Эти люди избирались из среды гражданской общины, в их обязанность входило исполнение отдельных священных обрядов (например, ношение различных священных предметов, символов или утвари в праздничных процессиях). Чаще всего избирались дети или молодые люди обоего пола, происходившие от благородных родителей. Так набирались участники храмовых хоров, среди которых были певцы и музыканты (ὑμνῳδοί, ὑμνήτριαι, αὐληταί, ἱεραῦλαι, σπονδαῦλαι), которые были необходимы для исполнения гимнов и песен хором и соло и, вероятно, для этих целей обучались и находились при храмах.

9–16 Во всяком ритуале бога должно приветствовать песней и танцами, поэтому эти стихи посвящаются хору юношей, которых рассказчик призывает запеть. Каким образом осуществляется эпифания Аполлона, поет ли хор мальчиков свою песню – остается неясным, и каждый из исследователей решает этот вопрос по-своему.

9 φαείνομαι, φαείνω = φαίνω; ср. Hom. Il. I. XVII, 650; IV, 468; XIII, 278 ; Od. XII, 441; Hom. hymn. Ap. 202 ; Apoll. Rhod. III, 728,828; II, 42; IV, 1362.

Ст. 9 целиком повторяет гомеровский: Hom. Od. XVI, 161 – οὐ γάρ πως πάντεσσι θεοὶ φαίνονται ἐναργεῖς.

10 λιτός, 3 – гладкий, в пер. смысле – простой в пище, одежде,

обхождении и т. п. Рассматривается как *антитеза* к [illegible] μέγας – λιτός (II, 10–11). Ср.: Call. V, 25: λιτά.

11 ἑκάεργος, 2 (ἑκάς + корень. ἐργ) – далеко действующий, эпитет Аполлона. (*сравни:* ἑκάς – II, 2 и ἑκάεργος – II, 10) У Гомера в «Илиаде» этот эпитет Аполлона встречается 17 раз, много раз в «Одиссее» – ср. Hom Od. VIII, 323. Часто в гомеровских гимнах. У Каллимаха – единственный случай употребления.

12–15 Данный пассаж рассматривается как очень редкий для мифологии Аполлона, ведь покровительство браку никогда не было специальной сферой Аполлона.

12 σιωπηλός, 3 = σιγηλός (σιγή) – рассматривается как вариант к ἄψοφος. Ср. Call. IV, 302. Считается, что стихи IV, 302 и сл. являются имитацией стихов II, 12.

σιωπηλὴν κίθαριν – *персонификация*[25].

κίθαρις, ἡ – имеет варианты χέλυς (II, 16) и λύρη (II, 33) – ср.: Hom. hymn. III, 25, 33, 153, 242.

ἄψοφον ἴχνος – *синекдоха*: singularis pro plurali. И *метонимия*: res effecta pro re efficiente.

Песни исполнялись (см. III гл.) под аккомпанемент кифары (в культе Аполлона) или флейты (в культе Диониса) хором или солистом.

13 τοῦ Φοίβου... ἐπιδημήσαντος Смилей (Smiley, Callimachus' Debt to Pindar and Others. Hermathena. XVIII, 1919, p. 54) сравнивает это выражение Каллимаха с Пиндаровским стихом: οὐκ ἀποδάμου Ἀπόλλωνος τυχόντος (Pind. P. IV, 5); τοῦ Φοίβου... ἐπιδημήσοντος – конъектура Бломфельда.

τελέειν... γάμον; ср. Λητοῦς γάμος III, 138; Астерия φεύγουσα... Διὸς γάμον – IV, 38; От и Орион ἐμνήσσευσαν... ἀγαθὸν γάμον III, 265.

В этом стихе можно усматривать намек на очень редкий мотив для мифологии Аполлона. Обычно мифы изображают Аполлона, отличающимся пренебрежением к женщинам, к браку. Как правило, возлюбленные Аполлона терпели большие страдания. Как пишет А. Ф. Лосев[26], «является поистине редкостью та связь Аполлона с областью брака, которую имеет ввиду Гимерий в своей речи на бракосочетание Севе-

25. Под персонификацией (олицетворением) здесь и далее понимается особый вид метафоры: перенесение человеческих черт (шире – черт живого существа) на неодушевленные предметы и явления. Различаются разные градации персонификации-олицетворения в зависимости от функции в художественной речи и литературном творчестве (ср., например, «сердце говорит») и т. д.

26. А. Ф. Лосев. Мифология..., с. 426–427.

ра (Orat. I, 3): „Говорят, что после побед, одержанных в игре на лире, Аполлон воспел брачную песнь перед брачным теремом“».

πολιήν τε κερεῖσθαι – *перифраза – в схолиях*: πολιᾶσαι Hom. Il. XXIII, 136; 46; 146; Hom. Od. IV, 198; Hom. hymn. Ven. 268.

В схолиях: εἰ μέλλουσι καὶ γάμου ἐντὸς γενέσθαι καὶ πολιᾶσαι· καὶ γὰρ ἀκειρεκόμης ὁ Ἀπόλλων.

В словаре *Гезихия*: οὐ πολιᾷ· οὐ γηράσκει. У Гомера: Hom. Od. XV, 403–411 – Аполлон и Артемида убивают стрелами стариков.

ἑστήξειν... τὸ τεῖχος – *в схолиях*: ἀπὸ τοῦ ἵστημι παρακείμενος ἕστεκα. ἀπὸ τούτου ποιοῦσιν οἱ Συρακούσιοι ἐνεστῶτα ἑστήκω, οὗ ὁ μέλλων ἑστήξω, καὶ τὸ ἀπαρέμφατον ἑστήξειν.

В схолиях: ἑστήξειν — θεμέθλος· παρὰ Καλλιμάχῳ· ἀντὶ τοῦ μέλλειν ἵστασθαι τὸ τεῖχος ἐπ' ἀρχαίοις θεμελίοις.

Глагол ἵστημι у Каллимаха встречается часто. Ср.: Call. VI, 43, IV, 200, III, 257, II, 91; II, 147; III, 134; III, 49; V, 83; IV, 185; IV, 149; IV, 281; III 242, в том числе и в дорийских формах: V, 85 – ἑστάκη и IV, 43 – ἔστασαν.

τεῖχος, τό – у Гомера часто (более 114 раз), в гомеровских гимнах – Hom. hymn. Cer. 271. У Феокрита – *Theocr.* XVI, 99; у Каллимаха – Call. epigr. XXIII, 2; frg. 43, 54; 191, 9; 194, 96; 635, 1, 76, а также τείχισμα (frg. 97).

Встречаются и глагольные формы: ἐτείχιζον (frg. 43, 60), τείχιστε (frg. 75, 70), ἐτείχισαν (frg. 182, 1).

В гимнах – помимо II, 15 и II, 67 – τείχεα – IV, 25. Вариантами к τεῖχος у Каллимаха являются πύργος и λᾶας (ср. IV, 23, 25).

ἐπ' ἀρχαίοισι θεμέθλοις – в некоторых изданиях чтение – θεμείλοις; ср. III, 248: εὐρὺ θέμειλον; IV, 260: πάντα θεμείλια.

θέμεθλον, θεμέθλιον, θεμείλιον и θέμειλον – варианты к ἐδέθλιον (основание), часто встречающееся слово у Каллимаха (II, 15; 57; 58; 64; III, 248; IV, 260).

16 ἄγαμαι – удивляться, изумляться. Hom. Od. VI. 168.

ἤγασάμην τοῦ παῖδας – ср.: II, 106: οὐκ ἄγαμαι τὸν ἀοιδόν...

χέλυς, ἡ – *в схолиях* ἡ κιθάρα. χέλυς ἀεργός – *метафорическое выражение.*

17–24 Тема этих стихов: весь мир славит Аполлона, «*Кто не поет* Аполлона?», «Что славить приятней?» Второй зачин гимна. Примеры из мифологии.

17 εὐφημέω – см. комментарий к ст. 1–16; здесь 17–18 – *анафора.*

Ср.: Hom. Il. IX, 171. Theocr. II, 38. *В схолиях*: εὐφημεῖ· ἡσυχάζει, γαληνιᾷ.

κλείουσιν *в схолиях*: ὑμνοῦσιν.

19 λυκωρεύς — ликорейский, эпитет Аполлона. λυκωρέος Φοίβου. Ликорея — деревня недалеко от Дельф, на южном склоне Парнаса, *место почитания* Аполлона. Или от горы Ликорейя в Фокиде.

У Аполлония Родосского — λυκώρειος (Apoll. Rhod. IV,1490) и λυκωρεύς (Apoll. Rhod. II, 51); Teocr. VII, 4.

В схолиях: Λυκωρέος· τοῦ Ἀπόλλωνος.

В словаре *Стефана Византийского* — Λυκώρεια· κώμη ἐν Δελφοῖς.

19 κίθαριν — непременный атрибут Аполлона как бога искусств, бога музыки и пения. Ср. контексты: Hom. Il. I, 601–604; Hom. Od. VIII, 487–489, Hom. Hymn. II, 1–29; XXI, XXV; а также Plut. De mus. 14.

ἔντος τὸ — оружие, вооружение (панцирь, шлем); у Гомера очень часто: Hom. hymn. Ap. 489. Apoll. Rhod. I, 169,530; II. 1221; III, 176; IV, 1124. Call. frg. 37, 3, 761, 2. Ср. Call. III, 111; IV, 64. Необычность данного словоупотребления подчеркивается соседством с ἢ κίθαριν ἢ τόξα.

20 Θέτις, ἡ — Фетида, дочь Нерея и Дориды (Apollod. I, II, 7), жена Пелея, мать Ахилла, судьбу которого она горько оплакивала. У Гомера — часто, ср. Hom. Il. XIII, 350; XVI, 34; XVIII, 332; 385; 405; 407; 424; XXIV, 88. Hom. Od. XXIV, 92. Hom. hymn. Ap. 319 ; Theocr. XVII, 55 ; Apoll. Rhod. IV, 759; 780.

αἴλινος — плачевный, жалобный. *В схолиях*: αἴλινα· ἤτοι Θρηνητικά.

κινύρομαι — стонать, сетовать — ср. Apoll. Rhod. I, 292; III, 664; IV, 1603.

В схолиях: κινύρεται· κλαίει, θρηνεῖ; αἴλινα μήτηρ κινύρεται — по экспрессии соотносят с гомеровским: οἴκτρ' ὀλοφυρομένη; ср. Hom. Od. IV, 719; X, 409.

21 ἰὴ παιῆον — ср. Call. II, 97, 103; просто ἰὴ — II, 25, 80.

В схолиях: ἰὴ παιῆ· πρόσφθεγμα καταφρονοῦντος.

В схолиях к комедии Аристофана «Мир» (Arist. Pax, 453): «ἰὴ παιήων· ἐφύμνιον εἰς Ἀπόλλωνα· τὴν δὲ αἰτίαν Καλλίμαχος ᾖσε διὰ τούτων» и приводится цитата из Каллимаха, II, 103 и слл.

παιῆον, ὁ = παιάν.

У Гомера — врач богов; ср. Hom. Il. V. 401, 899, 900; Hom. Od. IV, 232 — παιήονος γενέθλη или песнь в честь Аполлона; ср.: Hom. Il. I, 473; XXII, 391. Hom. hymn. Ap. 272, 500, 517, 518. Theocr. epigr. I, 3: πύθιε παιάν; VIII, 1: παιήονος V, 79; VI, 27: ὦ παιάν Apoll. Rhod. IV, 1511. Call. frg. 260: ἰὴ παιῆον.

Пеан, Пееон, Пеон или Пеоний — наиболее частое именование Аполлона как целителя. Иногда Пеан оказывается про-

звищем то Зевса, то Афины, или Диониса, Пана, Асклепия, или даже кого-то из героев. Имя Пеон – Пеан употреблялось то как имя собственное, то как нарицательное. Позднее пеан – это хоровой гимн, благодарственный, победный, умилостивительный или скорбный, преимущественно в честь Аполлона, реже Артемиды. Первоначально имел магическое значение, как песнь, сопровождающая ритуал очищения или исцеления (см. главу III).

22 ὁ δακρυόεις... πέτρος – персонификация: Ниоба.

В схолиях πέτρος· τῆς Νιόβης; ср. Hom. Il. XXIV, 602. Здесь же (II, 22–24) Каллимах назовет Ниобу – *λίθος* и *μάρμαρον*.

Ниоба – дочь Тантала и Дии, жена Амфиона. У них было семь сыновей и столько же дочерей. Ниоба свое потомство, как более многочисленное, надменно противопоставила Латониному. За это Аполлон убил стрелами ее сыновей, когда они охотились в лесу на горе Сипиле, а Артемида перебила стрелами во дворце всех дочерей, кроме Хлориды. Мать Ниоба от плача стала каменной, и еще сегодня, как говорит Гигин, ее слезы текут. (Гигин. Мифы, 9).

Известнейший миф о Ниобе некоторыми александрийцами брался под сомнение. Данными стихами Каллимах вступает с ними в полемику. Очевидно, поэтому среди многочисленных убийств, которыми изобилует мифология Аполлона, Каллимах останавливается именно на этой истории.

ἀναβάλλομαι ἄλγεα

В схолиях: ἀναβάλλεται· ὑπερτίθει; ср. Theocr. VI, 20: ἀνεβάλλετο.

23 στερίζω – ставить твердо, утверждать, упирать, зд. крепко становиться. ср. ἐνεστήρικται – IV, 13. Hom. Il. IV, 443; XVI, 111; XXI, 242 ; Hom. Od. XII, 434. Hom. hymn. Merc. 11 ; Apoll. Rhod. IV, 816 и т. д.

διερὸς λίθος – Ниоба, *персонификация*.

24 ὀιζυρός – несчастный, жалкий. Ср.: Hom. hymn. XXXIII, 17: ὀιζυροῖο; Theocr. X, 1; Apoll. Rhod. IV, 1630.

χανούσης от χάσκω – зевать, зиять, раскрывать рот; ср.: ἀναχάσκω – epigr. X, 8; 3; ἐγχάσκω frg. 191, 82. Theocr. XXII, 125; XXV, 234; μάρμαρος – конъектура Валькенаера; μαρμάρου – конъектура Бентли.

25–31 лирическое отступление: «с богами спорить негоже»; «тот, кто спорит с богами, – с моим поспорь-ка владыкой».

25 φθέγγομαι. – ср. Hom. Il. X, 67, 85; XVIII, 218; XXI, 341, 213. Hom. Od. X, 228 ; Hom. hymn. Ap. 164; Merc. 484; Theocr. XIII, 62; XIV, 22; XV, 99; XVII, 137. Apoll. Rhod. III, 972; Call. epigr. VII, 4 ср. Call. IV, 87, 108, 265; ἐπιφθέγγομαι Call. VI, 1; 118.

μακάρεσσιν ἐρίζειν — *в схолиях*: θεομαχεῖν; ср.: Hom. Il. 407 οὐ δηναιὸς ὅς ἀθανάτοισι μάχηται; Hom. Il. VI, 141: οὐδ' ἄν ἐγὼ μακάρεσσι θεοῖς ἐθέλοιμι μαχέσθαι; Hom. Od. IV, 78: ἦ τοι ζηρ βροτῶν οὐκ ἄν τις ἐρίζοι.

ἐρίζειν — возможный вариант к μάχεσθαι (II, 25–27).

26 μάκαρ — вариант к θεός — (ср. I, 66–72).

ἐμῷ βασιλῆι — *антономасия*: «моим Птолемеем».

В схолиях: βασιλῆι· τῷ Πτολεμαίῳ τῷ Εὐεργέτῃ· διὰ δὲ τὸ φιλόλογον αὐτὸν εἶναι ὡς θεὸν τιμᾷ. Возможно, это все-таки Птолемей II.

29 Διὶ δεξιὸς ἥσται — сравни: δεξιός... δαίμων (VI, 31); Φοῖβος... Βάττῳ Λιβύην ἐσιόντι κόραξ ἡγήσατο λαῷ / δεξιὸς οἰκιστῆρι (II, 65–67).

δεξιὸς Διί — толкуют обычно так, что на дельфийской стадии Аполлон окончательно становится пророком Зевса. Ср.: Hom. hymn. III, 467–473.

30 εὔυμνος ср. Hom. hymn. Ap. 19, 207; Call. IV, 4. εὔυμνοι — о Кикладах.

32–41 Описание внешности Аполлона.

Описание внешности Аполлона, принимая во внимание небольшой объем всего гимна, занимает значительное место. Небезынтересно, на наш взгляд, сравнить представление о внешности Аполлона у Каллимаха и в гомеровских гимнах. В гомеровском гимне (I, 133–134 в пер. В. Вересаева):

> Молвивши так, зашагал по земле неисчетно-дорожной
> Феб длинновласый, далекостреляющий;

(II, 270–273):

> Снова оттуда назад к кораблю он, как мысль, устремился,
> Образ принявши весьма молодого и сильного мужа;
> Длинные кудри его на широкие падали плечи...

У Каллимаха описание внешнего вида Аполлона полнее и подробнее. Оно четко делится на две части. В первой описывается одежда Аполлона и те атрибуты, которые присущи ему всегда, во второй — непосредственно физический облик бога. Описание одежды проводится последовательно сверху вниз, и каждый стих содержит законченный его элемент: II, 32 — τὸ ἐνδυτόν и ἡ ἐπιπορπίς; II, 33 — ἡ λύρη, τὸ ἄεμμα. ἡ φαρέτρη; II, 34 τὰ πέδιλα. Все это из золота, так как Аполлон — πολύχρυσος. Вообще, золотая одежда Аполлона — очень древнее представление (ср.: Call. IV, 260 — при рождении Аполлона весь Делос стал золотым: χρύσεα τοι τότε πάντα θεμείλια γείνετο Δῆλε).

Во второй части описания (II, 36–41) говорится, что Аполлон вечно прекрасен и молод (II, 36); иллюстрируется это

утверждение тем, что на нежных щеках Аполлона никогда не появляется даже юношеский пушок (II, 37), а волосы Аполлона источают на землю саму панакею, которая обладает целительными свойствами (II, 38). Аполлон у Каллимаха – вечно молод и всегда красив. Такое представление об Аполлоне исключительно как о юном красавце – весьма характерно для эллинизма. Ср. описание Аполлона у Гимерия (Orat. X, 5–6): «золотая шевелюра раскидывается у него по лбу, кудри ползут у него с обеих сторон по спине, падая волнами на божественную грудь. Хитон у него до ног, лира, но лука нет. Бог приятно улыбается, как будто бы он вещает ионянам их поселение. Бог этот, юноши, мусичен...». И дальше (Orat. XVII, 6): «Живописцы и скульпторы делают его всегда цветущим и юным».

Действительно, в эллинистической литературе, кажется, совершенно забыты хтонизм, аморализм и всевозможные превращения Аполлона. Мифология Аполлона становится важной в плане эстетизации, любования богом[27].

32 ἐνδυτόν, τὸ – одежда, облачение, чаще прилаг. ἐνδυτός, 2 – надетый.

B scholiях: ἐνδυτόν· τὸ ἱμάτιον — ἐνδυτόν· ὁ χιτών.

ἐπιπορπὶς, ἡ – застежка, *более обычное* – πόρπη; ср. Hom. Il. XVIII, 401; Hom. hymn. Ven. 163.

B scholiях – ἐπιπορπίς δὲ ἡ περόνη, ἡ λεγομένη φίβλα — ἡ πόρπη.

33 τὸ τ' ἄεμμα τὸ λύκτιον – *синекдоха*, pars pro toto.

B scholiях: ἄεμμα· ἡ νευρά· παρὰ τὸ ἑκατέρωθέ δεδέσθαι. Λύκτος δὲ ἐστι πόλις Κρήτης. — ἄεμμα· τὸ τόξον; ср.: III, 10: εὐκαμπὲς ἄεμμα.

λύκτιος – эпитет Аполлона – ср. Hom. Il. II, 647; XVII, 611, Call. epigr. XXXVI, 1.

φαρέτρη, ἡ – колчан – вариант к ἰοδόκος; ср. Call. III, 212, φαρέτρας / ἰοδόκους ἐφόρησαν; ср.: Hom. Il. XV, 444; Od. XXI, 60: φαρέτρην / ἰοδόκον; Hom. Od. XXI, 12: φαρέτρη / ἰοδόκος Apoll. Rhod. ἰοδόκη II, 679; II,156, 279. В словаре *Гезихия*: ἰοδόχη· βελοθήκη.

34 χρύσεα... πολύχρυσος.

Повтор однокоренных слов в одном стихе – обычный поэтический прием Каллимаха. Ср. «βωμὸν/ ἐκ κεράων, κεραοὺς δὲ πέριξ ὑπεβάλλετο τοίχους» (II, 63); «τὸν ἀοιδὸν ὅς οὐδ' ὅσα

27. Ср. рассуждения Ф. Ф. Зелинского в связи с Аполлоном об истинно греческом догмате об объявлении бога в красоте, в силу которого греческая религия стала матерью греческого искусства. (Подробнее см.: Ф. Ф. Зелинский. *История античной культуры*. СПб.: Марс, 1995, с. 111).

πόντος ἀείδει» (II, 106); «*τέκνον* πολύθεστε *τοκεῦσι*» (VI, [illegible]
«*εὐαγέων* δὲ καὶ *εὐαγέεσι* μελοίμην» (IV, 98), «*λικνος*[illegible]
χρυσῷ πλέα *λίκνα* φέροντι» (VI, 126) и т. д.

35 τεκμαίρομαι. Ср.: Hom. Il. VI, 349; Hom. hymn. Ap. 285; Ap[illegible]
Rhod. I, 108; IV, 73, 217, 559. Call. I, 85: ἔοικε... τεκμήρασθα[illegible]
ἡμετέρῳ μεδέοντι; πουλυκτέανος – есть чтение πολυκτέανος.

Πυθῶνι – *в схолиях:* «οὐδ' ὅσα λάϊνος οὐδὸς ἀφήτορας ἐντ[illegible]
ἔέργει Φοίβου Ἀπόλλωνος Πυθοῖ ἔνι» (Hom. Il. IX, 404–405). В
переводе Н. Гнедича: «С жизнью, по мне, не сравнится ничто.../ Ни сокровища, сколько их каменный свод заключает / В храме Феба пророка в Пифосе...»

Ср.: Πυθῶνα (Call. III, 250 – *метонимия*), Call. IV, 90.

Пифон – местность в Фокиде на южном склоне горы Парнас близ реки Плейст (или Плист) (Πλεῖστος). Традиционное предание гласит, что, задумав здесь основать храм, Аполлон сам отмерил землю и убил жившего здесь злого дракона, который воспитал губительного Тифона. Аполлон убил его стрелой и оставил гнить (πύθεσται), отсюда древние производили слово Πυθώ, обозначавшее эту местность, и Πύθιος – прозвище Аполлона. По другой версии, древнее толкование топонима связано с корнем πυθ- (πυνθάνεσθαι – спрашивать, вопрошать). Позднее эту местность стали называть Дельфами, возможно потому, что Аполлон в поисках жрецов для своего храма, явился в виде дельфина (δελφίς) критским морякам и привел их корабль в Криссейский залив. Об этом красочно и подробно рассказывается в гомеровском гимне «К Аполлону». Возможно, как считают Л. А. Гиндин и В. Л. Цымбурский[28], Дельфиний – это Дионис, более древний обитатель Дельф, чем Аполлон.

Начиная с Эсхила (пролог к «Евменидам») первопророчицей Дельф называют Гею, затем Фемиду, а потом уже Аполлона[29]. Но в историческую эпоху Дельфы прочно связывались с Аполлоном. У Павсания (Paus. X,5,5) есть предание, что первоначально храм Аполлона в Дельфах был построен в виде шалаша из лавровых ветвей, принесенных из Темпейской долины; второй храм был построен якобы пчелами из воска и пчелиных крыльев (по другому преданию – сплетен из свежей горной травы). Этот – второй храм – Аполлон отослал гипербореям. Третий храм был медный, а четвертый – ка-

28. Л. А. Гиндин, В. Л. Цымбурский. Гомер и история восточного средиземноморья. М., 1996, с. 297.

29. Подробнее А. И. Зайцев. Греческая религия..., с. 182–189. В. В. Латышев. Очерк греческих древностей..., с. 182–187.

менный, построенный мифическими художниками Трофонием и Агамедом и сгоревший в 548 г. до н. э.

Интересно, что в гомеровских поэмах Дельфы почти всегда называются Пифоном (Hom. Il. II, 519; IX, 405; Od. VIII, 80; XI, 581). Со временем Дельфийское святилище стало сказочно богатым и благодаря драгоценным посвящениям и приношениям (почти каждый полис имел здесь свою сокровищницу). В начале VI в. до н. э. Дельфы были взяты под совместный контроль амфиктионием — союзом двенадцати племен, главным образом, средней Греции, а с 582 г. до н. э. здесь регулярно через 4 года проводились Пифийские игры. Аполлону принадлежало и множество других святилищ-оракулов.

36 ἀεὶ καλὸς καὶ ἀεὶ νέος — ср. с описанием внешности Аполлона в гомеровских гимнах.

37 χνόος, ὁ — первый пушок.

В словаре *Гезихия*: χνόος· ὁ χνοῦς τοῦ γενεᾶν ἀρξαμένου.

θῆλυς — женский, цветущий; Call. IV, 221: θηλυτέρην χέρα — о Гере.

В схолиях: θηλείαις· ἁπαλαῖς — γυναικείαις

Характерно, что некоторые женские черты можно отметить даже во внешнем облике классического Аполлона, подобно тому, как мужские черты — в облике Артемиды. Поэтому, очевидно, в Фивах ежегодно сменявшийся жрец Аполлона Исменского выбирался из мальчиков, отличавшихся красотой и силой. (Павс. VIII, 47; 3; X, 34; 8; II, 33; 2; VII, 19; 1; 26; 5; 24; 4; IX, 10; 4). Назначение таких юных жрецов, без сомнения, имело своим основанием верование, что цветущая юность и незапятнанная чистота особенно угодны богу.

38 θυόεντα... ἔλαια; ἔλαιον, τό — масло из плода маслины, елей.

В схолиях: ἔλαια· σημείωσαι, ὅτι τὰ ἔλαια πληθυντικῶς παρ' οὐδενὶ ἄλλῳ εὕρηται.

θυόεις — θυήεις — обильный благовониями или курениями, благовонный; ср. Hom. Il. XV, 153; Hom. hymn. Cer. 97, 318, 490; Call. IV, 300 — θυόεσσα — эпитет Астерии. Сходный мотив встречается и в гомеровских гимнах:

Αἰεὶ σῶν πλοκάμην ἀπολείβεται ὑγρὸν ἔλαιον (Hom. hymn. V,3).

Данный мотив в гимне Каллимаха имеет самые различные интерпретации и связывается в первую очередь с отождествлением Аполлона и солнца, лучи которого благотворно влияют на все живое. Как писал Ф. Ф. Зелинский:[30] «Было бы неправильно полагать, что Аполлон — это и есть бог-Солнце: ни

30. Ф. Ф. Зелинский. *Религия эллинизма...*, с. 89.

в культах, ни в мифах он с ним не отождествляется. Но он несомненно от Солнца, так же, как Деметра от Земли; в обоих этих божествах эллинская религия переросла религию природы, но сохранила на себе ее силы. Вот почему религиозная философия и на верхах, и на низах признает Аполлона богом-Солнцем».

39 ἔθειρα, ἡ — ἔθειραι вариант к κόμαι и χαίτη; ср.: Call. IV, 297–302.

λίπος, τό – жир. *В схолиях:* λίπος· ἔλαιον.

Натирание волос оливковым маслом являлось составной частью ухода за волосами; волосы обильно умащали, когда шли на пир. Боги же мыслились при своем явлении людям пользующимися распространенными средствами для придания своему облику красоты и изящества.

40 πανάκεια, ἡ – лекарство от всех болезней (отсюда – панацея), иногда как собственное имя дочери Асклепия.

В схолиях: πανάκειαν· τὴν ἴασιν.

Врачебная, целительная функция Аполлона в древности выводилась еще из этимологии имени бога: Ἀπόλλωνα < Ἀπέλλωνα ὡς ἀπελλαύνοτα τὰς νόσους[31].

41 πρώξ, ἡ – роса; ср.: Theocr. IV, 16.

В схолиях: πρῶκες· δρόσοι σταγόνες.

ἀκήριος, 2 – неповрежденный, невредимый; ср. Hom. hymn. Merc. 530. Apoll. Rhod. II, 17; III, 466.

В схолиях: ἀκήρια· ἀσθενῆ τὰ νοσήματα ἢ μᾶλλον ἄνοσα καὶ ἄφθαρτα πάντα γίνεται.

В словаре *Гезихия:* ἀκήρια· ἀκέραια, σῶα

πέσωσιν *в схолиях* к Феокриту (Theocr. IV, 16): ὡς πεσοῦσαι или πεσοῦνται.

42–68 Перечисление основных функций Аполлона.

По Диодору (Diod. V, 73; 1) Зевс каждому из своих детей выделил знание и честь изобретения того или иного искусства или дела, чтобы память о них сохранилась на вечные времена среди всего человечества. Аполлона он называет *изобретателем кифары и* исполняемой на ней *музыки.* Аполлон обучил науке *врачевания*, происходящей от искусства *прорицания*, благодаря которому в старину исцеляли больных. Став же *изобретателем лука*, он научил людей *искусству стрельбы.*

Каллимах, как было уже сказано выше, в гимнах дает как бы перечень-каталог всех функций Аполлона, не забывая о

31. О функциях Аполлона и особенностях его культа см.: О. В. Кулишова. Дельфийский оракул в системе античных межгосударственных отношений (VII–V вв. до н. э.). СПб., 2001, с. 45–68.

самых редких, как в данном гимне (II, 14): покровительство вступающим в брак.

42–46 Перечисление основных искусств Аполлона — стрельбы, пения, пророчества, врачевания.

42 ἀμφιλαφής — большой, обширный; ср. Apoll. Rhod. II, 733; IV, 983, 1366. Theocr. XXIV, 6. Call. III, 3; VI, 26.

В схолиях: ἀμφιλαφής· πλούσιος; ἀμφιλαφής· βοηθός τέχνῃ δ' ἀμφιλαφής; ...ἔστι γὰρ τοξότης, ἀοιδός, μάντις, ἰάτρος καὶ ποιμήν.

43 ἐκεῖνος = κεῖνος = τῆνος — у Каллимаха эти формы употребляются одинаково (τῆνος в V и VI гимнах).

κεῖνος... ἔλαχ' *ὀιστευτὴν ἀέρα*,

ὀιστευτής, ὁ — ἅπαξ, образован от глагола ὀιστεύω — пускать стрелу, стрелять; ср. Hom. Il. IV, 100, 196; Od. VIII, 216; XII, 84, по модели τοξεύω > τοξευτής.

43–44 Как известно, в классическую эпоху музыка, поэзия, философия, медицина попадают под покровительство Аполлона. Будучи врагом варварства, он отстаивал умеренность во всем. Изречения «познай самого себя» и «ничего сверх меры» — прежде всего связаны с его культом. Он перевел Муз из их дома на горе Геликон в Дельфы; *ему удалось укротить* их неистовство, и они пели под звуки его прекрасной лиры, а он вел их в строгом и стройном танце. (Ср.: Hom. Il. I, 601–604; пер. Н. Гнедича):

Так во весь день до зашествия солнца блаженные боги
Все пировали, сердца услаждая на пирществе общем
Звуками лиры прекрасной, бряцавшей в руках Аполлона,
Пением Муз, отвечавших бряцанию сладостным гласом.

45 θριαί, αἱ — гадательные камешки — *метонимия*.

В схолиях: θριαί· μαντικαὶ ψῆφοί εἰσιν αἱ θριαί. λέγεται δὲ αὐτὰς εὑρῆσθαι ὑπὸ τριῶν νυμφῶν, διὰ τοῦτο καὶ θριαὶ *ὠνομάσθησαν οἱονει τριαί*.

В словаре *Гезихия*: Θριαί· αἱ πρῶται μάντεις καὶ νύμφαι· καὶ αἱ μαντικαὶ ψῆφοι.

Предсказания, оракулы Аполлона осуществлялась самым разнообразным *способом: по снам, по шелесту* лавра и т. д. Но было и гадание при помощи гадательных камешков (θρίαι). Гадание по камешкам пошло от трех нимф, которые жили на Парнасе и которых звали Фрии. О Фриях подробно говорится в гомеровском гимне III (Hom. hymn. III, 552–556): это крылатые дочери Зевса с *волосами, посыпанными* мукой, живущие в Парнасской долине и обучающие гаданию. Сам Аполлон в младенчестве учился у них. Ср. Hom. hymn. I, 132 — едва родившись, Аполлон провозглашает: «Людям начну прорицать я решенья неложные Зевса».

Как прорицатель Аполлон известен уже у Гомера (ср. Калхас свое искусство птицегадания получил от Аполлона, которому он молился во время гадания. (Hom. Il. I, 69–72 и т. д. В классической литературе Аполлон выступает прежде всего как прорицатель и пророк.

46 ἀνάβλησις, ἡ – отсрочка; ср. Hom. Il II, 380: ἀνάβλησις κακοῦ. Il. XXIV: ἀνάβλησις λύσιος νεκροῖο.

О врачевательных функциях Аполлона говорят многие контексты из Гомера, например: Hom. Il. XVI, 508–531; 656–683; XXIV, 15–27. Врачом называют Аполлона Аристофан (Av. 584; Plut. 11) и Ликофрон (1207, 1377). Как врач Аполлон был особенно популярен в припонтийских колониях: Ольвии, Пантикапее, Фанагории, Танаисе, Аполлонии. Имея ввиду именно врачебные функции Аполлона, его называли Акесий или Акестор (целитель), и под этим именем Аполлон имел храм в Элиде (ср. Paus. VI, 24,6).

47–54 Эпизод с Аполлоном-Номием, Аполлоном Пастушеским. По одной из версий Номий от νομή (пастбище), по другой от νόμος (закон), поскольку, как считалось, аркадяне получили от Номия законы. Об Аполлоне – пастухе: Hom. Il. II, 763–767; XXI, 448–449. Hom. hymn. III (коровы, которых украл Гермес, принадлежали Аполлону). Из Аполлодора (III, 10, 2) известно, что выполняя обязанности пастуха у фессалийского царя Адмета, Аполлон влиял на поголовье его стада. Ср. Hom. Il. II, 813; X, 300; XIV, 291; XVII, 532 ; Od. IV, 335 ; IX, 366 ; XV, 403. Hom. hymn. Ap. 372; Cer. 327; Ven. 267. Apoll. Rhod. III, 200; IV, 519. Theocr. XXII, 133.

Νόμιος – Номий, эпитет Аполлона; Apoll. Rhod. II, 507; IV, 1218; Theocr. XXV, 21.

В схолиях к Hom. Il. II, 766: «τὰς Ἀδμήτου ἵππους· ἐπεὶ Νόμιος ὁ θεὸς ἐξ ἐκείνου, ἀφ' οὗ ἐθήτευσε τῷ Ἀδμήτῳ»

Каллимах следует той версии мифа, где говорится, что он пас у Адмета коней (по более распространенному варианту – коров).

48 Ἀμφρυσσός, ὁ – река в Фессалии, впадает в Пагасейский залив; ср. Apoll. Rhod. I, 54.

Варианты названия этой реки – Ἄμβρωσος, Ἄμβρυσσος, Ἄμφρυσος.

В схолиях: ἐπ' Ἀμφρυσσῷ· Ἀμφρυσσὸν οἱ μὲν ποταμὸν Θεσσαλίας, οἱ δὲ πόλιν.

В словаре *Стефана Византийского*: «Ἄμφρυσος· πόλις Φωκίδος· τινὲς δὲ διὰ τοῦ β φασίν· ἔστι καὶ ποταμός Μαγνησίας».

ζευγῖτις. ἡ – женский род к ζευγίτης, ὁ – имеющий одну па-

ру быков или одну упряжь. Образовано по модели: ἀγγελιῶτις, χορῖτις, δρῆστις к δρήστης (frg. 194, 108). λιπερνῆτις (frg. 254, 2) к λιπερνήτης, λιπερνής; φαλαρῖτις (frg 638) к гомеровскому φάλαρον; παλαιστρίτας (frg. 554) к παλαίστρα.

В схолиях: ζευγίτιδας δὲ τὰς ὑπὸ ζυγὸν ἀγόμενας.

49 Ἀδμήτοιο — Адмет, сын Ферея и Климены, царь Фер в Фессалии, аргонавт, муж Алкесты.

ἠίθεος атт. ἤθεος — *неженатый, юноша.*

В *схолиях*: ἠιθέου· ἀγάμου, ἄπαιδος.

После того, как сын Аполлона Асклепий необдуманно оживил мертвого человека, Зевс убил Асклепия перуном. В отместку Аполлон перебил киклопов. Разгневанный потерей своих оружейников, Зевс уже готов был изгнать Аполлона навечно в Тартар, но тут за него вступилась Лето. Наказание было смягчено: Аполлон должен был прослужить пастухом у Адмета, царя города Феры[32]. Все коровы в стадах Адмета в присутствии Аполлона стали приносить двойню (Apollod. III, 10, 4; IV, 71). Еще большую услугу оказал Аполлон Адмету, когда он сватался к дочери Пелия — Алкесте. Именно Аполлон с помощью Геракла укротил диких вепря и льва, впряженных в колесницу, на которой Адмет должен был проехать круг по ипподрому, на этой же колеснице Адмет увез Алкесту (Гигин. Мифы. 50). В третий раз Аполлон оказал услугу Адмету, когда настал его смертный час. Аполлон выиграл немного времени для Адмета, напоив вином богинь судьбы и не дав тем самым вовремя перерезать нить его жизни. Адмет бросился тем временем к своим престарелым родителям, умоляя

32. Русскому читателю эта история хорошо известна по стихотворению А. С. Пушкина «Рифма, звучная подруга...»:

Феб однажды у Адмета
Близ тенистого Тайгета
Стадо пас, угрюм и сир.
Он бродил во мраке леса,
И никто, страшась Зевеса,
Из богинь иль из богов
Навещать его не смели —
Бога лиры и свирели,
Бога света и стихов.
Помня первые свиданья
Усладить его страданья
Мнемозина притекла
И подруга Аполлона
В темной роще Геликона
Плод восторгов родила.

их уступить ему конец жизни. Согласилась умереть вмест
го лишь юная жена Алкеста.

Уже не раз высказывалось мнение[33], что служение А
лона у смертных царей является только внешним выраже
ем более глубоких и, может быть, даже эсотерических с
рон религии Аполлона... Ведь считается, что греческое и
«Адмет» означает «Неодолимый» и является эпитетом Ай
В мифе об Аполлоне и Адмете обращает на себя внимани
связь Аполлона с Аидом. Схолиаст к Еврипиду (Alc. 1) та
же связывает пребывание у Адмета с наказанием за убийств
Пифона. Миф, сообщающий о службе у Адмета как о наказа
нии за убийство Киклопов, представляет уже другую версию
и, насколько можно судить, позднейшую.

Отметим характерную для Каллимаха черту — он нигде не говорит подробно об убийстве Аполлоном Пифона, о службе у Лаомедонта, о борьбе с Зевсом. Об этих, важнейших составляющих мифологию Аполлона — только намеком, как в данном случае о службе у Адмета. Как будто все темное, мрачное, кровавое в истории Аполлона Каллимах хочет пропустить. Зато впервые появляется мотив: ὑπ' ἔρωτι κεκαυμένος

В схолиях: δοκεῖ κατὰ μῦθον Ἀπόλλων θητεῦται Ἀδμήτῳ... ὡς... Καλλίμαχος, διὰ τὸ ἐρασθῆναι Ἀδμήτου.

О любовных связях Аполлона с молодыми людьми — мотив не новый. Плутарх называет среди возлюбленных Аполлона Форбанта, Гиацинта, Иполлита (Plut. Numa 4). На самом деле список возлюбленных Аполлона гораздо больше.

Мифографы сообщают, что если Фамирид был первым из смертных людей, кто воспылал любовью к представителю одного с ним пола, Аполлон оказался первым из богов, кого обуяла та же страсть. В этой связи интересно отметить, что внимание к этой теме весьма характерно для александрийской поэзии.

50 βουβόσιον, τό — выгон; ср.: у Гомера — συβόσια: Hom. Il. 11, 679: τόσσα συῶν συβόσια. Od. XI, 101.

В схолиях: βουβόσιον· βουστάσιον — ὁ τόπος ἔνθα οἱ βόες νέμονται.

51 ἐπιμηλάς — *ἅπαξ.*

В схолиях: τὸ δ' ἐπιμηλάδες ἀντὶ τοῦ αἱ μετὰ τῶν μήλων νεμόμεναι· καὶ γὰρ τὰς αἶγας μῆλα λέγουσιν, ὡς Ὅμηρος (Od. IX, 184: μῆλ', ὅτιές τε καὶ αἶγες ἰαύεσκον) ἐπεξηγούμενος τί εἰσι μῆλά φησι· «μῆλ» ὅτιές τε καὶ αἶγες· ἄνδε ἐμμηλάδες γράφηται, ἀντὶ τοῦ θήλειαι ἐστίν. ἐπιμηλάδες· αἱ γόνιμοι.

33. А. Ф. Лосев. Мифология..., с. 418.

В словаре *Гезихия*: ἐμμηλάδας αἰγας· τὰς μετὰ τῶν προβάτων νεμομένας.

Ср.: ἐπιμήλιος = νόμιος, эпитет Аполлона или Гермеса (Paus. 9, 34, 3).

βρέφος, τό — зародыш, плод; возможный вариант: γένος ср. Call. VI, 99–100.

53–54 Об особом покровительстве Аполлона скотоводству и, в частности, овцеводству свидетельствует миф об Аполлоне — Карне. Сначала Карн был самостоятельным демоном плодородия, затем Аполлон получает именование «Аполлон Карнейский», что говорит о близости его к земледельческой и скотоводческой мифологии.

52 βόσκομαι — пастись, питаться; ср.: Hom. Il. XV, 548; Od. XVII, 559; Hom. hymn. Merc. 559; Apoll. Rhod. IV, 975; Call. frg. 363, 2, 776; IV, 104; III, 155; возможные варианты: καταβόσκω, περιβόσκω.

Этимологически связано с βουβόσιον Call. II, 52.

ὀφθαλμὸν ἐπάγειν τινι — *перифраза* Call. II, 14; I, 12; I, 15 и т. д.

ἄκυθος — ἄπαξ, возможно, образован от κύω (κυέω) — быть беременной, зачать.

В словаре *Гезихия*: ἄκυθον· ἀγρυπνον, ἄκυτος· ἄτοκος, στερίφη.

В словаре *Большой Этимологик*: ἄκυθος· λέγεται ἡ ἄγονος... παρὰ τὸ κύω, ἄκυος· καὶ πλεονασμῷ τοῦ θ, ἄκυθος... ἢ παρὰ τὸ μὴ ἔχειν σπέρμα· κύθος γᾶρ τὸ σπέρμα... Καλλίμαχος ἄκυτος εἰπὼν μεταλήψει στοιχείου ἐχρήσατο.

В схолиях: ἄκυθοι· ἤγουν ἄγονοι· κεῦθος γὰρ λέγεται τὸ κύημα.

ἄκυθοι — здесь *синоним* к ἀγάλακτες.

ὕπαρνος — имеющая под собой ягненка, кормящая, вариант к *гомеровскому ὑπόρρηνος* (Hom. Il. X, 216).

В схолиях: ὕπαρνοι· ἔγκυοι.

54 μουνότοκος — *антитеза* к διδυμητόκος, чаще μονοτόκος; ср. Theocr. I, 25; III, 34; V, 84; VIII, 45 — διδυματόκος; δίδυμος, 3 (δύο — с удвоением) — двойной, двоякий, δίδυμα τέκνα — близнецы; διδυμοτόκος — конъектура Бломфельда.

55–68 Центральной, наиболее разработанной в данном гимне, является строительная функция Аполлона. Аполлон — основатель городов, охранитель городов и улиц, основатель и предводитель колоний. Строительная функция Аполлона — одна из древнейших. Сохранилось предание, что Аполлон и Посейдон в наказание за бунт против Зевса были посланы им к царю Лаомедонту, для которого они построили город Трою. «Строительная» тема Аполлона во II гимне начинается еще во вступлении (II, 15).

55 ἑσπόμενοι от ἕπομαι; *σπόμενοι* — конъектура Мейнеке; ср. Hom. hymn. Merc. 440; VI, 10; Theocr. XXVII, 168; Apoll. Rhod. I, 103, 386; III, 440, 916; IV, 434.

διαμετρέομαι — отмеривать для себя, разделять между собой. Ср. Hom. Il. II, 315, 344; Call. III, 36.

В схолиях: διεμετρήσαντο· διέγραφον, διέλαχον.

διεμετρήσαντο — *синекдоха* вм. «основывать города».

56 φιληδέω — любить, находить удовольствие (ср. φιληδονία — любовь к удовольствиям, φιλήδονος, 2 — любящий удовольствия).

В схолиях: φιληδεῖ· μάλιστα ἥδεται.

κτίζω — основывать. Ср.: Hom. Il. XX, 216; Od. XI, 263; Call. frg. 11, 5; 12, 4. κτίσμα — 43, 75; κτίστης — 43, 62, 69.

57 ὑφαίνω — ткать, зд. *метафора*. Ср.: Hom. Od. XIII, 136; XVI, 231; Hom. hymn. Ven. 139; Theocr. VII, 8.

В схолиях: ὑφαίνει· κατασκευάζει; возможные варианты: δέμω, ἐγείρω, πήγνυμι, πλέκω.

58 τετραέτης — четырехлетний; Theocr. VII, 147. Вариант к τετράενος, τέσσαρες.

ἔπηξε от πήγνυμι — зд. *метафора*.

В словаре *Гезихия*: ἔπηξεν· ἔστησεν.

58–64 Описание основания знаменитого уже в древности храма и алтаря Аполлона на Делосе. Знаменитый роговой алтарь Аполлон построил сам, когда ему было всего четыре года, сложив его из бесчисленного количества рогов коз, убитых Артемидой на горе Кинф. Это было первое архитектурное творение Аполлона. И жертвенник, и окружающие его стены полностью были сделаны из рогов, при этом ни раствор, ни другое связующее вещество не были использованы — что делало сооружение равным семи чудесам света.

Этот алтарь принято называть κερατών или κεράτινος βωμός, а данное описание его у Каллимаха является самым известным. Роговой алтарь, по мнению Р. Онианса[34], подтверждает представление о роге как воплощении порождающей силы, мощной, способной к воплощению и осуществлению стихии. Плутарх (De sollert. anim. XXXV, 9) сравнивая этот алтарь с гнездом птицы, писал, что он был сделан так, что не пропускал воду. Именно вокруг этого алтаря Тесей и его спутники исполнили впервые пляску «журавля», воспроизводящую запутанные ходы лабиринта Миноса на Крите (см. гимн IV). Этот танец стал первым, в котором танцева-

34. Р. Онианс. На коленях богов. М., 1999, с. 238.

ли мужчины и женщины вместе. По Плутарху, здесь же был алтарь Аполлона Генетора, куда приносились растительные жертвы – цветы асфодели и мальвы.

Ὀρτυγίη, ἡ – Ортигия, старое название Делоса. Ср. Hom. Od. V, 123; XV, 404. Hom. hymn. Ap. 16; Pind. Ol. 6, 92. Apoll. Rhod. I, 43, 419. 537; IV, 1795; Call. ep. LXII, 2.

В словаре *Гезихия*: Ὀρτυγία· ἡ νῦν Δῆλος καλουμένη νῆσος.

В схолиях: Ὀρτυγία δὲ ἡ Δῆλος ἀπὸ τοῦ τὴν Λητὼ εἰς ὄρτυγα μεταβληθεῖσαν εἰς τὴν Δῆλον ἐλθεῖν φεύγουσαν τὴν Ἥραν; ср.: Strab. X, 486.

περιηγέος ἐγγύθι λίμνης; περιηγής – круглый, вариант к τροχόεις (τροχός – колесо, круг).

В схолиях: περιηγέος· κυκλοτεροῦς λίμνης, ἥτις ἐστὶν ἐν Δήλῳ.

60 ἀγρώσσω — ἀγρεύω; ср.: Hom. Od. V, 53.

В схолиях: ἀγρώσσουσα· ἀγρεύουσα.

συνεχής – связный, непрерывный, плотный, постоянный, упорный; ср.: Hom. Il. XII, 26; Hom. Od. IX, 74. Theocr. XX, 12. Apoll. Rhod. II, 738.

В схолиях: συνεχές· ἀδιάλειπτον.

61 αἰγῶν Κυνθιάδων; Κυνθιάς – *неологизм*, повторенный в эпиграмме – Call. LXII, 1.

В схолиях: Κυνθιάδων· Κύνθος ὄρος τῆς Δήλου.

У этой горы Лето родила Аполлона и Артемиду (Strab. X, 485). Отсюда – Аполлон Кинфий (ср.: Hom. hymn. I, 141).

62 ἐδέθλιον, τό = ἔδεθλον, τό – основание, трон, ср. IV, 288 – о Гере: ὑπὸ χρύσειον ἔδεθλον.

Греческие храмы строились не прямо на земле, а на фундаменте (κρηπίδωμα), возвышавшем их над жилищами людей. Фундаменты имели обыкновенно по три ступени, но поскольку они были слишком высоки для того, чтобы можно было всходить по ним, для входа в фундаменте делались еще и лестницы с менее высокими ступенями. Число входных ступеней всегда должно было быть нечетным, чтобы входивший в храм становился правой ногой на первую и на последнюю ступени – это считалось хорошим знаком.

πήγνυμι – вколачивать, вонзать; πῆξε βωμόν – *метафора*; ср.: Hom. hymn. Merc. 47; Theocr. II, 112, IV, 28; XI, 16; XXII, 190; XXIII, 31; Apoll. Rhod. III, 22; 422; IV, 696; III, 965; 1286; IV, 1094; Call. VI, 53; II, 58; V, 11.

βωμός, ὁ – алтарь. Ср.: Call. II, 80; III, 261; 267; 38; 199; IV, 312; 321; V, 64.

Вообще алтари (βωμός) у греков могли быть самые разные. Например, на вершине Ликейской горы в Аркадии, где был знаменитый культ Зевса Ликейского, в древнейшие времена

алтарем служила просто куча земли (Paus. VIII, 38, 5). Во многих местностях упоминаются жертвенники из золы, представлявшие собой продукт самих жертвоприношений. В Дидиме, как пишет Павсаний (Paus. V,13, 6), был алтарь на месте стечения жертвенной крови и т. д. Алтари могли устраиваться самым простым способом – из дров, которые сжигались вместе с жертвой. Чаще же, конечно, встречались алтари из камня, мрамора. К описанию алтаря Аполлона Каллимах в этом гимне обратится еще раз (II, 80–84), но это будет уже красочное описание алтаря в Кирене, алтаря Аполлона-Карнея.

63 ὑποβάλλομαι – полагать основание, начало, основывать; ср. Hom. Il. XIX, 80 – ὑββάλλειν, Hom. Od., 353 ὑπέβαλλεν; Call. frg. 85, 8 *ὑπο... βάλον*.

τοῖχος, ὁ – стена (дома), ср.: τεῖχος, τό – стена (городская), укрепление, крепость; ср. Theocr. XXII, 12; XXIII, 49; XXIV, 38; XXI, 8; XXII, 31; XXIII, 46; Apoll. Rhod. III, 216, 633; II, 73, 199; IV, 27; Call. ep. XLIV, 4.

64 ἐγείρω – будить, пробуждать, воспламенять, поздн. воздвигать. Ср. Call. IV, 312: ἐγειρομένου κιθαρισμοῦ.

65–96 переход к киренской, личной теме (ср. такой же переход от мифологии Зевса к историческим событиям во второй половине I гимна).

65–68 Оракул Аполлона об основании в Ливии города Кирены. О нем же у Геродота (Herod. IV, 47 и сл. – в главе 1); у Пиндара (Pind. P. IV, 3–7; пер. М. Гаспарова):

Где некогда жрица,
Сопрестольница Зевсовых золотых орлов,
От близости Аполлона
Провещала Бату,
Зиждителю плодоносной Ливии,
Покинуть священный свой остров
И воздвигнуть на белом, как грудь, холме
Город добрых колесниц...

βαθύγειον ἐμὴν πόλιν – *перифраза*: Кирена.

βαθύγειος = βαθύγαιος – имеющий глубокую почву, плодородный, тучный.

В схолиях: βαθύγειον· εὔγειον.

Βάττος, ὁ – Батт, основатель Кирены (Strab. XVII, 837) – см. главу 1.

66 κόραξ, ὁ – ворон.

В схолиях: κόραξ· ὄρνεον οὕτως ὀνομαζόμενον παρὰ τὸ κορόν. ὡς ἀνακείμενος τῷ Ἀπόλλωνι ὁ κόραξ.

Ворон – священная птица Аполлона с тех пор, как мать-

Земля, разделившая ложе с Аидом, произвела на свет Тифона, которого называли самым большим из когда-либо рожденных чудовищ. Когда Тифон бросился на Олимп, все боги в страхе поспешили спрятаться в Египте, приняв вид различных животных: Зевс превратился в барана, Аполлон — в ворона, Дионис — в козла, Артемида — в кошку и т. д. По Геродоту (Herod. IV, 15) пророк Аполлона Аристей, прибывший в Мегапонт для учреждения культа Аполлона, сначала был вороном и в этом виде сопровождал его. Обычно Аполлон в виде ворона указывает, где нужно основать город. Так случилось, например, с беотийцами, которые увидели ворона в Фессалии у Пагасейского залива, и там основали город, пишет схолиаст к Аристофану (Nub. 133). Со слов Клисфена Страбон (XVII, 1; 43) рассказывает, как однажды Александра Македонского, заблудившегося в пустыне, спасли два ворона и т. д. Еще Аполлон мог предстать ястребом или коршуном (ср. контексты у Гомера: Hom. Od. XV, 525–528; Hom. Il. VII, 58–60).

67 οἰκιστήρ, ὁ = οἰκιστής — житель, основатель. Варианты: κτιστής. ὁ; κτίστωρ, ὁ Ἀπόλλων δεξιὸς οἰκιστῆρι.

68 ἡμετέροις βασιλεῦσιν — *антономасия.*

В схолиях: ἡμετέροις βασιλεῦσι· τῷ Πτολεμαίῳ.

О данном выражении в науке существует большой спор. Одни (Виламовиц, Клод Мелье, а раньше — Кранц, Деревицкий, Бете) считают, что под выражением «нашим царям» имеется ввиду царь Кирены — Магас, поэтому весь II гимн — целиком прокиренский; другие (Каэн, Говальд, Гертер) полагают, что «наши цари» — это Магас и Птолемеи (Птолемей I и II) одновременно (ср. выражение «ἐμῷ βασιλῆι» (II, 26–27). По нашему мнению, как мы писали в предисловии ко II гимну, если принять во внимание выдвигаемую дату написания гимна, в данном выражении имеются в виду Птолемеи I и II.

69–96 Упоминание других типов Аполлона, разных мест его культа.

69 Βοηδρόμιος — Боэдромий.

В схолиях: Βοηδρόμιον· πολέμου ἐπελθόντος τοῖς Ἀθηναίοις ἔχρησεν αὐτοῖς ὁ θεὸς, μετὰ βοῆς ἐπιθέσθαι τοῖς πολεμίοις· οἱ δὲ τοῦτο ποιήσαντες ἐνίκησαν, ὅθεν Βοηδρομιος Ἀπόλλων. Βοηδρόμιον· οὕτως ἐκαλεῖτο... Βοηδρόμιῶνος μηνὸς, ἰδίως δὲ ὅτι Ἀπόλλων ἐβοηδρόμησε συμπολεμῶν τοῖς Ἀθηναίοις πρὸς Ἐλευσινίους.

От глагола βοηδρομέω — прибегать на крик, спешить на помощь. *Боедромион — третий месяц по* аттическому календарю, соответствующий второй половине сентября и первой половине октября. В это время афинянами праздновался праздник Βοηδρομία в честь победы Тезея над амазонками.

Культ, характерный для Афин и Фив.

70 Κλάριος — эпитет Аполлона, более раннее употребление этого эпитета не засвидетельствовано. Встречается в дальнейшем в Палатинской Антологии (Anth. Pal. IX, 525, 11 — анонимного автора, у Павсания (Paus. IV, 17, 2), у Плутарха (Plut. Pomp. 24).

В схолиях: Κλάριον· μαντικὸν ἀπὸ Κλάρου τοῦ Κολοφῶνος.

В словаре *Гезихия*: Κλάριον· ...ἐπίθετον Ἀπόλλωνος.

Оракул Аполлона в Кларосе близ Колофона в Малой Азии был вторым по значимости после оракула в Дидимах около Милета. Подробную историю этого оракула дает Павсаний (Paus. VII, 3, 1–3). Основательницей его была Манто, дочь фиванского прорицателя Тиресия. Предсказания давал жрец, избиравшийся из определенного рода, чаще милетского. Ему не предлагали вопросы, а только сообщали имена и число вопрошавших. Жрец входил в пещеру, пил воду из протекавшего здесь источника, а затем давал ответы, облеченные в стихотворную форму, хотя он, как утверждали, чаще всего был человеком совершенно необразованным (Tac. Ann. II, 54).

οὔνομα πουλύ — ассонанс.

71 Καρνεῖος — Карней, эпитет Аполлона.

В схолиях: Καρνεῖον· ἀπὸ Κάρνου τοῦ μάντεως τοῦ ἀναιρεθέντος ὑπὸ Ἀλήτου, ὃς ἦν τῶν Ἡρακλειδῶν, ὀργισθεὶς οὖν ὁ Ἀπόλλων λοιμὸν ἐνέβαλλεν... Καρνεῖον δὲ αὐτὸν προσαγορεύουσι ἀπὸ Κάρνου τοῦ θεοπρόπου.

Пророк Аполлона Карн из Акарнании был убит дорянами, и все дорийское войско постиг гнев Аполлона, а убийца Карна удалился в изгнание. С этого времени началось у дорян почитание Карна. Так пишет Павсаний, утверждающий, что почитание «Аполлона Карнейского установлено у всех дорян» (см. Paus. III, 13; 4 и III, 26; 7). Вообще же первоначально Карн (сын Зевса и Европы, любимец Аполлона — Apolod. II, 83) — демон плодородия, дорийское божество, имеющее отношение к скотоводству и к земледелию. Затем это уже общедорийский демон, как говорит Фукидид (Thucid. V, 54), он же пишет о месяце Карнее, «праздничном для дорян». С распространением культа Аполлона в Лаконии, Аполлон получил именование Аполлона Карнейского и функции этого божества (Ср. Pind. P. 5, 88; Schol. Theocr. 5, 83). С другой стороны, и Карн, и Кларос — возлюбленные Аполлона, об этом пишут схолиаст к Феокриту (Theocr. V, 83) и Сервий (Serv. Verg. Aen. III, 279).

В ливийской Кирене, помимо культа Аполлона и празднеств в честь него, упоминаются пышные празднест-

ва Διοσκούρεα, Ἀστυδρόμια (в память основания города) и Θεοδαίσια (в честь Диониса и нимф) и др.

πατρώιον — намек на родство с Баттом, об этом подробнее в I главе.

Каллимах прекрасно помнит, что Карней — дорийский бог, что Аполлон Карнейский стал прежде всего почитаться дорянами в Спарте (ст. 72 «Ибо Карнею была обителью первою Спарта»). Спартанский царь Фера, потомок Эдипа в шестом колене (ст. 74 «Чада Эдипа в колене шестом»), по Геродоту (Herod. IV, 147): Эдип — Полиник — Ферсандр — Тисамен — Автесион — Фера), из Спарты вывел поселение дорян на остров Каллисту, дал этому острову свое имя Фера, а из Феры уже Аристотель — Батт привел поселенцев в Египет, к земле Асбистийской.

ἔδεθλον, τό = ἕδέθλιον, τό = ἕδος.

Οἰδιπόδης, ὁ = Οἰδιπόδας = Οἰδίπους = Οἰδίπος.

В схолиях: Οἰδιπόδαο· Οἰδίποδος μὲν Πολυνείκης, οὗ Θέρανδρος, οὗ Τισαμενός, οὗ Αὐτεσίων, οὗ Θήρας, ὃς ἀπῴκησεν εἰς Θήραν τὴν νῆσον τήν νῦν οὕτω κληθεῖσαν.

Θηραίην ἐς ἀπόκτισιν, Θηραῖος от Θήρη, ἡ.

ἀπόκτισις, ἡ — от прозаического κτίσις, ἡ — основание города или колонии, вместо обычного ἀποικία, η.

Ἀριστοτέλης = Βάττος.

В схолиях: Ἀριστοτέλης· ὁ αὐτὸς καὶ Βάττος λέγεται.

Имени Аристотель Геродот не сообщает, но всю историю Батта передает подробно (Herod. IV, 155–159).

οὖλος (ὅλος) — целый, цельный, весь; здесь невредимый.

ἡ Ἀσβυστίς γαῖα — Киренаика — *ἅπαξ, перифраза.*

У Геродота — Ἀσβύσται (Herod. IV, 170) — народ в Северной Киренаике.

В словаре *Стефана Византийского:* Ἀσβύστα· πόλις Λιβύης· καὶ ὁ πολίτης Ἀσβύστης.

В схолиях: Ἀσβυστία δε τὴν λευκὴν λέγει παρὰ τὴν ἄσβεσττον. τοιαύτη γὰρ ἡ Λιβύη λευκόγειος.

ἀνάκτορον, τό — дворец, храм; храм Аполлона в Дельфах, или храм Деметры в Элевсине. ἀνάκτορον — ἄνα (Call. II,79); ср.: Hom. hymn. Ap. 234.

τελεσφορίη, ἡ — *неологизм*, образован от прилагательного τελεσφόρος — приносящий конец, приводящий к концу, решающий все или: совершенный, полный (ср. глагол — τελεσφορέω — приводить к концу, к созреванию, донашивать до конца). Ср.: *νικαφορία, δυσφορίη* — от νικηφορέω, νικηφόρος; δυσφορέω δύσφορος.

В схолиях: τελεσφορίην· ἑορτήν, θυσίαν.

ἐπετήσιος — круглый год бывающий, постоянный. Ср.:

Hom. Od. VII, 118.

ὑστάτιον. ὕστατα, как и ὕστατον – в последний раз. Ср.: H Il. XV, 634; VIII, 353; Od. IV, 14; Hom. hymn. Merc. 289; XX Theocr. V, 44; Apoll. Rhod. I, 139.

πίπτουσιν ἐπ' ἰσχίον – *эвфемизм*, вм. убивать. У Каллим часто встречающийся глагол, ср.: Call. IV, 146; VI, 86; II. 4 44; встречается: ἀποπίπτω, εἰσπίπτω, ἐκπίπτω.

ἄνα – ср.: Call. I, 8; ὦνα Call. I, 33.

80 Καρνεῖε, см. комментарий к ст. 71–72.

πολύλλιτος — πολύλιστος (от λίσσομαι) – многоумоляемый; многочтимый – *неологизм*; ср.: Hom. Od. V, 445 (πολύλλιστος Hom. hymn. Ap. 347; Cer. 28; Orf. hymn. XXXII, 14; Call. IV, 31

εἴαρι – *антитеза* к χείματι (Call. II, 83).

ἔαρ, τό и εἶαρ, τό – у Каллимаха встречаются одинаково – ср.: Call. VI, 122.

81 Ὧραι... ἀγινεῦσι... ἄνθεα... τόσσα περ; ср.: Hom. Il. II, 468: «ὅσα τε φύλλα καὶ ἄνθεα γίγνεται ὥρῃ».

82 ἀγινέω = ἄγω.

ζεφύρου λιγὺ πνείοντος ἐέρσην; ἔπνευσεν – конъектура Шнейдевина; ср.: Hom. Od. V, 469; Il. XIX, 159; XXIV, 442; Od. IV, 446; Od. IV, 567: ζεφύροιο λιγὺ πνείοντος ἀήτας; Theocr. XII. 10; XVIII, 40, 54; XXII, 82; XXIX, 19; Call. ep. VIII, 3; XLI, 1.

ἐέρσῃ, ἡ — ἔρσῃ, ἡ – роса; ср. Theocr. II, 107; XX, 16; Apoll. Rhod. III, 1020.

83 κρόκος, ὁ – шафран.

В схолиях: κρόκος· τὸ ἄνθος παρὰ τὸ ἐν κρύει θάλλειν.ἀεὶ... ἀέναον πῦρ.

ἀέναος, 2 – постоянно текущий, неиссякаемый; ср.: Apoll. Rhod. III, 222; 860; Theocr. XXII, 37.

84 περιβόσκεται... τέφρῃ.

περιβόσκομαι – пасти вокруг – *неологизм*. Обычно – ἀποβόσκομαι, ἐκβόσκω, ἐμβόσκομαι, ἐπιβόσκομαι καταβόσκω (Theocr. XV, 126) συμβόσκομαι, ὑποβόσκομαι. У самого Каллимаха – καταβόσκομαι (III, 125), βόσκω (VI, 104; III, 155; II, 52).

τέφρη, ἡ – пепел, зола. τέφρῃ... περιβόσκεται – *метафора*.

86 ζωστῆρες... ἀνέρες... Ἐνυοῦς – *перифраза*.

ζωστήρ, ὁ – пояс, в основном, воинский.

Ζωστήριος – эпитет Аполлона, ζώστειρα – эпитет Афины; ср.: Hom. Od. XIV, 72; Theocr. VII, 18; XXVI, 17; Apol. Rhod. II, 778, 968.

В схолиях: ζωστῆρες· περιφραστικῶς οἱ πολεμικοί.

Ἐνυώ, *oos*, ἡ – Энио, богиня войны, спутница Ареса (ср. – Эниалий, бог войны, иногда отождествляется с Аресом, иногда отдельное божество); ср.: Hom. Il. V, 333, 592; Call.

IV, 276.

В схолиях: ὡς ἐπιτελούντων καὶ ἐν τῇ Λιβύῃ ἑορτὴν Καρνείῳ Ἀπόλλωνι.

В схолиях: τέθμιαι· νόμιμοι ὡρισμέναι.

-- Καρνειάδες ὧραι.

Καρνεῖα — национальный дорийский праздник, праздновался в месяце Καρνεῖος, входил в большинство дорийских календарей и приходился на время после летнего солнцестояния. Праздновался в Спарте, Фере, Кирене, Сикионе, Мессене и др. дорийских городах. Восходил, возможно, к догреческому божеству Карну или Карнею, в честь которого праздник справлялся во время сбора винограда и в число церемоний входил бег с гроздьями винограда. Сохранившиеся известия об этом празднике скудны, некоторые подробности сообщает Афиней (Athen. IV, 141). Праздник продолжался 9 дней, с 7 по 15 число месяца Карнея, и представлял собой картину лагерной жизни. На 9 площадках в городе ставились палатки или шалаши (*σκιάδες*), в каждом из которых помещалось по 9 человек, которые вместе обедали и совершали все по команде. Во время праздника устраивалось состязание в беге, причем один участник убегал, а остальные его догоняли. Особенно чтили этот праздник спартанцы; до окончания праздника они не выступали в поход и не принимали никаких военных действий. Они же ввели на этом празднике и музыкальные состязания, в которых стали принимать участие лучшие музыканты.

88 Κύρη, ἡ — Кирн, источник в Киренаике, где позднее была основана Кирена (ср. Herod. IV, 158).

В схолиях: Κύρης· κρήνη ἐν Κυρήνῃ.

Иногда считают, что город Кирена получил название от этого источника, а не от нимфы Кирена.

В словаре *Стефана Византийского:* Κυρῆνη, πόλις Λιβύης, ἀπὸ Κυρήνης τῆς Ὑψέως ἢ Κύρης πηγῆς ἐγχωρίου.

В *схолиях* к Пиндару (Pind. P. IV, 523): Ἀπόλλωνος κρήνην φησίν, ἣς καὶ Καλλίμαχος μνημονεύει οἵ... Δωριέες... οὔπω... ἐδύναντο πελάσσαι.

πελάζω — приближаться; ср.: Hom. Il. XXIII, 719; Od. X, 440; Hom. hymn. Ap. 504; Theocr. XXV, 212; Apoll. Rhod. I, 692; II, 293.

89 Δωριεύς, ὁ — дорянин; ср.: Hom. Od. XIX, 177; Theocr. XV, 93; XVII, 69; Call. IV, 177.

В схолиях: Δωριέας δὲ τοὺς Ἡρακλείδας λέγει τοὺς ἀπὸ Σπάρτης μετοικήσαντας εἰς Θήραν καὶ ἀπὸ Θήρας εἰς Κυρήνην.

πυκινήν... νάπαις Ἄζιλιν.

Ἄζιλις, ἡ — город и река в Ливии; ср. Herod. IV, 157.

В схолиях: Ἄζιλις· ὄρος καὶ ποταμός Λιβύης. *Стефан Византийский:* Ἄζιλις· πόλις Λιβύης... τινὲς δὲ Ἄζιλιν μετὰ τοῦ λέγουσι τὸν χῶρον. (См. главу 1).

90 ἄναξ — зд. Аполлон, *антономасия, в схолиях:* ἄναξ· ἤγουν Ἀπόλλων.

ἐῇ δ' ἐπεδείξατο νύμφῃ — Кирене, своей возлюбленной: *антономасия.*

В схолиях: νύμφῃ· τῇ Κυρήνῃ.

Любопытно, что Каллимах, столь много внимания уделяющий Кирене, не упоминает эту любовную историю. Возможно (см. I главу), потому, что этот сюжет подробно разработан у Аполлония Родосского (II, 500–510; пер. Г. Церетели):

> Молвь идет: у болот близ Пенея когда-то Кирена
> Некая овчьи стада пасла средь людей древле живших.
> Ей по душе было девство и чистое ложе. Однако
> Феб Аполлон при реке ее, пасшую стадо, похитил,
> Из Гемонии унес и вручил ее нимфам туземным,
> В Ливии что обитают у самых высот Миртосийских,
> Фебу она родила Аристея. Его именуют
> Ловчим и Пастухом обладатели нив — гемонийцы.
> Нимфу ту возлюбивши, ее долговечной соделал
> И охотницей бог Аполлон, а ребенка малюткой
> Взял от нее и унес, чтоб возрос он в пещере Хирона.

91 Μύρτουσσα, ἡ — Миртусса, гора в Ливии. Ср.: Apoll. Rhod. II, 505: Μυρτῴσιον αἶπος.

В схолиях: ἐπὶ Μυρτούσσης· ὄρος Λιβύης.

κερατώδης = κερατοειδής — роговидный.

В схолиях: κερατώδεος· δὲτ ἡς κέρατα ἐχούσης ἤτοι ἀκρωρείας. φαίνεται δὲ ἡ Κυρήνη ὡς φονεύσασα ἐν τῇ Λιβύῃ λέοντά τινα βλάπτοντα τοὺς βοῦς τοῦ Εὐρυπύλου· ἦν δὲ αὕτη κυνηγέτις, θυγάτηρ Ὑψέος.

92 σίνις, ὁ — губитель, хищник.

Ὑψηίς — Гипсеида, дочь Гипсея, нимфа — Кирена — *антономасия.*

Εὐρυπύλος — Эврипил, сын Посейдона, царь Ливии, пришедший из Фессалии.

93 Считается,[35] что в этом контексте Каллимах обновляет старое общее мнение: Аполлон — бог солнца; Аполлон и Гелиос идентифицируются. Мотив «бог подглядывает» у Каллимаха встречается довольно часто, ср. III, 249; IV, 303; VI, 7; fr. 302.

35. K. J. Mc Kay. The poet at play Kallimachos. The bath of Pallas. «Mnemosyne». Suppl. 6. Leiden, 1962, p. 192.

ὀφέλσιμος — *неологизм*: возможно, образован на базе ὀφέλιμος — полезный, выгодный.

νέμω вариант к δίδωμι.

τόσσα — *в схолиях*: ὅσσα.

μνώόμενος от μνάομαι = μιμνήσκομαι — вспоминать; ср. Hom. hymn. Ap. 209 — μνώόμενος; Ven. 24; Theocr. XXVII, 23; Apoll. Rhod. — часто: μνώοντο ἐμνώοντο, μνωέο: Call. III, 264.

ἁρπακτύς, ἡ — похищение, ἅπαξ; ср.: ἁρπάζω — похищать, ἁρπακτήρ, ῆρος, ὁ — хищник, разбойник, ἅρπαξ, αγος, ὁ, ἡ — разбойник, ἁρπακτικός = ἅρπαξ. Образован, очевидно, по модели: βοητύς, γραπτύς, δαιτύς, ἐδητύς, μυριοστύς, ἁγιστύς, ἀσπαστύς, ἀφραστύς, γελαστύς, μαστύς, ὀιστευτύς, πλαγκτύς.

В схолиях: ἁρπακτύος· τῇ Κυρήνῃ κυνηγετούσῃ ἐν τῷ ὄρει τῷ Πηλίῳ τῆς Θεσσαλίας συνεκαθεύδησεν Ἀπόλλων, ἐξ ἧς τίκτεται ὁ Ἀρισταῖος; ср. Apoll. Rhod. II, 498–510. Схолиаст к Аполлонию Родосскому (II, 498) передает ту же версию: Аполлон увез Кирену с Пелиона на золотой колеснице, запряженной лебедями. Сыну Аристею от этого брака Аполлон дарит стрелы и лук, Гесиод (Theog. 129) называет Аристея «пастушеским Аполлоном», Ферекид же (Pher. I, frg. 6) считает его «демоном плодородия». По другим версиям Кирена родила еще Идмона и Агрея.

96 Βαττιάδης, ὁ — Баттиад; всего их было 8. Много веков на Киренском престоле чередовались потомки Батта — Батты и Аркесилаи. После почти сорокалетнего правления Батта I (631–591 гг. до н. э.) правил Киреной его сын Аркесилай I (591–575 гг. до н. э.), вслед за ним правил третий Баттиад — Батт II (575–560 гг. до н. э.), прозванный «счастливым», во время правления которого киренеяне, испытывавшие недостаток населения, пригласили новых поселенцев из Греции; вслед за Баттом «счастливым» правил его сын Аркесилай II (560–550 гг. до н. э.), позванный «жестоким». При нем начались династические распри, и часть населения под предводительством брата царя покинула Кирену и основала город Барку. С 550 г. до н. э. правил Киреной Батт III, «хромой», который был слабым правителем, во всем полагался на свою энергичную жену. Последний из Баттиадов — Аркесилай III подчинился Камбизу. В итоге около 520 г. до н. э. Египет распространил власть на Ливию, а в IV в. до н. э. греки Киренаики оказались во власти Александра Македонского. Когда же владыками Египта стали Птолемеи, в Кирене сохранялось сначала самоуправление, а затем вся область была присоединена в результате династического брака к Египту.

97–113 *концовка* гимна: состоит из двух эпизодов: 1) происхождение

возгласа «ἰὴ παιῆον» и 2) эпизод с изгнанием Зависти.

97–104 Стихи, посвященные величанию Аполлона, происхожден[ие] «ἰὴ παιῆον».

97 ἰή — междометие; в издании Пфейфера с густым придыхани[ем]. Связь этого слова с глаголом ἵημι считается ложной этимол[огией][36]. Ср. ἰὴ ἰή Call. II, 25; ἰὴ παιῆον ἰή παιῆον — Call. II, 21; ἰ[ὴ] παιῆον — Call. II, 97; ἰὴ ἰή Call. II, 80; ἰὴ ἰὴ παιῆον — Call. II, 103.

В науке существует полемика относительно данного эпи[зода]. Одни считают, что данные стихи являются конц[овкой] эпифании и имеют отношение только к ритуальной ситуа[ции]; при этом у разных исследователей связь с предыдущим содержанием гимна интерпретируется по-разному. По мнению же других, этот отрывок может быть истолкован только в общем контексте II гимна.

ἐφύμνιον, τό — припев, рефрен, от ἐφυμνέω — петь гимн, восхвалять (ср. *προσόδιον*, *ἐφόδιον*).

По свидетельству Плутарха (Plut. de mus. 3), в Дельфах первым установил *хороводы* вокруг святилища дельфиец Филаммон. Он же первым прославил в мелосах Латону, Артемиду и Аполлона. Поэтому, возможно, Филаммон был первым, кто сформировал песенно-танцевальный жанр в музыкальном оформлении культа Аполлона.

Интересно сравнить описание Иепеана в честь Аполлона у Аполлония Родосского (Apoll. Rhod. II, 693–708; пер. Г. Церетели):

Дал Летоид им добычу большую. Они же убитых
Бедра, туком двойным обернув, их сожгли благочестно
На алтаре, Аполлону хвалу вознося заревому,
И вкруг пылающих жертв в большом завились хороводе,
Иэ пэану прекрасному, Фебу Иэ пэану
Песню запев. Вместе с ними и доблестный отпрыск Эагра
Звонкую начал песнь под звуки бистонской форминги,
Как в минувшие дни под хребтом скалистым Парнаса
Чудище он поразил *дельфийское* меткой стрелою
Феб, тогда еще отрок нагой, еще гордый кудрями
(Смилуйся, царь! всегда у тебя нестрижены кудри
И невредимы всегда — так должно быть! Только Латона,
Кеем рожденная, милой рукой может к ним прикасаться)
И одобряли его тогда рожденные Плейстом
Все корикийские нимфы, «ией» восклицая, «спаситель»!
С той поры тот дивный призыв неотъемлем от Феба.

ἐκηβολίη, ἡ = ἑκηβολία, ἡ — искусство далеко метать или попа-

36. Ср. E. Fernandez-Galiano, op. cit. Madrid, 1967, v. II. P. 318.

дать. Ср. ἑκηβόλος – эпитет Аполлона. Ср. Call. V, 112: ἑκαβολίαι.

Πυθώ, ἡ и *Πυθών, ῶνος. ἡ* – игра на вариантности форм: ср.: II, 35: Πυθῶνι; ср. в гомеровских гимнах (К Аполлону Пифийскому, ст. 122–126, 179–184. 192–196 (перевод В. Вересаева):

Близко оттуда – прекрасно струится родник, где владыкой,
Зевсовым сыном, дракон умерщвлен из могучего лука, –
Дикое чудище, жирный, огромный, который немало
Людям беды причинил на земле, – причинил и самим им,
И легконогим овечьим стадам, – бедоносец кровавый.
. . . . . .
Но поразил наконец-то стрелою его многомощной
Царь Аполлон-дальновержец. Терзаемый болью жестокой,
Тяжко хрипя и вздыхая, по черной земле он катался
Шум поднялся несказанный, безмерный. А он, извиваясь,
По лесу ползал туда и сюда. Наконец кровожадный
Дух испустил он
. . . . . .
...Глаза же драконовы мглою покрылись.
Гелиос в гниль превратил его силой своею святою.
Вот почему он Пифоном зовется теперь, а владыку
Мы называем Пифийским: на месте на этом сгноила
Острого Гелия сына останки свирепого гада.

δαιμόνιος – божественный, сверхъестественный, чудесный.

θήρ, ὁ – (у Гомера, как правило, это лев, ср.: Hom. Il. III, 449; X, 184; XI, 546) – вариант к *θηρίον*. Ср. Theocr. XXV, 175, 280; Apoll. Rhod. I, 991; 1243; II, 45. Call. III, 121; 158; 120; 153; IV, 119.

συνάντομαι – встречаться, сходиться; ср.: Hom. Il. XXI, 34; Od. XXI, 31; Od. XV, 538; XVII, 165; Od. XIX, 311. Hom. hymn. Ap. 349; Theocr. VIII, 1; Apoll. Rhod. IV, 1483.

101 *αἰνός* = δεινός.

κατεναρίζω – усил. к *ἐναρίζω* – снимать доспехи с убитого неприятеля, к. τινὰ – убивать.

οἰστός, ὁ – вариант к *βέλεμνον, βέλος, ἰός, τόξον*.

ἐπαϋτέω – *ἀϋτέω* – кричать, звать. Ср.: Call. *ἐπὶ... ἀύτει* (III, 58); *ἀύτει* (frg. 43, 32); *ἠύτει* (frg. 51); *ἐπαϋτέω* вариант к *ἀύω*.

104 *ἀοσσητήρ, ὁ* – заступник,, защитник; ср. Hom. Il. XV, 254; 735; Il. XXII, 333; Hom. Od. IV, 165; XXIII, 119; Apoll. Rhod. I, 471; IV, 785.

κεῖθεν – вариант: *ἐκεῖσε* (ep. XLI, 5); *κεῖθι* (frg. 47, 70).

105–113 Стихи, говорящие о бессилии Зависти, имеют чисто личную

окраску. Как явствует из этих стихов, Птолемей II оказ[ывал] личную поддержку поэту, защищал его и его поэзию [от] падок противников. Возможно, для Каллимаха это, [что] говорилось, было главной причиной написания гимна. [Мы] можем лишь предполагать, что под Завистью Каллимах [име]ет ввиду Аполлония Родосского или кого-то другого из [его] современников (см. главу I), но, как было уже сказано, [о] висти Каллимах пишет неоднократно (см. главу I).

105 Φθόνος, ὁ — зависть, нерасположение к кому-либо (ср. φθονε[ῖν]) — *персонификация*; в Ватиканской рукописи Φθόρος (подр[обнее] см. гл. I).

Φθόνος Ἀπόλλωνος... φθόνον ὠπόλλων — *анафора* (II. 1[05]-107).

106 ἄγαμαι — завидовать, с завистью смотреть; ср.: II, 16: ἠγασά[μην] τοὺς παίδας.

В схолиях: ἐγκαλεῖ διὰ τοὺς σκώπτοντας αὐτὸν μὴ δύνασθαι ποιῆσαι μέγα ποίημα, ὅθεν ποιῆσαι τὴν Ἑκάλην.

108 Ἀσσύριος ποταμός — *антономасия*: Евфрат.

В схолиях: Ἀσσυρίου ποταμοῦ· τὸν τῶν Περσῶν λέγει τὸν καλούμενον Εὐφράτην. Ср. Theocr. II, 162.

109 τὰ πολλά / λύματα γῆς — ср.: χυτλώσατο... τόκοιο / λύματα (Call. I, 17); ἔκβολα λύματα δαιτός (Call. VI, 115).

συρφετός, ὁ — сор, мусор, плевелы; в пер. смысле сброд, скопище; ср. ῥύπος, ὁ — грязь, нечистота, ῥυπόω — делать грязным.

Интересно заметить, что при дворе Птолемеев прославился художник Антифил, который писал картины на исторические темы. Знаменитыми были и его картины на бытовые темы, нередко эротического и даже порнографического характера (их тогда называли «рюпографией» от ῥύπος — грязь).

110 Δηώ, ἡ — Деметра. Ср.: Hom. hymn. Cer. 47, 211; Theocr. VII, 3; Apoll. Rhod. IV, 988; 896; 986; Call. VI, 17; 132 (VI, 17: Δηοῦς).

В словаре *Гезихия*: μέλισσαι· αἱ τῆς Δήμητρος μύστιδες.

Пчелы — жрицы Деметры — очень древнее представление.

111 ἀχράαντος, ἄκραντος, ἄχραντος — незапятнанный, чистый.

ἀνέρπω — вползать, влезать — *метафора*.

В словаре *Гезихия*: ἀνέρπει· ἀνέρχεται.

112 λιβάς, ἡ (λείβω) — влага, источник.

πίδαξ, ἡ — источник, родник; вариант: πηγή.

ἄκρος — зд. высочайший, отличный, превосходный, сильный.

ἄκρον ἄωτον — *метафора*; ср. Call. frg. 260, 57: κύματος ἄκρῳ

ἀώτῳ. Pind. Ist. VII, 18: σοφίας ἄωτων ἄκρον. Ср. Hom. Il. IX, 661; XIII, 599, 716; Od. I, 443; Od. IX, 434; Theocr. II, 2; XIII, 27; Apoll. Rhod. IV, 176.

Μῶμος – Мом, сын ночи, божество насмешек и прорицаний – *персонификация*, ср. Hom. Od. II, 86.

В *схолиях*: ἡ Βασκανία δὲ καὶ βλάβη διὰ φθόνου: ἡ μέμφις· ὀν γάρ φθονεῖ τις καὶ βασκαίνει, μέμφεται καὶ σκώπτει, καθώς φησὶ καὶ τις τῶν σωφῶν· «Βασκανίης μνημεῖον ἀριφραδές ἐστιν ὁ μῶμος» καὶ ὁ Καλλίμαχος· «ὁ δὲ μῶμος ἵν' ὁ φθόνος ἔνθα νέοιτο».

Стихи 105–112, как уже говорилось, содержат намек на разногласия с Аполлонием Родосским.

III. ГИМН «К АРТЕМИДЕ»

ПРЕДИСЛОВИЕ[1]

В собрании каллимаховых гимнов гимн «К Артемиде» стоит третьим, он идет после гимнов «К Зевсу» и «К Аполлону», перед гимном «К Делосу». Нам неизвестно, как уже было сказано, кто и когда составил сборник гимнов Каллимаха и расположил их именно в таком порядке, но, во всяком случае, прославление божественной пары Аполлона и Артемиды, а затем священного острова, на котором они родились, — логично и закономерно. Объем гимна невелик — 268 стихов, — больше, чем каждый из первых двух, но меньше самого большого гимна «К Делосу».

Относительно *датировки* гимна среди ученых единого мнения нет. Некоторые исследователи полагают, что гимн был написан в последние 10 лет царствования Птолемея II, где-то между 258–248 гг. до н. э. В результате сирийских войн Эфес пал под натиском Египта, и вполне вероятно, что Птолемей II, желая завоевать симпатии покоренного населения, выражал почтительное отношение к их религиозному чувству и особенностям местного культа[2]. (См. стихи III, 237–258, посвященные установлению культа Артемиды Эфесской.)

Однако в последнее время бóльшее распространение получает мнение, высказанное еще Маасом, что III гимн имеет отношение к родине поэта — Кирене — и был написан *около 260 г. до н. э.*[3]

Богатая Кирена всегда вызывала интерес со стороны Карфагена, между ними были свои сложные политические отношения, которые приобрели особую остроту во время I Пунической войны (264–241 гг. до н. э.). Война длилась непрерывно более двадцати лет и, как пишет Полибий (Polyb. I, 63), «была продолжительнее, упорнее и важнее всех войн,

1. Частично материал этого раздела опубликован в кн.: В. П. Завьялова. Каллимах. Гимн «К Артемиде». М.: ГЛК Ю. А. Шичалина. 2002.

2. См. Aug. Couat. Alexandrian Poetry under the first three Ptolemies. London. 1931, p. 83. Г. Бенгстон. Правители эпохи эллинизма. М, 1982, с. 139–170.

3. C. Meillier. Callimaque et son temps, – op. cit., p. 45.

какие нам известны в истории». На 13-м году войны — 252 г. до н. э. — римляне взяли остров Липару и город Т[illegible] мы на северном берегу Сицилии.

Несомненный интерес, на наш взгляд, для решения в[illegible] са о датировке III гимна представляют так называемые «и[illegible] лийские» топонимы, подтверждающие киренскую вер[illegible] создания гимна. В свое время Р. Пфейффер, К. Куипер Л. Мальтен обращали внимание на неожиданное появлени[illegible] в контексте III гимна острова Липара[4]. Ведь, как извест[illegible] Гефест, сброшенный с вершины Олимпа своей матерью Г[illegible] рой, был спрятан Фетидой и Эвриномой в глубокой пещ[illegible] ре на острове Лемнос. Там Гефест построил свою перву[illegible] кузницу. (Hom. Il. XVIII, 394–409; I, 586–594). Каллимах же помещает кузницу Гефеста на острове Липара (Липарские острова, расположенные у западного побережья Сицилии, так же, как и Лемнос, имеют вулканическую природу, и в римской мифологии это всегда владения бога Вулкана). Вообще, весь «италийский» пассаж гимна (III, 46–86) навряд ли вызван лишь прославлением культа Артемиды. Скорее, этим сюжетом Каллимах воспользовался, чтобы ввести в гимн события, связанные с островами Сицилия, Корсика, Сардиния — именно они, как и сама Италия, были ареной военных действий во время I Пунической войны. В частности, как пишет Полибий (Polyb. I, 79), наемные солдаты, составлявшие гарнизон на Сардинии, предали «всех карфагенян на острове неслыханным, изысканным мучениям и смерти, а затем покорили своей власти города и стали обладателями острова...» В гимне «К Артемиде» острова Липару и Корсику Каллимах называет их древнейшими названиями — Мелигунис (III, 48) и Кирн (III, 58). Кирном — Корсикой римляне овладели после I Пунической войны и объединили ее с Сардинией в одну провинцию. С островами Липарой (III, 47), Кирном (III, 58), Тринакрией–Сицилией (III, 57), горой Этной (III, 56) и вообще всей Италией (III, 58) в гимне связываются самые «громкие» события: «Óхала Этна, óхала с ней Тринакрия, жилище сиканов, а далее áхал Италии край, и эхом Кирн ему вторил...» (III, 56–58).

4. R. Pfeiffer. Kallimachosstudien, op. cit., S. 15; K. Kuiper. Studia Callimachea, op. cit. S. 23; L. Malten. Kyrene, op. cit., S. 322.

Необычность мифологической географии позволила Каллимаху ввести фантастические, нетрадиционные для мифологии Артемиды эпизоды с маленькой Артемидой (знаменитые детские сцены в начале гимна), как бы подчеркивая важность, значительность италийских топонимов, которые, на наш взгляд, несомненно являются веским аргументом в пользу итало-киренской хронологической версии. Артемиду[5] так или иначе Каллимах упоминает во всех своих гимнах, кроме VI.

В I гимне «К Зевсу», перечисляя, какой бог чьим является покровителем (лирники — Фебовы люди, воины — люди Ареса, «медников мы прозвать навыкли Гефестовым родом»), Каллимах говорит: «...охотники — люди Хитоны, / Славной в лесах Артемиды» (I, 78–79) (см. комментарий к ст. 11). Во II гимне «К Аполлону» Артемида вместе с Аполлоном участвует в строительстве знаменитейшего рогового алтаря в Ортигии: «Роги ланей кинфских с охоты своей Артемида / Все приносила» (II, 60). В IV гимне Ириду-вестницу, прибежавшую к Гере, поэт уподобляет «Артемидиной псице... / ...средь охоты на миг прикорнувшей / Подле ног госпожи» (IV, 229). В V гимне, говоря о судьбе Актеона, поэт подчеркивает: «Ведь Артемидиных он / Спутником будет охот» (V, 110).

Во всех случаях, как очевидно, для Каллимаха Артемида — богиня охоты, Хитона, под ее покровительством находятся прежде всего охотники и все, что связано с охотой.

III гимн весь посвящен Артемиде и отличается от других гимнов Каллимаха прежде всего тем, что поэт не останавливается на одном каком-то факте или эпизоде мифологии богини, а как бы хочет представить читателю всю ее мифологию в целом. (Из всех гимнов еще, пожалуй, только II гимн «К Аполлону» сопоставим в этом плане с гимном «К Артемиде».) В этом гимне Артемида предстает не только как карающая и милующая богиня, богиня, помогающая роженицам при родах, покровительница городов, гаваней, лесов, гор, но и в истории и географии своих культов с древнейших времен. И в то же время Каллимаху удалось создать ее образ удивительно «заземленным», идиллически «очеловеченным».

5. Этимология имени богини — Ἄρτεμις — неясна. Возможны варианты: «медвежья богиня», «владычица», «убийца».

Как справедливо писал об этом гимне в свое время Г. Гертер, «кажется, что поэзия спускается к повседневной человеческой жизни»[6]. Здесь Артемида теряет свою неприступность и грозность, а сухая ученость Каллимаха, сдержанная манера «Причин» уходят на второй план, здесь «везде и всюду игра и беззаботная выдумка поэта», — писал Э. Говальд[7].

Впечатление необычности создается сразу же, с первых сцен. Гимн (после короткого зачина) начинается со знаменитой сцены: Артемида, еще маленькая девочка, сидит на коленях отца Зевса, тянется ручками к его бороде и вступает с ним в умилительно-ласковую беседу. Канон гимнического жанра предполагает включение в гимн описания чудесного, необыкновенного рождения бога (ср.: чудесное рождение Аполлона — IV, 249–265) или чудесного младенчества (ср.: рождение и воспитание Зевса — I, 30–59). Но начальные сцены III гимна удивительны передачей жизненно-естественного поведения ребенка. Артемида ведет себя настолько естественно по-детски, что исследователи нового времени сочли возможным назвать Каллимаха первым поэтом, которому удалось изобразить всю прелесть и очарование детской игры[8].

Вопрос о статусе богини известен с самого начала — зачин гимна говорит сам за себя: «Артемиду... возлюбившую лук, и охоты, и травли... и хоровод круговой, и пляски на горных высотах... мы воспоем» (III, 1–3)[9]. Артемида-девочка просит у отца, сидя на коленях, «дар вековечного девства» (откуда ее эпитет παρθενίη — III, 110), «много имен», ведь во многих городах и землях будут ее почитать (ср. эпитет: πότνια, πουλυμέλαθρε, πολύπτολι — III 225), и чтобы «Феб не спорил со мною» (III, 6–7).

Мифология Аполлона и Артемиды своими истоками восходит к древнейшему близнечному мифу — близнецы брат и сестра, обладающие сверхъестественной силой, связаны с приро-

6. H. Herter. Kallimachos und Homer, op. cit., S. 565.

7. E. Howald, E. Staiger. Die Dichtungen des Kallimachos, op. cit., S. 72.

8. См. B. Snell. Die Entdeckung des Geistes – Studien zur Entstehung des Europäischen Denkens bei den Griechen. Hamburg, 1955., S. 381.

9. Ср.: древнейшая Артемида не только охотница, но и медведица. В Аттике жрицы Артемиды *Бравронии надевали в ритуальном* танце медвежьи шкуры и назывались медведицами (Aristoph. Lys. 645). У Каллимаха нигде об этом нет ни слова.

ния, как животной, так и растительной. Они являются олицетворением обильного плодородия, владеют силой исцеления. История их рождения обязательно сопряжена с долгими блужданиями матери, само рождение происходит у дерева (в нашем случае в разных вариантах это или пальма, или оливковое дерево, или два лавра). (Ср.: у Каллимаха гимн IV «К Делосу».) В таких мифах типичнейшая черта — сакрализация матери, табуирование имени отца. Как справедливо пишет А. А. Тахо-Годи, «...рудименты матриархального сознания и старого фетишизма неизменно сохранялись в греческом мифомышлении, причем не только в истории родового общества, но и во времена классики и даже на склоне античности»[10]. Вот почему Аполлон очень часто называется Летоидом. Артемида «Летоидой» именуется гораздо реже, но вот в третьем гимне она дважды будет названа именем матери — Λητωιάς (III, 45, 83). Соперничество между близнецами — древнейшая черта мифов такого рода (ср. хотя бы историю Прометея и Эпиметея, Пелея и Нелея). Для классической традиции такой мотив в мифологии Аполлона и Артемиды — редкость. Но у Каллимаха в третьем гимне проскальзывает замечание и на этот счет: желая сравняться в славе и почете со своим братом Аполлоном, Артемида попросит у Зевса равенства с ним. Классическая литературная традиция твердо помнит, что Аполлон и Артемида — брат и сестра, но их мифы, их функции сосуществуют как бы параллельно, не пересекаясь (за исключением мифа о Ниобе), хотя Артемида разделяет со своим братом все существенные свойства[11]. В гимнической традиции, если речь заходит о рождении Артемиды, то всегда следует только констатация, что Артемида — родная сестра Аполлона (ср. гомеровские гимны: Hom. hymn. Ap., 159–160, 165; IX, 1)[12]. Каллимах, как бы защищая право Артеми-

10. А. А. Тахо-Годи. Греческая мифология. М.: Искусство, 1989, с. 46.

11. В Аркадии Артемида всегда почиталась одна.

12. Гомеровские гимны «К Аполлону» цитируются здесь и далее в переводе В. Вересаева по изданию: Гомеровы гимны. Изд-во «Недра». М., 1926, где, согласно изданию Баумайстер а, они стоят под номерами I и II. В издании Аллена – это один гимн и идет в собрании третьим. Подробнее об издательской традиции гомеровских гимнов см.: Е. Рабинович. Боги Греции. В кн.: Гомеровы гимны. М.: «Carte Blanche», 1995, с. 3–30. См. также: Гомеровские гимны в кн.: Эллинские поэты VIII–III вв. до н. э. Эпос, элегия, ямбы, лирика. Издание подготовили М. Л. Гаспаров, О. П. Цыбенко, В. Н. Ярхо. М.: Ладомир, 1999, с. 125–177.

ды на первородство, вкладывает в ее уста такие слова: «Ве[illegible] один Аполлон — и я Лето порожденье» (III, 83). По миф[illegible] темида действительно родилась первой и потом помогла м[illegible] ри при родах Аполлона. Отсюда ее главнейшая функция — [illegible] ровать женщинам легкие роды, отсюда ее частое отождест[illegible] ние с Илифией.

Илифия (Εἰλείθυια, дор.Ἐλείθυια,Ἐλευθώ) — имя, как п[illegible] шет А. И. Зайцев[13], древнейшей минойской богини, пом[illegible] ницы при родах. По Гесиоду (Hes. Theog. 922), она дочь Зев[illegible] са и Геры; главная ее функция — родовспомогательница (Hom. Il. XVI, 187; Pind. P. 3, 9; N. 7, 1; Ol. 6, 42). Гомер (Hom. Il. XI, 270; XIX, 119) пишет даже о нескольких Илифиях — дочерях Геры. Сама Гера, как покровительница брака, также являлась для женщин помощницей при родах и наделялась эпитетом Илифии.

Каллимах связывает родовспомогательную функцию с Артемидой, называет это ее «первым делом» (III, 22); и в отождествлении Артемиды и Илифии данный контекст Каллимаха очень важен.

По орфическому мифу (Orph., frg. 188) — «Артемида стоит во главе природного рождения и, повивая физические логосы, простирается сверху до подземных... усиливая способность рождать»[14]. Устойчивая мифологическая традиция место рождения Аполлона и Артемиды связывает с островом Делос. Александрийцы — и Каллимах, и Аполлоний Родосский — охотно именуют Делос его древним именем — Ортигия. Вообще, остров Делос иногда называют то Кинфией, то Ортигией, то Хламидионом. Ортигия — от греч. «ὄρτυξ» — перепелка, т. е. это еще одна отсылка к древнейшему мифу, когда Астерия (будущий о. Делос) предпочла превратиться в перепелку, чем разделить ложе с Зевсом (IV, 244–248). Но если в эллинистической литературе Ортигия–Делос чаще ассоциировалась только с одним Аполлоном (Apoll. Rhod. I, 419, 537; IV, 1705), то Каллимах не однажды специально подчеркнет, что Ортигия — родина и Артемиды. Правда, следует учесть, что бытовала версия, связывающая рождение Артемиды с островом Ренеей, который нахо-

13. А. И. Зайцев. Греческая религия и мифология. СПб., 2004, с. 104.
14. Цит. по: А. Ф. Лосев. Мифология греков и римлян. М., 1996, с. 194.

лся так близко от Делоса, что Поликрат будто бы связал эти острова цепью. На Ренею увозили с Делоса беременных женщин и больных, т. к. на Делосе никто не должен был ни рождаться, ни умирать (сравни: Strab. X, 5, 5; Thuc. III, 104; Paus. II, 27, 18). Для Каллимаха Ортигия, безусловно, Делос. Здесь Артемида вместе с братом строит знаменитый роговой алтарь: «Роги ланей кинфских с охоты своей Артемида... приносила» (II, 60), а Аполлон складывал из рогов основание алтаря. Впоследствии на этом месте был основан знаменитейший храм Аполлона, который находился близ гавани, и при нем через каждые 5 лет происходили торжественные игры, для присутствия на которых все греческие государства посылали посольства (θεωρίαι). То, что Каллимах прочно связывает Делос с Артемидой, явствует из контекста эпиграммы 62 (Call. LXII, 2) и из фрагмента «Причин»: Артемида «на Делосской земле услышала клятву Кидиппы» (Call. Ai. IV, 26).

Даже будучи малым ребенком, Артемиду «заботят лишь стрелы, лук и заячьи охоты» — в этом убеждают нас и следующие эпизоды приобретения богиней собак и сцены охоты. В гомеровско-гесиодовской мифологии первая и главная ипостась Артемиды — богиня охоты (Hes. Theog. 918). Гомер (Hom. Il. XXI, 470) называет Артемиду «владычицей зверей» (πότνια θηρῶν)[15]. Поэтому такое значение Каллимах придает ее охотничьим атрибутам, одежде, удобной для охоты — «хитон, до колен лишь доходящий» (III, 11–12), откуда часто встречающийся эпитет Артемиды — Хитона (сравни: III, 225); и особым охотничьим сапожкам — Каллимах употребит здесь особое слово — ἔνδρομις — встречающееся только в этом контексте (III, 16). Отсюда понятная ее любовь к уединенным лесам и горам. Но в перечисление владений Артемиды попадают и гавани (III, 39). Комментируя это место, еще Шпанхейм говорил об Артемиде как о богине, покровительствующей рыболовству[16]. (Сравни контекст у Плутарха (Plut. De sollert. animal. 965 CD), из которого яв-

15. Артемида особое покровительство оказывает овцам, козам, быкам, ланям, кабанам, она укрощает львов. (Ср.: Hom. Od. VI, 102 и др.)

16. Цит. по: Н. А. Демина. Культ Артемиды Агротеры в Аттике. Античный мир и археология. Изд-во Саратовского университета, 1974, с. 36.

ствует, что Артемиду почитают лучшими частями мор[illegible] улова).

Не менее, чем охотничье снаряжение, Артемиду заб[illegible] ее *спутницы*. Поэтому она сразу у Зевса просит:

Дай шестьдесят дочерей Океановых, резвых плясуний[illegible]
(III. [illegible]

Дай в прислужницы мне два десятка нимф амнисийских
(III. [illegible]

И Океан, и Титанида Тефиса рады, что такой почести удостоились их дочери–Океаниды (III, 44). Рада и река Кэрат, что ее 20 Амнисиад «...от упряжки твоей отрешают Ланей усталых, скребницей их чешут и корм задают им» (III, 44, 162–163). Но почему Амнисиады? А вот это как раз характернейший поэтический прием Каллимаха: он ни словом не оговаривается, что Кэрат — древнее название реки Амнис, неподалеку от Кносса, что местность по реке Амнису была излюбленным местопребыванием Артемиды, что там, наконец, около корабельной стоянки находилось святилище Артемиды Илифии (Strab. X, IV, 8). Лишь два ключевых слова — Кэрат и Амнисиады, все остальное в подтексте. Такая поэтическая манера Каллимаха, конечно же, требует и читательской подготовки у современного читателя, и особого комментария, почему в новое время Каллимаха традиционно причисляют к трудным авторам.

Почти во всех «*больших*» гекзаметрических гимнах, известных нам, нарративно–эпическая часть посвящена путешествиям. Много городов, островов и гор посетила Лето, мучаясь родами (Hom. hymn., Ap., 30–49); много мест обошел Аполлон в поисках священной земли для своего храма (Hom. hymn., Ap., 215–284). (Интересно сравнить пространственно–географические представления поэта VII в. до н. э. — этим временем обычно датируется гомеровский гимн — и Каллимаха). Следуя эпической традиции, Каллимах также подробнейшим образом останавливается на странствиях Реи (I, 15–27), на мучительных скитаниях Лето (IV, 69–195). Хорография — родная стихия для Каллимаха, он знает бесчисленное число городов, гор, рек, проливов, островов, знает их *старые и новые* именования, древнейшие предания, ми-

...ы, связанные с теми или иными местными божествами, ме...та и храмы их почитания. Вот где знаменитая ученость по...та сказывается во всей полноте: порой отдельные фрагмен...ты гимнов напоминают справочник по географии (ср. хотя ...ы I, 18–27).

После знаменитой сцены у Зевса Артемида начинает свое ...тешествие, связанное с местами ее охоты, т. е. с местами ее особого почитания, ее храмами. Сразу же, как только «в путь отправилась дева» (III, 40), она поспешила на критскую Белую гору. Как и большинство греческих богов, образ Артемиды, хотя и не восходит непосредственно к минойским божествам крито-микенского времени, однако унаследовал целый ряд черт минойско-микенской богини — «πότνια θηρῶν» (владычица зверей)[17]. Поэтому древнейший культ богини — критский. Здесь на одном из отрогов Белых гор находился знаменитейший храм Артемиды Диктинны, или Бритомартис[18]. На легенде о нимфе Бритомартис, отождествляемой с самой Артемидой, на описании ее культа Каллимах останавливается очень подробно (III, 189–205), всячески подчеркивая ее критское происхождение: «среди них возлюбила ты дивно гортинскую нимфу...» (III, 180).

Значительность италийского путешествия Артемиды подчеркивается объемом этого эпизода — 40 стихов посвящает Каллимах посещению Артемидой со спутницами киклопов. Киклопы, занятые тем, что «чашу ковали они, водопой Посейдоновым коням» (III, 50), напугали спутниц Артемиды своим свирепым видом, еще больше напугал их шум от наковальни и кузнечных мехов. Испуганные до слез, Океаниды дрожали так же, как и любой расшалившийся ребенок, когда мать усмиряет его, позвав на подмогу Гермеса, вымазанного сажей (III, 69–71). Здесь опять, как и в начальной сцене, реалистическое описание поведения ребенка; эта сцена, как и предыдущая — удивительная находка и игра фантазии поэта. Но на фоне такой реалистичной, бытовой зарисовки Каллимах не преминет подбросить несколько «загадок» читателю (в сво-

17. По Диодору (V, 77.3 и сл.), большая часть греческих божеств распространилась по разным местам именно с Крита. Среди этих божеств Диодор называет Деметру, Афродиту, Аполлона и Артемиду.

18. Подборку материалов по Диктине-Бритомартис см.: А. Ф. Лосев. Мифология греков и римлян. М., 1996, с. 131–132..

ей обычной поэтической манере). В отличие от Океанид, Артемида — ей тогда еще меньше было лет, чем теперешним ее спутницам — при посещении кузницы Гефеста, сидя на коленях киклопа Бронтея, вырвала у него клок волос на груди. Эта часть груди киклопа навсегда осталась безволосой: так бывает, если у человека на голове заведется «ἀλώπηξ» — лисица (III, 79). Скорее всего Каллимах имел здесь в виду болезнь — особый вид чесотки, которая называлась «ἀλωπεκία». Столь же двусмысленно звучит просьба Артемиды, обращенная к сицилийским киклопам: «...Живей снарядите мне лук кидонийский» (III, 81). Чаще всего в литературе кидонийцы — жители Крита, прославленные кузнецы и оружейники, Кидонией назывался их город. Но почему в Сицилии киклопы должны делать критский лук? На этот раз разгадка проста: Кидонией назывались города также и в Сицилии, и в Ливии.

Сразу от киклопов, получив доспехи, Артемида поспешила в свой излюбленный край — в Аркадию. Там она посетила Пана (опять удивительная по своей натуралистичности сцена: Пан «резал на доли Меналийскую рысь, плодовитых сук насыщая» — III, 88–89), от Пана она получила удивительных охотничьих собак[19]. Здесь же, в Аркадии, на реке Келадон, у Паррасийской горы, Артемида настигла знаменитых огромных ланей, четырех сразу же «в свою запрягла колеснищу» (III, 100–106), а одна убежала, ведь именно эта лань станет героиней последнего подвига Геракла. Начав с южных краев почитания Артемиды (Крит), Каллимах назовет и самый северный греческий регион распространения ее культа (Фракия) — там, на Геме Фракийском срубила и на Олимпе мисийском зажгла богиня свой факел (III, 114–117). Окончательно снарядившись, богиня приступает к свершению подвигов, предварительно четырежды испытав серебряный лук.

Среди гимнов Каллимаха гимн «К Артемиде» считается самым нетрадиционным[20]: в нем собственно эпические эпизоды, составляющие две трети гимна, непоследовательно и

19. Эпизод с собаками (III, 90–97) — настоящая научная справка для кинолога. Ср.: Ксенофонт свой трактат об охоте начинает так: «Охота и собака — изобретение богов, Аполлона и Артемиды» (Xenoph. De venat, 1).

20. Г. Гертер считал этот гимн «наименее удачной попыткой Каллимаха»; что это «скорее эпилий, чем гимн». — H. Herter. Kallimachos aus Kyrene, op. cit., S. 455.

нелогично, с гимнической точки зрения, соединяются с лирическими. Первый значительный лирический эпизод — явление Артемиды людям как богини карающей или милующей (III, 122–135). Страшно жить в городе нечестивых мужей, на которых Артемида разгневается, но сколь счастливы те, на кого богиня посмотрит с улыбчивой милостью! Главное для поэта, что в домах счастливых городов царят согласие и любовь, люди в мире и покое доживают до глубокой старости. Любопытно, как Каллимах говорит о счастливом доме, там «...ставят согласно / Рядом сиденья свои за столом золовки и снохи» (III, 135). И следом — страстная мольба, личное обращение к богине: «К ним же да сопричтется и друг мой, кто друг мне по правде (φίλος... ἀληθής), / Да сопричтусь я и сам, госпожа!» (III, 136–137). Лирическое, личностное начало звучит и в концовке гимна: «В почести да не откажет никто Артемиде» (III, 260), «...к песне моей будь благосклонна» (III, 268).

Путешествие Артемиды закончилось, но перед тем как перейти к конечной цели пути, ведь Артемида приходит на Олимп, «в небесные домы Зевеса» (III, 141), Каллимах неожиданно обращается к новому вступлению, второму зачину (III, 137–140). Здесь поэт говорит, что прославления, песни достойны не только колчан, колесница и собаки богини, но и брак Лето, и Аполлон, и все вообще деяния Артемиды. Стихи второго зачина еще раз убеждают в особой композиции гимна: здесь нет описания конкретного культа, нет «религиозных рамок», как в гимнах V, VI и отчасти II, нет воспроизведения просто внешней обстановки, как в гимне I. Более близкая связь обнаруживается между III и IV гимнами. Но если в IV гимне эпические эпизоды сменяют друг друга почти без нарушения временно́й и сюжетной последовательности, III гимн конструируется как бы из совершенно разрозненных мотивов, эпизодов, сцен. Недаром У. Виламовиц–Меллендорф считал III гимн «совершенно свободным творением»[21].

На Олимпе Артемиду встречают Гермес Акакесий (Гермес Милостивый), он принимает доспехи, Аполлон, но нетерпеливее всех поджидает богиню Геракл, «он подле ворот сто-

21. U. von Wilamowitz-Moellendorff, op. cit., S. 197.

рожит, смотря еще издали, нет ли / Тучной снеди... для него» (III, 147–148). Сцена на Олимпе, пожалуй, самая обытовленная и юмористическая: боги и теща сама (это о Гере!) весело смеются над прожорливостью Геракла; но опять, как всегда у Каллимаха, самое реалистическое, самое бытовое описание дополняется мифологическими элементами, как бы не давая забыть, о каких персонажах идет речь. Снижая, «заземляя» образ Геракла, Каллимах в то же время напомнит о его трагедии, ведь «богом он стал через дуб фригийский» (III, 159), т. е. взойдя добровольно на костер. Встреча Артемиды в доме Зевса близка к сцене встречи Аполлона в гомеровском гимне (Hom. hymn. Ap., 2–11). Так же приветствуют богиню все олимпийцы и «кличут / Рядом с собою воссесть» (III, 169), Аполлона Лето сажает рядом с Зевсом (в гомеровском гимне), Артемида же садится поближе к Аполлону (у Каллимаха). В гомеровском прототипе путешествие бога почти всегда заканчивается установлением его культа, устройством храма и обязательно веселым хороводом, праздником. Так, в гомеровском гимне «длиннохитонные сходятся... ионийцы на праздник» (Hom. hymn. Ap., 150); «...топая дружно ногами, / Критяне следом спешили в Пифон и пэан распевали» (Hom. hymn. Ap., 338–339). У Каллимаха ни один гимн (за исключением V гимна, где есть лишь упоминание о хороводах) не обходится без обстоятельного, подробного описания плясок, хороводов, шествий. В I гимне — это шумная военная пляска Куретов (I, 52–54), во II гимне — хор и пляска юношей у храма Аполлона (II, 8–13), хоровод белокурых ливиек на Карнейских торжествах (II, 86–93), в IV гимне — хоровод и ритуальная пляска под предводительством Тезея (IV, 300–313; 320–324), в VI гимне — шествие в честь Деметры (VI, 1–6). Хороводы эти всегда шумные, веселые, под звуки флейты, песен, с громким топотом ног; мужские хороводы сопровождаются криками, бряцанием оружия, громкими возгласами. Боги всегда ревниво следят за хороводами в их честь (ср. во II гимне: Аполлон показывает хоровод мужей в доспехах и белокурых ливиек своей подруге — II, 90), горе тому, кто не примет участия в общем веселье.

Даже саму амазонку Гиппо не пощадила Артемида за то, что та не приняла участия в танце перед ее алтарем (III, 266–267). И еще важная деталь — хороводы, праздники в

честь бога должны быть долгими, если они хороши.

В нашем гимне хоровод в честь Артемиды — где бы он ни был: от «истоков египетской влаги Инопа» до «скифских пределов» (поэт как бы мысленным взором окидывает все места почитания Артемиды) — всегда настолько хорош, что «бог солнцезарный, / С неба такой хоровод приметив, коней остановит, / Залюбовавшись; а дня между тем теченье продлится» (III, 180–182).

В данном случае Каллимах образно подчеркивает долготу дня: пусть в такой день не выходят на пашню мои быки, даже если они самой крепкой, стимфейской породы, ведь даже они за такой длинный день вернутся в стойло разбитыми (III, 175–180). Не менее замечательный хоровод в честь Артемиды вели амазонки у деревянного кумира богини в Эфесе: сначала они плясали «бранную пляску... щитами вращая», а потом «хоровод по кругу вели», и звуки свирели неслись до Берекинфа, до Сард (III, 240–247).

Между этими двумя хороводами мифологически самый насыщенный эпизод гимна (III, 170–236): здесь Каллимах перечислит большое число мест, островов, заливов, городов, храмов, вершин гор, где культ Артемиды является основным или одним из основных; здесь он называет около 20 мифологических персонажей, связанных мифологически с Артемидой. Вся эта пестрая мозаика как будто быстро вращается в некоем калейдоскопе, где отдельные эпизоды вдруг высвечиваются крупно и рельефно (скажем, эпизод о Британартис, о Калидонской охоте, о двух храмах, построенных Пройтом), но чаще — лишь одним намеком, именем (Рамнусийская Елена, Агамемнон). Вот, например, образец поэтической манеры Каллимаха. В этом же эпизоде речь идет об охотницах, подругах Артемиды. Из них он называет пятерых: Британартис, Кирену, Прокриду, Антиклею и Аталанту. Первой будет посвящен красочный эпизод, целиком выдержанный в гомеровском духе; кратко, но все же это будет рассказ — о Кирене (III, 206–208); иносказательно упомянет Прокриду, «супругу Кефала, Дейонова сына» (III, 209), и совсем мимоходом — Антиклею (III, 211). (Настолько мимоходом, что комментаторы сомневаются, имеется ли в виду Антиклея — дочь Автолика, жена Лаэрта, мать Одиссея, или какая-нибудь другая Антиклея.) В

какой–то степени этот прием Каллимаха можно попытаться объяснить так: если о том или ином мифическом герое речь шла в каком–нибудь из гимнов (в данном случае Кирена — героиня II гимна), поэт будет краток.

Огромный пласт мифологических преданий, связанных с Артемидой, остается в подтексте, обнаруживая себя лишь в том или ином эпитете. Вот перечень подобных эпитетов: Τιτυοκτόνε (III, 110), πότνια Μουνιχίη λιμενοσκόπε... Φεραίη (III, 259), Χησιὰς Ἰμβρασίη πρωτόθρονε (III, 228), πότνια πουλυμέλαθρε πολύπτολι... Χιτώνη (III, 225), Μιλήτω ἐπίδεμε (III, 226), Λιμένεσσιν ἐπίσκοπος (III, 39), Λητωιάς (III, 83), Οὔπι ἄνασσ' εὐῶπι φαεσφόρε (III, 204), Ἡμέρη (III, 236) и т. д.

Из сказанного очевидно, что Каллимах в мифологию Артемиды не привносит что–либо принципиально новое; его представление о богине, ее культе, местах ее почитания целиком выдержаны в традициях классической мифологии — Гомера и Гесиода. Можно даже сказать, что Каллимах намеренно подчеркивает свою приверженность классике в данном случае. Даже говоря об Артемиде Эфесской, при всей любви к эпитетам он не употребляет такой характернейший для этого культа эпитет богини — πολύμαστος. При этом не надо забывать, что в раннем эллинизме процесс разрушения и размывания мифа Артемиды привел к тому, что функции Артемиды — Гекаты — Селены почти слились, произошло их почти полное отождествление. Характернейший пример — II идиллия Феокрита. То же можно видеть и у Аполлония Родосского[22].

Цель Каллимаха в другом, он стремится как можно шире и глубже актуализировать прошлое и на традиционной мифологической основе представить и оценить мифологию Артемиды с новых художественно–эстетических позиций. Для эпического художника чем обычнее и традиционнее изображаемый им предмет или образ, тем он лучше, тем он нужнее. «Ничего не привносить от себя, ничем не нарушать традиционную тематику и поэтику — это иде-

22. См. подробнее на эту тему: В. П. Завьялова. Мифология Артемиды в раннеэллинистической поэзии. Классические языки и индоевропейское языкознание. СПб., 1998, с. 270–276.

ал эпического художника. Изображенная им действительность как бы сама говорит о себе и как бы сама говорит от себя»[23]. С точки зрения поэтической техники — Каллимах целиком во власти этой тенденции, отсюда его явная архаизирующая, гомеровская стилизация. Но для Каллимаха характерно стремление не просто стилизовать гомеровскую традицию, а как бы «перешагнуть» ее, дойти до самых истоков мифа, обратить внимание на историю далеких «позавчерашних» эпох с целью их синтезирования, особой художественной обработки, извлечения из них вечных символов и вечных аналогий.

Вот почему при чтении III гимна основные сюжеты мифологии Артемиды кажутся осложненными большим количеством дополнительных сведений; на чем–то поэт останавливается подробнее, а что–то упоминает вскользь, с помощью эпитета, отдавая предпочтение сюжетам наиболее древним и более спорным. Пестрота тематики приводит к поэтической изощренности, к обилию редких и редчайших мифологических имен и географических названий. Читателя, привыкшего к неторопливой последовательности и ясности гомеровских гимнов, подобная скачкообразность может и утомлять, и раздражать. Действительно, в большинстве случаев основная фабула мифа для Каллимаха отступает на второй план, и он ограничивается лишь упоминанием многих мифов, многих сюжетов, соотнесенных с той или иной ситуацией. Создается впечатление, что поэт как бы «нанизывает» мифологические факты, почти не заботясь об их взаимосвязанности; именно подробности и детали, эпитеты и именования богини и являются главной заботой поэта; старые сюжеты, гомеровская поэтическая техника — лишь канва. Главным импульсом его творчества, главной целью является стремление дать целостное, универсальное представление об Артемиде. Такой универсальный, энциклопедический подход к объекту описания в рамках художественного произведения не только новое явление в гимнической литературе, но и весьма характерное для культуры эллинизма в целом.

23. А. Ф. Лосев. Гомер. М., 1996, с. 187.

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ГИМНА

ст. 1–3	*зачин* гимна. Краткое обозначение основной темы: Артемида, «возлюбившая лук, охоты, травли, хоровод круговой и пляски»;
4–40	*мифологическая narratio*: сцена посещения Зевса;
41–109	путешествие Артемиды;
41–45	Крит;
46–86	посещение киклопов на острове Липара;
87–97	посещение Пана в Аркадии;
98–109	описание первой охоты Артемиды на ланей;
110–119	*второй зачин* гимна. Характерные эпиклезы Артемиды: Дева, убийца Тития. Явление богини в славе: золотая колесница, серебряный лук, смолистый светоч;
120–169	продолжение мифологической narratio;
122–136	отступление о карах и милостях Артемиды людям;
137	лирическое личное отступление;
138–169	Артемида в доме Зевса на Олимпе;
170–182	описание хороводов в честь Артемиды;
183–225	перечисление любимых географических мест и спутниц Артемиды;
226–258	перечисление наиболее известных храмов Артемиды;
233–236	отступление: миф о дочерях Пройта;
237–258	эпизод, посвященный храму Артемиды в Эфесе;
259–268	*концовка* гимна.

ΕΙΣ ΑΡΤΕΜΙΝ

Ἄρτεμιν (οὐ γὰρ ἐλαφρὸν ἀειδόντεσσι λαθέσθαι)
ὑμνέομεν, τῇ τόξα λαγωβολίαι τε μέλονται
καὶ χορὸς ἀμφιλαφὴς καὶ ἐν οὔρεσιν ἐφιάασθαι,
ἄρχμενοι ὡς ὅτε πατρὸς ἐφεζομένη γονάτεσσι
παῖς ἔτι κουρίζουσα τάδε προσέειπε γονῆα·
«δός μοι παρθενίην αἰώνιον, ἄππα, φυλάσσειν.
καὶ πολυωνυμίην, ἵνα μή μοι Φοῖβος ἐρίζῃ.
δὸς δ' ἰοὺς καὶ τόξα-ἔα πάτερ, οὔ σε φαρέτρην
οὐδ' αἰτέω μέγα τόξον· ἐμοὶ Κύκλωπες ὀιστούς
αὐτίκα τεχνήσονται, ἐμοὶ δ' εὐκαμπὲς ἄεμμα·
ἀλλὰ φαεσφορίην τε καὶ ἐς γόνυ μέχρι χιτῶνα
ζώννυσθαι λεγνωτόν, ἵν' ἄγρια θηρία καίνω.
δὸς δέ μοι ἑξήκοντα χορίτιδας Ὠκεανίνας,
πάσας εἰνέτεας, πάσας ἔτι παῖδας ἀμίτρους.

δὸς δέ μοι ἀμφιπόλους Ἀμνισίδας εἴκοσι νύμφας,
αἵ τε μοι ἐνδρομίδας τε καὶ ὁππότε μηκέτι λύγκας
μήτ' ἐλάφους βάλλοιμι, θοοὺς κύνας εὖ κομέοιεν.
δὸς δέ μοι οὔρεα πάντα· πόλιν δέ μοι ἤντινα νεῖμον
ἤντινα λῇς· σπαρνὸν γὰρ ὅτ' Ἄρτεμις ἄστυ κάτεισιν·
οὔρεσιν οἰκήσω, πόλεσιν δ' ἐπιμείξομαι ἀνδρῶν
μοῦνον ὅτ' ὀξείῃσιν ὑπ' ὠδίνεσσι γυναῖκες
τειρόμεναι καλέωσι* βοηθόον, ἧσί με Μοῖραι
γεινομένην τὸ πρῶτον ἐπεκλήρωσαν ἀρήγειν,
ὅττι με καὶ τίκτουσα καὶ οὐκ ἤλγησε φέρουσα
μήτηρ, ἀλλ' ἀμογητὶ φίλων ἀπεθήκατο γυίων.»
ὣς ἡ παῖς εἰποῦσα γενειάδος ἤθελε πατρός
ἅψασθαι, πολλὰς δὲ μάτην ἐτανύσσατο χεῖρας
μέχρις ἵνα ψαύσειε. πατὴρ δ' ἐπένευσε γελάσσας,
φῇ δὲ καταρρέζων· «ὅτε μοι τοιαῦτα θέαιναι
τίκτοιεν, τυτθόν κεν ἐγὼ ζηλήμονος Ἥρης
χωομένης ἀλέγοιμι. φέρευ, τέκος, ὅσσ' ἐθελημός
αἰτίζεις, καὶ δ' ἄλλα πατὴρ ἔτι μείζονα δώσει.
τρὶς δέκα τοι πτολίεθρα καὶ οὐχ ἕνα πύργον ὀπάσσω,
τρὶς δέκα τοι πτολίεθρα, τὰ μὴ θεὸν ἄλλον ἀέξειν
εἴσεται, ἀλλὰ μόνην σὲ καὶ Ἀρτέμιδος καλέεσθαι·
πολλὰς δὲ ξυνῇ πόλιας διαμετρήσασθαι
μεσσόγεως νήσους τε· καὶ ἐν πάσῃσιν ἔσονται
Ἀρτέμιδος βωμοί τε καὶ ἄλσεα. καὶ μὲν ἀγυιαῖς
ἔσσῃ καὶ λιμένεσσιν ἐπίσκοπος.» ὣς ὁ μὲν εἰπών
μῦθον ἐπεκρήηνε καρήατι. βαῖνε δὲ κούρη
Λευκὸν ἔπι Κρηταῖον ὄρος κεκομημένον ὕλῃ,
ἔνθεν ἐπ' Ὠκεανόν· πολέας δ' ἐπελέξατο νύμφας,
πάσας εἰνέτεας, πάσας ἔτι παῖδας ἀμίτρους·
χαῖρε δὲ Καίρατος ποταμὸς μέγα, χαῖρε δὲ Τηθύς,
οὕνεκα θυγατέρας Λητωίδι πέμπον ἀμορβούς.

αὖθι δὲ Κύκλωπας μετεκίαθε· τοὺς μὲν ἔτεμε
νήσῳ ἐνὶ Λιπάρῃ (Λιπάρη νέον, ἀλλὰ τότ' ἔσκεν
οὔνομά οἱ Μελιγουνίς) ἐπ' ἄκμοσιν Ἡφαίστοιο
ἑσταότας περὶ μύδρον· ἐπείγετο γὰρ μέγα ἔργον·
ἱππείην τετύκοντο Ποσειδάωνι ποτίστρην.
αἱ νύμφαι δ' ἔδδεισαν, ὅπως ἴδον αἰνὰ πέλωρα
πρηόσιν Ὀσσαίοισιν ἐοικότα (πᾶσι δ' ὑπ' ὀφρύν
φάεα μουνόγληνα σάκει ἴσα τετραβοείῳ
δεινὸν ὑπογλαύσσοντα) καὶ ὁππότε δοῦπον ἄκουσαν

ἄκμονος ἠχήσαντος ἐπὶ μέγα πουλύ τ᾽ ἄημα
φυσάων αὐτῶν τε βαρὺν στόνον· αὖε γὰρ Αἴτνη,
αὖε δὲ Τρινακρίη Σικανῶν ἔδος, αὖε δὲ γείτων
Ἰταλίη, μεγάλην δὲ βοὴν ἐπὶ Κύρνος ἄϋτει,
εὖθ᾽ οἵγε ῥαιστῆρας ἀειράμενοι ὑπὲρ ὤμων
ἢ χαλκὸν ζείοντα καμινόθεν ἠὲ σίδηρον
ἀμβολαδὶς τετύποντες ἐπὶ μέγα μυχθίσσειαν.
τῷ σφέας οὐκ ἐτάλασσαν ἀκηδέες Ὠκεανῖναι
οὔτ᾽ ἄντην ἰδέειν οὔτε κτύπον οὔασι δέχθαι.
οὐ νέμεσις· κείνους γε καὶ αἱ μάλα μηκέτι τυτθαί
οὐδέποτ᾽ ἀφρικτὶ μακάρων ὁρόωσι θύγατρες.
ἀλλ᾽ ὅτε κουράων τις ἀπειθέα μητέρι τεύχοι,
μήτηρ μὲν Κύκλωπας ἐῇ ἐπὶ παιδὶ καλιστρεῖ,
Ἄργην ἢ Στερόπην· ὁ δὲ δώματος ἐκ μυχάτοιο
ἔρχεται Ἑρμείης σποδιῇ κεχριμένος αἰθῇ·
αὐτίκα τὴν κούρην μορμύσσεται, ἡ δὲ τεκούσης
δύνει ἔσω κόλπους θεμένη ἐπὶ φάεσι χεῖρας.
κοῦρα, σὺ δὲ προτέρω περ, ἔτι τριέτηρος ἐοῦσα,
εὖτ᾽ ἔμολεν Λητώ σε μετ᾽ ἀγκαλίδεσσι φέρουσα,
Ἡφαίστου καλέοντος ὅπως ὀπτῆρια δοίη,
Βρόντεώ σε στιβαροῖσιν ἐφεσσαμένου γονάτεσσι,
στήθεος ἐκ μεγάλου λασίης ἐδράξαο χαίτης,
ὤλοψας δὲ βίηφι· τὸ δ᾽ ἄτριχον εἰσέτι καὶ νῦν
μεσσάτιον στέρνοιο μένει μέρος, ὡς ὅτε κόρσῃ
φωτὸς ἐνιδρυθεῖσα κόμην ἐπενείματ᾽ ἀλώπηξ.
τῷ μάλα θαρσαλέῃ σφε τάδε προσελέξαο τῆμος·
«Κύκλωπες, κῆμοί τι Κυδώνιον εἰ δ᾽ ἄγε τόξον
ἠδ᾽ ἰοὺς κοίλην τε κατακληῖδα βελέμνων
τεύξατε· καὶ γὰρ ἐγὼ Λητωιὰς ὥσπερ Ἀπόλλων.
αἰ δέ κ᾽ ἐγὼ τόξοις μονιὸν δάκος ἤ τι πέλωρον
θηρίον ἀγρεύσω, τὸ δέ κεν Κύκλωπες ἔδοιεν.»
ἔννεπες· οἱ δ᾽ ἐτέλεσσαν· ἄφαρ δ᾽ ὡπλίσσαο, δαῖμον.
αἶψα δ᾽ ἐπὶ σκύλακας πάλιν ἤιες· ἴκεο δ᾽ αὖλιν
Ἀρκαδικὴν ἔπι Πανός. ὁ δὲ κρέα λυγκὸς ἔταμνε
Μαιναλίης, ἵνα οἱ τοκάδες κύνες εἶδαρ ἔδοιεν.
τὶν δ᾽ ὁ γενειήτης δύο μὲν κύνας ἥμισυ πηγούς,
τρεῖς δὲ παρουαίους*, ἕνα δ᾽ αἰόλον, οἵ ῥα λέοντας
αὐτοὺς αὖ ἐρύοντες, ὅτε δράξαιντο δεράων,
εἶλκον ἔτι ζώοντας ἐπ᾽ αὐλίον, ἑπτὰ δ᾽ ἔδωκε
θάσσονας αὐράων Κυνοσουρίδας, αἵ ῥα διῶξαι

ὤκισται νεβρούς τε καὶ οὐ μύοντα λαγωόν
καὶ κοίτην ἐλάφοιο καὶ ὕστριχος ἔνθα καλιαί
σημῆναι καὶ ζορκὸς ἐπ᾽ ἴχνιον ἠγήσασθαι.
ἔνθεν ἀπερχομένη (μετὰ καὶ κύνες ἐσσεύοντο)
εὗρες ἐπὶ προμολῆσ᾽ ὄρεος τοῦ Παρρασίοιο
σκαιρούσας ἐλάφους, μέγα τι χρέος· αἱ μὲν ἐπ᾽ ὄχθῃς
αἰὲν ἐβουκολέοντο μελαμψήφιδος Ἀναύρου,
μάσσονες ἢ ταῦροι, κεράων δ᾽ ἀπελάμπετο χρυσός·
ἐξαπίνης δ᾽ ἔταφές τε καὶ ὃν ποτὶ θυμὸν ἔειπες·
«τοῦτό κεν Ἀρτέμιδος πρωτάγριον ἄξιον εἴη.»
πέντ᾽ ἔσαν αἱ πᾶσαι· πίσυρας δ᾽ ἕλες ὦκα θέουσα
νόσφι κυνοδρομίης, ἵνα τοι θοὸν ἅρμα φέρωσι.
τὴν δὲ μίαν Κελάδοντος ὑπὲρ ποταμοῖο φυγοῦσαν
Ἥρης ἐννεσίῃσιν, ἀέθλιον Ἡρακλῆι
ὕστερον ὄφρα γένοιτο. πάγος Κερύνειος ἔδεκτο.
Ἄρτεμι Παρθενίη Τιτυοκτόνε, χρύσεα μέν τοι
ἔντεα καὶ ζώνη, χρύσεον δ᾽ ἐζεύξαο δίφρον,
ἐν δ᾽ ἐβάλευ χρύσεια, θεή, κεμάδεσσι χαλινά.
ποῦ δέ σε τὸ πρῶτον κερόεις ὄχος ἤρξατ᾽ ἀείρειν;
Αἴμῳ ἐπὶ Θρήικι, τόθεν βορέαο κατᾶιξ
ἔρχεται ἀχλαίνοισι δυσαέα κρυμὸν ἄγουσα.
ποῦ δ᾽ ἔταμες πεύκην, ἀπὸ δὲ φλογὸς ἧψαο ποίης;
Μυσῷ ἐν Οὐλύμπῳ, φάεος δ᾽ ἑνέηκας ἀυτμήν
ἀσβέστου, τό ῥα πατρὸς ἀποστάζουσι κεραυνοί.
ποσσάκι δ᾽ ἀργυρέοιο, θεή, πειρήσαο τόξου;
πρῶτον ἐπὶ πτελέην, τὸ δὲ δεύτερον ἧκας ἐπὶ δρῦν,
τὸ τρίτον αὖτ᾽ ἐπὶ θῆρα. τὸ τέτρατον οὐκέτ᾽ ἐπὶ δρῦν,
ἀλλά μιν εἰς ἀδίκων ἔβαλες πόλιν, οἵ τε περὶ σφέας
οἵ τε περὶ ξείνους ἀλιτήμονα πολλὰ τέλεσκον.
σχέτλιοι, οἷς τύνη χαλεπὴν ἐμμάξεαι ὀργήν·
κτήνεά φιν λοιμὸς καταβόσκεται, ἔργα δὲ πάχνη,
κείρονται δὲ γέροντες ἐφ᾽ υἱάσιν, αἱ δὲ γυναῖκες
ἢ βληταὶ θνήσκουσι λεχωΐδες ἠὲ φυγοῦσαι
τίκτουσιν τῶν οὐδὲν ἐπὶ σφυρὸν ὀρθὸν ἀνέστη.
οἷς δέ κεν εὐμειδής τε καὶ ἵλαος αὐγάσσηαι,
κείνοις εὖ μὲν ἄρουρα φέρει στάχυν, εὖ δὲ γενέθλη
τετραπόδων, εὖ δ᾽ οἶκος ἀέξεται· οὐδ᾽ ἐπὶ σῆμα
ἔρχονται πλὴν εὖτε πολυχρόνιόν τι φέρωσιν·
οὐδὲ διχοστασίη τρώει γένος, ἥ τε καὶ εὖ περ
οἴκους ἐστηῶτας ἐσίνατο· ταὶ δὲ θυωρόν

εἰνάτερες γαλόῳ τε μίαν πέρι δίφρα τίθενται.
πότνια, τῶν εἴη μὲν ἐμοὶ φίλος ὅστις ἀληθής,
εἴην δ᾽ αὐτός, ἄνασσα, μέλοι δέ μοι αἰὲν ἀοιδή·
τῇ ἕνι μὲν Λητοῦς γάμος ἔσσεται, ἐν δὲ σὺ πολλή,
ἐν δὲ καὶ Ἀπόλλων, ἐν δ᾽ οἵ σεο πάντες ἄεθλοι,
ἐν δὲ κύνες καὶ τόξα καὶ ἄντυγες, αἵ τε σε ῥεῖα
θηητὴν φορέουσιν ὅτ᾽ ἐς Διὸς οἶκον ἐλαύνεις.
ἔνθα τοι ἀντιόωντες ἐνὶ προμολῇσι δέχονται
ὅπλα μὲν Ἑρμείης Ἀκακήσιος, αὐτὰρ Ἀπόλλων
θηρίον ὅττι φέρῃσθα—πάροιθέ γε, πρίν περ ἱκέσθαι
καρτερὸν Ἀλκείδην· νῦν δ᾽ οὐκέτι Φοῖβος ἄεθλον
τοῦτον ἔχει, τοῖος γὰρ ἀεὶ Τιρύνθιος ἄκμων
ἕστηκε πρὸ πυλέων ποτιδέγμενος, εἴ τι φέρουσα
νεῖαι πῖον ἔδεσμα· θεοὶ δ᾽ ἐπὶ πάντες ἐκείνῳ
ἄλληκτον γελόωσι, μάλιστα δὲ πενθερὴ αὐτή,
ταῦρον ὅτ᾽ ἐκ δίφροιο μάλα μέγαν ἢ ὄγε χλούνην
κάπρον ὀπισθιδίοιο φέροι ποδὸς ἀσπαίροντα·
κερδαλέῳ μύθῳ σε, θεή, μάλα τῷδε πινύσκει·
«βάλλε κακοὺς ἐπὶ θῆρας, ἵνα θνητοί σε βοηθόν
ὡς ἐμὲ κικλήσκωσιν. ἔα πρόκας ἠδὲ λαγωούς
οὔρεα βόσκεσθαι· τί δέ κεν πρόκες ἠδὲ λαγωοί
ῥέξειαν; σύες ἔργα, σύες φυτὰ λυμαίνονται.
καὶ βόες ἀνθρώποισι κακὸν μέγα· βάλλ᾽ ἐπὶ καὶ τούς.»
ὣς ἔνεπεν, ταχινὸς δὲ μέγαν περὶ θῆρα πονεῖτο.
οὐ γὰρ ὅγε Φρυγίῃ περ ὑπὸ δρυὶ γυῖα θεωθείς
παύσατ᾽ ἀδηφαγίης· ἔτι οἱ πάρα νηδὺς ἐκείνη,
τῇ ποτ᾽ ἀροτριόωντι συνήντετο Θειοδάμαντι.
σοὶ δ᾽ Ἀμνισιάδες μὲν ὑπὸ ζεύγληφι λυθείσας
ψήχουσιν κεμάδας, παρὰ δέ σφισι πουλὺ νέμεσθαι
Ἥρης ἐκ λειμῶνος ἀμησάμεναι φορέουσιν
ὠκύθοον τριπέτηλον, ὃ καὶ Διὸς ἵπποι ἔδουσιν·
ἐν καὶ χρυσείας ὑπολῃνίδας ἐπλήσαντο
ὕδατος, ὄφρ᾽ ἐλάφοισι ποτὸν θυμάρμενον εἴη.
αὐτὴ δ᾽ ἐς πατρὸς δόμον ἔρχεαι· οἱ δέ σ᾽ ἐφ᾽ ἕδρην
πάντες ὁμῶς καλέουσι· σὺ δ᾽ Ἀπόλλωνι παρίζεις.
ἡνίκα δ᾽ αἱ νύμφαι σε χορῷ ἕνι κυκλώσονται
ἀγχόθι πηγάων Αἰγυπτίου Ἰνωποῖο
ἢ Πιτάνῃ (καὶ γὰρ Πιτάνῃ σέθεν) ἢ ἐνὶ Λίμναις,
ἢ ἵνα, δαῖμον, Ἀλὰς Ἀραφηνίδας οἰκήσουσα
ἦλθες ἀπὸ Σκυθίης, ἀπὸ δ᾽ εἵπαο τέθμια Ταύρων,

μὴ νειὸν τημοῦτος ἐμαὶ βόες εἵνεκα μισθοῦ
τετράγυον τέμνοιεν ὑπ᾽ ἀλλοτρίῳ ἀροτῆρι·
ἦ γάρ κεν γυιαί τε καὶ αὐχένα κεκμηυῖαι
κόπρον ἔπι προγένοιντο, καὶ εἰ Στυμφαιίδες εἶεν
εἰναετιζόμεναι κεραελκέες, αἳ μέγ᾽ ἄρισται
τέμνειν ὦλκα βαθεῖαν· ἐπεὶ θεὸς οὔποτ᾽ ἐκεῖνον
ἦλθε παρ᾽ Ἠέλιος καλὸν χορόν, ἀλλὰ θεῆται
δίφρον ἐπιστήσας, τὰ δὲ φάεα μηκύνονται.
τίς δέ νύ τοι νήσων, ποῖον δ᾽ ὄρος εὔαδε πλεῖστον,
τίς δὲ λιμήν, ποίη δὲ πόλις; τίνα δ᾽ ἔξοχα νυμφέων
φίλαο καὶ ποίας ἡρωίδας ἔσχες ἑταίρας;
εἰπέ, θεή, σὺ μὲν ἄμμιν, ἐγὼ δ᾽ ἑτέροισιν ἀείσω.
νήσων μὲν Δολίχη, πολίων δέ τοι εὔαδε Πέργη,
Τηΰγετον δ᾽ ὀρέων, λιμένες γε μὲν Εὐρίποιο.
ἔξοχα δ᾽ ἀλλάων Γορτυνίδα φίλαο νύμφην,
ἐλλοφόνον Βριτόμαρτιν ἐύσκοπον· ἧς ποτε Μίνως
πτοιηθεὶς ὑπ᾽ ἔρωτι κατέδραμεν οὔρεα Κρήτης.
ἡ δ᾽ ὁτὲ μὲν λασίῃσιν ὑπὸ δρυσὶ κρύπτετο νύμφη,
ἄλλοτε δ᾽ εἰαμενῇσιν· ὁ δ᾽ ἐννέα μῆνας ἐφοίτα
παίπαλά τε κρημνούς τε καὶ οὐκ ἀνέπαυσε διωκτύν,
μέσφ᾽ ὅτε μαρπτομένη καὶ δὴ σχεδὸν ἥλατο πόντον
πρηόνος ἐξ ὑπάτοιο καὶ ἔνθορεν εἰς ἁλιήων
δίκτυα, τά σφ᾽ ἐσάωσαν· ὅθεν μετέπειτα Κύδωνες
νύμφην μὲν Δίκτυναν, ὄρος δ᾽ ὅθεν ἥλατο νύμφη
Δικταῖον καλέουσιν, ἀνεστήσαντο δὲ βωμούς
ἱερά τε ῥέζουσι· τὸ δὲ στέφος ἥματι κείνῳ
ἢ πίτυς ἢ σχῖνος, μύρτοιο δὲ χεῖρες ἄθικτοι·
δὴ τότε γὰρ πέπλοισιν ἐνέσχετο μύρσινος ὄζος
τῆς κούρης, ὅτ᾽ ἔφευγεν· ὅθεν μέγα χώσατο μύρτῳ.
Οὔπι ἄνασσ᾽ εὐῶπι φαεσφόρε, καὶ δέ σε κείνης
Κρηταέες καλέουσιν ἐπωνυμίην ἀπὸ νύμφης.
καὶ μὴν Κυρήνην ἑταρίσσαο, τῇ ποτ᾽ ἔδωκας
αὐτὴ θηρητῆρε δύω κύνε, τοῖς ἔνι κούρη
Ὑψηὶς παρὰ τύμβον Ἰώλκιον ἔμμορ᾽ ἀέθλου.
καὶ Κεφάλου ξανθὴν ἄλοχον Δηιονίδαο,
πότνια, σὴν ὁμόθηρον ἐθήκαο· καὶ δέ σέ φασι
καλὴν Αντίκλειαν ἴσον φαέεσσι φιλῆσαι.
αἱ πρῶται θοὰ τόξα καὶ ἀμφ᾽ ὤμοισι φαρέτρας
ἰοδόκους ἐφόρησαν· ἀσύλλωτοι δέ φιν ὦμοι
δεξιτεροὶ καὶ γυμνὸς ἀεὶ παρεφαίνετο μαζός.

ἤνησας δ' ἔτι πάγχυ ποδορρώρην Αταλάντην
κούρην Ιασίοιο συοκτόνον Αρκασίδαο,
καί ἐ κυνηλασίην τε καὶ εὐστοχίην ἐδίδαξας.
οὔ μιν ἐπίκλητοι Καλυδωνίου ἀγρευτῆρες
μέμφονται κάπροιο· τὰ γὰρ σημήια νίκης
Αρκαδίην εἰσῆλθεν, ἔχει δ' ἔτι θηρὸς ὀδόντας·
οὐδὲ μὲν Ὑλαῖόν τε καὶ ἄφρονα Ροῖκον ἔολπα
οὐδέ περ ἐχθαίροντας ἐν Ἄιδι μωμήσασθαι
τοξότιν· οὐ γάρ σφιν λαγόνες συνεπιψεύσονται,
τάων Μαιναλίη νᾶεν φόνῳ ἀκρώρεια.
πότνια πουλυμέλαθρε, πολύπτολι, χαῖρε, Χιτώνη
Μιλήτῳ ἐπίδημε· σὲ γὰρ ποιήσατο Νηλεύς
ἡγεμόνην, ὅτε νηυσὶν ἀνήγετο Κεκροπίηθεν.
Χησιὰς Ιμβρασίη πρωτόθρονε, σοὶ δ' Αγαμέμνων
πηδάλιον νηὸς σφετέρης ἐγκάτθετο νηῷ
μείλιον ἁπλοΐης, ὅτε οἱ κατέδησας ἀήτας,
Τευκρῶν ἡνίκα νῆες Αχαιίδες ἄστεα κήδειν
ἔπλεον ἀμφ' Ἑλένῃ Ραμνουσίδι θυμωθεῖσαι.
ἦ μέν τοι Προῖτός γε δύω ἐκαθίσσατο νηούς,
ἄλλον μὲν Κορίης, ὅτι οἱ συνελέξαο κούρας
οὔρεα πλαζομένας Αζήνια, τὸν δ' ἐνὶ Λούσοις
Ημέρῃ, οὕνεκα θυμὸν ἀπ' ἄγριον εἵλεο παίδων.
σοὶ καὶ Ἀμαζονίδες πολέμου ἐπιθυμήτειραι
ἔν κοτε παρραλίῃ Εφέσῳ βρέτας ἱδρύσαντο
φηγῷ ὑπὸ πρέμνῳ, τέλεσεν δέ τοι ἱερὸν Ιππώ·
αὐταὶ δ', Οὖπι ἄνασσα, περὶ πρύλιν ὠρχήσαντο
πρῶτα μὲν ἐν σακέεσσιν ἐνόπλιον, αὖθι δὲ κύκλῳ
στησάμεναι χορὸν εὐρύν· ὑπήεισαν δὲ λίγειαι
λεπταλέον σύριγγες, ἵνα ῥήσσωσιν ὁμαρτῇ
(οὐ γάρ πω νέβρεια δι' ὀστέα τετρήναντο,
ἔργον Αθηναίης ἐλάφῳ κακόν)· ἔδραμε δ' ἠχώ
Σάρδιας ἔς τε νομὸν Βερεκύνθιον. αἱ δὲ πόδεσσιν
οὐλα κατεκροτάλιζον, ἐπεψόφεον δὲ φαρέτραι.
κεῖνο δέ τοι μετέπειτα περὶ βρέτας εὐρὺ θέμειλον
δωμήθη, τοῦ δ' οὔτι θεὼτερον ὄψεται ἠώς
οὐδ' ἀφνειότερον· ῥέα κεν Πυθῶνα παρέλθοι.
τῷ ῥα καὶ ἠλαίνων ἀλαπαξέμεν ἠπείλησε
Λύγδαμις ὑβριστής· ἐπὶ δὲ στρατὸν ἱππημολγῶν
ἤγαγε Κιμμερίων ψαμάθῳ ἴσον, οἵ ῥα παρ' αὐτόν
κεκλιμένοι ναίουσι βοὸς πόρον Ιναχιώνης.

ἃ δειλὸς βασιλέων, ὅσον ἤλιτεν· οὐ γὰρ ἔμελλεν
οὔτ' αὐτὸς Σκυθίηνδε παλιμπετὲς οὔτε τις ἄλλος
ὅσσων ἐν λειμῶνι Καϋστρίῳ ἔσταν ἅμαξαι
νοστήσειν· Εφέσου γὰρ ἀεὶ τεὰ τόξα πρόκειται.
πότνια Μουνιχίη λιμενοσκόπε, χαῖρε, Φεραίη.
μή τις ἀτιμήσῃ τὴν Ἄρτεμιν (οὐδὲ γὰρ Οἰνεῖ
βωμὸν ἀτιμάσσαντι καλοὶ πόλιν ἦλθον ἀγῶνες),
μηδ' ἐλαφηβολίην μηδ' εὐστοχίην ἐριδαίνειν
(οὐδὲ γὰρ Ατρεΐδης ὀλίγῳ ἐπὶ κόμπασε μισθῷ),
μηδέ τινα μνᾶσθαι τὴν παρθένον (οὐδὲ γὰρ Ὦτος,
οὐδὲ μὲν Ὠαρίων ἀγαθὸν γάμον ἐμνήστευσαν),
μηδὲ χορὸν φεύγειν ἐνιαύσιον (οὐδὲ γὰρ Ιππώ
ἀκλαυτὶ περὶ βωμὸν ἀπείπατο κυκλώσασθαι)·
χαῖρε μέγα, κρείουσα, καὶ εὐάντησον ἀοιδῇ.

комментарии

ст. 1–3 *зачин гимна*, включающий обязательные для этого жанра «ὑμνέομεν» и «ἀειδόντεσσι». Ср.: зачины других гимнов: I, 1–4; IV, 1–6.

2 λαγωβολίαι — ἡ λαγωβολία — ἅπαξ — охота на зайцев. Ср.: III, 262 — ἐλαφηβολίην.

3 ἐφίασθαι — в схолиях: διατρίβειν, παίζειν.

4–40 Знаменитая сцена у Зевса, когда Артемида, еще маленькая девочка, сидит на коленях отца и просит у него колчан для стрел и Океанид в помощницы. Высказав свою просьбу, богиня хотела схватить отца за бороду, но напрасно — дотянуться еще не могла. Г. Гертер в свое время писал, что речь Артемиды — «шедевр каллимаховской поэзии и одновременно образец искусства вариации, к которой стремится эллинистический поэт не только ради разнообразия внутри одного стихотворения, но также стремясь всеми средствами отделиться от старого и привычного»[24]. Отец в ответ, улыбаясь и лаская девочку, пообещал ей впридачу три десятка городов, которые будут называться артемидиными, и еще много городов на островах и на суше, которые она разделит с другими богами, многие алтари и рощи, власть над дорогами и гаванями. Имея в виду эту беседу Зевса с дочерью, В. Штеффен писал: «Разговорный стиль и привлечение новых,

24. H. Herter. Kallimachos und Homer, op. cit., Bonn. 1929, S. 67.

часто юмористических ситуаций делают поэзию Каллимаха очаровательной»[25].

4 ἐφέζομαι τινί, τί; ср. эпизод с сидящей Артемидой на коленях отца у Гомера: «...πατρὸς ἐφέζετο γόνασι κούρη» (Hom. Il. XXI, 506).

ὡς ὅτε есть чтение καὶ ὅτε.

5 κουρίζουσα — от κουρίζω эп.— быть молодым; ср.: I, 54; IV, 324. Ср.: у Гомера Артемида часто называется «κούρη» (Hom. Il. IX, 536; XXI, 506 и др.).

6 φυλάσσειν — *метонимия*: «править». Ср.: I, 81; IV, 64; VI, 123; IV, 204.

7 πολυωνυμία, ἡ — многоименье от πολυώνυμος; ср.: III, 70; Hom. hymn. V, 18; 32.

ἄππα, πάππα, ἄττα — почтительное обращение младшего к старшему.

8 φαρέτρην — колчан — *метонимия*: «лук и стрелы»; ср.: I, 49; II, 50; гомеровский эпитет Артемиды — ἰοχέαιρα· Ἄρτεμις ἰοχέαιρα (Hom. Il. V, 53; 447; IX, 538). Либаний посвящает Артемиде целую речь (V) и говорит, что Артемида появилась раньше Аполлона и была помощницей своей матери при его рождении. Она храбрее Аполлона, не отступает перед угрозами Геры, Артемида имеет приоритет в отношении стрельбы, потому что она первая получила от Геи лук и стрелы, и Аполлон научился стрельбе только вследствие подражания Артемиде.

10 εὐκαμπὲς ἄεμμα — прекрасноизогнутый лук. ἄεμμα = ἄμμα (Ср.: II. 9) — узел, петля, связка, узы; струна, тетива; зд. *метонимия:* лук.

11 φαεσφορία, ἡ — несение, принесение света — от φαεσφόρος = λαμπάδες (Aesch. Ag. 475) Ср.: φωσφόρος. В схолиях: φαεσφορίην· ἢ ὅτι λαμπαδοῦχος (ἡ αὐτὴ γὰρ τῇ Ἑκάτῃ) ἢ ὅτι τοὺς μαιευομένους προάγει εἰς φῶς. По образованию ср.: στεφαναφορία, λαμπαδηφορία. Ср. гомеровский эпитет Артемиды — τοξοφόρος (Hom. Il. XXI, 483); в Аттике был жертвенник Артемиды Светоносной.

Χιτῶνα... λεγνωτόν. Χιτῶνα (см. комментарий к ст. 226). λεγνωτός — *неологизм* Каллимаха, очевидно, от глагола λεγνόω. *В схолиях:* λεγνωτόν· τὸ ἔχον ᾠάν, τουτέσι τὸ ἀπολῆγον τοῦ ὑματίου· λέγναι γὰρ αἱ ᾠαι, τὰ λώματα, οἱ κροσσοί, ἅπερ Ὅμηρος (Il., II, 448) θυσάνους καλεῖ. Или: λεγνωτόν· ἑλικτόν· ποικίλον (Ср.: Ant. Pal. II, 309).

13 Ὠκεανίνας — *антономасия*: «дочерей Океана» (ср.: III, 62)

25. W. Steffen. Scripta minora selecta. V. 1–2. Wrocław, 1973, S. 118

χορίτιδας — ὁ, ἡ χορῖτις = χορίτης — член хоровода (Ср.: IV, 306) — *неологизм* Каллимаха, образован по типу: ἀγγελιῶτς, ζευγῖτις. Форма χορίτις встречается в папирусах (Pap. Lit. Lond., 100).

14 εἰνέτης (Ср.: III, 43), есть чтение: εἰνάετες. Ср.: ἑπτάετες, πεντάετες, τρίετες.

ἄμιτρος (Ср.: III, 43) — *неологизм* — *метонимия*: «незамужняя»; ср.: Hom. Il. XVI, 419: ἀμιτροχίτων. *В схолиях*: ἀμίτρους· ἀζώστους, μὴ διαπεπαρθενευμένας· μίτρας γὰρ ἐζώννυντο, ἅς ἔλυον ὅταν ἔμελλον διαπαρθενεύεσθαι, ἢ ὅτι οἱ ἄγαμοι γυμνοὶ ἐβάδιζον. Встречается у Нонна (Nonn, XLVIII, 507).

15 Ἀμνισίς, ἡ (возможны варианты: Αμνισός, Αμνησός, Αμνισσός) — река на Крите. У Гомера — местность и гора на Крите (Hom. Od. XIX, 188). Ἀμνισίδας... νύμφας — нимфы реки Амнис; ср.: Apol. Rhod. 3, 877; 882; Call. III, 162: Ἀμνισιάδες от Ἀμνισιάς, ἡ — *ἅπαξ*. *В схолиях:* Ἀμνισιάδες· Κρητικάς· Ἀμνισὸς γὰρ ποταμὸς Κρήτης.

16 ἐνδρομίς, ἡ (есть чтение: ἐνδρομάδας) — охотничьи сапожки, доходившие до середины икр, с голенищами на шнуровке. В словаре *Гезихия*: ἐνδρομίδας· ὑποδήματα. Ср.: IV, 238; *В схолиях: ἐνδρομίδας· κυρίως τῶν κυνηγῶν τὰ ὑποδήματα.*

Λύγξ, ὁ — рысь. Ср.: III, 88. *В схолиях:* λυγκός· εἶδος θηρίου ὁ λύγξ, οὗ τὸ οὖρον πήγυται, ὁ καλοῦσι λυγκούριον.

У Гомера Артемида именуется «πότνια θηρῶν» (Hom. Il. XXI, 470), «ἀγροτέρη» (Hom. Il. XXI, 470), «κελαδεινή» (Hom. Il. XXI, 511).

20 ἐπιμείξομαι... πόλεσιν... ἀνδρῶν в значении: вмешиваться во что-либо.

21–25 Любвеобильный Зевс соблазнил множество богинь, ведущих свой род от титанов и богов. Дочь титанов Коя (или Кея) и Фебы — Астерия, сестра Лето, чтобы избежать преследований Зевса, желавшего с ней сойтись, превратилась в перепелку и кинулась в море. Ее именем вначале был назван остров Астерия, который позднее стал именоваться Делосом (Apollod. I, IV, 1). Ὄρτυξ — перепелка, отсюда, скорее всего, древнее название Делоса — Ортигия.

21 Εἰλήθυια, ἁ — Илифия. Ипостась Артемиды. Ср.: IV, 132, 257; VI, 131. Возможная этимология от ἤλυθον, ἐλεύσομαι. В словаре *Гезихия*: ἐλεύθω· ἔρχομαι. Εἰλείθυια.

ὀξείῃσιν... ὠδίνεσσι; ὀξείῃσιν — есть чтения: ὀξείεσιν, –εσσιν, –αισιν, –εισιν. в *схолиях*: ἡ αὐτὴ γάρ ἐστι τῇ Εἰλειθυίᾳ.

22 καλέωσι — есть чтение: καλέουσι. Конъектура Стефана: καλέσουσι; конъектура Брунка: καλέσωσι.

23 τὸ πρῶτον — намек на архаическую ипостась Артемиды-Илифии.

25 ἀμογητὶ — нар. без труда, без усилия; ср.: ἀκλαυτὶ, ἐγκυτ:. ἀμαχητὶ.

27 πολλὰς... χεῖρας — *синекдоха*: «много раз».

29–39 Пророчество Зевса Артемиде.

29 φῇ — эп. вместо ἔφη от φημί.

30 ζηλήμονος от ζηλήμων (ζῆλος) — завистливый, ревнивый — традиционный эпитет Геры; ср.: Hom. Od. 118.

31 φέρευ дор. к φέρε — ну! Вот!; ср.: VI, 136.

33–34 Ср.: с Феокритом XVII, 81–85.

πύργον от πύργος, ὁ — городская башня, *синекдоха*: «город», вариант к πτολίεθρον и τεῖχος; ср.: IV, 23.

34 ἀέξω эп. вместо αὔξω — увеличивать, возвеличивать, прославлять; ср.: IV, 84; I, 95; III, 131; I, 55.

36 ξυνῇ = κοινῇ; διαμετρήσασθαι от διαμετρίέω — *метонимия*: «основывать»; ср.: II, 55.

37 ἐν πάσῃσιν — есть чтение: ἀπάσῃσιν.

39 ἐπίσκοπος, ἡ — хранитель (о богах), наблюдатель, ср.: σκοπός, ἡ — IV, 66, λιμενοσκόπος — III, 259 — каллимаховский *неологизм* (Ср.: μηλοσκόπος, ἡμεροσκόπος, μετεωροσκόπος); обычно λιμενοφύλαξ.

λιμένεσσιν ἐπίσκοπος — Ср.: III, 184; III, 188. Эпитет Артемиды — λιμενῖτις (Ant. Pal. VI, 105).

40 μῦθον ἐπεκρήηνε καρήατι — эпическая формула, часто встречающаяся у Гомера. Ср.: ἐπεκραίαινε (Hom. Il. II, 419; III, 302); ἐπεκρήηνον (Hom. Il. I, 455; VI–II, 242; XVI, 238); ἐπικρήνειε (Hom. Il. XV, 599). В словаре *Гезихия* ἐπεκρήηνεν имеет варианты: ἐπετέλεσεν, ἐπεκύρωσεν, ἐβεβαίωσεν.

41–109 Путешествие Артемиды, во время которого она приобретает спутниц — Океанид, нимф Амнисиад, у *киклопов* лук, стрелы и колчан; у Пана — охотничьих собак, на Паррасии — ланей для своей упряжки.

41 Λευκὸν ἔπι Κρηταῖον ὄρος — *В схолиях* к Аполлонию Родосскому мы читаем: Apol. Rhod. II, 1233 Κρηταῖον: τὸ τῆς Κρήτης. «Κρηταῖον ὄρος», ὡς περ Σιναῖον; ср.: Λευκὸν πεδίον — на Крите (ср.: Nonn. X, 76).

κεκομημένον ὕλῃ — *метафора*: «залохматилась лесом» вместо «заросшая лесом» (Ср.: IV, 262). κομάω, κομέω — отращивать волосы, иметь длинные волосы. (Ср.: IV, 262 — ἐκόμησε).

44 Καίρατος ποταμὸς μέγα — Кэрат, река на Крите; ср.: Strab. X, 476 — от названия этой реки — древнее название Кнос-

са; в словаре *Гезихия* — οἱ Καιράτιοι — кносс[illegible]
Καίρανος· ποταμὸς Κρήτης καὶ πόλις ἡ κερατ[illegible]
λεγομένη.

45 ἀμορβούς — *В схолиях*: «ἀμορβεύειν... τὸ ἀκολουθεῖν κα[illegible]
ὑπηρετεῖν... καὶ Καλλίμαχος· οὕνεκα... ἀμορβούς». ἀμορβός, возможно, от ἅμα + ὁρμάω, отсюда ἀμορμός — *редкое* слово.

Λητωίδι — от Λητώς — *антономасия*: Артемида. Ср.: III, 83.

46–86 Посещение Артемидой киклопов на острове Липара.

47 νήσῳ ἐνὶ Λιπάρῃ — Липара — самый большой из Липарских (Эолийских) островов у северо-восточного побережья Сицилии; древнее название острова Мелигунис (Strab. VI, 275; Plin, III. 9, 14). *В схолиях* к данному стиху III, 47: «νῆσος ἔστιν ἡ Λιπάρη πλησίον Σικελίας, ἔνθα ἦν τὰ χαλκεῖα Ἡφαίστου. ἔστι δὲ μία τῶν Αἰολίδων, λέγεται, ὅτι σίδηρα διάφορα θέντες ἐν αὐτῇ ναῦται ἔωθεν εὑρήκασιν αὐτὰ ἐκ τῆς ἀναδόσεως τοῦ πυρὸς ἀναλιπανθέντα. καὶ διὰ τοῦτο ἐκλήθη ἡ νῆσος Λιπάρα. Καλλίμαχος δε οὐ τήν ἱέραν φησὶν ἀνακεῖσθαι Ἡφαίστῳ, ἀλλὰ τὴν Λιπάρην».

В схолиях к Фукидиду (III, 88, 2): Λιπάρα: αὕτη τό παλαιόν Μελιγουνὶς ἐκαλεῖτο, ὥς φησιν ὁ Καλλίμαχος.

50 ποτίστρη, ἡ — более обычное — ποτιστρήριον, τό — водопой (Ср.: Eurip. Cycl. 47 — πίστρα; Herod. III, 11 — παίστρη; Ant. Pal. VI, 107 — ποδίστρα).

52 Ὀσσείοισιν — от названия горы Оссы в Фессалийской Магнесии (Strab. I, 60; XI, 531).

53 φάεα μουνόγληνα — *метафора*: «глаза»; ср.: III, 71; V, 92; ср.: τρίγληνος — Hom. Il. XIV, 183; δίγληνος — Theoc. epigr. VI, 2.

σάκει ἴσα τετραβοείῳ — выражение, восходящее к гомеровскому: σάκος ἑπταβόειον. По мнению Г. Оппермана[26], в данном случае Каллимах опирается на сведения известного в его время врача Герофила, сделавшего важнейшие открытия в области анатомии глаза, что глаз защищен двумя веками, соединительнотканной пластинкой, а также круговой мышцей, замыкающей глазную щель.

54 δεινὸν ὑπογλαύσσοντα. *В схолиях*: ὑπογλαύσσοντα· ἤγουν ὑποβλέποντα, ὅθεν καὶ γλαύκιος. В словаре *Гезихия*: γλαύσσει· λάμπει, φαίνει, φαύσκει.

56 αὖε... Αἴτνη — *метафора*; Αἴτνη (есть папирусное чтение Ἄετνα) — Этна, гора на Сицилии, известная своей непрекращающейся вулканической деятельностью (Herod. I, 56; VII, 173); ср.: IV, 137.

26. H. Opperman. Herophilos bei Kallimachos. «Hermes», 60, 1925, S. 32.

57 Τριναχρίη (есть чтение: Τρινακίη) — Тринакрия или Тринакия — Сицилия. Остров получил это название в древности или из-за наличия на острове трех вершин: Пахнон, Лилибей, Пелорон, или из-за своей треугольной формы (Strab. VI, 265; Plin. III, 8; Thuc. VI, 2, 2; Theocr. XXVIII, 18). Σικανῶν ἔδος — сиканы, древний народ, как сообщает Страбон (Strab. VI, 270), переселившийся с берегов реки Сиканы в Иберии сначала в Италию, а оттуда в Сицилию, дав острову название Сикания (Ср.: Thuc. VI, 2, 2; VI, 62, 3). Σικανίη > Σικελία; ср.: Call. frg. 407, 38; 83; 101.

58 γείτων / Ἰταλίη — первоначально название самой южной части Апеннинского полуострова (Strab. VI, 254); ср.: Call. frg. 407, 20; Ἰταλικός frg. 635, 1; Ἴταλος frg. 617, 3; 669).

Κύρνος — Кирн — греческое название острова Корсики (Herod. I, 165–167). *В схолиях* к этому стиху: «νῆσος πρὸ τῆς Σικελίας ἡ Κύρνος ἐστίν». В гимне IV Каллимах назовет Кирн финикийским: «Φοίνισσα... Κύρνος» (IV, 19).

56–58 Трижды повторенная *метафора* «αὖε» (кричала) применительно к Этне, Тринакрии и Италии служит для «оживления», олицетворения неживой природы. Поэтический прием весьма характерный для Каллимаха. *Сравни*: полено «испытывает боль» (VI, 40); острова «забыли» о суше (IV, 34); острова, реки «боялись» (IV, 59); река Пеней «лила слезы» (IV, 121); горы Оссы и равнина Кранона «дрожали» (IV, 103); источники Аония, Дирка, Строфония «бежали» (IV, 75) и т. д.

59 ἀειράμενοι — от ἀείρω ион. эп. вместо ἀίρω. Ср.: ἀείρειν (III, 113); ἦειρεν (I, 23); ἆραι (VI, 34); ἀείρας (IV, 134). У Гомера: «πάντας ἀειράμενος πελέκεας οἰκόνδε φερέσθω» (Hom. Il. XXIII, 856).

61 μυχθίσσειαν — есть чтение: μοχθίσσειαν (–ήσειαν).

ἀμβολαδίς — *в схолиях:* ἐκ διαδοχῆς.

62 Ὠκεανῖναι — Океаниды — *антономасия*: дочери Океана; ср.: III, 45.

ἀκηδέες — *В схолиях*: ἄφοβοι; ср.: ἀκηδής — беззаботный, небрежный; ἄφοβος — бесстрашный, безопасный.

63 ἄντην ἰδέειν — смотреть прямо в лицо; ср.: Hom. Od. XX–IV, 371: «...ἴδεν ἀθανάτοισι θεοῖς... ἄντην»; ἐσέδραμον ἄντην — Hom. Il. XXIV, 223; Hes. Theog. 700–701: «ἄντα / ὀφθάλμισι ἰδεῖν».

οὔασι δέχθαι — подражание гесиодовскому выражению: οὔασιν ὅσσαν ἀκοῦσαι — Hes. Theog., 701.

64 νέμεσις, ἡ — справедливое негодование, порицание, гнев; ср.: Hom. Il. III, 156 «οὐ νέμεσις Τρῶας...» поэтический перевод Н. И. Гнедича: «Нет, осуждать невозможно...»

αἱ μάλα μηκέτι τυτθαί — ср.: III, 30: «τυτθὸν... ἐ[illegible]
Ἥρης»; IV, 236: «τυτθόν ἀποκλίνασα καρήαται».

65 ἀφρικτὶ — ἄπαξ — без дрожи. Ср.: ἀκλαυτὶ. Наречие [illegible] гола φρίσσω. *В схолиях:* ἀφρικτὶ: χωρὶς φόβου.

66 κούρα = κόρη; ср.: κόρη IV, 67; κούρη III, 40. 207, IV. 2[illegible] κοῦρα III, 72; 70; 216; κῶραι V. 27; 138; VI, 9.

67 καλιστρέω = καλέω. *В схолиях:* καλιστρεῖ· καλεῖ; ср.: VI, 97: καλιστρέων· καλῶν.

68 Ἄργης, ὁ — Арг — киклоп; ср.: Hes. Theog. 140.

Στερόπης, ὁ — Стероп — киклоп; ср.: Hes. Theog. 140.

По Олимпийскому мифу творения, вслед за сторукими гигантами Бриареем, Гиесом и Коттом Мать-Земля родила трех диких одноглазых киклопов — Бронтея, Стеропа и Арга, которых Уран связал и сбросил в Тартар (Apollod. I, 1–2). По Гесиоду (Hesiod. Theog. 142), киклопы ковали Зевсу перуны. Иногда считают, что их имена произведены от слов, обозначающих присущие молнии и грому качества: Арг — блистающий, Стероп — сверкающий (грозовым сверканием), Бронт — гремящий. (Подробнее см.: Аполлодор. Мифологическая библиотека. Л., 1972. с. 124). По другой версии, Аполлон убил киклопов в отместку за смерть Асклепия; об этом есть упоминание у Еврипида в Алкесте. (Eur. Alk. 127).

69 Ἑρμείης, ὁ = Ἑρμής; ср.: Ἑρμείης Ἀκακήσιος, III, 143; Ἑρμῆς, frg. 723; epigr. XLV, 3; IV, 272.

σποδιή, ἡ — зола, αἰθός — сгоревший, сажа; ср.: Hom. Od. V, 488: σποδιῇ ἐνέκρυψε μελαίνῃ. В схолиях: αἰθῇ· τῇ κεκαυμένῃ, τῇ μελαίνῃ.

70 μορμύσσεται = μορμολύττομαι — пугать. *В схолиях:* μορμύσσεται· ἐκφοβεῖ; ср.: IV, 297: ᾗθεα κουράων μορμύσσεται; Μορμώ, όος — Мормо — пугало, бука, которым пугали детей.

71 δύνω = δύομαι; ср.: ἔδυ — epigr. XXV, 4; frg. 43, 15 δῦναι — frg. 636; δυομένου — epigr. XX, 2, δυομένων — epigr. XVIII, 6.

72 τριέτηρος — образовано по гомеровской модели πενταέτηρος; Hom. Il. II, 403: VII, 315; Od. XIV, 419; XIX, 420.

73 μολεῖν — *от неупотр.* βλώσκω — пойти, уйти, прийти; ср.: ἀποβλώσκω — frg. 384, 5 (ἀπ'... μέμβλωκεν).

μετ' ἀγκαλίδεσσι φέρουσα — ἀγκαλίς, ἡ — локоть, рука; ср.: Hom. XVIII, 555: ἐν ἀγκαλίδεσσι φέροντες; XXII, 503: ἐν ἀγκαλίδεσσι τιθήνης.

74 Ἡφαίστου; ср.: Ἡφαίστοιο — III, 48; I, 76; IV, 144.

ὀπτήριοα, τὰ — дары по случаю смотрин. *В схолиях:* ὀπτήρια· τὰ ὑπὲρ τοῦ ἰδεῖν δῶρα.

75 Βρόντεώ — от Βρόντης, ὁ — киклоп Бронтей.

ἐφεσσαμένου — ἐφίζομαι; у Гомера: ἐφίζω (Hom. Od. XIII. 274), ἐφεσσάμενος (Hom. Od. XVI, 443).

76 ἐδράξαο от δράσσομαι — хватать; ср.: Hom. XIII, 393; XVI. 486; Apoll. Rhod. I, 1131; δράξαιντο — III, 92.

λασίης... χαίτης: χαίτη, ἡ — грива; поэт. волосы на голове: ср.: IV, 81, 297; V, 31; VI, 5.

λάσιος — косматый, волнистый, густошерстный; ср.: III. 192. *В схолиях*: λασίου· δασέος; ср.: Hom. Il. I, 189; II, 851; XX–IV, 125.

77 ὤλοψας... βίηφι — от ὀλόπτω — рвать; *неологизм*. Ср.: в frg. 573 — ὠλόψατο. *В схолиях*: ὤλοψας· ἤτοι ἀπέτιλας, ἐλέπισας; *В схолиях*: ἔπος... ὀλοφυδνόν, ὁ μετὰ τίλσεως τῶν τριχῶν οἶκτος.

78–79 Непонятно, почему Артемида вырывает клок волос на груди у Бронтея. Возможно, как считает Р. Грейвс[27], Каллимах здесь обыгрывает хорошо известную картину, изображавшую это событие, на которой слой краски на груди у киклопа по какой–либо причине был поврежден. Возможны и другие толкования.

ἀλώπηξ — *метафора*: «болезнь, уносящая волосы», возможно, чесотка — ἀλωπεκία. *В схолиях*: ἀλώπηξ πάθος περὶ τὴν κεφαλὴν γινόμενον, ἀπὸ μεταφορᾶς τοῦ ζῴου; τὸ γὰρ ζῷον τοῦτο λέγεται... ἔνθα ἂν οὐρήσῃ, ἄγονος ὁ τόπος τῷ ἔτει ἐκείνῳ γίνεται.

81–85 Обращение Артемиды к киклопам. Κυδώνιον... τόξον — *В схолиях*: Κυδώνιον: ἔθνος Κρῆτης, ἀφ' οὗ Κρητικόν (Ср.: II, 33). *Стефан Византийский* дает такой комментарий: Κυδωνία· πόλις Κρήτης, ἡ πρότερον Ἀπολλωνία... δευτέρα πόλις Σικελίας· τρίτη Λιβύης· ὁ πολίτης Κυδωνιάτης καὶ Κύδων καὶ Κυδώνιος καὶ Κυδωναῖος καὶ Κυδωνία θηλυκῶς καὶ Κυδωνὶς, καὶ Κυδωνικὸς ἀνήρ.

κἠμοί τι — есть чтение: ἤ ἤ μοί τι.

82 κατακλής, ἡ = κατακλείς — задвижка (возможно, колчана). *В схолиях*: κατακλῆδα· τὴν φαρέτραν.

83 Λητωιὰς — *антономасия*: дочь Лето (Ср.: III, 45). У Гомера Артемида названа «сестрой Аполлона» — κασιγνήτη (Hom. Il. XXI, 470).

84 μονιὸν δάκος — *В схолиях*: ὃς ἄγριος ὃς ἂν μὴ συναγελάζηται ἑτέροις — μονιὸν δάκος· δάκος δε τὸ θηρίον — μονιὸν δάκος· οἱ κάπροι ἰδικῶς νεμόμενοι· ἀπαγελάζονται γὰρ ἀλλήλων.

πέλωρον... θηρίον — Ср.: III, 51: αἰνὰ πέλωρα. *В схолиях*: πέλωρα· ὑπερφυεῖς καὶ φοβερούς.

27. Р. Грейвс. Мифы Древней Греции. М., 1992, с. 61.

85 ἀγρεύσω — Ср.: везде, где речь идет об охоте Артемиды, Каллимах образует лексемы от корня ἀγρ–: II, 60; III.85; 104, 218; IV, 229. У Гомера слова этого корня возможны и по отношению ловли рыб и птиц: например, Hom. Il. III, 330; XIV, 306; V, 53.

86–87 ἄφαρ = αἶψα; σκύλαξ, ὁ — щенок, собака, вариант к κύων.

αὖλις, ἡ — хижина, лачуга. Ср.: αὖλιες (VI, 105).

88 Пан, по некоторым утверждениям, сын Гермеса и Дриопы, родился таким уродливым — с рожками, бородой, хвостом и козлиными копытцами, — что его мать убежала от него в страхе. Он жил в Аркадии, опекая стада и пасеки, принимая участие в забавах горных нимф и помогая охотникам в поисках добычи (см. Hom. hymn. XXXIV; Theocr, I, 16). Пан дал Артемиде трех лопоухих гончих — двух пестрых и одну пятнистую, — и еще семь быстроногих киносурских гончих (из Спарты).

89 Μαινάλιος, ср.: Μαιναλίη (III, 224). *В схолиях*: Μαιναλίη· ὄρος Ἀρκαδίας. Гора между Мегалополем и Тегеем, любимое место пребывания Пана (Strab. VIII, 388; Theocr, I, 124).

90 γενειήτης, ὁ — бородач, *антономасия*: Пан. *В схолиях*: γενειήτης· πωγωνίας.

ἤμισυ πηγούς — пегих. *В схолиях*: πηγούς· λευκούς. καὶ Ὅμηρος (Hom. Il. III, 197) «πηγεσιμάλλῳ».

91 παρουαῖος — с отвислыми ушами; παρουαίους — конъектура Шнейдера; παρωαίους — конъектура Хаупта; παρουατίους — чтение рукописи Ψ.

92 αὖ ἐρύοντες от ἐρύω— тащить, есть чтение αὐερύοντες, *В схолиях*: αὐερύοντες· εἰς τοὐπίσσω ἕλκοντες; ср.: I, 62.

δέρη = δέρα, ἡ — шея. *В схолиях*: δεράων· αὐχένων.

94 Κυνοσουρίς — порода охотничьих собак в Спарте. *В схолиях*: Κυνοσουρίδας· τὰς ἀπὸ κυνῶν καὶ ἀλωπέκων τικτομένας κύνας, ἢ τὰς Λακωνικάς. Κυνοσουρὶς γὰρ τόπος Λακωνικός.

95 λαγώς, ὁ, эп. = λαγώς — заяц; ср.: III, 155, 154; λαγών — singularis pro plurali; ср.: III, 245. *В схолиях*: λαγών· ὁ γὰρ λαγὼς καὶ ἐν τῷ κοιμᾶσθαι οὐ μύει.

96 κοίτη, ἡ — ложе, гнездо; ср.: Hom. Od. XIX, 341.

καλιή, ἡ — гнездо, здесь pluralis pro singulari: καλιαὶ ὕστριχος.

ὕστριξ, ὁ, ἡ — дикобраз. *В схолиях*: ὕστριξ θηρίον τι τραχύτατον.

97 ζόρξ, ἡ = δόρξ, ἡ = δορκάς ион. — газель; ср.: δόρκας V, 91. У *Гезихия*: αἶγες ἄγριαι.

ἐπ' ἴχνιον — *синекдоха* — singularis pro plurali; ср.: IV, 19; VI, 9.

98 ἀπερχομένη — *в схолиях*: σοὶ τῇ Ἀρτέμιδι.

ἐσσεύοντο от σεύομαι — броситься, устремиться. Lapp рассматривает этот глагол как вариант к τρέχω (Lapp, op. cit. S. 116); ср.: VI, 33; V, 4.

99 προμολή, ἡ — выход, подступ; ср.: III, 142. *В схолиях*: προμολῇσ· ταῖς διεξόδοις.

Παρράσιον, τό — гора Паррасия и город того же названия в Аркадии; ср.: Hom. Il. II, 608. *В схолиях*: Παρρασίοιο· ὄρος Ἀρκαδίας — ὄρος Ἀρκαδίας ὁ Παρνασός — ὄρος Ἀρκαδίας τὸ Παρράσιον ἀπὸ Παρράσου τοῦ λυκάονος. В словаре *Гезихия*: Παρράσιον· ὄρος Ἀρκαδίας; ср.: Παρρασίῃ — I, 10 с конъектурой Бломфельда — Παρνασίῃ.

100 μέγα τι χρέος — ср.: Herod. I, 36: ὡς χρῆμα... μέγα; ср.: Apol. Rhod. I, 710; III, 33; Theocr. XXIV, 66).

101 Ἄναυρος, ὁ — Анавр, река в Фессалии. *В схолиях*: ποταμὸς Θεσσαλίας; ср.: IV, 103.

μελαμψήφις — с черными камушками; ср.: IV, 76 — *неологизм* Каллимаха; ср.: πολυψήφις, встречается у Нонна (Nonn, X, 103).

βουκολέομαι — пастись. Ср.: Hom. Il. XIV, 445: βουκολέοντι παρ' ὄχθας Σατνιόεντος.

102 κεράων... ἀπελάμπετο χρυσός. Ср.: пассажи с *анафорой*: II, 32–35 (χρύσεα... χρύσεα... πολύχρυσος), III, 110–112 (χρύσεα... χρύσεον... χρύσεια); IV, 260–264 (χρύσεα... χρυσῷ... χρύσειον... χρυσῷ... χρυσέοιο).

103 ἔταφες от θήπω — изумляться; ср.: Apol. Rhod. II, 207; 1038.

104 πρωτάγριον, τό — первая охотничья добыча, *неологизм* Каллимаха, образованный, очевидно, по модели: ἀδράγριον (Hom. Il. XIV, 509) ζωάγριον (Hom. Il. VIII, 462). Встречается у Нонна (Nonn, XIX, 196; XXXVII, 467) и в Палатинской антологии (Ant. Pal. IX, 656, 8).

105 πίσυρας = τέσσαρες эол. эп.; ср.: VI, 121 — τέσσαρες.

106 κυνοδρομίη, ἡ — травля собаками.

107 Κελάδων, ὁ — река Келадон в Аркадии. *В схолиях*: Κελάδοντος· ποταμός Ἀρκαδίας. Ср.: у Гомера эпизод Калидонской охоты: Hom. Il. IX, 527 и сл.; у Феокрита, XVII, 92.

108 ἐννεσίη, ἡ; ср.: Apol. Rhod. I, 956; II, 1110; III, 29; 818.

109 πάγος Κερύνειος — гора в Аркадии (Strab. VIII, 387; Paus. VIII, 6, 1; 25, 5). *В схолиях*: Κερύνειος· λόφος Ἀρκαδίας — πάγος Κερύνειος· ἀκρωτήριον Ἀρκαδίας οὕτω καλούμενον.

110–169 Описание первых охот Артемиды, заканчивающееся приходом богини в дом Зевса; включает два значительных отступления: первое (III, 122–137) — о карах и милостях Ар-

темиды людям, второе (III, 142–161) — юмористическая сцена с Гераклом.

110 Παρθενίη = Παρθένεια — эпитет Артемиды (Ср.: Pind. Ol. VI. 88). Τιτυοκτόνος — убийца Тития. Этим эпитетом Каллимах вводит миф о гиганте Титии (сыне Зевса и Элары), который домогался Латоны в Пифоне и был убит Артемидой и Аполлоном (Hom. Il. XI, 576–581). Мучения Тития продолжаются и в подземном мире: коршун пожирает ежедневно его печень, которая вновь вырастает (Strab. IX, 423; Paus. X, 4, 5–6; Apol. Rhod, I, 181). *В схолиях*: Τιτυοκτόνε· Τιτυὸς βιασάμενος Λητὼ ἀνηρέθη ὑπὸ Ἀπόλλωνος καὶ Ἀρτέμιδος.

112 ἐν... ἐβάλευ — от ἐμβάλλω — бросать, кидать (Ср.: ἐν... ἔβαλες I. 84; ἔμβαλε VI, 66; ἔμβαλέειν IV, 135; ἐν... ἐβάλευ IV, 265).

κεμάς, κεμάδος, ἡ — молодой олень, лань. *В схолиях*: κεμάδεσσι· ἐλάφοις. *Гезихий* дает такие варианты: κεμάς, νεβρός, ἔλαφος: τινές δε δορκάς. Ср.: III, 163.

113 κερόεις, εσσα, εν — рогатый, отсюда — колесница, запряженная оленями. Ф. Бредау считает, что «κερόεις» — это «сделанный из рога», а не «носящий рога»[28].

ὄχος, ὁ — повозка, колесница — варианты: ἄντυξ, δίφρος.

114 ἐπὶ Αἵμῳ Θρήικι — на Гем Фракийский.

Αἷμος, ὁ — Гем (по народной этимологии, возможно, от αἷμα — кровь). Именно на этой горе Тифон, сражаясь с Зевсом, пролил так много крови, что, как говорят, по этой причине хребет был назван Гемийским (Apollod. I, 6, 2–3). *В схолиях*: Αἵμου· ὄρος Θράκης (Ср.: IV, 63 θρήικος Αἵμου).

κατᾱιξ, ἡ — ураган. *В схолиях*: κατᾱιξ δε λεγομένη καταιγίς — λαῖλαψ. *Гезихий*: κατᾱιξ· κατάσεισις, ὁρμή. Этот стих сравнивают со стихами Аполлония Родосского: III, 1372–1376: ἀνέμοιο κατάικες. Ср.: Call. во frg. 238, 29: βορέαο κατᾱιξ. Считается, что моделью для этого новообразования послужили гомеровские слова: κορυθᾱιξ, πολυᾱιξ, τριχᾱιξ.

115 ἄχλαινος — не имеющий верхнего платья.

116 πεύκη, ἡ — сосна, *метонимия*: «факел из сосны»; ср.: VI, 60; V, 19, 21.

ἧψαο от ἅπτομαι — зажигать; ср.: ἅψατ' VI, 58; ἅψατο VI, 32; ἅψασθαι III, 27.

117 Μυσῷ ἐν Οὐλύμπῳ — на Олимпе Мисийском. *В схолиях*: Μυσῷ· ἔστι γὰρ καὶ ἄλλος Μακεδονίας. На Мисийском Олимпе Артемида срубила сосновую ветку и сделала свой первый факел, который зажгла от головни сраженного молнией дерева. Серебряный лук она испытала четырежды: пер-

28. См. F. Bredau. De Callimacho verborum inventore. Bratislavie, 1892, p. 73.

вые две стрелы она пустила в деревья, третью — в дичь, четвертую — в город нечестивых людей.

αὐτμὴν... φάεος — Ср.: αὐτμὴ... πυρός (Hom. Od. XVI, 290). Ср.: IV, 230; II, 12.

118 κεραυνοί... ἀποστάζουσι — *метафора*; ἀποστάζω — лить по капле; ср.: II, 39.

120 πτελέη, ἡ — вяз; ср.: Hom. Il. XXI, 242; 350: Il. VI, 419; Call. VI, 27: μεγάλαι πτελέαι.

121 οὐκέτ' ἐπὶ δρῦν — испорченное место, возможно, по мнению Meineke, надо читать: οὐκέτι θῆρα.

123 τελέω = τελίσκω = τελέσκω — кончать, совершать; ср.: I, 87; II, 14; III, 239; III, 86.

124 τύνη — эп. — ту, су.

ἐμμάσομαι — впихивать. *В схолиях*: ἐμμάξεαι· ἐμβάλῃς.

ἐμμάξεαι... χαλεπὴν... ὀργήν... *метафора*; ср. мотив кары, наказания Артемиды у Гомера: Hom. Il. XXIV, 606 сл.; Od. XI, 172 сл.

125 πάχνη... καταβόσκεται... ἔργα — *метафора*.

126 κείρομαι — стричь; ср.: II, 14: πολιὴν κερεῖσθαι. *В схолиях*: πολιᾶσαι.

ἐφ' υἱάσιν — Дат. к υἱός, ὁ, букв.: стригут седину (седеют) старики по сыновьям. (Ср.: Артемида может просто убивать стариков, если они долго живут — Hom. Od. XV, 403–411).

127 βλητός — раненый. *В схолиях*: ἢ βληταί· ἤγουν βεβλημέναι ὑπὸ τῆς Ἀρτέμιδος. Ср.: VI, 101: βλητὸν ὑπ' Ἀπόλλωνος; ср.: Hom. Il. IV, 540: «ὅς τις ἔτ' ἄβλητος...»

λεχωίς, ἡ — лежащая в постели, родильница; ср.: IV, 56, 124 (от: λεχώ, οος, ἡ).

Стрелам Артемиды приписывали скоропостижную смерть женщин. У Гомера Артемида названа даже «λέων γυναιξί» (Hom. Il. XXI, 483). Ср. об Артемиде–убийце у Гомера: Hom. Il. XIX, 59–62; XI, 170–173; XI, 322–325. Od XV–III, 201–203.

128 σφυρόν, τό — пятка — *синекдоха*: «нога». ἐπὶ σφυρὸν ὀρθὸν ἀνέστη — сравнивают с пиндаровским стихом: «οὕνεκεν ὀρθῷ / ἔστασας ἐπὶ σφυρῷ» (Pind. Ist. VII, 12–13).

129 εὐμειδής — радостная — *неологизм*, встречается еще только у Аполлония Родосского (Apol. Rhod. IV, 715); Ср.: φιλομειδής (Ant. Pal. IX, 524, 22).

ἵλαος — благосклонный. Ср.: «...ἵλαος Ὀλύμπιος ἔσσεται ἡμῖν» (Hom. Il. I, 583).

αὐγάζομαι — распространять сияние — *метафора*: смотреть; ср.: VI, 4; IV, 125. Ср.: Hom. Il. XXIII, 458; Apol. Rhod. I, 155.

130 στάχυς, ὁ — колос — *метонимия*: «урожай». Ср.: «φέρε στάχυν» (VI, 136).

132 πολυχρόνιος — долговременный, продолжительный; ср.: V, 128; IV, 282).

133 διχοστασίη, ἡ — разногласие, раздор, ссора — поэт. поздн. τρώω = τιτρώσκω — ранить. *В схолиях*: τρώει· τρύχει, φθείρει.

134 σίνομαι — похищать, бить, разорять. В стихах 133–134 А. Герке в свое время усматривал намек на брак Филадельфа с сестрой[29].

θυωρός, ἡ — стол. У Диогена Лаэртского: «ἔλεγέ τε ὅτι οἱ θεοὶ τὴν τράπεζαν θυωρόν καλοῦσιν» (Diog. Laerc. I, 119). *В схолиях*: θυωρόν· θυωρός ἡ φιλική τράπεζα, κυρίως δε ἡ θεοῖς ἀνατιθεμένη.

135 εἰνάτηρ, ἡ — невестка; ср.: Hom. Il. VI, 378, 383; XXII, 473; XXIV, 769. γαλόως, ἡ — золовка; ср.: Hom. Il. III, 122; VI, 378, 383; XXII, 473.

136–137 лирическое отступление, несущее яркую субъективную окраску.

141–169 Артемида в доме Зевса.

143 Ἑρμείης Ἀκακήσιος — Гермес Акакесий, приносящий помощь и дарующий счастье и благополучие. Охраняет и множит стада. *В схолиях*: Ἀκακήσιος· ἀπὸ ὄρους Ἀρκαδίας, ἢ ὁ μηδενὸς κακοῦ παραίτιος ὤν.

145 Ἀλκεΐδης — Алкид — *антономасия*: Геракл.

146 Τιρύνθιος ἄκμων — тиринфская наковальня — *метафора*: Геракл. На службе у Еврисфея Тиринфского Геракл исполнил свои знаменитые 12 подвигов. Царь Тиринфа — Амфитрион, сын Алкея, смертный отец Геракла. Алкеем, или Алкидом, Геракла называли пока он в приступе безумия не убил двух своих детей и двоих племянников.

В схолиях: Τιρύνθιος ἄκμων· ὁ μὴ καμὼν ἐπὶ τοῖς ἄθλοις Ἡρακλῆς... Τίρυνς γὰρ πόλις Ἄργους. По поводу выражения «тиринфская наковальня» И. И. Толстой писал[30]: «Разумеется, только хорошо начитанным в старых поэтах людям и лишь тонким знатокам мифологии, какими, как правило, александрийские поэты и являлись, мог быть понятен взятый наудачу из великого множества других аналогичных: туманный эпитет «тиринфская наковальня» взамен имени Геракла».

29. A. Gercke, Alexandrinische Studien. Rheinischs Museum für Philologie, 1889, S. 275.

30. И. И. Толстой. Миф в александрийской поэзии. Статьи о фольклоре. М.-Л., 1966, с. 174.

147 ποτιδέγμενος от προσδέχομαι; ср.: Apol. Rhod. IV, 1282.

148 νεῖαι — от νέομαι. *В схолиях*: νεῖται· ἔρχεται; ср.: VI, 81; II, 113.

πῖον ἔδεσμα — жирная пища — *метонимия*: добыча.

149 ἄλληκτον — беспрерывно; ср.: Apol. Rhod. III, 805.

πενθερὴ αὐτή — теща сама — *антономасия*: Гера. У Гомера встречается только πενθερός; ср.: Hom. Il. VIII, 582; VI, 170. Женой Геракла была Геба, дочь Зевса и Геры.

151 ἀσπαίρω — отбиваться; ср.: Hom. Il. III, 293 — ἀσπαίροντας.

152 πινύσκω — вразумлять, наставлять; ср.: Hom. Il. XIV, 249. *В схолиях*: πινύσκει· σωφρονίζει, κολακεύει ὁ Ἡρακλῆς.

156 ῥέξειαν от ῥέζω — делать, совершать; ср.: III, 200; IV, 245; V, 85; IV, 203.

λυμαίνομαι — портить; ср.: Theocr, X, 15.

159 ...ὅ γε Φρυγίῃ περ ὑπὸ δρυὶ γυῖα θεωθείς. ὑπὸ δρυὶ — *метонимия*: «костер из дубов».

γυῖα θεωθείς. Ср.: φίλων... γυίων (III, 25).

Из Аполлодора (Apollod. II, VII, 7) известно, что, когда Геракл приближался к Трахину, его жена Деянира, боясь, как бы Геракл не полюбил Иолу больше, чем ее, посылает ему хитон, пропитанный кровью Несса, полагая, что эта кровь является любовным средством. Надев этот хитон, Геракл стал приносить жертву, но яд, принятый за любовное зелье, съедает тело героя. Несчастного Геракла привезли в Трахин; Деянира, узнав о случившемся, повесилась.

Геракл, отправившись на гору Ойту (эта гора находилась в области трахиниев), разложил там костер и, взойдя на него, приказал поджечь. Никто не хотел этого сделать, и только Пеант, проходивший в поисках своего скота, зажег костер. За это Геракл подарил ему свой лук и стрелы. Говорят, что когда огонь запылал, спустившееся облако с громом унесло Геракла. Став бессмертным и примирившись с Герой, Геракл женился на дочери Геры богине Гебе.

Φρυγίῃ... — *в схолиях*: Φρυγία ὄρος Τραχῖνος, ἔνθα ἐκάη ὁ Ἡρακλῆς. В словаре *Стефана Византийского*: Φρυγία... ἔστι καὶ Φρυγία τόπος τῆς Οἴτης ἀπὸ τοῦ ἐκεῖ πεφρύχθαι τὸν Ἡρακλέα.

160 ἀδηφαγίη, ἡ — прожорливость.

Чревоугодие Геракла — источник комической интерпретации образа в комедиях от Критона до Менандра[31].

νηδύς, ἡ — брюхо, живот, желудок — метонимия: «аппетит».

31. Об эволюции образа Геракла в античной литературе см.: G. K. Galinsky. The Herakles themes. The adaptationes of the Hero in literature from Homer

161 ἀροτριόωντι... Θειοδάμαντι.

Θειοδάμας, ὁ — Феодамант; ср.: Apol. Rhod. I, 1213; 1216; 1355. *В схолиях*: Θειοδάμαντι· Βασιλεὺς Δρυόπων. (Или Гигант, сын Земли и Тартара.)

Феодамант, пахарь-старик, сын Дриопа, отец Гиласа, отказавшийся накормить Геракла и за это наказанный им. Миф излагался в «Причинах» Каллимаха.

164 Ἥρη, ἡ — Гера упоминается в III, IV и V гимнах. В V гимне Каллимах употребляет дорийскую форму Ἥρα. Эпитеты Геры у Каллимаха следующие: κρείουσα... γνησίη Οὐλύμποιο (IV, 219); νύμφα Διὸς βαρύθυμε (IV, 215); ἄνασσα (IV, 221); πότνια, φίλη (IV, 226); δεσπότις (IV, 239).

165 τριπέτηλον, τό — с тремя листьями; ср. гомеровское: ὑψιπέτηλος (Hom. Il. XIII, 437; Hom. Od. IV, 458); у Геродота — τρίφυλλον (Herod. I, 132); или καλλιπέτηλος (Anth. Pal. IX, 64, 3). *В схолиях*: τριπέτηλον· τρίφυλλον.

ὠκύθοος — быстробегущий — *метафора*: быстрорастущий; ср. у Феокрита: Ид. II — магический трилистник.

166 ὑπολῆνίς, ἡ — от ὑπολήνιον, τό — корыто, чан — ἅπαξ. *В схолиях*: ὑπολῆνίδας· πυέλους, ποτίστρας.

167 θυμάρμενος (θυμός и ἀρ, ἀρέσκω) — дорогой, любезный сердцу. *В схолиях*: θυμάρμενον· καταθύμιον, ἡδύ.

170–182 Описание хоровода в честь Артемиды. Интересно сравнить с описанием хоровода в честь Аполлона (II, 85–96).

171 Αἰγυπτίου Ἰνωποῖο.

Иноп — река на Делосе, но Каллимах связывает эту реку с египетским Нилом. Ср.: IV, 206–208:

> Села подле Иноповых струй, что из недр подземельных
> Брызжут всего полноводней тогда, когда разольется
> Нил, от высот Эфиопских гоня изобильную влагу.

Как пишет Страбон, Иноп — «небольшая речка, протекающая через Делос» (Strab. X, V, 2). Связь делосского Инопа с египетским Нилом будет непонятна, если не принять во внимание предания древних о подземных реках. Еще Пиндар считал, что Алфей низвергается в пропасть до впадения в море, проходит под землей вплоть до Сицилии, сохраняя пресную воду не смешанной с морской (Pind. Nem. I, 102). И хотя Страбон укоряет Каллимаха за это сообщение: «Такие небылицы распространяют те писатели, кото-

to 20th century. Oxford, 1972, p. 1–72. О Геракле в эллинистической литературе см.: М. Е. Грабарь-Пассек. Античные сюжеты и формы в западно-европейской литературе. М., 1966, с. 133 и сл.

рые переправляют Иноп с Нила на Делос» (Strab. VI, II, 4). однако этот эпизод из Каллимаха вполне согласуется с теорией его современника и ученика Эратосфена о реках. текущих в подземных пустотах, так называемых зерефах[32] (зерефы от арк. ζέρεθρον — ион. βέρεθρον — атт. βάραθρον — пропасть; ср.: Strab. VIII, 389). Таких рек в Греции было несколько — Эврот, Алфей, Эрасин, Аний. *В схолиях:* Ἰνωποῖο· Ἰνωπὸς ποταμὸς Δήλου. В IV, 263: βαθὺς Ἰνωπός. В IV. 206: Ἰνωποῖο παρὰ ῥόον.

172 Πιτάνη, ἡ — Питана, город в Спарте. *В схолиях:* Πιτάνη· πόλις Λακεδαιμονίας.

Λίμναι, αἱ — Лимны, район в юго–восточной части Аттики с храмом Артемиды. *В схолиях:* Λίμναις· Λίμναι δῆμος Ἀττικῆς, ἔνθα τιμᾶται ἡ Ἄρτεμις.

173 Ἀλαὶ Ἀραφηνίδας — Алы Арафенидские, аттический дем, относящийся к эгейской филе, находился между Марафоном и Бравроном с известным храмом, посвященным Артемиде (Strab. IX, 309; X, 446). *В схолиях:* Ἀλὰς Ἀραφηνίδας· δὺο δῆμοι τῆς Ἀττικῆς, Ἀλαὶ Ἀραφηνίδες καὶ Ἀλαὶ Αἰξωνίδες... ἔστι δε ὁ δῆμος τῆς Ἀραφηνίδος μεταξὺ Φηγέως τοῦ πρός Μαραθῶνι καί Βραυρῶνος.

174 Σκυθίη, ἡ — топоним, часто встречающийся у греческих авторов; ср.: III, 256. По преданию[33], культ Артемиды у скифов установила амазонка Лисиппа. Она, обидевшая Афродиту пренебрежением к браку и приверженностью к войне, была наказана Афродитой тем, что ее сын Танаис влюбился в собственную мать. Не поддавшись кровосмесительной страсти, он бросился в реку и утонул. Чтобы избавиться от упреков его духа, Лисиппа повела своих дочерей вдоль побережья Понта Эвксинского. Здесь они разделились на три племени, каждое из которых основало свой город (см. Apoll. Rhod. II, 970; Theócr. XVI, 99: Σκυθικός).

τέθμια Ταύρων — τέθμιος — установленный; ср.: II, 87; VI, 18. *В схолиях:* τέθμιαι· νόμιμοι, ὡρισμέναι· τέθμια Ταύρων· τὰ νόμιμα τῶν Σκυθῶν ἤγουν τὸ θύειν τοὺς ξένους.

Лисиппа на добычу от своих походов построила в Тавриде храмы Аресу и Артемиде, чей культ она установила (Strab. XI, 5, 4). Тавры — по Страбону (Strab. VII, 308) — скифский народ, живший на территории Крыма. Сла-

32. См. подробнее на эту тему: В. П. Завьялова. К проблеме типологии географических описаний в греческой гимнографии. Сб.: Живое наследие античности. 1987, с. 50–69.

33. Подробнее см.: Р. Грейвс. Мифы древней Греции. М., 1992, с. 364.

вились как морские разбойники, дикие, негостеприимные варвары. Потерпевших кораблекрушение тавры, говорят, приносили в жертву своей богине. Эту богиню некоторые греческие авторы отождествляли с Артемидой.

175–182 нередко встречающийся топос у Каллимаха «бог наблюдает за хороводом» (ср.: II, 90–92), в данном случае Гелиос. Гелиос настолько увлекся хороводом в честь Артемиды, что день намного удлинился, и даже самые крепкие быки, стимфейской породы, с трудом выдержали бы пахоту в такой длинный день.

176 τετράγυον — площадь в один тетрагий, площадь однодневной вспашки из четырех десятин. *В схолиях*: τετράγυον· τεσσαρῶν γυῶν. Ср.: Apoll. Rhod. III, 1343–1344.

178 κόπρος, ἡ — навоз, помет — *синекдоха*: «скотный двор». *В схолиях*: κόπρον· τὴν ἔπαυλιν.

Στυμφαιίς — стимфейский, от города Стимфея в Эпире. *В схолиях*: Στυμφαίδες· Ἠπειρωτικαί· Στύμφαι γὰρ χωρίον τῆς Ἠπείρου.

180 τέμνειν ὦλκα βαθεῖαν = singularis pro plurali.

ὦλξ = ὦλαξ, αὐλοξ, αὐλαξ, ἡ. У Гомера встречается только в асс.: ὦλκα — борозда (Hom. Il. XIII, 707; Od. XVIII, 375).

182 τὰ φάεα — светы — *метонимия*: «день». Ср.: VI, 82; III, 117.

μηκύνομαι — тянуться в длину, длиться. Ср. у Аполлония Родосского: «εἰαρινοῦ μηκύνεται ἤματος αἶσα» (Apoll. Rhod. IV, 961).

183 εὔαδε — эп. аог. к ἀνδάνω — нравиться. Ср.: πολίεσσιν ἐαδότα τέθμια (VI, 18).

184 ἔξοχα — очень (Ср.: ст. 189), есть чтение: ἔξοχον.

187 Δολίχη, ἡ — Долиха, один из спорадических островов, позднее остров Икарос. У *Стефана Византийского*: Δολίχη· νῆσος πρὸς τῇ Λυκίᾳ ὡς Καλλίμαχος.

Πέργη, ἡ — город Перга, главный город Памфилии со знаменитым храмом Артемиды (Strab. XIV, 4, 2). *В схолиях*: Πέργη· μητρόπολις Παμφυλίας.

188 Τηΰγετον, τό — Тайгет, одна из высочайших гор в Греции между Лаконикой и Мессенией (Strab. IV, 208; X, 475). *В схолиях*: Τηΰγετον· ὄρος Λακεδαίμονος.

Εὔριπος, ὁ — морской пролив, отделяющий Эвбею от Греции, известен был в древности колебаниями между приливами и отливами (Strab. XIV, 667). Ср.: IV, 145. *В схолиях*: Εὐρίποιο· ὁ μεταξὺ Εὐβοίας καί Βοιωτίας ῥοῦς.

189–225 Перечисление любимых спутниц Артемиды.

189–205 Стихи, посвященные любимой нимфе Артемиды — Бритомартис. Бритомартис — критская нимфа, дочь Зевса

и Лето, называется также Диктинной и Артемидой. Диодор (Diod. V, 76, 3) пишет, что она изобрела охотничьи сети (δίκτυα), была в большой дружбе с Артемидой, чьих собак она держала на привязи (Strab. X, 479); Британартис–Диктинна, любимая Миносом, в представлениях древних связывалась с луной (Еврипид. Ипполит. 145; *Гезихий.* Британартис).

Гортунίδα... νύμφην — Гортунίς, ἡ — город на Крите. *В схолиях*: Гортунίδα· Κρητικήν, ἀπὸ τόπου.

190 ἐλλοφόνος — убивающий молодых оленей. Ср.: ταυροφόνος, ξενοφόνος, λαγωφόνος, νεβροφόνος. *В схолиях*: ἐλλοφόνον· νεβροκτόνον.

εὔσκοπος — дальнозоркий. Ср.: εὔσκοπος ἰοχέαιρα (Hom. Od. XI, 198) — об Артемиде. По Павсанию (Paus. II, 30, 3). влюбленный Минос преследовал Британартис. Спасаясь от преследований, она бросилась в море, где были расставлены сети для ловли рыбы. Ее выловили и спасли рыбаки. Артемида обожествила Британартис. На Эгине ей поклоняются как Афае, потому что она бесследно исчезла; на Крите зовут Диктинной (Ведающей сетями); в Спарте ее называют Артемида Озерная и т. д.

193 εἰαμενή, ἡ — травянистая низина, влажный луг. В словаре *Гезихия*: εἰαμενή· τόπος, ὅπου πόα φύεται ποταμοῦ ἀποβάντος· ἢ ἕλος παραποταμίον κάθυδρον· ἢ ἀναβολὴ ποταμοῦ φυτὰ ἔχουσα.

φοιτάω — блуждать, носиться взад и вперед (Ср.: φοιτασεῖ — V, 130), вариант: κατατρέχω.

194 παίπαλον, τό — утес. *В схолиях*: παίπαλα· τόπους τραχεῖς; ср.: Apol. Rhod. — παιπαλόεις — IV, 1635.

195 μαρπτομένη — от μάρπτω — схватывать, настигать, догонять.

196 πρηόνος ἐξ ὑπάτοιο... πρηών, ὁ = πρεών — обрывистая скала; ср:. Hom. Il. VIII, 557; XVI, 299 — πρώονες; ср.: πρηνής, 2 — наклонный, покатый, крутой.

197 Κύδωνες — кидонийцы, *синекдоха*: критяне; ср.: I, 45. *В схолиях*: Κύδωνες· ἔθνος Κρήτης.

198 Δίκτυνα, ἡ — есть чтение: Δίκτυννα — местное именование Британартис.

200 στέφος, τό поэт. = στέφανος, ὁ — венок; ср.: στεφάνοισι — IV, 307.

201 πίτυς ἢ σχῖνος — *синекдоха*: «ветки сосны или мастикового дерева». Ср.: традиционно с Артемидой связывают лавр и пальму (Ovid. Met. VI, 335; Paus, IX, 19, 5).

202 ἐνέσχετο от гл. ἐνέχομαι — запутываться, зацепляться.

πέπλοισιν — синекдоха: pluralis pro singulari.

μύρσινος ὄζος — мирт — род вечнозеленых кустарников или деревьев. Встречается около 100 видов: растет преимущественно в субтропических и тропических странах. В древние времена был распространен мирт обыкновенный (Myrthus communis) — декоративный ветвистый кустарник высотой до 5 м с крупными листьями, пахучими белыми или розоватыми цветками и сине-черными плодами.

203 χώσατο от гл. χώομαι — сердиться, негодовать (Ср.: III, 31; VI, 41). Варианты: κοτέομαι, συνοργίζομαι, χαλέπτομαι.

204–224 Перечисление других нимф — подруг Артемиды: Кирены, Прокриды, Антиклеи, Аталанты.

204 Οὖπι ἄνασσ': Οὖπις, ἡ — встречается рукописное: ὠπιάνασσα — Упис = Опис. Собственное имя Артемиды как помощницы при родах. *В схолиях*: Οὖπι· Οὖπις ἐπίθετον Ἀρτέμιδος. ἢ παρὰ τὸ ὀπίζεσθαι τὰς τικτούσας αὐτήν.

Опис или Опида, — также имя одной из трех дев (Упис, Локсо и Гекаерга), прибывших от гиперборейцев, за которую вступилась Артемида, когда Орион пытался совершить насилие над девушкой (Apollod. I, IV, 5). Делосские невесты по древнему обычаю жертвуют свои волосы Гекаерге и Опис.

εὐῶπις — хорошо видящая. Ср.: Hom. Od. VI, 113 — εὐῶπιδα κούρην. Apol. Rhod. IV, 1090.

φαεσφόρος — светоносный — обычнее: φωσφόρος — эпитет Артемиды и Селены. Ср.: φαεσφορίη (III, 11).

206 ἑταρίζομαι — быть в товарищеских отношениях, общаться. Ср.: Hom. Il. XIII, 456; XXIV, 335.

207 θηρητῆρε δύω κύνε — Dual.!

208 κούρη Ὑψηὶς — дева Гипсеева — *антономасия*: нимфа Кирена; ср.: III, 263; V, 106. Кирена, дочь лапифского царя Гипсея (отсюда часто повторяемая Каллимахом антономасия — Гипсеида). С мечом и копьем в руках Кирена все время пропадала в лесу на охоте. Аполлон увидел и полюбил ее в тот момент, когда она боролась со львом — так пишет Пиндар (Pind. Pyth. IX, 18–30). Аполлоний Родосский (Apoll. Rhod. II, 495–500) сообщает, что Аполлон увидел Кирену, когда она «пасла стадо овец у реки». По версии, изложенной в данном контексте Каллимахом, Артемида подарила своей любимой наперснице двух охотничьих псов, с которыми Гипсеида одержала победу на играх у «могильного холма Иолка».

παρὰ τύμβον Ἰώλκιον — у холма Иолка — *метафора*: у могилы Пелия; ср.: IV, 74; III, 227. *В схолиях*: τύμβον Ἰώλκιον· τὸν τοῦ Πελίου· ἐν Ἰωλκῷ γὰρ ὁ Πελίας (Пелий, царь Иолка, брат-близнец Нелея).

209 Κεφάλου... ἄλοχον Δηιονίδαο — супругу Кефала, сына Дейонея — *антономасия*: Прокриду. *В схолиях*: Κεφάλου ἄλοχον· τὴν Πρόκριν. Кефал, сын Дейонея, страстный охотник, женился на Прокриде, дочери Эрехтея. Когда Прокрида приплыла на Крит, ее соблазнил Минос, подаривший ей собаку, от которой никогда не ускользнет дичь, и дротик, который никогда не пролетит мимо цели. (Apollod., II, 4, 7; Antonin. Lib. Transform. 41). По версии Гигина (fab. 189), собаку и дротик подарила Прокриде сама Артемида. Однако Прокрида легко согласилась отдать собаку и дротик Кефалу в награду за его любовь. Артемида обиделась, что ее дары так легко переходят из рук в руки, и заронила Прокриде мысль, что Кефал, уходя на охоту, изменяет ей с Эос. И однажды ночью, переодевшись, Прокрида отправилась за мужем. Когда Кефал услышал за собой в кустах шорох, он метнул копье, не знающее промаха, и оно пронзило Прокриду (Apollod. II, 4; 7; III, 15.1).

211 καλὴν Αντίκλειαν — Антиклея, дочь Автолика, жена Лаэрта, мать Одиссея; ср.: Hom. Od. XI, 84–86; Paus. X, 29, 8. *В схолиях*: Αντίκλειαν· ἢ τὴν μητέρα Ὀδυσσέως ἢ ἄλλην τινά.

213 φορέω — усил. к φέρω — нести; ср.: II, 110, 81, 141; IV, 170, 284; III, 164; IV, 299, 194, 186.

214 γυμνὸς... μαζός — голый сосец — *синекдоха*: грудь; ср.: I, 48; IV, 274.

215 ᾔνησας — от αἰνέω — хвалить, одобрять.

ποδόρρωρος — ἅπαξ = ποδώκης — быстроногий, быстрый. *В схолиях*: ποδορρώρην· τὴν τοῖς ποσὶν ὁρμῶσαν. ἐπώνυμον Ἀταλάντης· παρὰ τό ὁρούειν, οἷον ἢ τοῖς ποσὶν ὁρμῶσα.

Аталанта — единственная дочь Иаса (или Менала, или Схойнея) (см. III, 216) и Климены. Иас, желавший иметь детей только мужского пола, выбросил девочку, и ее вскармливала, часто навещая, своим молоком медведица, пока Аталанту не подобрали охотники, воспитавшие ее у себя. Став взрослой девушкой, Аталанта сохраняла девственность и проводила время, занимаясь охотой в диких и пустынных местах в охотничьем снаряжении... Аталанта вместе с мужчинами приняла участие в охоте на Калидонского вепря (Apollod. III, 9, 2).

216 κούρην Ἰασίοιο... Αρκασίδαο — деву Иаса Аркадца — Аталанту — *антономасия*. Иас, сын Зевса и Электры, отец Аталанты. Иас влюбился в Деметру, хотел ее обесчестить, но был убит перуном Зевса. По другой версии, Деметра сама избрала себе Иаса и разделила с ним ложе. Разгневанный Зевс поразил Иаса перуном (Hom. Od. V, 125).

217 κυνηλασίη, ἡ — ἅπαξ — охота, травля с собаками. Ср.: аналогичные по образованию: βοηλασίη, ἡ — уведение чужих быков, грабеж; διφρηλασία, ἡ — управление колесницей; δημηλασία, ἡ — изгнание; τροχηλασίη, ἡ — погоня; εὐστοχίη. ἡ — удачное попадание в цель, меткость.

218 ἀγρευτήρ, ὁ = ἀγρευτής, ὁ = ἀγρεύς, ὁ — охотник, ловчий; ср.: Theocr. XXI, 6.

221 ἔολπα — от ἔλπομαι = ἐλπίζω.

Гилей и Ройк (или Рэк) — кентавры, они пытались совершить насилие над Аталантой, но она убила их, застрелив из лука (Apollod., III, 9, 2). *В схолиях*: Ὑλαῖον· Ὑλαῖος καὶ Ῥοῖκος κένταυροι περὶ Ἀρκαδίαν, οὓς ἀνεῖλεν Ἀταλάντη βιασαμένους αὐτήν.

222 μωμέομαι — насмехаться, зд. вариант к μέμφομαι — бранить.

223 συνεπιψεύδομαι — *неологизм* Каллимаха; ср.: более обычное — ψεύδομαι, ἐπιψεύδομαι — Apol. Rhod. III, 381. λαγόνες... συνεπιπιψεύσονται — олицетворение.

224 Μαινάλιος — меналийская (гора) в Аркадии. *В схолиях*: Μαιναλίη· ὄρος Ἀρκαδίας (Strab. VIII, 388; Paus. 8, 36).

νᾶεν φόνῳ ἀκρώρεια — вершина течет убийством — *метафорическое выражение*. Ср.: φωνὴ ῥεῖ (Hom. hymn. IV, 237).

225–258 Перечисление наиболее известных храмов Артемиды.

225–226 Χιτώνη — Хитона, эпитет Артемиды; ср.: I, 78; V, 110.

У Ст. *Византийского*: Χιτώνη· οὕτως ἡ Ἄρτεμις λέγεται.

Комментируя ст. 77 первого гимна, схолиаст неожиданно дает справку о Нелее, более относящуюся к ст. 226 III гимна, где эпитет Хитона объясняется как «ἐστι δε δῆμος τῆς Ἀτικῆς», но R. Pfeiffer по этому поводу пишет: «Χιτώνη aliunde non notus et valde suspectus». Весь текст *схолиев* таков:

Νηλεὺς ὁ Κόδρου ἀποικίαν θέμενος ἀπὸ Ἀθηνῶν ἔλαβε χρησμὸν ἐγεῖραι ξόανον τῇ Ἀρτέμιδι ἀπὸ παγκάρπων ξύλων. καὶ δήποτε ἑορτῆς τελουμένης τῇ Ἀρτέμιδι ἐν τῇ Χιτώνῃ (ἐστι δὲ δῆμος τῆς Ἀττικῆς) ἀπελθὼν εὗρε δρῦν πάμπολυν καὶ διάφορον ἔχουσαν ἠρτημένον καρπόν. καὶ ἐκ τούτου ἐποίησεν ἄγαλμα τῇ θεᾷ καὶ οὕτω μετῴκησεν ἐν Μιλήτῳ. ἀπὸ τοῦ δήμου οὖν ἔσχε τὴν ὀνομασίαν ἡ Ἄρτεμις· ἢ ὅτι τικτομένων τῶν βρεφῶν ἀνετίθεσαν τὰ ἱμάτια τῇ Ἀρτέμιδι.

πουλυμέλαθρος — ἅπαξ. Ср.: ὑψιμέλαθρος (Hom. hymn. III, 103, 134, 399). У Гомера, Пиндара и трагиков встречается: πολλὰ μέλαθρα ἔχων. У Каллимаха можно отметить следующие аналогичные образования: πολύπτολις (III, 225; IV, 266), πολύβωμος (IV, 266, 316), πολυμέδιμνος (VI, 2, 120), πολὐθεστος (VI, 47), πολυκρέμνος (фрг. 447), πολυπτώξ

(фрг. 528), πολύλλιτος (II, 80; IV, 316), πολυκτέανος (II, 35). В этом же гимне об Артемиде Каллимах говорит: πολυώνυμος (III, 7). Раньше этот эпитет связывали только с Аполлоном (Ср.: Hom. hymn. II, 82). Каллимах же в аналогичной ситуации об Аполлоне говорит: πάντη τοι οὔνομα πουλύ (II, 70).

Образования с πολυ–/πουλυ– следует признать излюбленной моделью александрийцев. Ср. у Аполлония Родосского: πολυβενθής (IV, 559), πολυδάκρυον (II, 916), πολυηχής (IV, 609; 963), πολυθάρσης (II, 912), πολυκέρδης (III, 1364), πολυκήδης (I, 16; IV, 734, 1073), πολύκλαυτος (III, 777), πολύκλυστος (I, 597), πολύκμητος (IV, 1133, 1189), πολύκνισσος (III, 880), πολυλήϊος (I, 580, 937; II, 507; IV, 267), πολόμητις (I, 851), πολυπήμων (II, 673; IV, 228, 1044), πολυπίδαξ (III, 883), πολυπότνια (I, 1125, 1151; IV, 1069), πολύπρεμνος (IV, 161), πολύστονος (II, 1256; III, 274; IV, 65), πολύτροπος (III, 600), πολυφάρμακος (III, 27; IV, 1677), πολύφημος (I, 40, 179; 1241, 1347; IV, 1470), πολυφράδμων (I, 1311).

226 Μιλήτῳ ἐπίδημε — живущая в Милете — *метафорическое выражение*: почитаемая в Милете.

Νηλεύς, ὁ — Нелей, брат-близнец Пелия, сын Посейдона и Тиро, основатель в Мессении города Пилос (Strab. VII, 573, 633). Нелей особенно почитал Артемиду, потому что она, расправляясь с дочерьми Ниобы, пощадила только его будущую жену Хлориду (Apollod. III, 5, 6).

227 Κεκροπίηθεν — из Кекропии — *метонимия*: «из Афин».

228–232 *иносказательное* упоминание о начале Троянской войны.

228 Χησιάς, ἀδος — Хесия, собственное имя Артемиды, от названия горной цепи, где находился храм Артемиды на Самосе. *В схолиях*: Χησιάς· Χήσιον–ἀκρωτήριον τῆς Σάμου.

Ἰμβρασίη — Имбрасийская — эпитет Артемиды и Геры (Ср.: Apol. Rhod. II, 866). От реки Ἴμβρασος на острове Самос (Strab. XIV, 1, 637). Ср.: Cal. frg. 599: «Ἰμβρασίης ἔδος Ἥρης... τὴν Σάμον φησίν».

πρωτόθρονος — традиционный эпитет Геры. Каллимах впервые употребляет этот эпитет по отношению к Артемиде. Ср. у Гомера: χρυσόθρονος (Hom. Il. IX, 533). Павсаний Артемиду назовет πρωτοθρονίη (X, 38, 6).

230 μείλιον ἁπλοΐης: μείλιον, τό — приятный дар, приданое, жертва — *метафора*: «Ифигения». Ифигения в мифологии — ипостась Артемиды. *В схолиях*: μείλιον· μείλιγμα. Λέγει δὲ τὴν προῖκα, τὰ χαρίσματα. Ср. аналогичный случай (IV, 286): ἀσιγήτοιο λέβητος (неумолчного котла) — *метафора*: «додонский оракул».

231 Τευκρῶν... ἄστεα — крепости тевкров.

Τευκροί, οἱ — тевкры, или троянцы, т. к. *Τεύκρος* — Тевкр — древнейший царь Трои.

ἄστεα κήδειν — *метонимия*: захватить крепость.

232 ἀμφ' Ἑλένῃ Ραμνουσίδι — из-за Елены Рамнусийской. *В схолиях*: Ραμνουσίδι· Ῥαμνοῦς δῆμος Ἀττικῆς.

Ραμνουσία — храм Немесиды в деме Ῥαμνοῦς, недалеко от Марафона. В храме была большая статуя богини с чашей и яблоком (Paus, VII, 5, 3); Ραμνουσιὰς — эпитет Немесиды и Елены. Ραμνουσιὰς — по отношению к Елене — *ἅπαξ*.

233–236 Эпизод мифа о трех дочерях Пройта. Важен для объяснения происхождения культов Артемиды Лусийской и Артемиды Корийской. *В схолиях*: θυμὸν ἀπ' ἄγριον εἵλεο παίδων· τοῦ Προίτου μανεῖσαι αἱ τρεῖς θυγατέρες πάλιν διὰ τῆς Ἀρτέμιδος ἡμερώθησαν. ὁ δὲ κτίζει ἱερὰ δύο, ἓν μὲν Κορίης, ἓν δὲ Ἡμέρης, διότι τὰς κόρας ἡμέρωσεν.

Пройт / Прет — сын Абанта, бывший, как и его брат Акрисий, соправителем Арголиды, женился на Сфенебее, которая родила ему трех дочерей: Лисиппу, Ифиною и Ифианассу. Войдя в пору зрелости, девушки впали в безумие в возмездие за то, что отказались участвовать в дионисийских таинствах, и стали блуждать по всей Аргосской земле, а затем и по всему Пелопоннесу. По Аполлодору (Apollod. II, 2, 1–2), девушек исцелил Мелампод, прорицатель и первооткрыватель лечения при помощи трав и очищений, получивший в награду одну из девушек в жены и треть царства. Павсаний (VIII, 18, 8) сообщает подробности исцеления: Мелампод таинственными жертвоприношениями вернул дочерей Пройта в местечко Лусы и исцелил их в храме Артемиды Гемерасии (Укрощающей). Вакхилид же в эпиникии (Βακχ. XI, 40–112) сообщает другую версию мифа: Пройт обратился с мольбой к Артемиде и пообещал ей в случае исцеления дочерей воздвигнуть алтарь и храм в Лусе. Λουσοί или Λουσσοί — местечко в Аркадии с храмом Артемиды.

Второй храм — Корийский, и как считает Каллимах, отсюда эпитет Артемиды: Κορίη = Κορία. Вообще же Кория, Кора — эпитет Афины; о храме и статуе Афины Кории пишет Павсаний (VIII, 21, 3), об Афине Кории вспоминает Цицерон (Cic. De natura deorum. III, 23, 59).

Ἀζήνιος — азенийский. *В схолиях*: Ἀζήνια· ὄρος Ἀρκαδίας. Известно, что эта гора на границе с Элидой (Paus. 8, 4, 2).

237–258 Эпизод, посвященный самому знаменитому в древности храму Артемиды — Эфесскому. Страбон пишет, что три

знаменитые амазонские царицы захватили большие владения в Малой Азии и Сирии и основали города Эфес, Смирну, Киму, Мирину и др. (Strab. XI, 5.4). В Эфесе они установили изваяние Артемиды под буковым деревом, где Гиппо (*имя амазонки сообщается Каллимахом*) совершала жертвоприношения, после которых ее соплеменницы исполняли сначала танец со щитами, а затем водили хоровод, ударяя одновременно о землю ногой под аккомпанемент дудочек. Над этим изваянием позднее был воздвигнут храм Артемиды Эфесской, являвшийся одним из семи чудес света (Гигин. Мифы. Пер. с лат. Д. Торшилова. Под общей редакцией А. А. Тахо-Годи. СПб., *Алетейя*, 1997. Мифы 223 и 225). Подробнее см.: Р. Грейвс. Мифы Древней Греции. М., 1992, с. 365.

В Неаполе в национальном музее хранится копия статуи Артемиды Эфесской с греческого оригинала эпохи эллинизма.

239 φηγῷ ὑπὸ πρέμνῳ; φηγός, ἡ (лат. fagus — вид дуба) — бук; πρεμνόν, τό — нижняя часть ствола, основание дерева — *метонимия*. По мнению Грейвса (ук. соч., с. 369), утверждение Каллимаха о том, что амазонки установили изваяние под эфесским буком, — ошибочно, ведь буки не растут так далеко к югу. Возможно, это была финиковая пальма, символизирующая плодородие и напоминающая о ливийском происхождении богини, статуи которой обвешивались большими золотистыми финиками, ошибочно принимаемыми за груди богини. В настоящее время установлено, что статуя Артемиды Эфесской, древний идол негреческого происхождения, имела множество грудей, что наглядно демонстрировало вскармливающую всю природу сущность божества (сохранились изображения на монетах). Есть и другие толкования Артемиды «многогрудой»[34]. В настоящее время считается, что культ Артемиды Эфесской — хеттского происхождения.

240 πρύλις, ἡ — военная пляска; ἐνόπλιος, ὁ — пляска с оружием.

У амазонок были медные луки и небольшие щиты в форме полумесяца. Шлемы, плащи и пояса они делали из шкур диких зверей (Strab. XI, 5, 4). В свое время Э. Диль считал,

34. Из отечественных исследований укажем на статью М. Касьян «Божественные пчёлы — gens aeterna», в которой прослеживается связь Артемиды Эфесской с пчёлами. Материалы чтений, посвящённых памяти профессора И. М. Тронского. СПб., Наука. 2004, с. 324–226.

что стихи III, 240–247 — описание хоровода вокруг деревянного кумира — следует отнести к отступлениям[35]. Для Каллимаха это один из любимых мотивов (Ср. описание плясок в I гимне, 52–54; во II гимне, 8–13, 87–90; в IV гимне, 320–324).

245 ἔδραμε... ἠχώ — *метафорическое выражение*; ср.: IV, 139.

246 Σάρδεις, αἱ — ион. Σάρδιες — Сарды — древняя столица Лидии, расположенная на горе Тмол и в долине реки Пактол. *В схолиях*: Σάρδιας· πόλις Λυδίας.

Βερεκύνθιος или Βερεκύντιος — Берекинф — город и область во Фригии (Strab. X, 472). *В схолиях*: Βερεκύνθιον· μεταξὺ Λυδίας καὶ Φρυγίας.

247 καταχροταλίζω — хлопать, стучать — ἅπαξ. Встречаются формы: χροταλίζω, ἐπιχροταλίζω, ἀνακροταλίζω.

ἐπιφοφέω — *неологизм* к ψοφέω — шуметь, стучать; ср.: ἀποψοφέω, ὑποφοφέω.

248 εὐρυθέμειλον, τό — *с широким, прочным основанием*; ср.: θεμείλιον — II, 57, 58, 64; IV, 260 и θέμεθλον — II, 15).

250 Πυθών, ἡ — Пифон — *метонимия*: храм в Пифоне; древнее название Дельф; ср.: IV, 90; II, 35.

251 ἠλαίνω = ἀλαίνω = ἀλάομαι — блуждать, скитаться; ср.: Theocr, VII, 23; *в схолиях:* ἠλαίνων· μωραίνων.

252 Λύγδαμις, ὁ — Лигдамид, царь киммерийцев, осевших в Киликии, хотел захватить и разграбить эфесский храм, но был разбит (Plut. Mar. 11; Strab. I, 61). Ср. в словаре *Гезихия*: Λύγδαμις· οὗτος ἔκαυσεν τὸν ναὸν τῆς Ἀρτέμιδος.

ἱππημολγοί, οἱ (ἵππος и ἀμέλγω) — доящие кобылиц, название скифов–киммерийцев; ср.: Hom. Il. 13, 5; Strab. VII, 296 ff.).

253 Κιμμέριος, ὁ — киммериец. Народ, живший на северном берегу Черного моря и затем переселившийся в Малую Азию (Strab. I, 61).

254 βοὸς πόρον Ἰναχιώνης — пролив коровы Инаха; βοὸς... Ἰναχιώνης — *антономасия*: Ио. *В схолиях*: τῆς Ἰοῦς τῆς εἰς βοῦν μεταμορφωθείσης.

Об Ио как о дочери Инаха упоминает Софокл в «Электре»; этот же миф он использовал в недошедшей трагедии «Инах». Содержание пьесы реконструирует Виламовиц[36]: некогда в Аргосе правил царь Инах, бог реки Инаха. У него была прекрасная дочь Ио, в которую влюбился Зевс. Пока Зевс

35. См. E. Diehl. Der Digressionsstil des Kallimachos, Riga, 1937, S. 20.

36. U. von Wilamowitz-Moellendorff. Euripides' Herakles. Bd. I. Leipzig, 1889, S. 88.

наслаждался любовью с Ио, сам Плутос прибыл в эту страну, воды Инаха поднялись и оросили равнину, которая принесла большой урожай. Но Гера затаила злобу в душе из-за обиды, которую нанес ей супруг. Ио была превращена в корову, и ее стал охранять ужасный страж. Ср.: Ovid. Met. I, 610:

> Предугадавши супруги приход, в блестящую телку
> Он Инаховой дочери вид превращает немедля.
> Но и телицей прекрасна она...

257 ἐν λειμῶνι Καϋστρίῳ — на каистрийском лугу. Каистр — река в Лидии, бог этой реки — отец Эфеса. Равнина около этой реки называется Καϋστρίου πεδίον; ср.: Herod. V, 100; Strab. IX, 440.

259–268 Концовка гимна; основной мотив: да не дерзнет никто не почтить Артемиду.

259 πότνια Μουνιχίη — владычица Мунихийская. Артемида названа именем полуострова Мунихий около Афин, где находился ее храм (Thuc. 8, 92). *В схолиях*: Μουνιχίη· ἤτοι Ἀττική· Μουνιχία γάρ ἐστι μέρος τοῦ Πειραιῶς τοῦ λιμένος τῶν Ἀθηνῶν. Или, возможно, от месяца Мунихиона (апрель–май), времени, посвященного Артемиде.

Φεραίη — Ферайя — эпитет Артемиды от фессалийского города Феры (Paus. I, 4, 4; II, 10, 7; 23, 5).

λιμενοσκόπος, ὁ — *неологизм*, возможная параллель: λιμενοφύλαξ. Ср.: μηλοσκόπος, οἰωνοσκόπος, μετεωροσκόπος. λιμενοσκόπος встречается как эпитет Аполлона у Нонна (III, 57) и в Anth. Pal. X, 25.

260 Οἰνεύς, ὁ — Ойней, царь Калидона в Этолии, отец Тидея, Мелеагра, Деяниры. Ойней забыл включить Артемиду в число богов, которым ежегодно приносились жертвы. Артемида, узнав об этом небрежении от Гелиоса, послала огромного вепря, чтобы тот погубил скот, людей и нивы Ойнея (Apollod. III, 9, 2).

263 Ἀτρεΐδης — Атрид — *антономасия*: Агамемнон; ср.: V, 106.

οὐδὲ... ὀλίγῳ... μισθῷ — немалой платой — *метафора*: Ифигения (ср.: V, 102).

264 От и Эфиальт были сыновьями Ифимедии и Посейдона, больше известные как братья-близнецы Алоады. Когда им было девять лет, они объявили войну Олимпу. Эфиальт стал свататься к Гере, а От — к Артемиде. Артемида уничтожила Алоадов на острове Наксосе, прибегнув к обману. Артемида явилась перед ними в образе оленя, Алоады же, пытаясь поразить животное дротиками, пронзили друг друга (Apollod. I, 7, 4).

265 Ὠαρίων — Орион — великан и охотник, сын Посейдона и Эвриалы, убит стрелой Артемиды на острове Делос. Как сообщает Аполлодор, он погиб, когда приглашал Артемиду состязаться с ним в метании диска, или был застрелен Артемидой из лука, когда пытался совершить насилие над Опидой, одной из дев, прибывших от гиперборейцев (Apollod. I, 4. 3–4.). Эратосфен (Cataster. XXXII)[37] описывает смерть Ориона так. Не найдя Ойнопиона, который откладывал свадьбу Ориона с его дочерью, так как не желал иметь его своим зятем, Орион явился на Крит и стал охотиться на дичь, угрожая, что уничтожит всех зверей на земле. Разгневанная Гея наслала на него огромного скорпиона. Тот укусил Ориона, и Орион умер. Но боги пожалели его и превратили в созвездие, а вместе с ним в память об этом событии превратили в созвездие и скорпиона.

267 ἀκλαυτὶ = ἀκλαυστὶ от ἀκλαυστός — неплачущий, без слез, без печали. *Неологизм*, образован, очевидно, аналогично следующим: ἀνιδρωτί (Hom. Il. XI, 228), ἀνουτητί (Hom. Il. XX–II, 371), ἀνωιστὶ (Hom. Od. IV, 92) ἀφρικτὶ, ἀμογητὶ и т. д. Ср. гомеровский эпитет Артемиды — δακρυόεσσα (Hom. Il. XXI, 493, 496, 506).

268 εὐαντέω — принять благосклонно — ἅπαξ. Возможно, от ἀντέω = ἀντάω — идти навстречу кому–либо, встречать кого–либо.

37. Цит. по: Аполлодор. Мифологическая библиотека. Л., 1972, с. 130.

IV. ГИМН «К ДЕЛОСУ»

ПРЕДИСЛОВИЕ

Гимн «К Делосу», посвященный родине Аполлона и Артемиды, на котором было важнейшее святилище Аполлона Делосского, ближе всех других каллимаховских гимнов к эпической традиции[1]. Большинство исследователей считают, что этот гимн вообще невозможно понять, не учитывая традиций ионийского эпоса, а конкретнее, гомеровских гимнов; его можно рассматривать как эллинистический эквивалент гомеровского гимна «К Аполлону»[2]. Более того, гимн «К Делосу», по мнению большинства, вершина дерзкой игры с традицией, «рискованное злоупотребление эпической музой», как пишут Э. Говальд и Э. Штайгер[3], где автору не хватает одного лишь шага до пародии. Но и в этом гимне, как и в других произведениях, Каллимах проявляет удивительное чувство такта: ему удается постоянно находиться на грани гротеска и пародии, и лишь отсутствие ядовитой остроты и презрительного пренебрежения превращают гимн в игру и шутку[4]. Еще Зуземиль высказывал предположение, что этот гимн написан по заказу Птолемея II.

Относительную дату написания гимна можно установить более определенно, чем для какого-либо другого каллимаховского гимна: он имеет достаточно точную историческую «привязку»: гимн был написан после упомянутого в гимне уничтожения галлов/галатов-наемников и, возможно, сразу после обожествления Птолемея Филадельфа, т. е. между *270–263* гг. до н. э.[5]

В 280 г. до н. э. галаты (кельтское племя), перейдя вместе с семьями Дунайскую долину, достигли Македонской границы. Их отряд под предводительством Бренна в 279 г. до н. э.

1. Наиболее подробное современное издание гимна: W. H. Mineur. Callimachus. Hymnus to Delos. 1984.

2. H. Herter, op. cit., S. 434.

3. E. Howald, E. Staiger. Die Dichtungen des Kallimachos, 1955., S. 101.

4. Так считают: B. Snell. Die Entdeckung des Geistes, op. cit. S. 355–356; H. Erbse. Zum Apollonhymnos des Kallimachos, S. 414 и др.

5. H. Herter. Kallimachos aus Kyrene, Ср. другие точки зрения: 279–274 — O. Kya (Aug. Couat, op. cit.); 274–260 — E. Howald, op. cit.

вторгся в Македонию; царь Македонии Керавн погиб в бою. В дельфийском сражении пал сам Бренн. Возможно, об этих событиях в IV гимне Каллимах говорит устами Аполлона (IV, 172-176): ...Ведь некогда против Эллады

Злые кинжалы подымет и кельтского кликнет Ареса
Племя новых Титанов, от самого края заката
В том же пришедши числе, в каком виются снежинки
В вихре или светила идут по небесному кругу.

Кельтское нашествие в Македонию, а затем в Малую Азию, совпавшее по времени с войной Пирра в Италии против Рима, воспринималось как вторжение некой дикой стихийной силы, вторгшейся в высокоцивилизованные области. Под угрозой оказался Дельфийский оракул (IV, 181–183):

В самом храме моем проблеснут оружьем фаланги
Богопротивных врагов, засверкают мечи и доспехи
Дерзко, и с ними щиты ненавистные...

Но бог Аполлон защитил свое святилище, многие из галатов погибли тогда в Крисейской долине (IV, 183–186):

...после же станут
Метить собою они повсюду проклятые тропы
Дикого рода галатов, от коих немалая доля
Мне останется...

Весной 277 г. до н. э. галаты из окрестностей Византия под предводительством Больгия «неудержимым потоком», как писали историки, хлынули в Малую Азию, частично там рассеялись и осели. Птолемей II, собираясь воевать с Сирией (сирийские войны длились с 274 по 217 гг. до н. э.), принял в свое войско в качестве иноземных воинов значительный отряд галатов, и когда они восстали (или, по другой версии, захотели овладеть царскими сокровищами), то были преданы смерти в Себеннитском устье Нила. Иногда считают, что речь в данных стихах идет об одной и той же войне, которая случилась после 277 г. до н. э. Вот почему в пророчестве Аполлона в IV гимне Каллимах пишет (IV, 186–187):

...часть же иная сгинет у Нила,
Став добычей царя, подъявшего труд ратоборный.

Гимн написан, скорее всего, в то время, когда контроль над Кикладами находился в руках Птолемея: поэт не сомневается в мировом господстве египетского царя (IV, 166–170):

...под чью покорятся державу,
Доброю волей своей приемля власть Македонца,
И сухопутные земли, и те, что покоятся в море,
Вплоть до крайних пределов...

Т. е. гимн был написан перед разгромом флотилии Птолемея II при острове Кос, что положило конец его честолюбивым замыслам. Относительно цели написания гимна вопрос решается большинством ученых однозначно: гимн был написан для делосского праздника.

Обращение Каллимаха к теме Делоса далеко не случайно. Именно в этом гимне поэт называет Птолемея Филадельфа будущим владыкой мира (IV, 166–169). В связи со II гимном, с темой Аполлона, объединяющей II и IV гимны, уже говорилось, что политическое влияние на Делосе, стоявшем во главе «Островной Лиги», давало возможность Птолемею, не отказавшемуся от намерения завладеть не только Келесирией, но и всей Сирией, утвердиться в свое время в Греции и осуществлять контроль над всеми морскими коммуникациями. Конечно, в стихах четвертого гимна, по общему признанию исследователей, много лести и раболепия, но и в действительности государство Птолемея, его внутренняя и внешняя политика в то время были наиболее успешными.

Гимн «К Делосу» — произведение без лирических личных отступлений: здесь больше, чем в каком-либо другом гимне, гомеровских, эпических черт. Гимн рассчитан на читателя, хорошо знакомого с гомеровскими текстами, только он сможет понять всю игру, весь шутливый подтекст каллимаховского гимна. Более того, по мнению Э. Говальда[6], человек, лишенный чувства юмора, будет возмущен гимном и ничего в нем не поймет. Именно в этом гимне ощутимее всего противоречивая связь: продолжение эпической традиции и отрицание ее, ироническое обыгрывание традиционного мифа, скептицизм, иррелигиозность, свойственные эллинистическому поэту, оказываются соединенными с религиозной торжественностью героического мира богов.

6. E. Howald. Der Dichter Kallimachos von Kyrene. Zürich, 1943, S. 99–100.

Автор в данном гимне, как уже было сказано, обращается далеко не к новой теме: если во II гимне – основной мотив – рождение Аполлона на Делосе, то теперь в IV гимне дается как бы дальнейшее развитие этого мотива: Делос – колыбель культа Аполлона. Для поэта важным оказывается противопоставление между маленьким, бедным островом, каким был Делос до рождения на нем бога, и явлением его во всей славе и могуществе как главного культового святилища Аполлона.

Гимн композиционно следует традиционному построению: мифологический рассказ, narratio заключается в своеобразные «рамки»: зачин гимна (ст. 1–27) и концовка (IV, 275–326). Начальная сцена живописна и пластична; здесь тот же театральный эффект, та же сценическая динамика, что и во вступительной сцене II гимна. Отличие лишь в авторской интонации: во II гимне – напряженное, нервозное ожидание эпифании бога, в IV – спокойное авторское повествование о том, как бедный остров, который «вытирает» (каллимаховская метафора) обильную пену Икарийского моря, лежит в море среди островов, «богатых гимнами», и населяют его лишь люди, «бьющие рыбу острогой» (каллимаховский неологизм о рыбаках). Все острова защищены городскими укреплениями (выбор островов особый, каллимаховский: Кирн, Сардиния, Эвбея, Кипр), только Делос укреплен лучшей из «оград» – Делос храним самим Аполлоном (IV, 24). И начальные, а особенно заключительные стихи отсылают читателя к знаменитому гомеровскому гимну, посвященному Аполлону. В конце гимна в обоих случаях описывается делосский праздник. Нет праздника любезнее Аполлону – утверждается в обоих гимнах: Hom. hymn. I, 45; Каллимах – IV, 300–303.

Каллимаховское описание Делосского праздника – одно из знаменитейших мест. Это единственный случай, когда описывается ритуал и танец в честь Аполлона вокруг рогового алтаря (Δήλιος βωμός или Κερατίνος / Κερατὼν βωμός – одно из чудес света).

В гомеровском гимне на этот праздник сходятся ионийцы с женами и детьми и услаждают бога «боем кулачным, и пляской, и пеньем» (Hom. hymn. I, 147-155). У Каллимаха на делосский праздник приходят жители гиперборейских городов (гиперборейцев здесь Каллимах называет «долговечнейшей кровью» (IV, 282); живут они, по Каллимаху, «в песках за Бореем» (IV,

281-282)). Большой интерес представляет в данном контексте путь (опять география!) гипербореев. Уникальным является в данном случае уточнение пути их следования. Геродот (Herod. IV, 33) путь гипербореев обозначает так: Додона – Маллийский залив – Эвбея – Карист – Андрос – Тенос – Делос. Каллимах указывает после Додоны поселение Анфела в горной местности Малиды, у подножия горы Эты, западнее Фермопил (Call. IV, 287). Каллимах знает имена первых гиперборейцев (девушки Упис, Локсо и Гекаера), прибывших на Делос с дарами. Геродот говорит не только о пути гипербореев, но и о «священных дарах, завернутых в солому» (Herod. IV, 33). Каллимах (IV, 283-284) подтверждает версию Геродота. На делосском празднике хор юношей поет песнь ликийского старца (Олена) (IV, 304), в которой упоминаются не вернувшиеся в свои края девушки. На этом же празднике хор танцует знаменитый «танец журавля», придуманный спутниками Тезея, спасшимися от ужасного Минотавра, и впервые исполненный здесь во время принесения жертвы Аполлону. Здесь же Каллимах описывает священный обряд, совершаемый вокруг рогового алтаря.

Мифологический рассказ в IV гимне начинается с личного обращения к богу, что характерно для всей гимнической литературы (ср. Hom. hymn. I, 19; Call I, 4; III, 1–2 и т. д.). Собственно рассказ начинается с того времени, когда Делос еще именовался Астерией, был бедный, ничем не защищенный остров и свободно плавал в море. Каллимах неслучайно вводит в гимн мотив превращения нимфы Астерии в остров: это не только желание начать «от самых истоков», это еще и дань излюбленному приему, даже жанру эллинистических поэтов — рассказать о «превращениях». Блуждающий остров Астерии лишь тогда становится знаменитым Делосом, когда Астерия стала «родильной землей» Аполлона, приютила Латону. До этого момента Латона проходит многие места на земле, многие горы и острова, но никто не хочет прогневить Геру, которая преследует Латону — и все отказывают ей. Известнейший эпизод из мифологии Каллимах старается особым образом «одушевить», «оживить»: в страхе «плясала» вся Фессалия (IV, 139), «бежали» Аония (редкое название Беотии), Дирка, Строфония (источники у Фив), «бежала» вся Пелопида (IV, 72); «дрожали» горы Оссы и равнина Кранона (IV, 137); река Пеней «лила слезы» (IV, 121); Анавр, великая Лариса и Хироновы вершины

«бежали» (IV, 103); острова, реки «боялись» (IV, 159) – т. е. вся ученая география, непременный элемент содержания гимна, все оживает в «очеловеченном», конкретно-зримом виде. Вся художественная ткань гимна оказывается как бы заполненной бесчисленным числом живых существ, страдающих, боящихся, разговаривающих, плачущих и т. д.

Начиная с первых десятилетий XX века творчество Каллимаха стало привлекать внимание ученых своими сказочными мотивами[7]. К таким, фольклорным элементам относят обычно пророчества еще не родившегося Аполлона. Явно соотнося свое описание с описанием святилища Аполлона в Дельфах в гомеровских гимнах (Hom. hymn. II, 215 слл.), Каллимах говорит, что еще не родившийся Аполлон пророчествует точнее и вернее, чем от «лавра», т. е. в Дельфах (IV, 86). Почему столь странную форму приобретают пророчества Аполлона? Аполлон еще не родился, Латона еще только блуждает в поисках лучшего места, где можно было бы разрешиться от бремени. И в то же время она обходит многие места, с которыми связаны столь важные современные события (например, остров Кос, на котором родился Птолемей II). Поэту скорее всего надо включить в старую мифологическую схему прославление родины Филадельфа, восхвалить его ратные подвиги и связать все это с островом Делосом. «Увязать» все это может только Аполлон. Только Аполлон может дать пророчество самому Птолемею. Предсказания пророка «в утробе» (IV, 189) закончились точным указанием места рождения бога (бог пророчествует самому себе): есть плавающий в море остров, любящий песни (IV, 197), – это Астерия. После второго предсказания Аполлона ситуация в гимне резко меняется: Лето тотчас находит «предсказанный» остров и даже «сердитая супруга Зевса» прощает Астерию. Теперь уже ничто не мешает рождению Аполлона. Но прежде чем Каллимах обратится к описанию этого чудесного события, он вставляет веселую, психологически очень тонкую бытовую сценку: к Гере вбегает «вестница» (Ирида), которая верой и правдой всегда служит своей госпоже, начинает уверять ее в своей преданности и просит помощи и заступничества прежде, чем Гера разгневается на нее из-за Астерии.

7. Ср.: И. И. Толстой. Миф в александрийской поэзии. Статьи о фольклоре. М.-Л., 1966; он же: «Iекала» Каллимаха и русская сказка о бабе Яге; J. Horowski. Folklor w tworczosci Kallimachea z Cyreny. Poznań, 1967.

Описание рождения Аполлона в IV гимне — один из самых знаменитых и замечательных эпизодов у Каллимаха. В то время, когда Лето собралась родить, на острове случились всевозможные чудеса: лебеди, «поющие слуги» (IV, 249), «самые певчие из летающих» (IV, 252), семь раз облетели делосскую землю, прославляя напевами чудесное рождение; «нимфы Делосские» (IV, 256) дружно им подпевали. Неожиданно весь остров стал золотым, золотыми стали воды озера, струи Иноπа, неожиданно выросла ветка маслины. С той поры Делос — «священнейший» среди островов, его не топчут «ни кони Ареса, ни кони Энио, ни кони Аида» (IV, 277).

Гимн «К Делосу» самый большой в каллимаховском цикле — 326 стихов, он ближе других к эпической традиции, исключительно изящный и тонко отделанный. Если в I и II гимнах две линии повествования — мифологическая и реально-историческая – образуют систему переплетающихся лейтмотивов, то стилистическую целостность IV гимна нарушает лишь второе пророчество Аполлона (IV, 162–195), которое вводит реальный исторический план и стилистически противопоставляется основному эпически-традиционному тону гимна.

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ГИМНА

ст. 1–2	*зачин гимна.* История острова Астерии;
2–54	История острова Астерия;
2–27	*Общее восхваление Делоса;*
28–54	превращение из плавающего острова в остров Феба;
28–29	авторские слова; продолжение вопросительной интонации зачина;
30–40	история происхождения острова;
41–50	свободное плавание Астерии;
51–54	остров Астерия становится островом Феба;
55–274	Мифологический рассказ: описание блужданий Лето перед родами и рождение Аполлона на Делосе;
55–69	описание гнева Геры;
70–161	блуждания Латоны;
86–99	первое пророчество Аполлона;
100–153	продолжение скитаний Латоны;
162–195	второе пророчество Аполлона;
172–176	описание вторжения галатов;
215–274	описание рождения Аполлона;

275–324 восхваление Делоса;
284–290 описание пути гиперборейцев, приносящих дары Аполлону;
306–324 описание праздника Аполлона на Делосе;
325–326 *концовка гимна.*

†, [ ] Этими знаками в тексте гимна обозначены испорченные места.

ΕΙΣ ΔΗΛΟΝ

Τὴν ἱερήν, ὦ θυμέ, τίνα χρόνον † ηποτ † ἀείσεις
Δῆλον Ἀπόλλωνος κουροτρόφον; ἦ μὲν ἅπασαι
Κυκλάδες, αἳ νήσων ἱερώταται εἰν ἁλὶ κεῖνται,
εὔυμνοι· Δῆλος δ' ἐθέλει τὰ πρῶτα φέρεσθαι
ἐκ Μουσέων, ὅτι Φοῖβον ἀοιδάων μεδέοντα
λοῦσέ τε καὶ σπείρωσε καὶ ὡς θεὸν ἤνεσε πρώτη.
ὡς Μοῦσαι τὸν ἀοιδὸν ὃ μὴ Πίμπλειαν ἀείσῃ
ἔχθουσιν, τὼς Φοῖβος ὅτις Δήλοιο λάθηται.
Δήλῳ νῦν οἵμης ἀποδάσσομαι, ὥς ἄν Ἀπόλλων
Κύνθιος αἰνήσῃ με φίλης ἀλέγοντα τιθήνης.
κείνη δ' ἠνεμόεσσα καὶ ἄτροπος † οἷά θ' † ἁλιπλήξ
αἰθυίῃς καὶ μᾶλλον ἐπίδρομος ἠέπερ ἵπποις
πόντῳ ἐνεστήρικται· ὁ δ' ἀμφί ἑ πουλὺς ἑλίσσων
Ἰκαρίου πολλὴν ἀπομάσσεται ὕδατος ἄχνην·
τῷ σφε καὶ ἰχθυβολῆες ἁλίπλοοι ἐννάσσαντο.
ἀλλά οἱ οὐ νεμεσητὸν ἐνὶ πρώτῃσι λέγεσθαι,
ὁππότ' ἐς Ὠκεανόν τε καὶ ἐς Τιτηνίδα Τηθύν
νῆσοι ἀολλίζονται, ἀεὶ δ' ἔξαρχος ὁδεύει.
ἡ δ' ὄπιθεν Φοίνισσα μετ' ἴχνια Κύρνος ὀπηδεῖ
οὐκ ὀνοτὴ καὶ Μάκρις Ἀβαντιὰς Ἑλλοπιήων
Σαρδώ θ' ἱμερόεσσα καὶ ἣν ἐπενήξατο Κύπρις
ἐξ ὕδατος τὰ πρῶτα, σαοῖ δέ μιν ἀντ' ἐπιβάθρων.
Κεῖναι μὲν πύργοισι περισκεπέεσσιν ἐρυμναί,
Δῆλος δ' Ἀπόλλωνι· τί δὲ στιβαρώτερον ἔρκος;
τείχεα μὲν καὶ λᾶες ὑπὸ ῥιπῆς κε πέσοιεν
Στρυμονίου βορέαο· θεὸς δ' ἀεὶ ἀστυφέλικτος·
Δῆλε φίλη, τοῖός σε βοηθόος ἀμφιβέβηκεν.
εἰ δὲ λίην πολέες σε περιτροχόωσιν ἀοιδαί,
ποίῃ ἐνιπλέξω σε; τί τοι θυμῆρες ἀκοῦσαι;
ἢ ὡς τὰ πρώτιστα μέγας θεὸς οὔρεα θείνων

ἄορι τριγλώχινι τό οἱ Τελχῖνες ἔτευξαν
νήσους εἰναλίας εἰργάζετο. νέρθε δὲ πάσας
ἐκ νεάτων ὤχλισσε καὶ εἰσεκύλισε θαλάσσῃ;
καὶ τὰς μὲν κατὰ βυσσόν, ἵν' ἠπείροιο λάθωνται,
πρυμνόθεν ἐρρίζωσε· σὲ δ' οὐκ ἔθλιψεν ἀνάγκη,
ἀλλ' ἄφετος πελάγεσσιν ἐπέπλεες· οὔνομα δ' ἦν τοι
Ἀστερίη τὸ παλαιόν, ἐπεὶ βαθὺν ἥλαο τάφρον
οὐρανόθεν φεύγουσα Διὸς γάμον ἀστέρι ἴσῃ.
τόφρα μὲν οὔπω τοι χρυσέῃ ἐπεμίσγετο Λητώ,
τόφρα δ' ἔτ' Ἀστερίῃ σὺ καὶ οὐδέπω ἔκλεο Δῆλος.
Πολλάκι σε Τροιζῆνος ἀπὸ ξάνθοιο πολίχνης
ἐρχόμενοι Ἐφύρηνδε Σαρωνικοῦ ἔνδοθι κόλπου
ναῦται ἐπεσκέψαντο, καὶ ἐξ Ἐφύρης ἀνιόντες
οἱ μὲν ἔτ' οὐκ ἴδον αὖθι, σὺ δὲ στεινοῖο παρ' ὀξύν
ἔδραμες Εὐρίποιο πόρον καναχηδὰ ῥέοντος,
Χαλκιδικῆς δ' αὐτῆμαρ ἀνηναμένη ἁλὸς ὕδωρ
μέσφ' ἐς Ἀθηναίων προσενήξαο Σούνιον ἄκρον
ἢ Χίον ἢ νήσοιο διάβροχον ὕδατι μαστόν
Παρθενίης (οὔπω γὰρ ἔην Σάμος), ἦχί σε νύμφαι
γείτονες Ἀγκαίου Μυκαλησσίδες ἐξείνισσαν.
ἡνίκα δ' Ἀπόλλωνι γενέθλιον οὖδας ὑπέσχες,
τοῦτό τοι ἀντημοιβὸν ἁλίπλοοι οὔνομ' ἔθεντο,
οὕνεκεν οὐκέτ' ἄδηλος ἐπέπλεες, ἀλλ' ἐνὶ πόντου
κύμασιν Αἰγαίοιο ποδῶν ἐνεθήκαο ῥίζας.
οὐδ' Ἥρην κοτέουσαν ὑπέτρεσας· ἣ μὲν ἁπάσαις
δεινὸν ἐπεβρωμᾶτο λεχωίσιν αἳ Διὶ παῖδας
ἐξέφερον, Λητοῖ δὲ διακριδόν, οὕνεκα μούνη
Ζηνὶ τεκεῖν ἤμελλε φιλαίτερον Ἄρεος υἷα.
τῷ ῥα καὶ αὐτὴ μὲν σκοπιὴν ἔχεν αἰθέρος εἴσω
σπερχομένη μέγα δή τι καὶ οὐ φατόν, εἶργε δὲ Λητὼ
τειρομένην ὠδῖσι· δύω δέ οἱ εἵατο φρουροί
γαῖαν ἐποπτεύοντες, ὁ μὲν πέδον ἠπείροιο
ἥμενος ὑψηλῆς κορυφῆς ἔπι Θρήικος Αἵμου
θοῦρος Ἄρης ἐφύλασσε σὺν ἔντεσι, τὼ δέ οἱ ἵππω
ἑπτάμυχον βορέαο παρὰ σπέος ηὐλίζοντο·
ἡ δ' ἐπὶ νησάων ἑτέρη σκοπὸς αἰπειάων
ἧστο κόρη Θαύμαντος ἐπαΐξασα Μίμαντι.
ἔνθ' οἱ μὲν πολίεσσιν ὅσαις ἐπεβάλλετο Λητὼ
μίμνον ἀπειλητῆρες, ἀπετρώπων δὲ δέχεσθαι.
φεῦγε μὲν Ἀρκαδίη, φεῦγεν δ' ὄρος ἱερὸν Αὐγης

Παρθένιον, φεῦγεν δ' ὁ γέρων μετόπισθε Φενειός,
φεῦγε δ' ὅλη Πελοπηΐς ὅση παρακέκλιται Ἰσθμῷ,
ἔμπλην Αἰγιαλοῦ γε καὶ Ἄργεος· οὐ γὰρ ἐκείνας
ἀτραπιτοὺς ἐπάτησεν, ἐπεὶ λάχεν Ἴναχον Ἥρη.
φεῦγε καὶ Ἀονίη τὸν ἕνα δρόμον, αἱ δ' ἐφέποντο
Δίρκη τε Στροφίη τε μελαμψήφιδος ἔχουσαι
Ἰσμηνοῦ χέρα πατρός, ὁ δ' εἵπετο πολλὸν ὄπισθεν
Ἀσωπὸς βαρύγουνος, ἐπεὶ πεπάλακτο κεραυνῷ.
ἡ δ' ὑποδινηθεῖσα χοροῦ ἀπεπαύσατο νύμφη
αὐτόχθων Μελίη καὶ ὑπόχλοον ἔσχε παρειήν
ἥλικος ἀσθμαίνουσα περὶ δρυός, ὡς ἴδε χαίτην
σειομένην Ἑλικῶνος. ἐμαὶ θεαὶ εἴπατε Μοῦσαι,
ἦ ῥ' ἐτεὸν ἐγένοντο τότε δρύες ἡνίκα Νύμφαι;
'Νύμφαι μὲν χαίρουσιν, ὅτε δρύας ὄμβρος ἀέξει,
Νύμφαι δ' αὖ κλαίουσιν, ὅτε δρυσὶ μηκέτι φύλλα.'
Ταῖς μὲν ἔτ' Ἀπόλλων ὑποκόλπιος αἰνὰ χολώθη,
φθέγξατο δ' οὐκ ἀτέλεστον ἀπειλήσας ἐπὶ Θήβῃ·
'Θήβη τίπτε τὰλαινα τὸν αὐτίκα πότμον ἐλέγχεις;
μήπω μή μ' ἀέκοντα βιάζεο μαντεύεσθαι.
οὔπω μοι Πυθῶνι μέλει τριποδήιος ἕδρη,
οὐδέ τί πω τέθνηκεν ὄφις μέγας, ἀλλ' ἔτι κεῖνο
θηρίον αἰνογένειον ἀπὸ Πλειστοῖο καθέρπον
Παρνησὸν νιφόεντα περιστέφει ἐννέα κύκλοις·
ἀλλ' ἔμπης ἐρέω τι τομώτερον ἢ ἀπὸ δάφνης.
φεῦγε πρόσω· ταχινός σε κιχήσομαι αἵματι λούσων
τόξον ἐμόν· σὺ δὲ τέκνα κακογλώσσοιο γυναικός
ἔλλαχες. οὐ σύ γ' ἐμεῖο φίλη τροφὸς οὐδὲ Κιθαιρών
ἔσσεται· εὐαγέων δὲ καὶ εὐαγέεσσι μελοίμην.'
ὣς ἄρ' ἔφη. Λητὼ δὲ μετάτροπος αὖτις ἐχώρει.
ἀλλ' ὅτ' Ἀχαιιάδες μιν ἀπηρνήσαντο πόληες
ἐρχομένην, Ἑλίκη τε Ποσειδάωνος ἑταίρη
Βοῦρά τε Δεξαμενοῖο βοόστασις Οἰκιάδαο,
ἄψ δ' ἐπὶ Θεσσαλίην πόδας ἔτρεπε· φεῦγε δ' Ἄναυρος
καὶ μεγάλη Λάρισα καὶ αἱ Χειρωνίδες ἄκραι,
φεῦγε δὲ καὶ Πηνειὸς ἑλισσόμενος διὰ Τεμπέων·
Ἥρη, σοὶ δ' ἔτι τῆμος ἀνηλεὲς ἦτορ ἔκειτο
οὐδὲ κατεκλάσθης τε καὶ ᾤκτισας, ἡνίκα πήχεις
ἀμφοτέρους ὀρέγουσα μάτην ἐφθέγξατο τοῖα·
'Νύμφαι Θεσσαλίδες, ποταμοῦ γένος, εἴπατε πατρί
κοιμῆσαι μέγα χεῦμα, περιπλέξασθε γενείῳ

λισσόμεναι τὰ Ζηνὸς ἐν ὕδατι τέκνα τεκέσθαι.
Πηνειὲ Φθιῶτα, τί νῦν ἀνέμοισιν ἐρίζεις;
ὦ πάτερ, οὐ μὴν ἵππον ἀέθλιον ἀμφιβέβηκας.
ἦ ῥά τοι ὧδ' αἰεὶ ταχινοὶ πόδες, ἢ ἐπ' ἐμεῖο
μοῦνον ἐλαφρίζουσι, πεποίησαι δὲ πέτεσθαι
σήμερον ἐξαπίνης; ὁ δ' ἀνήκοος. ὁ ἐμὸν ἄχθος,
ποῖ σε φέρω; μέλεοι γὰρ ἀπειρήκασι τένοντες.
Πήλιον ὦ Φιλύρης νυμφήιον, ἀλλὰ σὺ μεῖνον,
μεῖνον, ἐπεὶ καὶ θῆρες ἐν οὔρεσι πολλάκι σεῖο
ὠμοτόκους ὠδῖνας ἀπηρείσαντο λέαιναι.'
Τὴν δ' ἄρα καὶ Πηνειὸς ἀμείβετο δάκρυα λείβων·
'Λητοῖ, Ἀναγκαίη μεγάλη θεός, οὐ γὰρ ἔγωγε
πότνια σὰς ὠδῖνας ἀναίνομαι (οἶδα καὶ ἄλλας
λουσαμένας ἀπ' ἐμεῖο λεχωίδας)· ἀλλά μοι Ἥρη
δαψιλὲς ἠπείλησεν. ἀπαύγασαι, οἷος ἔφεδρος
οὔρεος ἐξ ὑπάτου σκοπιὴν ἔχει, ὅς κέ με ῥεῖα
βυσσόθεν ἐξερύσειε. τί μήσομαι; ἦ ἀπολέσθαι
ἡδύ τί τοι Πηνειόν; ἴτω πεπρωμένον ἦμαρ·
τλήσομαι εἵνεκα σεῖο, καὶ εἰ μέλλοιμι ῥοάων
διψαλέην ἄμπωτιν ἔχων αἰώνιον ἔρρειν
καὶ μόνος ἐν ποταμοῖσιν ἀτιμότατος καλέεσθαι.
ἠνίδ' ἐγώ· τί περισσά; κάλει μόνον Εἰλήθυιαν.'
εἶπε καὶ ἠρώησε μέγαν ῥόον. ἀλλά οἱ Ἄρης
Παγγαίου προθέλυμνα καρήατα μέλλεν ἀείρας
ἐμβαλέειν δίνῃσιν, ἀποκρύψαι δὲ ῥέεθρα·
ὑψόθε δ' ἐσμαράγησε καὶ ἀσπίδα τύψεν ἀκωκῇ
δούρατος· ἡ δ' ἐλέλιξεν ἐνόπλιον· ἔτρεμε δ' Ὄσσης
οὔρεα καὶ πεδίον Κραννώνιον αἵ τε δυσαεῖς
ἐσχατιαὶ Πίνδοιο, φόβῳ δ' ὠρχήσατο πᾶσα
Θεσσαλίη· τοῖος γὰρ ἀπ' ἀσπίδος ἔβραμεν ἦχος.
ὡς δ', ὁπότ' Αἰτναίου ὄρεος πυρὶ τυφομένοιο
σείονται μυχὰ πάντα, κατουδαίοιο γίγαντος
εἰς ἑτέρην Βριαρῆος ἐπωμίδα κινυμένοιο,
θερμάστραι τε βρέμουσιν ὑφ' Ἡφαίστοιο πυράγρης
ἔργα θ' ὁμοῦ, δεινὸν δὲ πυρίκμητοί τε λέβητες
καὶ τρίποδες πίπτοντες ἐπ' ἀλλήλοις ἰαχεῦσιν,
τῆμος ἔγεντ' ἄραβος σάκεος τόσος εὐκύκλοιο.
Πηνειὸς δ' οὐκ αὖτις ἐχάζετο, μίμνε δ' ὁμοίως
καρτερὸς ὡς τὰ πρῶτα, θοὰς δ' ἐστήσατο δίνας,
εἰσόκε οἱ Κοιῆις ἐκέκλετο· 'σῴζεο χαίρων,

σῴζεο· μὴ σύ γ' ἐμεῖο πάθῃς κακὸν εἵνεκα τῆσδε
ἀντ' ἐλεημοσύνης· χάριτος δέ τοι ἔσσετ' ἀμοιβή.'
ἦ καὶ πολλὰ πάροιθεν ἐπεὶ κάμεν ἔστιχε νήσους
εἰναλίας· αἱ δ' οὔ μιν ἐπερχομένην ἐδέχοντο,
οὐ λιπαρὸν νήεσσιν Ἐχινάδες ὅρμον ἔχουσαι,
οὐδ' ἥτις Κέρκυρα φιλοξεινωτάτη ἄλλων,
Ἶρις ἐπεὶ πάσῃσιν ἐφ' ὑψηλοῖο Μίμαντος
σπερχομένη μάλα δεινὸν ἀπέτρεπεν· αἱ δ' ὑπ' ὀμοκλῆς
πασσυδίῃ φοβέοντο κατὰ ῥόον ἥντινα τέτμοι.
ὠγυγίην δ᾽ἤπειτα Κόων Μεροπηΐδα νῆσον
ἵετο, Χαλκιόπης ἱερὸν μυχὸν ἠρώινης.
ἀλλά ἑ παιδὸς ἔρυκεν ἔπος τόδε· 'μὴ σύ γε, μῆτερ,
τῇ με τέκοις, οὔτ' οὖν ἐπιμέμφομαι οὐδὲ μεγαίρω
νῆσον, ἐπεὶ λιπαρή τε καὶ εὔβοτος, εἴ νύ τις ἄλλη·
ἀλλά οἱ ἐκ Μοιρέων τις ὀφειλόμενος θεὸς ἄλλος
ἐστί, Σαωτήρων ὅπατον γένος· ᾧ ὑπὸ μίτρην
ἵξεται οὐκ ἀέκουσα Μακηδόνι κοιρανέεσθαι
ἀμφοτέρη μεσόγεια καὶ αἳ πελάγεσσι κάθηνται,
μέχρις ὅπου περάτη τε καὶ ὀππόθεν ὠκέες ἵπποι
Ἠέλιον φορέουσιν· ὁ δ' εἴσεται ἤθεα πατρός.
καί νύ ποτε ξυνός τις ἐλεύσεται ἄμμιν ἄεθλος
ὕστερον, ὁππόταν οἱ μὲν ἐφ' Ἑλλήνεσσι μάχαιραν
βαρβαρικὴν καὶ Κελτὸν ἀναστήσαντες Ἄρηα
ὀψίγονοι Τιτῆνες ἀφ' ἑσπέρου ἐσχατόωντος
ῥσωνται νιφάδεσσιν ἐοικότες ἢ ἰσάριθμοι
τείρεσιν, ἡνίκα πλεῖστα κατ' ἠέρα βουκολέονται,
παιδ[ ]. . σα[ ].[ ]
Δωρι . [.] . [ ] .οσα[ ]ς
καὶ πεδία Κρισσαῖα καὶ Ἡφαί[στο]ιο φάρ[αγγ]ες
ἀμφιπεριστείνωνται, ἴδωσι δὲ πίονα καπνόν
γείτονος αἰθομένοιο, καὶ οὐκέτι μοῦνον ἀκουῇ,
ἀλλ' ἤδη παρὰ νηὸν ἀπαυγάζοιντο φάλαγγας
δυσμενέων, ἤδη δὲ παρὰ τριπόδεσσιν ἐμεῖο
φάσγανα καὶ ζωστῆρας ἀναιδέας ἐχθομένας τε
ἀσπίδας, αἳ Γαλάτῃσι κακὴν ὁδὸν ἄφρονι φύλῳ
στήσονται· τέων αἱ μὲν ἐμοὶ γέρας, αἱ δ' ἐπὶ Νείλῳ
ἐν πυρὶ τοὺς φορέοντας ἀποπνεύσαντας ἰδοῦσαι
κείσονται βασιλῆος ἀέθλια πολλὰ καμόντος.
ἐσσόμενε Πτολεμαῖε, τά τοι μαντήια Φοίβου.
αἰνήσεις μέγα δή τι τὸν εἰσέτι γαστέρι μάντιν

ὕστερον ἤματα πάντα. σὺ δὲ ξυμβάλλεο, μῆτερ·
ἔστι διειδομένη τις ἐν ὕδατι νῆσος ἀραιή,
πλαζομένη πελάγεσσι· πόδες δέ οἱ οὐκ ἐνὶ χώρῃ,
ἀλλὰ παλιρροίῃ ἐπινήχεται ἀνθέρικος ὥς,
ἔνθα νότος, ἔνθ' εὖρος, ὅπῃ φορέῃσι θάλασσα.
τῇ με φέροις· κείνην γὰρ ἐλεύσεαι εἰς ἐθέλουσαν.'
αἱ μὲν τόσσα λέγοντος ἀπέτρεχον εἰν ἁλὶ νῆσοι·
Ἀστερίη φιλόμολπε, σὺ δ' Εὐβοίηθε κατῄεις.
Κυκλάδας ὀψομένη περιηγέας, οὔτι παλαιόν,
ἀλλ' ἔτι τοι μετόπισθε Γεραίστιον εἵπετο φῦκος·
ὡς δ' ἴδες, [ὡς] ἔστης [ ]ιδου[.]α
θαρσαλέῃ τάδ' ἔλεξας [ ] . . . . ρ[ ]
δαίμον' ὑπ' ὠδίνεσσι βαρυνομένην ὀρόωσα·
''Ἥρη, τοῦτό με ῥέξον ὅ τοι φίλον· οὐ γὰρ ἀπειλάς
ὑμετέρας ἐφύλαξα· πέρα, πέρα εἰς ἐμέ, Λητοΐ.'
ἔννεπες· ἡ δ' ἀρητὸν ἄλης ἀπεπαύσατο † λυγρῆς,
ἕζετο δ' Ἰνωποῖο παρὰ ῥόον ὅν τε βάθιστον
γαῖα τότ' ἐξανίησιν, ὅτε πλήθοντι ῥεέθρῳ
Νεῖλος ἀπὸ κρημνοῖο κατέρχεται Αἰθιοπῆος·
λύσατο δὲ ζώνην, ἀπὸ δ' ἐκλίθη ἔμπαλιν ὤμοις
φοίνικος ποτὶ πρέμνον ἀμηχανίης ὑπὸ λυγρῆς
τειρομένη· νότιος δὲ διὰ χροὸς ἔρρεεν ἱδρώς.
εἶπε δ' ἀλυσθενέουσα· 'τί μητέρα, κοῦρε, βαρύνεις;
αὖτη τοι, φίλε, νῆσος ἐπιπλώουσα θαλάσσῃ.
γείνεο, γείνεο, κοῦρε, καὶ ἤπιος ἔξιθι κόλπου.'
νύμφα Διὸς βαρύθυμε, σὺ δ' οὐκ ἄρ' ἔμελλες ἄπυστος
δὴν ἔμεναι· τοίη σε προσέδραμεν ἀγγελιῶτις,
εἶπε δ' ἔτ' ἀσθμαίνουσα, φόβῳ δ' ἀνεμίσγετο μῦθος·
''Ἥρη τιμήεσσα, πολὺ προὔχουσα θεάων,
σὴ μὲν ἐγώ, σὰ δὲ πάντα, σὺ δὲ κρείουσα κάθησαι
γνησίη Οὐλύμποιο καὶ οὐ χέρα δείδιμεν ἄλλην
θηλυτέρην, σὺ δ', ἄνασσα, τὸν αἴτιον εἴσεαι ὀργῆς.
Λητῷ τοι μίτρην ἀναλύεται ἔνδοθι νήσου.
ἄλλαι μὲν πᾶσαί μιν ἀπέστυγον οὐδ' ἐδέχοντο·
Ἀστερίη δ' ὀνομαστὶ παρερχομένην ἐκάλεσσεν,
Ἀστερίη, πόντοιο κακὸν σάρον· οἶσθα καὶ αὐτή.
ἀλλά, φίλη, δύνασαι γάρ, ἀμύνεο πότνια δούλους
ὑμετέρους, οἳ σεῖο πέδον πατέουσιν ἐφετμήν.'
ἦ καὶ ὑπὸ χρύσειον ἐδέθλιον ἶζε κύων ὥς,
Ἀρτέμιδος ἥτις τε, θοῆς ὅτε παύσεται ἄγρης,

ἴζει θηρήτειρα παρ' ἴχνεσιν, οὔατα δ' αὐτῆς
ὀρθὰ μάλ', αἰὲν ἑτοῖμα θεῆς ὑποδέχθαι ὁμοκλήν·
τῇ ἰκέλη Θαύμαντος ὑπὸ θρόνον ἵζετο κούρη.
κείνη δ' οὐδέ ποτε σφετέρης ἐπιλήθεται ἕδρης,
οὐδ' ὅτε οἱ ληθαῖον ἐπὶ πτερὸν ὕπνος ἐρείσει,
ἀλλ' αὐτοῦ μεγάλοιο ποτὶ γλωχῖνα θρόνοιο
τυτθὸν ἀποκλίνασα καρήατα λέχριος εὕδει.
οὐδέ ποτε ζώνην ἀναλύεται οὐδὲ ταχείας
ἐνδρομίδας, μή οἵ τι καὶ αἰφνίδιον ἔπος εἴπῃ
δεσπότις. ἡ δ' ἀλεγεινὸν ἀλαστήσασα προσηύδα·
'οὕτω νῦν, ὦ Ζηνὸς ὀνείδεα, καὶ γαμέοισθε
λάθρια καὶ τίκτοιτε κεκρυμμένα, μηδ' ὅθι δειλαί
δυστοκέες μογέουσιν ἀλετρίδες, ἀλλ' ὅθι φῶκαι
εἰνάλιαι τίκτουσιν, ἐνὶ σπιλάδεσσιν ἐρήμοις.
Ἀστερίῃ δ' οὐδέν τι βαρύνομαι εἵνεκα τῆσδε
ἀμπλακίης, οὐδ' ἔστιν ὅπως ἀποθύμια ῥέξω,
τόσσα δέοι (μάλα γάρ τε κακῶς ἐχαρίσσατο Λητοῖ)·
ἀλλά μιν ἔκπαγλόν τι σεβίζομαι, οὕνεκ' ἐμεῖο
δέμνιον οὐκ ἐπάτησε, Διὸς δ' ἀνθείλετο πόντον.'
ἡ μὲν ἔφη· κύκνοι δὲ † θεοῦ μέλποντες ἀοιδοί* †
Μηόνιον Πακτωλὸν ἐκυκλώσαντο λιπόντες
ἑβδομάκις περὶ Δῆλον, ἐπήεισαν δὲ λοχείῃ
Μουσάων ὄρνιθες, ἀοιδότατοι πετεηνῶν
(ἔνθεν ὁ παῖς τοσσάσδε λύρῃ ἐνεδήσατο χορδάς
ὕστερον, ὁσσάκι κύκνοι ἐπ' ὠδίνεσσιν ἄεισαν)·
ὄγδοον οὐκέτ' ἄεισαν, ὁ δ' ἔκθορεν, αἱ δ' ἐπὶ μακρόν
νύμφαι Δηλιάδες, ποταμοῦ γένος ἀρχαίοιο,
εἶπαν Ἐλειθυίης ἱερὸν μέλος, αὐτίκα δ' αἰθήρ
χάλκεος ἀντήχησε διαπρυσίην ὀλολυγήν.
οὐδ' Ἥρη νεμέσησεν, ἐπεὶ χόλον ἐξέλετο Ζεύς.
χρύσεά τοι τότε πάντα θεμείλια γείνετο Δῆλε,
χρυσῷ δὲ τροχόεσσα πανήμερος ἔρρεε λίμνη,
χρύσειον δ' ἐκόμησε γενέθλιον ἔρνος ἐλαίης,
χρυσῷ δὲ πλήμυρε βαθὺς Ἰνωπὸς ἑλιχθείς.
αὐτὴ δὲ χρυσέοιο ἀπ' οὔδεος εἵλεο παῖδα,
ἐν δ' ἐβάλευ κόλποισιν, ἔπος δ' ἐφθέγξαο τοῖον·
'ὦ μεγάλη, πολύβωμε, πολύπτολι, πολλὰ φέρουσα,
πίονες ἤπειροί τε καὶ αἳ περιναίετε νῆσοι,
αὕτη ἐγὼ τοιήδε· δυσήροτος, ἀλλ' ἀπ' ἐμεῖο
Δήλιος Ἀπόλλων κεκλήσεται, οὐδέ τις ἄλλη

γαιάων τοσσόνδε θεῷ πεφιλήσεται ἄλλῳ,
οὐ Κερχνὶς κρείοντι Ποσειδάωνι Λεχαίῳ,
οὐ πάγος Ἑρμείῃ Κυλλήνιος, οὐ Διὶ Κρήτῃ,
ὡς ἐγὼ Ἀπόλλωνι· καὶ ἔσσομαι οὐκέτι πλαγκτή.'
ὣδε σὺ μὲν κατέλεξας· ὁ δὲ γλυκὺν ἔσπασε μαζόν.
τῷ καὶ νησάων ἁγιωτάτη ἐξέτι κείνου
κλῄζῃ, Ἀπόλλωνος κουροτρόφος· οὐδέ σ' Ἐνυὼ
οὐδ' Ἄϊδης οὐδ' ἵπποι ἐπιστείβουσιν Ἄρηος·
ἀλλά τοι ἀμφιετεῖς δεκατηφόροι αἰὲν ἀπαρχαί
πέμπονται, πᾶσαι δὲ χοροὺς ἀνάγουσι πόληες,
αἵ τε πρὸς ἠοίην αἵ θ' ἕσπερον αἵ τ' ἀνὰ μέσσην
κλήρους ἐστήσαντο, καὶ οἳ καθύπερθε βορείης
οἰκία θινὸς ἔχουσι, πολυχρονιώτατον αἷμα.
οἱ μέν τοι καλάμην τε καὶ ἱερὰ δράγματα πρῶτοι
ἀσταχύων φορέουσιν· ἃ Δωδώνηθε Πελασγοί
τηλόθεν ἐκβαίνοντα πολὺ πρώτιστα δέχονται,
γηλεχέες θεράποντες ἀσιγήτοιο λέβητος·
δεύτερον Ἴριον ἄστυ καὶ οὔρεα Μηλίδος αἴης
ἔρχονται· κεῖθεν δὲ διαπλώουσιν Ἀβάντων
εἰς ἀγαθὸν πεδίον Ληλάντιον· οὐδ' ἔτι μακρός
ὁ πλόος Εὐβοίηθεν, ἐπεὶ σέο γείτονες ὅρμοι.
πρῶταί τοι τάδ' ἔνεικαν ἀπὸ ξανθῶν Ἀριμασπῶν
Οὔπίς τε Λοξώ τε καὶ εὐαίων Ἑκαέργη,
θυγατέρες Βορέαο, καὶ ἄρσενες οἱ τότ' ἄριστοι
ἠιθέων· οὐδ' οἵγε παλιμπετὲς οἴκαδ' ἵκοντο,
εὔμοιροι δ' ἐγένοντο, καὶ ἀκλεὲς οὔποτ' † ἐκεῖνοι.
ἦ τοι Δηλιάδες μέν, ὅτ' εὐηχὴς ὑμέναιος
ἥθεα κουράων μορμύσσεται, ἥλικα χαίτην
παρθενικαῖς, παῖδες δὲ θέρος τὸ πρῶτον ἰούλων
ἄρσενες ἠιθέοισιν ἀπαρχόμενοι φορέουσιν.
Ἀστερίη θυόεσσα, σὲ μὲν περί τ' ἀμφί τε νῆσοι
κύκλον ἐποιήσαντο καὶ ὡς χορὸν ἀμφεβάλοντο·
οὔτε σιωπηλὴν οὔτ' ἄψοφον οὖλος ἐθείραις
Ἕσπερος, ἀλλ' αἰεί σε καταβλέπει ἀμφιβόητον.
οἱ μὲν ὑπαείδουσι νόμον Λυκίοιο γέροντος,
ὅν τοι ἀπὸ Ξάνθοιο θεοπρόπος ἤγαγεν Ὠλήν·
αἱ δὲ ποδὶ πλήσσουσι χορίτιδες ἀσφαλὲς οὖδας.
δὴ τότε καὶ στεφάνοισι βαρύνεται ἱρὸν ἄγαλμα
Κύπριδος ἀρχαίης ἀριήκοον, ἥν ποτε Θησεύς
εἴσατο, σὺν παίδεσσιν ὅτε Κρήτηθεν ἀνέπλει.

οἱ χαλεπὸν μύκημα καὶ ἄγριον υἷα φυγόντες
Πασιφάης καὶ γναμπτὸν ἔδος σκολιοῦ λαβυρίνθου,
πότνια, σὸν περὶ βωμὸν ἐγειρομένου κιθαρισμοῦ
κύκλιον ὠρχήσαντο, χοροῦ δ' ἡγήσατο Θησεύς.
ἔνθεν ἀειζώοντα θεωρίδος ἱερὰ Φοίβῳ
Κεκροπίδαι πέμπουσι τοπήια νηὸς ἐκείνης.

Ἀστερίη πολύβωμε πολύλλιτε, τίς δέ σε ναύτης
ἔμπορος Αἰγαίοιο παρήλυθε νηὶ θεούσῃ;
οὐχ οὕτω μεγάλοι μιν ἐπιπνείουσιν ἀῆται,
χρειὼ δ' ὅττι τάχιστον ἄγει πλόον, ἀλλὰ τὰ λαίφη
ὠκέες ἐστείλαντο καὶ οὐ πάλιν αὖτις ἔβησαν,
πρὶν μέγαν ἢ σέο βωμὸν ὑπὸ πληγῇσιν ἑλίξαι
ῥησσόμενον καὶ πρέμνον ὀδακτάσαι ἀγνὸν ἐλαίης
χεῖρας ἀποστρέψαντας· ἃ Δηλιὰς εὕρετο νύμφη
παίγνια κουρίζοντι καὶ Ἀπόλλωνι γελαστύν.

ἱστίη ὦ νήσων εὐέστιε, χαῖρε μὲν αὐτή,
χαίροι δ' Ἀπόλλων τε καὶ ἣν ἐλοχεύσαο* Λητώ.

комментарии

ст. 1–2 *зачин гимна.* Традиционное гимническое обращение к богу.

1 ὦ θυμέ — начальная инвокация поэта достаточно своеобразна; если вспомнить, что в первом гимне также есть упоминание поэтического «θυμός», (дух, душа, жизнь, сердце) — ἐν δοιῇ μάλα θυμός (Call. I, 5), то, пожалуй, противопоставление инвокации в гомеровских гимнах к Музе (Hom. hymn. IV, 1; III, 1) и в каллимаховских к θυμός заслуживает внимания; ср. «θυμός» у Каллимаха: I, 5; II, 28; III, 103, 236; IV, 1.

τίνα χρόνον — в какое время, когда — поэтический *экспрессивный плеоназм* (при наличии тут же рядом εἰ ποτ').

В *схолиях:* τίνα· κατὰ τίνα

2 κουροτρόφος — кормилец, вскармливающий младенцев, взращивающий юношей. У Каллимаха это слово встречается дважды в данном гимне по отношению к острову Делосу — Call. IV, 2; 276. Обычно это эпитет богов, например, Артемиды.

У Феокрита κουροτρόφος — эпитет Лето (Theocr. XVII, 50); у Аполлония Родосского — Гекаты (Apol. Rhod. III, 861).

Возможные варианты: τιθήνη, τιθνός.

Обращает на себя внимание обычная — почти для всех каллимаховских гимнов — вопросительная интонация зачина.

2–27 Общее восхваление острова.

Начальные стихи гимна (2–27) и *заключительные* (275–326) представляют собой своеобразную *рамку*, в которую заключена мифологическая narratio. Начальная сцена живописна и пластична, здесь тот же театральный эффект, та же сценическая динамика, что и во вступительной сцене второго гимна, по сути — это авторский рассказ о бедном острове Икарийского моря. Одна из этимологий названия острова связана с глаголом δηλόω (делать явным, обнаруживать, показывать; быть явным, обнаруживаться, оказываться). Делос — самый маленький из кикладских островов[8]. Поэты называют его то Κυνθία, то Ὀρτυγία. Главное возвышение на острове — суровая гранитная скала— Κύνθος; там же протекает небольшая река, скорее ручей — Ἰνωπός. По преданию, Посейдон, ударив трезубцем, поднял остров со дна моря. Но остров был плавающим, пока Аполлон не укрепил его между островами Миконом и Гиаром. Населяли остров ионийцы. Около гавани находился самый известный, наравне с дельфийским, храм Аполлона. Остров, явивший чудо рождения двух близнецов — Аполлона и Артемиды, стал впоследствии называться Делосом. Первоначальное же имя острова было Астерия, от имени дочери титанов Кея и Фебы. Астерия, чтобы избежать преследований Зевса, приняла образ перепелки и кинулась в море (Apollod. I, 4, 1). Согласно комментарию Сервия к «Энеиде» Вергилия (III, 73), после того как Астерия в образе перепелки пересекла море, Зевс превратил ее в скалу, которая позже по просьбе Лето стала островом (Myth. Vat. I, 37). Вообще о Делосе ср.: Call. IV, 8; 9; 24; 27; 40; 251; 260; Hom. Od. VI, 162; Hom. hymn. Ap. 16; 27; 49; 61; 90; 181.

Наряду с твердой делосской традицией рождения Аполлона (иногда, правда, еще говорят о его рождении в Дельфах) в словаре *Стефана Византийского* местом рождения Аполлона назван город Тегира в Беотии. Гомер (Il. I 21, 36) и Гесиод (Hesiod. Theog. 918), называя Аполлона сыном Зевса и Лето, ничего не говорят о месте его рождения. Лишь в гомеровском гимне утверждается, что он родился на острове Делос у подножья горы Кинф (Hom. hymn. Ap. 26).

8. Много столетий спустя другой александрийский грек — К. Кавафис напишет в своих путевых заметках о Делосе: «Остров красив. Залив необычайно живописен. Но похоже, на Делосе очень мало жителей, и почти нет растительности, — связано ли это со скудостью почвы или небрежением населения — не знаю». К. Кавафис. Дневник первого путешествия Кавафиса в Грецию. Пер. А. Нестерова. К. Кавафис. Проза. М., 2003, с. 186.

3 αἳ νήσων ἱερώταται εἰν ἁλὶ κεῖνται — Ср.: в гомеровском гимне: καὶ Χίος, ἣ νήσων λιπαρωτάτη εἰν ἁλὶ κεῖται (Hom. hymn. Ap. 38), а также Hom. Od. IX, 25.

Возможные варианты к ἅλς: θάλασσα, πέλαγος, ὕδωρ.

4 εὔυμνος — обычно об Аполлоне; ср.: Call. II, 31; Hom. hymn. Ap. 19, 207), здесь: Κυκλάδες εὔυμνοι. Кикладских островов девять: Андрос, Микон, Делос, Тенос, Наксос, Сериф, Гиарос, Парос и Ренея.

τὰ πρῶτα — первые дары, первые приношения.

5 μεδέων, ὁ. Ср.: Call. I, 86: ἡμετέρῳ μεδέοντι — о Птолемее.

Возможные варианты: ἄναξ, βασιλεύς, κρατέων, πτολίαρχος.

В словаре *Гезихия*: ἀοιδάων, ᾠδῶν.

6 ᾔνεσε — говорить, хвалить, одобрять. Ср.: Call. III, 215; IV, 10, 189; Theocr. XXVII, 40. Ср.: ἐπαινέω, συναινέω.

7 Πίμπλεια, ἡ — Пимплея — гора и город в Македонии, где жил Орфей и где процветал культ Муз (Strab. VII, 330).

В *схолиях*: Πίμπλειαν· ὄρος Θρᾴκης ἱερὸν Μουσῶν. Ср:. Apol. Rhod. I, 25.

9 ἀποδάσσομαι — от ἀποδατέομαι ← δατέομαι — делить, разделять; уделять, приписывать. Ср.: Hom. Il. XVII, 231; XXIV, 595; XXII, 118; Theocr. XVII, 50.

οἴμη, ἡ (ср. Call. I, 78 — οἶμος); отсюда, возможно, φροίμιον = προοίμιον. Ср.: Hom. Od. VIII, 74; 481; XXII, 347; Apol. Rhod. IV, 150.

10 ἀλέγοντα — от ἀλέγω τινός τι — заботиться, быть озабоченным.

Ἀπόλλων ἄν... αἰνήσῃ με ἀλέγοντα φίλης τιθήνης.

Начало 10 стиха — текстологическая лакуна. Издатели предлагали различные конъектуры: κάνθιον, καύριος, καίριος. В издании Р. Пфейффера — Κύνθιος. Кинфий — «географический» эпитет Аполлона по горе Κύνθος на Делосе.

11 ἠνεμόεις, ἀνεμόεις (ἄνεμος).

ἄτροπος. В словаре *Гезихия*: ἄτροπος· ἀμετάτρεπος — неповоротливый, неизменный.

В *схолиях:* ἄτροπος· ἤγουν ἀκίνητος καὶ ἄσειστος· ἡ γὰρ Δῆλος οὐδέποτε σειομένη τινάσσεται· φησὶ δὲ καὶ Θουκυδίδης (II 8, 3) ὅτι σεισμὸς γενόμενος τοσοῦτον ἦν μέγας ὡς καὶ τὴν Δῆλον σεισθῆναι.

ἄτροπος· ἤγουν ἀγεώργητος· μὴ τρεπομένη καὶ μεταβαλλομένη ἐν τῷ ἀροῦσθαι· τραχεῖα γάρ.

ἁλιπλήξ — ударяемый морем.

В *схолиях:* ἁλιπλήξ δὲ ὑπὸ τῆς ἁλὸς πληττομένη.

Ср.: βουπλήξ, παραπλήξ, οἰστροπλήξ, αἰνοπλήξ, ὀξυπλήξ,

ἡλιοπλήξ, μεθυπλῆξ, κυματοπλήξ и т. д.

12 ἐπίδρομος μᾶλλον αἰθυίῃς... ἠέπερ ἵπποις...

ἐπίδρομος — удобный для набега, доступный.

αἴθυια, ἡ — водолаз, нырок — морская птица; встречается конъектура: αἰθυίαις. У Гомера αἴθυια встречается в двух близких контекстах в «Одиссее»: «*αἰθυίῃ δ' εἰκυῖα ποτῇ* ἀνεδύσετο λίμνης» (Hom. Od. V, 337), в пер. В. Жуковского: «С моря нырком легкокрылым она поднялася»; и «αὐτῇ δ' ἄψ ἐς πόντον ἐδυσετο κυμαίνοντα *αἰθυίῃ εἰκυῖα*» (Hom. Od. V, 353), в пер. В. Жуковского: «после, спорхнув на шумящее море, она улетела / Быстрокрылым нырком...». Вообще весь пассаж о первоначальной бесприютности острова Делоса можно сравнить с описанием Итаки в «Одиссее» (Hom. Od. IV, 605–608):

> ἐν δ' Ἰθάκῃ οὔτ' ἄρ δρόμοι εὐρέες οὔτε τι λειμών
> αἰγίβοτος, καὶ μᾶλλον ἐπήρατος ἱπποβότοιο.
> οὐ γάρ τι ἱππήλατος οὐδ' εὐλείμων,
> ἀΐ θ' ἁλὶ κεκλίαται...

В пер. В. Жуковского:

> Мы ж ни широких полей, ни лугов не имеем в Итаке;
> Горные пажити наши для коз, не для коней привольны;
> Редко лугами богат и коням легконогим приютен
> Остров, объятый волнами...

В *схолиях:* αἰθυίης· λάροις (λάρος, ὁ — чайка; римляне называли эту птицу mergus, i, m (гагара) и считали, что она предсказывает погоду).

13 ἐνεστήρικται от глагола ἐνστηρίζω — укреплять в чем-либо: στηρίζω — ставить твердо, утверждать, упирать; стр. залог — упираться, крепко становиться, утверждаться. Ср.: Hom. Il. XXI, 168; Apol. Rhod. IV, 1518.

ἐλίσσω. Ср.: Hom. hymn. VIII, 6; Theocr. XXII, 81; XX–IV, 30; XXV, 242; Apol. Rhod. I, 463; IV, 1062, 1198, 1520; III, 1277.

14 ἀπομάσσομαι, ἀπομάττομαι — стирать, вытирать.

В *схолиях:* ἀπομάσσεται· ἀπορρίπτει (ἀπορρίπτω — отбрасывать, сбрасывать). μάσσω — месить; отсюда: ἀναμάσσω, ἐκμάσσω, περιμάσσω, προσμάσσω, εἰσμάσσομαι, ἐκμάσσομαι, προσμάσσομαι, ἐμμάσσομαι и т. д.

ἀπομάσσεται... πολλὴν ἄχνην Ἰκαρίου ὕδατος — *метафорическое* выражение ἄχνη, ἡ — пена, пыль водяная, обычно ἄχνη ἁλός — морская пена; ср. у Гомера: «ἀποπτύει δ' ἁλὸς ἄχνην» (Hom. Il. IV, 426).

В *схолиях:* ἄχνην· ἀφρὸν (ἀφρός, ὁ — пена) Ἰκαρίου... ὕδατος

— чаще ἁλὸς Ἰκαρίης (Call. Fr. 178, 3) — Икарийское море, часть Эгейского.

15 ἰχθυβολεύς, ὁ = ἰχθυβόλος — бьющий рыбу острогой, рыбак.

ἁλίπλοος — плавающий в море, моряк. Ср.: Call. IV, 52.

ἐνναίομαι — населять, обитать; вариант: ναίω. Ср.: Hom. Od. I, 51; Il. IX, 154; Hom. hymn. Ap. 298; Apol. Rhod. I, 1076; III, 1181; IV, 519, 1213, 1751.

16 νεμεσητός — οἱ οὐ νεμεσητὸν... λέγεσθαι

17 Ὠκεανός, ὁ — Океан; Ср.: Hom. hymn. Cer. 5; Merc. 68, 185; Ven. 227; XXXII, 7; XXXI, 16; Theocr. II, 148, 163; VII, 54; Apol. Rhod. IV, 638; III, 244; IV, 632.

Океан у греков — это прежде всего величайшая мировая река (Hom. Il. XIV, 245), которая окружает землю и море, дает начало рекам, морским течениям (Hom. Il. XXI, 196). Океан — приют солнца, луны и звезд, которые из Океана восходят и туда же заходят (Hom. Il. VII, 422; VIII, 485). У Гомера и Гесиода Океан — живое существо, прародитель всех богов и титанов (Hom. Il. XIV, 201, 246).

Τιτηνίς — Титанида.

Τηθύς — Тéфия, Тéтия, Тефи́да, Ти́фия — в греческой мифологии одно из древнейших божеств, Титанида, дочь Геи и Урана (Hes. Theog. 136), супруга своего брата Океана, с которым она породила все реки и три тысячи Океанид. На плодовитость Тефии и заботы о ее бесчисленном потомстве указывает ее имя. Оно связано с индоевропейским tēta — мать (ср. греч. τήθη — бабушка, τηθίς — тетка). Тефия и Океан обитают на краю света. Туда не раз отправляется Гера мирить поссорившихся супругов. Именно Тефия и Океан по просьбе Реи приютили Геру во время борьбы Зевса с Кроносом (Hom. Il. XIV, 200–210).

18 ἀολλίζομαι — собираться, толпиться.

В *схолиях:* οὐχ ὅτι αἱ νῆσοι ἀθροίζονται, ἀλλ᾽ οἱ ἔξαρχοι θεοί.

19 ὀπηδέω = ὀπαδέω — сопровождать, сопутствовать, следовать.

Κύρνος, ἡ — Кирн. Ср.: Call. III, 58. В *схолиях* к III, 58: νῆσος πρὸ τῆς Σικελίας ἡ Κύρνος ἐστίν; к IV, 19: Κύρνος · ἡ νῦν Τύρος καλουμένη. Однако это объяснение в схолиях, принятое Р. Пфейффером, считается ложным, поскольку еще Шпанхеймом установлено, что Κύρνος — это современная Корсика[9].

Φοίνισσα — финикийская. В данном случае следует понимать как карфагенская, поскольку на Корсике часто селились

9. E. Fernandez-Galliano. Lexico de los himnos Calimaco. Op. cit., v. III., p. 380.

выходцы из Карфагена. Обычно Корсике большинство древних авторов определяли седьмое или восьмое место среди средиземноморских островов. (Гигин отводит Корсике 12 место). То, что Каллимах такое внимание и такое почетное место определяет Корсике, — косвенное свидетельство заинтересованности автора в развертывающихся вокруг Корсики военных событиях во время Пунических войн (Корсика, Сардиния и Сицилия отошли Риму только после того, как окончательно определился победитель в Пунических войнах).

20 ὀνοτός = ὀνοστός — презренный, негодный. *Κύρνος... οὐκ* ὀνοτή.

Μάκρις Ἀβαντιάς — старое название острова Эвбеи (Strab. X, 1, 444) с городом Халкидой. Центр морской торговли.

Μάκρις — собств. «длинный остров».

Ἀβαντιάς = Ἀβαντίς. В словаре *Стефана Византийского*: Ἀβαντίς· δοκεῖ δ' ἀπὸ τοῦ Ἀβάντιος εἶναι τὸ Ἀβαντιάς, ὡς ἀπὸ τοῦ Ἑλικώνιος Ἑλικωνιάς, Ὀλύμπιος Ὀλυμπιάς, Δήλιος Δηλιάς... ἴσως δὲ καὶ τὸ Ἀβαντιάς ἀπὸ τοῦ Ἀβαντὶς παρῆχθη, ὡς ἀπὸ τοῦ Λέσβος Λεσβίς, Ἀχαιίς Ἀχαιιάς Ἀχαιιάδων εὐπέπλων. μαρτυρεῖ δὲ τῷ προτέρῳ λόγῳ, ἀπὸ τοῦ Ἀβάντιος Ἀβαντιάς, τὸ Ἀβαντία θηλικὸν κτλ. Ср.: Apol. Rhod. IV, 1135; II, 815, 824, 857.

Ἑλλοπιεύς, ὁ — эллопиец, житель Эллопии, области Эвбеи.

В словаре *Стефана Византийского*: Ἑλλοπία· χωρίον Εὐβοίας, καὶ αὐτὴ ἡ νῆσος... τὸ ἐθνικὸν Ἑλλοπεύς. В *схолиях*: Ἑλλοπιήων· τῶν Εὐβοέων.

21 Σαρδώ, ἡ — Сардиния, самый большой после Сицилии остров в Средиземном море. *Σαρδὼ... ἱμερόεσσα* — такое определение Сардинии Каллимахом достаточно неожиданно. Ведь Сардиния славилась своим нездоровым климатом, а сарды слыли вероломными, злыми и ленивыми, даже в качестве рабов пользовались в Риме дурной славой, отсюда — Sardes venales (Liv. 41, 26; Hor. Sat. I 3, 3). Сарды вели дикую жизнь, одевались в шкуры, занимались больше скотоводством, чем земледелием. Растущая на острове трава, род сельдерея, как будто имела свойства искажать черты лица при смехе, вероятно, отсюда пошло — risus Sardonicus (Cic. Ad fam. 7, 25). Но сардинцы с большой храбростью и упорством отстаивали свою независимость как против карфагенян, под властью которых они находились приблизительно до 239 г. до н. э., так и против римлян (Liv. 23, 40; 41, 21; Tac. Ann. 2, 85). Кроме того, и Сардиния, и Корсика занимали очень выгодное стратегическое положение в сре-

диземноморском регионе. Возможно, именно это побудило Каллимаха назвать Сардинию « ἱμερόεσσα».

22 ἣν ἐπενήξατο Κύπρις ἐξ ὕδατος τὰ πρῶτα — *метафорическое* именование острова Кипр; ср.: Hom. Il. V, 330, 422, 458; Hom. hymn. Ven. 2; Theocr. XI, 16; XVIII, 51; Apol. Rhod. I, 850; III, 76, 90, 936; Call. V, 21; IV, 308.

ἐπενήξατο от ἐπινήχομαι — плавать. Возможные варианты: νήχω, νέω, ἐπιπλώω; ср.: Theocr. XXIII, 61; Call. IV, 193.

σαοῖ от σώζω. В *схолиях: σαοῖ· σώζει*. Ср.: Call. IV, 151, 150; VI, 134; V, 142; III, 197.

ἐπίβαθρον, τό — плата за перевоз; плата за право пребывания.

ἀντ' = ἄντα и ἀντί — взамен, в обмен на..., ради, из-за, вследствие.

σαοῖ δέ μιν ἀντ' ἐπιβάθρων — спасает его за пребывание на нем. Ср.: Hom. Od. XV, 449; Apoll. Rhod. I, 421. *Перифрастическое* описание острова Кипр.

23 ἐρυμνός — В *схолиях:* ἐρυμναί· ἠσφαλισμέναι. Ср.: ἀσφαλίζω — делать безопасным. У Гомера встречается лишь форма ἔρυμα — Hom. Il. IV, 137. Ср.: Apol. Rhod. II, 514.

περισκεπής — покрытый, защищенный кругом; ср.: Call. I, 11 — о горе, покрытой θάμνοισι.

πύργος, ὁ — городская башня, город; вариант к πτολίεθρον и τεῖχος.

24 ἔρκος, τό — защита, оплот; здесь *метафора*, στιβαρώτερον ἔρκος: Аполлон. Ср.: ἕρκος, ἑρκεῖος — эпитет Зевса[10].

25 λᾶας, ὁ — камень, скала.

ὑπαί = ὑπό с Gen. — Ср.: Call. I, 28; IV, 210; VI, 101.

ῥιπή, ἡ — бросок, натиск, напор, порыв, удар.

26 Στρυμόνιος — стримонский, обычно подразумевается ἄνεμος, северный ветер, дующий от реки Стримона. В *схолиях:* Στρυμονίου· Στρυμὼν ποταμός ἐστι καὶ πόλις Θράκης. Ср. у Гомера: ὑπὸ ῥυπῆς αἰθρηγενέος Βορέαο — Hom. Il. XV, 171; XIX, 358.

Стримонский Борей — *аллюзия*, намек на галлатов.

ἀστυφέλικτος — непоколебимый; от глагола στυφελίζω — бить, ударять, толкать, гнать, прогонять и ἀστύφελος — гладкий, ровный.

27 βοηθός, ὁ — помощник, защитник (Call. III, 22, 53) и βοηδρόμιος — эпитет Аполлона (Call. II, 69).

ἀμφιβέβηκεν от ἀμφιβαίνω < βαίνω. Ср.: Hom. Il. XI, 37. зд. метафора.

10. Подробнее см.: А. И. Зайцев. Греческая религия и мифология...,. с. 95–96.

28–54 История острова Астерия: превращение из плавающего острова в остров Феба.

28–29 продолжение вопросительной интонации, с которой начинается гимн (IV, 1–2).

28 πολέες = πολλαί. В *схолиях*: πολέες· αἱ Πινδάρου καὶ Βακχυλίδου. ἔδει δὲ εἰπεῖν πολλαί.

περιτροχάω — оббегать вокруг; *метафора*: «воспевать». Ср.: ἁματροχάω, ὁμοτροχάω (Hom. Od. XV, 451); τροχάω (Arat. 227, 1105), ἐπιτροχάω (Apoll. Rhod. IV, 1266, 1606), ὑποτροχάω; περιτρέχω (Apoll. Rhod. III, 676; Theocr. ep. IV, 5).

29 ἐνιπλέκω < ἐμπλέκω < πλέκω — *метафора*: «сочинять, придумывать».

30–40 История происхождения острова.

30 μέγας θεός — *антономасия*: Посейдон. В *схолиях:* λέγεται γὰρ ὅτι ὁ Ποσειδῶν τῇ τριαίνῃ ἀποσπῶν τὰς νήσους ἐποίει.

οὖρος = ὄρος, τό — для Каллимаха регулярны как одна, так и другая формы. Ср.: I, 11, 31; III, 41, 183, 198; IV, 70; V, 41 — ὄρος; IV, 126, 138; IV, 119; III, 3, 20 — οὖρος.

31 ἄορ, ἄορος, τό — меч; поскольку меч у греков имел только одно острие, то здесь скорее имеется в виду общее наименование для колющего оружия. Ср.: Theocr. XXII, 191.

τριγλώχιν — трезубый, трехконечный, треугольный. Ср.: Apoll. Rhod. IV, 310. В *схолиях:* ἄορι τριγλώχινι· τῇ τριαίνῃ.

Τελχίς, Τελχῖνος, ὁ — тельхин — первые жители острова Родос, слывшие изобретателями литейного и кузнечного дела. По Диодору (Diod. V, 55–56) тельхины на Родосе основали культ Аполлона Тельхинского и Геры Тельхинской. Они изготовили Посейдону его трезубец. На Родосе они создали первые статуи богов. Страбон пишет, что иногда тельхинов отождествляют с корибантами, кабирами, идейскими дактилями и куретами, а иногда считают, что «эти народы только родственны между собой и признают некоторые, впрочем, незначительные, отличия между ними; говоря кратко и вообще, всех их считают восторженными, вакхическими, все они пляшут в вооружении под звуки и шум кимвалов, тимпанов и оружия, а также под звуки флейты и восклицания, наводя страх на людей во время священнодействий, принимая на себя вид служителей божества» (Strab. X, 3; 7). Тельхины сопровождали Рею на Крит и воспитывали Зевса, возможно, потом они были названы Куретами (Strab. X, 3; 19). Аполлон, превратившись в волка, избивает тельхинов за то, что они были враждебны богам (Сервий Aen. IV, 377); (см. комментарий к I гимну).

32 εἰνάλιος = ἐνάλιος — находящийся в море, морской, при-

морский. Ср.: Call. IV, 154, 243; Apoll. Rhod. I, 583; Theocr. XXI, 39.

33 ὀχλίζω — поднимать. Ср.: Hom. Il. XII, 448; XXIV, 567; Hom. Od. IX, 242; Apoll. Rhod. I, 402; IV, 963, 1678.

34 βυσσός, ὁ = βυθός, ὁ — морская глубина. Ср.: Call. IV, 127.

35 πρυμνόθεν от πρύμνη, ἡ — корма корабля, зд. *метафора*: до основания, полностью.

ῥιζόω — насаждать, прикреплять, укреплять. Ср.: Hom. Od. VIII, 163; Od. VII, 122; Apoll. Rhod. I, 1122; II, 605, 731; III, 969.

θλίβω — ср.: Hom. Od. XVII, 221; Theocr. XX, 4; XXI, 18. Ср.: διαθλίβω.

37 ἤλαο < ἄλλομαι — прыгать, скакать, устремляться.

Астерия — дочь Кея и Фебы, сестра Лето, приняв образ перепелки (ὄρτυξ— отсюда, возможно, название острова Ортигия), кинулась в море, как было сказано выше, чтобы избежать преследований Зевса. Пиндар (пеан 7 b) считал, что остров назывался Астерией, поскольку блистал подобно звезде. Возможно, поэтому в Астерии иногда усматривают персонификацию внезапно появляющейся и исчезающей звезды. Ср. версию мифа об Астерии у Гигина: «Когда Юпитер полюбил титаниду Астерию, она его отвергла. Он превратил ее в птицу ортикса, которую мы называем перепелкой, и бросил в море. Из нее появился остров, который был назван Ортигией. Он был плавучим. Потом по приказу Юпитера ветер Аквилон перенес на него Латону, тогда, когда ее настигал Пифон, и там Латона, держась за оливу, родила Аполлона и Диану. Этот остров потом стал называться Делосом». (Гигин, 53; пер. Д. О. Торшилова). Другая версия мифа излагается в фабуле 140[11].

В словаре *Гезихия*: Ἀστερίη· ἡ Κρήτη καὶ ἡ Δῆλος οὕτως ἐκαλοῦντο.

Павсаний считает, что Ἀστερίου νῆσος находился около Милета (Paus. I, 35, 6). *Новация* Каллимаха заключается в том, что местную легенду он превращает в мифологическое предание; его внимание к столь далекой предыстории можно объяснить тем, что распространенным жанром эллинистической поэзии был жанр метаморфозы. Эпитеты Астерии у Каллимаха: φιλόμολπε (IV, 197), θυόεσσα (IV, 300),

11. Подробные комментарии Д. О. Торшилова к данным мифам см.: Гигин. Мифы. Пер. с лат. Д. Торшилова. Под общей ред. А. А. Тахо-Годи. СПб.: Алетейя, 1997, с. 104–105; с. 192–193.

πολύβωμε, πολύλλιτε (IV, 316). Контексты с Астерией встречаются только в IV гимне, помимо названных: IV, 40, 224, 244. Миф об Астерии будет повторен у Нонна (Nonn. II, 125; XLII, 410; XXXIII, 337).

τόφρα μὲν... τόφρα δ' — *анафора.*

39 Λητώ — дочь титанов Кея и Фебы (Hes. Theog. 404–408), первая жена Зевса, родила Аполлона и Артемиду. Имя Λητώ сближали с корнем –led–, –leth–, указывающим на «ночь» или «забвение», тем более, что мать Феба — луна, а сестра Астерия — звезда. Однако, вероятнее всего, это божество догреческое, и мифы о Лето восходят к догреческим малоазийским корням. Возможно, имя богини связано с ликийским — lada — «жена», «мать»[12]. То, что Аполлон — сын Зевса и Лето, это твердая традиция. Но вместе с тем следует указать, согласно Геродоту (Herod. II, 156), Аполлон является якобы сыном Озириса–Диониса и Изиды–Деметры, а Лето — не мать Аполлона, а только его мамка.

41–50 стихи, посвященные свободному плаванию Астерии.

Антипатр Фессалоникский (I в. до н. э.), полемизируя, скорее всего, с основной темой IV гимна Каллимаха, посвящает острову такую эпиграмму (пер. Л. Блуменау):

Лучше б доныне носиться по воле ветров переменных,
Мне, чем кормилицей стать для бесприютной Лето.
Я бы не сетовал так на заброшенность. Горе мне, горе!
Сколько проходит судов эллинских мимо меня,
Делоса, славного встарь, а теперь опустелого! Поздно,
Но тяжело за Лето́ Гера мне, бедному, мстит.

Современник Антипатра — Алфей в ответ пишет в честь Делоса свои стихи (пер. Л. Блуменау):

Остров–кормилец рожденных Латоной богов, неподвижно
Ставший в Эгейских водах волею Зевса, — тебя
Не назову я несчастным, клянусь божествами твоими!
Не повторю я того, что говорит Антипатр.
Счастлив ты: Фебу приютом был, и зовет Артемида
Только тебя одного, после Олимпа, родным.

41 πολίχνη, ἡ — городок, местечко. Ср.: Hom. Il, 557.

12. А. Ф. Лосев. Лето. Мифологический словарь. М.: Сов. Энциклопедия, 1990, с. 310; также: E. Bethe. Das archaische Delos und sein Letoon. Hermes, 1937. Bd. 72, № 2.

Τροιζήν, ἡ — город в Арголиде, где особенно почитался культ Посейдона. В окрестностях этого города родился Тезей, здесь же правил сын Пелопса Питфей. В *схолиях*: ἀπο Ξάνθοιο πολίχνης· ἀπό τινος Ξάνθου βασιλεύσαντος Τροιζῆνος. Ξάνθοιο — скорее имя собственное, поэтому должно писаться с Ξ, как в ст. IV, 305: «ἀπὸ Ξάνθοιο θεοπρόπος ἤγαγεν Ὠλήν». И хотя в издании Р. Пфейффера ξάνθοιο дается со строчным ξ, в примечаниях он пишет, что скорее это имя собственное, ссылаясь на схолии.

42 Ἐφύρη, ἡ — Эфира, древнее название Коринфа. Здесь имеется в виду морской город, хотя города с таким названием были и в Фессалии, и в Этолии, и в Эпире. Ср.: Hom. Il. II, 659; VI, 152; XV, 531; Hom. Od. II, 328; Theocr. XXVIII, 17; Apoll. Rhod. IV, 1212.

Σαρωνικὸς κόλπος — Саронический залив — ныне Эгинский залив. В этом заливе два больших острова — Саламин и Эгина. Название залива, возможно, от царя Сарона, утонувшего здесь во время охоты (Paus. 2, 30, 7), или от названия трезенского ручья Сарон, или от слова σαρωνίς — дуб.

44 ἔδραμες... παρ' ὀξὺν... πόρον... στεινοῖο Εὐρίποιο... ῥέοντος καναχηδά; ὀξύς — зд. быстрый.

45 Εὔριπος, ὁ — Эврип, бурный пролив между Эвбеей и беотийско-аттическим побережьем. Его вечное волнение объяснялось тем, что несколько раз в день здесь менялось течение. Отсюда существовала даже в древности поговорка: μεταρρεῖν ὥσπερ Εὔριπος — «волноваться, быть непостоянным, как Эврип». В *схолиях*: Εὐρίποιο· ὁ μεταξὺ Εὐβοίας καὶ Βοιωτίας ῥοῦς; ср.: Call. III, 188.

καναχηδά — с сильным шумом, грохотом; от καναχή — шум, грохот. Ср.: Hom. hymn. Ap. 185; Apoll. Rhod. III, 71.

46 αὐτῆμαρ = αὐτήμερον = αὐθημερόν — в тот же самый день, немедленно.

ἀνηναμένη — эп. aor. ἀναίνομαι — отклонять, отвергать. Ср.: Call. IV, 123.

ὕδωρ Χαλκιδικῆς ἁλός.

Χαλκιδικός — от Χαλκίς, значительного города острова Эвбеи. Город находился в самом узком месте Эврипа. Древние авторы говорят, что еще в древности здесь был мост, соединяющий Эвбею с материком. Возможно, город основали финикийцы, которые ловили здесь пурпурных улиток (χάλκη — κάλχη — пурпурная раковина).

47 προσενήξαο — от προσνήχομαι— подплывать, приплывать (от προσνέω). Ср.: παρανήχομαι, διανήχομαι, συννήχομαι, ἀνανήχομαι, ἐκνήχομαι, ἐννήχομαι.

Σούνιον, τό — мыс Сунион. Ср.: Hom. Od. III, 278: Σούνιον ἱρὸν... ἄκρον Ἀθηνέων. В *схолиях*: Σούνιον· ἀκρωτήριον τῆς Ἀττικῆς.

48 Χίος, ἡ — Хиос, остров Эгейского моря у берегов Ионии, славился в древности своим плодородием, из хиосской лозы получали лучшее вино; славен был также хорошим мрамором и тонкой глиной. Ср.: Hom. Od. III, 170, 172; Hom. hymn. Ap. 38, 172.

μαστὸν... διάβροχον — *метафора*: «гора».

49 Παρθενίη, ἡ — Парфения, старое название острова Самос, с запада защищен огромными утесами. Был знаменит гончарными изделиями. В *словаре Стефана Византийского*: Σάμος· ἐκλήθη δὲ πρότερον Παρθενία. В *схолиях*: νήσοιο... Παρθενίης· τῆς Σάμου.

50 Μυκαλησσίς — Микалессийский — ἄπαξ; от Μυκάλη. Μυκάλη — западный отрог ионийской горы напротив острова Самоса.

Ἀγκαῖος, ὁ — Анкей, имя одного из предводителей колонии, поселившейся на острове Самос. В *схолиях*: Ἀγκαίου· Ἀγκαῖος· βασιλεὺς Σάμου. Ср.: Hom. Il. II, 609; Apoll. Rhod. I, 188; II, 865, 894, 898, 1276; IV, 210, 1260.

51–54 остров Астерия становится Делосом.

52 ἀντιμοιβός — ἅπαξ; от ἀνταμείβομαι — воздавать; ср.: ἀμοιβός (Hom. Il. XIII, 793), ἐπιμοιβός (Hom. Od. XIV, 513), ἐξημοιβός (Hom. Od. VIII, 249).

ἁλίπλοος — плавающий в море. Ср.: Hom. Il. XII, 26; Apoll. Rhod. III, 1329.

ἰχθυβολῆες— о рыбаках.

53 ἄδηλος — Δῆλος — несомненно, нарочитая *игра слов*.

54 ἐνεθήκαο < ἐντίθημι — полагать, влагать. Ср.: Call. II, 77–78.

ῥίζαι... ποδῶν — корни ног — *метафорическое* выражение: «нижняя часть острова».

55–274 Описание блужданий Лето перед родами и рождение Аполлона на Делосе.

55–69 Описание гнева Геры. Для особой драматизации Каллимах намеренно подчеркивает этот мотив, хотя в аналогичной ситуации в гомеровском гимне эта тема отсутствует.

55 *ὑποτρέω — отступать в страхе*. Ср.: Hom. Il. XVII, 587; XV, 639; VII, 217; Apoll. Rhod. I, 1049, 1050; IV, 1507.

κοτέω — ср.: Hom. Il. I, 181; II, 223; V, 747; VIII, 391; XXIII, 383; Hom. Od. I, 101; Hom. hymn. Ap. 330; Apoll. Rhod. IV, 1672. Возможные варианты к κοτέω: ἀλαστέω, βαρύνομαι, νεμεσάω, σπέρχομαι, συνοργίζομαι, χαλέπτομαι, χολόομαι, χόωμαι.

56 λεχωΐς, ἡ — роженица, слово *редкое*, чаще встречается λεχώ, οος, ἡ. В аналогичной ситуации встречается у Аполлония Родосского — Apoll. Rhod. IV, 136. Образовано, очевидно, по модели: Λητωΐς, Ῥαμνουσίς. Ср.: Call. III, 127; IV, 124.

ἐπιβρωμάομαι — рычать по-ослиному, негодовать, *неологизм*, образован от βρωμάομαι = βρωμέω — ср.: βρομός — шум. Ср.: у Гомера Гера в гневе передвигалась на своем сидении, и тогда дрожал весь Олимп (Hom. Il. VIII, 199).

57 διακριδόν — исключительно, особенно. В *схолиях*: διακριδόν· κατ' ἐξοχήν, μεγάλως.

59 σκοπιὴν ἔχειν = σκοπιάζειν — подстерегать, наблюдать, подсматривать.

σπέρχομαι — возбуждаться, раздражаться, гневаться (см. комментарий к ст. 55). В *схолиях*: σπερχομένη· ὀργιζομένη.

εἴργω — закрывать, не допускать, отгонять. Ср.: Hom. Il. XXIII, 72; Hom. hymn. Cer. 102; Apoll. Rhod. IV, 1639.

τείρω — изнурять, терзать, мучить, удручать; m/p — терзаться, страдать.

ὠδῖσι = ὠδίνεσσι от ὠδίς, ἡ. Ср.: Call. I, 29; III, 21; IV, 120; 123; 202; 254.

εἵατο < ἧμαι — сидеть. В *схолиях*: εἵατο· ἐκαθέζοντο. Ср.: Call. II, 29; IV, 63; 67.

φρουρός, ὁ — страж. Ср.: Apoll. Rhod. IV, 88, 1434.

62 ἐποπτεύω — смотреть на что и за чем, наблюдать за чем. Ср.: Hom. Od. XVI, 140: ἐποπτεύεσκε.

63 Αἶμος, ὁ — Гем, горный хребет в северной Македонии и Фракии, ныне Балканы. Ср.: Theocr. VII, 76; Call. III, 114. В *схолиях*: Αἵμου· ὄρος Θράκης.

64 θοῦρος — буйный, неукротимый, неистовый — эпитет Ареса. Ср.: Hom. Il. V, 507; XXIV, 498; Apoll. Rhod. I, 466.

65 αὐλίζομαι — о скоте: стоять в закуте, на скотном дворе, в стойлах, хлевах. Ср.: Hom. Od. XII, 265; XIV, 40; Apoll. Rhod. II, 1284; III, 839; IV, 1689; Theocr. XXV, 99.

παρὰ ἑπτάμυχον σπέος — ἑπτάμυχος — слово засвидетельствовано в названии комедии Ферекида: « Ἑπτάμυχος ἤτοι Θεοκρασία ἢ Θεογονία». В *схолиях*: ἑπτάμυχον· πολύμυχον. πολύμυχος от μύχος — самое внутреннее или углубленное место, самая внутренняя или задняя часть чего-либо, углубление.

66 ἤ... ἑτέρη σκοπός — ср. с более обычным ἐπίσκοπος (Hom. Od. III, 163; Il. XXI, 454; XXII, 45, 255). Theocr. XXIV, 107; Call. III, 39:

ἐπίσκοπος... ἀγυιαῖς λιμένεσσιν.

ἐπὶ νησάων... εὐρειάων — ср.: νήσων (Call. III, 183). В *схоли-*

ях: νησάων· παραλόγως ἔχει τὴν διαίρεσιν νησάων, οὐ γὰρ ἀπὸ τῶν εἰς αἱ ἐστιν.

67 κόρη Θαύμαντος — дева Тавмантова — *антономасия*: Ирида. Златокрылая посланница Зевса и Геры, посредница между богами и людьми. Тавмант — сын Понта и Геи. От Тавманта и Электры, дочери Океана, родилась Ирида.

ἐπαΐξασα от ἐπαΐσσω — устремляться, кидаться. Ср.: Hom. Il. XII, 191; XVII, 293; X, 345; XXIII, 773; V, 323; VII, 240; XII, 308.

Μίμας, αντος, ὁ — мыс в Ионии, недалеко от острова Хиоса. Ср.: Call. IV, 157: ἐφ' ὑψηλοῖο Μίμαντος; ὡς... Μίμαντι χιών. В *схолиях*: Μίμαντι·ὄρος <ἀντικρὺ > Χίου.

69 ἀπειλητήρ, ῆρος, ὁ — хвастун. Hom. Il. VII, 96: «ὦ μοι ἀπειλητῆρες Ἀχαιΐδες οὐκέτ' Ἀχαιοί». Каллимах по-новому использует пассаж из Гомера. Если у Гомера «ἀπειλητῆρες» — хвастуны, самохвалы, то у Каллимаха «угрожающие хвастуны».

μίμνω < μιμένω — оставаться, пребывать, крепко стоять. Ср.: Call. IV, 148.

ἀποτρωπάω — вариант к ἀποτρέπω. Ср.: Hom. Il. XX, 119: αποτρωπῶμεν; Hom. Od. XVI, 405; Il. XVIII, 585: ἀπετρωπῶντο; Apoll. Rhod. III, 16.

70–161 Основной, наиболее отделанный эпизод гимна — скитания Латоны. В этот мотив Каллимах вкладывает больше всего фантазии. Если гимнической традиции Каллимах обязан темой — «Делос — кормилица Аполлона», то остальное, и прежде всего, скитания Латоны, он придумывает сам. Здесь, как и в гимне I и как во многих других случаях, обращает на себя внимание особый каллимаховский прием — «одушевление», «оживление» ученой географии. Поэт скажет «в страхе бежала Аркадия вся», «бежала святая Авги гора, Парфений» и т. д.

70 φεῦγε... Ἀρκαδίη — поэтическая *метафора*. Ср.: Call. I, 7; III, 220.

φεῦγεν ὄρος ἱερὸν Ἄυγης / Παρθένιον — *метафора*. В *схолиях*: Παρθένιον· ὄρος Ἀρκαδίας τὸ Παρθένιον, ἔνθα τὴν Αὔγην τοῦ Ἀλεοῦ τὴν θυγατέρα, ἱέρειαν τῆς Ἀθηνᾶς, ἔφθειρεν Ἡρακλῆς.

Об Авге и ее сыне Телефе у Аполлодора (Аполлодор. II, 7, 4) сказано: «Проходя через Тегею, Геракл соблазнил Авгу, дочь Алея, не зная, кто она. Авга тайно родила и подкинула дитя в священном участке храма богини Афины. Так как страну стала опустошать чума, Алей решил отыскать причину и, зайдя в храм Афины, нашел рожденное дочерью дитя. Его выбросили на Партенийскую гору, но младе-

нец был спасен благодаря какому-то божественному промыслу. Только что родившая лань стала кормить его своим молоком, а затем его нашли пастухи и назвали мальчика Телефом (ср. возможную этимологию Τήλεφος от θηλή (сосок) и ἔλαφος (лань)). Авгу Алей отдал Навплию, чтобы он продал ее за пределы страны, тот же отдал ее властителю Тевтрании Тевтранту, который сделал ее своей женой».

Парфений — гора на границе Аркадии и Арголиды.

71 ὁ γέρων... Φενειός — персонификация, *метонимия*: имеется в виду древний город Аркадии. В *схолиях*: Φενειός· πόλις Ἀρκαδίας ἀρχαία.

72 ὅλη Πελοπηίς — эллипс γῆ — *персонификация* — земля Пелопса или Пелопоннес. *Неологизм*, характерный для языка эллинистической эпохи, как Ῥαμνουσίς, Κεκροπίς, Αἰθιοπίς. Ср.: Apoll. Rhod. IV, 1570, 1577: Πελοπηίδα... γαῖαν. В *словаре Стефана Византийского*: Πελοπόννησος... λέγεται καὶ Πελοπηίς.

παρακλίνομαι — ср.: κλίνομαι, ἀνακλίνομαι. ἀποκλίνω. Ср.: Theocr. XXV, 161; II, 44 — παρακέκλιται; Apoll. Rhod. II, 93; III, 953; II, 364; IV, 292. 1239 — παρακέκλιται.

73 ἔμπλην = χωρίς.

Αἰγιαλός, ὁ — Эгиал — северное побережье Пелопоннеса.

74 ἀτραπιτός, ἡ эп. = ἀτραπός, ἡ — тропа, тропинка, стезя.

Ἴναχος, ὁ — Инах, главная река Арголиды, *персонификация*, *синекдоха*. Ср.: Call. V, 50.

75 φεῦγε... Ἀονίη — Аония, поэтическая *метафора*; древнее название Беотии. В *схолиях*: Ἀονίη· Ἀονίαν τὰς Θήβας λέγει. В *словаре Стефана Византийского*: Ἄονες· ἔθνος Βοιωτίας, ἀφ' ὧν ἡ Ἀονία. καὶ Ἄων τὸ ἐθνικόν, καὶ Ἀόνιος καὶ Ἀονία. В *схолиях* к Hom. Il. II, 494: ἡ Βοιωτία τὸ πρότερον Ἀονία ἐκαλεῖτο ἀπὸ τῶν κατοικούντων ἐν αὐτῇ Ἀόνων, μετωνομάσθη δὲ Βοιωτία. Ср.: Apoll. Rhod. III, 1178; 1185.

ἐφέπομαι — следовать за кем, сопутствовать кому. Ср.: Apoll. Rhod. II, 384; III, 315. Чаще встречается ἕπομαι — Ср.: Call. IV, 77, 199; VI, 61; II, 55.

76 Δίρκη... Στροφίη — Дирка... Строфия — источники около Фив Беотийских; *поэтическая метафора*. В *схолиях*: Δίρκη τε Στροφίη τε· κρῆναι ἐν Θήβαις ταῖς Βοιωτίας. О Дирке есть миф (Hyg. Fab. 8. Apollod. III, 5, 3): у фиванского царя Лика была ревнивая жена Дирка. Когда Антиопа — мать близнецов Зета и Амфиона, дочь одного из фиванских царей, бежавшая от гнева отца в Сикион, *после смерти отца* вернулась в Фивы, то Дирка сделала ее своей рабыней и жестоко с ней обращалась. Антиопа опять бежала из Фив на гору Киферон,

где жили ее сыновья Зет и Амфион. Они не узнали друг друга. На празднике Диониса Антиопа и Дирка снова встретились, и Дирка решила предать Антиопу ужасной казни как беглую рабыню. Она приказала привязать Антиопу к рогам дикого быка, чтобы он растерзал ее. Но близнецы, узнав от старого пастуха, что Антиопа их мать, и услышав о перенесенных ею издевательствах со стороны царицы, сделали с Диркой то, что она хотела сделать с Антиопой. После смерти Дирка превратилась в источник, названный ее именем.

77 χέρα = χεῖρα; Ср.: Call. I, 74; VI, 62. χέρες = χεῖρες (Call. III, 201; VI, 101) и т. д.

μελαμψήφις — с черными камушками, *неологизм* Каллимаха, повторен Нонном XXVI, 236; образован, очевидно, по модели πολυψήφις (Herod. I, 55, 2), εὐψήφις (Nonn. X, 163); ср. также такие образования: μελαμπηγής, μελάναιγις, μελαμβρότος, μελάμπεπλος. Ср.: Call. III, 101 — о реке Анавр.

Ἰσμηνός, ὁ — Исмен, река в Беотии, поэтическая *метафора*. В *схолиях*: Ἰσμηνοῦ· Ἰσμηνὸς ποταμὸς Θηβῶν καὶ Ἀσωπός.

78 Ἀσωπὸς βαρύγονος — тяжелый в коленях, тяжелый на ногу; *антоним* — ταχύγονος; γούνος = γόνυ. Ср.: Theocr. XVIII, 10.

ἐπεὶ πεπάλακτο κεραυνῷ — *когда Асоп хотел спасти свою* дочь Эгину от преследований Зевса, о чем ему сообщил Сизиф, Зевс поразил его молнией.

78–85 по мнению Мейнеке позднейшая вставка.

79 ὑποδινέομαι — ἅπαξ. Образован от δινέω — кружить, вертеть, гнать по кругу; δινέομαι — кружиться, вертеться, скитаться. Ср.: ἐπιδινέω, ἀνανδινέω, ἐνδινέω. В *схолиях*: ὑποδινηθεῖσα· ὑπότρομος γινομένη.

80 Μελίη, ἡ — Мелия, нимфа, дочь Океана, мать кентавра Фола. В *схолиях*: μελίη· τὸ ἐξῆς... οὐκ ἔστι κύριον, ἀλλὰ ἁπλῶς εἴρηται περὶ πάσης μελίας. В *словаре Гезихия*: μελία· δένδρου εἶδος, ἀπὸ Μελίας Ὠκεανοῦ. В *схолиях* к Apoll. Rhod. (II, 4): Μελίαν δέ φησιν αὐτὴν διὰ τό τινας τῶν νυμφῶν Μελίας καλεῖσθαι ἀπὸ Μελίας τῆς Ὠκεανοῦ, ὥς φησι Καλλίμαχος· ἢ διὰ τὸ περὶ μελίας δένδρα διατρίβειν καθάπερ Ἁμαδρυάδας. Ср.: Call. I, 47: μελίαι· νύμφαι.

Известно, что, по верованиям греков, в деревьях жили особые божественные существа (дриады, гамадриады), вместе с ними рождавшиеся и умиравшие. Есть немало свидетельств, доказывающих, что деревьям поклонялись как символам божеств и даже как самим божествам. Такие священные деревья украшали повязками, гирляндами, венками, различными обетными приношениями, совершали перед ними жертвоприношения.

ὑπόχλοον... παρειήν — singularis pro plurali. Ср.: Hom. hymn. XXXI, 11; Theocr. XXX, 4; Apoll. Rhod. III, 1160.

81 ἀσθμαίνω → ἀσθμαίνουσα — Ср.: Hom. hymn. Ap. 359.

ἥλιξ, ικος, ὁ, ἡ — одинаковых лет, сверстник. Ср.: Apoll. Rhod. II, 479 — δρυὸς ἥλικος; Ср.: Call. III, 840.

χαίτην / σειομένην — *метафора*: лес.

82 Ἑλικών, ὁ — Геликон — горная гряда в Беотии. В *схолиях*: Ἑλικῶνος· ὄρος Βοιωτίας.

84–85 «Νύμφαι... φύλλα» — цитата из неизвестного автора. Ср.: Procli in Plat. remp. p. 384 (I, 125, 29–40–126, 1 Kroll): «Νύμφαι... φύλλα» φησίν τις ποιητής.

86–99 Первое пророчество еще не родившегося Аполлона.

86 ταῖς μὲν — В *схолиях*: ταῖς μὴ δεξαμέναις δηλαδὴ τὴν Λητώ.

ὑποκόλπιος — из-под груди — *редкое* слово; образованное от κόλπος, ὁ — лоно материнское, чрево матери. Ср.: προκόλπιος, ἐπικόλπιος. Ср.: Theocr. XIV, 37. Вместе с редким словом Каллимах вводит совершенно новый, фантастический мотив: прорицание еще не родившегося Аполлона. Ср.: в гомеровском гимне Аполлон начинает пророчествовать, едва родившись: «людям начну прорицать я решенья неложные Зевса» (Hom. hymn. I, 132). Согласно схолиасту к Пиндару, пророческий дар Аполлон получил от Пана.

χολόομαι — сердиться, гневаться. Ср.: Call. V, 79: χολωσαμένα; Theocr. XXII, 87; XXV, 5; Apoll. Rhod. IV, 1138. Возможные варианты: ἀλαστέω, βαρύνομαι, κοτέω, νεμεσσάω, σπέρχομαι.

87 οὐκ ἀτέλεστον ἀπειλήσας ἐπὶ Θήβῃ — угрожая Фивам совсем не напрасно.

88 Θήβη, ἡ — Фивы, город в Беотии (существовали города с таким названием еще в Малой Азии и Египте). Ср.: Call. V, 57; Apoll. Rhod. I,736; II, 906; III, 1178; IV, 260; Hom. hymn. Ap. 225; 226; 228.

πότμος, ὁ — участь, жребий, судьба. Обращает на себя внимание частотность употребления этого слова у эллинистических авторов. Ср.: Apoll. Rhod. I, 446; III, 551, 793, 800; IV, 1503; Theocr. ep. IX, 3; Call. Frg. 330; у Нонна — 62 случая употреблений. В *схолиях*: τὸ ἑξῆς· ὦ Θήβη, τί αὐτίκα ἐλέγχεις τὸν ἐσόμενον σοι πότμον.

90 Πυθών, ἡ — Пифон, древнее название Дельф, в Фокиде у подножия Парнаса. Ср.: Hom. Il. II, 519; Hom. hymn. Merc. 178.

ἕδρη τριποδήιος — треножное седалище вместо: оракул — *перифраза*. По мифу, после того как Аполлон родился на Делосе, он отправился на гору Парнас, где прятался враг его

матери змей Пифон, и ранил его своими стрелами. (Hyg. Fab. 140. Apollod. I, 4, 1). Пифон бежал к оракулу матери-земли в Дельфах, названных так, по одной из версий, по имени чудовищной Дельфины, подруги Пифона. Однако Аполлон расправился с ним здесь на краю священной бездны. Мать-земля тут же сообщила об этом поступке Аполлона Зевсу, и тот приказал ему отправиться в Темпейскую долину, чтобы получить очищение от убийства и учредить там Пифийские игры в честь Пифона, на которых председательствовать должен был раскаявшийся Аполлон. Однако Аполлон, нисколько не испугавшись приказа Зевса, не пошел в Темпейскую долину, а в сопровождении Артемиды отправился за очищением в Эгиалею. Эгиалея ему не понравилась, и Аполлон отплыл на Крит, где царь Карманор выполнил обряд очищения. Вернувшись в Грецию, Аполлон разыскал Пана и уговорил его научить искусству прорицания. После этого Аполлон захватил Дельфийский оракул, оставив у себя на службе его жрицу Пифию (по одной из версий мифа, до Аполлона место у треножника Сузанимали Гея, Фемида, а затем Феба). (См. Hyg. Fab.140, Apollod. I,4,1).

Значение Дельфийского оракула на протяжении всей истории Греции классического периода было огромным. Он оказывал влияние на всю политическую, культурную и даже экономическую жизнь греков. Посредством оракула Аполлона жрецы могли смягчать законы войны, останавливать кровную месть, отказывая убийце в ритуальном очищении, направлять колонизационную деятельность, давать советы в пору неурожаев, засухи и других бедствий, вынуждавших людей обращаться за прорицаниями к Пифии. Через Пифию — жрицу, как полагали, вещал сам бог Аполлон.

ἕδρη τριποδήιος — треножник, специально посвященный Аполлону, на котором он представлялся невидимо восседающим.

91 ὄφις μέγας — В *схолиях*: ὁ Δελφύνης = Δελφίνης; змей Пифон, которого убил Аполлон (ср.: Apoll. Rhod. II, 706), отсюда Δελφίνιος — эпитет Аполлона (ср.: Hom. hymn. Ap. 439). Ср.: Call. II, 101: δαιμόνιος θήρ / αἰνὸς ὄφις. Ср.: Hom. Il. XII, 208; Apoll. Rhod. II, 1208, 1269; IV, 88, 1434, 1506.

92 αἰνογένειος — со страшной, ужасной бородой — ἅπαξ. В данном случае Каллимах соединил два известных в разных образованиях корня. Ср.: ἀκρογένειος, μαδιγένειος, ἠυγένειος, ἡμιγένειος, συγγένειος и αἰνόταλας, αἰνομόρος, αἰνοπαθής, αἰνοβίας, αἰνολαμπής, αἰνόλεκτρος, αἰνοπάτηρ, αἰνόγαμος, αἰνόθρυπτος, αἰνολέων, αἰνογίγας и т. д.

Πλειστός, ὁ — Плейст или Плист, небольшая речка в районе Дельф. Ср.: Apoll. Rhod. II, 711. В *схолиях*: ἀπὸ Πλειστοῖο· Πλειστὸς ποταμὸς Φωκίδος παρὰ τὸν Παρνάσσὸν ῥεών, ὃς ἔστιν ὄρος Φωκίδος.

παρέρπω от ἔρπω — Ср.: ep. LX, 1. Ср.: ἀνέρπω, καθέρπω, ἐφέρπω.

94 ἔμπης = ἔμπας, ἔμπα — во всяком случае, все-таки, при всем том, однако.

τορός — пронзительный, громкий, ясный; букв.: пробивающий или просверливающий насквозь. В *схолиях*: τορώτερον· σαφέστερον, ὀξύτερον.

ἀπὸ δάφνης — *метонимия:* оракул.

Лавр — символ Аполлона-прорицателя. Лавровая ветвь, увитая шерстью, а также венок из лавра всегда были признаками того, что человек находится под защитой Аполлона. Так, Орест, отправляясь в Дельфы и все еще преследуемый Эриниями, имел при себе именно эти символы. Лавровый венок на голове Аполлона — память о неразделенной любви Аполлона к нимфе Дафне. Когда Аполлон настиг уже Дафну, она превратилась в лавровое дерево, из листьев которого Аполлон в утешение сделал венок. Так же в Дельфах одной Пифии можно было жевать лист лавра как некое снадобье, приводящее ее в экстатическое состояние (хотя сейчас этот момент вызывает сомнение). Ср.: Hom. Od. IX, 183; Hom. hymn. Ap. 396; Merc. 109; Theocr. II, 23; Apoll. Rhod. II, 159. 166; Call. frg. 195, 31; 299, 11.

95 πρόσω = πρόσσω (Theocr. XXII, 87) или πόρρω (Theocr. XIII, 60) или πρόσσοθεν (Hom. Od. XXIII, 533) — вперед, далее, дальше.

ταχινός = ταχύς. ταχινός — характерно для языка александрийцев. Ср.: Theocr. II, 7; XIV, 40; Apoll. Rhod. II, 1044. Аналогично: πυκινός, θαμινός. Call.: I, 56: ταχινοί... ἦλθον ἴουλοι; II, 114: ταχινοί... πόδες; III, 158: ταχινός.

96 κακόγλωσσος γυνή — злоязычная жена, *метафора*: Ниоба. В *схолиях*: κακογλώσσοιο· τῆς Νιόβης· ἐν Θήβαις γὰρ κατῴκει.

97 Κιθαιρών, ὁ — Киферон, гора на границе Аттики и Беотии; *персонификация*. В *схолиях*: Κιθαιρών· ὄρος Θηβῶν. Горы Киферон и Парнас были естественной преградой для перехода в Аттику, лежащую к югу от Беотии. С V в. до н. э. крепости Ороп, Декелея, Филы, Панакт и другие стерегли вход на афинскую территорию.

ἔλλαχες от λαγχάνω; есть формы у Каллимаха: ἔλαχον, λάχον, ἔλλαχον.

98 εὐαγέω — вести непорочную жизнь. εὐαγής — чистый, безвинный, святой, очищающий. Ср.: Apoll. Rhod. I, 1140; II, 699, 715. Феокрит почти дословно повторяет формулу Каллимаха: Theocr. XXVI, 30: αὐτὸς δ' εὐαγέω καὶ εὐαγέεσσιν ἄδοιμι. Тема чистоты, незапятнанности — очень частый мотив в поэзии Каллимаха.

99 μετάτροπος... ἐχώρει — Ср.: Apoll. Rhod. III, 1361: ἐχώρει — Theocr. XIII, 70; XIV, 57; Call. frg. 195, 24.

100–163 Продолжение скитаний Латоны.

100 ἀπαρνέομαι — отрицать, отрекаться, отказываться.

101 Ἑλίκη, ἡ — Гелика, приморский город в Ахаи[illegible]ном Посейдона; *персонификация*. Ср.: Hom. Il. 575: [illegible]33; Theocr. XXV, 165, 180; I, 125; Apoll. Rhod. II, 360: [illegible]1195. В *схолиях*: Ἑλίκη· πόλις Ἀχαΐας.

102 Βοῦρα — Бура, одни из двенадцати городов Ахайи [illegible] ринфском перешейке. В *схолиях*: Βοῦρα τε Δεξαμενοῖο· Β[illegible] πόλις Ἀχαΐας· ᾤκησε δὲ αὐτὴν Δεξαμενὸς ὁ Κένταυρος. ἐκεῖ δὲ αὐτοῦ τὰ βουστάσια ἐφυλάττετο· διὸ καὶ Βοῦρα ὠνομάσθη ἀπὸ τοῦ τὰς βοῦς ὠρεῖν, ὅ ἐστι φυλάττειν (ὠρέω = φυλάσσω).

βοόστασις, ἡ — ἄπαξ = βούστασις = βούσταθμον — хлев, скотный двор.

Δεξαμενός, ὁ — Дексамен, кентавр. Когда Геракл очистил конюшни Авгия, и тот ему не заплатил, а выгнал, Геракл отправился в Олен к Дексамену, который в это время вынужден был выдать свою дочь Мнесимаху за кентавра Эвритона. Дексамен призвал на помощь Геракла, и тот убил кентавра (Apollod. II, 5, 5). По версии Гигина (Hyg. Fab. 33), дочь Дексамена звали Деянирой.

Οἰκιάδης, ὁ — Οἰκιάδαο — очевидно, имеется в виду Οἰκείδης или Οἰκεΐδας — отец Дексамена, дед Деяниры, сын Ойкея, царя Калидона.

103 Ἄναυρος, ὁ — река в Фессалии, впадающая в Пагасейский залив; φεῦγε... Ἄναυρος. Ср.: Call. III, 101: ...μελαμφήφιδος Ἀναύρου.

104 Λάρισα, ἡ — Лариса, город Фессалии. μεγάλη Λάρισα... φεῦγε — *персонификация*. Ср.: Hom. Il. 841; XVII, 301.

Χειρωνίδες ἄκραι — Хироновы вершины — *метонимия*: гора Пелион в Фессалии, персонификация. В *схолиях*: Χειρωνίδες ἄκραι — τὸ Πήλιον ὄρος Θεσσαλίας, διὰ τὸ τὸν Χείρωνα ἐκεῖσε οἰκῆσαι.

Χειρωνίς — ἅπαξ, образованный как Ῥαμνουσίς (Ср.: Χείρων, ωνος).

105 Πηνειός, ὁ — Пеней, главная река Фессалии; Πηνειὸς ἑλισσόμενος — *персонификация*. Ср.: Hom. Il. II, 752, 753, 757;

Hom. hymn. XXI, 3; Theocr. I, 67; Apoll. Rhod. I, 48; Call. IV, 121, 148, 112, 128.

Τέμπεα, τά — Темпеи. Возможно несколько толкований: В *схолиях*: Τεμπέων· ὄρη Θεσσαλίας; или: ὄρη Κιλικίας πλησίον Θεσσαλίας; или: Τέμπη· αἱ στενώτατοι διεκβολαὶ τῶν Θεσσαλίας ὀρῶν; или: Τέμπη· τὰ μεταξὺ τῶν Θετταλίας ὀρῶν περὶ τὸν Ὄλυμπον καὶ τὴν Ὄσσαν στενά· καθόλου δὲ καὶ ἐν πᾶσι τοῖς ὄρεσιν αἱ στενώταται διεκβολαί.

106 ἀνηλεής — немилосердный, безжалостный. Ср.: Apoll. Rhod. I, 1047: ἀνελεές от ἀνηλής. В *словаре Гезихия*: ἀνελεές· ἀνοίκτιστον· ὠμόν.

107 κατακλάω — ломать, сокрушать, трогать: φίλον ἦτορ. Ср.: Apoll. Rhod. IV, 1078; Theocr. XXV, 146–147.

πῆχυς, ὁ — локоть; традиционная для греческого языка *синекдоха*: рука. Ср.: Call. I, 30; V, 5: πάχεις. Ср.: Hom. Il. V, 314; XI, 375; XIII, 583; XXI, 166; Hom. Od. XVII, 38; XXI, 419; XXIII, 240; XXIV, 347; Hom. hymn. Ap. 117; Merc. 50; Theocr. III, 30; VII, 67; Apoll. Rhod. I, 744, 1237; II, 93.

109 Θεσσαλίς, ίδος — прилагательное к Θεσσαλία — фессалийский; образовано по модели Ῥαμνουσίς. Ср.: Theocr. XVIII, 30. В *схолиях*: Θεσσαλίδες· αἱ παρὰ τὸν Πηνειόν.

ποταμοῦ γένος — Ср.: ποταμοῦ γένος ἀχαίοιο (Call. IV, 256); ἕκτον γένος Οἰδιπόδαο (Call. II, 74); Σαωτήρων ὄπατον γένος (Call. IV, 166), а также: Call. I, 5; III, 133; VI, 99.

110 κοιμάω — укладывать спать, усыплять; *метафора*: успокоить. Есть чтение κυμῆσαι (Pap. Ox. 2225). Ср.: Theocr. VIII, 66; Apoll. Rhod. IV, 763 (также κοιμῆσαι).

γένειον, τό — борода; περιπλέξασθε γενείῳ.

τὰ... τέκνα τεκέσθαι (от τίκτω) — *figura etymologica*.

112 Φθιώτης, ὁ — фтийский, от Φθία, ἡ — Фтия — город и область в юго-восточной Фессалии, владения Пелея и его сына Ахилла. В *схолиях*: ἀνέμοισιν ἐρίζεις· ἐν τῷ τρέχειν.

113 ἀμφιβαίνω — зд. ἀμφιβέβηκας ἵππον ἀέθλιον — в значении: объезжать.

ἀέθλιος = ἄθλιος — выставленный на состязание; ср.: ἀεθλοφόρον (Call. VI, 109).

ταχινοὶ πόδες — см. комментарий к Call. IV, 95.

115 πεποίησαι — В *схолиях*: προσπεποίησαι· τὸ ὀξέως τρέχειν.

116 ἐξαπίνης — ср.: Call. II, 5; III, 103; VI, 60 (ἐξαπίνας).

ἀνήκοος — ср.: ἀριήκοος, ἐπήκοος, ὑπήκοος, κατήκοος.

ὦ ἐμὸν ἄχθος — обращение к еще не родившемуся Аполлону — ср.: ἀχθοφορέω, ἀχθοφόρος.

117 μέλεοι... τένοντες... ἀπειρήκασι.

ἀπειρήκασι ← ἀπεῖπον ← ἀπαγορεύω и ἀπόφημι — в значении устать, ослабеть, изнемочь. Ср.: Call. III, 174, 267; VI, 104 (ἀπειρήκαντι — дор.); Theocr. V, 22.

118 Πήλιον... νυμφήιον Φιλύρης. Πήλιον, τό — Пелион, гора в Фессалии, где Кронос и Филира произвели на свет кентавра Хирона. Ср.: Hom. Il. II, 744, 757; XVI, 144; XIX, 391; Hom. Od. XI, 316; Hom. hymn. Ap. 33; Apoll. Rhod. I, 520. В *схолиях*: Φιλύρης νυμφήϊον· ἐν τω Πηλίῳ ὁ Κρόνος τῇ Φιλύρᾳ μιγεὶς ποεῖ τὸν Χείρωνα.

ἀπερείδομαι — опираться тинί или εἴς τι на что; обращать что-либо на или против кого.

120 ὠμοτόκος — труднорожденный — *неологизм*, повторенный затем у Нонна (XV, 200: ὠμοτόκου... λεαίνης), от ὠμός — суровый, дикий, жестокий и τόκος — рождение, роды.

ὠμοτόκους ὠδῖνας — *жестокие роды*. Существует несколько вариантов перевода этого выражения. W. H. Mineur (op. cit., p. 142) предлагает: «преждевременные роды», «роды, гибельные для родительницы», «роды, приносящие жестокое потомство». Ср. перевод С. С. Аверинцева — «яростных чад породив».

121 ἀμείβομαι — отвечать, возражать; гомеровский глагол, часто встречающийся у Гесиода, лириков, трагиков. Популярен и у эллинистических поэтов. Ср.: Call. VI, 80; Apoll. Rhod. III, 31,150,484, 385; II, 255, 1159, 1218, IV, 1763, Theocr. XXIII, 13; XXV, 51. Возможные варианты: ἀπαμείβω, ἀνταπαμείβω.

122–132 Речь Пенея. Πηνειός — Пеней, река в Фессалии; по Гигину (Hyg. Fab. 203, 209), отец Дафны и Кирены, возлюбленных Аполлона.

Ἀναγκαίη, ἡ = ἀνάγκη, ἡ — необходимость, нужда. Ср.: Hom. Il. 300: ἀναγκαίῃ.

πολεμίζειν; Hom. Od. XIX, 73: ἀναγκαίη γὰρ ἐπείγει. У Каллимаха встречаются оба варианта. Ср.: Call. IV, 35; у Аполлония и Феокрита — только ἀνάγκη; ср. Theocr. XVI, 85; XXIII, 12.

124 Λεχωίς, ἡ = Λεχωιάς, ἡ = Λεχώ, ἡ — лежащая в постели, родильница. У Каллимаха предпочтительными являются образования на -ις (ср.: Λητωίς, Ῥαμνουσίς). Ср.: Call. III, 127; IV, 56. В аналогичной ситуации и Аполлоний Родосский выбирает вариант Λεχωίς (Apoll. Rhod. IV, 136).

125 δαφιλές = δαφιλέως = δαφιλῶς — обширно, богато, обильно, щедро. В словаре *Гезихия*: δαφιλῇ· πολλῇ. Ср.: Theocr. VII, 145.

ἀπειλέω — грозить, угрожать. Ср.: Hom. Il. VIII, 415; IX, 682; XXI, 452, 453; XXIII, 872; VII, 225; XX, 161; Od. XX, 272; XXI, 368; Theocr. XXIV, 16; XXV, 75; Call. III, 251; IV, 87.

ἀπαυγάζομαι от ἀπαυγάζω — блестеть, сиять (ср.: ἀπαύγασμα — отблеск, сияние; более обычный глагол — αὐγάζω). В медиальном залоге данный глагол встречается только у Каллимаха. Ср.: Call. IV, 181. В *схолиях*: ἀπαύγασαι· θέασαι.

126 ἔφεδρος, ὁ — соперник, противник. До Каллимаха это слово употреблялось как прилагательное (ἔφεδρος — сидящий на чем-либо, боец, находящийся в резерве, подстерегающий). Ср.: Pind. IV, 96. здесь: οἷος ἔφεδρος... σκοπιὴν ἔχει.

σκοπιή, ἡ = σκοπιά, ἡ — соглядатайство, наблюдение; σκοπιὴν ἔχειν = σκοπιάζειν. В *схолиях*: τὸν Ἄρην λέγει.

οὔρεος ἐξ ὑπάτου — Ср.: Call. III, 196: πρηόνος ἐξ ὑπάτοιο; Call. IV, 166: Σαωτήρων ὕπατον γένος.

127 ἐξερύω — выдергивать, вырывать, вытаскивать. Ср. более употребительное: ἐρύω.

βυσσόθεν — Ср. с гомеровским: οὐκ ἐρύσαιτ' ἐξ οὐρανόθεν (Hom. Il. VIII, 21).

μήδομαι, fut. μήσομαι — решать. Ср.: Hom. Il. II, 360; VII, 478; XXI, 413; Hom. Od. V, 173; XIV, 243; XXIV, 96; Hom. hymn. Cer. 351; Merc. 46, 540; Theocr. XXII, 18; Apoll. Rhod. III, 12. Очевидная параллель к: τί πάθω; τί δὲ δρῶ; τί δὲ μήσομαι;

129 τλήσομαι = τλάομαι fut. к ἔτλην (inf. τλῆναι) — терпеть, выносить. Ср.: Call. III, 62; Theocr. XXV, 174; Apoll. Rhod. II, 429.

μέλλω — медлить, колебаться, тянуть, откладывать.

130 ἄμπωτις, ἡ — отлив (вместо ἀνά – πωτις или ἀνά – πωσις от ἀναπίνω).

διψαλέην ἄμπωτιν — *метафорическое* выражение. В *схолиях*: διψαλέην ἄμπωτιν· ξηρασίαν (сушь от ξηραίνω — сушить).

ἔρρω — уходить, убираться, пропадать, погибать.

132 ἠνίδ' = ἤνιδε = ἦν ἰδέ — смотри, смотри сюда. Ср.: Theocr. I, 149; II, 38; III, 10; V, 29; XXVII, 54.

περισσός — чрезмерный, слишком большой, чрезвычайный. Ср.: Call. V, 122. В *схолиях*: τί περισσά· φθέγγομαι δηλονότι.

Εἰλήθυια, ἡ — Илифия, богиня, помогающая при родах, дочь Геры и Зевса, впоследствии отождествленная с Артемидой. Ср.: Call. IV, 257; I, 12; VI, 131. Ср.: Hom. Il. XI, 270; XVI, 187; XIX, 103, 119; Od. XIX, 188; Hom. hym. Ap. 97, 103, 110, 115; Theocr. XVII, 60; XXVII, 29.

133 ἐρωέω — оставлять, прекращать. Ср.: Hom. hymn. Cer. 301; Theocr. XIII, 74 (ἠρώησε); XXII, 174; XXIV, 101.

134 προθέλυμνος. 2 — плотно примыкающий, с корнем до основания. προθέλυμνα καρήατα... ἀείρας. Ср.: Hom. Il. IX, 541; X, 15; XIII, 130. В словаре *Гезихия*: προθέλυμνον· αὐτόρριζον.

Πάγγαιον, τό — Пангей — горная цепь в Македонии. В *схолиях*: Παγγαίου· Πάγγαιον ὄρος Θράκης.

135 δίνη, ἡ = δίνα, ἡ — вихрь, водоворот, пучина. Ср.: Call. V, 20; IV, 149; Apoll. Rhod. I, 1239, 1327; II, 368; IV, 842, 613, 918; Theocr. I, 140; XXII, 50.

ῥέεθρον, τό — течение, поток. Ср.: Call. IV, 207. Возможные варианты: ῥοή и ῥοός. ἀποκρύψαι δὲ ῥέεθρα; ср.: ἀπέκρυψεν δὲ ῥέεθρα (Hom. hymn. Ap. 383).

136 σμαραγέω — рокотать, грохотать. ὑψόθε δ' ἐσμαράγησε — Ср.: ὅτ' ἀπ' οὐρανόθεν σμαραγήσῃ (Hom. Il. XXI, 199). Возможные варианты: βρέμω, ἐλελίζω, ἰαχέω.

ἀκωκή, ἡ — острие, кончик копья, меч. Ср.: μέγα δ' ἀμφὶ σάκος μύκε δουρὸς ἀκωκῇ (Hom. Il. XX, 260).

ἐνόπλιος — в оружии (пляска с оружием, такт военной пляски); эноплий.

ἐλελίζω — кричать, поднимать воинский крик перед битвой.

138 οὔρεα... Ὄσσης... ἔτρεμε — *персонификация*. Ὄσσα, ἡ — Осса — одна из важнейших гор Фессалии. Ср.: Hom. Od. XI, 315. В *схолиях*: Ὄσσης· ὄρος Θεσσαλίας.

πεδίον Κραννώνιον — возможно, от Κραννών, ἡ — Кранион, город на юге Фессалии. Ср.: Theocr. XVI, 38; Call. fr. 64, 13.

139 ἐσχατιή, ἡ = ἐσχατιά, ἡ — конец, край, крайний предел. Ср.: Hom. Od. XIV, 104: ἐσχατιή; III, 294; Il. XI, 524; XXIII, 242; Theocr. XIII, 25; XXV, 31; Apoll. Rhod. I, 213; II, 418. Ср.: ἐσχάτιος = ἐσχατόων; ἐσχατάω. *Большой Этимологик* (Et. M.): ἐσχατιά·...τὰ γὰρ πρὸς τοῖς τέρμασι τῶν χωρίων ἐσχατιὰς ἔλεγον· οἷς γειτνιᾷ εἴτε ὄρος εἴτε θάλασσα.

αἱ δυσαεῖς ἐσχατιαὶ Πίνδοιο — вершины Пинда, где дуют сильные ветры. Ср.: Call. III, 115. Πίνδος, ἡ — Пинд, гора в Фессалии, отделяющая эту область от Эпира. Ср.: Theocr. I, 67; Call. VI, 82. В *схолиях*: Πίνδοιο· ὄρος Περραιβικόν (Περραιβία, ἡ — Перребия, северо-восточная часть Фессалии, отсюда Περραιβοί, οἱ — перребийцы).

140 πᾶσα / Θεσσαλίη... ὠρχήσατο, персонификация. У Гомера встречается только Θεσσαλός (Hom. Il. II, 679). У Каллимаха и Θεσσαλικός (ep. XXX, 1) и Θεσσαλός (frg. 588, 1). Ср.: Call. IV, 103.

ἠχώ, ἡ = ἠχή = ἀχώ = ἦχος — звук, шум, крик, эхо, отголосок.

βρέμω — звучать, резонировать, отдаваться. Ср.: Call. IV, 144 — βρέμουσιν. ἔβραμεν — aor. — грамматический *неологизм*. Ср.: Apoll. Rhod. II, 567 (ἔβρεμεν), у Нонна часто встречающийся глагол (есть и ἔβρεμε, и ἔβραμον).

141 τύφομαι — дымить, тлеть.

Αἰτναῖος — от Αἴτνη, ἡ — Этна, гора Сицилии.

142 σείομαι — быть потрясаемым, колебаться, шататься, двигаться, метаться. Ср.: Ἥρη σείσατο εἰνὶ θρόνῳ. Ср.: Call. II, 1: ἐσείσατο δάφνινος ὄρπηξ; IV, 82: σειομένην... χαίτην. Ср.: Hom. hymn. XXVIII, 9; Theocr. V, 91; XIII, 13; XXII, 184; XXV, 261; Apoll. Rhod. II, 597.

μυχός, ὁ — у Каллимаха — ἱερὸν μυχόν (IV, 161), μυχά — грамматический *неологизм*. Ср.: Hom. hymn. Cer. 143; Merc. 246, 252; Ven. 263; Theocr. XXIX, 3; Apoll. Rhod. III, 42; II, 1246 — везде формы от μυχός, у Нонна встречается и μυχά (XXXIV, 252), и μυχοί (II, 40), μυχούς (XLIII, 192).

143 Βριαρεύς, ὁ — Бриарей — сторукий великан, защищавший богов от гигантов, ковавший вместе с Гефестом молнии для Зевса. У Гомера и Гесиода — Βριάρεως (Hom. Il. I, 403; Hes. Theog. 714, 817). В *схолиях*: Βριαρῆος· οἱ μέν φασι Βριαρέως, οἱ δὲ Τυφωέως, οἱ δὲ Ἐγκελάδου.

κίνυμαι = κινέομαι — двигаться. Ср.: Hom. Il. XIV, 173 — κινυμένοιο; Od. X, 556; Apoll. Rhod. IV, 837.

ἐπωμίς, ἡ — верхняя часть плеча, где ключица соединяется с лопаткой; плечо, верхняя часть руки; ключица. Медицинский термин, введенный в оборот Гиппократом (Hip. Art. 1), встречающийся у Аристотеля (Aristot. Hist. an. 493a 9; Physiogn. 810 b 35), свидетельствует о распространении сведений о конкретной анатомии человека. Отсюда же эпомида — плечевой край платья, застегивающегося на плече (Eurip. Hec. 558; Iph. T. 1404).

εἰς ἑτέρην... ἐπωμίδα — сравни τῇ ἑτέρᾳ χερί — другой рукой (правой рукой или левой, чаще имелось в виду левой, откуда пословица: τῇ ἑτέρᾳ λαβεῖ τι — взять левой рукой, т. е. без труда).

144 θερμάστρη, ἡ — печь для выплавки. В *схолиях*: θερμάστραι· αἱ κάμινοι.

πυράγρη, ἡ = πυράγρα, ἡ — кузнечные шипцы. Ср.: Hom. Il. XVIII, 477: γέντο δὲ χειρί / ῥαιστῆρα κρατερήν, ἑτέρηφι δὲ γέντο πυράγρην.

ὑφ' Ἡφαίστοιο = Ἡφαίστου. Этна считалась главной кузницей Гефеста.

145 πυρίκμητος — обожженный в печи — *неологизм*; образован по модели: ἄκμητος (Hom. hymn. Ap. 520); ἀνδρόκμητος

(Hom. Il. XI, 731); νεόκμητος (Eurip. Rh. 887); πολύκμητος (Hom. Il. 48; Od. IV, 718).

λέβης, ὁ — котел, чан. Ср.: Call. IV, 286: θεράποντες ἀσιγήτοιο λέβητος.

146 ἰαχέω — кричать, восклицать; форма ἰαχεῦσιν встречается у Еврипида (Eurip. Or. 965).

πυρίκμητοί τε λέβητες... τρίποδες... δεινὸν... ἰαχεῦσι — *олицетворение.*

147 ἄραβος, ὁ — скрежет; обычно связывают со скрежетом зубовным (Hom. Il. X, 375). Каллимах впервые говорит о скрежете металла: ἔγεντ' ἄραβος σάκεος.

148 χάζομαι — отступать, уходить, отставать — *метафора.* Ср.: Call. VI, 53; Hom. Il. XVI, 707; XVII, 13; XII, 407; Apoll. Rhod. III, 1051; I, 841; III, 1320; IV, 190.

μίμνω из μι–μένω — поэт. вместо μένω — оставаться, пребывать, крепко стоять. Ср.: Call. IV, 69; Hom. hymn. Ap. 5; Cer. 304, 384; Theocr. XVI, 11; XXVII, 57; Apoll. Rhod. I, 833; I, 50; III, 1295; I, 304; II, 529; III, 7; IV, 689; III, 1390.

καρτερός, 3 — сильный, могучий, мужественный, крепкий. Ср.: Call. III, 145 — о Геракле; VI, 67 — о голоде Эрисихтона.

150 Κοιηίς, ἡ — Коида, дочь титана Коя, Лето; *ἅπαξ* (ср.: Ῥαμνουσίς); *антономасия* (патроним). В *схолиях*: Κοιηίς· Κοίου γὰρ καὶ Φοίβης ἡ Λητώ.

ἐκέκλετο от κέλομαι — побуждать, приказывать. Ср.: Call. V, 100.

χαίρων от χαίρω — в значении: останься здоровым и невредимым. Ср.: Call. IV, 84, 325; I, 91, 94; II, 85, 113; III, 44; V, 140, 141; VI, 134, 2, 119; III, 225, 259. Ср.: χαίρων ἴθι — уходи себе, пожалуйста, — иронически вежливая формула.

151 σώζεο / σώζεο — эпаналепсис (или анадиплосис). Фигура речи, состоящая в повторении слова или выражения в начале и в конце следующих друг за другом словосочетаний.

152 ἐλεημοσύνη, ἡ — сострадание — *неологизм* от ἐλεήμων — сострадательный, милосердный. Образован по модели: ἀφροσύνη, μνημοσύνη, φραδμοσύνη (Hom.); γνωμοσύνη, ἀπραγμοσύνη, ἀνειπιστημοσύνη (Thuc.); ἀσχημοσύνη (Plat.)

ἀμοίβὴ χάριτος: ἀμοιβή, ἡ — вознаграждение, возмещение, компенсация. Ср.: Hom. Od. I, 318; III, 58 (δίδου χαρίεσσαν ἀμοιβήν); XII, 382; Apoll. Rhod. I, 619; II, 475; III, 393; IV, 1327, 1353.

153–214 Астерия дает приют Латоне.

153 στείχω — ступать, идти, приходить, уходить. Вариант к ἐπέρχομαι. Ср.: Hom. Il. XVI, 258; Od. XII, 333; Hom. hymn.

Cer. 182; Theocr. XXV, 154, 164, 223; XXVII, 69; Apoll. Rhod. III, 1212; IV, 756, 1216, 1460, 1482. Чаще этот глагол встречается с приставками: μεταστείχω, ἀποστείχω, περιστείχω.

155 Ἐχινάδες, αἱ = Ἐχῖναι — Эхинады, девять небольших островов в Ионийском море, близ устья реки Ахелой. Ср.: Hom. Il. II, 625: gen. pl. Ἐχινάων; Apoll. Rhod. IV, 1230 (dat. pl. Ἐχινάσι).

λιπαρὸν ὅρμον: ὅρμος, ὁ — якорная стоянка, пристань. Ср.: Hom. XVIII, 401; Hom. hymn. Ap. 103; Ven. 163; Theocr. VII, 62; XIII, 30; Apoll. Rhod. I, 987; II, 350, 728; IV, 1678.

156 Κέρκυρα. ἡ — Керкира, мифический остров. В *схолиях*: Κέρκυρα· ἡ Φαιακία. Φαιακία, ἡ = Φαιηκία = Φαιήκων γαῖα — земля феаков или остров Схерия (Hom. Od. V, 33). Ср.: Apoll. Rhod. IV, 566, 568, 571, 769. У Каллимаха: fr. 13 — Κόρκυρα; fr. 12, 4 — Κερκυραῖος. Керкира, дочь Асопа и Метопы, была унесена Посейдоном на остров, названный ее именем, Керкира (Apoll. Rhod. IV, 565–570). Она родила от Поседона сына Феака, от которого получили свое название феаки. Сыном Феака был Алкиной, царь феаков (Apollod. I, IX, 25).

157 Ἶρις, ἡ — Ирида, дочь Тавманта и Электры, вестница богов в «Илиаде», как в «Одиссее» — только Гермес. Олицетворение радуги, соединяющей небо с землей; быстрая златокрылая девушка. Традиционные эпитеты Ириды: χρυσόπτερος, ταχεῖα, ὠκέα, ποδήνεμος, ἀελλόπος. Ср.: Call. IV, 67: κόρη Θαύμαντος; IV, 232: Θαύμαντος... κούρη.

Μίμας, ὁ — Мимант, гора на ионийском побережье, напротив Хиоса. Существует несколько гор с таким названием: Мимант в Этолии, Ионии, Македонии. Ср.: Hom. hymn. Ap. 39; Apoll. Rhod. III, 1227; II, 105. В *схолиях*: Μίμαντι· ὄρος ἀντικρὺ Χίου. Ср.: Call. IV, 67: ἐπαΐξασα Μίμαντι; VI, 91: ὡς... Μίμαντι χιών.

158 σπέρχομαι — неистовствовать, сердиться. Возможные варианты: ἀλαστέω, βαρύνομαι, κοτέω, νεμεσάω, χολόομαι. Ср.: Apoll. Rhod. I, 878, 1255; III, 516; IV, 211, 934; Theocr. XXV, 67. В *схолиях*: σπερχομένη· ὀργιζομένη.

ὁμοκλή, ἡ — крик, шум, брань. ὑπ' ὁμοκλῆς — Ср.: Hom. hymn. Cer. 88; Hom. Il. XX, 365; Apoll. Rhod. II, 20, IV, 13; Call. IV, 231: θεῆς ὑποδέχθαι ὁμοκλήν.

πανσυδίῃ = πανσυδίᾳ — со всей силой, со всей стремительностью.

160 δἤπειτα = ἔπειτα — потом, затем, после того. Ср.: ἐπεί... δὴ ἔπειτα — Hom. Od. XVII, 185. Употребление в данном случае красиса — инновация Каллимаха, встречающаяся достаточно редко (Arat., 121). Ср.: Call. VI, 87.

δῆπειτα... ἵκετο... Κόων. Κόως, ἡ = Κῶς — Кос.

Остров Кос — остров в Эгейском море, расположен в устье Керамского залива, между городами малоазийского побережья Книдом и Галикарнассом. С древности славился своим плодородием. Центр виноделия, известен был как центр производства шелковых тканей, керамики и благовонных мазей. Главный город Кос упоминается уже у Гомера (Il. II, 677). Там же находился знаменитый храм Асклепия, которому был посвящен весь остров. К роду асклепиадов принадлежал уроженец острова знаменитейший врач античности Гиппократ. Здесь же процветала и медицинская школа Филина Косского, ученика Герофила, известного врача в эпоху эллинизма. На Косе родились художник Апеллес и поэт Филет. Каллимах далеко не случайно вспоминает данный остров. Во-первых, культ Асклепия был близок культу Аполлона. Во-вторых, остров Кос принадлежал дорийскому союзу, а во времена Каллимаха еще и известнейший культурный центр. Но главная причина все же в том, что на этом острове в 309 г. до н. э. родился Птолемей II, сын Птолемея I и его четвертой жены Береники.

ὠγύγιος — древний (не путать с Ὠγύγιος — Огигиев, эпитет Фив). Ср.: Call. I, 14: Ῥείης / ὠγύγιον... Λεχώιον.

Μεροπίς, ἡ — Меропида, край Меропы, т. е. остров Кос, название острова, употребительное в V в. до н. э. В *схолиях*: Κόων Μεροπίδα νῆσον· ἢ ὅτι ὑπὸ Μέροπος ἐβασιλεύθη, ἢ ὅτι Μέροπες αὐτὴν ᾤκησαν; θυγάτηρ δ' Εὐρυπύλου βασιλέως τῆς Κῶ (ἡ Χαλκιόπη). В *схолиях* Евстафия к «Илиаде» (pag. 97, 41): Κῶοι... Μέροπες, καὶ ἡ νῆσος αὐτῶν Κῶς Μεροπηίς. Ср.: Hom. Il. II, 677 (Κῶν); XIV, 225; XV, 28 (Κόωνδ'); Hom. hymn. Ap. 42; Theocr. XVII, 58, 64 (Κόως и Κῶς).

161 Χαλκιόπη, ἡ — Халкиопа, дочь косского царя Эврипила, которая стала женой Геракла и родила Фессала (Apollod. II, 7, 8). В *схолиях*: Χαλκιόπης ἱερὸν μυχόν· θυγάτηρ δ' Εὐρυπύλου βασιλέως τῆς Κῶ.

ἡρωίνη, ἡ = ἡρωίς, ἡ — героиня. Ср.: Theocr. XIII, 20; XXVI, 36 — ἡρωίνη; Ср.: Call. III, 185: ἡρωίδας.

ἱερὸν μυχόν — Ср. μυχά (IV, 142). Ср.: Hom. hymn. Cer. 143; Merc. 246, 252; Ven. 263; Theocr. XXIX, 3; Apoll. Rhod. III, 42; II, 1246.

162–195 Второе пророчество Аполлона. Пророчество Птолемею Филадельфу.

162 τῇ — нар. здесь; этим путем.

μεγαίρω — завидовать, отказывать τινί; в данном случае

с acc. (νῆσον) по аналогии с ἐπιμέμφομαι. Ср.: Call. I, 59: ἐμέγηραν.

164 εὔβοτος — богатый пастбищами; изобильный, обильный, тучный. Ср.: Apoll. Rhod. III, 1086: εὔρρηνός τε καὶ εὔβοτος; Theocr. V, 25: εὔβοτον ἀμνόν.

165 ἐκ Μοιρέων — В *схолиях*: διὰ τὸ ἐκεῖσε ἀνατραφῆναι τὸ Φιλάδελφον Πτολεμαῖον ἐν τῷ Κῷ. Ср.: Theocr. XVII, 58: καί σε Κόως ἀντίταλλε; в *схолиях* к этому стиху Феокрита: ὅτι ὁ Φιλάδελφος ἐν Κῷ τῇ νήσῳ ἐγεννήθη ὑπὸ Βερενίκης.

τις ὀφειλόμενος — *метафора*. Ср.: Call. V, 106.

θεὸς ἄλλος — Птолемей II.

166 Σαωτήρων ὕπατον γένος — Птолемей Филадельф Сотер, «Спаситель» — эпитет Зевса, как защитника отдельного человека и как покровителя государства. В 305 г. до н. э. этот титул, как и титул царя, принял Птолемей I, поэтому весь царский род Птолемеев — «спасители». Σαωτήρ = σωτήρ, диалектная форма. Ср.: Hom. hymn. XXII, 5; XXXIII, 6; Theocr. XXII, 6.

ὑπὸ μίτρην — в *схолиях*: ὑπὸ τὴν βασιλείαν, ὑπὸ τὴν ἀρχήν.

167 οὐκ ἀέκουσα... κοιρανέεσθαι — Ср.: Hom. Il. XVIII, 240: ἀέκοντα νέεσθαι.

Μακηδών, ὁ — македонец. Отцом Птолемея I был македонский вельможа (по другой версии — Птолемей I внебрачный сын Филиппа Македонского). В *схолиях*: Μακεδόνι· τῷ Φιλαδέλφῳ Πτολεμαίῳ.

168 ἀμφοτέρη μεσόγεια... ἴξεται — *олицетворение*; μεσόγεια, ἡ = μεσόγαια, ἡ — внутренняя страна — *метонимия*: материк; ἀμφοτέρη μεσόγεια — Европа и Африка.

170 ὃ εἴσεται ἤθεα πατρός — в значении: нравом, характером Птолемей будет в отца. В *схолиях*: πατρός· τοῦ Σωτῆρος.

171 ξυνός... ἐλεύσεται ἄεθλος. ξυνός = κοινός. ἄεθλος, ὁ = ἆθλος, ὁ — состязание, борьба, труд, напряжение. Ср.: Call. III, 139: πάντες ἄεθλοι; III, 145: ἄεθλον... ἔχει. Ср.: Theocr. VIII, 11, 12; XXV, 204.

172–176 Здесь Каллимах имеет в виду вторжение галлов или галатов (кельтское племя) сначала в Грецию, затем в Малую Азию в 80-е годы III в. до н. э. Галаты были разбиты у Дельф (в 279 г. до н. э.). После отражения нашествия галатов на Элладу по решению Этолийского союза в Дельфах был установлен праздник в честь этого счастливого события — Σωτήρια.

Часть же галатов, как уже говорилось выше, поселилась в Малой Азии, а затем при содействии Антигона некоторые из них стали наемниками в войске Птолемея. Однако то ли они взбунтовались, то ли были замечены в же-

лании захватить сокровищницу Птолемея, но все наемники были истреблены на одном из островов в устье Нила. В данном случае Каллимах явно гиперболизирует ситуацию: расправу над небольшим отрядом наемников он объединяет с войной против галлов в Македонии и их поражением у Дельфийского оракула, сравнивая их набег с войной богов против титанов (ὀψίγονοι Τιτῆνες). Эта аналогия была популярна в эллинистическую эпоху: знаменитый Пергамский алтарь, посвященный победе над галлами, изображал битву богов с гигантами. Диодор V, 32.4–5 пишет: «Издревле галлы отличались страстью к разбою, вторгаясь в чужие страны и относясь ко всем с презрением. Так, они захватили Рим, разграбили Дельфийское святилище, наложили дань на значительную часть Европы и немалую часть Азии и, поселившись в стране покоренного народа, по причине смешения с эллинами стали называться эллино-галатами» (пер. О. П. Цыбенко).

В схолиях к ст. 175–187: Βρέννος ὁ τῶν Γάλλων βασιλεὺς συλλαβὼν τοὺς Κελτοὺς ἦλθον ἐπὶ Πυθῶνα βουλόμενος τὰ χρήματα αὐτῆς ἁρπάσαι. Πλησίον δὲ γενομένου αὐτοῦ ὁ Ἀπόλλων χαλάζῃ χρησάμενος ἀπώλεσε τοὺς πλείους αὐτῶν. ὀλίγων οὖν παραλειφθέντων Ἀντίγονός τις φίλος τοῦ Φιλαδέλφου Πτολεμαίου προξενεῖ αὐτοὺς αὐτῷ ὥστε ἐπὶ μισθῷ στρατεύσεσθαι. καὶ γὰρ ἔχρῃζεν ὁ Πτολεμαῖος τούτου τοῦ στρατεύματος. οἱ δὲ ὁμοίως ἠβουλήθησαν καὶ τοῦ Πτολεμαίου ἁρπάσαι τὰ χρήματα. γνοὺς οὖν λαμβάνει αὐτοὺς καὶ ἀπάγει πρὸς τὸ στόμιον τοῦ Νείλου τὸ λεγομένον Σεβεννυτικὸν καὶ κατέκαυσεν αὐτοὺς ἐκεῖσε. ταῦτα οὖν, φησί, ξυνὸν ἀγῶνα ἔσεσθαι.

172 *μάχαιραν / βαρβάρικήν... ἀναστήσαντες ἐφ' Ἑλλήνεσσι — о галлах. Диодор сообщает: «Вместо короткого меча они сражаются длинным мечом (σπάθη), который носят, подвесив на железной или медной цепи к правому бедру. Некоторые носят поверх хитона украшенный золотом или серебром широкий пояс. Впереди себя они выставляют копья, которые называют «ланкии», с железными наконечниками длиной в один локоть и более, а шириной — чуть менее дипалесты. Мечи (ξίφη) у них не меньше, чем дротики у других (народов), а наконечники у дротиков больше, чем мечи. Некоторые из них выкованы прямыми, а некоторые — извилистыми по всей длине, чтобы не только наносить режущую рану, но и разрывать тело и при извлечении копья разрывать рану (еще более)» (Диодор V, 30, 3–4; пер. О. П. Цыбенко). Скорее всего, именно извилистые мечи Каллимах называет μάχαιρα βαρβαρική.*

κελτὸν... Ἄρηα — (поднявшие) кельтского Ареса, т. е. начавшие войну кельты — *метонимия.*

174 Τιτῆνες — В *схолиях*: διὰ τὸ ἐπιχείρημα..

ἐσχατάω — находиться на краю, быть последним, крайним. Ср.: Hom. Il. II, 508: ἐσχατόωσαν; II, 616: ἐσχατόωσα; Theocr. VII, 77: ἐσχατόωντα. В *схолиях*: ἑσπέρου· τῆς δύσεως. Ср.: У Диодора (Diod. V, 32, 1; пер. О. П. Цыбенко): «Народ, который обитает во внутренних областях за Массалией и у Альп, а также по ту сторону Пиренейских гор, называют кельтами, а народ, обитающий к северу от этой Кельтики, близ Океана у Геркинской горы и далее до самой Скифии, называют галлами, римляне же дали всем этим племенам одно общее имя, назвав их галлами».

175 ῥώομαι — стремиться, быстро двигаться, бежать.

ἐοικότες νιφάδεσσιν — *сравнение.* Ср.: Hom. Il. III, 222: νιφάδεσσιν ἐοικότα.

ἰσάριθμοι / τειρεσσιν — *сравнение.* Ср.: Hom. Il. XVIII, 85; Hom. hymn. VIII, 7; Apoll. Rhod. III, 1362; IV, 261.

176 βουκολέομαι — пастись. κατ' ἠέρα βουκολέοντα — *метафорическое* выражение. Ср.: Call. III, 101: αἱ μὲν ἐπ' ὄχθης / αἰὲν ἐβουκολέοντο... Ἀναύρου.

По Диодору: «Галлию населяет множество племен различной численности, самые большие из которых насчитывают двести тысяч человек, а самые малые — пятьдесят тысяч» (Diod. V, 25, 1; пер. О. П. Цыбенко). Сравнение со снежинками у Каллимаха неслучайно, ведь большая часть страны, как пишет Диодор, расположена на севере и отличается суровым и необычайно холодным климатом. Зимой в пасмурные дни здесь идет не дождь, а густой снег; лед и обильные снега сковывают реки.

177–178 Крайне испорченное место. Многочисленные конъектуры, приводимые у Р. Пфейффера (Callimachus. Ed. R. Pfeiffer v. II s. 24–25) — гипотетичны. Если принять реконструируемые «πεδία Κρισσαῖα καὶ Ἡφαίστοιο φάραγγες» (ст. 178), то всю ситуацию можно представить следующим образом. После того как началось нашествие галлов на Балканский полуостров, после того как в битве с галлами погиб Птолемей Керавн (старший сын Птолемея I) и Македония оказалась под их властью, Фессалия открылась победителям, теснина Фермопил засверкала от шлемов. И, как гласит легенда, местные жители взялись провести галлов горными тропами в обход греческому войску. Впереди у галлов была Фокида, и цель их похода — дельфийский храм. Полчища Бренна, галльского вождя, заняли подножия Парнаса, и греческие силы, слиш-

ком слабые, не могли сдержать их напора. Еще немного — и «всеобщий очаг Эллады» был бы разрушен варварами. Спасло чудо — необычная для этих мест гроза; как гласит легенда, сам бог направил молнии на святотатцев, сжигая и их оружие, и их самих. С трудом удалось галлам вернуться к Фермопилам. Но здесь, закрытые в теснине гор, галлы подверглись такому избиению со стороны фессалийцев, что ни один варвар не вернулся к своим[13].

178 καὶ πεδία Κρισσαῖα καὶ Ἡφαί[στο]ιο φάρ[αγγ]ες.

πεδία Κρισσαῖα — Крисейская долина — Криса — город в Фокиде со святилищем Аполлона Дельфийского. Ἡφαίστοιο φάραγγες — ущелья Гефеста; достаточно сомнительное место, по поводу которого Р. Пфейффер пишет: «Nulla adhuc vestigia cultus Vulcani in illa Graeciae parte» (Pfeiffer, op. cit. S. 24). Возможно, вместо Ἡφαίστοιο следует принять конъектуру Музури: ἠπείροιο.

179 ἀμφιπεριστείνομαι — теснить вокруг — ἅπαξ, образованный от περιστείνεται (ср. Hom. Il. XVI, 163). У Гомера встречается ἀμφιπεριστρώφα (Hom. Il. VIII, 348).

180 γείτονος αἰθομένοιο — Ср.: Virg. Aen. II, 311–312.

181 ἀπαυγάζομαι — блестеть, сверкать; Ср.: αὐγάζομαι (Call. III, 129; IV, 4); IV, 125: ἀπαύγασαι οἷς ἔφεδρος.

182 φάλαγγες / δυσμενέων δυσμενής — неприятель, враг. Ср.: Hom. Il. XIX, 62; Hom. Od. IV, 319; Hom. hymn. VIII, 17; Theocr. XVI, 89; XXIV, 100, 128; Apoll. Rhod. I, 679; IV, 448, 1157.

183 φάσγανον, τὄ — меч. Ср.: Theocr. XXII, 197, 201; Apoll. Rhod. I, 1250; IV, 374, 1056; II, 274, 101; IV, 696.

ἀναιδής — бесстыдный, наглый. Ср.: Call. VI, 45: κακὸν καὶ ἀναιδέα φῶτα — об Эрисихтоне; VI, 36.

Ζωστῆρας — о галлах, которые носили широкие пояса. О вооружении галлов подробно пишет Диодор: «Щиты у них были высокие, в человеческий рост, с особыми украшениями, на некоторых выступают искусно сделанные медные изображения животных. Шлемы — медные, с большими выступающими вокруг частями, благодаря чему носящие их выглядят исполинами. К некоторым из шлемов приделаны рога, к другим — чеканные протомы птиц или четвероногих животных. Панцири — железные, кольчужные, однако некоторые полагаются только на данную от природы силу и сражаются обнаженными» (V, 30, 3; пер. О. П. Цыбенко).

13. Красочное описание этого эпизода см.: Ф. Ф. Зелинский. Религия эллинизма. Томск, 1996, с. 84–85.

184 Γαλάτῃσι — В *схолиях*: Γάλλοις.

185 В *схолиях*: τέων· ὄντινων ἀσπίδων αἱ μὲν ἐμοὶ εἰς γέρας, αἱ δὲ τῷ Πτολεμαίῳ δοθήσονται.

186 ἀποπνέω (ср. πνείω); φορέω — вариант к φέρω.

188 Πτολεμαῖος, ὁ — Птолемей Филадельф. У Феокрита Птолемею Филадельфу посвящены следующие стихи: Theocr. XIV, 59; XV, 22; 46; XVII, 3; 7; 85; 103; 135; 56.

189 αἰνέω — ср.: Call. IV, 6, 10; III, 215 (об Аталанте). Ср.: Pind. P. III, 13.

εἰσέτι — еще, до сих пор, еще теперь, далее еще. εἰσέτι < εἰς ἔτι. Ср. с гомеровскими формулами: ἐξέτι, ἔτι, προσέτι; у Феокрита — εἰσέτι (Theocr. XXVII, 19). Ср.: Call. III, 77: εἰσέτι καὶ νῦν. Особенно часто эта форма встречается у Аполлония: εἰσέτι νῦν (Apoll. Rhod. II, 717; 850; 1145; III, 203; IV, 534); καὶ εἰσέτι νῦν (IV, 1153); εἰσέτι νῦν πέρ (I, 1354); ἔτι νῦν πέρ (Apoll. Rhod. I, 1061; II, 841; II, 1214; IV, 480; 599).

190 ἤματα πάντα — Ср.: ἤματι κείνῳ (Call. III, 200).

ξυμβάλλομαι — прикидывать, содействовать, способствовать, обратить внимание. Ср.: Apoll. Rhod. I, 311, 1253; IV, 121.

191 διειδομένη < διείδομαι < διοράω. В *схолиях*: διειδομένη· φαινομένη. Ср.: Hom. Il. VIII, 535 (διαείσεται); Il. XIII, 277 (διαείδεται); Apoll. Rhod. I, 546 (διειδομένη); II, 579 (διά... εἴδετο); IV, 1360 (διίδμεναι).

ἀραοιός, 3 — желанный, служащий предметом любви. В *схолиях*: ἀραιή· λεπτή. Ср.: Hom. Il. V, 425; XVIII, 411; XX, 37; Hom. hymn. Merc. 349; Apoll. Rhod. III, 762; Theocr. XII, 24; XIII, 59.

192 πλάζομαι — блуждать, отводить с прямого пути. Ср.: Call. III, 235: πλαζομένας. У Гомера — часто, Hom. hymn. XV, 5; Apoll. Rhod. I, 22; IV, 1321, 1396; Theocr. XX, 41.

193 ἐπινήχομαι — плыть на что-либо, по чему-либо, наплывать — *метафора*, вариант к ἐπιπλώω. Ср.: νήχω, νήχεσθαι. Ср.: Call. IV, 21 (ἐπενήξατο); Theocr. XXIII, 61.

παλιρροίη, ἡ — морской прилив и отлив.

ἀνθέρικος, ὁ — асфодель, морская водоросль. Ср.: Hom. Il. XX, 227. В *схолиях*: ἀνθέρικός ἐστιν ὁ τοῦ ἀσφοδέλου καρπός.

194 ἔνθα... ἔνθα — сюда и туда (по всему морю, в разных направлениях).

197 κατῄεις < κάτειμι — схожу, плыву вниз, возвращаюсь. Ср.: κατέρχομαι. Ср.: Call. III, 19; VI, 3; II, 100.

198 Κυκλάδας... περιηγέας — *плеоназм*.

παλαιός — παλαιόν (Call. IV, 37), παλαιοτέρως (V, 36),

παλαιότατον (*I, 40*).

199 φῦκος, τό — водоросли. Γεραίστιον... φῦκος; Γεραίστιος — Герэст — мыс с одноименной вершиной на Эвбее. В *схолиях*: Γεραίστιον· Γέραιστος· ἀκρωτήριον Εὐβοίας.

200–201 стихи, плохо сохранившиеся.

201 есть чтение: ...φλέξας ἐπεὶ περικαίεο πυρί (рук. Ψ'); предложенные конъектуры (например, Эрнести: κῆρι вместо πυρί) смысла не проясняют.

202 ὁρόωσα... τλήμον' βαρυνομένην... ὑπ' ὠδίνεσσι.

Весь пассаж С. С. Аверинцев переводит так:

Но приближалася ты, Астерия, милая песне,
Вспять от Евбеи спеша повидать Киклады скорее:
Водоросль из Герэста еще на тебе повисала.
Все поняв, сдержала ты бег и стала недвижно...

203 ῥέζω — помогать, приносить в жертву.

ἀπειλή, ἡ — угроза.

περάω — переезжать, переплывать, проникать. Вариант: διαβαίνω.

204 В *схолиях*: ἐφύλαξα ἀντὶ τοῦ φυλάξω.

205 ἀρητός = ἀρατός — проклятый, страшный.

ἄλη, ἡ — блуждание, странствование. Ср.: Hom. Od. XV, 342, 345; XXI, 248; X, 464.

206 Ἰνωπός, ὁ — Иноп, небольшая река на Делосе. Ср.: Hom. hymn. Ap. 18 (Ἰνωποίο); Call. IV, 263 (βαθὺς Ἰνωπός); III, 171 (ἀγχόθι πηγάνω Αἰγυπτίου Ἰνωποῖο).

ἐξανίημι — выпускаю, высылаю. Варианты: ἴημι, ἀνίημι. В *словаре Гезихия*: ἐξανίησιν· ἀναπέμπει.

208 Νεῖλος... Αἰθιοπῆος — *персонификация.*

κρημνός — синоним: παίπαλον.

209 πρέμνον, τό — основание, ствол дерева. Ср.: Call. IV, 322; III, 239; Hom. hymn. Merc. 238; Theocr. XX, 22; Apoll. Rhod. II, 479; III, 157.

210 ἀμηχανίη, ἡ = дор. ἀμαχανία (Call. V, 84). Ср.: Call. I, 28 (ὑπ' ἀμηχανίης σχομένη); V, 84 (φωνὰν ἔσχεν ἀμαχανία); Apoll. Rhod. I, 1233; II, 860; III, 432, 504; IV, 880, 1572.

φοίνικος ποτὶ πρέμνον — ср. с гомеровским выражением: Hom. Od. 162 сл.:

Δήλῳ δή ποτε τοῖον Ἀπόλλωνος παρὰ βωμῷ
φοίνικος νέον ἔρνος ἀνερχόμενον.

211 νότιος... ἱδρώς — *плеоназм.*

212 ἀλυσθμαίνουσα — возможны чтения: ἀλ[υσθ[ενέο]υσα (Pfeiffer). ἀλ[ισθ[ενεο[υσα (Fernandez-Galiano); ἀλυσθαίνω, ἀλυστονέω — ослабеть, быть слабой. В *схолиях*: ἀλυσθαίνουσα· ἤτοι πνευστιῶσα, ἀσθμαίνουσα.

215–274 Рождение Аполлона.

215 νύμφα Διὸς... — В *схолиях*: πρὸς τὴν Ἥραν ὁ λόγος; νύμφα Διὸς βαρύθυμε — *антономасия*.

ἄπυστος — Ср. с гомеровским: Hom. Od. IV, 675: «οὐδ᾽ ἄρα Πηνελόπεια πολὺν χρόνον ἦεν ἄπιστος / μύθων», а также: Hom. Od. I, 242; V, 127: «οὐδὲ δὴν ἦεν ἄπυστος / Ζεῦς». Call. VI, 9: ἄπυστα... ἴχνια — о Персефоне.

216 ἀγγελιῶτις, ἡ — образовано по модели ζευγῖτις, χορῖτις от более обычного ἀγγελιώτης, ὁ (ἄγγελος, ὁ); τοίη ἀγγελιῶτις — Ирида — *антономасия*.

217 ἀναμίσγομαι = ἀναμίγνυμι — примешивать, смешивать. Ср.: γέλως ἀνεμίσγετο λύπῃ.

218 τιμήεις — уважаемый, почитаемый. Ср.: τιμηέστερος (Hom. Od. I, 393), τιμηέστατος (Hom. Od. IV, 614, 114). Hom. hymn. VI, 9; Apoll. Rhod. III, 1123; IV, 1143.

προύχω = προέχω.

219 κρέων, κρείουσα — господин, госпожа. Ср.: Call. 268; VI, 238 — дор. κρείοισα θεάων; IV, 271. Варианты: ἄνασσα, δεσπότις, πότνια.

220 γνήσιος — кровный, родной; *законный*. Ср.: Hom. Od. XI, 102; XIV, 202; Apoll. Rhod. I, 810.

221 εἴδω = οἶδα > εἴσεαι — знай.

222 ἀναλύομαι... μίτρην, параллель к λύω.

ἔνδοθι νήσου — Ср.: Σαρωνικοῦ ἔνδοθι κόλπου (Call. IV, 42).

223 ἀποστιγέω — Ср.: στυγέω и καταστυγέω (Hom. Il. XVII, 694; Od. X, 113).

224 ὀνομαστί — по имени. Ср.: οὐκ ὀνομαστὶ καλεῖ (Call. frg. 43, 79).

225 σάρον, τό — сор, мусор, отбросы. Слово, однокоренное с σαίρω и σαρόω. В *схолиях*: σάρον· τὸ κάλλυντρον. Ср.: παλαιὸν οἰκίας σάρον.

227 ἐφετμή, ἡ — предписание, повеление, указание. В *схолиях*: ἐφετμῇ· ἐντολῇ.

229 ὅτε παύσεται... θοῆς... ἄγρης. θοός — возможные варианты: ταχύς, ὠκύς. Ср. Call. III, 106: ἅρμα; III, 17: κύνας; III, 212: τόξα; IV, 149: δίνας (о Пенее).

230 θηρήτειρα, ἡ — ἅπαξ, образован от гомеровского θηρητήρ, ὁ — охотник.

231 ὁμοκλή, ἡ — крик, шум, брань. Ср.: Hom. hymn. Cer. 88; Apoll. Rhod. II, 20; IV, 13. Ср.: Call. IV, 158: ὑπ᾽ ὁμοκλῆς (об Ириде).

232 ἴκελος — подобный. Θαύμαντος... κούρη — дева Фавмантова — Ирида — *антономасия*.

233 ἐπιλήθομαι — забывать; вариант к λανθάνω, λήθω. Ср.: ἐπελήθετο (Hom. Od. IV, 455; V, 324).

234 ὕπνος... ἐπὶ... ἐρεισῃ... πτερὸν... Ληθαῖον — *перифраза.* ληθαῖος — забывчивый. В *схолиях*: ληθαῖον· τὸ λήθην τῶν κακῶν ἐμποιοῦν.

ἐπί... ἐρείσει < ἐπερείδω — распространяться, тянуться, простираться. Ср.: ἀπερείδομαι.

235 γλωχίν, ἡ — край, кромка. В *схолиях*: ποτὶ γλωχῖνα· πρὸς τὴν γωνίαν τοῦ θρόνου.

236 τυτθόν — мало, несколько, немного, недалеко.

ἀποκλίνω — вариант к κλίνω. Ср.: Call. IV, 209: ἀπό... ἐκλίθη.

λέχριος — наклонный, косой. В *схолиях*: λέχριος· πλάγιως.

238 ἐνδρομίς, ἡ — вид обуви — сандалии, одеваемые на охоте или в спортивных состязаниях, главным образом, при беге, поэтому «быстрые». В *схолиях*: ἐνδρομίδας· κυρίως τῶν κυνηγῶν τὰ ὑποδήματα.

239 ἀλαστέω — не забывать обиду, злопамятствовать. ἀλεγεινός — озабоченный, стесненный.

240 ὀνείδεα Ζηνός — о возлюбленных Зевса — *метонимия.*

δειλός — боязливый, робкий, подлый, несчастный, неудачный; δειλαί... ἀλετρίδες. Ср.: ἃ δειλὸς βασιλέων (о Лигдамиде) — Call. III, 255; у Гомера — часто; Theocr. VII, 96; XXVII, 52; ep. XV, 1.

242 δυστοκεύς — родящая с трудом. Ср.: δυστοκέω, δυστοκία. Образования с *–τοκέω–, –τοκία–, –τόκος–* встречаются в эллинистической поэзии довольно часто. Ср.: πρωτοτόκος, κουροτόκος, νεοτόκος, ἀρρενοτόκος, βραδυτόκος, διδυμοτόκος, μονοτόκος, θηλυτόκος, πολυτόκος, ταχυτόκος.

μογέω — терпеть, переносить горе, страдать.

ἀλετρίς, ἡ — рабыня, труд которой используется на мельничных работах. В *схолиях*: ἀλετρίδες· αἱ θεράπαιναι αἱ ἀλήθουσαι. Ср.: Hom. Od. XX, 105.

φώκη, ἡ — тюлень. Ср.: Hom. Od. IV, 450; Hom. hymn. Ap. 77; Theocr. VIII, 52; *φῶκαι εἰνάλιαι τίκτουσιν.*

243 εἰνάλιος — морской. Ср.: Call. IV, 154; IV, 132 — об островах (νήσους); Hom. Od. IV, 433; V, 67; XV, 479; Hom. hymn. VI, 3; Apoll. Rhod. I, 583; Theocr. XXI, 39.

σπιλάς, ἡ — прибрежный утес, скала. Ср.: Hom. Od. V, 401, 405; III, 298; Theocr. ep. IV, 6; Apoll. Rhod. II, 550; III, 1371; IV, 788, 932.

244 βαρύνω — отягощать, обременять; чаще в стр. залоге – досадовать, сердиться на что–либо, на кого–либо. Ср.: Call. IV, 214 — βαρύνεις; IV, 307 — βαρύνεται; IV, 202 — βαρυνιμένην.

βαρύνω — антитеза к σέβω, σεβίζομαι (ст. 247). Возможные варианты: ἀλαστέω, νεμεσάω, σπέρχομαι, χολόομαι. Ср.: Hom. Il. XIX, 165; Theocr. XXII, 143; Apoll. Rhod. II, 202.

ἀμπλακίη, ἡ = ἀμπλάκημα, τό — ошибка, грех, преступление.

εἵνεκα τῆσδε ἀμπλακίης. Ср.: Apoll. Rhod. I, 1054; II, 476, 484; IV, 413.

246 μάλα γάρ τε κακῶς ἐχαρίσσατο Λητοῖ — В *схолиях*: καίτοι περ κακῶς τῇ Λητοῖ ἐχαρίσατο.

247 ἔκπαγλος — страшный, ужасный. Ср.: Hom. hymn. Ven. 57; Theocr. XXV, 114 (ἐπάγλως), 113; Apoll. Rhod. I, 950; III, 60; IV, 1612.

248 δέμνιον, τό — кровать, ложе — *метонимия*. Ср.: Hom. Od. IV, 301; XI, 189; XIX, 318; Theocr. II, 137; VI, 33; Apoll. Rhod. I, 978.

πατέω — ступать, топтать. Ср.: Call. VI, 20; 124; IV, 74; 227.

ἀνθαιρέομαι — от αἱρέω — предпочитать.

249–264 Описание чудесного рождения Аполлона. Сопричастность рождения Аполлона к космосу, мирозданию — четкая линия в его мифологии. Ср. у Феогнида (5–10; пер. С. Апта):

Феб-Аполлон, повелитель прекраснейший между богами,
Только лишь на свет тебя матерь Лето родила
Близ круговидного озера, пальму обнявши руками, —
Как амвросический вдруг запах широко залил
Делос бескрайний, Земля — великанша светло засмеялась,
Радостный трепет объял море до самых глубин.

Чудо первое: появление лебедей.

249 κύκνοι δὲ θεοῦ μέλποντες ἀοιδοί. Стихи: θεοῦ μέλποντες ἀοιδοί — сомнительные и вызывают различные конъектуры. Так, конъектура Мейнеке: μέλλοντες ἄοζοι, где ἄοζοι (слуга жреца при жертвоприношении), по мнению Мейнеке заимствовано из Эсхила (Aesch. Ag. 231). Виламовиц предлагал конъектуру: θεοῦ μέλλοντες ἀοιδοί, где μέλλοντες употреблено в значении futuros. С другой стороны, Рейске предлагает конъектуру: θεοῦ μέλλοντες ἀίσσειν, где θεοῦ μέλλοντες, по его мнению, надо понимать как genetivus absolutus. Еще раньше Рункен предлагал это место читать как θεὸν μέλποντες ἀοιδαῖς, а Бломфельд: θεὸν μέλποντες ἀοιδῇ. Ср.: Apoll. Rhod. IV, 1301; Theocr. V, 137; XXV, 130.

250 Μῃόνιον Πακτωλὸν... λιπόντες. Μῃόνιος — меонийский, от Меония, старого названия Лидии в Малой Азии. Ср.: Hom. Il. III, 401; XVIII, 291; IV, 142; Hom. hymn. Ap. 179.

Παχτωλός, ὁ — Пактол — главная река Лидии, связанная с мифом об Аполлоне и Мидасе. В *схолиях*: Μῆόνιον Παχτωλόν· ποταμὸς Λυδίας χρυσοῦ ψήγματα φέρων. Ср.: Apo–ll. Rhod. IV, 1300.

251 ἑβδομάκις — семижды, семь раз — *ἅπαξ.* образован по модели: δεκάκις, εἰκοσάκις, τετράκις (у Гомера), ἑξάκις, πεντάκις (у Пиндара), δυάκις, δωδεκάκις, μυριάκις, τριάκις (у Аристофана), ἑνδεκάκις (у Аристотеля) и т. д. В *схолиях*: ἑβδομάκις· ἑπταμηνιαῖος γὰρ ἐτέχνη ὁ Ἀπόλλων. Скорее всего ἑβδομάκις следует понимать шире, чем только как ἑπταμηνιαῖος. Известно, что с Аполлоном связано почитание седьмого дня каждого месяца (ἑβδομαγέτης). Седьмой день соединялся с ритуалом разного рода очищений и чародейств, и считается, что это одно из доказательств малоазийского происхождения культа Аполлона, поскольку под влиянием Вавилона, где издавна тщательно соблюдался лунно–солнечный календарь, в Малой Азии развилось почитание седьмого дня. Позднее все семерки в мифологии Аполлона (семь лебедей, семь месяцев в утробе матери, седьмой месяц как день рождения и семь струн, натянутых Аполлоном на его лире) стали понимать как некое магическое число.

ἐπαείδω = ἐπᾴδω — припевать, напевать; ос. заклинать, обвораживать, заколдовывать. Ср.: Theocr. II, 91.

253 ἐνδέομαι = ἐνδέω — привязывать что к чему. Ср.: Theocr. XXIV, 27 — ἐνεδήσατο; Apoll. Rhod. III, 1327.

По гомеровскому гимну, изобретателем лиры был Гермес, который потом обменял ее у Аполлона на стадо коров. Считается, что первоначально лира предназначалась только для аккомпанемента, вторя голосам певцов, и имела четыре струны. Но, как явствует из текста Каллимаха, Аполлон после рождения добавил еще три струны. Исторически же считается, что семиструнная лира возникла в VII в. до н. э., и усовершенствование инструмента связывается с известным поэтом–музыкантом Терпандром с острова Лесбос (см. гл. III).

255 ἐκθρώσκω — выпрыгивать. Ср.: Hom. Il. VII, 182; X, 95; XVI, 427; XXIII, 353; Od. X, 207; Hom. hymn. Cer. 430; VII, 9; Apoll. Rhod. IV, 365. По всей вероятности, здесь Каллимах имитирует пассаж из гомеровского гимна. «К Аполлону» — Hom. hymn. Ap. 119: ἐκ... ἔθορε πρὸ φόωσδε.

Чудо второе: Нимфы делосские долго пели священную песнь Илифии.

256 Δηλιάς — делосская, ср. Δήλιος, образовано по типу Ἰτωνιάς — итонийская.

ποταμοῦ γένος ἀρχαίοιο — в *схолиях*: τοῦ Ἰνωποῦ.

ἐπὶ μακρόν — в продолжение долгого времени.

Чудо третье: Эфир откликнулся пронзительным криком.

257 ὀλολυγῇ, ἡ — завывание, вой, крик. Ср.: Call. V, 39 — ὀλολυγαῖς. Ср.: Hom. Il. VI, 301; Hom. hymn. Ven. 19. В *схолиях*: ὀλολυγήν· τὴν μετὰ εὐφημίας λέγει εὐχήν.

διαπρύσιος — пронзительный, пронизывающий. Ср.: Hom. hymn. Merc. 336; Ven. 19: διαπρύσιοί τ' ὀλολυγαί; Apoll. Rhod. I, 1272.

259 νεμεσάω — осуждать, негодовать, раздражать. Варианты: ἀλαστέω, βαρύνομαι, κοτέω, σπέρχομαι, χολόομαι.

χόλος, ὁ — желчь, гнев. У Гомера — часто; Hom. hymn. Cer. 83, 354, 339, 350, 410; Theocr. XXVII, 15.

Чудо четвертое: весь Делос и все на нем стало золотым.

260 θεμείλιον, τό = θέμεθλον, τό = θέμειλον, τό — основание, корень, внутренняя часть.

261 τροχόεσσα... λίμνη.

τροχόεις = τροχοειδής, 2 — колесообразный, круглый; вариант: περιηγής. В *схолиях*: τροχόεσσα... λίμνη· ἡ θάλασσα διὰ τὸ περιτρέχειν κύκλῳ τὴν νῆσον. ἢ λίμνη τις ἐν Δήλῳ περιφερής.

πανήμερος = πανημέριος = παναμέριος — продолжающийся целый день (ср.: πάννυχος). Ср.: Call. VI, 87; Apoll. Rhod. I, 873, 1015; II, 1191; III, 251.

262 ἔρνος, τό — отрасль, отпрыск, отросток.

χρύσειον... γενέθλιον ἔρνος ἐλαίης. Ср.: у Гомера — часто; Theocr. II, 121; VII, 44; XXVI, 11; Apoll. Rhod. I, 1192; III, 1399; IV, 1425.

γενέθλιος — относящийся к роду, родовой, родственный. Ср.: Call. IV, 51 — γενέθλιον... οὖδας.

κομάω ион. (κομέω, κόμη) — отращивать волосы, иметь длинные волосы. Ср.: Call. III, 41: κεκομηνένον ὕλῃ — В *схолиях* объяснено: κομῶν δένδροις παντοίοις. Ср.: у Гомера — часто; Hom. hymn. Cer. 454; Theocr. I, 133; IV, 57; XVI, 48; XXII, 77; Apoll. Rhod. III, 928.

263 ἑλίσσω — кружить, вращать, вить. Ср.: Call. IV, 13, 105; 321.

πλημύρω = πλημμυρέω — иметь прилив (о море), разливаться, наводнять. У Гомера встречается только πλημυρίς (Hom. Od. IX, 486). Apoll. Rhod. IV, 706.

264 По одной из версий мифа, Аполлона после его рождения кормила сама Фемида нектаром и амбросией, а на закате четвертого дня он потребовал лук и стрелы, которые сразу получил от Гефеста.

265 πολύβωμος — *неологизм* Каллимаха. Возможно, по аналогии с ῥυσίβωμος у Эсхила (Aesch. Eum. 920). Композиты с πολυ-

для греческого языка обычны. Ср.: πολύμυθος, πολύθεστος, πολύλλιτος, πολυμέδιμνος, πολυμέλαθρος, πολύπτολις, πολύστιος, πολυτρόφος, πολυθρόνος, πουλυκτέανος, πολυχρόνιος, πολύχρυσος и т. д.

πολύπτολις — *неологизм*, хотя πολύπολις встречается у целого ряда авторов. Композиты с диалектной формой –πτολις– также часты в греческом языке. Ср.: ῥυσίπτολις и ἐρυσίπτολις (Hom. Il. VI, 305); ἀγχίπτολις (Aesch. Sept. 901); ἀμφίπτολις (Aesch. 76); νεόπτολις (Aesch. Eum. 687); βραχύπτολις (Lic. 911); ἑτερόπτολις (Erina, fr. 5, 4 D). Ср.: Call. III, 225 — инвокация к Артемиде. В *схолиях*: ὦ μεγάλη πολύβωμε· πρὸς τὴν γῆν λέγει πᾶσαν.

268 δυσήροτος — бесплодный, трудный для возделывания — *неологизм*. Ср.: ἀνήροτος (Hom. Od. IX, 109, 123); βοήροτος и εὐάροτος (Apoll. Rhod. II, 810).

270 После греко–персидских войн ионийские острова обратились за поддержкой к Афинам, образовав новую важную политическую силу в Греции — Афинский союз. Афинский союз вскоре превратился в прочную, сплоченную организацию, игравшую определяющую роль в развитии событий V в. до н. э. Союзнический совет находился в святилище Аполлона на Делосе, там же первоначально была и общесоюзная казна, что, безусловно, повлияло на политический и религиозный авторитет этого святилища.

271 Κερχνίς, ἡ — Керхнида, населенный пункт недалеко от Коринфа или порт в Коринфе, где стояла статуя Посейдона. Ср. излюбленные Каллимахом образования собственных имен на –ις (типа Ῥαμνουσίς).

Λεχαῖος — эпитет Посейдона, связанный с названием порта в Коринфе того же имени. Поэтому возможны в тексте расхождения: или Λεχαίου; или Λεχαίῳ. В *схолиях*: Κερχνὶς καὶ Λέχαιον· ἀκρωτήριά εἰσιν, ἔνθα ὁ Ποσειδῶν τιμᾶται.

272 πάγος... Κυλλήνιος — Ср.: Hom. Il. XV, 118; Od. XXIV, 1; Hom. hymn. Merc. 304, 318, 387, 408; XVIII, 1; XIX, 31.

Κρήτη, ἡ — Крит. Ср.: Call. III, 191; IV, 309. Ср.: Диодор V, 7, 4: «Аполлон проводил большую часть времени на Делосе, в Ликии и в Дельфах...(7). От этих мест и от совершенного в каждом из них деяний Аполлона стали называть Делосским, Ликийским или Пифийским».

275–326 Восхваление Делоса.

275 νησάων — в *схолиях*: παραλόγως τὸ νησάων.

276 κουροτρόφος — ср.: Call. IV, 2.

Ἐνυώ, ἡ — Энио — *метонимия* — богиня раздора, спутница Ареса. По преданию, на Делосе действительно никог-

да не случались никакие брани, как и не хоронили покойников. Ср.: Call. II, 85: ζωστῆρες... Ἐνυοῦς / ἀνέρες... Ср.: Hom. Il. V, 333, 529.

ἐπιστείβω — ступать по чему (ср.: στείβω).

278–299 Описание ежегодных жертвоприношений Аполлону, которые приносят все народы, где бы они ни жили. Но особенно Каллимах подчеркивает дары народа, «живущего за Бореем в песках» — гиперборейцев. Гиберборейцы больше всего почитают Аполлона, они ближе к нему, чем какие-либо другие народы, и Аполлон любит их больше, кем кого-либо[14]. Миф о гиперборейцах был популярен в период раннего эллинизма. Тогда же Гекатей Абдерский написал трактат «О гиперборейцах», о чем свидетельствует схолиаст к Аполлонию Родосскому (Apoll. Rhod. II, 675).

ἀμφιετής — годовой, годичный, ежегодный; *неологизм.* (ср.: διετής — Herod. II, 2); обычное: ἀμφιετηρίς, которое в *словаре «Суда»* объясняется таким образом: ἀμφιετηρίς· ἑορτὴ κατ' ἔτους γινομένη. ἀμφιετεῖς... ἀπαρχαί...; ἀπαρχή, ἡ — первенцы от плодов, приносимые в жертву богам; вооб. первенцы, начатки, лучшая и отборная часть чего-либо.

ἀπαρχαί — древнейшие бескровные жертвы, первые плоды с полей, садов, плантаций и т. д. Аполлону в праздник Фаргелий вместе с плодами приносили свежий хлеб.

δεκατηφόρος — приносящий десятину, *неологизм*, образованный от существительного δεκάτη (десятина), по модели: βουληφόρος (у Гомера), νικαφόρος (у Пиндара), δικηφόρος (у Эсхила).

Наиболее распространенный вид пожертвований богам как со стороны государств, так и частных лиц, была десятина (δεκάτη, τὸ ἐπιδέκατον) со всякого рода прибыли или добычи. После победы жертвовали богам чаще десятую часть военной добычи. Так, после Саламинской победы на эти средства была воздвигнута статуя Аполлона, после победы при Платеях из десятины добычи был пожертвован в Дельфийский храм золотой треножник и т. д.[15]

280–281 все народы — на востоке, на западе — в словаре *Гезихия*: ἠοίην... τὴν πρὸς ἀνατολήν... ἀνὰ μέσσην — в *схолиях*: ἐν μεσημβρίᾳ.

κλήρους ἐκτήσαντο...; κλῆρος, ὁ — жребий; наследство, надел, земля, владение; вообще часть, назначенная судьбой.

14. Подробнейшую подборку материалов на тему «Аполлон и гиперборейцы» см. у А. Ф. Лосева: А. Ф. Лосев. Мифология..., с. 462–487.

15. Подробнее: В. В. Латышев. Очерк греческих древностей. Богослужебные и сценические древности. Под научной ред. Е. В. Никитюк. Общая ред. Е. Д Фролова. СПб.: Алетейя, 1997, с. 44–48.

Ср.: Call. I, 62; V, 142. Ф. Лапп[16] рассматривает κλῆρος как вариант к πάλος (жребий). По поводу этого пассажа существует мнение, что это аллюзия Каллимаха на затруднения, возникшие между Птолемеем Филадельфом и его братьями по поводу наследства[17].

281 οἱ καθύπερθε βορείης / οἰκία θινός ἔχουσι... В *схолиях*: οἱ Ὑπερβόρεοι βόρειος... θίς — борейский морской берег. В *схолиях*: θῖνα νῦν τὴν ζώνην λέγει ὠκεανοῦ.

282 πολυχρονιώτατιν αἷμα — *метонимия* — древнейшая кровь = древний род = гиперборейцы. Гиперборейцы по Диодору (Diod. II, 47) живут долго и счастливо, смерть наступает у них от исчерпанности жизни и пресыщения ею. Первым о дарах гиперборейцев и о их пути на Делос пишет Геродот (Herod. IV, 33).

283 καλάμη, ἡ — соломина, стебель; здесь, скорее всего, имеются в виду как отдельные колосья, так и снопы.

δράγμα, τος τό — сноп, вообще колосья.

ἄσταχυς, ὁ = σταχύς — колос. Ср.: Call. VI, 20: ἱερὰ δρᾰγματα... / ἀσταχύων.

καλάμην... καὶ ἱερὰ δράγματα... / ἀσταχύων — *повтор.* Как считают современные исследователи, дары гиперборейцев скорее всего доставлялись в конце лета, когда был сжат хлеб и его вязали в снопы. Кроме того, дарами гиперборейцев могли быть яйца лебедей, мед, янтарь[18].

284–290 Описание пути следования гиперборейцев.

Πελάσγος, ὁ — пелазг.; ср.: Hom. Il. II, 840; XVII, 288 — обитатели Фессалии; Il. X, 429 — азиатское племя; Od. XIX, 177 — критяне; Il. II, 681 — Πελαγικόν — соотносится с Аргосом; Il. XVI, 233 — эпитет Зевса в Додоне. Theocr. XV, 142 — имеется в виду Аргос; Apoll. Rhod. I, 580; II, 1239 — связывает с Фессалией. У самого Каллимаха ep. XXXIX, 2 — имеется в виду Аргос, а во fr. 97 Πελασγικός — Афина. Ср.: Call. V, 51; VI, 25.

Δωδώνη, ἡ — Додона, город в Эпире. Есть чтение Δωδώνηθι.

ἃ Δωδώνηθε Πελασγοί / ...δέχονται — есть основание полагать, что Δωδώνηθε — Genetivus posessivus. Ср.: Ἀργοθεν

16. F. Lapp. op. cit. S. 113.

17. Carrière. Philadelphe ou Sôtêr? Á propos d'un humne de Callimaque. Stidii Clasici XI, 1969, 85-93.

18. О пути гиперборейцев, их дарах подробнее см.: Ю. К. Колосовская. Агафирсы и их место в истории племён Юго-Восточной Европы. ВДИ. 1982. № 4, с. 63 и др.

ἄνδρες (Theocr. XXIV, III), φυτὸν Κρήτηθεν, λιβύηθε... ῥίζας, ἠπειρόθεν ἀνήρ и т. д.

285 πολὺ πρώτιστα — значительно раньше других

ἄ... τήλοθεν ἐκβαίνοντα — пришедших так издалека. Ср. по поводу ст. 283–285 в *схолиях*: λέγεται ὅτι Ὑπερβόρεοι δῶρα πέμπουσι τῷ Ἀπόλλωνι, ἅτινα δέχονται πρῶτοι οἱ Δωδωναῖοι.

286 γηλεχέες θεράποντες — γηλεχής — лежащий на земле. В *схолиях*: γηλεχέες· οὓς Ὅμηρός (Hom. Il. XVI, 235) φησι χαμαιεύνας. В *словаре Гезихия*: γηλεχέες· χαμαικοῖται.

ἀσίγητος λέβης — немолчный котел; очевидно, потому, что котел (λέβης) использовался в Додоне как гонг или барабан. Этот котел (или медный таз), по преданию подаренный святилищу жителями острова Керкира, был подвешен на столбе, а в непосредственной близости от него, на другом столбе, была установлена медная статуя мальчика, который держал в руке цепочку с игральными костяшками (ἀστράγαλοι). При малейшем ветерке кости касались котла, и над святилищем проносился гулкий протяжный звук, создававший своеобразную «звуковую декорацию». По звуку «додонской меди» прорицатели предсказывали будущее.

ἀσίγητος — *неологизм*, образованный с использованием α–privativum. Ср.: ἀκοίμητος (у Эсхила), ἀναύδητος (у Софокла), ἀτίμητος, ἀτάρβητος (у Гомера), ἀτόλμητος (у Пиндара). В *схолиях*: ἀσιγήτοιο λέβητος· ὅθεν Δωδωναῖον χαλκεῖον.

287 Ἴριον ἄστυ — город Ира или Иро. Ἴριον — конъектура Р. Пфайффера. Чтение рук. Ψ: ἱερόν; под «Священным градом» (Ἱερὸν ἄστυ), по мнению некоторых исследователей, следует понимать поселение *Анфела* в горной местности Малиды (или Мелиды), западнее Фермопил.

οὔρεα Μηλίδος αἴης. В *схолиях*: Μηλίδος· μηλὶς πόλις Τραχῖνος.

288 διαπλώω — переплывать; известен больше глагол διαπλέω, но у Гомера есть формы ἀποπλώω (Hom. Od. XIV, 339), ἐπιπλώω (Hom. Il. III, 47; VI, 291; Od. III, 15), παραπλώω (Hom. Od. XII, 69). Форма διαπλώω встречается и у Аполлония Родосского (Apoll. Rhod. II, 629).

289 Ἀβάντων / εἰς ἀγαθὸν πεδίον Ληλάντιον — *перифрастическое* именование Эвбеи.

Ἄβας, ὁ — Абант, эпонимный герой древнегреческого племени абантов, живших на острове Эвбея. Об Абанте см. Paus. II, 16, 2; X, 35, 1. Особой известностью пользовалась легенда о щите Абанта; см. Овидий. Метаморфозы, XV, 163. Ср.: Hom. Il. II, 536, 541; IV, 464; Apoll. Rhod. I, 142.

Ληλάντιος — Лелантий, царь Эвбеи. В *схолиях*: ἐν Εὐβοίᾳ πεδίον ἀπὸ Ληλάντου βασιλέως. Равнина Лелантия находилась между городами Халкидой и Эретреей.

290 ὅρμος, ὁ — гавань. Ср.: Call. IV, 155; Hom. — часто; Hom. hymn. Ap. 103; Ven. 163; Theocr. VII, 62; XIII, 30; Apoll. Rhod. I, 987; II, 350, 728; IV, 1678.

291 Ἀριμασπός, ὁ — аримасп. Впервые этот эпоним встречается у Эсхила (Aesch. Pr. 805). Ср.: Herod. III, 116; IV, 13, 27. В *схолиях*: Ἀπιμασπῶν· ἔθνος τῶν Ὑπερβορέων.

292 Οὖπις, ἡ — Упис, гиперборейская героиня. Ср.: Call. III, 204, 240 (как эпитет Артемиды). В *схолиях*: Οὖπις· αἱ τρεῖς κοραιτῶν Ὑπερβορέων Σκυθῶν.

Λοξώ, ἡ — Локсо, гиперборейская героиня.

Ἑκαέργη, ἡ — Гекаерга, гиперборейская героиня.

294 ἠίθεος, ὁ — *неженатый юноша*. Ср.: Call. IV, 299; II, 49; Hom. Il. IV, 474; XI, 60; Theocr. II, 125; XII, 21; Apoll. Rhod. I, 778; II, 784; III, 246; I, 536; III, 935. В *схолиях* к II, 49: ἠιθέου· ἀγάμου, ἄπαιδος.

295 ἀκλεὲς οὔποτ' ἐκεῖνοι — имеет разночтения: ἀκλέες, οὔποτε κεῖνοι, οὔποτε κεῖνται (конъектура Мааса).

296 Δηλιάς — делосская, делиада. Ср.: Hom. hymn. Ap. 157. Call. IV, 323 — Δηλιάς — нимфа делосская; IV, 256 — Δηλίαδες — нимфы делосские, здесь — Δηλίαδες — девы делосские, Упис и ее спутницы.

297 μορμύσσομαι — пугать (Ср.: μορμώ — пугало, бука; μορμολύττομαι — пугать, стращать).

ἤθεα κουράων — души дев.

ὑμέναιος, ὁ — гименей, свадебная песнь. Ср.: Hom. Il. XVIII, 493; Theocr. XVIII, 8, 58; Apoll. Rhod. IV, 1160, 1197. В *схолиях*: ὑμέναιος· καιρὸς τοῦ γάμου.

ἥλικα χαίτην — возможные варианты: ἔθειρα, κόμη.

298 παρθηνικαῖς... ἠιθέοισιν. Ср.: Hom. Il. XVIII, 567: παρθενικαὶ δε καὶ ἡίθεοι. В *схолиях*: παρθενικαί· ἀπὸ κοινοῦ τὸ φορέουσιν.

θέρος τὸ πρῶτον ἰούλων — *метафора*: ἴουλος, ὁ — Ср.: Call. I, 56: ταχινοί... ἦλθον ἴουλοι.

299 ἀπάρχομαι — приносить в жертву первенцы или начатки от чего-л.; παῖδες... ἄρσενες... ἀπαρχόμενοι. В *схолиях*: ἄρσενες· οἱ καθαροί.

Обычай посвящать свои волосы богам был широко распространен. Посвящали речным богам, нимфам, но прежде всего — Аполлону. Девушки делали это перед свадьбой, юноши при первой стрижке в период возмужания. Богатые и тщеславные юноши нередко специально отправлялись в Дельфы для посвящения своих волос Аполлону. О магиче-

ском посвящении волос Аполлону пишет Плутарх (Thes. 5). По Плутарху, Тезей в момент совершеннолетия остриг свои волосы и посвятил их Аполлону. Принесение волос в жертву означало посвящение своей жизни Аполлону с тем, чтобы сохранить и совершенствовать свою жизнь. О посвящении волос молодого человека Аполлону пишет и Марциал (I, 31).

302 οὖλος (εἴλω) — курчавый, кудрявый: θρίξ, ἔθειρα ἡ, а также во мн. ч. — волосы на голове. Ср.: Call. II, 38–39: κόμαι... ἔλαια / ...λίπος... ἔθειραι. В *схолиях*: οὖλος ἐθέραις· ὁ ὀλόκληρος ταῖς θριξί, τουτέστιν ὁ λαμπρὸς ταῖς ἀκτῖσιν.

σιωπηλός, 3 = σιγηλός — молчаливый.

ἄψοφος = ἀψόφητος — не шумящий, без шума, тихий. Ср.: Call. II, 12 — об ἴχνος. Считается, что ст. IV, 302 повторяет ст. II, 12, что позволяет считать второй гимн написанным раньше.

303 ἀμφιβόητος — *неологизм* (сравни: περιβόητος (Sof. Oed. R. 191)).

304 ὑπαείδω — подпевать. Ср.: Hom. Il. XVIII, 570; Od. XXI, 411; Hom. hymn. Merc. 54 = 502. Ср.: Call. III, 242 — σύριγγες.

νόμος, ὁ — в музыке: тон, лад, напев, мелодия.

Λύκιος γέρων — ликийский старец, *антономасия*: Олен, зачинатель гимнической поэзии. По словам Павсания (Paus. IX, 27, 2), Олен из Ликии (Малая Азия) первым создал самые древние гимны для эллинов. То же самое сообщает и Геродот (Herod. IV, 35). Однако, передавая рассказ делосцев, Геродот пишет, что из страны гипербореев на Делос вместе с двумя женщинами — Аргой и Опис, прибыли Аполлон и Артемида. И ликийский муж Олен первый гимн сочинил в честь этих богов. Как можно судить по тексту Геродота, гимн был написан для женского хора, и в нем певицы поименно обращались к каждому божеству. Затем гимн Олена переняли жители других островов Ионии (подробнее см. гл. III).

305 Ξάνθος, ὁ — Ксанф — город и река того же названия в Ликии. Ср.: Call. IV, 41.

θεοπρόπος, ὁ — вопрошающий волю богов, прорицатель, предсказатель. Ср.: Hom. Il. XII, 228; XIII, 70; Od. I, 416. Ср.: Call. V, 125: θεοπρόπα.

Ὠλήν, ὁ — Олен, ликийский поэт. В *схолиях*: Ὠλὴν γὰρ τις Λύκιος εὗρε τὸν ὕμνον τοῦτον.

306–324 Описание праздничного ритуала в честь Аполлона на Делосе, в который входило несколько церемоний: жертвоприношение Аполлону, посвящение статуи Афродиты, привезенной Тезеем с Крита от Ариадны и якобы сделанной самим

Дедалом; танец юношей и девушек вокруг алтаря; бичевание алтаря и самобичевание юношей, которые затем кусали листву оливкового дерева, держа руки за спинами. Данное описание празднества в честь Аполлона на Делосе имеет исключительное значение в силу того, что хотя культ Аполлона имел в Греции повсеместное распространение, но, как пишет А. Ф. Лосев[19], «специально аполлоновских праздников было мало. Известны знаменитые празднества в Дельфах, на Делосе, Аполлона Птойского в Беотии, Аполлона Теоксения в Пелене, Аполлона Парасия в Аркадии, Аполлона с Артемидой в Сикионе». Подробное описание у Каллимаха — редчайший случай.

306 χορῖτις, ἡ — *неологизм* (как ἀγγελιῶτις, ζευγῖτις), наиболее частая у Каллимаха модель словообразования на –τις. От χορεύω — плясать в хороводе, устраивать хороводы, но вместо ожидаемой формы *χορίτης (сравни у Гомера: ὀδεύω — ὁδίτης), Каллимах дает χορῖτις. Ср.: Call. III, 13 — об Океанидах.

ἀσφαλές οὖδας — возможно, контаминация гомеровских выражений: ἕδος ἀσφαλές (Hom. Od. VI, 42) и ἄσπετον οὖδας (Hom. Il. XIX, 61; XXIV, 738; Od. XIII, 395; XXII, 269).

308 ἀριήκοος — широкоизвестный — *неологизм*, встречается еще у Apoll Rhod. — IV, 707. Образован по хорошо известной гомеровской модели: ἀρίγνωτος (Hom. Il. XIII, 72), ἀριδείκετος (Hom. Il. XI, 248), ἀριπρεπής (Hom. Il. VI, 477), ἀρίζηλος (Hom. Il. II, 318; XVIII, 219) и т. д. Второй элемент композита –ήκοος также широко использовался в словообразовании. Ср.: κατήκοος, ὑπήκοος, ἐπήκοος, εὐήκοος и т. д.

ἱρὸν ἄγαλμα / ...ἀριήκοον. В *схолиях*: ἄγαλμα / Κύπριδος ἀρχαίης ἀριήκοον· Ἀφροδίτης ἱερὸν ἐν Δήλῳ ὅπερ Θησεὺς ἔκτισε διὰ τὸ εὐχερῶς τὴν Ἀριάδνην ὀλισθῆσαι εἰς πόθον τὸν Θησέως καὶ χειρώσασθαι τὸν Μινώταυρον.

310 ἄγριον υἷα — дикого сына (Пасифаи) — *антономасия:* Минотавр. Ср.: Call. VI, 79: υἱέα; VI, 58: υἷα; V, 115: υἱέος; III, 126: υἱάσιν.

311 Πασιφάη, ἡ — Пасифая — жена критского царя Миноса, родившая от быка чудовище с телом человека, а головой быка — Минотавра. Ср.: Pind. P. IV, 38; Apoll. Rhod. III, 99, 1076.

γναμπτός — согнутый, кривой. γναμπτὸν ἕδος σκολιοῦ λαβυρίντου — характеристика лабиринта Миноса на Крите.

314 ἀειζώων = ἀείζωος, 2 = ἀείζως — вечноживущий, вечный.

315 τοπήιον, τό — канаты из веревок, корабельные принадлеж-

19. А. Ф. Лосев. Мифология..., с. 36.

ности. В *схолиях*: τοπήια· ὅπλα νεώς. Λάκωνες· σχοινία, κάλοι. ἀειζώντα... / Κεκροπίδαι πέμπουσι τοπήια.

θεωρίς, ίδος; ἡ ναῦς — священный корабль, посылаемый ежегодно афинянами на Делос со священным посольством (см. Plat. Phaed. 58 a–b). Вообще священные посольства (θεωρίαι) отправлялись государствами (например, из Мегар и Мессении) раз в четыре года на празднества Δήλια на Делос. Но особенным великолепием отличалась афинская феория; афиняне посылали священный корабль на Делос ежегодно, используя при этом один и тот же старинный корабль (по мере надобности подновляемый), по преданию, тот самый, на котором Тесей плавал на Крит. Из истории осуждения Сократа известно, что все время плавания священного корабля на Делос (с момента отправления до возвращения) считалось священным, и в течение его не могли приводиться в исполнение смертные приговоры. В *схолиях*: θεωρίδος νηός, νῦν τῆς τὰ ἱερὰ φερούσης — или ἱερὰ τριήρης.

Κεκροπίδαι — кекропиды, потомки Кекропа, *антономасия*, афиняне.

316 πολύβωμος — см. комментарий к IV, 266.

πολύλλιτος — многоумоляемый. Ср.: Call. II, 80 — инвокация к Аполлону; Ср.: Hom. Od. V, 445; Hom. hymn. Ap. 347; Cer. 28.

317 θέω — бежать; νηὶ θεούσῃ. Ср.: Call. III, 317.

318 ἀήτης, ὁ — ветер; μεγάλοι ἀῆται.

319 χρειώ, ἡ = χρεώ — надобность, необходимость.

στέλλομαι — стягивать, убирать, складывать. Ср.: Hom. Il. I, 433; Apoll. Rhod. III, 1329; IV, 45.

321–323 Бичевание алтаря и кусание — взаимосвязанные и усиливающие друг друга церемонии, входящие в культ Аполлона. Как считают некоторые исследователи, смысл этого обряда был непонятен уже Каллимаху.

321 ἑλίσσω = εἱλίσσω — вертеться, кружиться, водить хоровод. Ср.: Call. IV, 13, 105, 263.

πρίν... ἤ... βωμόν... ἑλίξαι; описываемая пляска была придумана Тезеем. Священная пляска γέρανος (журавль), в ней мимически представлялось блуждание Тесея в лабиринте Миноса (Plut. Tes. 21).

322 ῥήσσω — ударять. Ср.: Hom. XVIII, 571; Hom. hymn. Ap. 516; Apoll. Rhod. I, 539. В *схолиях*: ῥησσόμενον· πλησσόμενον.

ὀδακτάζω — кусать, как к ἀείρω — ἀερτάζω; чаще встречается глагол ὀδάζω (ср. наречие ὀδάξ), хотя у Гомера много глаголов на –άζω (ἑλκυστάζω, νευστάζω, ἀλυκτάζω). В *схолиях*: ὀδακτάσαι· δράξασθαι, δακεῖν — ἐν Δήλῳ περὶ τὸν βωμὸν τοῦ

Ἀπόλλωνος ἔθος ἦν τρέχειν καὶ τύπτειν τὸν βωμὸν μάστιγι καὶ ἀποδάκνενι ἐξηγκωνισμένους ἐκ τῆς ἐλαίας. В *словаре Гезихия*: Δηλιακὸς βωμός· τὸ περιτρέχειν κύκλῳ τὸν ἐν Δήλῳ βωμὸν καὶ τύπτειν. ἤρξατο τούτου Θησεύς, χάριτι τῆς ἀπὸ τοῦ Λαβυρίνθου φυγῆς.

323 ἀποστρέφω — отворачивать; заворачивать назад (за спину): πόδας καὶ χεῖρας.

παίγνιον, τό = παιγνιά, ἡ = παιγνία, ἡ (παίζω) — игра, шутка.

γελαστύς, ἡ — *ἅπαξ*, образован от γελάω — причина, повод для смеха, *метонимия*.

325 ἱστίη, ἡ = ἑστία, ἡ — домашний очаг, стоящий во дворе или в центре дома и служивший жертвенником для домашних богов, поэтому к нему, как к священному месту, прибегали все, просящие о защите; *антономасия*. В *схолиях*: ἱστίη ὠ νήσων· ἑστία ἐστὶ μέντοι κυρίως ὁ βωμὸς ὁ ἐν μέσῳ τῷ δόμῳ ἑστώς· ἐπειδὴ οὖν ἡ Δῆλος ἐν μέσῳ τῶν Κυκλάδων ἔστηκε δοκεῖ ὥσπερ ἑστία τις καὶ βωμὸς εἶναι.

εὐέστιος — *неологизм* (от ἑστία). В *схолиях*: εὐέστιε· εὔοικε.

λοχεύομαι — рожать. Конъектура Виламовица: ἐλοχεύσαοο; чтение рукописи Ψ: ἐλοχεύσατο.

V. ГИМН «НА ОМОВЕНИЕ ПАЛЛАДЫ»

ПРЕДИСЛОВИЕ

Последние два гимна каллимаховского цикла — «На омовение Паллады» и «К Деметре» — исследователи единодушно признают лучшими произведениями поэта[1]. Высказывалось даже мнение[2], что «во всей мировой литературе нет ничего, что можно было бы сравнить с ними». Именно эти гимны убеждают исследователей, ищущих противоречий между поэзией и ученостью Каллимаха, что оригинальность и сила его дарования представляют некий эстетический синтез, не только органичный и жизненный, но и способный воздействовать на художественную практику многих последующих поколений.

Этими гимнами Каллимах показывает, что́ он искал и нашел в этом жанре, достаточно редком в литературной практике своих современников. Простая и прямолинейная канва старых сюжетов, передающих хорошо известные аретологии богов, позволяла одновременно передавать лирическое настроение, личное чувство и быть при этом художником строго организованного интеллекта, сильно развитого рационального мышления. «V и VI гимны, — пишет современный исследователь К. Мак Кей[3], — относятся к тем гимнам, в которых Каллимах все приемы подчиняет одному плану. Они служат введением в его собственное поэтическое искусство». Своеобразие последних двух гимнов в том, что здесь Каллимаху удалось объединить два основных, но труднообъединяемых начала его гения: критически-рациональную ясность и страстную эмоциональную возбужденность. Можно сказать, в этих гимнах, подчиняясь оригинальному замыслу поэта, объединены два основных направления — эпический реализм и лирика.

1. *Наиболее подробные современные издания гимнов*: A. W. Bulloch. Callimachus. The Fifth Hymn, 1985; N. Hopkinson. Callimachus. Hymn to Demeter. 1984.

2. E. Howald, E. Staiger. Die Dichtungen des Kallimachos. Zürich, 1955. S. 134

3. K. J. Mc Kay. The poet at play Kallimachos. The bath of Pallas. Mnemosyne, Suppl. 6 Leiden. 1962. P. VIII.

«Такой степени мастерства, — пишет К. Мак Кей[4], — Каллимах достигает еще лишь в нескольких эпиграммах, но достигает этого совсем другим путем, чем в гимнах».

Критика последних двух гимнов требует сложного, кропотливого анализа: формальное вычленение структурных элементов, определение их источников, выявление отдельных тенденций эпического, лирического или драматического стилей и традиционных мотивов мало что дает. Раздельно анализируемые элементы при их критическом рассмотрении почти полностью теряют свои особенности. Как уже говорилось, два направления, две основные тенденции александрийской поэзии — учено-мифологическая и живая, личная — соединились в этих гимнах и, говоря словами Э. Говальда[5], «амальгамировались в сердце поэта». Ученый материал при этом получает полную переработку. Каллимах использует в этих гимнах весь арсенал чисто поэтических, художественных средств: умелое композиционное соединение разных мифов, разных вариантов одного и того же мифа, многочисленные намеки на другие литературные произведения и направления, эпические вставные эпизоды, описания природы, повторы, психологически точные зарисовки.

Объединение гимнов V и VI в науке бытовало всегда — сходство композиционных, структурных элементов подтверждает единство поэтического замысла. Прежде всего, неизменно обращала на себя внимание четкая композиция гимнов. Здесь так же, как и в других гимнах, можно вычленить собственно мифологический рассказ (истории о Тиресии и Эрисихтоне) и обрамляющую их «ритуальную рамку»; оба гимна заканчиваются эпифанией божества. Более резкого противопоставления между «ритуальными рамками» и мифологическим рассказом, чем в V и VI гимне, не наблюдается ни в одном другом гимне: в V гимне устроитель праздника рассказывает детям фиванскую сказку, а в VI гимне повествуется история о голоде Эрисихтона, весьма отдаленно связанная с культовыми рамками.

В обоих гимнах основное ядро — традиционный миф. В V гимне — история ослепления Тиресия, в VI гимне —

4. K. J. Mc Kay. The poet at play Kallimachos. Op. cit. P. 134.
5. E. Howald. Der Dicher Kallimachos von Kyrene Zürich, 1 1943. S. 77.

история болезни Эрисихтона, случившаяся за неповиновение Деметре. В обоих гимнах психологически тонко изображается драма матери, остро переживающей неизлечимую болезнь сына.

Оба гимна, V и VI — что их также объединяет и выделяет в каллимаховском цикле — написаны на дорийском диалекте, V гимн (единственный!) — написан элегическим дистихом. Дорийский диалект[6] был для Каллимаха родным. Античная традиция сообщает о переселении дорийцев из Македонии на острова Феру, Мелос, Книд. Кирена, как уже говорилось, — колония Феры. Диалекты дорийской группы отличались консервативностью и сохранили целый ряд архаических черт[7]. В эллинистический период, как пишет И. М. Тронский[8], несмотря на все растущее распространение койне, древние диалекты в большинстве случаев оставались живыми и при наличии интереса к ним могли бы представлять обширное поле для наблюдений. Материал для изучения дорийского диалекта дают лирики — Алкман, Ивик, Вакхилид, Пиндар, Феокрит. Конечно, мы располагаем лишь ничтожной частью текстов на дорийском диалекте; при его изучении поставлены в несравненно худшие условия, чем при исследовании, скажем, ионийского диалекта. В значительной степени это зависит от того, что в эпоху эллинизма литература на диалектах сохранилась в очень ограниченных жанрах. Все это определяет первостепенный интерес к последним двум гимнам Каллимаха.

Доризмы Каллимаха, рассыпанные по всем гимнам, употребляются вместе с редкими эпическими или эолийскими

6. Под дорийским диалектом понимаются три подгруппы (диалект дорийского населения Киклад; Коса и близлежащих островов; Родоса и его колоний), подробнее: Н. Н. Казанский. Диалекты древнегреческого языка. Л., 1983, с. 47–52. C. D. Buck. The Dialect of Kyrene. Classical Philology, 1946, vol 41. P. 129–134.

7. Как известно, для ранней Греции характерна очень значительная диалектная дробность, но никогда она не доходила до разрыва взаимопонимания между говорящими на разных диалектах. В пособиях по греческой диалектологии насчитывается свыше 30 диалектов и поддиалектов, хотя число это, по мнению И. М. Тронского, гораздо меньше действительного их количества. Но «чистых» диалектов в Греции нет.

8. И. М. Тронский. Вопросы языкового развития в античном обществе. Л.: Наука, 1973, с. 49 и слл.

формами (скажем, πολίεσσι, πολίοισα и πολίουσα; ἐμμὶ εἰμί и т. д.) Еще А. Тумб[9] подчеркивал дорийскую окраску, сказывающуюся в слиянии εο в ευ; ω вместо ου, ἦνθον вместо ἦλθον (ср. V, 8) и т. д.

В разных гимнах (но особенно, конечно, в V и VI) Каллимах сохраняет архаическую ᾱ: φάμα, μάτηρ, Ἀθάνα; огласовку ι во всех падежных формах основ на –ι (в аттич. варианты ι и ει/ηι): πόλιος, πόλιες и т. д.; окончания –τι (3 л. ед. ч.) и –ντι (мн. ч.): φατί (вм. φησί), ἔχοντι (вм. ἔχουσι), φέροντι (вм. φέρουσι); окончание — μες (1 Pl. вместо — μεν): δίδομες вместо δίδομεν; φέρομες вместо φέρομεν; инфинитив глаголов на –μι оканчивается на –μεν (атт. — ναι); δίδομεν вместо διδόναι; инфинитив аориста оканчивается на -άξαι, -ίξαι вместо атт. σαι: σκεύαξαι вместо σκευᾶσαι; κομίξαι вместо κομίσαι. Повсеместно встречаются формы артикля: τοὶ ταὶ (вместо οἱ αἱ); местомение τύ (вместо σύ); частицы κα, γα вместо κε, γε, союз αἰ вместо εἰ и т. д. Многие слова имеют особый характер ударения, отличающийся качеством и местом, например: τουτῶν вместо τούτων; γυναίκες вместо γυναῖκες и т. д.[10]

Хотел ли Каллимах написать V гимн целиком на местном, киренском наречии; был ли этот его оригинальный замысел чем–то обусловлен — вопрос дискуссионный. Во–первых, как уже было сказано, доризмы Каллимах употребляет повсеместно, частотность их употребления ни о чем не говорит: в одном и том же гимне он может одинаково часто употреблять дорийские и недорийские формы (в комментариях все эти случаи отмечены). Но самое главное — такие же дорийские формы (иногда полные совпадения) часто встречаются у Феокрита, для которого этот диалект не был родным; доризмы встречаются в математических трактатах Архимеда; на дорийском диалекте писали позднейшие пифагорейцы. Известно, что последователь Аристофана Византийского — Артемидор из Тарса написал трактат о дорийском диалекте — «Περὶ Δωρίδος».

9. Albert Thumb. Handbuch der Griechischen Dialecte. Heidelberg, 1909. О доризмах Каллимаха см. S. 165.

10. Все случаи доризмов, их особенности оговорены в комментариях. Подробнее см.: Antonin Bartoněk. Classification of the West Greec Dialects at the Time about 350 B. C.. Prague, 1972.

Возможно, дорийская окраска последних двух гимнов — один из моментов стилизации: простота содержания гимнов контрастирует с подчеркнутой необычностью языка. Возможно, сами предания о Тиресии и Эрисихтоне были воспроизведены в этих гимнах в версии, имеющей бóльшее хождение в дорийской среде.

Известно, что легенда о Тиресии основывается на сказании Ферекида, который, как пишет Мак Кей, подчеркивал жестокость и капризность Афины. Каллимах строит свой гимн на другом варианте мифа; для него важна сострадательность Афины к Тиресию и его матери Харикло. Перед нами не грозная богиня-воительница, Афина-Паллада-Оксидерха, а гуманная богиня мудрости. Поэт настаивает на невиновности Тиресия, оправдывает его поведение неблагоприятной случайностью: он захотел пить и случайно оказался на месте купания богини. Вводя рассказ об Актеоне, который наказан гораздо суровее, он опять подчеркивает мягкость богини в случае с Тиресием. Здесь, как пишет Мак Кей, на первом плане настроение, эмоция, стремление растрогать и поразить. Возможно, как считал Мак Кей, «V гимн — это пародия на «Лиду» Антимаха». Но при этом поэт старательно избегает всяческой сентиментальности.

Сказания о Тиресии и об Эрисихтоне передаются в назидательно-нравоучительном тоне; автор как будто хочет сказать, вот что бывает, если смертный увидит или сделает запретное. Этот нравоучительный тон объединяет данные гимны со сказкой. Мифологический рассказ об ослеплении Тиресия в V гимне начинается с обращения к детям: παῖδες (V, 57). Элементы фольклора, сказочные мотивы в гимнах уже давно обращали на себя внимание исследователей. Считается[11], например, что в III гимне эпизоды с Киклопами — настоящие мифы-сказки: это рассказ о киклопах Арге и Стеропе, которыми мать запугивает непослушное дитя (III, 66–69), это история о том, как ковали чашу для водопоя коней Посейдона (III, 46–52) и явно народный, сказочный мотив вводится в рассказ про чудо-траву, трилистник, растущий на лугу Геры (III, 164–165). В IV гимне к таким сказочным мотивам можно отнести эпи-

11. E. Diehl. Der Digressionsstil des Kallimachos, Riga, 1937. Здесь Э. Диль сравнивает отдельные эпизоды гимнов со сказками Афанасьева, братьев Гримм.

зод с Посейдоном, который одним ударом трезубца образует острова, историю о змее с бородой, который девятью кольцами обвивает снежные выси Парнаса (IV, 91–93) и т. д.

Датировка как V, так и VI гимнов весьма затруднительна. В V гимне — и ритуальное обрамление, и мифологическая narratio связываются с праздником в честь Афины. Скорее всего, имеется ввиду Аргос, поскольку Каллимах на протяжении всего гимна не раз вспоминает сам Аргос (V, 45, 100), аргивян (V, 36), Арестора — отца Аргоса и его потомков — аресторидян (V, 34); говорит о пелазгах (V, 51), пелазгидах (V, 4), ахейцах (V, 13) — все это эпические эквиваленты аргивян; упоминает Инах (V, 50, 140) — главную реку Аргоса, источники Фисадейю и Амимон (V, 40, 41; 47–48) и т. д.

Культ Афины был распространен по всей материковой и островной Греции, ее чтили как верховное божество в Аттике, Аркадии, Арголиде, Коринфе, Сикионе, Фессалии, Беотии, на Крите и на Родосе. Афине были посвящены земледельческие праздники: прохаристерии (в связи с прорастанием хлеба), плинтерии (начало жатвы), аррефории (дарование росы для посевов), каллинтерии (созревание плодов), скирофории (отвращение засухи). Во время этих празднеств происходило омовение статуи, кумира Афины, юноши приносили клятву гражданского служения богине. Очевидно, в честь одного из таких празднеств и написан данный гимн. (О почитании Афины в Аргосе см.: Paus. II, 24, 2).

Ритуальное обрамление, культовая ситуация — омовение кумира Афины в водах реки — представлена настолько живо и наглядно, поэт настолько увлекается описанием и перечислением мельчайших деталей и подробностей, что здесь вновь, как и во вступлении ко II гимну, возникает иллюзия участия автора, а с ним и читателя в приготовлениях культового действа в честь Паллады.

Прежде чем автор перейдет к истории Тиресия, прежде чем отправится в путь процессия, посвященная богине (V, 55), поэт не только подробно поведает о приготовлениях к этой церемонии, о лошадях, которые повезут кумир богини (V, 1–4), о туалете богини (V, 13–17), о щите богини (V, 33–35), он вспомнит и все те мифологические истории, которые так или иначе с этим связаны (о лошадях богини, уча-

ствовавших в битве с гигантами — V, 5–12; о знаменитом споре трех богинь — V, 18–32; о Эвмеде, родоначальнике культа богини — V, 36–42; о той опасности, которая ждет аргивян, если они будут пить воду в этот день из Инаха — V, 43–54)[12]. Пафос данного вступления, перечисленных эпизодов в том, что в конкретных деталях, в описании мифологических и реальных событий автор стремится на первый план выдвинуть предметно-вещественный ряд, показать все «через предмет». Вот он говорит о непорочной, девственной красоте Афины, для которой не надо «ни алавастров, ни мирра» (V, 13, 15), «зеркало ей тоже не нужно» (V, 17). Но нужны «гребень золотой» (V, 31), «елей» (V, 29). И тут же — ученая авторская мифологизация, которая, возможно, и не является намеренной: для Каллимаха естественнее сказать «земнорожденные» вместо «гиганты» (V, 8), «фригиец» вместо «Парис» (V, 18), «лакедемоняне» вместо «Кастор и Полидевк» (V, 24) и т. д.

Гимн начинается с обращения к белокурым пелазгидам (V, 4), почитающим культ Афины (буквально: «наливающим воду для омовения» (V, 1, 134) — λωτροχόοι — каллимаховское слово). Во вступлении-приготовлении к шествию (ст. 1–54) — достаточно полно и подробно рассказывается о разных эпизодах мифологии богини. Наконец, все готово: «Так счастливо же в путь, Госпожа!» (V, 55). И тут же плавный и естественный переход к мифологическому рассказу (V, 55–56):

> А им я покуда
> Слово скажу; не мое слово, но старых людей.

Вступление к гимну, как иногда считается, подготавливает читателя к «жестокому» рассказу об ослеплении Тиресия, но эта жестокость смягчается состраданием поэта: Тиресий невиновен, по мысли Каллимаха, он захотел пить и случайно оказался на месте купания богини. История Тиресия рассказывается подробно и спокойно: некая эпическая отстраненность и сострадание смягчают драматизм ситуации; сама Афина огорчена случившимся (V, 99):

12. Культ Афины, как пишет А. И. Зайцев, имеет догреческое и, возможно, домикенское происхождение. Афина πότνια упоминается на табличке из Кноса. Подробнее: А. И. Зайцев. Греческая религия и мифология..., с. 68.

О, нисколько, поверь, похищать не сладко Афине
Отроков очи....

Но и она не может нарушить «Кронов закон» (V, 100). В этих словах можно усмотреть гесиодовский мотив: Афина против своей воли должна наказать Тиресия. Она даже утешает свою любимую спутницу, Харикло, мать Тиресия: «О, подруга, печаль отложи...», «О, жена, что свершилось, того воротить невозможно...» (V, 103). Как некое утешение Афина рассказывает об Актеоне, которого за подобное преступление настигла бо̀льшая кара. Вводя эпизод с Актеоном, Каллимах напоминает читателю, что перед нами грозная богиня-воительница. Но для Каллимаха важнее, что Афина — богиня мудрости, гуманная богиня. Она готова, насколько может, смягчить наказание Тиресию: отныне он будет пророком, «досточтимым в потомках» (V, 121). Афина дает в этом клятву — ее клятва столь же верна, как клятва Зевса: «одной меж дочерей даровал / Зевс Афине вершить дела отцовской властью».

Мифологический рассказ V гимна, как, пожалуй, ни в одном гимне, наиболее подробная, рассказанная от начала до конца история. Гимн, как было сказано, заканчивается эпифанией богини: «Подлинно, едет Афина сюда» (V, 137), богиню следует встречать «благоуставною речью, молитвою и возглашением» (V, 139). Гимн интересен в стилистическом отношении тем, что взволнованное лирическое вступление — обычные для Каллимаха быстрые смены тем, эпизодов, заинтересованность автора происходящим ритуалом встречи кумира богини — все сменяется глубоким, фатальным драматизмом мифологического рассказа, эпическая простота и сострадание которого лишь усугубляют ощущение неизбежности и неотвратимости судьбы.

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ГИМНА

ст. 1–4 зачин гимна: энергичный призыв к собравшейся процессии отправиться в путь с кумиром Афины;
5–56 описание процессии в честь кумира Афины;
57–136 мифологический рассказ об ослеплении Тиресия;
57–69 любовь Афины к нимфе Харикло;
70–84 описание случайной встречи Тиресия с купающейся Афиной;

85–106 горестные сетования нимфы Харикло и утешение Афины;
107–118 эпизоды с Аристеем и Актеоном;
119–130 дарование Тиресию пророческого дара;
131–136 клятва Афины;
137–140 эпифания Афины;
140–142 концовка гимна.

ΕΙΣ ΛΟΥΤΡΑ ΤΗΣ ΠΑΛΛΑΔΟΣ

Ὅσσαι λωτροχόοι τᾶς Παλλάδος ἔξιτε πᾶσαι,
ἔξιτε· τᾶν ἵππων ἄρτι φρυασσομενᾶν
τᾶν ἱερᾶν ἐσάκουσα, καὶ ἁ θεὸς εὔτυκος ἔρπεν·
σοῦσθέ νυν, ὦ ξανθαὶ σοῦσθε Πελασγιάδες.
οὔποκ' Ἀθαναία μεγάλως ἀπενίψατο πάχεις,
πρὶν κόνιν ἱππειᾶν ἐξελάσαι λαγόνων·
οὐδ' ὅκα δὴ λύθρῳ πεπαλαγμένα πάντα φέροισα
τεύχεα τῶν ἀδίκων ἦνθ' ἀπὸ γαγενέων,
ἀλλὰ πολὺ πράτιστον ὑφ' ἅρματος αὐχένας ἵππων
λυσαμένα παγαῖς ἔκλυσεν Ὠκεανῶ
ἱδρῶ καὶ ραθάμιγγας, ἐφοίβασεν δὲ παγέντα
πάντα χαλινοφάγων ἀφρὸν ἀπὸ στομάτων.
ὦ ἴτ' Ἀχαιιάδες, καὶ μὴ μύρα μηδ' ἀλαβάστρως
(συρίγγων ἀίω φθόγγον ὑπαξόνιον),
μὴ μύρα λωτροχόοι τᾷ Παλλάδι μηδ' ἀλαβάστρως
(οὐ γὰρ Ἀθαναία χρίματα μεικτὰ φιλεῖ)
οἴσετε μηδὲ κάτοπτρον· ἀεὶ καλὸν ὄμμα τὸ τήνας.
οὐδ' ὅκα τὰν Ἴδᾳ Φρὺξ ἐδίκαζεν ἔριν,
οὔτ' ἐς ὀρείχαλκον μεγάλα θεὸς οὔτε Σιμοῦντος
ἔβλεψεν δίναν ἐς διαφαινομέναν·
οὐδ' Ἥρα· Κύπρις δὲ διαυγέα χαλκὸν ἐλοῖσα
πολλάκι τὰν αὐτὰν δὶς μετέθηκε κόμαν.
ἁ δὲ δὶς ἑξήκοντα διαθρέξασα διαύλως,
οἷα παρ' Εὐρώτᾳ τοὶ Λακεδαιμόνιοι
ἀστέρες, ἐμπεράμως ἐτρίψατο λιτὰ βαλοῖσα*
χρίματα, τᾶς ἰδίας ἔκγονα φυταλιᾶς,
ὦ κῶραι*, τὸ δ' ἔρευθος ἀνέδραμε, πρώϊον οἷαν
ἢ· ῥόδον ἢ σίβδας κόκκος ἔχει χροϊάν.
τῷ καὶ νῦν ἄρσεν τι κομίσσατε μῶνον ἔλαιον,
ᾧ Κάστωρ, ᾧ καὶ χρίεται Ἡρακλέης·
οἴσετε καὶ κτένα οἱ παγχρύσεον, ὡς ἀπὸ χαίταν

πέξηται, λιπαρὸν σμασαμένα πλόκαμον.
ἔξιθ', Ἀθαναία· πάρα τοι καταθύμιος ἴλα,
παρθενικαὶ μεγάλων παῖδες Ἀρεστοριδᾶν·
ὠθάνα, φέρεται δὲ καὶ ἁ Διομήδεος ἀσπίς,
ὡς ἔθος Ἀργείως τοῦτο παλαιοτέρως
Εὐμήδης ἐδίδαξε, τεῖν κεχαρισμένος ἱρεύς·
ὅς ποκα βωλευτὸν γνοὺς ἐπί οἱ θάνατον
δᾶμον ἑτοιμάζοντα φυγᾷ τεὸν ἱρὸν ἄγαλμα
ᾤχετ' ἔχων, Κρεῖον δ' εἰς ὄρος ᾠκίσατο,
Κρεῖον ὄρος· σὲ δέ, δαῖμον, ἀπορρώγεσσιν ἔθηκεν
ἐν πέτραις, αἷς νῦν οὔνομα Παλλατίδες.
ἔξιθ', Ἀθαναία περσέπτολι, χρυσεοπήληξ,
ἵππων καὶ σακέων ἁδομένα πατάγῳ.
σάμερον, ὑδροφόροι, μὴ βάπτετε σάμερον. Ἄργος,
πίνετ' ἀπὸ κρανᾶν μηδ' ἀπὸ τῶ ποταμῶ·
σάμερον αἱ δῶλαι τὰς κάλπιδας ἢ 'ς Φυσάδειαν
ἢ ἐς Ἀμυμώναν οἴσετε τὰν Δαναῶ.
καὶ γὰρ δὴ χρυσῷ τε καὶ ἄνθεσιν ὕδατα μείξας
ἦξεῖ φορβαίων Ἴναχος ἐξ ὀρέων
τἀθάνᾳ τὸ λοετρὸν ἄγων καλόν. ἀλλά, Πελασγέ,
φράζεο μὴ οὐκ ἐθέλων τὰν βασίλειαν ἴδῃς.
ὅς κεν ἴδῃ γυμνὰν τὰν Παλλάδα τὰν πολιοῦχον*,
τῶργος ἐσοψεῖται τοῦτο πανυστάτιον.
πότνι' Ἀθαναία, σὺ μὲν ἔξιθι· μέσφα δ' ἐγώ τι
ταῖσδ' ἐρέω· μῦθος δ' οὐκ ἐμός, ἀλλ' ἑτέρων.
παῖδες, Ἀθαναία νύμφαν μίαν ἔν ποκα Θήβαις
πουλύ τι καὶ πέρι δὴ φίλατο τᾶν ἑταρᾶν,
ματέρα Τειρεσίαο, καὶ οὔποκα χωρὶς ἔγεντο·
ἀλλὰ καὶ ἀρχαίων εὖτ' ἐπὶ Θεσπιέων
...ἢ εἰς Ἀλίαρτον ἐλαύνοι
ἵππως, Βοιωτῶν ἔργα διερχομένα,
ἢ 'πὶ Κορωνείας, ἵνα οἱ τεθυωμένον ἄλσος
καὶ βωμοὶ ποταμῷ κεῖντ' ἐπὶ Κουραλίῳ,
πολλάκις ἁ δαίμων νιν ἐῶ ἐπεβάσατο δίφρω,
οὐδ' ὄαροι νυμφᾶν οὐδὲ χοροστασίαι
ἀδεῖαι τελέθεσκον, ὅκ' οὐχ ἀγεῖτο Χαρικλώ·
ἀλλ' ἔτι καὶ τήναν δάκρυα πόλλ' ἔμενε,
καίπερ Ἀθαναίᾳ καταθύμιον ἔσσαν ἑταίραν.
δή ποκα γὰρ πέπλων λυσαμένα περόνας
ἵππω ἐπὶ κράνᾳ Ἑλικωνίδι καλὰ ῥεοίσᾳ

λῶντο· μεσαμβρινὰ δ᾽ εἶχ᾽ ὄρος ἀσυχία.
ἀμφότεραι λώοντο, μεσαμβριναὶ δ᾽ ἔσαν ὧραι,
πολλὰ δ᾽ ἀσυχία τῆνο κατεῖχεν ὄρος.
Τειρεσίας δ᾽ ἔτι μῶνος ἀμᾶ κυσὶν ἄρτι γένεια
περκάζων ἱερὸν χῶρον ἀνεστρέφετο·
διψάσας δ᾽ ἄφατόν τι ποτὶ ῥόον ἦλυθε κράνας,
σχέτλιος· οὐκ ἐθέλων δ᾽ εἶδε τὰ μὴ θεμιτά.
τὸν δὲ χολωσαμένα περ ὅμως προσέφασεν Ἀθάνα·
᾽τίς σε, τὸν ὀφθαλμὼς οὐκέτ᾽ ἀποισόμενον,
ὦ Εὐηρείδα, χαλεπὰν ὁδὸν ἄγαγε δαίμων;᾽
ἁ μὲν ἔφα. παιδὸς δ᾽ ὄμματα νὺξ ἔλαβεν.
ἐστάκη δ᾽ ἄφθογγος, ἐκόλλασαν γὰρ ἀνῖαι
γώνατα καὶ φωνὰν ἔσχεν ἀμαχανία.
ἁ νύμφα δ᾽ ἐβόασε· ᾽τί μοι τὸν κῶρον ἔρεξας
πότνια; τοιαῦται, δαίμονες, ἐστὲ φῖλαι;
ὄμματά μοι τῶ παιδὸς ἀφείλεο. τέκνον ἄλαστε,
εἶδες Ἀθαναίας στήθεα καὶ λαγόνας,
ἀλλ᾽ οὐκ ἀέλιον πάλιν ὄψεαι. ὢ ἐμὲ δειλάν.
ὦ ὄρος, ὦ Ἑλικὼν οὐκέτι μοι παριτέ,
ἦ μεγάλ᾽ ἀντ᾽ ὀλίγων ἐπράξαο· δόρκας ὀλέσσας
καὶ πρόκας οὐ πολλὰς φάεα παιδὸς ἔχεις.᾽
ἁ μὲν <ἄμ᾽> ἀμφοτέραισι φίλον περὶ παῖδα λαβοῖσα
μάτηρ μὲν γοερᾶν οἴτον ἀηδονίδων
ἄγε βαρὺ κλαίοισα, θεὰ δ᾽ ἐλέησεν ἑταίραν.
καί νιν Ἀθαναία πρὸς τόδ᾽ ἔλεξεν ἔπος·
᾽δῖα γύναι, μετὰ πάντα βαλεῦ πάλιν ὅσσα δι᾽ ὀργάν
εἶπας· ἐγὼ δ᾽ οὔ τοι τέκνον ἔθηκ᾽ ἀλαόν.
οὐ γὰρ Ἀθαναίᾳ γλυκερὸν πέλει ὄμματα παίδων
ἁρπάζειν· Κρόνιοι δ᾽ ὧδε λέγοντι νόμοι·
ὅς κε τιν᾽ ἀθανάτων, ὅκα μὴ θεὸς αὐτὸς ἔληται,
ἀθρήσῃ, μισθῶ τοῦτον ἰδεῖν μεγάλω.
δῖα γύναι, τὸ μὲν οὐ παλινάγρετον αὖθι γένοιτο
ἔργον, ἐπεὶ Μοιρᾶν ὧδ᾽ ἐπένησε λίνα,
ἀνίκα τὸ πρᾶτόν νιν ἐγείναο· νῦν δὲ κομίζευ,
ὦ Εὐηρείδα, τέλθος ὀφειλόμενον.
πόσσα μὲν ἁ Καδμηὶς ἐς ὕστερον ἔμπυρα καυσεῖ,
πόσσα δ᾽ Ἀρισταῖος, τὸν μόνον εὐχόμενοι
παῖδα, τὸν ἁβατὰν Ἀκταίονα, τυφλὸν ἰδέσθαι.
καὶ τῆνος μεγάλας σύνδρομος Ἀρτέμιδος
ἔσσεται· ἀλλ᾽ οὐκ αὐτὸν ὅ τε δρόμος αἵ τ᾽ ἐν ὄρεσσι

ῥυσεῦνται ξυναὶ τᾶμος ἑκαβολίαι,
ὁππόταν οὐκ ἐθέλων περ ἴδῃ χαρίεντα λοετρά
δαίμονος· ἀλλ᾽ αὐταὶ τὸν πρὶν ἄνακτα κύνες
τουτάκι δειπνησεῦντι· τὰ δ᾽ υἱέος ὀστέα μάτηρ
λεξεῖται δρυμὼς πάντας ἐπερχομένα·
ὀλβίσταν δ᾽ ἐρέει σε καὶ εὐαίωνα γενέσθαι
ἐξ ὀρέων ἁλαὸν παῖδ᾽ ὑποδεξαμέναν.
ὦ ἑτάρα, τῷ μή τι μινύρεο· τῷδε γὰρ ἄλλα
τεῦ χάριν ἐξ ἐμέθεν πολλὰ μενεῦντι γέρα,
μάντιν ἐπεὶ θησῶ νιν ἀοίδιμον ἐσσομένοισιν,
ἢ μέγα τῶν ἄλλων δή τι περισσότερον.
γνωσεῖται δ᾽ ὄρνιχας, ὃς αἴσιος οἵ τε πέτονται
ἤλιθα καὶ ποίων οὐκ ἀγαθαὶ πτέρυγες.
πολλὰ δὲ Βοιωτοῖσι θεοπρόπα, πολλὰ δὲ Κάδμῳ
χρησεῖ, καὶ μεγάλοις ὕστερα Λαβδακίδαις.
δωσῶ καὶ μέγα βάκτρον, ὅ οἱ πόδας ἐς δέον ἀξεῖ,
δωσῶ καὶ βιότω τέρμα πολυχρόνιον,
καὶ μόνος, εὖτε θάνῃ, πεπνυμένος ἐν νεκύεσσι
φοιτασεῖ, μεγάλῳ τίμιος Ἀγεσίλᾳ.᾽
ὣς φαμένα κατένευσε· τὸ δ᾽ ἐντελές, ᾧ κ᾽ ἐπινεύσῃ
Παλλάς, ἐπεὶ μώνᾳ Ζεὺς τόγε θυγατέρων
δῶκεν Ἀθαναίᾳ πατρώια πάντα φέρεσθαι,
λωτροχόοι, μάτηρ δ᾽ οὔτις ἔτικτε θεάν,
ἀλλὰ Διὸς κορυφά. κορυφὰ Διὸς οὐκ ἐπινεύει
ψεύδεα . . . . . αι θυγάτηρ.
ἔρχετ᾽ Ἀθαναία νῦν ἀτρεκές· ἀλλὰ δέχεσθε
τὰν θεόν, ὦ κῶραι, τῶργον ὅσαις μέλεται,
σύν τ᾽ εὐαγορίᾳ σύν τ᾽ εὔγμασι σύν τ᾽ ὀλολυγαῖς.
χαῖρε, θεά, κάδευ δ᾽ Ἄργεος Ἰναχίω.
χαῖρε καὶ ἐξελάοισα, καὶ ἐς πάλιν αὖτις ἐλάσσαις
ἵππως, καὶ Δαναῶν κλᾶρον ἅπαντα σάω.

комментарии

Εἰς λουτρὰ Παλλάδος; λουτρόν, τό эп. λοετρόν (от λούω) — чаще во множественном числе — купание, омовение (действие купанья; вода для купанья или омовения). Ср.: V, 51: τὸ λοετρόν... καλόν — контекст: Инах... влагу несет на омовение Афине; V, 113: χαρίεντα λοετρά — об омовении Ар-

темиды. Ср.: Hom. Il. XIV, 6; XXII, 444; XXIII, 44; Hom. hymn. Merc. 268; Cer. 50; Pind. O. XII, 19; Theocr. XVIII, 23; Apoll. Rhod. II, 1014; III, 273, 300.

В *схолиях*: ἐν τινι ἡμέρᾳ ὡρισμένῃ ἔνθος εἶχον αἱ Ἀργεῖαι γυναῖκες λαμβάνειν τὸ ἄγαλμα τῆς Ἀθηνᾶς καὶ Διομήδους καὶ ἄγειν ἐπὶ τὸν Ἴναχον ποταμὸν κἀκεῖσε ἀπολούειν· ὃ δὴ καὶ λουτρὰ ὠνομάζετο τῆς Παλλάδος.

Παλλάς, άδος, ἡ — Паллада, именование Афины, возможно, от πάλλω, потрясательница копья; ср.: V, 15; V, 53; V, 132; ср.: у Гомера — часто, Hom. hymn. Cer. 424; XXVIII, 16; XI, 1; XXVIII, 1; Apoll. Rhod. I, 723; III, 340.

Эпитет «Паллада» с трудом поддается интерпретации. Возможно, Афина приняла его после победы над гигантом Паллантом (Apollod. I, 6, 2). По другой версии, так звали ее подругу, которую она нечаянно убила, т. ч. принятие нового имени послужило как бы искуплением ее вины. Возможно, от палладия, изображения богини, упавшего с неба (Apollod. III, 12, 3). Существует предположение, что таково было имя микенской богини-воительницы, предшественницы Афины. Сова и змея охраняли дворец Миноса на Крите, и изображение богини со щитом микенского времени — прообраз олимпийской Афины. Есть также версия,[13] что Πάλλας — «дева», а ее изображение — παλλάδιον. Чтобы лишить город способности сопротивляться, нужно было похитить у него палладий. В мифах о Троянской войне рассказывалось, что такой палладий, упавший некогда с неба, похитили из Трои Одиссей и Диомед, и только после этого могла иметь успех хитрость с троянским конем (Apollod. Э. V, 13). Позднее палладиями стали называть вообще разные статуи богини Афины. Здесь имеется в виду омовение Палладия, кумира Афины.

ст. 1–4 *зачин* гимна: энергичный призыв к собравшейся процессии отправиться в путь с кумиром Афины.

1 λωτροχοός *дор.* = λοετροχόος. λουτροχόος — наливающий воду для ванны; ср. V, 15, 134; ср. Hom. Il. XVIII, 346; Od. VIII, 435 — λοετροχόος.

τᾶς — дор. = τῆς.

2 φρυάσσομαι — ржать, фыркать; *неологизм* от φρύαγμα, τό — фырканье (о лошадях), у более поздних авторов встречается часто. *В схолиях*: φρυασσομενᾶν ἤτοι ποιὸν ἦχον ἀποτελουσῶν.

φρυασσομενᾶν — дор. = φρυασσομένων.

τᾶν ἵππων... φρυασσομενᾶν τᾶν ἱερᾶν ἐσάκουσα дор. = τῶν

13. А. И. Зайцев. Греческая религия и мифология..., с. 110.

ἵππων... φρυασσομένων τῶν ἱερῶν ἐσάκουσα.

3 εὔτυκος — готовый (от εὐτυκάζω).

Ср. Theocr. XXIV, 88.

ἕρπω — ползти, тащиться, вооб. идти; ср.: ἀνέρπω, καθέρπω, ἐφέρπω, περέρπω.

ἅ θεός — дор. = ἡ θεά. Ср. в других контекстах об Афине: δαῖμον — V, 41; θεά — V, 95, 140; πότνια — V, 86; ἁ δαίμων — V, 65; μεγάλα θεός — V, 19; θεὰν — V, 134; τὰν θεὸν — V, 138.

4 σοῦσθέ — от σεύομαι = σοῦμαι — устремляться, бросаться, спешить; ср.: III, 98: ἐσσεύοντο — о собаках; VI, 33: σεύατ' — об Эрисихтоне.

В *схолиях:* σοῦσθε· ὁρμᾶτε, ἀπὸ τοῦ σεὺω, вариант к τρέχω.

Ср.: Hom. — часто; Hom. hymn. Cer. 43; 287; 379; Merc. 299; Ven. 66; Apoll. Rhod. I, 121; 268; III, 885; IV, 849.

σοῦσθε νυν — повтор.

ξανθαί... Πελασγιάδες — ср. IV, 291: об аримаспах; III, 209 — о Прокриде, супруге Кефала; II, 86: о ливиянках.

Πελασγιάς, ἁ — более привычная форма — Πελασγίς, ίδος, ἡ — пеласгийская (ср. Πελασγός, ὁ, Πελασγία, ἡ, Πελασγικός) — все *образования от гомеровского* Πελασγός, Πελασγοί, — древние жители Греции. По поводу пеласгов Аполлодор (Apollod. II, 1, 1) пишет: «От Зевса и Ниобы, первой смертной женщины, с которой сошелся Зевс, родился сын Аргос, а также, как сообщает Акусилай, и Пеласг, по имени которого жители Пелопоннеса были названы пеласгами».

5–56 Описание процессии в честь Афины.

5 Ἀθᾶν *дор* = Ἀθην; Ἀθάνα (V, 79), Ἀθαναία (V, 16, 33, 43, 55, 57, 96, 137) — в других гимнах и фрагментах встречаются формы Ἀθηναίη, Ἀθήνη = Ἀθηνᾶ атт. = Ἀθήνη — ион.

πᾶχυς дор. = πῆχυς.

ποκα дор. = ποτε.

ἀπενίψατο от ἀπονίζομαι — умываться, умывать, напр. χεῖρας (здесь — πάχεις).

6 κόνις, ἡ = κονία, ἡ эп. κονίη — пыль, прах, зола.

λαγών, ἡ — бок; ср.: III, 223; V, 88.

ἱππειᾶν — дор. — от ἵππεος: ἱππειᾶν... λαγόνων.

ἐξελάσαι от ἐξελαύνω — выгонять, изгонять, зд. стирать.

πρίν + inf.

7 ὅκα дор. = ὅτε.

λύθρον, τό и λύθρος, ὁ — пролитая, т. е. смешавшаяся с прахом кровь, кровавая грязь. Ср.: λῦμα; ср.: Hom. Od. XX–II, 402; XXIII, 48: αἵματι καὶ λύθρῳ πεπαλαγμένον Il. XI, 169; XX, 503: λύθρῳ δὲ παλάσσετο.

παλάσσω — обрызгивать; ср.: IV, 78: Асоп: πεπάλακτο... κεραυνῷ.

φέροισα дор. вм. φέρουσα от φέρω.

8 ἦνθ' = ἦνθον дор. = ἦλθον.

γηγενής = γαγενής, ὁ дор.; *в схолиях:* γαγενέων· τῶν γιγάντων.

Землерожденные — эпитет гигантов, сыновей Геи, рожденных от Урана. Краткие упоминания о гигантах встречаются в «Одиссее» Гомера (Hom. Od. VII, 59, 205; X, 120) и у Гесиода (Hesiod. Theog. 185 и слл). Оскорбленная заключением титанов в Тартар, Гея побуждала своих сыновей выступить против богов, для которых они были неуязвимы. Знавший об этом Зевс родил смертного героя Геракла и помешал Гее найти траву, с помощью которой они могли бы сопротивляться Гераклу. Битва происходила на Флегре, которую обычно отождествляют с халкидской Палленой (или другим вулканическим регионом). Древнейшие источники, в которых бы подробно излагался миф о Гигантомахии, не сохранились, но о популярности этого мифа можно судить по дошедшим памятникам изобразительного искусства: это, прежде всего, знаменитый Пергамский алтарь, это изображение Гигантомахии на северном фризе сокровищницы сифнийцев в Дельфах. В Афинах, начиная с 566 г. до н. э. каждый четвертый год Афине подносился пеплос с вытканным на нем изображением Гигантомахии, что говорит об особой роли Афины в этом мифе. По одной из версий в ходе битвы Афина содрала кожу с главного гиганта Паллanта и воспользовалась ею как панцирем. (Отсюда, возможно, ее эпитет — Паллада). На другого гиганта, Энкелада (или Этнелада), она обрушила остров Сицилию, как пишет Аполлодор (Apollod. I, 6, 2); дыхание гиганта ощутимо до сих пор — вулкан Этна до сих пор действующий.

9 πράτιστος — дор. = πρώτισον от πρῶτος; ср.: V, 109; VI, 19, 39. В других гимнах чаще обычные формы: IV, 283: πρῶτοι; IV, 6: πρώτη; I, 36: πρώτιστη; II, 72: πρώτιστον и т. д.

10 λυσαμένα... ὑφ' ἅρματος; λυσαμένα — дор.; λυσαμένα... ἔκλυσεν.

παγά дор. = πηγή ср.: III, 171: πηγάν; II, 88: πηγῆσι.

Ὠκεανῶ — дор. = Ὠκεανοῦ.

11 ἰδρῶ дор. — от ἱδρώς, ὁ — пот.

ῥαθάμιγξ, ἡ — капля, пылинка; ἔκλυσεν... ἰδρῶ καὶ ῥαθάμιγγας.

φοιβάω — смывать, счищать, возможно от φοῖβος. В *схолиях*: ἐφοίβασεν· ἐκάθηρεν. Возможные варианты: ἀπονίζομαι, κλύζω.

12 ἀφρός, ὁ — пена констр.: παγέντα / πάντα... ἀφρόν; παγέντα дор. от πήγνυμι; ср.: VI, 53, в то же время II, 58: ἔπηξε, II, 62: πῆξε.

χαλινόφαγος — *неологизм* и ἄπαξ. (от χαλινός — узда и φάγος — обжора, т. е. кусающий узду); ср.: fr. 290: γηφάρος.

Примечательно, что Каллимах заостряет внимание на лошадях богини (ст. 6–12). Известно, что среди многочисленных изобретений Афины (флейта, труба, плуг, грабли, керамический горшок, ярмо для волов, колесница, корабль и т. д.) называют и уздечки для лошадей.

13 Ἀχαιιάς — ахеянка; ср.: IV, 100; Hom. Od. III,261; Apoll. Rhod. I, 284; Theocr. XVIII, 20; XXIV, 76.

μύρον, τό — мир (р) а или миро (благовонное растительное масло, употреблявшееся для умащиваний и для изготовления благовонных мазей) или благовонная мазь, благовоние. Ср. у Платона — μύρα καὶ θυμιάματα (Plat. Rep. III, 373a); μύρον κατὰ τῆς κεφαλῆς καταχέαντες (Plat. Rep. III, 398e); у Феокрита — μύρῳ χρύσει' ἀλάβαστρα (Theocr. XV, 114).

ἀλαβάστρος, ὁ — алавастр, маленький сосуд для благовонных масел, обычно для ношения на поясе. ἀλαβάστρως — дор. В *схолиях*: ἀλαβάστρῶς· τὰς μυροθήκας.

Большой этимологик: ἀλάβαστος· λήκυθος λιθίνη πρὸς μύρων ἀπόθεσιν· καὶ συνθέσει τοῦ ρ ἀλάβαστρος

13 и 15 *анафора* и *анадиплосис*.

14 ἀΐω — слышать, чувствовать; ср.: VI, 97; I, 65; II, 17. Возможные варианты: ἀκούω, ἐσακούω.

σῦριγξ, ἡ — зд. втулка или ступица; ср.: III, 243.

В *схолиях*: συρίγγων· τῶν χοινικίδων (χοινικίς — небольшой обруч, кольцо, ободок).

ὑπαξόνιος — ἄπαξ, букв. подосевой, подколесный, образован, очевидно, по модели παραξόνιος — находящийся рядом с осью, встречаются еще: ἐπαξόνιος — покоящийся на оси (δίφρος у Феокрита); ἀξόνιος — соединенный с осью, осевой; ἀκραξόνιος — верхнеосевой. Во всех этих лексемах корень ἄξων, ονος, ὁ — ось, иногда в поэтическом языке — колесо (лат. axis).

συρίγγων... φθόγγον ὑπαξόνιον; есть чтение: ὑπαξονίων; ср.: пер. С. С. Аверинцева: «уже слышу, как спицы скрипят».

15 τᾷ Παλλάδι — дор.

Ст. 15 повторяет ст. 13 — *анафора*.

16 χρῖμα, τό = χρῖσμα, τό — мазь, масло; ср.: V, 26. Возможный

вариант: ἔλαιον.

17 κάτοπτρον, τό — зеркало; возможные варианты: ὀρείχαλχος, χαλκός.

ὄμμα, τό — око, глаз; *синекдоха*: глаза; ср.: VI, 52; V, 87, 82, 99.

τήνας — дор. от τῆνος, τήνα, τήνο = ἐκεῖνος; ср.: V, 110 — τῆνος, VI, 12: τῆνον, V, 74: τῆνο, в других гимнах чаще формы от ἐκεῖνος и κεῖνος.

18 ὅκα —дор. = ὅτε.

Φρύξ, ὁ — фригиец, синоним — троянец; *антономасия*: Парис; ср.: Hom. Il. II, 862; III, 185; X, 431; Hom. hymn. Ven. 137; Theocr. XVI, 75; Apoll. Rhod. I, 1139; II, 787

Ἴδα, ά — дор. = Ἴδη— Ида, гора около Трои; ср.: У Гомера в «Илиаде» — часто, Hom. hymn. Ap. 34, Ven. 54, 68; Theocr. I, 105 (о Трое), XVII, 9; в *словаре «Суда»*: Ἴδη· πᾶν σύμφυτον ὄρος.

19 μεγάλα θεός— дор.; ср. V, 5, 102, 110; VI, 67, 107, 121.

ὀρείχαλκος, ὁ — желтая медь, *метонимия*; ср.: Hom. hymn. VI, 9; Apoll. Rhod. IV, 973; варианты: κάτοπρον, χαλκός.

Σιμόεις, όεντος, стяж. ὁ Σιμοῦς, οῦντος, ὁ — Симоэнт или Симунт, приток реки Скаманд в Троаде; ср.: У Гомера — часто, Theocr. XVI, 75.

20 διαφαίνομαι — показываться, быть заметным, виднеться, просвечиваться, быть прозрачным; ср.: Hom. Il. VIII, 491; X, 199; Od. IX, 379; Theocr. XVIII, 28; Apoll. Rhod. II, 1246.

δίνη, ἡ = δίνα, ἡ дор. — водоворот, пучина; ср.: IV, 149: δίνας; IV, 135: δίνησιν.

δίναν ἐς διαφαινομέναν — дор.

21 Ἥρα дор. = Ἥρη — Гера.

Κύπρις, ἡ — Киприда, *антономасия* — Афродита. Ср.: IV, 21; 308. Ep. V, 2. Кипридой Афродита именуется часто у Гомера (Hom. Il. V, 330, 422, 458, 760, 883), в гомеровских гимнах (Hom. Hymn. Ven. 2). Ср.: Theocr. XI, 16; XVIII, 51; Apoll. Rhod. I, 850; III, 76, 90, 936.

διαυγής — прозрачный; сверкающий, блестящий; ср.: Apoll. Rhod. I, 221; II, 1104; IV, 1575.

διαυγέα χαλκόν.

22 τὰν αὐτάν — дор.; ср.: V, 25; VI, 25. Вместе с тем встречаются и ионийские формы: II, 40: αὐτήν. III, 168, 207; IV, 264: αὐτή и т. д.

κόμα = κόμη, ἡ — волос, волосы. Ср.: κόμην III, 79 τὰν αὐτὰν δίς μετέθηκε κόμαν — по мнению Фернандеса-Галиано данное место можно считать *инновацией* Каллимаха.

23 ἄ δέ — дор.

δίς — *повтор* — см. ст. 22.

δίαυλος, ὁ — двойной пробег; διαύλως — дор.

δὶς... διαθρέξασα διαύλως.

24 οἷα = οἷον.

Εὐρώτας, ὁ — Еврот, река Лаконии; παρ' Εὐρώτᾳ — дор.; ср.: Theocr. XVIII, 23.

τοὶ Λακεδαιμόνιοι ἀστέρες = οἱ Διόσκουροι; *антономасия.*

Спартанские (а позднее — общегреческие) герои Кастор и Полидевк, сыновья Леды и спартанского царя Тиндарея и Зевса. По некоторым версиям, оба они — сыновья Зевса. Прославились в спортивных состязаниях, Кастор — как наездник и укротитель коней, Полидевк — как кулачный боец. Принимали участие в походе аргонавтов и в калидонской охоте. После того, как смертный брат (Кастор) был убит из–за похищения невест, его божественный брат–близнец Полидевк упросил отца (Зевса) разрешить бессмертие обоим братьям (Apollod. III, 10, 3; III, 11, 2; III, 13, 7).

ἐμπεράμως от ἐμπέραμος = ἔμπειραμος, 2 опытный, искусный. Ср.: ἔμπειρος.

τρίβομαι — тереть, растирать. К чтению ἐτρίψατο конъектура Мейнеке: ἐνετρίψατο. Возможные варианты: σμάομαι и χρίω.

λιτός— простой, неприхотливый. Ср.: II, 10; 11. *В схолиях*: λιτά· ἀσκεύαστα, ἄμεικτα.

λιτά... χρίματα.

βαλοῖσα — есть чтение: λαβοῖσα, λαβοῦσα (рук. ξ).

26 ἔκγονον, τό — плод; ср.: Hom. hymn. Ven. 284.

φυταλιά, ἁ = φυταλιή — насаждение, сад (от φυτόν, τό — растение); ср.: Hom. Il. VI, 195; XII, 314; XX, 185. Apoll. Rhod. II, 1003; III, 1400.

ἔκγονα... τᾶς ἰδίας... φυταλιᾶς — *перифраза*, оливковое масло.

Широко известно, что Афина была покровительницей оливкового дерева, из плодов которого выжимали масло (отсюда ἔλαιον). Это масло в амфорах вручали в качестве приза на Панафинейских празднествах. Здесь скрытый намек на знаменитый спор между Посейдоном и Афиной. Культурные оливы первоначально ввозились из Ливии, что, возможно, подтверждает ливийское происхождение мифа об Афине. Оливу, якобы посаженную Афиной, на Акрополе показывали даже во II веке н. э.

27 κῶραι дор. — есть конъектуры: κόραι (рук. Ψ), κώραι (Этьенна); ср.: VI, 9: κώρας. Чаще формы от κόρη и κούρη. Ср.: IV,

67; III, 40, 207 и т. д.

ἔρευθος, τό — краснота, румянец; ἔρευθος ἀνέδραμε — *метафора.*

ἀνέδραμε от ἀνατρέχω — набегать распространяться; ср.: IV, 45: ἔδραμες III, 245: ἔδραμε VI, 36: ἔδραμον; ср.: Hom. Il. XI, 354; XVI, 813; XVII, 297; XVIII, 56, 437; XXIII, 717; Theocr. XVIII, 29.

Ср.: ἀνατρέχω, ἀποτρέχω, διατρέχω, κατατρέχω, προστρέχω, ἐπιτρέχω, περιτρέχω.

28 ῥόδον, τό — роза; πρώϊος = πρῶος — утренний; ср. Hom. ῥοδόεις и ῥοδοδάκτυλος. Hom. hymn. Cer. 6; Theocr. V, 93.

σίβδα, ἁ = σίδη, ἡ — гранат. В *схолиях*: σίβδας· ῥοᾶς (ῥοιά, ῥοά дор. ῥοιή — гранатовое дерево, гранат).

κόκκος, ὁ — косточка, семячко, зерно; ср.: Hom. hymn. Cer. 372,412.

χροϊά, ἁ дор. = χροιή = χρόα, ἡ — поверхность тела, кожа.

29 ἄρσην = ἄρρην мужского пола, мужской; ср.: Hom. Il. VII, 315; XX, 495; Od. IX, 425, 238; XIV, 16; XIX, 420; Hom. hymn. Merc. 494. Apoll. Rhod. I, 905.

В *схолиях*: ἄρσεν· ἤτοι καθαρόν, ἄμεικτον.

μῶνος = μοῦνος = μόνος — частотность употребления всех трех форм одинакова. Ср.: V, 75; 132; VI, 93; 112.

Ἡρακλέης, ὁ вм. сокр. формы Ἡρακλῆς.

31 κτείς, κτενός, ὁ — гребень.

παγχρύσεος — весь золотой, цельнозолотой.

Ср.: Hom. Il. II, 448; Hom. hymn. IX, 4; XXVII, 5; Apoll. Rhod. IV, 120, 1397, 1434.

ἀποπέκομαι — причесываться — *неологизм*, образован, очевидно, от πέκω = πείκω — чесать, πέκομαι — чесаться (ср. лат. pecto).

χαίτη, ἡ — χαίτα, ἡ дор. — грива, вообще длинные волосы на голове; ср.: IV, 81, 297; V, 31; VI, 5; III, 76.

Возможные варианты: ἔθειρα, κόμη.

σμάομαι — натирать, умащивать, возможные варианты: τρίβω, χρίω.

В *схолиях*: σμασαμένα· σμηξαμένη.

λιπαρὸν... πλόκαμον — singularis pro plurali.

33 ἴλα, ἁ дор. = ἴλη, ἡ — группа, стая.

В *схолиях*: ἴλα· ἡ τῶν νυμφῶν φρατρία καὶ ἄθροισις.

πάρα — дор.

καταθύμιος — по душе, приятный, близкий сердцу; ср.: V, 69; ср.: Hom. Il. X, 383; XVII, 201; Od. XXII, 392.

34 Ἀρεστοριδᾶν дор. от Ἀρεστορίδας, ὁ — Аристорид, потомок

Арестора, отца Аргоса, как сообщает Ферекид, основателя Аргоса, аргивец — *антономасия. В схолиях:* Ἀρεστοριδᾶν· Ἀρεστορίδαι φυλὴ ἐπίσημος ἐν Ἄργει. Ср.: Apoll. Rhod. I, 112, 325. Возможный вариант: Ἀργεῖος.

35 ὠθάνα = ὦ Ἀθάνα; ср.: V, 51; 79; Ἀθαναία — V, 5; 16; 57; 96; 137; 33; 43; 55.

Ἀθάνα, Ἀθαναία — дор.

ἁ ἀσπίς = ἀσπίς, ἡ, возможный вариант σάκος.

Διομήδεος ἀσπίς — щит Диомеда. Диомед — герой, сын этолийского Тидея и дочери Адраста, царь Аргоса. В сражении под Троей выступал против Афродиты и Ареса. На щите Диомеда — изображение Афины. Он традиционно считался основателем многих ее храмов на Пелопоннесе и в Аттике. Почитался вместе с Афиной на Саламине (Apollod. I, 3, 4; I, 8, 5–6; III, 7, 2; III, 10, 8; Э. III, 12; IV, 2; 4–5; 7 и др.).

37 Εὐμήδης, ὁ — Евмед, жрец Афины.

В *схолиях*: Εὐμήδης· ποτὲ τῶν Ἡρακλειδῶν ἐλθόντων κατὰ τῶν Ὀρεστειδῶν Εὐμήδης, ἱερεὺς τῆς Ἀθηνᾶς, ὑπενοήθη ὑπὸ τῶν Ἀργείων ὡς βουλόμενος προδοῦναι τὸ Παλλάδιον τοῖς Ἡρακλείδας φοβηθεὶς οὖν ὁ Εὐμήδης ἔλαβε τὸ Παλλάδιον καὶ παρεγένετο εἰς τὸ ὄρος τὸ καλούμενον Ἰφείου.

ἱρεύς, ὁ = ἱερεύς; ср.: Hom. Il. V, 10; XVI, 604; Apoll. Rhod. II, 526; IV, 259.

Обращает на себя внимание, что здесь, в V гимне, употребляется ионийская форма — ἱρεύς.

τείν — дор. = σοι.

38 ποκα дор. = πότε — когда.

βωλευτός = βουλευτός — придуманный нарочно, устроенный; ср. Hom. Il. VI, 114: βουλευτῇσι; βωλευτὸν... θάνατον.

39 δᾶμος, ὁ дор. = δῆμος, ὁ — население, народ.

ἑτοιμάζω — приготовлять, изготовлять, организовывать. Ср.: Hom. Il. I, 118; XIX, 197; X, 571; Od. XIII, 184; Theocr. XXIV, 89; ἑτοιμάζοντα — дор.

φυγᾷ — дор. φυγᾷ... ᾧχετ'

40 ὀκχέω = ὀχέω — нести οἴχομαι... φεύγον.

В *схолиях*: ὤκχησεν ἀντὶ τοῦ ἐβάστασεν (βαστάζω — уносить, похищать)

ἱρός = ἱερός; ср.: V. 3: ἱερᾶν.

τεός, эп. ион. = σός.

Κρεῖον... εἰς ὄρος — Крейская гора, гора в Аргосе (Strab. VIII, 389).

Κρεῖον ὄρος: *повтор.*

41 ἀπορρώξ, ῶγος — обрывистый, крутой. В *схолиях*:

ἀπορρώγεσσιν... ἐν πέτραις ἐρρηγμέναις.

οὔνομα ион. = ὄνομα.

42 Παλλατίδες — *в схолиях*: οὕτω γὰρ καλοῦνται ἀπο τῆς Παλλάδος.

43 περσέπτολις — разрушающий города (Ср. Aesch. Pers. 65: περσέπτολις).

περσέπτολις наряду с эпитетом πολύπτολις (вместо известного πολύπολις) — *инновация* Каллимаха.

χρυσεοπήληξ = χρυσοπήληξ — в золотом шлеме; ср.: Hom. hymn. VIII, 1.

ἄδομαι дор. = ᾄδομαι.

44 πάταγος, ὁ — грохот, треск, шум; ср.: Hom. Il. XIII, 283; XVI, 769; XXI, 9, 387.

45 σάμερον = σήμερον— сегодня; ср.: Hom. — часто; Hom. hymn. Merc. 371; 466; Theocr. II, 147; XIV, 45 (σάμερον). У Каллимаха встречаются обе формы: σήμερον IV, 116; σάμερον — V, 47.

Трижды повторенное σάμερον в ст. 45, 47 — *параллелизм* и *анафора*.

ὑδροφόρος, ά — носящий воду, водонос, водоносица; ср.: Herod. III, 14, 4.

βάπτω — погружать, черпать; ср.: Hom. Od. IX, 392; Theocr. V, 127.

46 κράνα, ά = κρήνη, ἡ — родник, источник, ключ.

Ср.: V, 77; 71; 46 — везде дорийская форма ἀπὸ τῶ ποταμῶ — дор. = τοῦ ποταμοῦ.

47 δώλα, ά дор. = δούλη, δούλα = δοῦλος, ὁ — раб, рабыня; ср. VI, 95.

Ср. Hom. Il. III, 409; Od. IV, 12; Theocr. II, 94.

κάλπις, ἡ — кувшин; ср.: Hom. Od. VII, 20; Hom. hymn. Cer. 107; Apoll. Rhod. I, 1207, 1234; Theocr. V, 127.

Φυσάδεια, ά — Фисадея, источник в Аргосе. *В схолиях*: ἢ ἐς Φυσάδειαν ἢ ἐς Ἀμυμώναν· Φυσάδεια καὶ Ἀμυμώνη θυγατέρες Δαναοῦ, ὅθεν τὴν ὀνομασίαν ἔσχον αἱ κρῆναι.

Фисадея — сестра Перифоя, одна из дочерей Даная. Вместе с сестрой Эфрой была захвачена Диоскурами в плен и отдана в служанки Елене. Фисадея и Эфра, как служанки, последовали за Еленой в Трою (Гигин. Мифы. 79; 92).

Ἀμυμώνα, ά дор. — Амимона, источник в Аргосе (Apollod. II, 1, 5). Ср.: Eurip. Ph. 188–189: Ἀμυμωνίοις ὕδασι; Apoll. Rhod. I, 137. Во фрагментах (Call. fr. 66, 7) встречается форма Ἀμυμώνη, как привычное Ἰναχιώνη, Χιτώνη и т. д.

τὰν Δαναῶ — дор.

Амимона, одна из пятидесяти дочерей Даная, была послана отцом на поиски воды после их прибытия в Арголиду. В Арголиде стояла страшная засуха, так как Инах и другие реки Арголиды отказывались признать владычество Посейдона, за что тот наслал на страну такое бедствие. Амимона, метнув дротик, случайно попала в сатира, который пытался овладеть ею. Взмолившись Посейдону, Амимона спаслась от сатира, но не избежала самого Посейдона, который, однако, в награду выбил из скалы источник, который стал называться Лернейским.

50 Ἴναχος, ὁ — Инах, главная река Арголиды, впадает в Арголидский залив вблизи Аргоса; ср.: IV, 74.

φορβαῖος — ἅπαξ. Образован, возможно, от φορβή, ἡ (φέρβω) — питание, пища; ср.: Hom. Il. V, 202; XI, 562; Hom. hymn. Cer. 175.

Bredau[14] проводит такую параллель: νέμω > νομή > νομας > νομαῖος; возможно, и φέρβω > φορβή > φορβάς > φορβαῖος.

ἤξει дор. от ἥκω — ср.: VI, 123.

51 ἄγων от ἄγω — зд. приносить.

Πελασγός, ὁ = πελασγικός singularis pro plurali — поэт. аргосский, от Пеласга, мифического родоначальника древнейших жителей Эллады; ср.: IV, 284; VI, 25.

Ср.: Hom. Il. II, 840, 843; XVII, 288 (об обитателях Фессалии), X, 429 (об азиатских пеласгах), XVI, 233 (эпитет Зевса Додонского); II, 681 (об Аргосе), Theocr. XV, 142 (об Аргосе); Apoll. Rhod. I, 580; II, 1239 (о Фессалии).

52 φράζω — зд. внимательно осматриваться, остерегаться; ср.: II, 65; I, 57. Ср.: Hom. — часто, Od. XVII, 595: φράζεω; IV, 395: φράζευ и т. д. Hom. hymn. Ap. 326: φράζεο. Apoll. Rhod. I, 490; IV, 411. Конъектуры Мейнеке: φράζευ и φράσδευ.

βασίλεια, ἡ дор. = βασιλῆϊη, ἡ— ион.

53 γυμνός — голый, нагой, неодетый (γυμνόω).

Зд. γυμνάν — дор. Ср.: III, 214: γυμνός μαζός (об Антиклее).

Ср.: Hom. Il. XVII, 711; XVI, 815; Od. VI, 136; Apoll. Rhod. II, 707.

πολιοῦχος — владеющий городом, охраняющий город.

Ср.: Apoll. Rhod. I, 312: πολιήοχος; II, 846: πολισσοῦχος. Конъектура Мейнеке: πολιᾶχον. Ср.: у Пиндара πολιάοχε (Pind. O. V,10).

Πολιάς, Πολιοῦχος (городская) — часто встречающийся

14. F. Bredau. De Callimacho verborum inventore. Bratislava, 1892, p. 50.

эпитет Афины; соотносят обычно с эпитетом Зевса πολιεύς. Другие боги имеют такие эпитеты значительно реже. Как защитница города, Афина имела храм на городском акрополе: так было в Афинах, Левктах, Короне, Скепсисе, Акраганте и в других городах. В каждом городе речь шла о своей собственной, местной Афине.

54 τῶργος: τὸ Ἄργος — Аргос; ср.: V, 45; IV, 73; V, 140.

πανυστάτιος — ἄπαξ, обычная форма: πανύστατος — последний. Ср: μεσσάτιος: Hom. Od. XXIII, 547; IX, 452; Theocr. XXIII, 35; Apoll. Rhod. I, 1154; III, 268.

55 σύ = τύ регулярны для Каллимаха как одна, так и другая форма.

μέσφα = μέστα дор. — пред, до, пока; ср.: III, 195; IV, 47 — μέσφα; VI, 92, 111, 128 — μέστα. Ср.: ἄχρις и μέχρι.

57–136 мифологический рассказ об ослеплении Тиресия.

57–69 любовь Афины к нимфе Харикло.

57 ποκα = ποτε.

φίλατο эп. от φιλέω; ср.: III, 185: φίλαο. Ср.: Hom. Il. V, 61 ἐφίλατο; XX, 304: φίλατο и т. д. Theocr. XX, 1 φίλατο, часты формы: φιλᾶσαι φίλασε, φίλασεν, φιλάσω и т. д.

58 πέρι — превыше всего, весьма, чрезвычайно.

ἑτάρα, ᾱ дор. = ἑταίρη, ἡ. В V гимне везде дорийские формы: V, 69, 95, 119, в других гимнах: ἑταίρη (IV, 101), ἑτάραι (I, 46). В *схолиях*: ἑτάραι· φίλαι.

59 μάτηρ — дор. = μήτηρ. μάτηρ в: V, 94; 115; 134; VI, 75; 78; 83; 94; 108. В других гимнах — μήτηρ (III, 25; 66; 67; II, 20; 103; IV, 162; 190; 212).

Τειρεσίας, ὁ — Тиресий. Форма Τειρεσίαο у Гомера: Od. XI, 151; 479.

Тиресий (Τειρεσίας) — прорицатель из Фив, сын Эвера и Харикло. Происходил из рода спарта Удея и был лишен зрения. Причины его слепоты и происхождения дара прорицания объясняют по-разному. По одной версии, потому что открыл людям волю богов; по другой — его ослепила богиня Афина, брызнув водой в глаза, когда он увидел ее купающейся. Еще по одной версии ослепила его Гера. Когда Гера и Зевс в шутку поспорили, кто получает от афродитиных утех больше удовольствия, мужчина или женщина, судьей в этом споре они взяли Тиресия, который испытал и то, и другое (ударив посохом спарившихся змей, Тиресий превратился сначала в женщину, а потом, ударив в тех же змей на том же месте через 7 лет, превратился снова в мужчину). Тиресий подтвердил слова Зевса (Ovid. Met. III, 320–321):

Наслажденье ваше,
Женское, слаще того, что нам, мужам, достается.

Разгневанная Гера его ослепила за это, а Зевс решил, что он проживет 7 или 9 поколений и будет лучшим пророком из смертных. Так что Тиресий жил со времен Кадма до разрушения этого города эпигонами. После взятия Фив эпигоны посвятили его вместе с его дочерью Манто и другими пленными Аполлону Дельфийскому. Умер Тиресий по дороге в Дельфы. Манто по приказанию Аполлона была отвезена в Колофон в Малую Азию, где основала культ Аполлона Кларийского и вышла замуж за критянина Ракия, от которого родила Мопса. Тиресий и в подземном царстве носил свой золотой посох и один из всех теней сохранил разум и сознание. К нему Кирка послала Одиссея, чтобы он узнал о судьбе своих домашних и о том, возвратится ли он сам на родину (Hom. Od. X, 492).

Существовали оракулы Тиресия, где он предсказывал людям их судьбу, например, в Беотии (возможно, у источника Тильфуссы). Фиванцы в позднейшие времена показывали камень, на котором якобы восседала Манто, и место, откуда Тиресий наблюдал за полетом птиц (Apollod. II, 4, 8; III, 6, 7; 7, 3–4, 7; Э., 7, 17; 34).

οὔποκα = οὔποτε.

60 εὖτε — когда, в то время, как.

ἀρχαίων... ἐπὶ Θεσπιέων.

Θεσπιαί, αἱ — Теспии (или Феспии) — город в Беотии, на юго-восточном склоне Геликона, центр культа Афины. Ср.: Apoll. Rhod. I, 105–106: δῆμον... Θεσπιέ.

ἑῶ — gen. и dat. ἕως — утренняя заря, рассвет.

ἐπεβάσατο — дор. от ἐπιβαίνομαι — зд. посадить кого-либо на что-либо.

δίφρω дор. от δίφρος, ὁ — колесница.

ἑῶ ἐπεβάσατο δίφρω ср. с гомеровским: ἑοῦ δ' ἐπεβήσετο δίφρου (Hom. Il. VIII, 44; XIII, 26) и ἑοῦ ἐπεβήσετο δίφρου (Hom. Il. XXIV, 322).

61 Κορσιαί, αἱ — Корсии, город в Беотии, центр культа Афины.

Ἁλίαρτος, ὁ — Галиарт, город в Беотии, центр культа Афины.

Ср.: Hom. Il. II, 503; Hom. hymn. Ap. 243. В *схолиях*: Ἁλίαρτος· πόλις Βοιωτίας.

62 ἵππως — дор. Ср.: V, 71, 142.

διερχομένα — дор. от διέρχομαι — идти сквозь, проходить, пересекать. Ср.: VI, 26.

ἔργα Βοιωτῶν — поля беотийцев. Ср. III, 56.

63 πὶ = ἐπὶ.

Κορώνεια, ἡ — Коронея, город в Беотии. Ср.: Hom. Il. II, 503. В *схолиях*: Θέσπεια, Κορώνεια, Ἁλίαρτος πόλεις Βοιωτίας.

τεθυωμένον ἄλσος; ср.: Hom. Il. XIV, 172: τεθυωμένον. Hom. hymn. Ven. 63: τεθυωμένον. Ap. 184: τεθυωμένα.

64 Κουράλιος, ὁ — Куралий, река в Беотии. В *схолиях*: Κουραλίῳ· ποταμὸς Βοιωτίας.

65 ἁ δαίμων дор.

νίν дор. = μίν = αὐτήν.

66 ὄαρος, ὁ — разговор, беседа, речь; ср.: Hom. hymn. Ven. 249; XXIII, 3; Apoll. Rhod. III, 1102.

νυμφᾶν — дор.

χοροστασία, ἁ — хороводная пляска, хоровод; *неологизм*, встречается еще у Антипатра Сидонского (VII, 613; 6) и у Нонна (часто). Образован, очевидно, от χοροστάτις по модели διχοστασία, ψυχοστασία, προστασία, ἀκριστασία, ἀνεπιστασία.

67 ἁδεῖαι — к ἡδύς. Остальные случаи употребления: ἡδύν (II, 83), ἡδύ (IV,128; II, 4).

τελέθω — быть законченным, полным, зрелым, сделаться, стать, зд.: быть.

ὅκ' = ὅκα = ὅτε.

Χαρικλώ — Харикло, нимфа, дочь Аполлона, по Аполлодору (Apollod. III, 6, 7), — мать Тиресия. О ней Каллимах говорит только в V гимне. V, 103: δῖα γύναι; V, 119 ὦ ἑτάρα; V, 57 νύμφαν μίαν; V, 85 ἁ νύμφα; V, 93–94 ἁ... μάτηρ; V, 95 ἑταίραν; V, 59 ματέρα Τειρεσίαο. Ср. Pind. P. IV, 103; Apollod. III, 6; 7.

68 ἔτι — еще, все еще, зд. даже, в конце концов.

69 καταθύμιος — *близкий сердцу, дорогой, любимый*. Возможный вариант: ἐνθύμιος. Ср.: Hom. Il. X, 383; XVII, 201; Od. XXII, 392.

ἔσσαν — дор. от εἰμί.

70–84 сцена случайной встречи Тиресия с купающейся Афиной.

Рассказывая историю ослепления Тиресия, Каллимах как бы обыгрывает распространенный эпитет Афины — Ὀξυδερκής— имеющая острое зрение, зоркая, дальнозоркая. С глазами связаны также такие эпитеты богини: Ὀφθαλμῖτις (Paus. 3, 18, 2), Ὀπτιλέτις (от дор. ὀπτίλος — глаз) (Plut. Lycurg. 11); Ἀποσκοποῦσα (ἀποσκοπέω — смотреть издали или с высокого места); а также такие широко известные: Γλαυκῶπις (совоокая или светлоокая); Γοργῶπις (со странными глазами).

70 περόνη, ἡ — застежка. Ср.: Hom. Il. V,425; Od. XVIII, 293; XIX, 226; 256; Theocr. XIV, 66: περονᾶσθαι; XV, 21: περονατρίς; XV, 79: περόναμα; Apoll. Rhod. I, 567; II, 33; III, 833.

λυσαμένα дор. — редкий для Каллимаха случай: двойственное число. Возможные варианты: ἀναλύω, ὑπολύω.

71 κράνα, ά — дор. = κρήνη; ср.: V, 77: κράνας; V, 46: κρανᾶν.

В *схолиях*: ἵππω ἐπὶ κράνᾳ· οὕτω καλεῖται ἵππου κρήνη ἐν Ἑλικῶνι, ἣν ὁ Πήγασος τῇ ὁπλῇ πλήξας ἐπόησεν. Фактически Каллимах перефразирует название источника «Гиппокрена».

ῥεοίσᾳ — дор. от ῥέω.

καλά — в *схолиях*: καλά· ἀντὶ τοῦ καλῶς. Ср. I, 55: καλὰ μὲν ἠέξευ, καλὰ δ' ἔτραφες.

72 λῶντο — дор. от λούω в *схолиях*: λῶντο· ἐλυόοντο.

Дорийские формы от этого глагола встречаются еще: V, 73 (λοέσσα); VI, 12, 16 (λούσων); в других случаях обычные формы: V, 95 (λούσων), IV, 6 (λοῦσε); I, 17 (λοέσσαι); IV, 124 (λουσαμένας).

μεσαμβρινά — дор. fem. от μεσημβρινός. μεσημβρία — полдень, юг.

ἁσυχία дор. = ἡσυχία от ἡσύχιος — спокойный, мирный, тихий.

κατέχω — зд. — владеть, овладевать;

73 *анафора*: λώοντο — λῶντο; μεσαμβριναὶ... ὧραι — μεσαμβρινά.

ἔσαν дор. = ἦσαν.

74 ἁσυχία — дор. *анафора*.

τῆνο — дор. = ἐκεῖνο.

75 μῶνος дор. = μόνος; ср.: V, 132 — μώνα; VI, 112, 93: μῶνον наряду с обычными формами: V, 129: μόνος; V, 108 — μόνον и т. д.

76 περκάζω — чернеть, темнеть. В *схолиях*: περκάζων· ἤτοι μελαινόμενος ὑπὸ τῆς ἐκφύσεως τῶν τριχῶν — μελανίζων ἀναστρέφομαι.

ἀναστρέφομαι — переходить, переселяться, зд. прибывать.

Ср.: Hom. Od. XIII, 325–326: τιν' ἄλλην / γαῖαν.

77 διψάσας... ἄφατον τι ср. VI, 57: ἀφατόν τι κοτέσσατο (о Деметре).

κράνας — дор. констр: ποτί ῥόον... κράνας.

78 σχέτλιος — зд. несчастный, жалкий, возможные варианты: ἄλαστος, δειλός.

θεμιτός — правильный, дозволенный, законный.

ἀποισόμενον от ἀποφέρω — уносить.

ὀφθαλμώς — дор.; ср.: II, 52 ὀφθαλμόν, VI. 102: ὀφθαλμοῖσι.

81 Εὐηρείδης, ὁ — Эверид — *антономасия:* сын Эвера. Тиресий.

В *схолиях*: ὦ Εὐηρείδα· Εὐήρους υἱὸς ὁ Τειρεσίας; ср.: Theocr. XXIV, 71: μάντι Εὐηρείδα.

ἄγαγε дор. от ἄγω.

Ср.: VI, 17: ἄγαγε, а в IV, 305: ἤγαγεν.

ἁ — дор. = ἡ, ἔφα дор. = ἔφη.

ὄμματα νύξ ἔλαβεν — *метафора.*

83 ἑστάκη — дор. от ἵστημι.

ἄφθογγος — безмолвный, бессловесный, немой; ср.: Hom. hymn. Cer. 198, 282: ἄφθογγος γένετο.

ἁνία, ἁ дор. = ἡνία, ἡ — вожжа, повод; ременная шнуровка; ἀνῖαι — горе, печаль.

κολλάω — приклеивать, прикреплять; *склеивать, скреплять, связывать воедино — метафора.*

84 ἀμαχανία дор. = ἀμηχανίη, ἡ — недоумение, смущение, затруднительное положение, бедственное положение.

φωνά, ἁ дор. = φωνή; ср. Hom. Od. IX, 295: ἀμηχανίη δ' ἔχε θυμόν.

85–106 *Горестные сетования Харикло и утешение Афины.*

85 νύμφα, ἁ дор. = νύμφη, ἡ.

κῶρον дор. к κοῦρος, ὁ; возможные варианты: παῖς, τέκνον.

Ср.: Theocr. I, 47, XII, 1; XV, 120; XIII, 53; Apoll. Rhod. I, 508; III, 118.

ῥέζω — делать, совершать; зд. приносить в жертву.

87 τῶ παιδός дор.

ἄλαστος — отягощенный проклятием, возможные варианты: δειλός, σχέτλιος. В *схолиях*: ἄλαστε· ἤτοι ἀνεπίληστα ὑπομείνας. В *словаре «Суда»*: ἄλαστε· ἀνεπίληστε.

88 λαγών, ἡ — бок, пах λαγόνας Ф. Лапп[15] рассматривает это словоупотребление как *эвфемизм*, подразумевающий эротический подтекст.

89 ἀέλιος дор. — ἠέλιος = ἥλιος; ср.: VI, 91: ὡς ἀελίῳ ἔνι πλαγγών.

ὤ ἐμὲ δειλάν — о, я несчастная! Ср.: III, 255: δειλός; IV, 241: δειλαί

90 πάρειμι > παριτέ ср. εἶμι. В *схолиях*: παριτέ· παραβατέ, παροδεύσιμε

91 ἐπράξαο от πράσσομαι — зд. получать, приобретать.

15. F. Lapp. op. cit. S. 22.

92 φάος, τό — свет; *метафора* pl. — глаза; возможные варианты: ὄμμα, ὀφθαλμός.

ὀλέσσας — от ὄλλυμι; ср.: ἀπόλλυμι; ср.: Hom. hymn. Ap. 156: ὀλεῖται; Cer. 310: ὄλεσσε Theocr. II, 53; IV, 52; XXIII, 45; XXIV, 29; XXV, 167; XXVII, 10, 31; Apoll. Rhod. I, 60; IV, 1036; III, 125.

93 ἀμφοτέραισι подразумевается χερσί.

περιλαμβάνω — обхватывать, обнимать.

περι... λαβοῦσα — дор.

94 γοερός — печальный; γοερᾶν — дор.

οἶτος, ὁ — зд. плач, вопль.

95 κλαίοισα — дор. форма причастия.

ἐλεέω — иметь сострадание, сочувствовать, жалеть.

У Гомера — часто; Hom. hymn. Ven. 210; VII, 53; Theocr. VII, 119.

96 νιν дор. = μιν.

97 μετα... βαλεῖ от μεταβάλλομαι — зд. изменять мнение, образ действий.

μετα πάντα βαλεῖ — в *схолиях*: τὸ ἐξῆς· μεταβαλεῖ.

ὀργή, ἡ — гнев, здесь дор. ὀργάν, хотя в других гимнах встречаются обычные формы. Ср. III, 124: ὀργήν IV, 221: ὀργῆς.

98 ἀλαός — незрячий, слепой; возможный вариант: τυφλός.

πέλω — оказываться, находиться, быть. Ср.: VI, 52.

100 λέγοντι — дор. от λέγω.

Κρόνιοι... νόμοι — Кроновы законы, т. е. законы, установленные в глубокой древности; гесиодовский мотив.

101 ἀθρήσῃ от ἀθρέω — внимательно наблюдать, пристально глядеть, рассматривать; ср.: Hom. hymn. Merc. 29: ἀθρήσας; 414. Возможный вариант: ὁράω.

ὁκα = ὅτε; ср.: V, 7, 18, 67; VI, 6, 9, 31, 113.

102 μισθῶ дор. от μισθός, ὁ — плата.

μισθῶ... μεγάλω — вместо: глаза Тиресия; *метафора*.

103 δῖα γύναι — *повтор*. См. ст. 97.

παλινάγρετος — могущий быть снова пойманным.

Ср.: Hom. Il. I, 526: ἔπος οὐ παλινάγρετον. Theocr. 28: νεότατα δ' ἔχην παλινάγρετον / οὐκ ἔστι; Apoll. Rhod. II, 444: τὸ μὲν οὐ παλινάγρετον.

104 Μοιρᾶν — дор. = Μοῖρα, ἡ; ср.: III, 22: Μοῖραι; IV, 165: Μοιρέων.

ἐπέννησε от ἐπινέω — прясть, готовить в удел, назначать, предопределять. Ср.: ἐπικλώθω Hom. Il. XX, 128; XXIV, 210 (τῷ ὡς ποθι Μοῖρα γεινομένῳ ἐπέννησε λίνῳ).

105 ἀνίκα дор. ἡνίκα — в то время, когда; ср.: ἡνίκα: III, 170; IV,

51; III, 231; IV, 176; IV, 83, 107 ἀνίκα: VI. 21.

πρᾶτον, τό = τὸ πρῶτον; ср.: VI, 19. 39: πρατα.

106 ὦ Εὐηρείδα — *антономасия.*

τέλθος, τό — долг, платеж, *неологизм.* В *словаре Гезихия:* τέλθος· χρέος. Ср.: VI, 77: τέλθος... ἑκατὸν βόας.

107–118 Эпизоды с Аристеем и Актеоном.

107 Καδμηίς, ἡ = Кадмеида — *антономасия*: дочь Кадма Автоноя. Ее сын Актеон, страстный охотник, погиб от собственных собак, поскольку, по одной из версий, был превращен Артемидой в оленя, когда увидел ее купающейся (Apollod. III, 4, 4).

ἔμπυρος — горящий, связанный с огненным жертвоприношением.

Ἀρισταῖος, ὁ — Аристей, сын Аполлона и Кирены, супруг Автонои.

109 ἁβατας, ὁ = ἠβητής = ἠβητήρ, ὁ — юноша, отрок. *В схолиях:* ἁβατάν· ἠβητήν. Ср.: Hom. hymn. Merc. 56 (ἠβητής).

110 σύνδρομος, ὁ — спутник. Ср.: Pind. P. IV, 208; Theocr. XIII, 22; Apoll. II, 346.

ἐσσεῖται — эп. дор. 3 л. Sing. fut. к εἰμί.

111 ὁ δρόμος — *метафора.*

112 ἑκαβολία дор. от ἑκηβολίη, ἡ — зд. *метафора.*

Ср.: II, 99: ἑκηβολίην... τόξων; ср. эпитет Аполлона — ἑκηβόλος.

τᾶμος дор. = τῆμος — тогда, в то время, зд. = ὁππόταν.

Ср.: IV, 147; 106; III, 80: τῆμος.

ῥυσεῦνται дор. от ῥύομαι — удерживать, задерживать.

113 ὁππόκα — дор. = ὁππόταν; ср.: Theocr. XXIII, 36.

114 τὸν πρὶν ἄνακτα; ср.: III, 144; V, 6; IV, 321.

115 τουτάκι(ς) — тогда, до тех пор; ср.: VI, 32; I, 44; V, 115. В *схолиях:* τουτάκι· τηνικαῦτα.

δειπνησεῦντι дор. от δειπνέω.

116 λέγομαι зд. собирать. λεξεῖται дор.; ср.: ἐπιλέγω, συλλέγω, ἐγκαταλέγω.

Ср. δρυμώς дор. от δρυμός, ὁ — роща.

δρυμὼς πάντας ἐπερχομένα; ср.: Theocr. I, 72; III, 16; I, 117 — δρυμώς XIII, 67 — δρυμοῦς; Apoll. Rhod. III, 581; IV, 1684.

117 ὀλβίσταν дор. от ὄλβιος — счастливый.

εὐαίων — удачливый, счастливый; ср.: IV, 292. В *схолиях:* εὐαίων δὲ ἡ μακαρία.

ἀλαός — слепой.

119–130 Дарование Тиресию пророческого дара.

119 *μινύρομαι = μινυρίζω* — жалобно стонать, печально напевать.

Ср.: Hom. Il. V, 889: μινύριζε; Od. IV, 79 — μινύριζον.

В *словаре Гезихия*: μινύρονται· προφωνοῦσι, προλέγουσι.

120 μενεῦντι дор. = μενοῦσι от μένω; ср.: III, 78; V, 68; IV, 119; IV, 118.

ἐξεμέθεν от ἐγώ; ср. IV, 124; 268 с предлогом ἀπό; IV, 151 с пред. εἵνεκα; IV, 204 с пред. εἰς.

τεῦ = σοῦ (имеется в виду Харикло).

121 θησῶ дор. от τίθημι; ср.: VI, 54: θησεῖ. Возможные варианты: ἄγω, ποιέω, τεύχω.

θησῶ... μάντιν... ἀοίδιμον.

μάντις, ὁ встречается еще: II, 45; IV, 189 — применительно к Аполлону; ср.: Theocr. III, 43; VI, 23; X, 18; XXIV, 65; Apoll. Rhod. III, 932; IV, 258.

ἀοίδιμος — воспетый, прославленный, славный; ср.: Hom. Il. VI, 358; Hom. hymn. Ap. 299; Theocr. XIII, 9; Apoll. Rhod. IV, 1143. Возможно, скрытая цитата из Гомера: ἀοίδιμοι ἐσσομένοισι.

οἱ ἐσόμενοι — потомки; ср. IV, 188: ἐσσόμενε (о Птолемее).

По мифу, Афина коснулась глаз Тиресия руками и ослепила его, но, тронутая мольбами Харикло, настолько изощрила его слух, что ему стал понятен язык птиц. Она же дала Тиресию кизиловый посох: неся его в руках, он шел так же уверенно, как и зрячие (Apollod. III, 6, 7).

122 περισσότερον — от περισσός — и περισσοτέρως — больше, сильнее, обильнее; περισσότερον... τῶν ἄλλων.

123 γνωσεῖται дор. от γιγνώσκω; в ер. XV, 1 — ἐπέγνων; ср. V, 38: γνούς.

ὄρνιχας дор. от ὄρνις, ὁ — птица; ср. IV, 252: ὄρνιθες. В *схолиях*: ὄρνιχας· ὄρνιθας.

αἴσιος — счастливый, предвещающий счастье, благоприятный; зд.: *singularis pro plurali*. Возможный вариант: ἀγαθός.

124 ἤλιθα от ἠλίθιος — напрасный. В *схолиях*: ἤλιθα· μάτην.

πολλὰ... θεοπρόπα... χρησεῖ.

125 θεοπρόπος, ὁ — объявивший волю богов, прорицатель, предсказатель; как *прилагательное* — пророческий; ср.: IV, 305: θεοπρόπος.

Ср.: Hom. Il. I, 87, 385 и т. д. — θεοπροπία Hom. Il. I, 85; VI, 438 — θεοπρόπιον.

Тиресий предсказал Кадму и его внуку (по другой версии — сыну) Пенфею, что непочитание Диониса может привести к страшным последствиям. Кадм внял предсказаниям и присоединился к сторонникам нового культа, а Пенфей

был растерзан собственной матерью в приступе вакхического неистовства.

126 χρησεῖ дор. к χράω — прорицать.

Λαβδακίδας— *в схолиях:* τοῖς περὶ Οἰδίποδα καὶ Ἰοκάστην. Тиресий — важнейший персонаж в мифе об Эдипе. Он открыл Эдипу, что тот убил собственного отца и женился на собственной матери. Во время осады Фив войском «семерых» он предсказал Креонту, что единственным средством спасти город будет добровольное принесение себя в жертву кем–то из знатных фиванских юношей. Им оказался сын Креонта Менекей. Атака «семерых» была успешно отражена. После смерти Полиника Тиресий настаивал на захоронении его тела и недостаточно охотное повиновение Креонта стоило ему жизней жены, сына и племянницы. Затем Тиресий предсказал фиванцам падение города и посоветовал вывести жителей под покровом ночи (Apollod. III, 7, 3).

127 βάκτριον ὁ — палка, посох.

ὁ... ἀξεῖ — *метафора*; ср. у Гомера о Тиресии (Hom. Od. XI, 91): χρύσεον σκῆπτρον ἔχων. Ср.: Theocr. XXV, 207.

128 βίοτος, ὁ = βίος.

βιότω дор. = βιότου.

τέρμα, τό — граница, предел, конец.

129 εὐτε = ὅτε.

130 φοιτάω — бродить, скитаться, блуждать; φοιτασεῖ дор. = φοιτάσει.

πέπνυμαι — быть одушевленным, разумным.

νέκυς, ὁ — мертвый, умерший.

130 τίμιος, 3 (τιμή) — зд. почтенный, уважаемый.

Ἀγεσίλας, ὁ = Ἀγησίλαος; Ἀγησίλα — дор.

В *схолиях:* Ἀγεσίλᾳ· τῷ Πλούτωνι, τῷ Ἅιδῃ.

Большой Этимологик: Ἀγεσίλαος· ἐπώνυμον τοῦ Ἅδου... εἴρηται δὲ παρὰ τὸ ἄγειν τοὺς λαούς· ἄρχει γὰρ τῶν θανόντων.

В *словаре Гезихия:* Ἀγεσίλαος· ὁ Πλούτον.

Эпитет владыки подземного царства, означает «вождь народов». Обычно греки избегали называть это божество по имени. Считается, что Аид почти не фигурирует в греческих культах, впоследствии его культ был объединен с культом Плутона, Плутоса, древним божеством плодородия.

131–136 клятва Афины.

131 ὥς φαμένα дор. форма от φημί.

Также дорийские формы: V, 82: ἔφα; VI, 45: φᾶ; VI, 52: φαντί; VI, 53: ἔφα. Ср. также: φασί — I, 6; III, 210; ἔφη — IV,

99; φάτο — I, 28; φάντο I, 61; φατόν — IV, 60.

κατανεύω — зд. кивать головой в знак согласия, соглашаться, обещать. Возможный вариант: ἐπιπνεύω.

ἐντελής, 2 — совершенный, безукоризненный, отличный, полный. τὸ δ' ἐντελές, ᾧ κ' ἐπινεύσῃ Παλλάς

κ' = κε = ἄν.

132 μώνᾳ... Ἀθαναίᾳ — дор.

Ср.: V, 29: μῶνον; V, 75: μῶνος; VI, 93: μῶνον VI, 112: μῶνον в то же время: IV, 131: μόνος; V, 108: μόνον; III, 35: μόνην; II, 30: μόνον и т. д.

τόγε = ὅγε.

133 Ζεὺς... δῶκεν... μώνᾳ... θυγατέρων Ἀθαναίᾳ... τόγε... φέρεσθαι... πατρώια πάντα.

135 κορύφα дор. = κορυφή, ἡ — голова.

134–136 согласно наиболее древнему варианту мифа о рождении Афины, Зевс родил Афину самостоятельно, из собственной головы. Об этом совершенно отчетливо говорится в «Теогонии» Гесиода (Hesiod. Teog. 924–928). Это рождение Афины имеет много параллелей в мифах других народов: боги рождают детей из бедра, из подошвы ноги, из слюны и т. д[16]. Здесь, скорее всего, намек на этот миф.

136 φεῦδος, τό — ложь, вымысел, обман.

ἀλαθεύω = ἀληθεύω —быть правдивым, говорить правду, истинно.

137–140 эпифания Афины.

137 κώρα дор. = κόρη; ср.: V, 27: κῶραι; VI, 9: κώρας.

А также: IV, 67: κόρη III, 40, 207; IV, 232: κούρη; III, 216: κούρην III, 203: κούρης III, 234: κούρης Ср.: Theocr. XXVII, 52: κῶρα φίλα.

137–139 возможно, описываются реальные элементы ритуала.

138 τᾶργον = Ἄργον; ср.: V, 54: τᾶργος.

139 εὐαγορία, ἀ дор. — похвала. В *словаре Гезихия*: εὐηγορία· καλολογία, καλορρημοσύνη.

Ср.: Pind. Pal. II, 67; XIII, a 8: εὐαγορέω.

Pind. κακογορία, μακραγορία; Herod. ἰσηγορίη, κατηγορίη; Eurip. νυκτηγορία; Plat. λημηγορία..

εὔγμα, τος, τό — похвальба, хвастовство, молитва, просьба.

ὀλολυγή, ἡ — крик, вопль. *В схолиях*: ὀλολυγαῖς· εἰχαῖς.

Ср.: IV, 258: ὀλολυγήν.

140–142 концовка гимна.

140 κάδω дор. = κήδω — озабочиваться. *В схолиях*: κάδευ· κήδου.

16. Подробнее см.: А. И. Зайцев. Греческая религия и мифология..., с. 113–114.

Ср.: III, 231: κήδειν. Возможный вариант: μέλομαι.

141 ἐς... ἐλάσσαις. от ἐσελαύνω — гнать в..., направлять.

Ср.: III, 141: ἐλαύνεις; V, 61: ἐλαύνοι VI, 81: ἤλασε.

142 ἵππως— дор. = ἵππους.

σάω дор. от σῴζω; ср.: VI, 134: σάω наряду с: IV, 151: σῴζεο.

IV, 22: *σαοῖ* III, 197 : ἐσάωσαν.

κλᾶρον дор. от κλῆρος, ὁ — жребий, наследство; зд. надел, земля, владение.

VI. ГИМН «К ДЕМЕТРЕ»

ПРЕДИСЛОВИЕ

Последний в собрании каллимаховских гимнов — гимн «К Деметре» написан, по мнению ряда исследователей, между 258–248 гг. до н. э. Если принять во внимание, что в сороковые годы (246 или 243/240 гг. до н. э.) Каллимах скончался, то, возможно, VI гимн — это последнее или одно из последних произведений поэта.

Написание гимна, скорее всего, приурочено к завоеванию Птолемеем III Карии и имело целью укрепление его авторитета в провинциях (в гимне упоминаются Книд и Триопа — карийские города — VI, 24 и 30; Эрисихтон — герой мифологического рассказа, сын Триопа).

«Описательная» ситуация гимна не позволяет дать положительную локализацию гимна: вступительные и заключительные стихи гимна представляют процессию в честь Деметры, но сказать определенно, для какого празднества был написан гимн — для карийского, александрийского или какого-либо другого — весьма затруднительно. Наиболее убедительной представляется точка зрения, высказанная Г. Гертером[1], что VI гимн написан для александрийского праздника; это мнение все больше находит доказательств.

Греки отмечали многие празднества, посвященные разным богам; чаще отдельные города или области (скажем, дорийские, ионийские и т. д.) чествовали того или иного бога. Но, безусловно, общегреческими праздниками, самыми распространенными, были в честь богини плодородия — Деметры. Само имя богини — Δημήτηρ — означает «Земля-мать» (или, по другой версии, первая половина имени связана с критской формой названия ячменя или полбы — δηαί = ζειαί, ζεαί)[2]. Самыми почитаемыми праздниками в честь богини были Фесмофории и Элевсинские мистерии, где культ Деметры связан с культом ее дочери Персефоны — Ко-

1. H. Herter. Kallimachos aus Kyrene// P. W. R. E. Suppl. 5. Stuttgart, 1931. p. 457.
2. А. И. Зайцев. Греческая религия и мифология..., с. 130.

ры — Персефатты — Прозерпины. Похищение Персефоны Аидом[3], поиски Деметрой дочери и наступившее вследствие этого бесплодие земли, наконец, обретение ее, но не навсегда, а на определенный срок — такова основная фабула мифа. Наиболее древнее и подробное изложение мифа содержится в знаменитом гомеровском гимне «К Деметре», созданном, скорее всего, в VII в. до н. э. Миф объясняет культовую связь Матери с Дочерью, историю основания этого культа в Элевсине: здесь богиня смягчила свой гнев (в результате возобновилось плодородие полей), здесь она научила первого из людей — Триптолема — хлебопашеству, и здесь она сама установила свои мистерии (гомеровский гимн «К Деметре», 476–479; пер. В. Вересаева):

Жертвенный чин показала священный и всех посвятила
В таинства. Святы они и велики. Об них ни расспросов
Делать не должен никто, ни ответа давать на расспросы.
В благоговенье великом к бессмертным уста замолкают.
Счастливы те из людей земнородных, кто таинство видел.

Первой части культа — достижению плодородия — были посвящены широко празднуемые во всех городах Греции — Фесмофории; второй части — достижению духовного прозрения — таинственные Элевсинские мистерии. Каллимах, создавая свой VI гимн, контаминирует те и другие празднества[4]. Во введении он описывает ритуальное шествие с калафом (корзиной) Деметры — это часть Элевсинских мистерий; и в то же время упоминает о странствиях Деметры, Триптолеме, плодородии и т. д. — т. е. о том, что составляло часть Фесмофорий.

Фесмофории[5] были основным праздником, призванным обеспечить плодородие полей и сопровождались определенными магическими ритуалами, которым научила людей са-

3. Мотив похищения Персефоны у Овидия: Ovid. Met. V, 341–661; Fast. IV, 393–620.

4. Ср.: в свое время У. фон Виламовиц высказывал мнение, что VI гимн — продукт компиляции. См.: U. von Wilamowitz-Moellendorff. Hellenistiche Dichtung in der Zeit des Kallimachos, 2. Aufl. Berlin, 1962. S. 41.

5. Подробнее см.: А. И. Зайцев. Греческая религия и мифология.., с. 130–145, также: К. Кереньи. Элевсин. Архетипический образ матери и дочери. М.: Рефл.-бук, 2000.

ма богиня. Сначала — в летние месяцы, в праздник Скирофорий, приносились в жертву свиньи, которые сжигались, а остатки их прятались под землю в подвалах святилища Деметры. (Свинья считалась в Греции символом плодородия; по другой версии, свиньи приносились в жертву, потому что на месте похищения Персефоны Аидом оказался свинопас Евбулей, и когда Аид похитил Персефону, по его велению земля поглотила Евбулея и его свиней). Туда же — в подвалы — бросали сделанные из теста изображения фаллосов и змей, а также ветки пиний с шишками. В самый праздник (он справлялся осенью) полусгнившие остатки (они, по-видимому, назывались θεσμοί) извлекались, обмывались, клались на жертвенник Деметры и после этого смешивались с семенами. В празднике Фесмофорий предпочиталось исключительное участие женщин: в Афинах женщины в течение трех дней в шалашах оставались на Пниксе: ложась спать, они подстилали особое растение, которому приписывались религиозно-очистительные свойства. Все обряды, направленные на обеспечение успеха в земледелии, совершались женщинами.

Каллимах в своем гимне все подробности празднества Фесмофорий опускает; он лишь мельком вспомнит о блужданиях Деметры, достаточно обобщенно скажет о Триптолеме, но, что существенно и очень важно, описывая процессию с калафом, он намеренно (и несколько раз) подчеркивает участие в ней исключительно женщин.

Фесмофории тесно примыкали к Элевсинским мистериям. Большие Элевсинские мистерии справлялись осенью и начинались с того, что ἱερά «святыни» (какие, мы не знаем) доставлялись из Элевсина в Афины в специальных вместилищах и совершалась так называемая πρόρρησις (букв. «предварительное оповещение»). Этот обряд заключался в том, что два главных жреца — иерофант (т. е. «показывающий святыни») и дадух (т. е. «держащий факел») объявляли собравшимся, что к мистериям не допускаются варвары и убийцы. (Первые потому, что ритуальные формулы требовали понимания их по-гречески; вторые из-за соблюдения ритуальной чистоты). Позднее требование ритуальной чистоты понималось расширительно и вошло в официальную формулу. На следующий день после πρόρρησις мисты отправлялись на берег моря и там совершали очистительные омовения.

На десятый день процессия отправлялась в путь из Афин в Элевсин с радостными криками ἴακχε, ἴακχε. Смысл этих возгласов уже давно был непонятен, позднее они стали ассоциироваться с фигурой Иакха — подателя богатств.

Иакх также имеет прямое отношение к мифологии Деметры. Помимо Персефоны от Зевса Деметра родила Иакха (Arist. Ran. 338–402). Иакх обычно является ипостасью Диониса или Вакха, но существует также и отдельно как сын Деметры или Персефоны и Диониса (пара Дионис — Иакх в Элевсинских мистериях соответствовала женской паре: Деметра — Персефона). Вообще Иакх считается божеством сравнительно позднего происхождения. Имя, вероятно, происходит от крика участников процессии «Ἴακχ' ὦ Ἴακχε» (ср.: Eur. Cycl. 69; Plut. Alc. 34). Геродот (Herod. 8, 65) описывает впечатление от ликующей песни хора мистов во время греко-персидских войн; казалось, пишет Геродот, что это голос самого божества, которое идет из Элевсина на помощь афинянам и их союзникам; и тогда путники поняли, что флоту Ксеркса предстоит гибель.

В пути можно было пить только кикеон — смешанный напиток, изготовлявшийся из ячменя, воды и мяты.[6] Достигали Элевсина к ночи и там совершались главные церемонии, о которых мы меньше всего знаем: к тайным церемониям допускались только лица, прошедшие предварительное посвящение, и на которых накладывалась обязанность хранить молчание. По всей видимости, главным в мистериях было ἐποπτεία «созерцание», то, что там совершалось, подразделялось на три рода действ: δεικνύμενα — «нечто показываемое», δρώμενα — «совершаемое» и λεγόμενα — «произносимое» (*какие-то словесные формулы*)[7]. Самым важным в церемонии было δεικνύμενα («показываемое»). Это основная часть мистерий совершалась во внутреннем святилище — Телестрионе[8]. Что же созерцали мисты? На этот счет есть

6. В некоторых реконструкциях элевсинских мистерий считается, что кикеон пили после того, как процессия прибудет в Элевсин, после исполнения ритуальных танцев.

7. Подробнее: Плутарх. Об Исиде и Осирисе. Пер. Н. Н. Трухиной. ВДИ, 1977, с. 352.

8. Греческий археолог Георгиос Милонас, который последним вел раскопки в Элевсине и пользовался непререкаемым авторитетом, считает итоги раскопок на священном участке скудными, хотя там был перевернут каждый

лишь очень противоречивые свидетельства поздних авторов. Наиболее надежной, по-видимому, подлинной формулой являются слова Климента Александрийского (Propterikus 2. 21):

«Я постился, выпил кикеона, взял из ящика, сделав, спрятал в корзину, а из этой корзины в ящик» [9]. Что за предмет, с которым совершались некие манипуляции — вопрос спор-

камень, священное празднество и его культовый смысл остались неведомы. «С ранней юности, – пишет он, – я пытаюсь доискаться, что же там некогда происходило. Надежды таяли одна за другой, потому что каменных свидетельств *не было. Много ночей я стоял на ступенях Телестриона, купаясь в волшебно*-серебряном сиянии луны, и надеялся услышать голос посвященных, надеялся, что человеческая душа все же сумеет уловить искорку сокрытого от рассудка. Увы! Древность упорно хранит свою тайну; Элевсинские мистерии разгадать невозможно». G. E. Mylonas. Eleusis and the Eleusinian Mysteries. Princeton, 1961 – цит. по: Дитер Лауэнштайн. Элевсинские мистерии. М.: Энигма, 1996, с. 34.

9. Некоторые ученые считают, что слова, передаваемые Климентом Александрийским, были не только сакральной формулой, но и служили мистам неким паролем, по которому они узнавали друг друга. Вот эти слова: «ἔπιον τὸν κυκεῶνα· ἔλαβον ἐκ κίστης· ἐργασάμενος ἀπεθέμην εἰς κάλαθον καὶ ἐκ καλάθου εἰς κίστην». Иногда слова Климента Александрийского растолковывают так. В преддверии главного святилища мисты обнаруживали старую жрицу Деметры, которая, подобно своей богине, сидела на корзине (κίστη). Как только мисты переступали порог, жрица вставала, открывала корзину и знаком велела первому что-то достать. Мист вынимал некий предмет из корзины, переворачивал и видел, что у него в руках. Жрица направляла его в священный покой, где в полумраке стояла молодая жрица Гекаты, которая на этом *празднике одновременно являлась Корой. Она держала на голове маленькую* корзину – κάλαθος. Когда входил мист, она снимала корзину и показывала ему – там пусто. Жестом она приказывала положить туда нечто, затем ставила корзину на голову, некоторое время серьезно смотрела на миста, опять снимала корзину, велела ему вытащить содержимое и уходить. За дверью этот предмет снова клали в корзину Деметры, на которую опять усаживалась старуха жрица (подробнее см.: Д. Лауэнштайн. Элевсинские мистерии..., с. 196).

Ср. также: Мирча Элиаде пишет: «Некоторые ученые считают, что им *удалось определить содержимое корзины и сундука: там находится либо по*добие утробы, либо фаллос, либо змея, либо булки в форме гениталий. Ни одна из гипотез не убедительна. Возможно, указанные вместилища содержали в себе реликвии из архаичных времен, связанные с типичной для земледельческих общин сексуальной символикой». (Мирча Элиаде. История веры и религиозных идей; т. 1. От каменного века до Элевсинских мистерий. М.: Критерион, 2002, с. 271).

Кроме того, известно, что в одну из праздничных ночей драматически представлялось похищение Плутоном Персефоны, которую изображала жрица Деметры. *При этом мисты носили корзины с цветами (воспоминание о* том, что Персефона была похищена при собирании цветов. (В. В. Латышев. Богослужебные и сценические древности. Под научной ред. Е. В. Никитюк. Общая ред. Э.Д.Фролова. СПб.: Алетейя, 1997, с. 207).

ный; среди самых разных точек зрения, возможно, заслуживает доверия гипотеза, что этим предметом мог быть колос, символизировавший круговорот рождения и смерти[10].

Исократ в своем панегирике Афинам (IV, 28) упоминает два дара Деметры: хлебные злаки и Элевсинские таинства, «приобщение к которым дает надежду на вечную жизнь после смерти». Участие в мистериях (особенно в главной ее части — δεικνύμενα) гарантировало жизнь без страха смерти, на посвященных смотрели как на стоящих намного выше других смертных. Этот дар могли разделять все греки, фактически все говорящие на греческом языке — критерием служил язык. В гимне «К Аполлону» у Каллимаха есть строка, которая может служить аксиомой Элевсинских мистерий: «Тот, кто бога узрит, велик, а кто не узрит, тот жалок» (II, 10). Чтобы увидеть «δεικνύμενα», в Телестрион входила не вся процессия, а только те, кто принес специальные дары и подготовил себя постом. Пост длился девять дней — именно столько дней блуждала Деметра в поисках дочери.

Известно, что хотя Птолемеи были истыми македонцами, не только греческая образованность, но и греческая духовная жизнь — греческие культы, религия и т. д. обращают на себя их самое пристальное внимание. Из Тацита (Tac. Hist. IV, 83) и других источников известно, что Птолемеи считали исключительно важным, чтобы их подданные греческого происхождения имели в Александрии, подобно афинянам, свой Элевсин. Именно это название было присвоено пригороду Александрии, где некоторое время учительствовал Каллимах[11]. При дворе Птолемея Лага религией ведал Тимофей из рода Эвмолпидов, приглашенный царем из афинского Элевсина. Он руководил религиозной жизнью, которая удовлетворяла потребностям греко-египетского государства. Вероятно, результатом его деятельности было создание в Элевсине Кореиона, храма Персефоны. Как сообщает Страбон (Strab. XVII, 16), храм находился между кварталом, где проживали, в основном, гетеры, и гробницами Хадры, где хоро-

10. А. И. Зайцев. Греческая религия и мифология. Курс лекций под ред. Л. Я. Жмудя. СПб.: Филологический факультет, 2004, с. 143.

11. Иногда считают, что Элевсин Александрийский существовал уже с 332 г. до н. э.

нили прибывших в Александрию и умерших здесь религиозных эмиссаров из Греции. (Возможно, позднее — об этом говорит Астерий, епископ Амасейский, автор начала V в., был второй храм Фесмофорион — храм Деметры).

Египетский Элевсин, конечно, во многом отличался от строгого афинского Элевсина. Если в аттическом Элевсине главный акцент в ритуале делался на духовной мистицизм, в Александрии строгость и серьезность ритуального действа были значительно снижены. Возможно, в александрийском Кореионе элевсинские обряды были заменены театральными представлениями, которые выдавались за элементы элевсинских мистерий[12]. Не писал ли Каллимах свой VI гимн к одному из таких представлений? Или — что еще более вероятно — одну из таких постановок отражает VI гимн. Позднее высказывалось предположение, что александрийские Мать и Дочь были защитницами девушек, любовь которых не скреплялась патриархальными узами брака. Но, как пишет А. И. Зайцев[13], все эти свидетельства «резко тенденциозны и отмечены духом стремления к сенсации. Климент Александрийский и Ипполит, Тертуллиан и Астерий, словно соревнуясь, приписывают мистериям различные нелепости и непристойности».

В Александрии элевсинские обряды не защищались обетом молчания. Лукиан (Luc. Alexander sive Pseudomatis, 39) описывает некоего Александра из Абонстиха, который якобы сам придумывал некие «мистерии», которые разыгрывались в течение трех дней. Единственное, что напоминало у него настоящий аттический Элевсин, это явление в финальной сцене героя в костюме верховного жреца, который, подобно иерофанту, торжественно произносил провозглашение.

Конечно, ко времени Лукиана, а тем более христианских авторов элевсинские празднества в Александрии могли претерпеть значительные изменения. Мы не знаем, каковы они были во времена Каллимаха, но у нас есть основания полагать, что слава и память об афинских Элевсиниях пользовались популярностью и авторитетом не только на про-

12. Климент Александрийский (Clem. Alex. Protrepticus, II, 12, 2) описывает некую drama mystikon, которая исполнялась в нескольких действиях на разных уровнях: на поверхности и под землей.

13. А. И. Зайцев. Греческая религия и мифология.., с. 140.

тяжении всего IV в. до н. э., но, скорее всего, и во времена Каллимаха[14]. Возможно, отличия афинских Элевсиний от александрийских изначально строились на радикальном различии побуждаемых переживаний: там (в Аттике) — лицезрение явления божественной сущности, духовно-мистическое переживание, подобное тому, что испытывает душа при переходе от жизни к смерти; здесь (в Александрии) — восторг от наблюдения и сопереживания некоего культового действа, некоей драмы (многие детали которой большей части процессии были, очевидно, не до конца понятны).

Конечно, описание процессии в честь Деметры у Каллимаха — стилизация; поэт, скорее всего, не имеет цели описать какой-то конкретный праздник и ритуал Элевсиний; его интерес к культовой специфике здесь так же, как и во всех других гимнах, чисто художественный.

Каллимах еще раз проявляет себя коллекционером, собирателем и хранителем древних, забытых традиций и обычаев. Данный гимн не случайно посвящен Деметре. Культ Деметры получил широкое распространение при Птолемее II, и, как считают, именно он явился образцом для прославления женщин римского времени. О Деметре, вернее, процессии в ее честь как части александрийских Элевсиний, поэт говорит во вступлении и заключении гимна. Это своеобразная ритуальная «рамка» гимна. Вступление автор своеобразно делит между двумя мотивами: печаль Деметры по случаю похищения дочери (VI, 8–16) и радость людей, научившихся благодаря Деметре земледелию (VI, 17–23). Ничто — ни во вступлении, ни в заключении — не говорит о «безумном культе» александрийских Элевсиний, как позднее писал о них христианский автор V в. н. э. Астерий. Поэт спокойно описывает некую процессию женщин[15], которые сопрово-

14. Известно, например, что когда Афины в 371 г. до н. э. вели мирные переговоры со Спартой, в свою делегацию они включили одного из главных жрецов Элевсинских мистерий, дадуха Калия. (Ср.: Ксенофонт. Греческая история. VI, 3, 6).

15. В свое время Э. Бете предположил, что рассказчицей в VI гимне можно представить женщину – возможно, этим объясняется особый интерес и подробности описания женской процессии во вступлении и заключении. (E. Bethe, M. Pohlenz. Griechische Literatur. I Bd. 3 Hf. Leipzig. Berlin, 1924).

ждают колесницу, запряженную четверкой белых коней (VI, 121). (В колесницу Аида, когда он похищал Персефону, были запряжены также четыре коня, но черной масти). Колесница везет главный культовый предмет — κάλαθος — калаф, кошницу, корзину. Это тайное тайных; видеть содержимое корзины могут только посвященные и после определенного ритуала. Каллимах специально несколько раз оговаривает, что «взирать на тайну» можно только с земли (VI, 3). Горе тому, кто осмелится «подглядывать с кровель» (VI, 4). Помимо калафа женщины несли (очевидно, на голове) другие корзины (их Каллимах называет λίκνον), в которых, возможно, были жертвенные дары: «Полную злата несут кошниценосные жены / Ныне кошницу...» (VI, 126–127). До вечера, до начала основных таинств участницы процессии должны соблюдать строгий пост: «Все мы покуда должны голодную сплевывать влагу» (VI, 6). Идти в процессии можно лишь босиком и не связывая волос (VI, 124); до самого святилища доходят лишь посвященные женщины моложе шестидесяти лет (VI, 129–130); беременные и больные могут идти «сколько ноги пройдут» (VI, 132); «тот, кто таинствам чужд», непосвященные могут принимать участие в процессии, но не до конца; «идите до притания», — поучает их поэт (VI, 128). Что же дарует богиня участницам таинств? Конечно, здоровье (VI, 125), благополучие («злата избыток») (VI, 127), в полях — плоды и злаки (VI, 135), здоровый приплод скота (VI, 136) и «сладостный мир» (VI, 137). Заканчивается гимн, как и V, вполне вероятной эпифанией богини.

Центральное место в гимне, основной темой мифологического рассказа является рассказ об Эрисихтоне. Эта поучительная история, достаточно простая и не слишком оригинальная, привлекла внимание Каллимаха, скорее всего по двум причинам: во–первых, это один из малоизвестных местных мифов, которые хранят черты глубокой древности, а во–вторых, серьезное, благочестивое повествование очевиднее позволяло обнаружить авторскую иронию. Прежде всего обращают внимание те изменения, которые внес Каллимах в легенду по сравнению с традиционным мифологическим образом Эрисихтона[16]. В свое время все эти измене-

16. Crusius. Erysichton// Roscher Lexikon der Mythologie. I. Sp. 1373 ff.

ния собрал и обобщил Ф. Ф. Зелинский[17] в известной статье «Erisichton». У Каллимаха Эрисихтон, чтобы построить пиршественный дом, совершает святотатство: рубит священные тополи Деметры, но не древо жизни, в котором обитает дриада, как сказано в мифе традиционном (Овидий. Метам., VIII, 761–764; пер. С. Шервинского):

...лишь поранили ствол нечестивые руки, как тотчас
Из расчлененной коры заструилася кровь, как струится
Пред алтарями, когда повергается тучная жертва,
Бык — из шеи крутой поток изливается алый.

У Каллимаха Эрисихтон молод, у него нет никакой дочери. По легенде же, голодный Эрисихтон продает несколько раз свою дочь Местру (см.: Овидий. Метам., VIII, 846–848; пер. С. Шервинского):

Наконец свое имущество кануло в чрево,
Дочь осталась одна, — не такой подобрал ей родитель!
Нищий, он продал и дочь...

Затем убедившись, что дочь может превращаться в разных животных, Эрисихтон продавал ее много раз:

После отец продавал Триопеиду часто, — Дева
То кобылицей была, то оленем, коровой и птицей
И доставляла отцу беззаконное тем пропитанье.

У Каллимаха Деметра сама насылает на Эрисихтона голод, поэт опускает натуралистические подробности постепенного заболевания, которыми мучает его страшная богиня Голода (см. Овидий. Метам. 784–833). Вся история у Каллимаха заканчивается тем, что Эрисихтон в конце концов становится *нищим, попрошайкой, сидящим* на перекрестке и выпрашивающим у всех проходящих еду. По мифу же — Эрисихтон сам себя пожирает; вот как этот эпизод передает Овидий (Овидий. Метам., 875–878; пер. С. Шервинского):

После того, как алчба достояние все истощила,
Снова и снова еду доставляя лихому недугу,

17. F. F. Zielinski. Erisichton. Philologus. Bd. 50. 1891. S. 140 ff.

Члены свои раздирать, зубами грызть Эрисихтон
Начал: тело питал, убавляяся телом, — несчастный.

Так Каллимах, опуская натуралистические подробности, превращает традиционный миф в облегченную нравоучительную сказку для детей[18]. Мягкой интонацией сочувствия окрашен образ матери Эрисихтона, вобравший бытовые черты, типичные для обстановки и времени поэта. Здесь так же, как и в V гимне, Каллимах тонко передает переживания матери, скрытый мир женских чувств — и это тоже один из аспектов, типичных для александрийской поэзии.

В целом можно сказать, что VI гимн, как и V, учитывая мягкость и спокойствие авторской интонации, тонкое подшучивание над женщинами, стремление избежать всего грозного и страшного, что связано с такими великими богинями, как Афина и Деметра, если и не повторяет «умилительность» III гимна, то, во всяком случае, является легкой, «развлекательной» поэзией, где во всем соблюдена мера: в учености, в назидательности, в простоте и увлекательности сюжета.

краткое содержание гимна

ст. 1–7	*зачин* гимна: описание культовой ситуации во время выноса калафа Деметры;
8–21	стихи, посвященные культу Деметры;
8–16	печаль Деметры по поводу похищения дочери;
17–21	наставление Триптолема в искусстве земледелия;
22–115	*мифологический рассказ* об Эрисихтоне;
24–30	описание священной рощи Деметры в Дотие;
31–56	сцена преступления Эрисихтона;
57–67	наказание Эрисихтона;
68–115	последствия гнева Деметры: страдания Эрисихтона и его семьи;
116–117	биографический софизм;
118–133	*заключение* гимна;
118–127	описание благодеяний Деметры участницам процессии;

18. Ср.: И. И. Толстой писал, что сюжетная композиция гимна «К Деметре» образует схему кумулятивной сказки. См. подробнее: И. И. Толстой. Миф в александрийской поэзии. В кн.: *И. И. Толстой. Статьи о фольклоре.* М-Л.: Наука, 1966, с. 172.

128–133 обращение к непосвященным;
134–138 *концовка* гимна; возможная эпифания богини.

ΕΙΣ ΔΗΜΗΤΡΑ

Τῶ καλάθω κατιόντος ἐπιφθέγξασθε, γυναῖκες·
'Δάματερ, μέγα χαῖρε, πολυτρόφε πουλυμέδιμνε.'
τὸν κάλαθον κατιόντα χαμαὶ θασεῖσθε, βέβαλοι,
μηδ' ἀπὸ τῶ τέγεος μηδ' ὑψόθεν αὐγάσσησθε
μὴ παῖς μηδὲ γυνὰ μηδ' ἃ κατεχεύατο χαίταν,
μηδ' ὅκ' ἀφ' αὐαλέων στομάτων πτύωμες ἄπαστοι.
Ἔσπερος ἐκ νεφέων ἐσκέψατο, (πανίκα νεῖται;),
Ἔσπερος, ὅς τε πιεῖν Δαμάτερα μῶνος ἔπεισεν,
ἁρπαγίμας ὅκ' ἄπυστα μετέστιχεν ἴχνια κῶρας.
πότνια, πῶς σε δύναντο πόδες φέρεν ἔστ' ἐπὶ δυθμάς,
ἔστ' ἐπὶ τὼς μέλανας καὶ ὅπα τὰ χρύσεα μᾶλα;
οὐ πίες οὔτ' ἄρ' ἔδες τῆνον χρόνον οὐδὲ λοέσσα.
τρὶς μὲν δὴ διέβας Ἀχελώϊον ἀργυροδίναν,
τοσσάκι δ' ἀενάων ποταμῶν ἐπέρασας ἕκαστον,
τρὶς δ' ἐπὶ Καλλιχόρῳ χαμάδις ἐκαθίσσαο φρητί
αὐσταλέα ἄποτός τε καὶ οὐ φάγες οὐδὲ λοέσσα.
μὴ μὴ ταῦτα λέγωμες ἃ δάκρυον ἄγαγε Δηοῖ·
κάλλιον, ὡς πολίεσσιν ἐαδότα τέθμια δῶκε·
κάλλιον, ὡς καλάμαν τε καὶ ἱερὰ δράγματα πράτα
ἀσταχύων ἀπέκοψε καὶ ἐν βόας ἧκε πατῆσαι,
ἀνίκα Τριπτόλεμος ἀγαθὰν ἐδιδάσκετο τέχναν·
κάλλιον, ὡς (ἴνα καί τις ὑπερβασίας ἀλέηται)
π . . . . . ἰδέσθαι
οὔπω τὰν Κνιδίαν, ἔτι Δώτιον ἰρὸν ἔναιον,
†τὶν δ' αὐτᾷ† καλὸν ἄλσος ἐποιήσαντο Πελασγοί
δένδρεσιν ἀμφιλαφές· διά κεν μόλις ἦνθεν ὀϊστός·
ἐν πίτυς, ἐν μεγάλαι πτελέαι ἔσαν, ἐν δὲ καὶ ὄχναι,
ἐν δὲ καλὰ γλυκύμαλα· τὸ δ' ὥστ' ἀλέκτρινον ὕδωρ
ἐξ ἀμαρᾶν ἀνέθυε. θεὰ δ' ἐπεμαίνετο χώρῳ
ὅσσον Ἐλευσῖνι, Τριόπᾳ θ' ὅσον ὀκκόσον Ἔννᾳ.
ἀλλ' ὅκα Τριοπίδαισιν ὁ δεξιὸς ἄχθετο δαίμων,
τουτάκις ἁ χείρων Ἐρυσίχθονος ἅψατο βωλά·
σεύατ' ἔχων θεράποντας ἐείκοσι, πάντας ἐν ἀκμᾷ,
πάντας δ' ἀνδρογίγαντας ὅλαν πόλιν ἀρκίος ἆραι.

ἀμφότερον πελέκεσσι καὶ ἀξίναισιν ὁπλίσσας,
ἐς δὲ τὸ τᾶς Δάματρος ἀναιδέες ἔδραμον ἄλσος.
ἦς δέ τις αἴγειρος, μέγα δένδρεον αἰθέρι κῦρον,
τῷ ἔπι ταὶ νύμφαι ποτὶ τῶνδιον ἐψιόωντο·
ἃ πράτα πλαγεῖσα κακὸν μέλος ἴαχεν ἄλλαις.
ἄσθετο Δαμάτηρ, ὅτι οἱ ξύλον ἱερὸν ἄλγει,
εἶπε δὲ χωσαμένα· 'τίς μοι καλὰ δένδρεα κόπτει;'
αὐτίκα Νικίππᾳ, τάν οἱ πόλις ἀράτειραν
δαμοσίαν ἔστασαν, ἐείσατο, γέντο δὲ χειρί
στέμματα καὶ μάκωνα, κατωμαδίαν δ' ἔχε κλᾶδα.
φᾶ δὲ παραψύχοισα κακὸν καὶ ἀναιδέα φῶτα·
'τέκνον, ὅτις τὰ θεοῖσιν ἀνειμένα δένδρεα κόπτεις,
τέκνον ἐλίνυσον, τέκνον πολύθεστε τοκεῦσι,
παύεο καὶ θεράποντας ἀπότρεπε, μή τι χαλεφθῇ
πότνια Δαμάτηρ, τᾶς ἱερὸν ἐκκεραΐζεις.'
τὰν δ' ἄρ' ὑποβλέψας χαλεπώτερον ἠὲ κυναγόν
ὦρεσιν ἐν Τμαρίοισιν ὑποβλέπει ἄνδρα λέαινα
ὠμοτόκος, τᾶς φαντὶ πέλειν βλοσυρώτατον ὄμμα,
«χάζευ», ἔφα, «μή τοι πέλεκυν μέγαν ἐν χροῒ πάξω.
ταῦτα δ' ἐμὸν θησεῖ στεγανὸν δόμον, ᾧ ἔνι δαῖτας
αἰὲν ἐμοῖς ἑτάροισιν ἄδην θυμαρέας ἀξῶ.»
εἶπεν ὁ παῖς, Νέμεσις δὲ κακὰν ἐγράψατο φωνάν.
Δαμάτηρ δ' ἄφατόν τι κοτέσσατο, γείνατο δ' ἃ θεύς·
ἴθματα μὲν χέρσω, κεφαλὰ δέ οἱ ἅψατ' Ὀλύμπω.
οἱ μὲν ἄρ' ἠμιθνῆτες, ἐπεὶ τὰν πότνιαν εἶδον,
ἐξαπίνας ἀπόρουσαν ἐνὶ δρυσὶ χαλκὸν ἀφέντες.
ἃ δ' ἄλλως μὲν ἔασεν, ἀναγκαίᾳ γὰρ ἔποντο
δεσποτικὰν ὑπὸ χεῖρα, βαρὺν δ' ἀπαμείψατ' ἄνακτα·
«ναὶ ναί, τεύχεο δῶμα, κύον κύον, ᾧ ἔνι δαῖτας
ποιησεῖς· θαμιναὶ γὰρ ἐς ὕστερον εἰλαπίναι τοι.»
ἃ μὲν τόσσ' εἰποῖσ' Ἐρυσίχθονι τεῦχε πονηρά.
αὐτίκα οἱ χαλεπόν τε καὶ ἄγριον ἔμβαλε λιμόν
αἴθωνα κρατερόν, μεγάλᾳ δ' ἐστρεύγετο νούσῳ.
σχέτλιος, ὅσσα πάσαιτο τόσων ἔχεν ἵμερος αὖτις.
εἴκατι δαῖτα πένοντο, δυώδεκα δ' οἶνον ἄφυσσον.
καὶ γὰρ τᾷ Δάματρι συνωργίσθη Διόνυσος·
τόσσα Διώνυσον γὰρ ἃ καὶ Δάματρα χαλέπτει.
οὔτε νιν εἰς ἐράνως οὔτε ξυνδείπνια πέμπον
αἰδόμενοι γονέες, προχάνα δ' εὑρίσκετο πᾶσα.
ἦνθον Ἰτωνιάδος νιν Ἀθαναίας ἐπ' ἄεθλα

Ὀρμενίδαι καλέοντες· ἀπ᾽ ὧν ἀρνήσατο μάτηρ·
«οὐκ ἔνδοι, χθιζὸς γὰρ ἐπὶ Κραννῶνα βέβακε
τέλθος ἀπαιτησῶν ἑκατὸν βόας.» ἦνθε Πολυξώ,
μάτηρ Ἀκτορίωνος, ἐπεὶ γάμον ἄρτυε παιδί,
ἀμφότερον Τριόπαν τε καὶ υἱέα κικλήσκοισα.
τὰν δὲ γυνὰ βαρύθυμος ἀμείβετο δακρύοισα·
«νεῖταί τοι Τριόπας, Ἐρυσίχθονα δ᾽ ἤλασε κάπρος
Πίνδον ἀν᾽ εὐάγκειαν, ὁ δ᾽ ἐννέα φάεα κεῖται.»
δειλαία φιλότεκνε, τί δ᾽ οὐκ ἐψεύσαο, μᾶτερ;
δαίνυεν εἰλαπίναν τις· «ἐν ἀλλοτρίᾳ Ἐρυσίχθων.»
ἄγετό τις νύμφαν· «Ἐρυσίχθονα δίσκος ἔτυψεν»,
ἢ «ἔπεσ᾽ ἐξ ἵππων», ἢ «ἐν Ὄθρυϊ ποίμνι᾽ ἀμιθρεῖ.»
ἐνδόμυχος δ᾽ἤπειτα πανάμερος εἰλαπιναστάς
ἤσθιε μυρία πάντα· κακὰ δ᾽ ἐξάλλετο γαστήρ
αἰεὶ μᾶλλον ἔδοντι, τὰ δ᾽ ἐς βυθὸν οἷα θαλάσσας
ἀλεμάτως ἀχάριστα κατέρρεεν εἴδατα πάντα.
ὡς δὲ Μίμαντι χιών, ὡς ἀελίῳ ἔνι πλαγγών,
καὶ τούτων ἔτι μέζον ἐτάκετο, μέστ᾽ ἐπὶ νεύροις
δειλαίῳ ῥινός τε καὶ ὀστέα μῶνον ἐλείφθη.
κλαῖε μὲν ἁ μάτηρ, βαρὺ δ᾽ ἔστενον αἱ δύ᾽ ἀδελφαί
χὠ μαστὸς τὸν ἔπωνε καὶ αἱ δέκα πολλάκι δῶλαι.
καὶ δ᾽ αὐτὸς Τριόπας πολιαῖς ἐπὶ χεῖρας ἔβαλλε,
τοῖα τὸν οὐκ ἀίοντα Ποτειδάωνα καλιστρέων·
«ψευδοπάτωρ, ἴδε τόνδε τεοῦ τρίτον, εἴπερ ἐγὼ μέν
σεῦ τε καὶ Αἰολίδος Κανάκας γένος, αὐτὰρ ἐμεῖο
τοῦτο τὸ δείλαιον γένετο βρέφος· αἴθε γὰρ αὐτόν
βλητὸν ὑπ᾽ Ἀπόλλωνος ἐμαὶ χέρες ἐκτερέϊξαν·
νῦν δὲ κακὰ βούβρωστις ἐν ὀφθαλμοῖσι κάθηται.
ἤ οἱ ἀπόστασον χαλεπὰν νόσον ἠέ νιν αὐτός
βόσκε λαβών· ἁμαὶ γὰρ ἀπειρήκαντι τράπεζαι.
χῆραι μὲν μάνδραι, κενεαὶ δέ μοι αὔλιες ἤδη
τετραπόδων· οὐδὲν γὰρ ἀπαρνήσαντο μάγειροι.
ἀλλὰ καὶ οὐρῆας μεγαλᾶν ὑπέλυσαν ἀμαξᾶν,
καὶ τὰν βῶν ἔφαγεν, τὰν Ἑστίᾳ ἔτρεφε μάτηρ,
καὶ τὸν ἀεθλοφόρον καὶ τὸν πολεμήιον ἵππον,
καὶ τὰν μάλουριν, τὰν ἔτρεμε θηρία μικκά.»
μέστα μὲν ἐν Τριόπαο δόμοις ἔτι χρήματα κεῖτο,
μῶνον ἄρ᾽ οἰκεῖοι θάλαμοι κακὸν ἠπίσταντο.
ἀλλ᾽ ὅκα τὸν βαθὺν οἶκον ἀνεξήραναν ὀδόντες,
καὶ τόχ᾽ ὁ τῶ βασιλῆος ἐνὶ τριόδοισι καθῆστο

αἰτίζων ἀκόλως τε καὶ ἔκβολα λύματα δαιτός.
Δάματερ, μὴ τῆνος ἐμὶν φίλος, ὅς τοι ἀπεχθής,
εἴη μηδ' ὁμότοιχος· ἐμοὶ κακογείτονες ἐχθροί.
παρθενικαί, καὶ ἐπιφθέγξασθε, τεκοῖσαι·
«Δάματερ, μέγα χαῖρε, πολυτρόφε πουλυμέδιμνε.»
χὡς αἱ τὸν κάλαθον λευκότριχες ἵπποι ἄγοντι
τέσσαρες, ὡς ἁμὶν μεγάλα θεὸς εὐρυάνασσα
λευκὸν ἔαρ, λευκὸν δὲ θέρος καὶ χεῖμα φέροισα
ἤξει καὶ φθινόπωρον, ἔτος δ' εἰς ἄλλο φυλαξεῖ.
ὡς δ' ἀπεδίλωτοι καὶ ἀνάμπυκες ἄστυ πατεῦμες,
ὡς πόδας, ὡς κεφαλὰς παναπηρέας ἔξομες αἰεί.
ὡς δ' αἱ λικνοφόροι χρυσῶ πλέα λίκνα φέροντι,
ὡς ἁμὲς τὸν χρυσὸν ἀφειδέα πασεύμεσθα.
μέστα τὰ τᾶς πόλιος πρυτανῆια τὰς ἀτελέστως,
†τὰς δὲ τελεσφορίας† ποτὶ τὰν θεὸν ἄχρις ὁμαρτεῖν,
αἴτινες ἑξήκοντα κατώτεραι· αἱ δὲ βαρεῖαι,
χἄτις Ἐλειθυίᾳ τείνει χέρα χἄτις ἐν ἄλγει,
ὡς ἅλις, ὡς αὐταῖς ἰθαρὸν γόνυ· ταῖσι δὲ Δηώ
δωσεῖ πάντ' ἐπίμεστα καὶ †ὡς ποτὶ ναὸν ἵκωνται.
χαῖρε, θεά, καὶ τάνδε σάω πόλιν ἔν θ' ὁμονοίᾳ
ἔν τ' εὐηπελίᾳ, φέρε δ' ἀγρόθι νόστιμα πάντα·
φέρβε βόας, φέρε μᾶλα, φέρε στάχυν, οἷσε θερισμόν,
φέρβε καὶ εἰράναν, ἵν' ὃς ἄροσε τῆνος ἁμάσῃ.
ἵλαθί μοι, τρίλλιστε, μέγα κρείοισα θεάων.

комментарии

Схолии к гимну начинаются со следующего замечания схолиаста: Ὁ Φιλάδελφος Πτολεμαῖος κατὰ μίμησιν τῶν Ἀθηνῶν ἔθη τινὰ ἵδρυσεν ἐν Ἀλεξανδρείᾳ, ἐν οἷς καὶ τὴν τοῦ καλάθου πρόοδον. ἔθος γὰρ ἦν ἐν Ἀθήναις ἐν ὡρισμένῃ ἡμέρᾳ ἐπὶ ὀχήματος φέρεσθαι κάλαθον εἰς τιμὴν τῆς Δήμητρος.

Как известно, Деметра в греческой мифологии богиня плодородия и земледелия. По Гесиоду, она дочь Кроноса и Реи (Hes. Theog. 453). Кронос вслед за Гестией проглотил Деметру, а затем Геру, Плутона и Посейдона, опасаясь, как предрекли ему Гея и Уран, что среди родившихся детей его собственный сын отнимет у него власть (Apollod. I, 1; 5). Деметра — сестра и супруга Зевса, от которого она родила Персефону (Hes. Theog. 912–914). По Аполлодору (I, 3; 1), Персефона — дочь Зевса и

Стикс.

Согласно Аполлодору (Apollod. III, 14; 7), когда после смерти Эрихтония царем Афин стал Пандион, Деметра и Дионис прибыли в Аттику, и Деметра радушно была принята в Элевсине Келеем.

По Диодору (IV, 3; 5), из всех богов наибольшим признанием за оказанные благодеяния пользуются у людей открывшие им блага Дионис и Деметра: первый стал изобретателем самого приятного напитка, а вторая дала роду человеческому лучший из видов растительной пищи.

ст. 1–7 Зачин гимна: описание культовой ситуации во время выноса калафа Деметры.

1 ἐπιφθέγγομαι — восклицать; ср.: φθέγγομαι; ср.: VI. 18: παρθενικαί, καὶ ἐπιφθέγξασθε, τεκοῖσαι.

Среди гимнов в честь Деметры на празднествах в ее честь особой популярностью пользовалось песнопение «иовлос» (иавлос). Возможно, рассказчик (или рассказчица) гимна передает призыв запеть именно такой гимн.

κάλαθος — калаф, кошница, корзина; τῷ καλάθῳ... τὸν κάλαθον — *анафора.*

Ср.: Arist. Av. 1325; Aristot. Rhet. 1413 a, 21; Theocr. XXI, 9.

В *словаре Гезихия:* κάλαθος = = ψυκτήρ, ὁ. *В схолиях* Евстафия: Δημητριακοῦ καρποῦ συγκομιστὴς ὁ κάλαθος, ὡς καὶ παρὰ Καλλιμάχῳ δηλοῖ (Eust. Od. pag. 1488, 60).

Под калафом Деметры обычно понимается некая священная корзина, в которой в первой половине празднества приносились из Элевсина в Афины некие святыни.

2 Δαμάτηρ, ἁ дор. = Δημήτηρ, ἡ; ср. Δαμάτηρ — VI, 57; 40; 49; Δάματερ — VI, 2; 116; 119; Δαμάτερα — VI, 8; Δάματρα — VI, 71; Δάματρος — VI, 36; Δάματρι — VI, 70.

Эпитеты Каллимаха применительно к Деметре: πότνια Δαμάτηρ VI, 49; μέγα χαῖρε, πολυτρόφε, πολυμέδιμνε, VI, 2; 119; 116; πότνια, VI, 10; θεά, VI, 29; 134; τρίλλιστε, μέγα κρείοισα θεάων, VI, 138; τὰν πότνιαν VI, 59; μαγάλα θεὸς εὐρυάνασσα, VI, 121; τὰν θεόν, VI, 129.

Ионийские формы от Δημήτηρ встречаются в эпиграммах: Δήμητρι XXXIX, 1; Δήμητρος — frg. 466.

Обычные культовые обращения к богине: Χλόη, ἡ — зелень, посев (Aristoph. Lisistrata, 385) ; Σιτώ, ἡ — хлеб, мука (Aelian. Var. hist. 1, 27) ; Θεσμοφόρος — законодательница, дающая законы (отсюда Θεσμοφόρια — праздник в честь Деметры, который праздновали исключительно женщины); Καρποφόρος—плодоносная, дарительница плодов.

У Гомера Деметра — богиня с кудрями златыми (ξανθὴ

Δημήτηρ), помощница в крестьянских трудах (Hom. Il. 499–501). Деметра спасает от голода и наполняет амба всевозможными припасами (Hes. Труды и дни. 300–30 К Деметре взывают, чтобы зерна вышли полновесными чтобы удалась пахота (Hes. Труды и дни. 465–468).

Деметра относится к числу древних женских великих гинь, наряду с Геей, Кибелой, Великой матерью богов. В дычицей зверей, она дарует плодоносную силу земле. вотным и людям. Деметра научила людей пахоте и по ву, сочетавшись в священном браке на трижды вспаханн поле с богом Иасионом (Гесиод. Теогония. 969–971; п В. Вересаева):

С Иасионом–героем в любви сопрягалась она страстной
В критской богатой округе на три раза вспаханной нови.

Иасион обычно считается сыном Зевса, братом Дар на и Гармонии. Согласно мифу, именно Иасион сохра после потопа семена для посева. (Иасион считается вет тивным божеством). После истории с Деметрой Зевс, в мущенный тем, что Иасион осмелился прикоснуться к Де тре, убил его перуном (по другой версии, его убил собств ный брат Дардан или — еще один вариант мифа — он разорван на части собственными лошадьми).

Встретившись на свадьбе Кадма и Гармонии, когда бы вые все боги пировали вместе и каждый подарил н брачным свой замечательный подарок, Иасион и Деме предались любви на трижды вспаханном поле. Коммен руя этот эпизод, Р. Грейвс пишет: «Миф о любовном *ключении Деметры на трижды* вспаханном поле указыв на обряд плодородия, который существовал на Балка для того, чтобы обеспечить урожай, жрица зерна на пл у всех совокуплялась с царем–жрецом перед севом озим В Аттике поле в первый раз пахали весной, второй ра хали после летней жатвы, используя для этого более кий сошник, причем направление пахоты выбиралось перек весенней борозды. Происходило это в осенний сяц пианепсион в качестве подготовки к севу»[19].

От Иасиона Деметра родила Плутоса (Ср.: «Плут богатство рожден был Деметрой, великой богиней» Teog. 969).

Но, как пишет Диодор Сицилийский (V, 49, 4–6), —

19. Ср.: Гесиод. Работы и дни. 432–433, 460, 462; Плутарх. Об Иси Осирисе, 69; Против Колота, 22. Р. Грейвс. Мифы древней Греции Прогресс, 1992, с. 65–66.

гатство — пшеницу она подарила на свадьбе Гармонии, чтобы соединиться с Иасионом. Подробные же сведения об обряде хранят втайне и сообщают только посвященным, тогда как широко известно, что боги являются на призыв посвященных и оказывают им чудесную помощь. Говорят, что причастившиеся к мистериям становятся более благочестивыми, более справедливыми и лучшими во всех отношениях, чем были прежде. Поэтому самые прославленные из древних героев и полубогов пожелали пройти обряд посвящения. Так, Ясону и Диоскурам, а также Гераклу и Орфею, прошедшим посвящение, во всех походах сопутствовала удача благодаря явлению этих богов».

3 βέβαλος дор. = βέβηλος — несвященный, непосвященный.

В киренском диалекте — βάβαλος; ср.: Aesch. Suppl. 509; Sof. Oed. Col. 10; Eurip. Heracl. 404. Thecr. III, 51; XXVI, 14.

Центральным мифом, объясняющим происхождение элевсинских мистерий, является миф, рассказанный в V большом гомеровском гимне «К Деметре». На материале этого гимна, как считает Мирча Элиаде, можно говорить о двух типах посвящения, точнее «текст объясняет происхождение элевсинских мистерий, с одной стороны, воссоединением двух богинь, с другой — как результат неудачной попытки сделать Демофонта бессмертным»[20]. По дошедшим до нас источникам явствует, что посвящение в Элевсинские мистерии было доступно для всех эллинов, они имели общегреческий характер. Не допускались к посвящению варвары (прежде всего потому, что огромную роль играли краткие литургические формулы и заклинания, для понимания которых необходимо было понимание греческого языка), хотя в отдельных случаях встречались исключения, особенно в пользу выдающихся людей. Не был закрыт доступ к мистериям даже рабам. Не допускались к посвящению лица, совершившие какое–либо тяжкое преступление. Желавший посвятиться должен был обратиться к посредничеству какого–либо гражданина из рода Эвмолпидов или Кериков. Этот руководитель в таинствах — μυσταγωγός — наставлял и руководил кандидатом в дальнейших действиях. Перед посвящением кандидаты обязаны были хранить строгое молчание и совершить очистительные обряды. В посвящении различались три степени. Первая степень — посвящение в малые мистерии. Получившие это посвяще-

20. М. Элиаде. История веры и религиозных идей; т. 1. От каменного века до Элевсинских мистерий. М.: Критерион, 2002, с. 267.

ние назывались — μύσται. При посвящении в великие таинства различались еще 2 степени: τελετὴ и ἐποπτεία. Между этими степенями должно было пройти не менее года, и только достигшие высшей степени посвящения назывались ἐπόπται, т. е. созерцателями. Самые обряды посвящения известны нам лишь в общих чертах, в которых невозможно различить особенности, свойственные каждому виду посвящения в отдельности[21].

χάμαι — на земле, на полу, внизу = χαμᾶζε, *антитеза* к ὑψόθεν.

θηέομαι = θεάομαι, форма θασεῖσθε — дор.; ср.: θεῆται — III, 181.

Возможный вариант: αὐγάζομαι.

Ср.: у Theocr. θάσασθαι — II, 72; θασόμεναι — XV, 23; θᾶσαι — XV, 65.

4 Если в процессии могли принимать участие и непосвященные, то в самом храме или его периболе, где по ночам совершались драматические представления, сюжетом которых служили события из жизни богов, могли присутствовать только мисты, получившие уже высшую степень посвящения. Надпись при входе в священный участок храма гласила, что непосвященные не имеют права вступать в него. Есть сведения, что перед мистериями составлялись и записывались на досках поименные списки посвященных. Во время священнодействия мисты носили на головах миртовые венки, а на правой руке и левой ноге — повязки пурпурного цвета (κρόκαι). Если все-таки непосвященные вмешивались в толпу мистов и их каким-либо способом распознавали, они подвергались наказанию вплоть до смертной казни[22].

5–6 Говорится о строгом запрете видеть содержимое калафа даже посвященным раньше срока. Посвященные должны были соблюдать строгий пост. Известно, например, что мистам запрещалось употребление в пищу некоторых продуктов (кур, рыбы, бобов и яблок), запрещалось прикасаться к роженице и трупу.

5 γυνά дор. = γυνή.

καταχέομαι — опускать, распускать — ср. χέω.

χαίτη, ἡ — волосы; χαίταν дор. — V, 31 есть и χαίτην —

21. Подробнее см.: В. В. Латышев. Очерк греческих древностей. Богослужебные и сценические древности. Под научной ред. Е. В. Никитюк. Общая ред. Э. Д. Фролова. СПб.: Алетейя, 1997, с. 199–211.

22. Подробнее см.: В. В. Латышев. Очерк греческих древностей.., с. 207.

IV, 81, 297 μηδ' ἃ κατεχεύατο χαίταν — в *схолиях*: μηδ' ἥτις ἄγαμος ἐστιν — *метафора*: та, которая не замужем, девушка.

6 οκ' дор. = ὅταν.

ἄπαστος — не вкусивший, τινός; неевший.

πτύω — плевать, выплевывать; πτύωμες — дор.

Ср.: ἀποπτύω, ἐπιπτύω, καταπτύω, παραπτύω.

αὐαλέος — сухой (ср.: αὖος); ср.: Theocr. 14; 4.

Гомеровский гимн «К Деметре» рассказывает центральный миф о Деметре и Персефоне, который объясняет происхождение Элевсинских мистерий. Пока Персефона собирала цветы в Нисейской долине (или по другим версиям: на горе Этне на Сицилии (Hyg. Fab. 146), или неподалеку от города Энны на Сицилии (Diod. V, 3; 1), или в Немее в Аргосе (Paus. VI, 1), или около Элевсина (Paus. I, 38; 5)), ее похитил Плутон. Девять дней Деметра искала ее (гомеровский гимн «К Деметре», 47–48; пер. В. Вересаева):

Долго она по людским городам и полям плодоносным
Всюду блуждала, свой вид изменив,
За время своих скитаний она

... не вкусила ни разу амвросии с нектаром сладким,
Кожи нетленной своей не омыла ни разу водою...

Лишь обратившись к Гелиосу, Деметра смогла узнать, где ее дочь и какова ее судьба. Но за это время Зевс выдал Персефону замуж за своего брата Плутона. Обессиленная от горя Деметра решила не возвращаться на Олимп. Под видом старухи она прибыла в Элевсин и села у Колодца Дев. Дочерям местного царя Келея, встретившим ее у колодца, она сказала, что зовут ее Доя (Δώς ἐμοὶ γ' ὄνομ' ἐστί), что она сбежала от морских разбойников, похитивших ее с острова Крит (другой вариант: разбойники силой привезли ее на Крит). Деметра–Доя приняла приглашение воспитывать сына царицы Метаниры и стала няней маленького Демофонта. Но она не могла забыть своего горя, пока служанка Ямба не развеселила ее своими нескромными шутками и танцами и пока она не выпила особый напиток — кикеон: смесь из ячменя, воды и болотной мяты.

По Аполлодору (Apollod. I, 5; 1), Деметра в Элевсине села у скалы, названной после этого Агеласт, близ колодца Каллихора, затем пришла к Келею. Во дворце находились женщины, и, когда они пригласили Деметру сесть около них, некая старуха по имени Иамба сказала какую–то шутку, заставив богиню улыбнуться. «Говорят, — пишет Аполлодор, — по этой–то причине женщины во время праздни-

ка Фесмофорий обмениваются шутками».

7 Ἕσπερος — Геспер — божество вечерней звезды (Hom. Il. XXII, 317 и сл.). Традиционно считается самой прекрасной из звезд.

7–8 *анафора; персонификация.*

В схолиях: Ἕσπερος μόνος ἐθεάσατο τὸν κάλαθον ὅστις ἔπεισε τὴν Δῆμετραν μεταλαβεῖν σιτίων μετὰ τὸ παύσασθαι ζητοῦσαν τὴν κόραν.

8–21 Стихи, посвященные культу Деметры: 1) Печаль Деметры по поводу похищения дочери. 2) Эпизод с Триптолемом.

8–10 эпизод с Геспером.

8 μῶνος дор. = μόνος.

μόνος = μοῦνος = μῶνος — регулярные формы для Каллимаха; ср.: μόνος (IV, 131; V, 129), μῶνος (V, 75; VI, 8), μόνον (II, 30; V, 1080, μούνη (IV, 57), μόνην (III, 35), μώνᾳ (V, 132), μοῦνον (III, 21; IV, 115; IV, 180). μῶνον (VI, 112; V, 29; VI, 93) и т. д.

9 ἄπυστος (от πυνθάνομαι) — о ком нет никакой вести.

У Гомера часто. Ср.: οὐδ' ἄρα Πηνελόπεια πολὺν χρόνον ἦεν ἄπυστος μύθων (Hom. Od. I, 242); οὐδε δὴν ἦεν ἄπυστος Ζευς (Hom. Od. V, 127). Ср. у Каллимаха: παιδὸς ἄπυστος (frg. 611).

μεταστείχω — искать; ср.: Apoll. Rhod. III, 451: μετέστιχε ἁρπάγιμος — *неологизм*, образованный по модели: ἀγώνιμος, γόνιμος, τρόφιμος, σπόριμος, ἀπαγώνιμος, ἀοίδιμος, νόστιμος, ὀφέλσιμος, γεργέριμος и т. д.

10–16 Описание скитаний Деметры в поисках Персефоны. Дважды поэт говорит, что богиня за все это время не ела, не пила, ни разу кожу свою не омыла (ст. 12 и 16), как бы подчеркивая строгость поста, соблюдать который необходимо всем, вступающим в посвящение.

Фантастично и неопределенно выглядит описание маршрута поисков Деметры: она идет на запад (ἐστ' ἐπὶ δυθμάς); «к черным», т. е. эфиопам (ἐπὶ τὼς μέλανας), которые, как известно, жили на краю ойкумены, т. е. или на крайнем западе, или на юге; и, наконец, туда «где золотые яблоки» (ὅπα τὰ χρύσεα μᾶλα), т. е. к садам Гесперид. Потом Деметра вдруг оказывается в центре Греции и трижды переходит Ахелой, как трижды же она переходит каждую из вечнотекущих рек (ст. 13 и 14), пока не приходит к колодцу Каллихору в Элевсине. Данный пассаж у Каллимаха кажется тем более фантастичным, что он не имеет аналогий в гомеровском гимне «К Деметре». В гомеровском гимне о скитаниях богини, без указания мест, ею посещаемых, ска-

зано (Гомеровск. гимн. 93–94; пер. В. Вересаева):

Долго она по людским городам и полям плодоносным
Всюду блуждала, свой вид изменив.

10 φέρεν — дор.

ἔστε — нар. до; ἔστε ἐπὶ τι = usque ad.

δυθμᾶ, ἁ — запад.

11 τὼς μέλανας· τοὺς Αἰθίοπας — *метонимия.*

ὅπα дор. = ὅπη — где; ср.: IV, 194 —ὅπη.

ὅπη τᾶ χρύσεα μᾶλα — вместо ἐπὶ τὴν Λυβύην

Золотые яблоки — свадебный подарок Гере от Геи. Их охраняли нимфы Гесперид (по разным версиям от трех до семи), живущие на крайнем западе у самых берегов Океана. Древнейшая традиция о Гесперидах, охраняющих на западной границе земли, по ту сторону Океана, в прекрасном саду золотые яблоки, представлена у Гесиода (Hesiod. Teog. 215–216). И Каллимах данными стихами поддерживает эту традицию. Но следует учесть, что миф о Гесперидах связан также с мифом об Атланте. Аполлодор по этому поводу пишет (Apollod. II, 5; 11): «Эти яблоки находились не в Ливии, как утверждают некоторые, а у Атланта, там, где обитают гиперборейцы». Существуют и другие точки зрения.

12 τῆνος, α, ον дор. = οὗτος.

λοέσσα вместо ἐλούσα.

13 ἀργυροδίνας — текущий серебром. Скорее всего, Каллимах повторяет здесь гесиодовское: Ἀχελῷὸν τ' ἀργυροδίνην (Hes. Theog. 340). У Гомера так называется Пеней (Hom. Il. II, 753).

Ἀχελώιος, ὁ — Ахелой, река в Этолии, впадает в Ионийское море (Hom. Il. XXI, 194, XXIV, 616). Часто встречается у Пиндара, Софокла, Еврипида; ср. Apoll. Rhod. IV, 293; 895. Бог реки Ахелой считался отцом многих прекрасных источников, именуемых «серебряными», в том числе Касталии и Каллирои.

14 περάω — переезжать, переходить.

ἀέναος — вечнотекущий, неиссякаемый; ср.: II, 83: πὺρ.

Ср.: Apoll. Rhod. III, 222, 860; Theocr. XXII, 37.

15 В разных рукописях этот испорченный стих читается по-разному, есть такое чтение: τρὶς δ' ἐπὶ καλλι... Возможно, это Каллихор.

Καλλίχορον, τό — Каллихор, название колодца в Элевсине.

В *схолиях:* Καλλιχόρῳ· Καλλίχορον φρέαρ ἐκαλεῖτο ἐν' Ελευσῖνι (ἐστι δὲ καὶ δῆμος Ἀττικὴς).

ἐπὶ Καλλιχόρῳ... φρητί; φρέαρ, τό — эп. φρεῖαρ колодец.

В гомеровском гимне — φρέατι (Hom. hymn. Cer. 99).

Считается, что подобно существованию параллельных форм κῆρ и κέαρ, существовали формы φρῆρ и φρέαρ.

χαμάδις = χαμᾶζε — на землю, наземь.

χαμάδις — более поздняя форма. Ср.: у Гомера чаще χαμᾶζε (Hom. Od. XIX, 599), у Аполлония Родосского — χαμάδις (Apoll. Rhod. I, 1263; II, 785; III, 1311, 1353; IV, 81, 876 и т. д.).

Ср.: в гомеровском гимне (пер. В. Вересаева):

> Сердцем печалуясь милым, богиня близ самой дороги
> У Парфенийского села колодца, где граждане воду
> Черпают, — села в тени под оливковым деревом, образ
> Древней старухи приняв...

16 αὐσταλέος — сухой, загорелый, грязный.

Ср.: Hom. Od. XIX, 327; Theocr. XIV, 4; Apoll. Rhod. II, 200; III, 831, IV, 1338.

17–21 Второй эпизод: наставление Триптолема в искусстве земледелия.

17 μὴ, μὴ — *эпаналепсис.*

λέγωμες — дор.

Δηῶ = Δηοῖ — именование Деметры. Рукописные варианты: διῆ, δηοῦς; ср.: Hom. hymn. Cer. 47; 211; 492; Theocr. VII, 3; Apoll. Rhod. IV, 988; 896.

Раскрываются *два культовых эпитета Деметры:* Тесмофора (Фесмофора) — дарующая законы и Карпофора — дарующая плоды.

18 ἑαδότα от ἀνδάνω — нравиться; ср.: III, 183, 187: εὔαδε; Apoll. Rhod. II, 35, IV, 1127.

τέθμιος — установленный, законный; ср.: II, 87; III, 174.

Чаще встречается θεσμός (постановление, закон), от него — θέσμιος; τεθμός — дор. Ср.: θεσμοί — законы Дракона в *отличие от νόμοι Солона.*

Ср.: у Диодора V, 5, 2–3:

«Невозможно не упомянуть о величайшем благодеянии, оказанном людям этой богиней (Деметрой), поскольку она не только изобрела для людей зерно и обучила его возделывать, но и учредила законы, в соответствии с которыми люди научились поступать по справедливости, по причине чего богиню и называют Фесмофорой (Законодательницей)».

19 πράτα дор. от πρῶτος. Дорийские формы — πράτα (VI, 39), πρᾶτον (V, 105), πράτιστον (V, 9) встречаются у Каллимаха также часто и регулярно, как и ионийские: *πρῶτοι (IV, 283),* πρώτη (IV, 6), πρῶται (IV, 291), πρώτῃσι (IV, 16), πρῶτον (IV,

289), πρῶτα (IV, 4), πρώτιστα (IV, 30, 285) и т. д.

καλάμη, ἡ — стебель пшеницы, соломина, singularis pro plurali; καλάμαν... ἀπέκοψε.

δράγμα, τό — сноп; ср.: IV, 283: καλάμην τε καὶ ἱερὰ δράγματα πρῶτοι ἀσταχύων φορέουσιν — о гиперборейцах.

повтор стихов IV, 283 и VI, 19.

20 ἄσταχυς, ὁ = στάχυς — колос; ср.: Hom. Il. II, 148; Hom. hymn. Cer. 454, 456.

πατέω — топтать.

21 ἀνίκα дор. = ἡνίκα — когда. Формы ἡνίκα и ἀνίκα — одинаково употребительны и регулярны у Каллимаха: ἡνίκα (III, 170; IV, 51; III, 231; IV, 176; IV, 83; 107), ἀνίκα (V, 105; VI, 21).

Τριπτόλεμος, ὁ — Триптолем.

В *схолиях:* Τριπτόλεμος· Τριπτόλεμον λέγουσιν υἱὸν Κελεοῦ ὃν Δημήτηρ ἐδίδαξεν σιτουργίαν.

Триптолем[23] — культурный герой. Иногда отождествляется с Демофонтом, сыном Келея и Метаниры, иногда с героем Элевсином, эпонимом Элевсина. По другой версии — он сын Океана и Геи. Деметра даровала ему золотую колесницу, запряженную двумя крылатыми драконами, чтобы он разъезжал в ней по всей земле, обучая людей земледелию, сея всюду пшеницу и устанавливая законы (Apollod. I, 5; 2). По некоторым источникам, Триптолем считался изобретателем колеса. Согласно одной из версий, после смерти он стал судьей в загробном мире (вместе с Миносом, Радамантом и Эаком). Место героя Триптолема в Элевсине определено точно; он был среди первых посвященных, кому Деметра открыла свои таинства: Триптолем, Евмолп, Келей (ср. гомеровский гимн «К Деметре», 473–477).

Триптолем, как первый посвященный в культ Деметры, кто первым научил человечество хлебопашеству, имел в Элевсине собственный культ. Там его связывали с Рарийским полем, где находился его жертвенник и храм. Начиная с VI в. до н. э., в вазописи Триптолем изображался на фантастическом троне с крылатыми колесами в окружении змей. Большой рельеф, хранящийся в афинском Национальном музее, найденный в Элевсине, датируется второй половиной V в. до н. э. На нем Триптолем представлен стоящим между двумя богинями: Деметра протягивает ему золотой колос пшеницы.

22–115 *мифологический рассказ об Эрисихтоне.*

23. Иногда имя Триптолем толкуется как «сильный воин» или «троепашец», и он считается братом-близнецом другого первопосвященного — Евбула (букв. советчик).

24–30 описание священной рощи Деметры в Дотие.

22 ἀλέομαι — избегать; в аналогичной ситуации: Hom. Od. IV. 396.

ὑπερβασία, ά дор. = ὑπερβασίη, ἡ — преступление, грех, нарушение божеских и человеческих прав.

В *схолиях*: τὸ ἐξῆς· κάλλιον τὸ δράγματα ἔδειν, ἵνα καὶ τις ὑπερβασίας ἀλέηται

23 испорчен. Виламовиц в своем издании предлагал такое чтение этого стиха:

π[αῖδα κακὸν Τριόπᾳ σκιοειδὲα θῆκεν] ἰδέσθαι.

Из Диодора (V, 61) известно, что Триоп, прибывший в Фессалию и вступивший в союз с сыновьями Девкалиона, изгнал вместе с ними из страны пеласгов и получил часть Дотийской равнины. Там он вырубил священную рощу Деметры и употребил полученный таким образом лес для постройки царского дворца. За это он вызвал к себе ненависть со стороны местных жителей и был вынужден покинуть Фессалию. Приплыв со своими воинами на Книдский полуостров, Триоп основал там названный его именем Триопий и, совершая оттуда нападения, завоевал весь Херсонес, а также значительную часть соседней Карии. Самого Триопа одни называют сыном Посейдона, другие — Лапифа, сына Аполлона, третьи — сыном Гелиоса.

24 Κνίδιος — книдский, от Κνίδος — Книд — мыс и город в Карии в Малой Азии. Центр дорийского Гексаполя (объединения шести городов). Упоминание Книда и священного Дотия (Дотийской равнины) здесь неслучайно.

Δώτιον, τό — Дотий, населенный пункт в Фессалии.

В *схолиях*: Δώτιον· χώρα Θεσσαλίας.

Стефан Византийский: Δώτιον· πόλις Θεσσαλίας, ὅπου μετῴκησαν οἱ Κνίδιοι, ὧν ἡ χώρα Κνιδία; ср.: Hom. hymn. XVI, 3.

ἱρός = ἱερός, обе формы у Каллимаха встречаются регулярно; ср.: ἱερός (в разных падежах): I. 12; V, 76; IV, 161; IV. 1; II, 112; IV, 70; VI, 40; IV. 257 и ἱρός: IV. 307; V, 39; VI, 24.

25 Πελασγοί — пеласги; зд. греки вообще; ср.: V, 51; VI, 284.

καλὸν ἄλσος ἐποιήσαντο — прекрасную рощу *посвятили*.

Начало стиха — испорчено. Есть чтение: τᾷ δ ἀὐτᾷ

26–29 описание рощи Деметры.

26 ἀμφιλαφής — зд. вариант к δασυς; ср.: II. 42; III, 3.

В *схолиях*: ἀμφιλαφής· το δασυ.

μόλις пар = μόγις — с трудом.

ἦθον дор. от ἔρχομαι.

27 πίτυς, ἡ — сосна (лат. pinus) зд. *singularis pro plurali*.

πτελέη, ἡ — вяз, ὄχνη, ἡ — груша.

28 ἀλέκτρινος дор. = ἠλέκτρινος — янтарный. В *схолиях*: ἀλέκτρινον ὕδωρ· τὸ διαυγὲς· παρὰ τὸ ἤλεκτρον.

29 ἀμάρα, ἁ = ἀμάρη, ἡ — канава, ров; кроме редкого употребления у Гомера (Hom. Il. XXI, 259), встречается довольно регулярно у александрийцев: Theocr. XXVII, 53. Apoll. Rhod. III, 1392. В *схолиях* к гомеровскому стиху: ἀμάρης· ἐξ ἔχματα βάλλων (Hom. Il. XXI, 259): εἰσὶ δὲ ἀμάραι αἱ ὑδρορρόαι.

30 Элевсин, Триопа и Энна — топонимы, обозначающие места почитания Деметры.

Ἐλευσίς, ἡ — Элевсин. В *схолиях:* Ἐλευσὶς· δῆμος τῆς Ἀττικῆς.

Ср.: Hom. hymn. Cer. 97, 318, 356, 490.

Ἔννα, ἁ — дор. — Энна, город на Сицилии, близ которого произошло похищение Персефоны. Диодор (V, 3, 2) так описывает данное место: «Говорят, что благоухание растущих здесь цветов даже не позволяет идти по следу охотничьим собакам, препятствуя их природному обонянию. Упомянутый луг в верхней своей части замечателен ровной поверхностью и обилием воды. Края же его поднимаются высоко вверх, и отовсюду окружают его крутые пропасти. Полагают, что луг этот находится в самом центре острова, почему его некоторые даже называют «пупом Сицилии»».

Ср. другие точки зрения:

По мнению Р. Пфейффера: « Ἔννα nomen nymphae» (Pfeiffer, II, 36);

В *схолиях:* Ἐλευσίς καὶ Ἔννα δῆμοι τῆς Ἀττικῆς.

В *Большом Этимологике:* Ἔννη· ἔστι δὲ ὄνομα πόλεως (Et. M. pag. 582, 49).

Τριόπας, ὁ — Триопа.

Стефан Византийский: Τριόπον· πόλις Καρίας, ἀπὸ Τριόπου τοῦ πατρὸς Ἐρυσίχθονος· λέγεται καὶ Τριοπία· Ἑλλάνικος δὲ καὶ Τρίοπά φησιν αὐτὸν ἀπὸ τοῦ Τρίοψ.

В *Большом Этимологике*: Τριόπιον· ἡ ἀπολήγουσα χώρα τῆς Κνίδου· ἀπὸ Τριόπα τοῦ πατρὸς Ἐρισίχθονος.

Есть также традиция топонимы Ἔννα и Τριόπα связывать с Сицилией. По этой версии считалось, что Элевсин и Энна соперничали между собой за право называться землями, где впервые стали заниматься хлебопашеством. Диодор (IV, 3, 5) пишет, что на Сицилии жители сохранили миф, согласно которому именно он — священный остров Деметры и Коры (Персефоны), именно здесь они впервые явились людям, и здесь же, благодаря необычайному плодоро-

дию земли, впервые проросло пшеничное зерно; «И, действительно, — пишет Диодор, — на Леонтинской равнине, как и во многих других местах Сицилии, до сих пор произрастает так называемая дикая пшеница».

ὁκκόσος дор = ὁππόσος, ὁπ̃όσος — сколь великий, какой по количеству, *сравнение.*

31–56 сцена преступления Эрисихтона.

31 ὅκα— дор. = ὅτε.

ἄχθομαι дор. — зд. досадовать, сердиться на кого.

Τριοπίδας, ὁ — потомок Триопа, Триопид, *антономасия.*

Триоп — царь фессалийского Дотия, сын Посейдона, отец Ифимедеи и Эрисихтона (Ифимедею, дочь Триопа, называет Аполлодор — Apollod. I, 7; 4).

βωλά, ἁ дор. = *βουλή, ἡ.*

ἁ χείρων... βωλά ἅψατο — *метафора.*

33 ἐείκοσι = εἴκοσι. Дорийская форма εἴκατι, ее реконструирует в этом стихе Бломфильд.

ἀνδρογίγας, ὁ — *гапакс,* образован от двух слов — ἀνήρ и γίγας. Всевозможные композиты с ἀνήρ и γίγας у греческих авторов встречаются часто. Ср.: τριγίγας, γυπογίγας, αἰνογίγας; ἀνδροδαίκτος, ἀνδροδάμας (Pind.) ἀνδρολέτειρα (Aesch.); ἀνδροφθόρος (Pind.), ἀνδροφόνος (Lu.) ἀνδροβρώς (Eur.); ἀνδρόμεος и ἀνδρόφαγος (Hom.) и т. д.

ἄρκιος — в тексте ἄρκίος дор. конъектура Reiske; ἄρκιος — чтение рук. Ψ: ἄρκιοι — другие рукописи; достаточный; зд.: способный.

ἆραι стяж. форма от ἀείρω = αἴρω — поднимать, зд. уничтожить.

35 ὁπλίσσας от ὁπλίζω — снаряжать, приготовлять, вооружать.

ἀξίνα, ἁ дор. = ἀξίνη — топор, секира; ср.: Hom. Il. XV, 711: ὀξέσι δὴ πελέκεσσι καὶ ἀξίνῃσι μάχοντο

В *словаре Гезихия:* ἀξίνη· δίστομος πέλεκυς.

По мнению Каэна, данный стих — имитация гомеровского стиха, возможно, иронической тональности.

36 ἦς = ἦν — 3 л. sing. impf.

τᾶς Δάματρος — дор.

ἀναιδής — бесстыдный, наглый, дерзкий; ср.: IV, 183; VI, 45.

Ср.: Apoll. Rhod. II, 383, 407; Theocr. XXIV, 24.

37 αἴγειρος, ἁ, ὁ — черный тополь; ср.: Hom. Od. V, 64, 239; Od. X, 510; Od. XVII, 208; Apoll. Rhod. IV, 1427.

Каэн усматривал в этом стихе контаминацию двух гомеровских стихов: Od. V. 239 и Il. XIV, 287–288.

κύρω — трогать, притрагиваться, касаться; ср.: Apoll.

Rhod. II, 363: κύρει; IV, 945: κῦρον.

δένδρεον, τό = δένδρον

38 τῶνδιον ἔνδιος— полуденный, в полдень. В *схолиях*: ἔνδιον· ἡγοῦν μεσημβρινόν.

Ср.: Theocr. XVI, 95; Apoll. Rhod. IV, 1312 — ἔνδιον ἦμαρ.

ἐφιάομαι— веселиться, наслаждаться; ср.: III, 3: ἐφιάασθαι Apoll. Rhod. I, 459; II, 811; III, 118, 950.

В *словаре Гезихия:* ἐφιᾶται· γελᾷ; ἐφιόωντο· ἔπαιζον; ἐφιατέον· παικτέον; ἐφιάτιμον· γυμναστικόν, παιγνιῶδες.

В *схолиях:* ποτὶ τῶνδιον ἐφιόωντο· περὶ τὸ ἔνδιον ἤγουν περὶ τὸ μεσημβρινόν ἐφιόωντο καὶ ἔπαιζον.

39 πλαγεῖσα дор. — от πλήσσω — ударять, стучать, бить; ср.: I, 31: πλῆξεν; I, 53: πεπλήγοντες; IV, 306: πλήσσουσι

Ср.: Hom. hymn. Cer. 245: πλῆξατο; Theocr. XXII, 124, πλῆξεν; XXII, 198; Apoll. Rhod. I. 428, 1033; II, 1045; IV, 469; II, 107; I, 540.

πρᾶτος — дор. = πρῶτος.

δένδρον... κακον μέλος ἴαχεν — *метафора.*

40 ᾄσθετο дор. от αἰστάνομαι — реконструкция Meineke: ᾔσθετο — чтение рук. Ψ; ср.: epigr. XXIX, 2 Theocr. XV, 14.

ξύλον ἱερὸν ἄλγει— *метафора.* Возможные варианты к ξύλον· δένδρον, δρῦς.

41 χωσαμένα дор. от χώομαι — сердиться, негодовать; ср.: III, 31, 203.

Возможные варианты: κοτέομαι, συνοργίζομαι, χαλέπτομαι

42 ἀράτειρα, ἁ дор. = ἀρήτειρα, ἡ — молящаяся, жрица, образовано по модели: — δρηστήρ — δρήστειρα(Hom.), ὀλετήρ — ὀλέτειρα (Hom.) δοτήρ — δότειρα (Hom.), ἐλατήρ — ἐλάτειρα (Hom.), σωτήρ — σώτειρα (Hom. hymn. Pind.), ἠγητήρ — ἠγήτειρα (Pind. Plat.); γενετήρ — γενέτειρα (Pind.) и т. д. Ср.: ἀρητήρ (Hom. Il. V, 78) ἀρήτειρα (Apoll. Rhod. I, 312; III, 252).

43 δαμόσιος дор. = δημόσιος— публичный, общественный; ср.: epigr. XXVIII, 4: δημόσια.

ἐείσατο от εἴδομαι — быть видимым, показываться, касаться; принимать вид, зд. *уподобляться.* В *схолиях:* ἐείσατο· ὡμοιώθη.

Ср.: epigr. XLIX, 4: εἰδόμενον; Theocr. XIII, 60, XXV, 58: ἐείδεται; Hom. hymn. εἰδόμενος. Apoll. Rhod. IV, 522, 855: ἐείσατο.

Νικίππα дор. Νικίππη — Никипа, жрица Деметры в Дотие.

γέντο (от γίγνομαι) — = εἵλετο, ἔλαβεν — взял.

44 στέμμα, τό — венок, гирлянда. Масличные и лавровые вет-

ви, обвитые белой шерстью. Ср.: Hom. Il. I, 14 = I, 373: στέμματ' ἔχων ἐν χερσίν.

μάκων, ᾱ — дор. = μήκων — мак.

Цветы, которые собирала Персефона, в разных источниках называются разные. Овидий в «Метаморфозах» (Ovid. Met. V, 391–392) пишет:

quo dum Proserpina luco ludet et aut violas aut candida lilia carpit...

Мак, как цветок Персефоны, встречается, скорее всего только у Каллимаха (интересно заметить, что на Крите найдено изображение Персефоны с головками мака в волосах).

Ср.: Hom. Il. VIII, 306; Theocr. VII, 157.

κατωμάδιος — с плеча брошенный.

κατωμμαδίαν дор. = κατωμαδίην.

κλᾱ̈δα дор. от κλείς, ἡ — ключ; ср.: II, 7: κληῖδες.

В *схолиях:* ἔχε κλᾱ̈δα· εἶχε κλεῖδα ὡς ἱέρεια.

45 φᾶ дор. к φημί.

Наряду с регулярными формами ἔφη (IV, 99, 249), φῆ (III, 29) Каллимах часто использует дорийские формы: φαμένα (V, 131), ἔφα (V, 82; VI, 53).

παραφύχω — охлаждать, зд. успокаивать, утихать, стихать (ср. παραφυχή, ἡ — прохлада, освежение). Встречаются также ἀναφύχω, ἀποφύχω (Hom.), ἐναποφύχω (Hes.), καταφύχω (Aeschl.); ср. Theocr. XIII, 54.

ἀναιδής — бесстыдный, наглый, дерзкий.

46 ἀνειμένα — от ἀνίημι — зд. посвящать; ср.: Theocr. XXII, 63.

В *схолиях:* ἀνειμένα· ἀνακείμενα (посвященный, пожертвованный).

47 τέκνον... τέκνον... τέκνον — *анафора* и *эпаналепсис.*

πολύθεστος — много и страстно желанный, *ἅπαξ.*

Образован по гомеровской модели: ἀπότεσθος (Hom. Od. XVII, 296). Ср.: ἄθεστος, αἰνήθεστος, πανάθεστος. В *схолиях:* πολύθεστε· πολυπόθητε.

ἐλινύω — прекращать, отдыхать. Вариант к παύομαι (ст. 48).

48 ἀποτρέπω — удалять; ср.: IV, 158: ἀπέτρεπεν.

Ср.: Apoll. Rhod. I, 681; I, 1088; IV, 521. Возможный вариант: ἀποτρωπάω.

χαλεφθῇ от гл. χαλέπτω = χαλεπαίνω — сердиться, преследовать, теснить.

ἐκκεραΐζω — вырубать, *неологизм,* образован от гомеровского κεραΐζω (ср. πέρθω и ἐκπέρθω).

50 ὑποβλέπω — глядеть искоса, исподлобья, ср.: VI, 51.

51 Τμάριος — по названию горы — Τμάρος = Τόμαρος в словаре *Гезихия*: Τόμαρος· τὸ ἐν Δωδώνῃ ὄρος. Иногда Тмарийским называли Зевса Додонского. *У Гезихия* и *Стефана Византийского*: Τμάριος· Ζεὺς ἐν Δωδώνῃ.

ὄρεσιν ἐν Τμαρίοισιν — в Тмарийских горах, горах Эпира.

ὄρεσιν дор. Во всех других, многочисленных случаях Каллимах использует регулярные ионийские формы. Ср.: I, 11; III, 183; IV, 70; V, 90 — ὄρος; III, 41, 198; V, 40, 72; V, 74; ὄρεος — III, 99' IV, 141; οὔρεος — IV, 126; οὔρεα — IV, 138; III, 155, 235; III, 18; IV, 287; III, 191; IV, 30; ὀρέων — V, 118; III, 188; V, 50; ὄρεσσι — I, 51; V, 111; οὔρεσι — I, 6; IV, 119; III, 20.

κυναγός, дор. = κυνηγός = κυνηγέτης — охотник. Ср.: Theocr. XXIII, 10; У Гомера: κυνηγέτης (Hom. Od. IX, 120).

52 ὠμοτόκος; ср.: IV, 120.

βλοσυρός — угрюмый, грозный, страшный; ср.: Hom. Il. VII, 212; XV, 608; XI, 36 (βλοσυρῶπις).

βλοσυρώτατον ὄμμα — *метонимия*; ср.: V, 17; 82; 87; 99.

53 χάζομαι — отступать; ср.: IV, 148; ср.: у Гомера — часто, Apoll. Rhod. III, 1051;

πάζω дор. от πήγνυμι — зд. вбивать.

χρώς — зд. кожа, тело.

Ср.: I, 32, 17; IV, 211.

Ср.: Theocr. II, 55, 110; VI, 14; VII, 109; XXV, 136, XXVII, 31; Apoll. Rhod. II, 200.

54 στεγανός = στεγνός — плотно закрывающий, непроницаемый, густой, покрывающий; τὸ στεγνόν — крыша, дом.

θησεῖ — дор. от τίθημι.

55 αἰέν = ἀεί; ср.: ἀεί (I, 2, 8; II, 36; II, 56; II, 68; II, 83; III, 146; III, 214; III, 258; IV, 8; V, 17; IV, 26). αἰεί (VI, 89; IV, 114; IV, 303, I, 9; VI, 126).

αἰέν (III, 101; VI, 55; IV, 231; I, 2; III, 137; IV, 278).

θυμαρής — сердцу любезный, дорогой; ср.: Hom. Il. IX,336; Od. XXIII, 232; Od. XVII, 199; X, 362. Hom. hymn. Cer. 494, XXX, 18; XXXI, 17.

Ср.: IV, 209.

ἄδην атт. ἄδην — нар. досыта, до пресыщения, вдоволь, довольно. Всегда используется данная ионийская форма, даже в VI гимне (ср.: дор. ἄδαν Alcm. frg. 20, 4P).

ἀξῶ дор. от ἄγω; ср.: VI, 17; VI, 120; VI, 85; V. 127 — дорийские формы от ἄγω, в других гимнах — ионийские.

56 κακὰν... φωνάν — дор.

Νέμεσις, ἡ — Немесида, дочь Ночи, *персонификация* справедливого возмездия; следит за соблюдением законов и на-

казанием преступников; ср.: Hes, Theog. 223.

57–67 Наказание Эрисихтона.

57 ἃ θεύς дор. = θεός, ὁ, ἡ.

вместо γείνατο есть чтение: εἴσατο

58 ἴθμα, τό — ход, поступь, движение (от εἶμι), *метонимия*.

Ср.: Hom. Il. V, 778; Hom. hymn. Ap. 114.

χέρσος, ἡ — суша, материк, твердая земля; χέρσω дор.

ἅπτομαι — касаться чего–либо, прикасаться к чему–либо; ἅψατ' дор.; ср.: VI, 32 наряду с ἥψαο (III, 116), ἅψασθαι (III, 27).

59 ἡμιθνής, ὁ, ἡ — полумертвый; чтение Meineke: ἀμιθνῆτες.

60 ἐξαπίνας = ἐξαπίνης; ср.: II, 5; III, 103; IV, 116 — ἐξαπίνης.

ἀπορούω — бежать, поспешно, стремительно; ср.: Apoll. Rhod. II, 591.

ἀφέντες от ἀφίημι.

χαλκός, ὁ — зд. топор из меди — *метонимия*.

61 ἄ дор. = ἤ.

ἄλλως дор. = ἄλλους.

ἐάω — зд. позволила уйти; ср.: III, 8, 154: ἔα.

63 ναί — да, поистине, подлинно, в самом деле, право.

τεύχω — делать, приготовлять, строить.

δῶμα, τό — зд. зал.

κύον, κύον — почему Деметра обругивает Эрисихтона этим словом? На этот счет могут быть несколько объяснений. В свое время Мак Кей[24] писал, что, возможно, этот стих аллюзия на призыв болезни κύων или κυνώδη, заключающейся в постоянном «собачьем» голоде. Можно объяснить данное употребление также тем,[25] что во времена Каллимаха это слово было бранным; известно, что египтяне, не любившие греков и македонцев, пришедших в их страну и контролировавших все высшие посты, ставшие недоступными коренному населению, называли греков «ионийские собаки». Ср.: в поэмах Гомера слова с корнем κυν– также могут быть бранными — например: об Агамемноне — κυνὸς ὄμματα (с песьими глазами) — Ил. I, 225.

64 ἔνι = ἐνί = εἰν = ἐν; ср.: III, 138, 170, 207; II, 78; VI, 54, 91.

θαμινός — частый (нар. θαμινά — часто); ср.: Hom. hymn. Merc. 44; Apoll. Rhod. III, 1266.

εἰλαπίνα, ἁ = εἰλαπίνη, ἡ — пир; ср.: VI, 84; вариант к δαίς.

65 εἰποισ' дор. — от λέγω; ср.: V, 98: εἶπας, VI, 17: λέγωμες.

24. K. J. Mc Kay. Erisichton, a Callimachean Comedy. Leiden, 1962. P. 70.

25. Египетская мифология. Энциклопедия. Пер. с англ. Д. Воронина. М.: ЭКСМО, 2002, с. 532.

66 χαλεπόν τε καὶ ἄγριον λιμὸν / αἰθωνα κρατερόν — болезненное ощущение голода может проявляться жжением, давлением, болью в подложечной области (голодные боли), иногда тошнотой, головокружением, головной болью. Как считает современная медицина, внешним проявлением голода является настойчивый поиск пищи, нередко связанный с преодолением даже значительных препятствий. В *словаре «Суда»*: αἴθων· ὁ βίαιος λιμός.

67 στρεύγομαι — изнуряться, мучиться, томиться.

Ср.: Hom. Il. XV, 512; Od. XII, 351; Apoll. Rhod. IV, 384, 621, 1058. Ср.: у Нонна ἐστρεύγετο λιμῷ (Nonn. XXVI, 113).

В *словаре Гезихия*: στρεύγει· ἀνιᾷ· καταγωνίζεται· προσδιατρίβει· βραδύνει· στρεύγομαι· διατρίβω.

νοῦσος = νόσος, ἡ; ср.: VI, 103: νόσον.

68–115 Последствия гнева Деметры. Страдания Эрисихтона и его семьи.

68 πάσαιτο от πατέομαι — отведывать, вкушать, есть.

69 εἴκατι дор. = εἴκοσι.

πένομαι — трудиться, хлопотать, приготовлять.

Ср.: Hom. Il. I, 318; XVIII, 558; Theocr. XIII, 32; Apoll. Rhod. II, 1014.

ἀφύσσω — черпать.

70 Διώνυσος = Διόνυσος.

В своих наиболее архаичных ипостасях бог виноградарства и виноделия Дионис тесно связан с культом Деметры и аграрной магией. Так, Дионис–Загрей считался сыном Зевса и Персефоны, т. е. хтоническим божеством. Отождествлялся также с Иакхом, одним из божеств элевсинского культа, который воспринимался иногда даже как сын Зевса и Деметры. Известны храмы, где совместно почитались Дионис, Деметра и Персефона. Ср.: Hom. Od. XI, 325 (Διόνυσος); Hom. Il. VI, 132, 135; XIV, 325 (Διώνυσος); Hom. hymn. VII, 56; XXVI, 1; XIX, 46; XXVI, 11 (Διόνυσος); Hom. hymn. VII, 56; XXVI, 1; XIX, 46; XXVI, 11 (Διόνυσος); Hom. hymn. VII, 1 (Διώνυσος); Theocr. XX, 33; XXVI, 33 (Διόνυσος); II, 120; XVII, 112 (Διώνυσος). Apoll. Rhod. I. 116; IV, 424, 540. В эпиграммах Каллимах также встречается то Διόνυσος (VIII, 1; XLVIII, 5), то Διώνυσος (XLIV, 2).

χαλέπτω = χαλεπαίνω — сердиться, гневаться, преследовать, теснить.

συνοργίζομαι — сердиться вместе. Вариант к κοτέομαι, χαλέπτομαι, χώομαι.

71 εἰς ἐράνως — дор. от ἔρανος, ὁ — обед в складчину, поэт.

пир, пиршество; ср.: Hom. Od. I, 226; XI, 415.

ξυνδείπνιον, τό — *неологизм*, вариант к σύνδειπνον, τό — общий обед.

72 προχάνα, ἁ дор. — предлог, отговорка, *неологизм*, образован, очевидно, от προχαίνω или προέχομαι — выставлять предлог (ср. Sof. Ant. 80). В *схолиях:* προχάνα· πρόφασις.

У *Гезихия:* προχάνη· σκῆψις, πρόφασις καὶ καλύπτρα.

74 Ἰτωνίας — итонийская, по топониму Итон в Фессалии. *В схолиях:* Ἰτὼν πόλις Θεσσαλίας

У Appol. Rhod.: Ἰτωνίς (I, 551).

Параллель Ἰτωνιάς и Ἰτωνίς подтверждается существующими у авторов примерами: Ἀβαντιάς и Ἄβαντίς, Ἀμνισιάς и Ἄμνισις, Πελασγιάς и Πελασγίς.

Ἰτωνιάδες Ἀθαναίας — культовые игры в честь Афины в г. Итон в Фессалии. Празднества в честь Афины Итонской назывались Παμβοιώτια, праздновались ежегодно в 10-м месяце, который получил от этого праздника название Παμβοιώτιος и соответствовал приблизительно нашему октябрю. Праздник сопровождался разного рода состязаниями.

75 Ὀρμενίδας, ὁ — ἅπαξ — Орменид, *патроним*, потомок героя Ормена, мифического основателя г. Ормений в фесалийской Магнесии.

ἀπ... ἀρνέομαι = ἀπαρνέομαι дор. — отрицать, отрекаться, отказываться.

76 ἔνδοι = ἔνδον.

χθιζός — зд. = χθιζόν = χθιζά = χθές — вчера.

βέβακε дор. от βαίνω.

Κραννών, ἡ — Краннон, город в Фессалии. В *схолиях:* Κραννῶνα· πόλις Θεσσαλίας.

77 τέλθος, τό — дор. — долг, платеж — *неологизм*. Ср.: V, 106.

В *словаре Гезихия:* τέλθος· χρέος.

τέλθος... ἑκατὸν βόας.

ἀπαιτήσων — дор. от ἀπαιτέω (Ср.: αἰτέω) — требовать назад.

Πολυξώ. ἡ — Поликсо, фессалийская героиня. В *схолиях:* Πολυξώ· ἐπίσημος αὕτη.

Ἀκτορίων, ὁ = Ἀκτορίδης, сын Актора, друга Триопа. Интересно образование *патронима*. Ср.: Hom. Il. II, 621; XI, 750; XXIII, 638.

ἀρτύω дор. ἄρτυε — устраивать, приготовлять.

κικλήσκοισα дор. от κικλήσκω — учащ. форма от καλέω — звать, призывать. Вариант к καλέω, καλιστρέω, κλείω, κλῃζω.

Ср.: II. 47 κικλήσκομεν; III, 154: κικλήσκοσιν.

Ср.: Hom. Il. II, 813; XVII, 532; XIV, 291; X, 300; Od. IV.

355; IX, 366; XV, 403; Hom. Hymn. Ap. 372 Cer. 327; Ven. 267; Apoll. Rhod. III, 200; IV, 519; Theocr. XXII, 133.

Τριόπας, ὁ — Трион, отец Эрисихтона; ср.: VI, 30, 81, 96, 111. Hom. hymn. Ap. 211; Theocr. XVII, 68.

80 γυνά дор. = γυνή, ἥ.

βαρύθυμος — печальный, унылый, сердитый; ср.: IV, 215: βαρύθυμε — относится к Гере: — νύμφα Διὸς βαρύθυμε в значении «разгневанная».

δακρυχέω = δακρύω; δακρυχέοισα дор. = δακρυχέουσα; ср.: Theocr. II, 64; XV, 41.

81 νέομαι — идти, отправляться; ср.: III, 148; VI, 7; II, 113.

В *схолиях:* νεῖται· ἔρχεται. Употреблен *praesens* вместо *futurum*.

ἤλασε от ἐλαύνω — зд. ранить; ср.: III, 141; V, 61; II, 107; V, 141.

Ср.: у Гомера — часто; Hom. hymn. Merc. 340. Theocr. III, 2; XX, 33; XXII, 104. Apoll. Rhod. I, 4; II, 815, 825; IV, 1377.

82 εὐάγκεια — *ἅπαξ* прекрасная долина (из εὐ и ἄγκος — долина, ущелье), образован по модели: συνάγεια и μισαγάκεια (Hom. Il. IV, 453) Πίνδον... Εὐάγκειαν.

ἐννέα φάεα — девять светов, *метонимия:* девять дней.

83 δείλαιος — несчастный, жалкий; ср.: VI, 93; VI, 100.

Ср.: Theocr. II, 83; IV, 13 epigr. XVI, 3; II, 19; IV, 14; XV, 69; Apoll. Rhod. III, 464.

84 δαίνυεν от — δαίνυμι давать пир, угощать.

85 νύμφαν дор. от νύμφη, ἡ; ἄγεσθαι νύμφαν — брать жену, жениться.

86 Ὄθρυς, ἡ — Отрис, гора в Фессалии; ср.: Hes. Theog. 632. Herod. VII, 129; Theocr. III, 43; Apoll. Rhod. II, 515.

ἀμιθρέω — форма образована путем метатезиса от ἀριθμέω — считать; конъектура Рункена и Валькенара; в рукописях есть чтение ἀριθμεῖ. В *схолиях:* ἀμ... ἀριθμεῖ.

87 ἐνδόμυχος— скрывающийся в самом отдаленном углу — *редкое слово*, встречается у Софокла (Sof. Rhil. 1457) и Нонна.

В *словаре Гезихия:* ἐνδομυχι· ἐν ἀποκρύψῳ τόπῳ и ἐνδόμυχοι· κάτοικοι.

δἤπειτα — *неологизм*, построенный на красисе: δὴ ἔπειτα.

Ср.: Hom. Od. XVII, 185: ἐπεί... δὴ ἔπειτα πόλινδ' ἰέναι μενεαίνεις.

πανάμερος = πανήμερος — продолжающийся целый день, ежедневный, непрерывный; ср.: ἔννυχος, ἐννύχιος и πάννυχος, παννύχιος.

Ср.: IV, 261: *πανήμερος*.

εἰλαπιναστάς, ὁ дор. = εἰλαπιναστῆς, ὁ — пирующий, за-

стольник, собеседник; ср.: Hom. Il. XVII, 577.

В *схолиях:* δαιταλεύς· πανήμερος.

88 μυρίος — бесчисленный, несметный, весьма большой.

κακὰ... γαστήρ — дор.

89 βυθός, ὁ — глубина (морская), пропасть. Ср.: Theocr. XXII, 17; Apoll. Rhod. IV, 1618.6.

90 ἀλέματος — тщетный, напрасный. В *схолиях:* ἀλεμάτως· ματαίως.

ἀχάριστος — неприятный, неугодный, неблагодарный.

Мак Кей[26] связывает это слово с выражением Феогнида: χαρίζεται τῷ γαστρί (Theogn. 920, 1000).

91–93 развернутое сравнение.

Μίμας, ὁ — Мимант, гора. По мнению *Гезихия:* Μίμας· ὄρος Αἰτωλίας, по мнению *Palmer'a:* Ἰωνίας, а по мнению *Мейнеке:* Μακεδονίας. В *схолиях:* Μίμας· ὄρος ἀντικρὺ Χίου.

Эту гору Каллимах в гимнах вспоминает трижды: IV, 157: ἐφ' ὑψηλοῖο Μίμαντος; IV, 67: ἐπαΐξασα Μίμαντι; VI, 91: ὡς... Μίμαντι χιών.

πλαγγών, ὁ — восковая кукла; слово, встречающееся только у Каллимаха, возможно, от собственного женского имени Πλαγγών. В *схолиях:* Πλαγγών· ἡ κήρινος νύμφη.

У *Гезихия:* πλαγγών· κήρινόν τι κοροκόσμιον ἐτάκετο... ὡς ἀελίῳ ἔνι πλάγγων.

ἀέλιος = ἠέλιος — солнце. В V и VI гимнах у Каллимаха — дорийские формы от этого слова: ἀέλιον (V, 89), ἀελίῳ (VI, 91), в других гимнах — ионийские — Ἠέλιος (III, 181), Ἠέλιον (IV, 170).

νεῦρον, τό — сухожилие. Наряду с чтением ἐπὶ νεύροις, есть чтение ἐπὶ νευράς.

93 ῥινός, ἡ — восстанавливается по рукописному варианту [ῥ]ιν[ός]; Pap. Ox. 2226; ῥινός — конъектура Валькенера; ἶνες — чтение рук. Ψ.

94 ἀδελφά, ἀ дор. = ἀδελφή, ἡ — сестра.

Есть конъектура Meineke: ἀδελφεαί βαρύ... ἔστευον... αἱ δυ' ἀδελφαί — ἀδελφεαί.

95 χὠ = καὶ ὁ.

μαστός, ὁ — сосок, грудь — *метонимия:* кормилица; *ἅπαξ.*

В *схолиях* χὠ μαστὸς τὸν ἐπωνε· καὶ ὁ μαστὸς ὃν ἔπινεν, ἤγουν ἡ *τροφός.*

ἔπωνε дор. = ἔπινεν от πίνω.

δώλα, ἀ дор. = δούλη, ἡ — рабыня.

26. K. J. Mc Kay, op. cit., p. 107.

96 πολιός — седой (о волосах и о стариках). Каллимах употребляет это прилагательное в качестве субстантива: седина.

Ср.: II, 14 πολιῆν... κερεῖσθαι VI, 96: πολιαῖς ἐπὶ χεῖρας ἔβαλλε.

97 Ποτειδάωνα дор. = Ποσειδάωνα.

В других случаях формы от Ποσειδάων: IV, 101: Ποσειδάωνος; III, 50, IV, 271: Ποσειδάωνι.

καλιστρέω — звать, призывать. В *схолиях:* καλιστρέων· καλῶν.

Ср.: III, 67 καλιστρεῖ, в *схолиях* поясняется: καλιστρεῖ· καλεῖ.

Вариант к καλέω, κικλήσκω, κλείω, κλῄζω.

ἀίω — слышать, зд. уделять внимание. Вариант к ἀκούω и ἐσακούω.

Ср.: V, 14: ἀίω, I, 65: ἀίοντος, II, 17: ἀίοντες.

98 ψευδοπάτωρ, ὁ — лжеродитель, *неологизм*, образован по модели композита с –πάτωρ. Ср.: μητροπάτωρ (Hom.), προπάτωρ и πατροπάτωρ (Pind.), μεγιστοπάτωρ (Baq.), εὐπάτωρ (Aesch.) ἀπάτωρ (Sof.), λιποπάτωρ и φιλοπάτωρ (Eurip.), ὁμοπάτωρ (Plat.), τριτοπάτωρ (Arist.), κλοποπάτωρ (Theocr.), ταυροπάτωρ, χρυσοπάτωρ (Nonn.).

Композиты с ψευδο–: ψευδόμαντις (Aesch. Ag. 1195), ψευδόδειπνος (Aesch. frg. 432 M).

τρίτος — третий, зд. третий потомок, внук.

τόνδε τεοῦ τρίτον— имеется в виду Эрисихтон; ср.: III, 121: τὸ τρίτον.

Κανάκα, ά дор. = Κανάκη — Канака, героиня, дочь Эола, мать Триопа. *В схолиях:* ἡ Κανάκη μήτηρ Τριόπα, θυγάτηρ Αἰόλου.

100 βρέφος, τό — новорожденное дитя, ребенок, младенец; ср.: II, 51. Вариант: γένος.

δείλαιος — несчастный, неудачный. Ср.: VI, 93, VI, 83.

αἶθε = εἴθε.

101 βλητός — от βάλλω; ср.: III, 127: βληταί. В *схолиях*: к III, 127: βληταί· ἤγουν βεβλημέναι ὑπὸ τῆς Ἀρτέμιδος

Ср.: Hom. Il. IV, 540: ἄβλητος; Hom. Il. II, 361, III, 65: ἀπόβλητος. В данном случае ситуация аналогична III, 127 — βλητὸν ὕπ' Ἀπόλλωνος.

κτερεΐζω — торжественно хоронить. У Гомера: — κτερίζω: Hom. Il. XXIII, 646; XXIV, 657; Od. I, 291; II, 222; Apoll. Rhod. II, 857 (κτερέιζεν); II, 859 (ἐκτερέιξαν).

102 βούβρωστις, ἡ (βιβρώσκω, βου от βοῦς означает нечто громадное) — большой голод, нужда. Ср.: Hom. Il. XXIV, 532.

По мнению ряда ученых, данное употребление — при-

мер использования гомеровской лексики.

103 ἀπόστασον дор. от ἀφίστημι — зд. снимать, убирать.

104 βόσκω — кормить, питать; ср.: III, 155: βόσκεσθαι; II, 52: βοσκομένῃσι.

Ср.: Hom. Il. XV, 548: βόσκ'. Od. XVII, 559: βοσκήσεις; Hom. hymn. Merc. 559. βόσκονται. У Каллимаха встречаются также: καταβόσκομαι (III, 125) и περιβόσκομαι (II, 84).

ἀμός дор. = ἐμός.

ἀπειρήκαντι дор. от ἀπεῖπον, ἀπόφημι — зд. отказаться, ослабеть, изнемочь; ср.: III, 174 ἀπο... εἴπαο; III, 267 ἀπείπατο; IV, 117: ἀπειρήκασι ἀμαὶ γὰρ ἀπειρήκαντι τράπεζαι.

105 χῆρος — опустевший; ср. у Гомера глаголы χηρεύει (Hom. Od. IX, 124) и χηρόω (Hom. Il. V, 642; XVII, 36), Apoll. Rhod. I, 811; III, 662.

χῆραι... κενεαί — *параллелизм.*

μάνδρα, ἁ — загон, стойло. В словаре *Гезихия*: μάνδραι· ἕρκη, φραγμοί, αὐλαί, σηκοὶ βοῶν καὶ ἵππων.

κενεός = κένος = κείνος — пустой. У Гомера: κενεός (Hom. Il. 298; Od. X, 42) и κεινός (Hom. Od. XXII, 249).

αὖλις, ἡ — место привала или ночлега, стоянка, зд. закут.

Ср.: III, 87: *αὖλιν*. Ср.: Hom. hymn. Merc. 71. Ven. 168 — αὖλιν, Theocr. XVI, 92; XXVII, 45.

106 μάγειρος, ὁ — повар.

ἀπαρνέομαι — отрицать, отрекаться, отказываться.

Ср.: IV, 100: ἀπηρνήσαντο VI, 75: ἀπ'...ἀρνήσατο.

107 οὐρεύς, ὁ = ὀρεύς — мул; ср.: Hom. Il. I, 50; X, 84; XXIII, 111, 115; XXIV, 716; Hom. hymn. Ap. 263; Apoll. Rhod. III, 841, 1154.

μεγαλᾶν ἀμαξᾶν — дор.

108 βῶν дор. к βοῦς, ὁ, ἡ; ср.: III, 254; βοός; III, 157: βόες; VI, 136: βόας; II, 92: βοῶν.

Ἑστίᾳ = Ἑστίῃ.

Гестия — старшая дочь Кроноса и Реи, богиня домашнего очага как символа единства семьи и общины. Отказалась от брака и пребывает в целомудрии. Не имеет собственной мифологии.

109 ἀεθλοφόρος — получающий призы на соревнованиях.

Ср.: Hom. Il. XXII: ἵππος ἀεθλοφόρος; IX, 124, 266: ἀθλοφόρους (ἵππους), XI, 699; ἀθλοφόροι ἵπποι.

110 αἴλουρος, ἡ = αἰέλουρος, ὁ, ἡ — кот, кошка. В *схолиях:* τὰν αἴλουρον· τὸν ἰδιωτικῶς λεγόμενον κάττον.

μικκά — дор. от μικκός, μικκο дор. беот. — μικρο.

В *схолиях:* θηρία μικκά· οἱ μύες.

θηρία μικκά — иронически.

111 χρῆμα, ατος τό — зд.: запасы, провизия.

112 οἰκεῖοι θάλαμοι — *метафора.*

113 βαθὺν οἶκον — *метафора*: богатый дом.

ἀναξηραίνω — высушивать, сушить; ср.: Hom. Il. XXI, 347.

В *схолиях:* ἀνεξήραινον· ἔρημον ἐποίουν ὀδόντες ἀνεξήραναν οἶκον — *неологизм, метафора*, возможная параллель: οἶκον... διαρραίσει (Hom. Il. 49).

114 τόχ' — конъектура Brunck'a, рукописные варианты: τότ' ὁ; τόθ'.

τρίοδος, ἡ — перекресток; ср.: Theocr. II, 36: ἐν τριόδοισι.

115 ἄκολος, ἡ — кусок хлеба, кроха; ср.: Hom. Od. XVII, 222.

ἀκόλως дор.; конъектура Ernesti: ἀκόλους.

В *схолиях:* ἀκόλως· ἄρτους.

116–117 биографический софизм.

116 τῆνος дор. = ἐκεῖνος.

ἀπεχθής — ненавистный; ср.: Theocr. I, 101; 141. Вариант: ἐχθρός.

117 ὁμότοιχος — имеющий общую стену, рядом живущий, смежный; κακογείτων — злой сосед. Встречается у Софокла (Soph. Phil. 692 = γείτων).

118–133 заключение гимна. Возвращение к ритуальной процессии.

118–127 перечисление благодеяний Деметры участницам процессии.

118 παρθηνική, ἡ = παρθένος, ἡ; ср.: V, 34; IV, 298.

Ср.: Hom. Il. XVIII, 567; Od. VII, 20; XI, 39; Hom. hymn. Ven. 14; XXX, 14; Theocr. VIII, 59; XII, 5; XVIII, 2;

τεκοῖσαι дор. = τεκοῦσαι; ср.: III, 128; IV, 243, 241; III, 30, 24; V, 134; I. 29, 10; IV, 163; III, 70; IV, 111.

119 πολυτρόφος — многокормленный, тучный, откормленный.

Ср. образования с πολυ–: πολυχρόνιος (III, 132; V, 128; IV, 282); πολύχρυσος (II, 34); πολύπτολις (III, 225; IV, 226); πολύστειβος (I, 26); πολύστιος (I, 26 — *неологизм*); πολύβωμος (IV, 266, 316); πολύθεστος (VI, 47 — *неологизм*).

πουλυμέδιμνος — многомедимная (медимн — хлебная мера, равная ≈ 192 граммам).

Ср. образования с πουλυ–: πουλυμέλαθρος (III, 225 — *неологизм*); πουλυκτέανος (II, 35).

120 χὡς — красис = καὶ ὡς.

λευκόθριξ — белорунный, белый.

121 εὐρυάνασσα — широкоцарящая — *ἅπαξ.*

У Гомера встречается: εὐρυκρείων. У Пиндара: εὐρυ ἀνάσσων (Pind. O. XIII, 24). У Вакхилида: εὐρυάναξ (Baq, V, 19);

μεγιστοάνασσα (Baq. XIX, 1 — о Гере);

ὑμνοάνασσα (Baq. XII, 1 — о Клио).

122 λευκόν... λευκόν — *анафора.* В *схолиях:* λευκὸν· λαμπρόν. Ср.: I, 19: λευκότατος (о воде).

χεῖμα, τό — зима, в прозе — χειμών; ср.: II, 83.

φθινόπωρον, τό — поздняя осень; ср.: Pind. P. V, 120.

φυλαξεῖ дор. от φυλάσσω — зд. в значении «покровительствовать»; ср.: III, 6: φυλάσσειν; I, 81: φυλασσέμεν; IV, 64: ἐφύλασσε; IV, 204: ἐφύλαξα.

124 ἀπεδίλωτος — ἄπαξ образован от ἀπέδιλος — необутый, босой (ср. Aesch. Prom. 135).

Композиты на — ωτος довольно часто встречаются в греческом языке: ἄπυρος и ἀπύρωτος (Hom. Il. XXIII, 270); ἀκάρπωτος (Aesch. Eum. 714); ἀπύργωτος (Hom. Od. XI, 264; Apoll. Rhod. I, 736); ἀφάρωτος (Call. frg. 555).

ἀνάμπυξ — с лентой на голове, от ἄμπυξ — повязка на голове — *неологизм,* встречается еще у Нонна; образован по модели: χρυσάμπυξ (Hom.); ἑλικάμπυξ, εὐάμπυξ, κυανάμπυξ, λιπαράμπυξ (Pind.); ἱμεράμπυξ (Bacch.); μονάμπυξ (Eurip.).

πατεῦμες дор. от πατέω — зд. проходить.

125 παναμπηρής — ἄπαξ. образован от ἄπηρος — неувечный (πηρός — поврежденный в какой-либо части тела, увечный, слепой (Ср.: Hom. Il. 599), ἀπηρής у Аполлония Родосского (Apoll. Rhod. I, 556). Ср.: παναπευθής, παναφανής, παναεργής.

В *схолиях:* παναπηρέας· ἀβλαβεῖς.

126 λικνοφόρος, ἁ — λίκνα φέρουσι — *полиптот.*

λίκνον, τό — плетеная корзина, кошница; ср.: I, 48.

В *схолиях:* χρυσῷ πλέα λίκνα· ἢ χρυσοῦ πεπληρωμένα ἢ ὅτι *περιεχρύσουν αὐτά δι' εὐπρέπειαν*

127 πασαίμεσθα дор. от πατέομαι — вкушать, пить; зд. насыщаться; *в схолиях:* πασεύμεθα· κτησόμεθα.

128–132 обращение к непосвященным, которые могут принимать участие в процессии, но дойти должны только до пританея. В *схолиях* поясняются так: τὰς μὲν ἀμυήτους κελεύω μέχρι τοῦ πρυτανείου παραγένεσθαι· αἵτινες δέ εἰσιν ἑξήκοντα ἐνιαυτῶν ἢ καὶ πλειόνων, ταύτας κελεύω κατὰ τὸ δυνατὸν ἀκολουθῆσαι τῷ καλάθῳ.

128 πρυτανήιον, τό — пританей, *синекдоха: pluralis pro singulari.*

Ср.: Theocr. XXI, 36.

Пританей — общественное здание, символический центр города, где, как правило, горел посвященный Гестии огонь, символ единства общины.

ἀτελέστως дор. ἀτέλεστος — непосвященный; ср.: IV, 87.

129 τελεσφορίη, ἡ — процессия, *неологизм,* образован от

τελεσφόρος — совершенный, полный, по модели: νικαφορία, δυσφορίη.

ὁμαρτέω — следовать, сопровождать. ὁμαρτεῖν... μέστα (μέσφα) τὰ... πρυτανήια.

ἄχρις, ἄχρι — до края, совершенно.

ποτί дор. = πρός.

130 κατώτερος — низший, срав. степень от κάτω, *неологизм*.

αἴτινες ἑξήκοντα κατώτεραι — моложе шестидесяти лет.

αἱ... βαρεῖαι— от βαρύς, зд.: беременные.

131 χᾶτις дор., красис: καὶ ἥτις.

132 γόνυ, τό — *singularis pro plurali*.

ἱκανός — имеющий достаточно сил.

αὐτᾶν — есть чтения: αὐτάν, αὐταῖς.

133 ἐπίμεστος — особенно изобильный, *неологизм*; ср.: ἐμμεστος, ἀνάμεστος, διάμεστος, περίμεστος.

132–133 В *схолиях*: «ταῖς ἐλθούσαις καὶ ταῖς μὴ ἐλθούσαις ἴσον μισθὸν δώσει ἡ Δημήτηρ».

134–138 *концовка* гимна; возможная эпифания Деметры.

134 σάω дор. от σῴζω — зд. защищать.

135 εὐηπελία, ἁ — процветание, *неологизм*, образован по модели: κακηπελία, ἀνηπελίη, ὀλιγηπελίη.

ἀγρόθι от ἀγρός, ὁ, конъектура Meineke: ἀγρόθε.

νόστιμος — обещающий, приносящий возвращение; живой, невредимый.

136 φέρβω — питать, кормить, пасти; φέρβε βόας... φέρβε καὶ εἰράνον — *параллелизм* и *анафора*.

φέρβε εἰράνον — *метафора*.

στάχυς, ὁ — колос; *метонимия* и *синекдоха*.

μᾶλον, τό дор. = μῆλον, τό — яблоко; ср.: VI, 11: ὅπα τὰ χρύσεα μᾶλα.

137 ἄροσε дор. от ἀρόω — пахать; антитеза к ἀμάω — жать.

ἵλαθι дор. от ἵλημι — быть милостивым, (ср.: ἵλαος — милостивый, благосклонный); ср.: Hom. Od. III, 380 — ἵληθι; XVI, 184 — ἵληθ'; XXI, 365: ἱλήκῃσι; Hom. hymn. ἵληθ' в XX, 8; XXIII, 4; XXXIV, 17. Theocr. XV, 43; Apoll. Rhod. II, 693; IV, 1014; 1600; 1333; 1411; 1773; 984.

τρίλλιστος — трижды умоляемый, весьма желанный; ср.: Hom. Il. VIII, 488.

По отношению к Деметре такое обращение — *неологизм*. Ср.: πολύλλιτος.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПЕРЕВОДЫ ГИМНОВ

Все гимны даются в переводе И. И. Мартынова по изданию: Гимны Каллимаха Киренейского. Перевел с греческого Ив. Мартынов. СПб., 1823. Переводы Ивана Ивановича Мартынова в настоящее время доступны редкому читателю (в Москве с ними можно познакомиться по микрофильму в Российской государственной библиотеке). Вместе с тем, прекрасный знаток греческого языка И. И. Мартынов первым дал наиболее близкий к оригиналу перевод; на его основе в дальнейшем гимны переводились как прозой, так и стихами. Кроме того, перевод И. И. Мартынова – сам по себе замечательный памятник пушкинского времени. В данном издании перевод И. И. Мартынова публикуется с минимальной редакторской правкой: приведены в соответствие с сегодняшними правилами лишь орфография и пунктуация.

К ЗЕВСУ

При жертвоприношениях Зевсу что достойнее воспевать, как не самого бога, всегда великого, всегда царя, победителя земнородных, законодателя небожителей? Но как воспоем его? Диктейским ли или Ликейским? Дух мой в великом недоумении; о родине его мнения различны. Зевс! Тебя вещают родившимся на горах Идейских и в Аркадии. Кто, отче, не прав из них? «Критяне всегда лживы»: они и гроб тебе, о царь, соорудили; ты же не умирал и живешь вечно. Рея родила тебя на Паррасии там, где гора сия осеняется густым кустарником. С того времени место это священно; никакое животное, нуждающееся в Илифии, никакая жена к нему не приближается; Апиданы зовут его древним одром Реи.

Когда чрево матери тобою разрешилось, она сразу там стала искать потока воды, чтобы омыть нечистоты родов и твое тело. Но ни величественный Ладон еще не протекал, ни Эри-

манф, чистейшая из рек; еще вся Аркадия была безводна. Вскоре должна была она покрыться водами; но в то время, когда разрешилась тобою Рея, многие дубы возвышались на водном Иаоне, многие колесницы катились по Меланфу, многие звери поверх Кариона, ныне полноводного, устраивали свои логовища, и человек по Крафисе и каменистой Метопе шествовал, томимый жаждою, хотя под ногами его таилась вода в изобилии.

Этим неудобством одержима, священная Рея рекла: «Возлюбленная Земля! роди и ты; твои роды легки». Сказала и, воздев величественную руку, ударила по горе жезлом. Гора надвое широко расступилась, и брызнул поток великий. Тогда Рея, омыв тело твое, царь, повила пеленами и отдала тебя Неде отнести на Крит и тайно там воспитать тебя; Неде, старейшей из Нимф, ей в родах помогавшей, старшей годами после Стиксы и Филиры. И богиня не малую изъявила ей благодарность: Недою назвала этот поток, который издревле у самого града Кавконов, именуемого Лепрейоном, в изобилии своем соединяется с Нереем, и древнейшую воду эту пьют потомки Ликаонской медведицы. Оставив Фены, когда Нимфа несла тебя, отче, в Кносс (Фены были неподалеку от Кносса), там отпал пупок твой; поэтому поле оное Кидоняне после назвали «Пуповым».

Тебя же, о Зевс, подруги Корибантов, Диктеи Мелийсисские, понесли на руках, и Адрастея уложила спать в златой колыбели. Ты сосал тучные сосцы козы Амалфеи, потом вкушал сладкий мед; ибо внезапно явились тогда соты пчелы Панакриды в горах Идейских, потом названных Панакрами. Куреты быстро около тебя кружились в военной пляске, ударяя в оружие, чтобы звук щита дошел до ушей Крона и заглушил крик твой. Быстро ты возрастал, благо питался ты, о Зевс небесный! Вскоре возмужал, и нежный пух покрыл твои ланиты; но уже в отрочестве вещал ты все совершенное. Отчего и братья твои, хотя старше тебя, без зависти уступили тебе небеса.

Древние песнопевцы несправедливо передали нам, что жребий разделил владычество между тремя сынами Крона. Кто же об Олимпе и Аиде станет метать жребий? Разве безумный? О равном обычно решают по жребию; а те достояния много разнятся между собою. Если бы я желал вещать ложь, то изрек бы по крайней мере такую, которая нравилась бы ушам слушающего. Не жребий сделал тебя царем богов, но дела рук, Сила твоя и Мощь, которых посадил ты у трона своего. Ты возло-

жил на царя пернатых возвещать твои предзнаменования; молю, посылай друзьям моим счастливые. Ты избрал себе лучших мужей: не в кораблеплавании искусных, не мужа, щит держащего, не песнопевца: сих предоставил ты богам меньшим, другим попечению вверил другое; себе же избрал градодержцев, во власти коих земледелец, оруженосец, мореход и все. Кто не во власти повелителя? Так воспеваем медников Гефестовыми, оруженосцев — Ареевыми, охотников — Хитониными; искусных в сладкогласии лиры Фебовыми; но «цари от Зевса»; для Зевса ничего нет священнее властителей. Поэтому ты выбрал их в удел себе и вверил им хранение городов, а сам восседаешь на высоких твердынях, призирая, кто право и кто неправо народом управляет. Ты всем им даровал богатство и изобилие, однако не поровну. Довлеет во свидетельство сему наш Государь, намного превзошедший в том прочих. Вечером совершает он, что помыслит утром; вечером великое, а малое в то же время, как только подумает: на что другим потребен год и более; иных же начинания сам ты делал безуспешными и рвение их сдерживал.

Приветствую тебя, верховнейший сын Крона, податель блаженства, податель невредимого здравия. Деяния твои кто воспеть может? Не бывало сего и не будет. Кто воспоет деяния Зевсовы! Приветствую тебя, отче, приветствую паки; даждь нам добродетель и богатство. Ни изобилие без добродетели не может сделать людей блаженными, ни добродетель без изобилия; даждь же добродетель и изобилие!

К АПОЛЛОНУ

Как потряслась лавровая ветвь Аполлона; как вся святыня его поколебалась! Удалитесь, удалитесь, беззаконные! Уже Феб ударяет в дверь божественною ногою. Не видишь ли? Делосская пальма внезапно согнулась, и сладкая песнь лебедя раздается в воздухе. Падите ныне, вратные заклепы, падите затворы; бог приближается. А вы, юноши, приготовьтесь к песнопению и ликованию. Аполлон не всякому является, но только благому: кто узрит его, велик тот; кто не увидит, жалок. Да узрим тебя, о боже! и не будем жалки никогда. Если отроки хотят некогда достичь дней брачных, украситься сединою и стенам их городов пребывать на древних основаниях, то с появлением Апол-

лона не должна быть ни лира их безгласною, ни шествие бесшумным. Хвала сим отрокам; ибо лира их уже не праздна. Безмолвно внимайте хвалению Аполлона.

Когда песнопевцы славят лиру или стрелы, оружие Ликорейского Феба, тогда и море безмолвствует. Скорбная матерь Фетида не рыдает об Ахилле, когда услышит: Ио Пэан, Ио Пэан; и слезоточивый камень, неподвижно стоящий во Фригии, тот мрамор, в который превратилась жена, еще и ныне горестно стенающая, отлагает плачевные вопли. Ио! Ио! Восклицайте! Тяжко враждовать с богами! Кто ратует с богами, тот ратует с царем моим; кто ратует с царем моим, ратует и с Аполлоном. Если хор будет Аполлону по сердцу, он почтит его наградою; возможно то ему, ибо сидит одесную Зевса. Но единого дня не хватит хору для воспевания его; обильный он для сего предмет. Кому нелегко воспевать Аполлона? Златая у него и хламида, и застежка, и лира, и лук Ликтийский, и тетива, златые и сандалии. Много у Аполлона злата и богатства. Да будет в том свидетелем Пифон. Феб вечно прекрасен и вечно юн; никогда нежных ланит его юношеский пух не покрывал. Власы его изливают на землю елей благовонный; не тук каплет с волос Аполлона, но самая панакея. Блажен град, в коем капли сии падут на землю; все там пребудет невредимо.

Никто не обилен столько в искусстве, как Аполлон. Он в удел получил стрельцов и песнопевцев; лук и лира власти его вверены. В деснице его жребии и предвещания; от него врачи познали отложение смерти. Его именуем и Номием с того времени, как при Амфрисе пас он упряжных коней, пламенея любовью к юному Адмету. Скоро стада наполняются тельцами, и козы, пасущиеся с овцами, не бывают без ягнят, если Аполлон возвел на них око свое; овцы не бывают ни безмлечны, ни бесплодны; но все приносят ягнят, и рождающая одного внезапно становится вдвойне и втройне плодовита. По слову Аполлона людьми сооружились города; он всегда радуется о городах созидаемых, и сам основания им полагает. Четырехлетним еще впервые заложил он основание в прекрасной Ортигии, близ круглого озера. Артемида с охоты часто приносила головы Кинфских коз; Аполлон же создавал жертвенник; заложил основу роговую, соорудил алтарь из рогов и обложил его стенами из рогов. Так он научил воздвигать первые здания. Он предсказал и Батту основание отеческого града моего на земле плодоносной; счастливым

враном предводил народ, переселяющийся в Ливию, и клялся царям нашим дать ограду; клятва же его священна.

О Аполлон! Многие зовут тебя Боэдромием, многие Кларием; и подлинно различные дают тебе имена; но я именую тебя Карнейским; это обычно в моем отечестве. Боже Карнейский! Спарта была первым твоим престолом, вторым — Фера, третьим город Кирены. Из Спарты шестое колено Эдипа перенесло алтарь твой в селение Ферейское; из Феры же здравый Аристотель перенес его в землю Асбистийскую, там соорудил тебе великолепный храм и учредил в честь тебя годовой праздник, на коем многие волы в последний раз падают. Ио, Ио! Великий боже Карнейский! Жертвенники твои весною покрыты бывают всякими цветами, какие только Оры с дышущим росою Зефиром взрастят, а зимою на них благоухает шафран; пред тобою огонь никогда не угасает, и вчерашний уголь не превращается в пепел. О! Сколь радовался Феб, когда подпоясанные мужи Энио плясали с белокурыми ливийками на священных праздниках Карнейских. Дорийцы не могли еще тогда приблизиться к источнику Кирну, но обитали в долине Азилы, покрытой густым лесом. Аполлон взирал там на них и показал их своей невесте, стоя на скале Миртусе, где Гипсеева дщерь убила льва, гибель волов Еврипильских. Аполлон не видал другого хора, более достойного себя; никакому граду не изливал столько щедрот, как Кирене, помня о прежнем похищении; потому и самые чада Батта ни одного бога не почитают так, как его.

Ио! Да воспоют все тебе, Ио Пеан. Дельфийский народ прежде всех придумал сие возглашение, когда ты явил искусство метать стрелы из золотого лука. Пифон, страшное чудовище, лютый змей, устремился на тебя; но быстрые стрелы, метаемые тобою одна за другой, умертвили его. Тогда народ воскликнул: Ио! Ио Пеан, метай стрелы: мать родила тебя избавителем; и с того времени так воспевают тебя.

Зависть в уши Аполлона тайно рекла: «Не дивлюсь песнопевцу, воспевающему предметы, не равные понту». Аполлон же пхнул Зависть ногою и так вещал: «Течение Ассирийской реки велико: но она много нечистот, много тины влечет с водою; и Мелиссы не из всякой реки черпают воду для Деметры, но приносят ей самую чистейшую из священного узкого родника, ничем не осквернённого».

Приветствую тебя, царь! Глумление же да погибнет!

К АРТЕМИДЕ

Поем Артемиду (ибо тяжко поющим забывать богиню, пекущуюся о луке, охоте, большом хороводе и об играх в горах). Прежде поведаем, как, восседая на коленях отца, еще в малолетстве вещала она: «Позволь мне, отче, сохранить вечное девство и многоимение, да не превозносится Феб предо мною. Дай стрелы и лук. Или оставь это. Ни колчана, ни большого лука не прошу у тебя: Киклопы мгновенно скуют мне стрелы и сделают гибкий лук; но дай светочи, и да препоясаю опущенный хитон, до колена лишь доходящий, чтобы он в охоте на диких зверей не мешал. Дай мне шестьдесят Океановых дочерей, девятилетних отроковиц, еще в детских хитонах. Дай мне в служебницы двадцать Нимф Амнисийских, чтобы они содержали в порядке ловчую обувь мою и быстрых псов после возвращения моего с охоты на рысей и оленей. Дай мне горы все, город же один, какой соизволишь; редко Артемида будет приходить в город; в горах обитать буду. В города людей входить буду тогда только, когда жены, удручаемые жестокими родильными недугами, призовут меня на помощь; судьба с самого рождения моего даровала мне искусство им помогать; ибо и мать моя, нося меня в чреве и рождая, не страдала, но произвела на свет безболезненно». Говоря это, отроковица хотела коснуться бороды отца; но много раз протягивала руки тщетно, пока наконец не дотянулась. Отец, помавая главою, осклабляется и, поглаживая ее, говорит: «Если бы все богини рождали мне таких чад, не уважал бы я гнева ревнивой Геры. Обладай, дщерь, всем, что сама просила, но и другое даст тебе отец, еще большее. Тридцать городов, а не один, будут твоим достоянием; тридцать городов не будут чествовать никакого другого бога, кроме тебя одной, и будут именоваться Артемидиными. Многие города отделю на суше тебе одной, а иные вместе с другими богами; много дам островов, и во всех них будут возвышаться алтари и рощи Артемидины. К тому же будешь дорог и гаваней покровительницею». Так сказав, он покивал головой. Шествует дева на Левк, гору Критскую, лесом покрытую; оттуда пошла к Океану, собрав многих Нимф девятилетних, еще в детских хитонах отроковиц. Возрадовалась река Кэрат, возрадовалась Тефиса, посылая дщерей в спутницы дочери Латониной.

Оттуда Артемида пошла к Киклопам, коих обрела на острове Липаре (Липара имя новое; но тогда назывался он Мелигунис) стоящими у наковальни Гефеста вокруг раскаленного железа. Им предлежал великий подвиг: ковали Посейдону водопойню для коней. Ужаснулись Нимфы, когда узрели страшных чудовищ, скалам Оссы подобных, у коих на челе было по единому оку, грозно сверкающему, равному четырекожному щиту; и когда услышали стук звучащей наковальни, бурное дуновение мехов и тяжкий стон Киклопов. Звук раздавался в Этне, отзывался в Тринакрии, жилище Сиканов, отзывался в ближней Италии, и страшный рев издавал Кирн, когда они, вознося молоты выше плеч и извлекши из горнила медь или железо, изо всех сил ударяли. Вот потому-то девы Океана не могли без страха ни прямо взирать на них, ни слушать громкие удары. И не диво; на них никогда не взирают бестрепетно даже и немалолетние дщери богов; ведь если какая отроковица не хочет слушать матери, та угрожает ей, что призовет Киклопов — Арга и Стеропа; внезапно из укромного места дома является Гермес, вымазанный сажей, стращает отроковицу, и она, присмиревши, прячется на грудь родительницы, закрыв очи руками. Ты же, о дева! еще в юных летах, трехлетнею, когда Латона принесла тебя к Гефесту, позвавшему для принятия от него первых даров, и Бронтей посадил тебя на крепкие колени, мощно ухватила косматые власы на широкой груди и дернула с силой, отчего середина груди остается безвласою и поныне, подобно тому, как по истреблении волос на голове лисицею никогда уже они не вырастают. И так неустрашимо тогда провещала Киклопам: «Скуйте и мне лук Кидонский, стрелы и колчан; ибо и я, как Аполлон, рождена Латоною. Если же застрелю дикого вепря или иного большого зверя, есть его будут Киклопы». Сказала, и они совершили.

Ты же, о богиня, немедленно вооружась, отправилась искать собак. Пришла к Аркадской пещере Пана, резавшего тогда мясо Меналийской рыси для корма плодовитых сук. Бородатый Пан дал тебе двух псов получерных, трех с повислыми ушами и одного пятнистого; они, повергая даже львов, коль скоро заприметят оленей, живыми в хлев увлекают; сверх того дал семь собак киносурских, ветра быстрее, для преследования быстрых оленей и неморгающего зайца, для отыскания логова оленя, гнезда дикобраза и для наведения на след косули.

Оттуда отходя (с тобою шли и псы), у подножья горы Парасийской нашла ты скачущих оленей стадо прелестное! Они всегда паслись на берегу чернопесчаной реки Анавра, ростом больше тельцов и блистали златыми рогами. Как только ты узрела их, так помыслила в сердце: «Первая добыча эта была бы достойна Артемиды». Всего их было пять; четырех настигла ты на бегу, без псовой травли, и влекут они твою быструю колесницу. Один же, убежавший через реку Келадон, по внушению Геры, чтобы был он последним подвигом Геракла, скрылся за холмом Керинейским.

О! Артемида, убийца Тития! Золотые у тебя были доспехи и пояс; золотую запрягла ты колесницу и золотые наложила узды на оленей. Но куда в первый раз понесла тебя влекомая сими рогатыми животными колесница? На Гем Фракийский, откуда приходит бурный Борей, принося неимущим теплые одежды, жестокую стужу. Где срубила светоч? На Миссийском Олимпе? От какого пламени зажгла его? От неугасаемого огня, из перунов отца исходящего. Сколько раз, богиня, испытывала ты серебряный лук? В первый раз ты выстрелила в вяз, во второй — в дуб, в третий — в зверя; в четвертый уже не в дуб, но устремила стрелы на град нечестивых людей, много сделавших беззаконного и против себя, и против других. Злосчастны караемые тяжким гневом твоим! Скот их язвою истребляется, а посевы градом. Старцы остригают власы, оплакивая сынов; жены пораженные умирают при родах, или рождают в бегстве: ничто у них твердо быть не может. Но на кого воззришь ты с кроткою милостью, у тех нивы приносят обильные злаки, четвероногие плодятся, богатство умножается, и они не прежде нисходят в могилу, чем по свершении многолетия. Распри, ниспровергающие и самые благоустроенные дома, рода их не касаются; у них невестки и золовки сидят за одним столом. Богиня! в числе сих да будет тот, кто мне друг истинный; да буду, владычица, и я в числе их! Да будет вечно моим попечением пение, в коем был бы воспоминаем брак Латоны, ты многократно, Аполлон, и все твои подвиги; псы, и стрелы, и колесницы, кои тебя достославную поспешно везут, когда возносишься в дом Зевса. Там встречает тебя в преддверии и принимает доспех Гермес Акакесий, а Аполлон — зверя, тобою принесенного. Они делали это и до пришествия храброго Алкида. Ныне Феб сим делом уже не занимается; его место заступил неутомимый бог Тиринфский,

который вечно стоит у дверей, ожидая, не придешь ли ты с тучною снедью. Все боги, а особенно теща его, громко смеются, когда огромного вола или дикого вепря, еще трепещущего, тащит он за ногу заднюю из твоей колесницы, и лукавой речью с важностью так тебя поощряет: «Ты поражай вредных зверей, дабы смертные тебя, подобно мне, нарекли своею защитницею. Оставь ланей и зайцев пастись по горам. Какое зло причиняют лани и зайцы? Вепри нивы, вепри пажити разоряют. Вот волы людям зло великое; поражай и их». Так он молвил и немедля стал разделывать тушу большого зверя. Ибо прожорливость его не утолилась, хотя под Фригийским дубом тело его в божество обратилось, еще свирепствует в утробе его тот же голод, коим томимый, некогда встретился он с пахарем Феодамантом. Между тем Амнисиады отпрягают твоих оленей, моют их и, накосив на лугу Геры скороспелого трилистника, коим питаются кони Зевса, приносят им во множестве; наполняют водою златые корыта, да будет им питие приятно. Сама же идешь в дом отчий; все просят тебя воссесть рядом с собою, но ты садишься около Аполлона.

Когда же Нимфы хором окружают тебя у источников Египетского Инопа, или у Питаны, твоего же владения, или на долинах Лимнийских, или, когда отвергнув обычаи Тавров и оставив Скифию, приходишь в Алы Арафанские, тогда волы мои да не будут возделывать за мзду пашни под чужим пахарем, хотя бы они были Стимфейской породы, девятилетние, крепкорогие, легко рассекающие глубокие борозды; но возвратились бы в хлев с коленами и выями утомленными. Ибо Солнце никогда не проходит сего прекрасного хора, но, останавливая колесницу, взирает на него, а дни продолжаются.

Какой же остров, какая гора наипаче тебе понравилась? Какая гавань? Какой город? Какую Нимфу особенно возлюбила? И какие героини были твоими подругами? Вещай, богиня, мне; я же другим воспою. Из островов Долиха, из городов Перга, из гор Тайгет, из заливов – Еврипа особенно тебе угодны были. Больше же всех возлюбила ты Нимфу Гортинскую, оленей убийцу, меткую Бритомартис, за коей любовью некогда пораженный Минос скитался по горам Критским. Но Нимфа скрывалась то под густоразвесистыми дубами, то в болотах. Он же девять месяцев скитался по горам и стремнинам, и не перестал преследовать ее, пока, почти настигнутая, ринулась

она в море с высокого берега и попала в сети рыбаков, ее спасших. Посему-то Кидоняне Нимфу после нарекли «Диктиной», а гору, с которой она кинулась в море, «Диктейскою»; соорудили ей алтарь и приносят жертвы. Венки в тот день плетут из сосны или масличного дерева; до мирта руки не прикасаются. Ибо, когда Нимфа бежала, миртовый сучок зацепился за одежду, за что на мирт она сильно прогневалась. О Артемида! владычица лепообразная, светоносная! И тебя Критяне называют именем этой Нимфы. Кирена также была твоею подругою; ты некогда даровала ей двух ловчих псов, благодаря которым дщерь Гипсеева одержала победу у могилы Иолка. И белокурую супругу Кефала, сына Дейонова, сделала ты участницею охот своих; прекрасную Антиклею, говорят, любила ты как очи свои. Они первыми стали носить быстрые стрелы и колчаны, всегда с открытым правым плечом и обнаженною грудью. Но больше всех любила ты быстроногую Аталанту, дщерь Иасия Аркадского, и научила ее псовой охоте и искусному стрелометанию. Аталанту, не презренную знаменитыми зверобоями Калидонского вепря; ибо, со знаками победы придя в Аркадию, хранит и ныне клыки сего зверя. Вотще в Аиде Гилей и безумный Рэк, невзирая на их ненависть, желали бы клеветать на искусство ее в стрелометании; им запретят бока их, коих кровь оросила Меналийскую гору.

Приветствую тебя, досточтимая богиня Хитонская, многодомная, многоградая, пришелица Милетская! Тебя Нелей взял в водительницы, когда отправился на кораблях из Кекропии. Богиня Хесийская, Имбрасийская, первопрестольница, тебе Агамемнон посвятил кормило корабля своего в дар, когда ты, оковав ветры, препятствовала кораблям Ахейским плыть для разорения града Тевкров за Елену Рамнусийскую. И Пройт воздвигнул тебе два храма: один под именем «Девопокровительницы» за то, что ты собрала ему дев, скитавшихся на горах Азенийских; другой в Лусах под именем «Кроткой», за укрощение свирепого их духа. Тебе и войнолюбивые Амазонки на бреге Эфеса некогда поставили кумир под буковым древом. Между тем как Гиппо приносила тебе жертву, они, о владычица Упис, прежде вооруженные щитами вокруг алтаря твоего плясали военную пляску, потом, составив великий хор, мерно топали ногами, играя на тонкогласных свирелях (тогда еще не делали их из оленьих костей; то изобретение Афины, пагубное для оленей).

Гул раздался даже в Сардах и в пределах Берекинфа. Они же крепко стучали ногами, и вторили им колчаны. В последующее время около сего кумира сооружен был огромный храм, великолепнее и богаче коего Солнце не узрит никогда; и храм Пифонов он легко превосходит. Некогда дерзновенный и необузданный Лигдамид угрожал расхитить его; для того привел равное песку воинство Киммерийских Гиппомолгов, обитающих у самого пролива телки Инахионы. О безумнейший из царей! Как он обманулся! Ни он, ни иной кто из тех, чьи колесницы тяготили поля на бреге Каистра, не могли возвратиться в Скифию, ибо стрелы твои всегда защищали Эфес.

Досточтимая богиня Мунихия! Богиня заливов Ферея! Приветствую тебя! Да не дерзает никто не чтить Артемиду. Ойнею, презревшему алтарь ее, не успешны были сражения. Да никто не дерзнет соревноваться с нею в охоте на оленей, ни в стрелометании; ибо и Атрид воздал за то немалой мздою. Да не дерзнет кто посягнуть на девственницу; ибо ни От, ни Оарион не праздновали веселого брака; — а также избегать годичного ликования; Гиппо не без рыдания отреклась плясать вокруг ее жертвенника.

Приветствую тебя, богиня великая! Благоволи к песнопевцу.

К ОСТРОВУ ДЕЛОСУ

О Муза! В какое время или когда воспоешь священный остров Делос, Аполлонова воспитателя? Достойны песни все Киклады, сии лежащие в море острова, священнейшие из всех островов; но Делос достоин от Муз первых приношений: он первый омыл, повил и как бога восхвалил Феба, покровителя песнопений.

Как Музы ненавидят певца, не воспевающего Пимплею, так Феб ненавидит того, кто забудет Делос. Делосу принесу нынче в дар пение мое, да Кинфский Аполлон восхвалит меня за внимание к его воспитателю. Делос, не возделанный, ветрами и морскими волнами обуреваемый, больше нырками, нежели людьми посещаемый, утвердился на море, которое, клубясь около его широкими валами, отрясает седую пену воды Икарийской; остров сей служит убежищем лишь морским рыболовам. И не обинуясь можно считать его между первыми, когда остро-

ва собираются к Океану и Тефисе Титаниде, всегда он шествует первым. Финикийский Кирн, также небесславный, шествует за ним следом; равно и Макрина Абантская, жилище Эллопа, и приятная Сардиния, и тот остров, на который Киприда впервые вышла из вод морских и хранит его как первопристанище. Все они ограждены неприступными башнями; а Делос Аполлоном. Которая ограда крепче? Стены и камни от вихрей Борея Стримонского падут: бог же вечно незыблем. Делос возлюбленный! Таковой хранитель тебя защищает!

Но если премногие песни тебя воспевают, какою удивлю я тебя? Что слушать тебе будет угодно? То ли как великий бог, ударив горы трехгранным копьем, скованным ему Тельхинами, отторгнул их от оснований, покатил в море и так создал острова? И все глубоко укоренил среди бездны, чтобы сушу забыли: тебя же принуждение не стесняло, и ты свободно плавал по морю. Старое имя тебе было «Астерия», поскольку, подобно звезде, пала ты с небес в глубокий ров, убегая от брака с Зевсом. И пока не посетила тебя златая Латона, назывался ты Астерией, а не Делосом.

Часто мореходы, плывущие из Трезена, Ксанфского города в Эфиру, видели тебя в Сароникском заливе, а отходя из Эфиры, более уже не видали; ты пробегал через быстрый пролив узкого, с шумом текущего Еврипа, и в тот же день, минуя воды Халкидского моря, приплывал к Афинскому мысу Сунию, или к Хиосу, или к орошаемым водой сосцам острова Парфении (ибо Самос еще не существовал), где Микалийские Нимфы соседнего Анкея тебя угощали. Потом, когда ты сделался местом рождения Аполлона, мореплаватели дали тебе имя новое в награду, ибо не плаваешь более по морю неизвестный, но в волнах Эгейского моря укоренил ты корни свои. Ты не убоялся разгневанной Геры, страшно негодовавшей на всех жен, рождавших чад Зевсу; особенно же на Латону; ибо она единственная должна была родить Зевсу сына, более любимого, чем Арес. Пылая неизреченным гневом, Гера прогнала Латону, терзаемую мучением родов, надзирая сама на небе, а на земле поставила двух соглядатаев. С вершины горы Гемма Фракийского, неукротимый Арес, во всеоружии, бодрствовал над сушею, кони же его паслись в семидомной пещере Борея. А между тем дщерь Фавманта с высоты Миманта следила за широкими островами. Оттуда угрожали они всем градам, к ко-

им приходила Латона, и запрещали принимать ее. Так бежала от нее Аркадия, бежала гора Парфений, посвященная Авге; бежал вспять старец Феней; бежал весь Пелопоннес, с Истмом соседний, кроме Эгиала и Аргоса; Латона не смела к этим местам приблизиться, поскольку реке Инах покровительствует Гера. Бежала единым путем и Аония с Диркой и Строфией, держа за руку отца своего чернопесчаного Исмена. И медленным шагом следовал за ними Асоп; ибо поражен был молнией. Местная нимфа Мелия, изумленная, оставила свои пляски, покрылась бледностью и страшилась за равнолетний дуб, когда увидела, потрясенная, дубравы Геликонские. О! Музы, богини мои! Откройте, действительно ли дубы родились в одно время с Нимфами? Нимфы радуются, когда дождь питает дубы; Нимфы, напротив, плачут, когда дубы лишаются листвы.

Ими разгневанный Аполлон еще в утробе матери изрек, угрожая Фивам: «Фивы! Зачем, несчастные, стараетесь узнать близкую судьбу вашу? Не принуждайте меня пророчить недобровольно. Еще не восседаю на Пифонском треножнике, и *страшный змей еще не погиб; но брадатое чудовище* ползет на берегах Плейста и девять раз кольцами своими обвивает снежный Парнас. Но все же скажу сегодня нечто яснее, чем от лавра: бегите скорее, скоро настигну я вас, омыв кровью лук мой; будете пестовать потомство злоязычной жены. Но ни вы, ни Киферон не будете моим восприемником. Свят я и святым вверяю себя!»

Так он сказал; и Латона снова в блужданья пустилась. Но когда отвергли ее Ахейские города, Гелика, возлюбленная Посейдона, и Бура, загон для волов Дексамена Ойкиадова сына, она направила стопы к Фессалии. Но и Анавр убежал, и великая Лариса, и холмы Хироновы; потек и Пеней, извиваясь по Темпейской долине. Твое же сердце, о Гера, и тогда было непреклонно. Не подвигнулась ты на милосердие, когда Латона, воздев в моленье руки, напрасно воскликнула так:

«Нимфы Фессалийские, дщери реки! Просите отца, да укротит он волны великие; умолите его, да позволит в водах своих родить чадо Зевса. Пеней Фтийский! Зачем ныне с ветрами состязаешься? О! отче! Ты не на коне ристалищном восседаешь. Ужели ноги твои всегда так скоротечны? Или только из-за меня они сделались быстрыми? И сегодня ты вдруг окрылился? Но он не внемлет. О бремя! Куда понесу тебя? Тело

мое изнемогает. Пелион, о брачный чертог Филиры! Хоть ты остановись, остановись! На холмах твоих и львицы нередко выводили лютых чад».

Пеней, проливая слезы, ответствовал ей: «Латона! Нужда — великая богиня. Я не отказываю, бессмертная, родить тебе у меня; знаю, что и другие родильницы омывались в водах моих. Но Гера страшно мне угрожает. Ты посмотри, какой страж с высокой горы меня соглядает; единым ударом истребит он меня. Что предприму? Ужели угодно тебе, чтобы Пеней погиб? Но да будет день сей роковым. Пострадаю ради тебя, хотя бы навеки иссякли потоки мои и я один из всех рек остался бы самым презренным. Готов я; зачем медлить? Зови Илифию!»

Молвил так и удержал быстрое свое течение. Но Арес поднял отторгнутые от Пангея скалы, угрожая ввергнуть их в пучину Пенея и завалить его течение. Зашумел он с высот и ударил острием копья в щит, издавая звук бранный. Огласились звоном холмы Оссы, и долина Краннона, и холодные уступы Пинда; ведь вся внутренность сотрясается, когда на другой бок подземный исполин Бриарей повернется, горны содрогаются под Гефестовыми клещами и вся его кузня; страшный гул раздается от сотворенных в огне жаровень и треножников, один на другого падающих — такой звук раздался тогда от круглого щита. Но Пеней остался тверд и неподвижен попрежнему, и быстрые потоки свои остановил, пока Лето не сказала ему: «Прости и спасайся! Спасайся, да не потерпишь бедствия из-за меня; а за сострадание же твое будет тебе благодарность».

Молвила так и, хотя уже утомленная, пошла к островам; но ни один из них не принял ее: ни Эхинады, приют благонадежный для кораблей, ни Керкира, любившая гостей. Ведь Ирида, угрожая с высот Миманта, запрещала на то соглашаться, и все они, устрашенные, при приближении Латоны разбегались по морю. После Латона пришла к древнему острову Косу, жилищу Меропову, священному убежищу героини Халкиопы; но ее удержала такая речь сына: «О! мать! Не рождай меня здесь; не гнушаюсь и не презираю я этот остров; он тучен и обилен больше других: но судьбами определен ему другой бог, из славного племени Спасителей, под диадему которого, добровольно желая повиноваться Македонянину, придут сухопутные земли, и те земли, что омываются морем, от запада

вплоть до той страны, откуда быстрые кони Солнце вывозят. Он наследует нрав отца. Некогда будет у нас общая брань, когда потомки Титанов, подняв против Эллинов варварский кинжал и Кельтское оружие, от отдаленнейшего запада ринутся, подобные снегам, или равночисленные звездам, в ясном небе блуждающим. [...] Твердыни и веси Локров и Делфийские скалы и Крисейские долины и города на суше повсюду восстенают. Не по единому слуху узнают о неприятеле; но узрят тучный плод на нивах соседних горящим; и окрест самого моего храма видны будут фаланги врагов, близ самых треножников моих засверкают мечи, бесстыдные перевязи и ненавистные щиты, после безумному племени Галатов пагубный путь уготовят. Ведь немалая часть их будет приношением мне; другие на берегах Нила, увидев носивших оружие погибающими в огне, достанутся в награду царю, доблестно подвизавшемуся. Это, Птолемей, тебе прорицаю; и ты некогда во все дни превозносить будешь провидца, еще во чреве ныне сущего. Ты же, о мать, внемли: есть в волнах заметный, но маленький остров, блуждающий по морям; не имеет корней в едином месте, но, подобно асфодели, по произволу то Нота, то Евра плавает по волнам морским. Туда отнеси меня; остров сей охотно примет тебя».

Так вещал Аполлон, между тем разбегались по морю и прочие острова. А ты, песнелюбивая Астерия, незадолго пред тем оставив Евбею, шла повидать круглые Киклады и влекла еще за собой Герэстийскую водоросль. Остановилась и, соболезнуя о Латоне, всю водоросль сожгла; воспылала гневом, увидев несчастную, в тяжком недуге Латону, и провещала Гере: «Гера! Делай со мной, что хочешь; но я преступила угрозы твои. Приди, приди ко мне, Латона!» – говорила ты.

Она же после стольких блужданий со словом этим успокаивается. Села у потока Инопского, который становится очень глубоким, когда Нил разольется, ниспадая от Эфиопских порогов. Разрешила пояс и уперлась плечами о пальму, терзаемая тяжкою болью и обливаясь потом. Лишившись почти чувств, сказала: «Зачем, чадо, мать изнуряешь? Вот, о возлюбленный! Остров твой, плавающий по морю! Родись, родись, сын мой! И выйди из утробы без мучений».

Но и ты, лютая супруга Зевса, недолго в неведении оставалась; скоро пришла к тебе вестница и рекла задыхаясь; в стра-

хе же слова растворялись: «Гера досточтимая, первейшая из богинь! Я твоя и все мы твои; ты владычествуешь над вселенною, единокровная с Олимпом и никого из жен не боимся мы, кроме тебя. Узнай, царица, причину гнева твоего. Латона развязала пояс на некоем острове. Все прочие отвергали и не принимали ее; только Астерия по имени позвала ее, приближающуюся; Астерия, подлое отребье моря: ты знаешь и сама. Отмсти за нас, тебе то возможно, отмсти за твоих рабов, которые по велению твоему обходят землю».

Сказала и у подножия златого престола воссела, подобно собаке Артемидиной, которая после быстрой охоты, сидит у ног богини, с прямо поднятыми ушами, непрерывно внимая ее голосу. Ей подобная дщерь Фавманта села у трона. Она не забывает долга своего и тогда, когда сон простирает над ней крылья забвения; но у самого основания великого трона, опустив голову и притуляясь, почивает. Никогда не снимает пояса, ни скорых сандалий, опасаясь, да не повелит что-либо владычица внезапно. Но Гера в скорбном негодовании промолвила: «Так-то, бесстыдные любимицы Зевесовы, отныне скрывайте прелюбодеяния и рождайте тайно не там, где бедные рабыни мучатся трудными родами, но где рождают морские тюлени, в пустынных пещерах. Впрочем, я не гневаюсь на Астерию за ее преступление; она не будет наказана мною так, как бы надлежало за неуместно оказанное сострадание к Латоне: напротив, я много благодарна ей, что никогда ложа моего не мяла и Зевсу предпочла море».

Так изрекла. Между тем лебеди, сладкогласные певцы бога, оставив Меонийский Пактол, семь раз облетели Делос, и сии птицы Муз, самые сладкогласные из пернатых, воспели рождение. Вот потому рожденный после столько же струн натянул на лиру, сколько раз лебеди огласили рождение. В восьмой раз они петь еще не начали, как младенец родился. Делосские Нимфы, дщери древней реки, запели священную песнь Илифии, и вдруг медяный эфир откликнулся на громогласное пение. Даже Гера гневаться перестала, Зевс укротил ее гнев. О! Делос, тогда вся твоя почва стала златою, круглое озеро весь день текло златыми водами; златом украсилась ветвь оливы родимой, златом волновался глубокий Иноп. Ты сам поднял младенца с златой земли, положил к персям и так вещал:

«О! Великая, многохрамная, многоградая, многоплодная! Тучные тверди и вы, острова, их окружающие! Я остров бес-

плодный, но Аполлон наречется от меня Делийским, и никакая земля не будет столь любима своим богом, как я. Ни Керхнида Лехейским владыкой Посейдоном, ни гора Килленская Гермесом, ни Крит Зевсом, как я Аполлоном, и уже блуждать я не буду». Так сказал ты, а младенец уже сосал сладостную грудь.

С того времени зовешься ты священнейшим из островов, воспитатель Аполлона! Ни Энио, ни Аид, ни кони Ареса на тебя не вступают, но ежегодно присылаются тебе первенцы и десятины плодов. Все грады, на востоке, на западе и на юге утвердившиеся, и самое древнее племя, обитающее на берегах северных, все тебе поклоняются; последний сей народ прежде всех, даже издалека, приносит священные колосья и снопы, кои прежде всех в Додоне принимают пелазги, служители неумолкающей меди; затем идут в Священный Град и к горам Малийской земли; оттуда переплывают к Абантам в прекрасную долину Лилантскую, откуда недалеко уже плавание и до тебя, ведь ты по соседству с Евбеей. Дары эти от белокудрых Аримаспов первыми принесли тебе дщери Борея Упис, Локсо и счастливая Гекаерга, вместе с юношами, из всех тогда самыми прекрасными; но никто из них не вернулся в отчизну. Участь их стала блаженною, а слава неумирающей. Даже когда доброгласный Гименей устрашает брачное ложе дев, тогда Делосские девы этим пришельцам приносят первенцы своих волос, а юноши пушок, впервые обритый с ланит их.

Благовонная Астерия! Острова окружили тебя со всех сторон и как бы хор вокруг тебя составили. Кудрявый Геспер никогда не видит тебя безмолвной и бесшумной, но ты всегда оглашаешься звоном. Юноши припевают песнь Ликийского старца, принесенную тебе от Ксанфа прорицателем Оленом; а юные девы ударяют стопами о неколебимую землю. Тогда украшается венками знаменитый кумир, посвященный некогда древней Киприде Тезеем с юношами, поставленный при отправлении их с Крита. Они, избегнув страшного рева и злого сына Пасифаи и запутанного Лабиринта, вокруг твоего, богиня, алтаря под звук кифары плясали, и хоровод вел сам Тезей. С той поры потомки Кекроповы посылают Фебу вечнохранимые снасти священного корабля.

Астерия многохрамная, многомолимая, какой мореход, плывя по Эгейскому морю на быстроходном корабле, пройдет мимо тебя? Сколь бы ни благоприятные дули ветры и сколь бы

ни была крайняя нужда скорее плыть дальше, но они немедленно спускают паруса и не прежде тронутся дальше, чем с завязанными назад руками обойдут твой жертвенник, розгами ударяемые, и укусят святой пень оливы в память пилы, изобретенной некогда Делосской Нимфою для забавы и утехи младенца Аполлона.

О божественный очаг островов, Делос! Приветствую тебя, приветствую и Аполлона, и рожденную Латоной.

НА ОМОВЕНИЕ ПАЛЛАДЫ

Прислужницы Палладины! Выходите все, выходите! Уже слышу ржание священных коней, и богиня шествует в благолепии. В путь, белокурые дщери Пеласгов, в путь! Никогда Афина не омывала могучих рук своих прежде, чем смыть грязь с боков коней; даже тогда, когда вернулась от строптивых гигантов, неся оружие, обагренное кровью, но прежде, отрешив от колесницы коней, омыла в волных Океана пот каплющий и удалила сгустившуюся пену от пастей грызущих удила. Идите, девы ахейские, но ни мира, ни алавастров (слышу уже: скрипят оси!), не мира, ни алавастров Палладе (не любит она смешенных умащений), ни зеркало ей не несите, вид ее вечно прекрасен. Даже когда Фригиец судил спор на горе Иде, великая богиня и тогда не посмотрела ни в желтую медь, ни в прозрачную пучину Симоиса; также и Гера. Только Киприда, часто смотря в лучезарную медь, дважды сменила власы. Паллада же меж тем уже дважды по шестьдесят пробежала, подобно Лаконским светилам, что при Евроте свой бег совершают; искусно умастилась чистым елеем, от собственного древа ее истекающим. О девы! Румянец разлился по ее ланитам, подобный утренней розе или цвету зерна граната. Так и теперь несите ей только елей, коим Кастор и Геракл умащались; несите ей и гребень златой, да расчешет власы и заплетет блестящую косу. Выйди, Афина! Вокруг тебя вожделенный хор дев, дщерей великих Арестонидов. О Афина! Вот несут пред тобой и щит Диомедов, по древнему обычаю у Аргивян, введенному Евмедом, любезным жрецом твоим, который, некогда узнав о желании племени своего, уготовившем ему смерть, бежал со священным кумиром твоим на Крейскую гору; тебя же, богиня, поставил в ущельях, именующихся и поныне Пал-

латидами. Выйди, Афина, градодержица, златошлемная, веселящаяся топотом коней и звоном оружия. В этот день, водоносицы, не черпайте воды из реки; в день сей Аргосцы пейте из источников, не из реки; в этот день, рабыни, идите с сосудами к ключу или Фисадии, или Амимоны Данаевой. Ибо Инах, смешав воду свою со златом и цветами, течет с плодоносных гор для прекрасного омовения Паллады. Но ты, Пеласгиец, страшись узреть госпожу даже против желания своего; кто узрит градодержицу Палладу нагую, тот в последний раз видит Аргос. Божественная Афина! Выйди из храма! А я между тем юным девам спою песнь, не свою, но других. Девы! Некогда Афина любила Фиванскую Нимфу, матерь Тиресия, предпочитая ее другим подругам и никогда с ней не расставалась. Часто богиня восседала с ней в колеснице, когда направляла коней к древним полям Феспийским или в Короней, где у нее благовонная дубрава и алтарь у реки Куралии. Или к Галиарту, проходя чрез поля Беотийские; ни сладостные беседы Нимф, ни хороводы не совершались без Харикло. Но и ей многие слезы пришлось узнать; хотя была Афине самой любезной подругой. Ибо однажды расстегнув пряжки одежд, мылись они в водах чистой Геликонской Иппокрены; тогда на горе царствовала полуденная тишина. Только Тиресий, у которого борода едва только начинала опушаться, скитался по этим священным местам со своими псами, томясь нестерпимою жаждою, пришел, несчастный, к ручью и невольно узрел запретное. Афина, разгневавшись, вопросила его: «Сын Эвера! Какой демон тебя, отныне лишающегося очей, наставил на сей путь злополучный?» Только сказала, и очи юноши ночь покрыла; он остался безмолвен; ужас сковал колени, и изумление голос пресекло. Тогда Нимфа возопила: «Богиня! Что ты сделала с сыном моим? Такова, богини, дружба ваша! Ты сына моего лишила зрения. Несчастное чадо! Ты узрел грудь и плечи Афины, но уже не увидишь никогда солнца. О я несчастная! О! Геликон! Отныне навсегда ты мною оставлен! С избытком воздаешь ты за малое: нескольких ланей и диких коз отдав, получаешь очи отрока». И мать, заключив в объятия любимого сына, оплакивала, подобно соловьям, горькую участь его. Но богиня сжалилась над подругою и так ей сказала: «О, жена! Отрекись от всего, что во гневе сказала. Не я сделала сына твоего слепым; Афина не находит удоволь-

ствия в похищении у детей зрения. Но закон Кронов гласит: кто узрит кого-либо из бессмертных без согласия на то самого бога, тот воздаст за это мздою великою. О, Жена почтенная! Утрата невозвратна; верно, к тому вили нити Парки, когда ты его еще только родила. Неси с терпением, о сын Эвера! грядущую судьбу. Сколько пожелает принести жертв дщерь Кадмова; сколько Аристей, умоляя единого юного сына своего Актеона увидеть хотя бы слепым! Он будет спутником Артемиды великой; но ни странствия вместе, ни общие с ней по горам охоты не спасут его, когда против воли своей он увидит прелестное омовение богини; свои псы растерзают господина, и мать, обходя все дубравы, соберет кости сына. И счастливейшею и блаженною назовет тебя, что ты получила в горах сына всего лишь слепым. О! Возлюбленная! Не сетуй; ему многие ради тебя другие щедроты будут от меня ниспосланы; я сотворю его пророком превыше и славнее прочих; он по полету птиц будет знать счастливые, несчастные и безвредные предзнаменования; многие прорицания даст он Беотийцам, Кадму и знаменитым Лабдакидам; дам ему жезл великий, направляющий шаги его верно; дам жизни его век многолетний, и он один, после смерти своей, чтимый будет между тенями усопших и почтен будет царем Агесилаем». Сказав это, Паллада главою кивнула, неложный знак ее благоволения: Зевс ей, одной из дочерей своих, даровал все привилегии своего могущества. Прислужницы! Ведь богиня эта не от матери рождена, но из главы Зевса. Глава же Зевса не кивнет лживо... так и дщерь Зевсова никогда напрасно не кивала. Афина едет сюда подлинно. Примите, девы, богиню, если Аргос вам любезен, с благоговением, мольбами и возглашением. Приветствую тебя, богиня! Спаси Аргос Инахийский. Приветствую и приходящую, и когда опять вспять коней направишь, и сохрани все достояние Данайцев!

К ДЕМЕТРЕ

Кошнице выносимой восклицайте, жены: «Приветствуем тебя, Деметра, благодатная, многоплодная! На выносимую кошницу смотрите с земли, а с крыши или с другой высоты не смотрите ни отрок, ни жена, ни та, что власы распустила. Геспер

сверкнул из облаков, когда же ты выйдешь, Геспер, ты, который один убедил Деметру утолить жажду, когда она искала следы похищенной дочери. Богиня! Как могли нести тебя ноги в странствиях твоих вплоть до западных пределов, даже к эфиопам и туда, где растут золотые яблоки? Не пила, не ела все это время, даже не умывалась. Трижды ты перешла серебряный Ахелой, столько же раз каждую из великих рек, трижды садилась на землю у источника Каллихора, голодная, томимая жаждой, даже не умывшись. Но не станем воспоминать о том, как слезы проливала Деметра. Поведаем лучше, как даровала она благодатные законы; скажем, как первая научила жатве, делать священные снопы и заставляла волов вминать их ногами, когда Триптолем учился благому искусству. Лучше припомним, как (для удержания других от преступлений) несчастного сына Триопова наказала голодом.

Пеласги в Книде еще не жили, но в священном Дотии они посвятили тебе прекрасную рощу; сквозь густые деревья посаженные едва стреле было пробиться. Там сосна, там высокие вязы, возвышались груши, прекрасные яблоки созревали и из родника пробивалась вода, янтарю подобная. Богиня любила это место наравне с Элевсином, Триопом и Энной. Но когда благотворный дух прогневался на чад Триоповых, внезапно Эрисихтон обольстился злым предприятием. Пошел с двадцатью служителями, которые все были в цветущих летах, все как великаны (которые могли поднять целый город), вооружив их бердышами и секирами. Дерзновенные быстро устремились к роще Деметры, где рос тополь, дерево высокое, до эфира доходившее, под ним Нимфы в полдень играли. Первым раньше всех то дерево застенало и тем подало печальный знак другим. Почувствовала Деметра, что священное дерево ее страждет, и, разгневанная, сказала: «Кто рубит деревья мои прекрасные?» И в тот же миг превратилась в Никиппу, которую город поставил ей общенародной жрицей, взяла венки и мак в руки, положила на плечи ключ и кротко сказала злочинному и бесстыдному смертному: «Чадо! Зачем рубишь деревья, богам посвященные, чадо! удержись; чадо, много любезное родителям, перестань и удержи служителей, да не прогневается на тебя богиня Деметра, святыню которой ты разоряешь». Но он воззрился на нее свирепее, чем на Тмарийских горах смотрит на человека страждущая в родах львица (взор которой,

говорят, бывает лютейшим). «Уйди, – сказал, – чтоб не пронзил я тело твое моею секирой. Из этих деревьев сооружу я себе чертоги, в которых беспрестанно устраивать буду друзьям своим веселые пиршества». Кончил юноша речь. Немезида же нечестивую речь записала. Деметра неизреченно разгневалась и опять приняла образ богини. Стопы ее касались земли, а голова – Олимпа. Увидев богиню, служители полумертвые убежали, оставив секиры в дубах. Богиня их пощадила (ведь по принуждению исполняли они волю господина); а дерзкому хозяину сказала: «Так, хорошо, бесстыдный пес! Сооружай чертоги для пиршеств; будешь ты часто праздновать!» Только она так сказала и Эрисихтону казнь устроила. В тот же миг наслала ему тяжкий, жестокий, ненасытный, нестерпимый голод, от ужасного мучения которым неприметно он истощался. Несчастный сколько вкушал, тем больше есть хотел. Двадцать слуг готовили еду ему, двенадцать вино подносили: ибо Дионису оскорбление было одинаково с оскорблением Деметре; на него вместе с Деметрою прогневался и Дионис.

Родители от стыда не смели посылать его ни в гости, ни на пиршества и всякие предлоги тому находили. Пришли сыны Ормена звать его на игры Афины Итонской, мать им в том отказала: «Эрисихтона нет дома; вчера отправился в Краннон, чтоб возвратить сто быков, вверенных пастухам». Пришла Поликсо, мать Акториона (она готовила свадьбу сыну) пригласить Триопа с сыном. Но печальная мать, проливая слезы, отвечала ей: «Триоп придет к тебе, а Эрисихтона же ранил вепрь в долине Пинда, отчего лежит он уже девять дней». Несчастная чадолюбивая мать! Чего ты только не выдумывала? Приглашал ли кто на пир – «Эрисихтон отлучился из дому». Свадьбу ли кто устраивал – «Эрисихтон ушиблен диском, или упал с коня, или считает в Отри стада». Он же, укрывшись дома, весь день с утра и до вечера все пожирал; но лихой желудок только больше все требовал, и все бесполезные яства погружались как будто в пучину морскую. Таял он, как снег на Миманте, как воск на солнце, и еще того больше, пока не остались у несчастного одни жилы да кости. Рыдала мать, тяжко стенали две сестры, кормилица, его воспитавшая, и десять прислужниц. Сам Триоп, подняв руки к седой голове, громко взывал к невнимавшему Посейдону: «О, лжеотец, воззри на это третье твое колено, если я сын твой от Канаки Эолий-

ской: ведь злополучному чаду сему я жизнь даровал. О, если б руки мои погребли его, пораженного Аполлоном! Не пожирал бы его теперь лютый голод. Или отврати от него тяжелый недуг, или сам питай его; запасы мои уже истощились, конюшни опустели, в хлевах моих уже нет скота; уже и повара отреклись. И месков моих отпрягли уже от колесниц; пожрал он и корову, что мать кормила для Гестии, и боевого коня, и даже кота, которого боялись малые звери!»

Пока все оставалось в доме Триопа, об этом бедствии известно было лишь стенам домашним; но когда зубы ненасытные опустошили все, с того времени царский сын сел на перекрестке дорог, прося в подаяние крупиц, от стола чужих.

Деметра! Да не будет мне другом, ни соседом моим, кто противен тебе; нечестивые ближние мне несносны.

Молвите, девы, и поддержите, жены: «Приветствуем тебя, Деметра благодатная, многоплодная». Как четыре белые мастью коня провозят кошницу, так великая, царящая повсюду богиня да пошлет к нам и принесет светлую весну, светлое лето, а также зиму и осень, сохранив обилие на другой год. И как мы, ног не обув и волос не связав, шествуем по граду, так ноги, так головы да будут у нас невредимы. Как кошниценосицы несут ныне златом наполненные кошницы, так и мы да будем обладать золотом в изобилии.

Жены, не посвященные в эти таинства! Идите только до Пританея городского; не достигшие еще шестидесяти лет, следуйте до самой святыни; старше кто или кто простирает руку к Илифии, или недугом каким одержимые, идите до тех пор, пока ноги вам служат. И вас богиня одарит полною мерой, как будто до самого храма вы шли. Приветствую тебя! Деметра, сохрани город этот в согласии и изобилии и с полей принеси обильный урожай. Сохрани скот, дай яблокам сок, хлебу — зрелость, тучную жатву, сохрани мир, пусть кто пахал, тот и пожнет.

Список сокращений

Aelian. – Aelianus.
De nat. an. – De natura animalium.
Var. hist. – Variae historiae.

Aesch. – Aeschylus.
Eum. – Eumenides.
Pers. – Persae.

Ant. Pal.; A.P. – Epigrammatum Anthologia Palatina.

Apoll. Rhod. – Apollonii Rhodii Argonautica.

Arat. Phaen. – Arati Phaenomena.

Arist. – Aristoteles
Hist. anim. – De animalibus historia.
Ath. Pol. – Politika.

Aristoph. – Aristophanis comoediae:
Av. – Aves.
Lys. – Lysistrata.
Plut. – Plutus.
Ran. – Ranae.

Apollod. – Apollodori Bibliotheca.

Arrian. – Arriani Anabasis.

Athen. – Athenaei Deipnosophistae.

Aul Gell N.A. – Auli Gelli Noctes Atticae.

Call. – Callimachus.
Hymn. – Hymni (I – VI).
Ep.; Epigr. – Epigrammata.
Aet. – Aitia.
fr., frg. – fragmentum.

Catull. – Catulli Veronensis liber.

Cic. – Cicero Marcus Tullius.
Tusc. disp. – Tusculanae disputationes.
De nat. deor. – De natura deorum.
De orat. – De oratore.
Ad Att. – Epistulae ad Atticum.

Clem. Alex. – Clemens Alexandrinus.
Protr. – Protrepticus.
Strom. – Stromateis.

Diod. – Diodori bibliotheca historica.

Diog. Laert. – Diogenis Laaertii De clarorum philosophorum vitis etc.

Eratosth. – Eratosthenes.

Etym. Magn. – Etymologicum Magnum.

Eur. – Euripides.
Cycl. – Cyclops.
Ion – Ion.
Phoen. – Phoenissae.

Eust. – Eustathii commentarii ad Homeri Iliadem et Odysseam.

Herod. – Herodoti historiarum libri IX.

Hesiod – Hesiodi Opera:
Opp. – Opera et dies
Theog. – Theogonia

Hesych. – Hesychii Alexandrini Lexicon.

Hom. – Homeri opera:
Il. – Ilias.
Od. – Odyssey.

Horat. – Horatius.
Epist. – Epistulae.

Hyg. Fab. – Hygini fabulae.

Hymn. Hom. – Hymni Homerici:
Ap. – Ad Apollinem.
Ven. – Ad Venerem.
Cer. – Ad Cererem.

Luc. – Lucianus.
De conscrib. hist. – Quomodo historia conscribenda sit.
Alex. – Alexander.

Lycoph. – Lycophronus.
Alex. – Alexandra.

Martial. – Martialis Spectacula.

Nonn. – Nonni Panopolitani Dionisiacorum libri XLVIII.

Ovid. Met. – Ovidii Nasonis Metamorphoses.

Pap. Oxy. – Oxyrhynchus Papyri.

Paus. – Pausanii Graeciae descriptio.

Phot. – Photii Bibliotheca.

Pind. – Pindari carmina:
Ol. – Olympiaca.
Pyth. – Pythica.
Nem. – Nemea.

Plat. – Plato.
Phaed. – Phaedo.
Leg. – Leges.
Rep. – Respublica.

Plin. – Plinii Historiae naturalis libri XXXVII.
Plut. – Plutarchus.
Mor. De Pyth. orac. – Moralia: De Pythiae oraculis.
Vit. Alc. – Vitae Parallelae: Alcibiades.

Procl. – Procli in Timaeum commentarii.

Quint. – Quintiliani institutio oratoria.

Schol. – Scholia

Serv. Verg. Aen. – Servii Grammatici qui feruntur in Vergilii Aeneidos libros commntarii.

Steph. Byz. – Stephani Byzantii (Byzantini) Ethnica.

Strab. – Strabonis Geographica.

Suid. – Suidae Lexicon.

Tac. Hist. – Taciti Historia.

Theocr. Id. – Theocriti Bucolici graeci.

Thucid. – Thucydides.

Tzetz – Tzetzes.
Chil. – Historiarum variarum Chiliades.

Verg. Catalept. – Vergilii Maronis Catalepton.

Vitruv. De Arch. – Vitruvius De Architectura.

Xenoph. De venat. – Xenophontis scripta minora. De venatione.

ВДИ – журнал «Вестник древней истории». М. (с 1937).

ГЛК Ю. А. Шичалина – Издательство «Греко-латинский кабинет» Ю. А. Шичалина. М.

Ж. М. Н. П. – Журнал Министерства народного просвещения. СПб – Пг.

P. W. R. E. – A. Pauly, G. Wissowa and W. Kroll. Real-Encyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft (1893-1980).

ИЛЛЮСТРАЦИИ

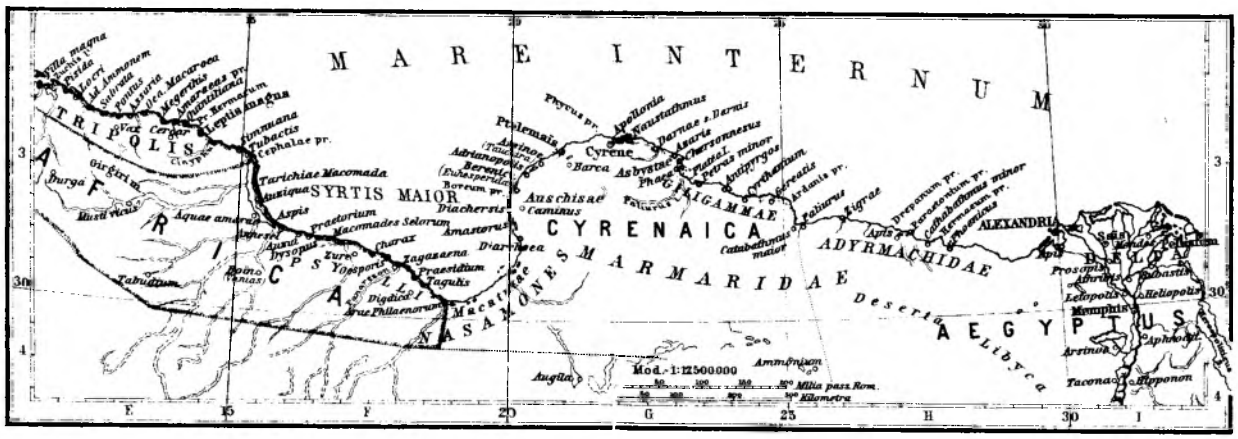


Рис. 1. Карта северного побережья Африки. Древняя Киренаика. (Глава 1. Кирена)

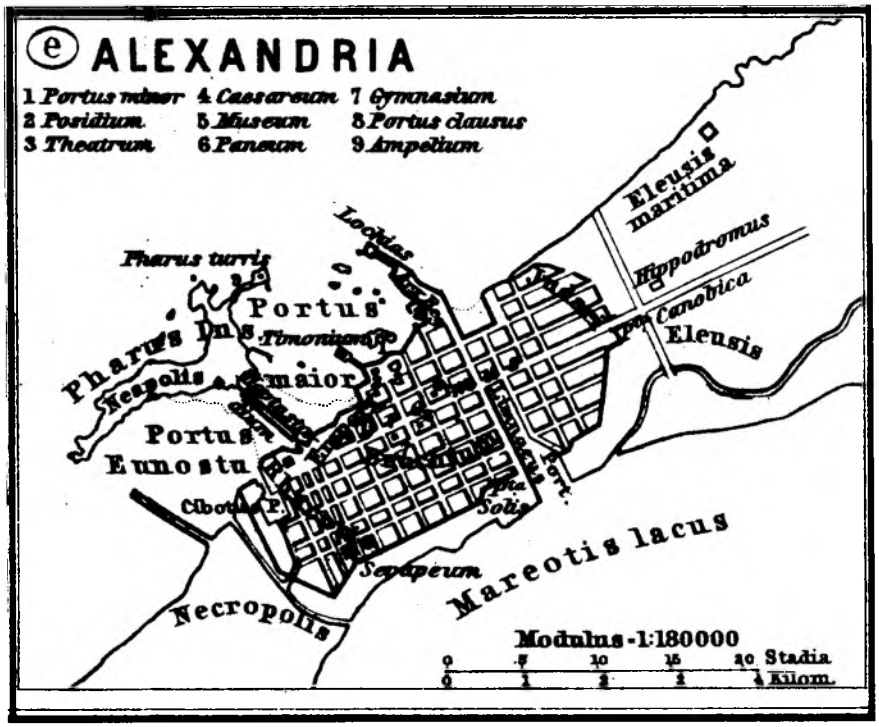


Рис. 2. Предполагаемый план древней Александрии. (Глава 1. Александрия)

Рис. 3. Бронзовый бюст. Флоренция, Археологический музей. Предположительно Каллимах. (Введение)

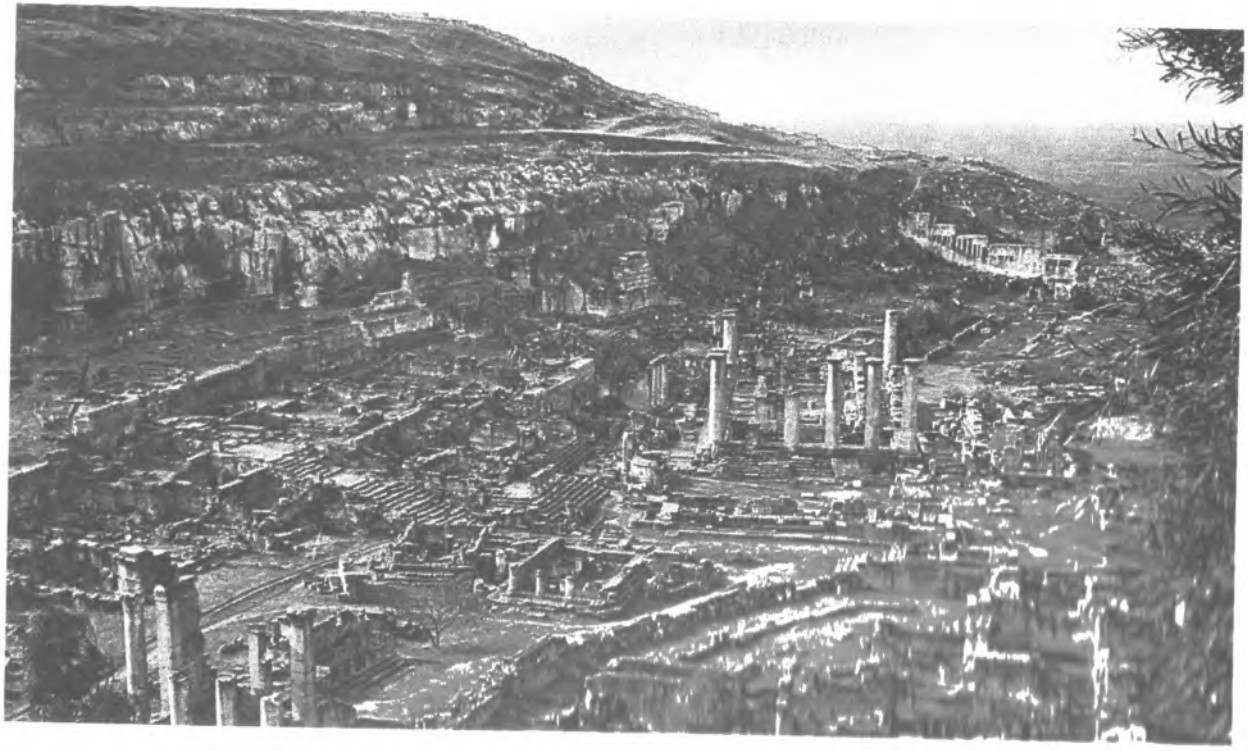


Рис. 4. Развалины храма Аполлона в районе древнего Коринфа (Греция)

Валентина Петровна Завьялова

КАЛЛИМАХ И ЕГО ГИМНЫ

Научный редактор А. Ф. Никитинский
Верстка Е. В. Тихонов

Подписано в печать 17.07.09.
Тираж 700 экз. Заказ 1120

Издательство «Греко-латинский кабинет»
Ю. А. Шичалина
e-mail: museumgl@rambler.ru
http://www.mgl.ru

Отпечатано в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6